

ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

с середины XIX века
до 1917 года

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

**ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**
с середины XIX века
до 1917 года



Москва
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
1997

ББК 72.3
И90

Редакционная коллегия
А.А.ВИГАСИН, А.Н.ХОЖЛОВ, П.М.ШАСТИТКО

Редактор издательства
А.А.КОЖУХОВСКАЯ

История отечественного востоковедения с середины XIX
И90 века до 1917 года. — М.: Издательская фирма «Восточная
литература» РАН, 1997. — 536 с.
ISBN 5-02-017791

В книге дана широкая панорама состояния российской ориенталистики в пору ее расцвета. Впервые в едином комплексе сосредоточены практически все сведения об изучении Востока в России в те годы. В самостоятельной главе рассматривается вклад дипломатического и военного ведомств в развитие востоковедения. На большом архивном (особенно в гл. 4 и 5) и опубликованном материале показаны основные этапы становления отдельных отраслей отечественной ориенталистики. Книгу завершает обширная библиография на русском и иностранных языках.

ББК 72.3

Научное издание

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
С СЕРЕДИНЫ XIX века до 1917 года**

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор А.А.Кожуховская. Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор О.В.Аредова. Корректоры И.Г.Ким, И.И.Чернышева
Компьютерный набор Г.С.Горюнова. Компьютерная верстка М.П.Горшенкова

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94

Сдано в набор 22.07.96. Подписано к печати 07.04.97

Формат 60×90^{1/16}. Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл.п.л. 33,5
Усл.кр.-отт. 33,5. Уч.-изд.л. 34,8. Тираж 1000 экз. Изд № 7399. Зак 1629 „С”—1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

2-я типография РАН
121099, Шубинский пер., 6

© Институт востоковедения РАН, 1997
© Издательская фирма «Восточная
литература» РАН, 1997

ISBN 5-02-017791

Пожелаем, чтобы юное поколение продолжало с честью труды и знания своих предшественников и чтобы почетный ряд русских ориенталистов умножался новыми деятелями.

И.Н. Березин

ВВЕДЕНИЕ

В политике европейских держав второй половины XIX — начала XX в. странам Востока уделялось огромное внимание. Это была эпоха широкой колониальной экспансии в Азии и Африке. Капитализм активно осваивал ранее покоренные территории, и прежде всего в Британской Индии, закреплял свои позиции на Ближнем Востоке, проникал в районы Дальнего Востока.

В борьбе за раздел мира принимала участие и Россия. В 60—70-х годах области Средней Азии либо были непосредственно включены в состав империи, либо попали под ее протекторат. На присоединенные земли хлынул поток русских переселенцев, благодаря чему укреплялись экономические связи с метрополией, усиливалось ее культурное влияние. Россия стремилась развить достигнутые успехи, чтобы играть важную роль в судьбах государств Центральной Азии.

На рубеже XIX—XX столетий активизировалась дальневосточная политика царского правительства. Была построена Китайско-Восточная железная дорога и заключен договор об аренде Ляодунского полуострова. Появились контакты и с самыми отдаленными государствами Юго-Восточной Азии.

Колониальные империи, такие, как Англия и Россия, заключали договоры, определявшие их сферы влияния. Под угрозой распада и потери независимости оказывались Турция, Иран и Китай. Наконец, русско-японская война продемонстрировала появление новой могучей державы на Дальнем Востоке.

Экономические и политические успехи стран Запада оказали значительное воздействие на развитие колониальных и зависимых стран Азии. Они стимулировали реформы и в тех государствах, которые сохраняли политический суверенитет. Строительство железных дорог, развитие промышленности и капиталистического предпринимательства способствовали ломке социальных структур, формированию местной буржуазии. Ее выразителем могла стать национальная интеллигенция, получавшая западное образование. Рубеж двух веков — время пробуждения

Азии, начала мощных народных движений, освободительной борьбы и грандиозных социальных катаклизмов.

В европейской ориенталистике указанного периода углублялся интерес к актуальным событиям современности. Романтика уступала место трезвому, прагматическому подходу. Широкий размах археологических исследований изменил отношение и к Древнему Востоку. Последний перестал восприниматься лишь сквозь призму ветхозаветных преданий и сообщений античных авторов. Удалось открыть такие культуры, о которых даже греки не имели никакого представления. Их история могла быть реконструирована по дешифрованным памятникам древневосточной письменности.

Героический период в истории науки, когда отдельные ученые могли заниматься всем Востоком, завершился. Новая эпоха требовала специализации по отдельным странам. Все реже удавалось сочетать профессионализм в различных областях знания — лингвистике и литературоведении, истории и философии, географии, этнографии, искусствознании. Вычленение этих дисциплин как вполне самостоятельных постепенно приводило к изменению самого места востоковедения в комплексе научных знаний. Сама методика исследования в ориенталистике складывалась под значительным воздействием результатов, уже полученных коллегами-«западниками». Но в конце XIX — начале XX в. и в востоковедении понемногу утверждаются принципы критического анализа источников, систематического ведения археологических раскопок, научного описания и публикации памятников. Одна за другой области знания о Востоке освобождались от дилетантизма.

Знакомство с древней культурой стран Азии к началу нынешнего столетия становилось все более широким. Восток переставал быть чистой экзотикой. Кризис европоцентристской картины исторического процесса создавал возможность непредвзятого отношения к иным цивилизациям. Востоковедение вносило немаловажный вклад в это расширение культурного горизонта современных стран Запада.

В написании монографии принимали участие следующие авторы: Введение и Заключение — А.А. Вигасин и П.М. Шаститко; гл. 1 — А.П. Базиянц, А.Д. Дридзо, Н.А. Мазитова, Н.Н. Назирова, В.И. Соловьев, А.Н. Хохлов, Н.К. Чарыева; гл. 2 — В.Г. Воловников и М.Р. Рыженков; гл. 3 — С.И. Баевский, О.Г. Большаков, З.Н. Ворожейкина, А.И. Колесников, С.Г. Кляшторный, **К.К. Курдоев**, Н.Л. Лужецкая, И.Е. Петросян, В.В. Полосин, Т.И. Султанов, Л.Ю. Тугушева, Н.Н. Туманович; гл. 4 — А.Н. Хохлов (с использованием материалов Т.А. Пан, В.Н. Горегляда и Е.И. Кычанова в редакции **В.Н. Никифорова**), а также Э.О. Берзин (примечание об изучении ЮВА); гл. 5 — А.А. Вигасин; гл. 6 — О.Д. Берлев, Г.Х. Каплан, И.Ш. Шифман.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ, ИНСТИТУТАХ, АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ И НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Не прошло и нескольких десятилетий со времени создания первых востоковедных отделений и кафедр в университетах страны, как возник вопрос, хорошо ли поставлено изучение восточных языков, а самое главное, нужных ли специалистов готовят в высших учебных заведениях.

Четверть века — срок достаточно большой для того, чтобы выявить результаты, положительные и отрицательные стороны в организации преподавания восточных языков, определить программу и круг дисциплин, необходимых ориенталисту с университетским дипломом. Казалось бы, для ориентира можно использовать опыт, накопленный учебными заведениями Франции, Германии, Голландии, Англии. Можно, но только частично и только в отношении методики преподавания.

Российская империя принципиально отличалась от империй Западной Европы. Колониальные владения западноевропейских государств были удалены от метрополий на тысячи морских миль. Социальные, общественно-политические, экономические и другие изменения в жизни метрополий не сказывались непосредственно на заморских территориях. Иное дело Россия. Экономические изменения, преобразования форм государственного правления, юридических и правовых норм, вызванные освоением Россией колониальных владений, прямо или косвенно влияли на религиозные и другие национальные институты завоеванных стран.

В условиях России система организации востоковедного образования должна была быть очень сложной и гибкой, часто наиболее приспособленной к потребностям практического востоковедения.

В первой половине XIX в. развитие востоковедения шло в России скорее вширь. Востоковедные кафедры и отделения возникали в Казани, Москве, Петербурге, Одессе, других городах. Этот этап становления в основном университетского востоковедного образования исчерпал себя, не разрешив вопроса относительно программы подготовки востоковедов в учебных заведениях страны. По мнению таких авторитетных историков отечественного

востоковедения, как академики В.В. Бартольд и А.Н. Кононов, в 40-х годах прошлого века преподавание восточных языков переживало кризис — «тяжелый кризис, связанный в первую очередь с неясностью целей и направлений, по которым должно было развиваться университетское востоковедение» [Кононов, 1960, с. 9]. Это положение усугублялось еще и тем, что представители различных правительственных ведомств, заинтересованных в подготовке знающих, образованных востоковедов (например, министерств народного просвещения, иностранных дел, финансов), не могли зачастую договориться между собой о целях и задачах и, следовательно, о программе обучения востоковедов. К этому следует добавить, что государственная казна (как это часто бывает в любые эпохи) не стремилась увеличивать ассигнования на просвещение.

Неудивительно, что в таких условиях в 1851 г. возникает проект «объединить в Петербурге кафедры восточных языков Петербургского и Казанского университетов, Восточного института при Ришельевском лицее и Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД в специальное учебное заведение — Азиатский институт» [там же, с. 10]. Но этот проект не был реализован, и главным образом в результате противоборства со стороны МИД. Министерство не желало (и весьма обоснованно) каких-либо «слияний», в результате чего было бы упразднено уже солидное и авторитетное Учебное отделение восточных языков, располагающее опробованной и приспособленной к нуждам ведомства программой обучения.

В конце концов в 1854 г. было решено открыть в Петербургском университете факультет восточных языков.

Нет сомнения, что Петербург, где находились Академия наук и Азиатский музей, Отделение восточных языков университета, Учебное отделение восточных языков Азиатского департамента МИД и Публичная библиотека с богатым собранием восточных книг и рукописей, имел самые благоприятные условия для всестороннего развития востоковедной науки. Выбор Петербурга-столицы обуславливался и политическими соображениями. В то же время стремление создать ведущий востоковедный центр, сосредоточить силы ориенталистов в Петербурге повлекло за собой ликвидацию востоковедных кафедр и отделений в Казанском университете и Лицее Ришелье в Одессе. Более того, казанское и одесское учебные заведения обязывались передать столичному университету рукописные коллекции, книги и учебные пособия, а Харьковский университет — перевести «жалованье и квартирные деньги одного ординарного профессора... так как положенную по уставу кафедру восточных языков иметь в сем университете уже не предполагалось» [МИФВЯ, т. I, с. 153].

Эта реорганизация привела к тому, что в огромной стране, значительную часть населения которой составляли народы Востока, в системе МНП фактически осталось только одно высшее учебное заведение, где изучались восточные языки.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Факультет восточных языков Петербургского университета¹

<...> 22 октября (ст.ст.) 1854 г. был подписан Указ Правительствующему Сенату о преобразовании отделения восточных языков С.-Петербургского университета в факультет восточных языков. Это решение мотивировалось необходимостью «для успешнейшего изучения восточных языков, вместо обучения оным в разных заведениях министерства народного просвещения, сосредоточить преподавание их в С.-Петербурге, где соединяется больше средств для развития этой обширной отрасли знания и больше учебных пособий, чем в других местах империи» [МИФВЯ, т. I, с. 143].

В составе факультета восточных языков учреждались кафедры следующих языков: 1) арабского, 2) персидского, 3) турецко-татарского, 4) монгольского и калмыцкого, 5) китайского, 6) еврейского, 7) армянского, 8) грузинского, 9) маньчжурского [там же], которые делились на пять разрядов: арабско-персидско-турецко-татарский, монголо-калмыцко-татарский, китайско-маньчжурский, еврейско-арабский, армяно-грузинско-татарский [там же, с. 252].

Пункт 4 Указа предписывал: «Преподавание восточных языков в Казанском университете, Ришельевскому лицей с состоящей при нем гимназией и в первой Казанской гимназии прекратить, оставив в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавание татарского языка; суммы же, отпускаемые в помянутые заведения на преподавание восточных языков, обратить на штатное содержание факультета, которому предоставить и учебные пособия по восточным языкам, принадлежащие Казанским университету и гимназии и Ришельевскому лицей с состоящей при нем гимназией, за исключением в Казанской гимназии

¹ В память Андрея Николаевича Кононова и в знак уважения к его вкладу в изучение истории отечественной востоковедной науки редколлегия данной монографии сочла необходимым опубликовать в этом параграфе фрагмент работы покойного академика, посвященной истории факультета восточных языков Петербургского университета [Кононов, 1960, с. 10—22]. Библиографические ссылки автора оформлены по принятой для данного издания системе, а его текстовые примечания даются постранично и помечены «звездочками».

того, что предоставлено для преподавания татарского языка» [там же, с. 144].

Торжественное открытие ФВЯ состоялось 27 августа (ст.ст.) 1855 г., на котором ректор прочитал Указ от 22 октября 1854 г., проф. А.В. Попов произнес «сообразную настоящему случаю речь», а первый декан ФВЯ (с 1855 по 1858 г. и с 1866 по 1870 г.) А. Казем-Бек огласил «краткое расписание предметов преподавания, утвержденное на наступивший 1855/56 академический год». Занятия на факультете восточных языков начались с 1 сентября (ст.ст.) 1855 г. [там же, с. 453; Бартольд, 1909, с. 97—98]*.

В результате слияния отделения восточных языков Петербургского и Казанского университетов в числе профессоров и преподавателей факультета восточных языков оказался цвет русского востоковедения того времени.

Высококвалифицированный состав профессоров и преподавателей ФВЯ обеспечивал преподавание не только восточных языков (А. Казем-Бек — персидский язык, А.О. Мухлинский — турецкий, М. Тантави и М.Т. Навроцкий — арабский, И.Н. Березин — «туркский», т.е. чагатайский, А.В. Попов — монгольский, К.Ф. Голстунский — калмыцкий, В.П. Васильев — китайский и маньчжурский, Д.А. Хвольсон — еврейский, Н.А. Бероев — армянский, Д.И. Чубинов — грузинский, Л.З. Будагов — азербайджанский), но и истории народов Востока (А.О. Мухлинский читал курс истории и географии Оттоманской империи, А. Казем-Бек и Л.З. Будагов — истории Персии, М. Тантави и М.Г. Навроцкий — истории арабов, А.В. Попов — «истории монголов [от] Чингиз-хана до настоящего времени», В.П. Васильев — «истории маньчжурской», И.Н. Березин — турецкой истории (истории тюрок), Д.А. Хвольсон — еврейской истории и литературы и литературы восточных народов, И.Н. Березин читал курс «джагатайско-татарской литературы», В.П. Васильев — истории и литературы Китая, К.А. Коссович — истории санскритской литературы, Д.И. Чубинов — истории грузинской литературы [МИФВЯ, т. II, с. 254—256; Бартольд, 1909, с. 115—117]**.

ФВЯ стремился иметь в своем составе лекторов — носителей восточных языков и в общем преуспел и в этой области [Бартольд, 1909, с. 109—111].

Кроме названных предметов студенты ФВЯ были «обязаны слушать со студентами прочих факультетов: 1) богословие в I курсе. 2) русский язык в I и II курсах, 3) русскую историю в I и

* Речь Попова и Казем-Бека опубликованы в [ЖМНП. 1855, ч. 88, отд. II, с. 1—22].

** Программы курсов истории и истории литературы на 1859/60 уч. г. см. [МИФВЯ, т. I, с. 338—348].

II курсах, 4) историю российского законодательства в I курсе*, 5) французский язык» [там же, с. 256].

23 ноября 1855 г. ФВЯ получил разрешение ввести в число предметов преподавания афганский («афганистанский») язык, который вызвался читать «безмездно» академик Б.А. Дорн, являвшийся пионером изучения этого языка [там же, с. 299—303]. В тот же день было получено разрешение «для полноты Восточного факультета при С.-Петербургском университете открыть кафедру санскритского языка, коль скоро способы университета дозволит» [там же, с. 354].

Преподавание санскритского языка было введено только осенью 1858 г., первым преподавателем санскрита был К.А. Коссович (1815—1883), редактор ученых работ Имп. Публичной библиотеки [там же, с. 354—363]. Так образовался новый (шестой) разряд — санскритско-персидский [там же, с. 364—365]. В число штатных кафедр санскритской словесности была введена только уставом 1863 г.

Таким образом, к концу шестидесятых годов востоковедение приобрело организационные формы и преподавалось в том объеме, который предусматривался в известных проектах Г.Я. Кера (1733 г.) и С.С. Уварова (1810 г.) об учреждении Восточной академии [Савельев, 1856, с. 27—36] и в проекте устройства «полного класса восточных языков» при С.-Петербургском университете, предложенном в 1829 г. Френом, Шармуа и Сенковским.

Подводя итоги реформы востоковедного образования 1854—1855 гг., В.В. Григорьев, историк С.-Петербургского университета и выдающийся востоковед, имел все основания сказать: «...устроилось в Петербургском университете то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы и что в таком виде по праву только в России и должно было возникнуть» [Григорьев, 1870 (1), с. 125].

Официальная точка зрения, определившая направление деятельности ФВЯ, в изложении его первого декана, А. Казем-Бека, была представлена в следующем виде: «...назначение нашего факультета чисто практическое, непосредственно применяемое к делу, именно — приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим, между инородцами, живущими в пределах нашего отечества... Ученая цель должна занимать наш факультет настолько, насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей языков азиатских» [МИФВЯ, т. I, с. 392].

Стремление ограничить цели и задачи ФВЯ узко практическим направлением встретило резкие возражения со стороны

* Чтение этого курса было прекращено в начале 1857 г.; см. [МИФВЯ, т. I, с. 334—335].

А.О. Мухлинского и И.Н. Березина [там же, с. 390, 393—395; Бартольд, 1909, с. 112—114]*, что привело в конечном счете к отставке Казем-Бека с поста декана (24 ноября 1858 г.); исполнение обязанностей декана было поручено проф. А.В. Попову.

29 января 1859 г. деканом был избран А.О. Мухлинский, в чем усматривалось намерение части профессоров факультета усилить и укрепить научную линию работы ФВЯ [Крачковский, 1950, с. 125].

Мухлинский — «великий молчальник» — пробыл в должности декана семь лет (1859—1866), выступая преимущественно в роли исполнителя идей И.Н. Березина и позднее В.В. Григорьева [Бартольд, 1909, с. 114].

Перед ФВЯ, как еще и перед восточным отделением, стояли две тесно между собой связанные проблемы: подготовка молодых ученых для преподавания на факультете и обеспечение читаемых курсов надлежащими учебными пособиями. Обе эти задачи после организации ФВЯ решались им в общем вполне удовлетворительно [там же, с. 119 сл., 129 сл.].

Однако другая и, по мнению начальства, самая важная цель — приготовление молодых людей для службы по различным ведомствам — факультетом осуществлялась, видимо, неудовлетворительно, так как министр народного просвещения Е.П. Ковалевский, обследовавший Казанский университет летом 1860 г., выразил сожаление «о переводе означенного факультета в С.-Петербург, где он между прочим встретил соперничество с Восточным институтом МИД». На докладе министра царь начертал резолюцию: «Сообразить, нельзя ли вновь учредить там Восточный факультет, упразднив таковой здесь» [МИФВЯ, т. I, с. 527]. Однако до упразднения ФВЯ дело не дошло; в Казанском университете с 1861/62 учебного года было введено «преподавание арабского и турецко-татарского языков, как наиболее необходимых для удовлетворения местных нужд» [Веселовский, 1879, с. 18].

Некоторые новые изменения в структуру ФВЯ внес университетский устав 1863 г.; в соответствии с § 17 нового устава «в факультете восточных языков полагаются следующие кафедры при 9 профессорах, 8 доцентах и 4 лекторах:

1. Арабская словесность: а) арабский язык и толкование авторов, б) история арабской литературы.

2. Персидская словесность: а) персидский язык и толкование авторов, б) история персидской литературы.

3. Турецко-татарская словесность: а) образование турецких наречий и их литератур, б) османское наречие и история его литературы.

* О различных точках зрения на задачи ФВЯ, существовавших во второй половине прошлого века, см. [Бартольд, 1909, с. 176—177].

4. Китайская и маньчжурская словесность: а) китайский язык и толкование авторов, б) история китайской литературы, в) маньчжурский язык и история маньчжурской литературы.

5. Монгольская и калмыцкая словесность: а) монгольский язык, б) история монгольской литературы, в) калмыцкое и бурятское наречия.

6. Еврейская, сирийская и халдейская словесность: а) еврейский, сирийский и халдейский языки, б) история литератур этих языков.

7. Армянская и грузинская словесность: а) армянский язык, б) история армянской литературы, в) грузинский язык, г) история грузинской литературы.

8. Санскритская словесность: а) санскритский язык, б) зенд, в) история санскритской литературы.

9. История Востока: а) история семитских народов, б) история Северо-Восточной Азии, в) история арийских народов Азии*.

Устав 1863 г. внес следующие изменения в структуру ФВЯ: были созданы две новые кафедры — санскритской словесности и истории Востока**; две кафедры лишились организационной самостоятельности — кафедра маньчжурской словесности была слита с кафедрой китайской словесности, кафедры грузинской и армянской словесности были объединены в единую кафедру армянской и грузинской словесности.

На кафедру истории Востока был приглашен В.В. Григорьев (1816—1881) (о нем см. [Веселовский, 1887]), выдающийся историк-востоковед, который мог обеспечить чтение одной из трех вышеназванных исторических дисциплин; по его собственным словам, он «стал преподавать „историю Северо-Восточной, иначе Средней Азии“», и, поскольку не существовало «никакой книги в европейской литературе, которая могла бы служить руководством при этом, профессор Григорьев стал излагать свой предмет после общего географическо-этнографического введения, в хронологическом порядке источников, с критическим разбором оценок и гипотез, высказанных европейскими ориенталистами по отноше-

* Университетский устав 1863 г. СПб., 1863.

** Первая кафедра истории Востока была создана в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИДа; курс истории и географии Азии в течение всего времени существования кафедры (с 1835 по 1843 г.) читал будущий академик Б.А. Дорн; см. [Бартольд, 1921, с. 338]. Летом 1837 г. В.В. Григорьев выступил с заявлением «„О пользе основания кафедры истории Востока не только в Петербургском, но и в других университетах“ и представил в Совет [СПб.] Университета программу чтения совершенно нового предмета — истории Востока...». См. [Веселовский, 1887, с. 33].

нию к событиям, лицам и народам Средней Азии» [Григорьев, 1870 (1), с. 383; Бартольд, 1909, с. 141]*.

Курс «История арийских народов Азии» с 1868 по 1873 г. читал воспитанник ФВЯ доцент Г.В. Мельгунов [Григорьев, 1870, с. 383—384; БСП (Петербург), т. 2, с. 15]. Курс «История семитских народов», несмотря на энергичные меры, предпринимающиеся ФВЯ, обеспечить преподавателем не удалось [Бартольд, 1909, с. 144—145].

Преемником В.В. Григорьева, ушедшего в отставку в 1888 г. [Веселовский, 1887, с. 268—270], был его ученик Н.И. Веселовский (1849—1918) [Бартольд, 1921, с. 337—355], впоследствии видный специалист по истории Средней Азии и крупный историк русско-востоковедения, остававшийся до 1896 г. единственным преподавателем кафедры истории Востока [Бартольд, 1909, с. 146].

В 1878 г. восстанавливается преподавание некоторых исторических дисциплин; их читали представители языковых кафедр: арменист К.П. Патканов начал читать курс истории Персии, османист В.Д. Смирнов — курс истории Турции [там же], китаист В.П. Васильев с 1879/80 учебного года возобновил чтение курса истории Китая [там же, с. 196]. Курсы истории Персии и Турции с введением устава 1884 г. перестали читаться [МИФВЯ, т. II, с. 212, 225; Бартольд, 1909, с. 198—199]. Курс мусульманской нумизматики читал И.Н. Березин (1818—1896).

В 1901 г. В.В. Бартольд, с конца 1896 г. приват-доцент ФВЯ, начал читать курс «Историко-географический обзор Ирана», возобновив тем самым и расширив курс истории Персии, который ранее читал К.П. Патканов.

С 1886 г. был введен факультативный курс египтологии; его читал в звании приват-доцента ученый хранитель Азиатского музея О.Э. Лемм, который «выбыл из состава приват-доцентов в 1897 г. за отсутствием слушателей; еще в 1896 г. преподавание египтологии было введено его учеником Б.А. Тураевым на историко-филологическом факультете» [Бартольд, 1909, с. 200].

ФВЯ на протяжении всей своей истории почти непрерывно перестраивался. Уже в 1864 г. структура факультета, предусмотренная уставом 1863 г., подверглась изменению: из двух разрядов (монголо-калмыцкого и китайско-маньчжурского) был образован один разряд — китайско-маньчжуро-монгольский [МИФВЯ, т. I, с. 441—444].

Факультет, стараясь облегчить судьбу своих питомцев, пытается (с 1865 г.) включить в число обязательных предметов некоторые историко-филологические и юридические дисциплины [Бар-

* Первый вариант плана курса был представлен В.В. Григорьевым 1 февраля 1864 г.; см. [Веселовский, 1887, с. 234—235].

тольд, 1909, с. 163], что явилось известным откликом на семимесячную переписку между попечителем Петербургского учебного округа, министерством народного просвещения и ФВЯ «Об устройстве положения молодых людей, окончивших курс в факультете восточных языков» [МИФВЯ, т. I, с. 455 сл.].

В записке о будущем питомцев ФВЯ А.К. Казем-Бек (20 января 1864 г.) продолжал отстаивать свою точку зрения на задачи факультета, видя в нем чисто практическое учебное заведение, а в углублении практической линии — единственное средство от бед. Факультет не согласился с Казем-Бекем и поручил В.В. Григорьеву написать мнение ФВЯ по этому поводу.

Факультет запиской, составленной Григорьевым и подписанной деканом А.О. Мухлинским, впервые ясно и четко определил свои задачи: «...практические цели факультета, сколь ни важны они, составляют лишь часть его задачи, заключающейся, главнейше, как и задача всякого другого факультета, в ученой обработке и распространении сведений, входящих в круг преподаваемых в нем предметов» [там же].

Факультет отрицательно отнесся также к идее слияния ФВЯ с Учебным отделением восточных языков при Азиатском департаменте МИДа с целью создания особого учебного заведения; вместе с тем в обеих записках была высказана мысль о необходимости упразднить Учебное отделение восточных языков как неоправдывающее себя при наличии ФВЯ, «в котором объем преподавания их (восточных языков. — А.К.) во всех отношениях гораздо обширнее и несравненно полнее» [там же, с. 484; см. еще с. 510].

ФВЯ постоянно стремился увеличить число восточных языков, преподаваемых на факультете: 30 мая 1870 г. он возбуждает ходатайство о разрешении ввести японский язык, указывая, что «находящийся в С.-Петербурге японец, состоящий на службе Азиатского департамента, коллежский ассессор Яматов... соглашается, на первый раз, преподавать японский язык даже безвозмездно, если не отыщется никаких средств» [там же, с. 80].

Разрешение было получено (10 октября 1870 г.), и японский язык был причислен к китайско-маньчжуро-монгольскому разряду [там же, с. 81—82].

Преподавание японского языка, осуществляемое с некоторыми перерывами, вызванными отсутствием преподавателей [там же, с. 84], оставалось в составе названного разряда по 1898 г., когда (25 февраля 1898 г.) попечитель С.-Петербургского учебного округа дал разрешение учредить в составе ФВЯ кафедру японского языка и словесности [там же, с. 282]; преподавание было поручено японцу Иосибуми Куроно, с тем чтобы под его руководством «мог бы впоследствии подготовиться преподаватель японского языка из студентов факультета» [там же, т. II, с. 184]. Пер-

вым преподавателем японского языка из русских был бывший русский консул в Японии В.Я. Костылев, приступивший к занятиям в 1908 г. [Бартольд, 1909, с. 192—193].

Расширяя круг предметов, необходимых для подготовки высококвалифицированных востоковедов, ФВЯ по инициативе И.Н. Березина, тогдашнего декана (1870—1873), обратился 30 октября 1872 г. в Министерство народного просвещения за разрешением на введение преподавания мусульманского законовещения, без которого «невозможно основательное знакомство с Востоком» [МИФВЯ, т. II, с. 96]. 18 декабря 1872 г. просимое разрешение было получено и мусульманское законоведение было включено в число предметов, обязательных для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда; чтение лекций было поручено лектору турецкого языка, кумыкскому ученому и поэту Мухаммеду Османову [там же, с. 99—100*].

ФВЯ в лице его нового декана (1878—1893) В.П. Васильева (1818—1900) [Петров Н.А., 1956; Горбачева и др., 1956], стремясь в целях научных и практических расширить круг восточных языков, изучаемых на факультете, в 1882 г. высказывается за введение преподавания «тибетского, корейского или индустанского языков» [МИФВЯ, т. II, с. 91]**. В 1888 г. В.П. Васильев в докладной записке в заключение весьма убедительного обоснования открытия новых кафедр пишет: «Итак, честь факультета, потребности России в научном и практическом приложении требуют введения в факультете восточных языков трех новых языков: японского, корейского и индустанского» [там же, с. 189; см. еще с. 192—198].

Преподавание корейского языка было введено с 1897 г.; в качестве преподавателей выступили чиновники корейской миссии в Петербурге [Бартольд, 1909, с. 193]. Преподавание тибетского языка удалось начать в 1904 г. (Ф.И. Щербатской) [там же, с. 195].

Новый университетский устав 1884 г. в части, касающейся ФВЯ, отразил взгляды правительства на востоковедное образование: практическим задачам отдавалось предпочтение перед задачами научными [там же, с. 181]. Однако именно в то время, в начале восьмидесятых годов прошлого столетия, ФВЯ располагал такими силами, которые позволили ему углубить и расширить научную линию своей деятельности.

Ясное представление о целях, задачах и направлении учебной и научно-исследовательской работы ФВЯ дают его учебные планы и программы.

«Программы преподавания и экзаменационные требования, выработанные ФВЯ после введения Устава 1884 г.» [МИФВЯ,

* Программа курса, составленная М. Османовым, приведена на стр. 100—101.

** Под индустанским языком понимался язык урду [там же, с. 193].

т. II, с. 102—177], свидетельствуют о двух чрезвычайно важных обстоятельствах: во-первых, о том, что факультет видит свою основную задачу в развитии и укреплении научной линии своей деятельности; во-вторых, о том, что на факультете сложился коллектив высококвалифицированных специалистов, который может поставить перед собой задачи такого объема, как это было определено программами. В это время преподавание на ФВЯ ведут: выдающийся китаевед и маньчжурист, знаток буддизма, конфуцианства и даосизма В.П. Васильев, крупный иранист и тюрколог, историк и филолог И.Н. Березин, основатель русской индологической школы И.П. Минаев, крупный знаток монгольских языков, автор знаменитого словаря К.Ф. Голстунский, выдающийся арменист К.П. Патканов, основоположник русской семитологической школы Д.А. Хвольсон, основатель новой школы русской арабистики В.Ф. Гиргас, крупный знаток маньчжурского языка И.И. Захаров, основатель новой школы русского дореволюционного востоковедения В.Р. Розен, крупный знаток истории Средней Азии и выдающийся историк русского востоковедения Н.И. Веселовский, выдающийся тюрколог В.Д. Смирнов и др.

Учебные планы, программы и экзаменационные требования, выработанные после введения устава 1884 г., предусматривали дальнейшее развитие преподавания основных дисциплин, ставших уже традиционными: восточные языки, восточные литературы и история стран Востока, хотя последняя, как сказано выше, охватывала только историю народов Средней Азии, Китая, Персии, Турции и Египта. Новые учебные планы, которые заслуживают самого внимательного изучения, направляя факультет на строго научное изучение Востока, не только не закрывали дверей для практического его изучения, но, наоборот, способствовали углубленному изучению Востока и в практических целях.

Идея гармонического сочетания целей научных и практических как основа развития университетского востоковедения нашла свое отражение в блестящей речи проф. И.П. Минаева (1840—1890), произнесенной на годовичном акте С.-Петербургского университета 8 февраля (ст.ст.) 1884 г. «Научный интерес в изучении Индии для русского ориенталиста, — говорил Минаев, — не исчерпывается, однако же, ее прошлыми судьбами, каково бы ни было ее значение в мировой истории. У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку, для того чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а поэтому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения. Словом, как в старину, так еще более теперь Восток для русского ученого не может быть мертвым, исключительно книжным объектом научной пытливости» [Минаев, 1884, с. 89].

В это же время отчетливо проявляется одно чрезвычайно важное обстоятельство: ФВЯ С.-Петербургского университета и Азиатский музей в научно-исследовательской области в восьмидесятых годах прошлого столетия взаимно дополняют друг друга и настолько сближаются, что можно с полным основанием говорить о едином петербургском центре русского научного востоковедения; одни и те же ученые востоковеды возглавляют кафедры в Академии наук и в Университете. Это обстоятельство дало основание академику С.Ф. Ольденбургу утверждать, что «факультету в истории русского востоковедения наряду с Академией наук принадлежит бесспорно первое место» [Ольденбург, 1918 (1), с. 535].

Международное признание выдающихся успехов русского востоковедения усматривается, например, в том факте, что III Международный съезд востоковедов (1876 г.) состоялся в С.-Петербурге; председателем его был тогдашний декан ФВЯ проф. В.В. Григорьев.

В.В. Григорьев писал 12 сентября (ст.ст.) 1874 г. из Лондона, где он принимал участие в работах II Международного конгресса востоковедов: «... следующий конгресс ориенталистов назначен в Петербурге... Другие добивались, чтобы конгресс был у них, и не добились, а мы вовсе не напрашивались, и нас предпочли» [Веселовский, 1887, с. 254, 265—266].

Успешное развитие русского востоковедения в конце прошлого столетия, подготовленное всей историей изучения Востока в России, закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора академика В.Р. Розена (1849—1908), воспитанника ФВЯ и его декана с 1893 по 1902 г.

В.Р. Розен в Академии наук (после его вторичного избрания 1 декабря 1890 г.), на ФВЯ и в Восточном отделении Русского археологического общества вокруг «Записок» — печатного органа этого общества — сумел сплотить «все живые силы русского востоковедения современного ему и младшего поколения» [Крачковский, 1950, с. 143]*.

Ученые ФВЯ в это время специализируются в двух основных областях востоковедения: в восточной филологии, которая охватывает комплексно изучаемые язык и литературу данного народа, и в истории стран Востока, базирующейся на глубоком знании первоисточников на восточных языках; основное внимание в области истории уделялось средневековью.

В филологии к концу прошлого столетия выкристаллизовывается новая самостоятельная дисциплина — восточное языкознание, для которой язык является не средством, а целью изуче-

* Литературу о В.Р. Розене см. [ОИРВ, II, с. 503—504].

ния. Первым ярким представителем этого направления был выдающийся тюрколог П.М. Мелиоранский, воспитанник и позднее профессор ФВЯ [Самойлович, 1907, с. 01—024].

Несколько раньше, в семидесятых годах, санскритологи и иранисты утверждают сравнительно-историческое направление в изучении восточных языков (Коссович, Минаев, Залеман и др.).

Востоковеды-историки вели свою работу по трем главным линиям: гражданская история, история культуры, история религий народов Востока. Особо следует отметить успехи русских востоковедов в изучении основных религий Востока — буддизма и ислама.

Русская буддологическая школа, получившая всеобщее признание, была создана В.П. Васильевым и его учеником И.П. Минаевым и развита учениками Минаева — С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским; в истории изучения ислама почетное место занимают труды В.В. Бартольда, А.Э. Шмидта, И.Ю. Крачковского и др.

В начале XX в. идет дальнейшая дифференциация основных направлений востоковедения; сравнительно большее место в исследованиях востоковедов-историков начинает занимать археология (Н.Я. Марр, И.А. Орбели); развивается литературоведческое направление (В.А. Жуковский, В.Д. Смирнов, И.Ю. Крачковский, В.М. Алексеев и др.).

Подводя итоги развития русского востоковедения за прошлый век, историк нашего востоковедения акад. В.В. Бартольд утверждал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе» [Бартольд, 1925, с. 232].

Начало XX в. знаменуется дальнейшим развитием ФВЯ. Ярким свидетельством непрерывного роста общей и специальной научной квалификации профессоров и преподавателей ФВЯ являются разработанные факультетом «Правила, программы и экзаменные требования испытательной комиссии восточных языков» (1913), заменившие «Экзаменные требования» 1884 г.

ФВЯ в это время состоял из следующих разрядов: 1) арабско-персидско-турецко-татарского; 2) китайско-маньчжурского^{*}; 3) монголо-маньчжуро-татарского с отделами: монголо-маньчжурским и монголо-татарским; 4) японо-китайского; 5) еврейско-арабо-сирийского с отделами: семитской филологии и еврейской словесности; 6) армяно-грузинского с отделами: лингвистическим, историко-литературным и историческим; 7) разряд санскритской словесности с отделами: санскритско-персидско-армянским, сан-

* Китайско-маньчжуро-монгольский разряд, созданный в 1864 г., в 1908 г. был заменен разрядами: китайско-маньчжурским и японо-китайским; см. [Ленинградский ун-т, с. 72].

скритско-тибетско-монгольским, санскритско-китайско-монгольским.

Эта структура ФВЯ наглядно свидетельствует о диапазоне его учебных и научных возможностей. <...>

Азиатский музей Академии наук

К середине XIX в. завершился организационный период истории Азиатского музея и окончательно определилась его структура [Бертельс, 1972]:

I отделение — Книги, или собственно библиотека.

II отделение — Восточные рукописи, а также китайские, японские и другие ксилографы.

III отделение — Рукописные сочинения и статьи на европейских языках, надписи, планы и т.п.

IV отделение — Минц-кабинет.

V отделение — Древности, талисманы, печати и другие достопримечательности и редкости.

В 1842 г. на посту директора Азиатского музея Х.Д. Френа сменил акад. Борис Андреевич (Иоганн Альбрехт Бернгард) Дорн. «Азиатскому музею он посвятил много труда и кропотливой повседневной работы... — писал И.Ю. Крачковский. — Однако при нем Музей перестал играть роль организующего центра и вернул ее только после Октябрьской революции» [Крачковский, 1958, с. 87].

Такой вывод нуждается в объяснении. Дело не в новом руководстве Азиатского музея, а в тех новых требованиях, которые встали в тот период перед наукой, в частности перед востоковедением.

Развивавшийся в Российской империи капитализм втягивал в свою орбиту все новые и новые территории, большую часть которых составляли «восточные земли». Правительство все больше внимания уделяло именно восточной политике. Большая забота проявлялась в отношении подготовки переводчиков и других чиновников для административной работы на Кавказе, в Крыму, Сибири, Средней Азии, а также для различных миссий в зарубежных странах Востока. В конце 1840-х годов правительство проводит реорганизацию ЛИВЯ в Москве, пытаясь подчинить его деятельность задачам Кавказского комитета², а в Петербургском университете в 1854 г. создает ФВЯ.

² Кавказский комитет — особый межведомственный орган, созданный в 1840 г. царским правительством для разрешения административных и политических вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи. В дальнейшем приобрел характер постоянного органа. Просуществовал до 1882 г.

С созданием нового факультета произошло организационное разделение. Учебное дело, подготовка пособий, специалистов, защита диссертаций и тому подобные вопросы сосредоточиваются в Петербургском университете, а музей в большей степени, чем раньше, становится местом не только коллекционирования восточных рукописей, книг, материалов, но и их каталогизации, систематизации, описания, обработки материалов на восточных языках.

Б.А. Дорн (1805—1881) родился в Шейерфельде, в герцогстве Саксен-Кобургском. Образование получил в университетах Галле и Лейпцига (1822—1825). До приезда в Петербург преподавал арабский, персидский языки и санскрит в Харьковском университете (1829—1835). Как большинство западноевропейских ученых того времени, он владел несколькими восточными языками, в частности еврейским, санскритом, тюркскими и эфиопским.

Особо следует сказать о его новаторском вкладе в афганистику и изучение иранских диалектов южного побережья Каспия. «Педагогическая деятельность Дорна и его труды, заложившие основу научной грамматики афганского языка, утвердили приоритет отечественной науки в области афганского языкознания и принесли ему мировую известность...» [Оранский, 1972, с. 306].

В столице Дорн в разные годы работал в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИД (с 1835 г.), где он читал курс лекций по истории и географии Востока на ФВЯ и в Азиатском музее. Почти 40 лет, с 1842 г. по день кончины в 1881 г., Дорн возглавлял Азиатский музей. Если Х.Д. Френу выпал жребий приводить в порядок материалы Азиатского музея, отбирать, систематизировать, каталогизировать, описывать и изучать коллекции, находившиеся под рукой, то Дорн (как и все последующие руководители Азиатского музея) сочетал кабинетную работу с экспедиционной. Очень плодотворной была его научная поездка в 1860—1861 гг. по Кавказу и южному побережью Каспия. Экспедиция, в которой принимал участие и один из учеников Дорна — Г.В. Мельгунов, собрала значительный материал по диалектам персидского языка: гилианскому, мазендеранскому, татскому, талышскому. Если первый директор музея подготовил и издал в 1834 г. список наиболее ценных рукописей, приобретение которых он считал весьма желательным, то его преемник составил инструкцию о принципах покупки их, которой снабжали дипломатические миссии, отправляющиеся в страны Востока.

Штат научных сотрудников музея был чрезвычайно мал: директору Дорну подчинялся только хранитель Роберт Христианович Френ — сын Х.Д. Френа.

Для обработки коллекций и новых поступлений Азиатскому музею нужны были востоковеды разных специальностей. Неоднократно Дорн представлял руководству академии докладные за-

писки о необходимости увеличения штата сотрудников, однако все эти попытки не встречали отклика. Лишь в 1894 г. неприменный секретарь Академии наук акад. Н.Ф. Дубровин внес проект о введении должности сотрудника музея. Но потребовалось еще много лет, прежде чем этот проект был осуществлен.

На одном из заседаний Комиссии по выработке нового устава Академии наук 3 февраля 1864 г. слушалась записка Дорна «Об усилении числа лиц, служащих при вышеозначенном Музее». В ней говорилось, что с 1826 г., когда фонды Азиатского музея были вполнину меньше нынешних, штат его состоял из директора, одного хранителя и двух солдат (служителей). «Одного директора достаточно и на будущее, — писал Дорн, — но его нужно поставить в такое положение, чтобы ему не было нужно еще где-то работать на стороне. Директор должен больше работать для Музея. Может он быть любой востоковедной специальности. Работы у него всегда будет очень много: составление списков книг и рукописей, которые надо приобрести для музея, текущая научная корреспонденция, описание поступающих материалов. Все это оставляет очень мало времени для научной работы. Восемнадцать лет тому назад директор начал составлять подробный каталог мусульманских рукописей, и он теперь уже был бы напечатан, если бы он не вынужден был для своего скудного существования исправлять еще и третью должность (т.е. библиотекаря). Один хранитель уже сейчас едва может содержать в порядке все увеличивающийся объем Музея. В Музее должно быть три хранителя — два постоянных и один по усмотрению директора... При выборе хранителей директор будет отдавать предпочтение молодым востоковедам, которые сейчас вынуждены порой менять свои востоковедные штудии на другие занятия, ибо с самого начала не имеют перспективу найти работу по специальности. В таком случае Азиатский музей мог бы стать питомником молодых специалистов в самом высоком значении слова...» [Бертельс, 1972, с. 23].

В 1887 г., при директоре В.В. Радлове, сверхштатно был принят второй хранитель — С.Е. Винер, специально «для описания Bibliotheca Friedlandiana — знаменитой коллекции еврейских рукописей и книг» [Крачковский, 1955, с. 61].

На 1 марта 1916 г. в Азиатском музее работали семь сотрудников: К.Г. Залеман — директор; старшие ученые хранители О.Э. Лемм и Ф.А. Розенберг; младшие ученые хранители С.Е. Винер, В.М. Алексеев и А.А. Лорис-Мелик-Калантаров, а также откомандированный МНП в Азиатский музей Н.Д. Миронов [Бертельс, 1972, с. 29].

Музей, обладая крупным собранием манускриптов и одной из самых значительных библиотек, наряду с ФВЯ оставался научным центром востоковедных исследований и привлекал внимание

не только петербургских и московских ориенталистов, но и зарубежных. Азиатский музей был связан с крупнейшими востоковедными научными центрами Европы. Ученые Англии, Германии, Италии, Франции и других стран пользовались рукописями, безотказно присылаемыми во временное пользование музеем. Это свидетельствует как о стремлении ученых Академии наук укреплять международные научные связи, так и о высокой ценности рукописей Азиатского музея.

На протяжении всей своей истории музей использовал все возможности для пополнения своих собраний. Здесь в первую очередь следует назвать экспедиции и поездки востоковедов по Востоку. Восточные книги поступали в музей из Азиатского департамента МИД, а также из российских дипломатических представительств в странах Востока. Часть книг, подаренных III Международному конгрессу ориенталистов, проходившему в 1876 г. в Петербурге, была передана в библиотеку Азиатского музея. Прекрасная китайская коллекция была собрана при содействии Российской Духовной миссии в Пекине.

Особо следует сказать о большой и чрезвычайной работе ученых в годы первой мировой войны. Академия снарядила несколько экспедиций в зоны военных действий для спасения или предотвращения порчи памятников культуры. Азиатский музей, писал С.Ф. Ольденбург, дал «приют остаткам погибающих в военной грозе памятников письменности» (цит. по [Азиатский музей РАН, с. 10]).

Таким образом, к своему столетию музей, по определению того же Ольденбурга, стал одним «из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности», а арабская рукописная коллекция имеет «не только относительное значение, занимая первое место в России, но и абсолютное, достойно выдерживая сравнение с наиболее известными книгохранилищами Запада» [там же, с. 8].

В отделе восточных рукописей и книг, напечатанных на Востоке, были представлены тексты памятников, переводы, толкования и исследования по вопросам культуры стран и народов от Магриба и Египта на западе до Китая и Японии на востоке, с древнейших времен и до начала XX столетия.

Другой отдел содержал 35 тыс. названий книг на европейских языках, 500 названий периодических изданий и серий, «среди них большое количество многотомных, некоторые, содержащие сотни томов». Примерно такое же количество названий составляли газеты, журналы и серии на арабском, армянском, грузинском, калмыцком, китайском, корейском, монгольском, новосирийском, персидском, татарском и японском языках. «Общее число научных книг на европейских только языках скорее превышает, чем не достигает 70 000» [там же, с. 2].

Большую ценность представлял Азиатский архив музея, куда вошли бумаги, неизданные материалы, черновые варианты, список «длинного ряда русских востоковедов, начиная с первого из них — Байера» [там же, с. 6]. Архивы подавляющего числа петербургских востоковедов составили фонд Азиатского архива (ныне АВ).

В начале XX в. Азиатский музей поддерживал деловые связи с десятками книготорговых фирм и издательств многих стран мира. Продолжался интенсивный обмен дублетами рукописей и книг с научными учреждениями, библиотеками и учеными буквально всего мира.

Кроме Х.Д. Френа и Б.А. Дорна Азиатский музей в конце XIX — начале XX в. возглавляли: В.Р. Розен (19.05.1881—08.03.1882), Ф.И. Видеман (12.04.1882—22.01.1885), В.В. Радлов (22.01.1885—09.01.1890), К.Г. Залеман (09.01.1890—30.11.1916), С.Ф. Ольденбург (07.12.1916—04.04.1930). Каждый из этих авторитетных ученых-востоковедов содействовал дальнейшему развитию музея — пополнению коллекций, расширению фондов библиотеки, описанию их, информированию научной общественности о новых поступлениях и изысканиях, организации научных экспедиций и т.п.

К 1917 г. Азиатский музей собрал колоссальные, мирового значения коллекции и солидную библиотеку. Значительная часть всего этого материала была систематизирована, описана и внесена в каталоги. Таким образом, это был не только музей с экспозицией, знакомившей посетителей с редкими коллекциями, но и научно-исследовательское учреждение.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В МОСКВЕ

С конца 1840-х годов Москва вновь начинает играть заметную роль в истории востоковедения, а вскоре становится еще одним важным центром отечественной ориенталистики. Подъем востоковедения в Москве связан был с Московским университетом и Лазаревским институтом восточных языков. В последней трети XIX — начале XX в. московская школа востоковедения выдвинула целую плеяду блестящих ученых. Среди наиболее значительных имен назовем Ф.Е. Корша, В.Ф. Миллера, А.Е. Крымского, В.А. Гордлевского, В.Ф. Минорского.

Московский университет

В этом университете, старейшем российском высшем учебном заведении, в 1850-х годах востоковедение едва тлело. Между тем

преподавание восточных языков вел замечательный, высокоэрудированный ученый Павел Яковлевич Петров (1814—1875), научная и педагогическая деятельность которого была связана с Москвой с 1852 г.

Для Петрова было характерно отношение к восточным языкам, древним и современным, как к языкам живым. Так, он не только переводил стихи Хафиза, но и сам писал стихи по-персидски в подражание Хафизу. Один из современников, Н.В. Берг, вспоминал, что Петров «говорил и писал по-санскритски как бы на живом языке и переводил на него Байрона, стараясь более или менее выискивать, а иногда и создавать размеры, которые бы шли к переводу нового поэта на язык самых отдаленных наших предков». Он стремился подражать манере и тонкости письма изучаемых восточных авторов. Система преподавания языка также была ориентирована на практическое усвоение грамматики, изучаемой непосредственно на текстах. О широкой эрудиции ученого свидетельствует его библиотека, завещанная Московскому университету. Здесь хранится около двух тысяч книг примерно на ста языках. Значительная их часть содержит рукописные пометки ученого [Клейман, 1981].

Не очень общительный по характеру ученый готов был со всеми делиться своими обширными познаниями.

В то же время ученики Петрова упрекали впоследствии своего учителя в незнании современной лингвистической литературы, слабости теоретического подхода к языку. Не случайно он не оставил после себя преемника по кафедре. По отзыву известного ираниста акад. К.Г. Залемана, этот разносторонний лингвист, преподаватель, вдумчивый исследователь не имел «дальнейшего влияния на успехи науки... от него сохранился только ряд мелких статей, носящих более случайный характер и для науки прошедших почти бесследно» [РБС, т. 13, с. 696]. Почти за четверть века работы в Москве публикации Петрова были крайне малочисленны: статья по материалам, собранным еще в молодости по заданию Френа («Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными»); обзор алфавитов восточных языков; отрывки перевода кашмирской хроники Кальханы «Раджатарангини». В последние годы жизни ученый опубликовал в нескольких своих статьях обзор главных наречий Северной Индии — бенгали, хиндустани, маратхи. В этих статьях сообщались сведения о грамматике новоиндийских языков, их соотношении с санскритом, давался очерк литературы на этих языках и приводились переводы фрагментов и пересказы отдельных произведений. Так, из прозы урду Петров переводил отрывки из «Сада и весны» Мир Аммана, из литературы на хинди — фрагменты «Прем Сагар». Он обращал внимание на «современное движение

образования в британских поселениях» и выражал суждение, что «древняя индусская наука в слиянии с европейской обещает обильные плоды для многолюдного Индостана» [Петров П.Я., 1870, с. 19].

Русская санскритология последней трети XIX — начала XX в. представлена в основном лингвистами — специалистами в области сравнительного языкознания, работавшими в ряде университетов страны³. В Москве проходила научная деятельность ряда учеников Петрова.

Наиболее значительный вклад в науку внес Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914), один из крупнейших русских лингвистов. После окончания Московского университета он в 1872—1873 г. продолжал обучение у крупнейших европейских санскритологов: занимался в Тюбингене (у Р. Рота), в Берлине (у А. Вебера), в Париже (у А. Бергеня), а также в Лейпциге и Лондоне. Изучал он и среднеиндийские языки. Его диссертация, опубликованная в Москве [Фортунатов, 1875], представляла собой издание текста «Самаведа-араньяка-самхиты», снабженное русским переводом, обширным комментарием, исследованием и приложением о некоторых проблемах сравнительной грамматики индоевропейских языков. Текст «Самаведы» в Европе издавался без араньяки, и, таким образом, Фортунатов стал первым издателем этого текста.

Книга русского ученого представляла собой солидное исследование, в котором давался обзор ведийской литературы и обсуждался ряд важных проблем ее истории. В частности, здесь рассматривался общий вопрос о соотношении ведийской литературы, жертвенных формул (яджусов) и жертвенного ритуала. По мнению автора, не всегда ритуал древнее произносимых формул, напротив, ряд обрядовых действий может быть объяснен на основе ведийских текстов. Особое внимание уделялось рецензиям

³ В российских университетах прошлого века обычно имелась кафедра сравнительного языкознания и санскрита, и все ведущие русские лингвисты, специалисты по сравнительному языкознанию, были отчасти и санскритологами. Некоторые из них более углубленно изучали санскрит и публиковали специальные исследования. Выдающийся украинский лингвист А.А. Потебня (см. [Франчук, 1975]) изучал санскрит в Берлине в начале 60-х годов. Работы по санскритологии и перевод «Мундака-упанишады» тогда же были выполнены учеником П.Я. Петрова А.Л. Дювернуа. В Одесском университете санскрит преподавал известный славист И.В. Ягич; в Казани (с 1875 по 1883 г.) и Дерпте (с 1883 по 1892 г.) занятия вел замечательный лингвист И.А. Бодуэн де Куртене (1845—1929). Один из учеников и соратников последнего, молодой талантливый ученый Н.В. Крушевский (1851—1887) в Казани издал перевод гимнов «Ригведы» и писал статьи по санскритской фонетике. Основные достижения Фортунатова, Бодуэна де Куртене и Потебни находились не в области санскритологии. Но работа по изучению санскрита и санскритской литературы была для этих ученых школой — так и создавалась традиция, сохранявшаяся затем на протяжении десятилетий.

«Самаведы» и ее комментариям. Ученый показывал, что в ряде случаев в «Самаведе» содержатся более древние варианты текстов, нежели в гимнах «Ригведы». Подробно и на широком сравнительном материале анализируется значение терминов, при этом удается внести поправки в толкования, даваемые санскритскими словарями.

Интересны принципы текстологической работы Фортунатова. В отличие от большинства немецких санскритологов во главе с Р. Ротом Фортунатов стремится к унификации значений санскритских слов. Он избегает также исправлений текста, исходящих из норм классической грамматики санскрита, отличая списки переписчиков, встречающиеся в отдельных рукописях, от «ошибок», засвидетельствованных всеми рукописями и принадлежащих самому тексту. Этот принцип сформулирован исследователем следующим образом: «Задача издателя ведийских текстов состоит в настоящее время в передаче того текста, который действительно существует и существовал в древности, насколько можем мы проследить его» [Фортунатов, 1875, с. 59]. Его текстологическая методика ближе к современной, нежели радикализм Р. Рота и его последователей. Из современников Фортунатова она близка выдающемуся французскому санскритологу А. Бергеню, но книга последнего тогда еще не была опубликована.

Напротив, в интерпретации ведийских текстов русский ученый стоит на той же точке зрения, что и Р. Рот и У.-Д. Уитни, вопреки мнению Г. Вильсона и Т. Гольдштюкера полагая, что исходным пунктом должна служить не сама ведийская традиция, не толкования средневекового комментатора Саяны, а сопоставление параллельных мест и научная этимология. «Не должно, конечно, игнорировать комментаторов и обязательно пользоваться их трудами как одним из пособий, пишет Фортунатов, за нами остается только право относиться так же критически к их трудам, как и к объяснениям европейских ученых» [там же].

Исследование русского санскритолога было выполнено на самом высоком уровне. Впоследствии автор, хотя и преподавал санскрит на кафедре сравнительного языкознания в Московском университете, отошел от научной деятельности в области собственно санскритологии. Однако в его трудах по сравнительной фонетике и морфологии индоевропейских языков древнеиндийскому уделялось значительное внимание. Есть в его наследии и специальная работа по древнеиндийской фонетике, которая была переведена на немецкий язык и вызвала живой интерес у европейских санскритологов.

Учеником Петрова был также Всеволод Федорович Миллер (1848—1913). Он продолжал образование, изучая веды и «Авесту» в Берлине под руководством А. Вебера и в Тюбингене у Р. Рота.

Особенно близкие отношения установились у русского ученого с известным специалистом по «Ригведе» А. Людвигом, работавшим в Праге. В 1876 г. была опубликована солидная диссертация В.Ф. Миллера «Очерки арийской мифологии». Эта монография была задумана весьма широко и включала материал не только по ведийской литературе и мифологии, но и по ведийскому обществу. Предвосхищая в какой-то мере известную книгу Г. Циммера «Древнеиндийская жизнь», русский ученый на основе ведийских текстов давал описание общественного быта ариев, их семьи, ремесел, вооружения и т.д. Представления, отраженные в ведах, рассматривались им в сопоставлении с мифологией греческой, латинской, иранской.

Особенно интересны и оригинальны были привлекаемые автором материалы о древнерусской языческой мифологии. Миллер критиковал популярные в то время в научной литературе концепции М. Мюллера и А. Куна, сводившие все многообразие мифологических систем к культам Солнца или Грозы. По его мнению, сторонники этих теорий некритически используют для доказательства своих положений материал, заимствуемый у разных народов и в разное время. Автор пытается найти более строгую историческую методику сравнительного изучения мифологии. Большое место в книге занимает доказательство того, что у всех индоевропейских народов до их расселения был распространен близнечный культ. Миллер стремился также определить первоначальный смысл этого культа. В монографии ученого был дан перевод и разбор ряда ведийских гимнов. Публиковались его переводы и в других изданиях.

Миллер проявил самый пристальный интерес к новейшим течениям в этнологии, к попыткам восстановления истории древнейших общественных институтов. Нельзя сказать, что его попытки лингвистического и мифологического анализа с целью реконструкции первобытной семьи были успешны. Очевидно, внутренняя неудовлетворенность подобного рода построениями и помешала выходу в свет следующего выпуска монографии. Однако индологические исследования послужили отправной точкой как для самого Миллера, так и для его сотрудника М. Ковалевского в их работе по обычному праву и традициям осетин. Исследования осетинского языка и фольклора стали наиболее важным вкладом Миллера в отечественное и мировое востоковедение.

Миллеру принадлежит и ряд специальных лингвистических работ по санскриту. В течение многих лет он преподавал санскрит в Московском университете, совместно с Ф. Кнауэром написал учебник. Усилия ученого по созданию особой кафедры санскрита в Москве не увенчались успехом, но санскрит в 80-х годах стал обязательным предметом для студентов-словесников. Под руко-

водством Миллера начинающие лингвисты читали не только санскритские, но и пракритские тексты.

Чрезвычайно разносторонним лингвистом, владевшим огромным количеством самых разнообразных восточных языков и диалектов, был профессор Московского университета Федор Евгеньевич Корш (1843—1915). В этом отношении он более других напоминал своего учителя П.Я. Петрова, которого, однако, превосходил основательностью теоретической подготовки. По воспоминаниям современников, он писал стихи на восточных языках, в том числе на санскрите. Индологический материал ученый использовал в общих филологических трудах. Он подготовил обширный труд по индийской метрике, оставшийся в рукописи. Часть этого труда (исследование об индийском стихотворном размере шлока) была опубликована (см. [ДВ. 1896, т. II, вып. 1]).

История отечественного востоковедения не может обойти молчанием научную деятельность и вклад в семитологию и изучение культуры древней Передней Азии Михаила Васильевича Никольского (1849—1917). Питомец Московской Духовной академии Никольский отказался от богословской деятельности и предпочел ей работу учителя классических языков в средних учебных заведениях и внештатного (приватного) преподавателя древнееврейского языка и ассириологии в Московском университете. И несмотря на то что Никольский «работал при самых невыгодных научных и материальных условиях», он стал, по выражению акад. Б.А. Тураева, «отцом русской ассириологии» [Тураев, 1915 (2), с. 5, 1]. Никольский, как и многие востоковеды нашей страны второй половины XIX в., умел сочетать кабинетную работу ученого с полевыми изысканиями в экспедициях. В середине 90-х годов он организовал и участвовал в трех экспедициях в Закавказье, где собрал уникальный материал, проливающий свет на ряд вопросов истории народов Урарту и урартской письменности. Велики заслуги Никольского в изучении проблем истории древней Месопотамии.

Никольский был одним из организаторов и многие годы секретарем Восточной комиссии МАО (см. с. 91 сл.).

Лазаревский институт восточных языков

В мае 1848 г. был утвержден новый устав ЛИВЯ, который становился перворазрядным учебным заведением. Согласно этому уставу, «Лазаревский институт посвящается изучению восточных языков и их литературы. Независимо от этого в Институте преподаются все предметы общего гимназического курса, необходимые для лиц, приготовляющих себя к поступлению в университе-

ты или прямо на службу, а также для торговли... Сверх того Лазаревский институт prepares юношей из духовного сословия армяно-григорианского исповедания для службы по духовному ведомству этого же исповедания» [Высочайшие указы, с. 12, 14]. К этому следует добавить, что оставалась и прежняя задача — обучение юношей-армян по специальной программе родному языку, словесности и т.д.

Расширение и качественные изменения программы сопровождались структурным преобразованием института. Теперь это уже восьмиклассное учебное заведение с шестью гимназическими и двумя высшими классами.

Именно с 1850-х годов повысился уровень преподавания, характер и качество научного творчества в институте. Изменились штат и квалификация профессорско-преподавательского состава. На смену преподавателям-практикам восточных языков пришли высокообразованные и эрудированные специалисты: С.И. Назарянц, Н.О. Эмин, Л.Э. Лазарев. Учебно-организационную работу возглавил кандидат Московского университета Г.И. Кананов.

Степан Исаевич Назарянц (1814—1879) — доктор армяно-персидско-турецкой словесности, крупный армянский общественный деятель и публицист. Окончив философский факультет Дерптского университета со степенью кандидата, он попытался поступить в Лазаревский институт, но успеха не имел. По рекомендации известных востоковедов — Х.Д. Френа и М.И. Броссе — Назарянц был принят в Казанский университет и одновременно ему разрешили остаться на год в Петербурге для завершения востоковедного образования под руководством Френа и Броссе. «Занятия Назарянца в Петербургском университете и Азиатском музее имели очень большое значение для его дальнейшей деятельности. Назарянц получил в Петербургской востоковедной школе широкую научную подготовку» [Арешян, 1957, с. 135].

В середине 1842 г. Назарянц становится адъюнктом кафедры армянского языка при Казанском университете. Научные интересы молодого ученого определяются двумя направлениями — арменистикой и иранистикой. «Его научные труды, магистерская и докторская диссертации получили высокую оценку у видных специалистов, в числе которых был и Френ» [Шофман, Шапов, 1956, с. 422].

В 1849 г. Назарянц покидает Казань и в октябре сего года занимает должность профессора на вновь созданной кафедре персидско-арабского языка в ЛИВЯ.

Первый профессор персидской и арабской словесности, он не только организывает учебный процесс по дисциплинам своей кафедры, но и приступает к преподаванию турецкого языка. Правда, уже в 1850 г. в ЛИВЯ начинает работать тюрколог Л.Э. Лазарев, но еще в течение ряда лет Назарянц будет иметь

отношение к преподаванию тюркских языков. По положению 1849 г. «кавказские воспитанники, находящиеся в высших учебных и специальных учебных заведениях империи, обязаны, независимо от общих предметов... обучаться языкам грузинскому, татарскому и армянскому... Надзор за преподаванием этих предметов кавказским воспитанникам, обучающимся в московских учебных заведениях» [МОИА, ф. 213, оп. 2, д. 185, л. 73], был возложен на Назарянца.

Назарянец составил учебный план, программу преподавания своих дисциплин и список учебных пособий, нужных для воспитанников старших классов [там же, л. 13]. Он считал, что введение дополнительных курсов поднимет уровень знаний воспитанников старших классов. За весьма скромное вознаграждение он читал в 60-х годах дополнительные лекции по курсу восточной литературы [там же, оп. 1, д. 325, л. 8]. Много сделал Назарянец и для укрепления института квалифицированными кадрами.

Ведущим преподавателем армянской словесности долгие годы являлся Никита Осипович Эмин (Мкртич; 1816—1890).

Воспитанник Лазаревского института и Московского университета, он был не только педагогом, но и ученым, переводчиком и собирателем армянского рукописного наследства. Эмин интересен также как издатель уникальной коллекции армянских рукописей.

В 1850 г. в Лазаревский институт был приглашен старшим преподавателем турецкого и азербайджанского языков Лазарь Эммануилович Лазарев (1822—1884). В 1862 г. он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию, посвященную разбору поэмы Физули «Лейли и Меджнун». Его дальнейшая научная деятельность была направлена главным образом на создание учебных пособий, словарей по изучению восточных языков. Так, в 1864 и в 1866 гг. вышли два труда Лазарева, которые служили пособиями для изучения турецкого и азербайджанского языков. Первая работа — «Турецко-татарско-русский словарь наречий: османского, крымского и кавказского...» — имела в качестве приложения «Краткую грамматику», которую использовали как учебник при изучении тюркских языков. Вторая книга Лазарева называется «Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османов и азербиджан с применением русских разговоров и пословиц».

Таким образом, преподавание турецкого языка в ЛИВЯ благодаря проф. Лазареву было обеспечено пособиями. В то же время он, как знаток персидского, привлекался к чтению курса и этого языка.

Занятия персидским не были для Лазарева случайной служебной обязанностью. Он готовил словарь персидского языка, персидскую грамматику. В архиве сохранилась рукопись «Русско-

турецко-татарско-персидского словаря, составленного исполняющим должность эк. ор. профессора... магистром восточных языков Лазаревым» [там же, д. 645, л. 1]. Словарь включал 6 тыс. слов и был составлен по следующему принципу: русское слово, турецкое слово (арабским шрифтом), это же слово в русской транскрипции, персидское слово арабским шрифтом, оно же в русской транскрипции.

Как и предыдущие труды Лазарева, данный словарь был снабжен приложениями: краткой грамматикой персидского языка и грамматикой турецко-татарского языка [там же]. Публикация словаря «дозволена цензурою» в 1884 г., но, видимо, смерть Лазарева, последовавшая в том же году, помешала довести эту работу до выхода в свет.

Среди преподавателей восточных языков реорганизованного в 1848 г. ЛИВЯ назовем его бывших воспитанников В.К. Иоанисянца и М.К. Измайлова⁴.

В 50—60-е годы учебная направленность института определялась преподаванием и изучением преимущественно современных восточных языков, а также древней и новой истории и истории культуры народов Закавказья и ближневосточного региона.

С 1848/49 по 1870/71 учебный год гимназические классы Лазаревского института окончили 357 человек; высшие классы имели 21 выпуск и 125 выпускников. Таким образом, примерно каждый третий из обучавшихся в ЛИВЯ имел возможность получить серьезные знания по восточным языкам в лицейских классах.

В 60-х годах в России встал вопрос о реформе всей системы образования в стране. Усилиями профессуры Лазаревского института, его попечителя Христофора Екимовича Лазарева и ответственности Москвы удалось сохранить Лазаревский институт как своеобразное учебное заведение, включавшее гимназию и высшие специальные классы, предназначенные для изучения восточных языков и соответствующих востоковедных дисциплин.

Так уж совпало, что утверждение нового устава специальных классов (т.е. судьба института) состоялось в тот самый год, когда

⁴ В.К. Иоанисянц (встречается написание Воскан Егорович Иванов-Ованесян) родился в 1828 г. Окончил Лазаревский институт. В 1848 г. получил в Петербургском университете звание учителя персидского и азербайджанского языков. Для совершенствования в персидском и азербайджанском языках он был командирован в Иран на два года.

М.К. Измайлов — сын купца III гильдии; родился, вероятно, в 1830 г. В его личном деле не указана дата рождения, но косвенные данные (Измайлов поступил в Лазаревский институт в 1842 г. 13-летним подростком, а подал рапорт об освобождении в 1865 г., в 34 года) приводят к мысли, что по первому документу он должен был родиться в 1829 г., а по второму — в 1831 г. Измайлов окончил Казанский университет кандидатом по разряду арабско-персидско-турецкой словесности.

скончались Христофор Екимович и его брат Лазарь Екимович (9 декабря 1871 г.). Со смертью последних представителей фамилии Лазаревых в мужском поколении была упразднена должность попечителя института и правительственным решением введено звание почетного попечителя ЛИВЯ, закрепленное за Семем Давидовичем Абаemelек-Лазаревым и его потомством.

По новому уставу Лазаревский институт состоял из одного приготовительного, семи гимназических и трех специальных классов. Курс в Гимназических классах по-прежнему отличался от курса в обычных гимназиях тем, что армянский язык, словесность и ряд других дисциплин были обязательны для всех обучающихся в Лазаревском институте армян. В Специальных же классах были организованы четыре кафедры армянской, арабской, персидской и русской словесности, кафедра турецко-татарского языка и кафедра истории Востока. Кроме того, в этих классах преподавался грузинский язык и были введены практика персидского и турецкого языка, а также восточная каллиграфия. Специальные классы по своей программе, организации учебного процесса, правам своих выпускников соответствовали высшему учебному заведению.

Хотя обучение в Специальных классах было рассчитано на три года, число лекций и занятий восточными языками соответствовало четырехлетнему курсу восточного факультета Петербургского университета [30-летие Спец. классов, с. 7].

И по новому уставу не изменялась специализация Лазаревского института. По-прежнему здесь изучались языки, литература и история арабского, персидского и турецкого народов, а также трех народов Закавказья — азербайджанского, армянского, грузинского; как и прежде, делался упор на изучение живых восточных языков, новой литературы, новой истории и даже так называемого Восточного вопроса в плане международных отношений. С середины 1870-х годов в Специальных классах было введено преподавание французского языка.

Преподавателями высших Специальных классов реорганизованного института, которые разработали программу, наладили учебный процесс и в какой-то степени подготовили учебные пособия по преподаваемым здесь научным дисциплинам, были профессор персидской словесности Степан Исаевич Назарянц, профессор турецко-татарского языка Лазарь Эммануилович Лазарев, профессор армянской словесности Никита Осипович Эмин, доцент грузинского языка Илья Лазаревич Серебряков-Окромчеделов (Окромчеделошвили).

Бесспорно, что в сохранении Лазаревского института как востоковедного центра Москвы велика была роль профессора истории Востока Георгия Ильича Кананова. Инспектор института и

его директор (1881—1897), Кананов более 35 лет своей жизни отдал ЛИВЯ.

Кафедру арабской словесности возглавил Георгий Абрамович Муркос (1846—1911), выпускник Петербургского университета. С самого начала своей педагогической деятельности в Специальных классах он стремился разделить программу курса между двумя преподавателями, один из которых должен был вести практические занятия по языку. По его рекомендации был приглашен не профессиональный преподаватель, а «природный араб» М.О. Аттая (см. с. 173).

В 80—90-х годах в Специальные классы пришло много новых профессоров, в том числе из числа бывших выпускников института.

Преемником Н.О. Эмина по кафедре армянской словесности стал его ученик Григорий Абрамович Халатянц (1858—1912).

После смерти С.И. Назарянца курс персидской словесности в Специальных классах вел некоторое время проф. Л.Э. Лазарев, а с 1885 г. — Иван Николаевич Холмогоров (1825—1891). Еще до зачисления в ЛИВЯ Холмогоров зарекомендовал себя серьезным преподавателем восточных языков (арабского и персидского), издал переводы с этих языков и исследования по средневековой персидской и арабской литературе. Его магистерская диссертация, защищенная в Петербургском университете, была посвящена творчеству Саади Ширазского и его значению в истории персидской литературы. По мнению наших современных исследователей, Иван Николаевич Холмогоров был одним из лучших биографов и переводчиков Саади. В известной серии «Всеобщая история литературы» В.Ф. Корша и А.И. Кирпичникова перу Холмогорова принадлежит «Очерк истории арабской литературы».

В 1892 г. кафедру персидской словесности в Лазаревском институте возглавил упомянутый выше профессор Московского университета Ф.Е. Корш.

Ученый высочайшей эрудиции, акад. Корш работает над проблемами русской диалектологии, фонетики, метрики, тюркских элементов в славянских языках [Баскаковы, 1989]. Он — востоковед широкого профиля: «... и семитолог, и тюрколог, и индоиранист, и монголист... и кавказовед» [Дмитриев, 1962, с. 10]. «Красочная фигура всей московской науки, — писал о Корше И.Ю. Крачковский, — один из замечательных представителей нашей культуры» [Крачковский, 1958, с. 117]. С 1869 г. Корш преподавал в Московском университете.

Через несколько лет после приглашения Корша в Лазаревском институте начинает работать еще один питомец Московского университета, выдающийся ученый В.Ф. Миллер. В сентябре 1897 г. ординарный профессор Московского университета

Миллер был назначен директором Лазаревского института и оставался на этом посту 14 лет. При нем началось издание двух научных серий: «Эминский этнографический фонд» и «Труды по востоковедению...». При нем отмечаются общий качественный подъем преподавания в Специальных классах, привлечение студентов к научной работе в различных обществах.

Среди преподавателей курса русской словесности этого периода обращает на себя внимание профессор истории литературы, почетный академик Алексей Николаевич Веселовский (1843—1918). Он вводит в лекции по русской словесности специальные востоковедные курсы на темы о взаимосвязи литератур Востока и Запада, об истории индийского театра, истории китайской, персидской драмы и др. Курсы профессора были интересны как попытка систематизированного изложения истории культур народов Ближнего и Среднего Востока во взаимосвязи с культурами народов Европы и России.

С 1889 г. грузинский язык и словесность в Лазаревском институте преподавал Александр Соломонович Хаханов (Хаханишвили; 1864—1912). С 1900 г. он еще читал лекции по грузинской истории и литературе в Московском университете; вел научно-исследовательскую работу, занимаясь этнографией Кавказа⁵.

С конца 1893 г. в Специальных классах начинает преподавать персидскую словесность и грамматику персидского языка на первых двух курсах доктор филологии Страсбургского университета Рейнгольд Рейнгольдович Штакельберг (1860—1907)⁶. Высшее образование он получил в университетах Страсбурга и Лейпцига, где занимался индо-иранской филологией, историей буддизма, армянским и угро-финским языками. Хорошо подготовленный специалист, он оставил ряд исследований по средне- и новоперсидскому языкам, арменистике, осетинскому языку⁷.

Практические занятия по арабскому языку вел Михаил Осипович Агтая (1851—1924), уроженец Сирии, в начале 70-х годов принявший российское подданство. Следует отметить, что он — составитель арабско-русского словаря (см. с. 175).

Преподавателями практических занятий по турецкому языку были С.Е. Саков (1846—1921), который работал в Специальных классах в 1871—1908 гг., и с 1885 г. — С.Г. Дзерунян⁸.

⁵ Умер Хаханов в 48 лет от туберкулеза.

⁶ Штакельберг родился в Абни (Прибалтийский край). Закончил немецкую гимназию, где получил хорошее знание древних языков.

⁷ Начав слепнуть, Штакельберг, вероятно опасаясь полной потери зрения, покончил жизнь самоубийством.

⁸ Встречается написание Церуниан (1869—1931). Родился в Турции. Образование получил в стамбульском лесном и горном училище, по окончании которого работал учителем армянского языка в школах Сиваса и Стамбула.

Почти 40 лет вел практические занятия по персидскому языку М.-Дж. Ризаев. Он же издал в Казани и Москве ряд пособий по этому языку, а при участии Ф.Е. Корша опубликовал грамматику персидского.

Весьма интересной и своеобразной личностью среди преподавателей института был Агафангел Ефимович Крымский (1871—1942), жизнь, научную и педагогическую деятельность которого следует разделить на два периода: первый — до осени 1918 г. и второй — с переезда профессора в 1918 г. в Киев. С некоторой долей условности эти два периода можно назвать соответственно московским и киевским. Определенная условность названия «московский» связана с тем, что Крымский, будучи в Москве, обучаясь в московских высших учебных заведениях (сперва в ЛИВЯ, затем в Московском университете) и позже работая в Лазаревском институте, был тесно связан с деятелями украинской культуры и литературы, писал художественные произведения, занимался переводами на украинский язык.

Широта научных интересов Крымского, его редкое трудолюбие, целеустремленность, прекрасный дар популяризатора — все это позволило акад. Крачковскому написать о нем: этот «славист и востоковед (арабист, иранист и тюрколог)... обладал выдающимся литературным дарованием, был крупным украинским писателем и поэтом, но значительную часть своей жизни посвятил преподаванию и популяризации. Большинство востоковедных работ и возникло у него из стремления удовлетворить потребности своих студентов; постепенно и быстро им была создана целая библиотека... пособий по арабистике...» [Крачковский, 1958, с. 118].

На пороге нового столетия началась научная деятельность и другого воспитанника Лазаревского института — Владимира Александровича Гордлевского (1876—1956), крупнейшего нашего тюрколога. После окончания гельсингфорсской гимназии Гордлевский завершил свое образование в Специальных классах Лазаревского института и на историко-филологическом факультете Московского университета.

Преподавательская деятельность в ЛИВЯ Гордлевского способствовала появлению его работ по турецкой литературе и языку.

До революции ученый издал несколько десятков статей, заметок и рецензий по различным вопросам тюркологии. Круг интересов его был очень широк. Он занимался этнографией, фольклором и литературой, изучал современную и прошлую жизнь Турции соответственно на основе личных наблюдений и письменных источников. Из всех дореволюционных тюркологов России Гордлевский имеет наибольшие заслуги в собирании образцов турецкого фольклора. Различные жанры устного народного творчества были представлены в следующих его записях и публикациях: «Из ис-

тории османской пословицы и поговорки», «Османские сказания и легенды», «Османские сказки», «Образцы османского народного творчества» и др.

Заслуживает упоминания статья Гордлевского «Из комментариев к старо-османскому переводу хроники малоазийских Сельджукидов, т.е. хроники Ибн-Биби». Интерес к периоду Сельджукидов Гордлевский сохранил на всю жизнь, и именно эта и другие работы по средневековой истории послужили отправным пунктом к его капитальному труду «Государство Сельджукидов Малой Азии», опубликованному в 1941 г.

С сентября 1901 г. начал преподавать в Специальных классах Мирза Абдулла Гаффаров⁹ — специалист по современным (или, как писали в то время, живым) тюркским и персидскому языкам. Гаффаров показал себя не только хорошим преподавателем восточных языков, но и автором ряда пособий и одного из лучших персидско-русских словарей.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В КАЗАНИ

Как говорилось выше, в результате реформы восточного образования в середине прошлого века восточный разряд Казанского университета был переведен в Петербург (1854—1855) и Казанский университет утратил занимаемые ранее позиции. Тем не менее продолжавшееся в Казани изучение ряда востоковедных дисциплин заслуживает внимания. Поздняя школа казанского востоковедения, практически не получившая освещения в научной литературе, внесла значительный вклад в изучение Востока, несмотря на отличавший ее миссионерский исламоведческий подход.

В Казанской Духовной академии (1842—1920) изучались на миссионерских (противомусульманском и противобуддийском) отделениях соответственно арабский, персидский, турецкий языки и языки местных народов тюркского и финно-угорского происхождения, а также монгольский, калмыцкий и языки народов Средней Азии и Сибири.

Известнейшим исламоведом середины XIX в. был Гордий (Гордей) Семенович Саблуков (1804—1880). В его научной биографии прослеживаются два важных периода исследовательского творчества: саратовский (1830—1849) и казанский (1849—1880). В саратовский период Саблуков занимался нумизматикой, архео-

⁹ Ввиду отсутствия метрических документов «время рождения г. Гаффарова М.А. надлежит отнести на основании числа лет 47, показанных в паспорте 1914 г., к 1868 году» [МОИА, ф. 213, оп. 2, д. 609, л. 97].

логией, этнографией и историей Улуса Джучи XIII—XV вв. (подробно об этом см. [Валеев, 1984]).

В 1849 г., в связи с предстоящим отъездом проф. Н.И. Ильминского в научную командировку на Ближний Восток, Саблуков был приглашен в Казанскую Духовную академию. Ему было поручено преподавание татарского, греческого, арабского языков и миссионерских наук. Здесь, в Казани, у Саблукова окончательно сформировался научный интерес к исламоведению. Особенно плодотворной стала его исламоведческая деятельность после ухода в отставку (1862), когда ученый полностью посвятил себя исследованию и переводу Корана. Если даже допустить, что Коран как исторический источник заинтересовал Саблукова только в период работы в Казани, то и тогда получается, что исследователь посвятил изучению этого источника около 30 лет. Можно даже считать это делом его жизни. Саблуковский перевод Корана выдержал три издания: 1877, 1894 и 1907 гг.

Ученый рассматривал Священную книгу мусульман как важнейший первоисточник по истории ислама, как основной сборник догматов мусульманского вероучения и как древнейший памятник арабской литературы, написанный рифмованной прозой. Такой подход представлял примечательное явление в отечественной историографии [Саблуков, 1884, с. 149].

Основным приемом Саблукова стало сопоставление Священной книги ислама с доисламской и современной Мухаммеду поэтической традицией. В числе доисламских и ранних поэтов мусульманского времени, к поэтическому наследию которых обращался исламовед, особо выделяется знаменитый бедуинский поэт VI века Имруулькайс (ум. ок. 550 г.).

Саблуков-исламовед уделял немалое внимание выявлению противоречий в каноническом тексте Корана: «Противоречия в Коране остались... от того, что Мухаммед выдавал его по отрывкам, главам, стихам, но всего Корана в полном составе ему не удалось прочитать. Он, конечно, их заметил бы и исправил, если бы все отрывки при нем были собраны в книгу» [ЦГА Татарстана, ф. 967, оп. 1, д. 159, л. 6]. Исследователь считал Мухаммеда автором Корана.

Саблуков обосновывал аравийское происхождение Корана. «Мухаммед, передавая учение... от лица бога... рассуждает как араб» [там же, д. 165, л. 20]. В связи с рассмотрением аравийских истоков ислама пристальное внимание уделяется религиозным обычаям доисламской Аравии. Коран, по Саблукову, письменный памятник раннего периода ислама, «занятый по преимуществу решением вопросов, относящихся к теоретической, нравственной и обрядовой части религии, а также и к государственной жизни» [там же, д. 164, л. 23]. Коран не передает исторических сведений,

не рассказывает о современных событиях в Аравии или в жизни самого Мухаммеда [там же, д. 166, л. 38]. Слово «Коран» трактуется автором как «чтение» или «читаемое».

Гордий Семенович отмечал, что выгодное изменение положения Мухаммеда как главы государства в Медине «изменило и содержание его поучений, дало другой тон его речам». Положив гипотезу о различии мекканских и мединских сур Корана в основу научной хронологии, автор «Сведений о Коране» писал: «Основываясь на этих резких противоположностях, читатель Корана с довольною верностью может, не сверяясь с толкованиями мусульман, узнавать, когда, в каком месте дана была та или другая тирада этой книги» [Саблуков, 1884, с. 30, 31].

Литературное оформление этого сборника исламовед относил к послемухаммеданскому времени — периоду правления первых халифов, а окончательное канонизирование текста — к правлению третьего халифа — Османа (644—655), хотя и допускает возможность некоторых дальнейших изменений в каноническом тексте [там же, с. 21].

Наряду с Кораном Саблуков занимался также мусульманскими преданиями (сунной и хадисами). В работах 70-х годов он дал попытку критического освещения происхождения и исторической достоверности хадисов. По сравнению со своими предшественниками он не переоценивал исторической достоверности мусульманских преданий, допускал эволюцию и тенденциозность хадисов. Возникновение большинства хадисов он относил к периоду после зарождения ислама (VII — середина IX в.) [ЦГА Татарстана, ф. 967, оп. 1, д. 161, л. 47]. Из всего комплекса социальных факторов, способствовавших формированию хадисов, Саблуков выявил влияние борьбы сект в исламе и двух направлений — шиитского и суннитского. Он обосновал несостоятельность хадисов как источника по начальному периоду ислама [там же, л. 59]. Эта его точка зрения нашла подтверждение позднее: в западноевропейском исламоведении «в начале нашего столетия под влиянием исследований И. Гольдциера было подорвано доверие к мусульманскому преданию (хадисам) как историческому источнику начального ислама» [Беляев, 1966, с. 1]. Значение и ценность сведений хадисов определялись в большой степени для Саблукова тем, что они «отражают социальные отношения и исторические сдвиги в странах Халифата и складывавшиеся в этот период правовые воззрения» [ЦГА Татарстана, ф. 967, оп. 1, д. 161, л. 5].

Ученый-исламовед принимал активное участие в источниковедческом серийном издании И.Н. Березина «Библиотека Восточных историков». Его перевод сочинения хивинского хана и историка Абу-ль-Гази «Шаджара-и тюрк» — «Родословное древо тюрков» (см. [ИОВ 1, с. 368, примеч. 8]) стал неоценимым научным

достоянием отечественной тюркологии и необходимым источником для исследования позднефеодальной истории тюрок Средней Азии.

Саблуков был основателем и действительным членом ОАИ-ЭКУ (см. ниже). Его труды печатались в «Известиях ОАИЭКУ». В 1903 г. проф. С.И. Порфирьев (внук Саблукова) передал в дар этому обществу библиотеку его восточных книг¹⁰ и 30 рукописей на арабском, персидском, турецком, татарском и «киргизском» языках. Личный архив Саблукова также был передан ОАИЭКУ. Здесь и рукописи переводов Корана, и объяснения сур, и заметки и выписки о «магометанском вероучении» на русском и арабском языках. В архиве хранятся также рукописи комментариев к Корану различных мусульманских богословов.

Другой видный казанский востоковед конца XIX — начала XX в., проф. Ефим Александрович Малов (протоиерей Евфимий; 1835—1918), родился в Симбирской губернии в семье священника. Начальное образование получил в Симбирской Духовной семинарии. По окончании ее в 1858 г. он поступил в Казанскую Духовную академию, которую успешно закончил в 1862 г. со степенью магистра. Лучший ученик Саблукова, он в совершенстве овладел татарским, арабским и еврейским языками.

По рекомендации признанного тюрколога Н.И. Ильминского, преподававшего в Казанском университете и параллельно в Казанской Духовной академии, Малов с 1863 г. работал в академии на миссионерских отделениях, на кафедре противомусульманских предметов. Здесь он преподавал татарский язык и сотрудничал с Ильминским в работе над переводами татарских текстов. Наряду с преподаванием татарского языка и «противомусульманской полемики» Малов также вел курс еврейского языка. С 1884 г. он «читал метод полемики с мусульманами, язычниками и евреями». Деятельность Малова положила начало практическому изучению мусульманства. Он детально знал христианскую, иудейскую, мусульманскую религию, их догматы и источники.

Деятельность Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878—1929) была посвящена изучению прошлого и настоящего русского народа, тюркоязычных (татар, башкир, чуваш) и финно-угорских (мари, мордвы, удмуртов, коми) народов, народов Средней Азии (киргизов, калмыков, якутов, бурят) и Сибири (урянхайцев/тувинцев, чукчей и т.д.). Среди членов ОАИЭКУ были видные ученые не только Казани, но и других крупных городов России.

¹⁰ Среди книг, изданных в 1803—1873 гг., — сочинения по истории ислама в Аравии, Средней Азии, Золотой Орде. См. [Известия ОАИЭКУ. 1904, т. 20, с. 10 (Протоколы)].

Востоковед Николай Петрович Остроумов (1846—1930) родился в дворянской семье в Тамбовской губернии. Образование получил в Тамбовской семинарии и в Казанской Духовной академии (1866—1870) под руководством проф. Н.И. Ильминского. Наряду с восточными языками (персидским, арабским, татарским, узбекским и др.) он изучал европейские (французский и немецкий), также знал греческий и латынь. В те годы академия стремилась готовить преподавателей из числа своих воспитанников. В 1870 г. по рекомендации Ильминского Остроумов занял кафедру противомусульманских предметов, а в 1871 г. был утвержден в степени магистра. Почти случайно начав заниматься мусульманством, он не оставил интереса к нему и после отъезда из Казани. Особую роль в этом сыграл Саблуков, которому Остроумов был представлен Ильминским в 1870 г. и который с этих пор становится его наставником.

От Казанской Духовной академии Остроумов был назначен депутатом на IV археологический съезд, где было решено утвердить ОАИЭКУ. В 1876 г. состоялся предварительный комитет по подготовке съезда. Активное участие в его работе приняли казанские востоковеды, в том числе Остроумов, который в это время непосредственно занимался изучением религии и быта татар и других народностей Поволжья. В работе съезда Николаю Петровичу не довелось участвовать: по ходатайству Ильминского распоряжением МНП от 1 июля 1877 г. он был назначен инспектором народных училищ Туркестанского края и уехал из Казани, рекомендовав на кафедру противомусульманских предметов своего ученика М.А. Машанова — впоследствии крупного исламоведа, работы которого он оценивал весьма высоко.

«Известия ОАИЭКУ», издававшиеся по одному тому в год, регулярно высылались на адрес ташкентской «Туркестанской туземной газеты», редактором которой был Остроумов, и в Туркестанский кружок любителей археологии, в котором он состоял вице-президентом. В «Известиях» публиковались переводные и оригинальные статьи по общим вопросам археологии, истории и этнографии, специальные статьи и исследования по Восточной России (Поволжью, Средней Азии и Сибири), произведения народного творчества, словари нерусских языков и местных говоров, хроникальные сведения о музеях Восточной России, о находках, раскопках, археологических, археографических, антропологических и этнографических экспедициях и другие материалы. Кроме того, в «Известиях» часто помещались аннотации и на те книги членов ОАИЭКУ, которые издавались за пределами Казани.

Николай Петрович — автор более чем 300 работ по различным проблемам изучения Востока. Одно из центральных мест в его исследованиях отводится изучению ислама. Еще студентом

академии он начал исследовательскую работу по изучению ислама и его атрибутов. В Казани под влиянием своих учителей у него появляются особые научные методы исследования, которыми он пользуется впоследствии, уже будучи в Ташкенте.

Курсовым сочинением Остроумова был «Критический разбор Мухаммеданского учения о пророках». Это первое исследование по исламу было написано в рамках требований Казанской Духовной академии, т.е. содержало прямую полемику с исламом.

В 1910—1914 гг. выходит пять работ Остроумова, объединенных общей темой — «Исламоведение»:

1. Аравия, колыбель ислама (1910),
2. Коран (1912),
3. Догматы Корана (1912),
4. Шариат (1912),
5. Введение в курс исламоведения (1914).

Отдельные главы первой из этих работ, «Аравия, колыбель ислама», выходили в журнале Казанской Духовной академии за 1896—1898 гг. Позже Остроумов дополнил ее. В Ташкенте были учреждены особые курсы для офицеров, готовящихся занять административные должности в Туркестанском крае, коренное население которого исповедует мусульманскую религию и следует в своей жизни предписаниям шариата. Николай Петрович принял приглашение ознакомить слушателей этих курсов с исламоведением, но встретился с большим затруднением — отсутствием книг по теме. Так он приступил к выпуску указанных книг.

Как ученый-востоковед Остроумов сложился в Казани, восприняв традиции казанской школы востоковедения, которые он продолжил и в Туркестанском крае, где был одним из ведущих востоковедов, «лучшим знатоком ислама». Он оставил большое научное наследие, не потерявшее своего значения по сию пору и требующее изучения.

К младшему поколению востоковедов Казанской Духовной академии принадлежал проф. Михаил Александрович Машанов (1852—1924). Он родился в Тобольской губернии в семье протоиерея. После окончания Тобольской Духовной семинарии в августе 1872 г. был зачислен студентом Казанской Духовной академии, где, по существу, прошла вся его жизнь — сначала в качестве студента, затем преподавателя.

В 1885 г. он защитил магистерскую диссертацию «Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение к изучению ислама». Машанов рассматривал причины зарождения ислама у арабов-язычников, учитывая, что данная тема в литературе не разработана.

Машанов предстает прежде всего как арабист, получивший хорошую подготовку во время командировки на Арабский Восток.

Круг его научных интересов весьма широк, но прежде всего он интересовался проблемами исламоведения. Как миссионер, он предлагал критику ислама с позиций христианства, но считал, что этой критике должно предшествовать основательное изучение ислама по арабским источникам, мусульманской богословской литературе. Тем самым Машанов, как и все ведущие востоковеды Казанской Духовной академии (Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, Е.А. Малов и Н.П. Остроумов), отстаивал научные методы исследования.

Свою работу он считал, как это видно уже из ее заголовка, введением к изучению ислама, указывая на прямую связь ислама с верованиями древних арабов. Машанов дает подробную характеристику доисламским верованиям арабов, утверждая, что ислам не только сохранил явные следы языческих представлений древности, но что они лежат в самой основе ислама. Автор утверждает, что идея единобожия была присуща арабам и до прихода Мухаммеда: «Идея единобожия не только существовала в Аравии в древние времена, но и всегда сохранялась у арабов, иначе невозможно объяснить характер ханифов, их признание культа Аллаха, общего для всех арабов, и... идея единого бога составляла корень арабской религии всех веков» [Машанов, 1885, с. 185]. Автор считает, что Мухаммед не является основателем новой религии. Для доказательства своей точки зрения он ссылается на Коран, Библию и арабские источники, освещавшие идеологию и деятельность ханифов (благочестивых людей доисламской Аравии, отвергавших поклонение идолам и веривших в единого бога, но не примыкавших ни к христианам, ни к иудеям).

При написании своей магистерской диссертации Михаил Александрович почувствовал необходимость обратиться к основной мусульманской богословской литературе, к арабским источникам в оригинале для расширения и углубления своей источниковедческой базы. В начале 1885 г. он обратился в Совет Казанской Духовной академии с докладной запиской о необходимости научной командировки на Восток (в Сирию, Палестину, Египет и Джидду в Хиджазе). По поручению Совета проф. Маловым была написана инструкция, перечислявшая задачи, возлагаемые на Машанова за границей. Их можно разделить на две группы: научные и миссионерские. Первые состояли в следующем:

а) основательно изучить арабский язык, преимущественно «классически-литературный» и научный, в такой степени, чтобы иметь возможность свободно пользоваться арабскими сочинениями по богословию, истории и языкознанию;

б) с возможной полнотой и обстоятельностью изучить верование ислама по его источникам: Корану, преданиям, толкованиям (тафсир аль-Куран);

в) ознакомиться с лучшими и наиболее капитальными системами исламского богословия на арабском языке;

г) изучить историю ислама;

д) насколько возможно, ознакомиться с бытом, преимущественно в религиозном отношении, мусульманских народов тех стран, по которым предстояло путешествие [ЦГА Татарстана, ф. 10, оп. 1, д. 7872, л. 112].

Два года длилась научная командировка Машанова (октябрь 1885 г. — октябрь 1887 г.). Основными пунктами его пребывания были Джидда и Каир. По справедливому утверждению акад. Крачковского, пребывание Машанова на Востоке дало ему хорошее знакомство не только с арабским языком, но и со всем мусульманским миром, разнообразных представителей которого он мог встретить в Хиджазе. В Джидде он изучал арабскую грамматику с арабским шейхом и усваивал навыки устной речи. За границей Машанов приобрел многочисленную литературу на арабском языке. 75 названий книг получила академическая библиотека. Отражением этих двухгодичных непосредственных наблюдений явилась статья ученого «Европейские христиане на мусульманском Востоке».

В 1887 г. в Казани был издан «Краткий отчет о научных занятиях доцента Академии М.А. Машанова во время командировки его на Восток». Этот отчет является наиболее ценной научной работой Машанова.

По своим общественно-политическим взглядам Машанов оставался представителем «официально-охранительного направления», ревностным защитником православного христианства.

В 1919—1920 гг. он создал курс лекций под названием «Ислам среди народов Восточной России», состоящий из «38 томов рукописного текста (более 800 листов)». Этот курс является по существу изложением мусульманской догматики. В этом труде подробно рассматриваются все вопросы догматики, характеризуются точки зрения основных мусульманских сект по тому или иному вопросу, иногда сравниваются точки зрения мусульманских богословов и арабских философов. Тома 1 и 2 посвящены общему знакомству с исламом, Мухаммедом, Кораном; здесь же освещаются вопросы, касающиеся арабской философии средневековья. В томах 4, 7 и 8 дается характеристика мусульманских сект; в 5-м и 6-м рассматривается вопрос о мусульманских преданиях; тома 9—38 посвящены теории и доказательствам основных положений веры, т.е. догматики; в них также приводятся мнения различных мусульманских богословов, философов. В курс лекций органически вошли рукописи Саблукова «Иман», «Ислам», «дин», «Миллят», «О Коране», «О вере», «О чудесах, какие приписывают Мухаммеду его последователи», «О блаженной жизни по Корану».

Кроме того, в т. 20 содержится материал, переведенный с арабского языка Ильминским (из собраний Саблукова).

Этот курс лекций Машанов читал безвозмездно на Восточном отделении открывшегося в 1917 г. в Казани Северо-Восточного археологического и этнографического института.

Как и многие востоковеды XIX века, Машанов рассматривал ислам как своеобразную культуру, религиозную идеологию и государственно-политическую организацию. Его историографические обзоры о переводах Корана, исследования по проблемам арабской философии в Западной Европе представляют определенный научный интерес. Заслуживает внимания тот факт, что этот ученый, как правильно отметил акад. Розен, в конце XIX — начале XX в. «был единственным в России, кто занимался проблемами состояния арабов в доисламский период их жизни» [ЗВОРАО. 1888, т. II, вып. 3, с. 8].

В 1884 г. в Казанской Духовной академии были учреждены две новые кафедры по изучению духовной культуры монголов, бурят и калмыков [Успенский, 1994].

ВОСТОКОВЕДИЕНИЕ В ДЕРПТСКОМ/ЮРЬЕВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В Дерптском (с 1893 г. Юрьевском) университете изучение Востока в рассматриваемое время, как и в первой половине XIX в., было в основном сосредоточено на кафедре восточных языков богословского факультета. В 1859—1870 гг. должность профессора экзегетики и восточных языков занимал И.-Г. Куртц (1809—1890), известный своими многочисленными трудами и учебниками по церковной истории [Словарь Левицкого, т. I, с. 94, 113].

В 1870 г. его место занял Г.-Ф. Мюлау. На петербургском конгрессе ориенталистов 1876 г. (см. ниже специальный параграф) Мюлау представлял Дерптский университет. Проблемами исследований этого ученого были историческая география Палестины и библеистика. После своей отставки в 1895 г. Мюлау жил и работал в Германии [там же, с. 94, 95, 127].

Устав 1799 г. предусматривал в составе богословского факультета четыре ординарные профессуры, в том числе одну для экзегетики и восточных языков. В 1861 г. встал вопрос об учреждении на факультете самостоятельной кафедры семитских языков. По новому университетскому Уставу 1865 г. богословский факультет располагал пятью ординарными профессурами, в том числе одной для семитских языков.

Сначала экстраординарным, а затем ординарным профессором этой кафедры стал И.-Х.-В. Фольк (1835—?). Он преподавал все семитские языки и читал лекции по библеистике, а также обучал желающих персидскому и древнеиндийскому языкам. В качестве

представителя Дерптского университета Фольк присутствовал на конгрессах ориенталистов: в 1872 г. — в Лейпциге, в 1876 г. — в Петербурге, в 1878 г. — во Флоренции, в 1891 г. — в Берлине, а также в 1890 г. — на берлинских чтениях по ассириологии. В 1898 г., после 36-летней службы в Дерптском университете, Фольк вышел в отставку и переселился в Германию [там же, с. 103—105, 128].

Из преподавателей кафедры семитских языков кроме Фолька, который работал здесь до 1898 г., нам еще известны А. фон Бульмеринк и О.-Э. Зееземанн.

Александр фон Бульмеринк не был в отличие почти от всех остальных дерптских профессоров уроженцем Германии. Он родился в 1868 г. в Петербурге. Его отец работал в училище правоведения преподавателем остзейского права. Вскоре после рождения сына семья переселилась в Варшаву. Здесь Бульмеринк учился в гимназии. В августе 1885 г. он поступил на богословский факультет Дерптского университета. Его занятия начались под руководством профессора Фолька с изучения еврейского языка. Одновременно декан богословского факультета Мюлау предложил ему от имени факультета специализироваться в области библеистики. В декабре 1890 г. Бульмеринк окончил университетский курс со степенью кандидата богословия и весной 1891 г. по направлению богословского факультета отправился в Лейпциг для подготовки к дальнейшей университетской карьере. Здесь с 1891 по 1894 г. под руководством знаменитого семитолога А. Социна он занимался арабским языком, диалектологией и поэзией арабов; у профессора Креля читал Коран; слушал лекции по сирийскому и арамейскому языкам у известного ассириолога Ф.Ю. Делича.

Весной 1894 г. Бульмеринк вернулся в Юрьев, где защитил магистерскую диссертацию. В феврале 1895 г. по предложению богословского факультета он был допущен университетским Советом к должности приват-доцента экзегетики. Вскоре он прочел свою вступительную лекцию и стал преподавателем еврейского языка.

Год спустя Бульмеринк снова был командирован в Лейпциг сроком на один год. Целью командировки было усовершенствование познаний в семитских языках. Под руководством Социна он занимался изучением арабских поэтов и комментаторов, сравнительной грамматикой современных наречий арабского языка; у профессора Креля изучал эфиопский язык; у преподавателя Исидора Кагана читал вавилонский Талмуд.

Вернувшись в Юрьев, Бульмеринк начал вести курс арабского языка — грамматику и практические упражнения по хрестоматии Р.-Э. Брюннова. В 1898 г. он был назначен экстраординарным

профессором семитских языков; читал лекции по еврейской, арабской, сирийской грамматикам, равно как и по библеистике. В качестве представителя Юрьевского университета Бульмеринк присутствовал на двух международных конгрессах ориенталистов: в 1899 г. — в Риме и в 1902 г. — в Гамбурге [там же, с. 103 сл.].

Александр фон Бульмеринк стал одним из немногих специалистов по Востоку, подготовленных в Дерптском университете, где он систематически вел преподавание арабского и других семитских языков. Его научные работы посвящены в основном экзегетике и библейской археологии.

Современник Бульмеринка и его коллега Отто Эмиль Зеезemann (1866—1945) изучал теологию в Дерптском университете и востоковедение — в Лейпцигском; с 1900 по 1914 г. в Юрьеве был приват-доцентом семитских языков, а в 1914—1916 гг. — экстраординарным профессором библеистики [там же, с. 105 сл.].

До 1865 г. обучение всем восточным дисциплинам осуществлялось на богословском факультете. В указанном же году преподавание языков индоевропейского Востока было отделено от преподавания семитских языков и поручено историко-филологическому факультету, существовавшему при Дерптском университете начиная со второго полугодия 1850 г. Семитские языки оставались по-прежнему в ведении богословского факультета, как неотделимая часть его программы. По Уставу 1865 г. была учреждена совершенно новая кафедра немецкого языка и сравнительного языкознания. Отныне преподаватели историко-филологического факультета читали и индоарийские языки.

Учрежденную по Уставу 1865 г. кафедру немецкого языка и сравнительного языкознания первым возглавил выходец из Германии Лео Мейер. В течение 33 лет он работал здесь в должности ординарного профессора. Умер Мейер в Германии в июле 1910 г. [Словарь Левицкого, т. II, с. 563—565, 642].

Учеником Мейера был известнейший санскритолог Л. фон Шредер [там же, с. 569—571, 645]. Он родился в Дерпте в 1851 г., здесь учился в гимназии и университете; после окончания Дерптского университета в 1873 г. совершенствовал знания санскрита в Лейпциге у Г. Брокгауза и Э. Куна, в Иене — у Б. Дельбрюка и К. Капеллера, в Тюбингене — у Р. Рота. Помощь молодому санскритологу оказывал О. Бётлинк. В 1877 г. Шредер защитил диссертацию об ударении в языке Гомера в сравнении с ведийским языком, а в 1879 г. в Дерпте — докторскую диссертацию о важном памятнике ведийской литературы «Майтраяния самхита». По поручению и на средства Академии наук Шредер издает текст этого древнеиндийского произведения.

С Дерптом связан первый период научной и педагогической деятельности ученого. Однако в начале 1890-х годов началась

кампания по русификации университета; все преподавание должно было отныне вестись на русском языке. С помощью замечательного индолога Георга Бюлера и молодого тогда Ф.И. Щербатского в 1894 г. Шредер смог перебраться в Инсбрук, а через несколько лет стал преемником Бюлера в университете в Вене. За долгую жизнь он написал множество научных трудов в области лингвистики, литературы и религии древней Индии. В начале XX в. Шредер считался одним из патриархов индологии. Связи его с Прибалтикой не прерывались: он состоял членом различных ученых и литературных обществ (Ученого эстонского общества, Научного общества Риги и др.). Эти связи оказали влияние и на его научные интересы. Так, он исследовал обычаи (в особенности свадебные) эстов и других угро-финских племен и находил свидетельства контактов этих племен в глубокой древности с индоевропейскими арийскими племенами.

Учеником Мейера и Шредера был известный санскритолог, впоследствии профессор Киевского университета, Ф. Кнауэр (1849—1917) [там же, с. 574—578, 645]. Окончив Дерптский университет, он два года провел в университете Тюбингена у проф. Р. Рота. В 1884 г. Кнауэр преподавал в Дерпте, а в 1885 г. был приглашен приват-доцентом в Киевский университет (в 1886 г. — экстраординарный, в 1890 г. — ординарный профессор). В течение многих лет ученый работал над изданием интереснейших и сложнейших памятников индийской литературы — грихьясутры и шраутасутры школы Манавы. Эти издания, впервые появившиеся в России, являются важнейшими пособиями для всех санскритологов, интересующихся поздневедийскими текстами и ритуалом. Выше уже упоминался учебник санскрита, составленный им совместно с В. Миллером. Кнауэр опубликовал и другой учебник санскрита на русском языке, вышедший в Лейпциге в 1908 г. В приложенную к нему хрестоматию впервые вошли ритуальные тексты шраута и грихья. У Кнауэра учились А. Баранников, Б. Ларин, Г. Ахвледиани — будущие видные советские индологи и лингвисты.

Еще один санскритолог, А.И. Александров (1861—1918) [там же, с. 579—582, 646]^{10а}, преподавал в Дерптском университете только один год — 1886-й. Позже он был профессором на кафедрах сравнительного языкознания и санскрита в Харьковском и Казанском университетах.

После Л. Мейера на кафедру немецкого языка и сравнительного языкознания Юрьевского университета был приглашен Дмитрий Николаевич Кудрявский (1867—1920) [там же, с. 587, 588,

^{10а} См. также: Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979, с. 49—50.

647]. В 1889 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета по словесному отделению и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания и санскрита, занимаемой в то время И.П. Минаевым. В 1894—1895 гг. он занимался сравнительным языкознанием и ведийским санскритом в Иенском университете под руководством Б. Дельбрюка. С осени 1895 г. Кудрявский — приват-доцент в Петербургском университете. В декабре 1898 г. он был назначен на должность экстраординарного профессора Юрьевского университета по кафедре немецкого языка и сравнительного языкознания.

Помимо общего курса языкознания Кудрявским были подготовлены и специальные санскритологические работы: хрестоматия санскрита со словарем и очерком грамматики (1903), «Начальный курс санскрита» (1917) и перевод «Хитопадеша». Основные его научные работы посвящены древнеиндийским текстам о домашних обрядах — грихьясутрам. Изучая древнеиндийскую ритуальную литературу, Кудрявский продолжал традиции, заложенные Шредером и Кнауэром. Специальные статьи были посвящены ашрамам — стадиям в жизни древних индийцев (1900) и специфике грихьясутр как источника для истории древнеиндийской бытовой культуры. Монографическое исследование ученого о древнеиндийских домашних обрядах содержит анализ двух обрядов: приема почетного гостя и упанаяны — посвящения в брахманские ученики. Здесь приводятся переводы соответствующих частей из грихьясутр Ашвалаяны и Каушики. Кудрявский исследовал санскритские тексты с точки зрения индоевропеистики, сопоставляя их с материалом, относящимся к другим, родственным народам (прежде всего с данными поэм Гомера).

Следуя современным тенденциям в подходе к проблемам сравнительной этнологии (в частности, работам М. Винтерница), ученый попытался определить методику научного анализа. Сущность обрядов и социальных институтов Кудрявский исследует с помощью этнографического материала о жизни племен, близких к первобытности. Так, стадии жизни древних индийцев он объясняет, исходя из системы возрастных классов, сохранившихся у австралийцев. Научную деятельность ученого вообще характеризует интерес к сравнительной этнографии и первобытной истории.

С 1889 по 1909 г. алтайские языки в университете преподавал К.-А. Херманн (1851—1909), получивший образование в Дерпте, Лейпциге и Будапеште. Судя по печатным обзорам лекций в Дерптском/Юрьевском университете тех лет, Херманн наряду со своей узкой специальностью (эстонским языком) читал сверх университетской программы ряд лекций по сравнительному языко-

знанию: 1) грамматику маньчжурского языка со ссылками на тунгусский и на другие угро-алтайские языки; 2) турецкую грамматику со ссылками на угро-алтайские языки; 3) грамматику маньчжурского языка со ссылками на тунгусский, турецкий, мадьярский (т.е. венгерский) и финно-эстонский языки; 4) эстонский язык в сопоставлении с финским, мордовским, черемисским, мадьярским, турецким и маньчжурским языками [там же, с. 634; Нурмекунд. Китаеведение, с. 480; Нурмекунд, 1968, с. 9; Нурмекунд, 1973, с. 115] (названия языков даны в терминологии автора).

Кроме того, Херманн время от времени выступал в Ученом эстонском обществе с докладами по вопросам алтаистики: 11 марта 1881 г. темой его доклада было сравнение маньчжурского языка с эстонским и финским; 3 июня 1881 г. — то же относительно тунгусского языка; 4 ноября 1892 г. — турецкого языка [там же]. Исследования Херманна в области алтайских языков написаны на немецком языке и опубликованы в ежегодниках Ученого эстонского общества.

ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Оживившийся в последние годы XIX в. спор о том, какое направление в области востоковедения в России следует предпочесть — научное или практическое, отчасти был решен учреждением в 1899 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте Восточного института во Владивостоке (см. [Хохлов, 1994 (3)]). Его задача сводилась к подготовке кадров, владеющих восточными языками, для дипломатических, коммерческих, религиозных и военных учреждений. Тем не менее Восточный институт сыграл важную роль в развитии не только практического, но и научного востоковедения. А.М. Позднеев, первый руководитель института, в мае 1903 г. отмечал, что его создатели с самого начала не сомневались в «двух якобы различных явлениях — науке и практике», поскольку наука и практика «представляют собой... лишь два различных метода», имеющих перед собой одну и ту же цель [ИВИ, т. IX, с. CLXXV].

Указ об открытии института последовал 9 июля 1899 г., и первым его директором стал один из ведущих монголоведов — Алексей Матвеевич Позднеев (1851—1920), который вместе с братом Дмитрием Матвеевичем Позднеевым (1865—1937) принимал активное участие в создании нового учебного центра по подготовке востоковедов. Новое учебное заведение находилось в ведении Министерства народного просвещения, но важными функциями контроля за его деятельностью обладал приамурский генерал-губернатор.

На торжественном открытии Восточного института (21 октября/3 ноября 1899 г.) А.М. Позднеев подчеркнул, что институт должен готовить «лиц для административной и торгово-промышленной деятельности на Востоке», и указал на особую важность практического изучения стран Дальнего Востока. Он, в частности, отметил, что в Петербургском университете до сего времени велось «весьма ограниченное и условное как в количественном, так и в качественном отношении» изучение стран Дальнего Востока [ИВИ, т. I, с. 73].

Открытие первого на Дальнем Востоке высшего учебного заведения было с энтузиазмом встречено российской общественностью. Представители более 40 делегаций на торжественной церемонии по этому случаю прочли приветственные адреса. Институтом было получено свыше 80 телеграмм, в том числе от ведущих вузов, РГО и многих других научных и общественных организаций [Скачков, 1977, с. 254]. «Факультет восточных языков, — говорилось в телеграмме декана восточного факультета Петербургского университета В.Р. Розена, — шлет новому рассаднику просвещения на далекой окраине свой горячий привет. Факультет с гордостью вспоминает, что его питомцам выпала завидная доля быть пионерами русской науки на крайнем Востоке, и уверен, что Восточный институт с честью исполнит возложенную на него великую задачу» [ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 7, л. 69]. Оценивая открытие Восточного института как светлый праздник русского востоковедения, профессора и преподаватели специальных классов Лазаревского института в своей телеграмме (за подписью В. Миллера) желали своим дальневосточным коллегам «блестящего роста их научным насаждениям близ границ древней культуры Востока» [там же, л. 70]. Приветственные телеграммы прислали во Владивосток и известные в странах Дальнего Востока представители российских торговых фирм (например, А.Д. Старцев из Тяньцзиня), и руководители некоторых учебных заведений Китая (в частности, Пекинского университета) [там же, л. 114, 82].

Первые трудности, выпавшие на долю создателей Восточного института, были связаны прежде всего с устройством его помещений и территории. Решение ряда неотложных хозяйственных и бытовых проблем позволило администрации института сосредоточить внимание на подборе преподавательских кадров и наборе слушателей. Осенью 1900 г. А.М. Позднеев писал генерал-губернатору Приамурского края Н.И. Гродекову: «Число преподавателей института возросло до 17, и готовятся к занятию профессорских кафедр при институте двое. Состав слушателей увеличился возвышением числа откомандированных офицеров с 4 до 10 на каждом курсе, или, что то же, с 16 до 40 в общем составе

институтских слушателей. Такое определение [числа офицеров] будет значительно содействовать успехам государства, которому еще долгое время придется иметь на Востоке чисто военное управление... Всего к началу учебного года в институте было 82 слушателя, в том числе студентов — 50, вольнослушателей — 14 и офицеров — 18. Поступило на 1-й курс 37, из коих 8 получили среднее образование в духовных семинариях, а остальные — из светских учебных заведений...» [ОПИГИМ, ф. 307, ед.хр. 4, л. 141].

Чтобы создать костяк преподавательских кадров, Позднеев пригласил во Владивосток молодых востоковедов-энтузиастов, получивших образование в Петербургском университете. Со времени основания Восточного института здесь начали свою научно-педагогическую деятельность А.В. Рудаков и П.П. Шмидт, а несколько позднее их — Е.Г. Спальвин и Г.В. Подставин, и все они, за исключением последнего, окончили университет по китайско-маньчжурскому разряду. В 1902 г. к преподаванию приступил Г.Ц. Цыбиков, вернувшийся из путешествия по Тибету [Цыбиков, 1919]. Еще в годы его учебы на последнем курсе Петербургского университета Позднеев считал этого способного студента «единственным в России полноправным претендентом» на руководство кафедрой тибетского языка [ГАПК, ф. 117, оп. 6, л. 18]. В том же, 1902 г. после двухлетней заграничной командировки в Восточном институте стал преподавать Н.В. Кюнер.

Выпускниками Петербургского университета были заполнены и места преподавателей юридических и коммерческих дисциплин. Наличие в институте столь однородной группы питомцев столичного университета, по мнению его руководства, должно было стать гарантией успешной деятельности второго за Уралом высшего учебного заведения (после открытого в 1888 г. Томского университета).

Поначалу среди студентов Восточного института преобладали воспитанники духовных семинарий, но с прекращением доступа в институт окончивших курс обучения «по второму разряду» число семинаристов уменьшилось за счет воспитанников реальных училищ. Если исключить период русско-японской войны, когда Восточный институт был вынужден эвакуироваться из Владивостока в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), то число студентов в 1906—1910 гг. увеличилось примерно вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием (1900—1904). Наиболее значительный прирост приходился на долю военнослужащих: если в первом упомянутом пятилетии в институте обучалось 78 офицеров, то во втором — 378. Выросло за указанное десятилетие и число вольнослушателей, которые, как и студенты, обязаны были платить за обучение (подсчитано по: [ПФ АРАН, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 7, л. 14]).

Срок обучения в Восточном институте составлял четыре года, причем на II курсе студенты распределялись по четырем отделениям: по китайско-японскому, китайско-корейскому, китайско-монгольскому и китайско-маньчжурскому.

Кроме обязательного курса китайского языка и общеобразовательных дисциплин студенты изучали специальные предметы. На китайско-японском отделении помимо японского языка они знакомились с политическим устройством и торгово-промышленной деятельностью современной Японии. На китайско-корейском и китайско-маньчжурском отделениях особое значение придавалось изучению политического устройства и характеру современной торгово-промышленной деятельности Кореи и Маньчжурии. На китайско-монгольском отделении кроме монгольского языка студентам преподавали основы политического и экономического строя современной Монголии (с разъяснением особой роли ламазма и возможностей торгово-предпринимательской деятельности). Почти три четверти учебного времени отводилось изучению восточных и европейских языков.

Поначалу довольно малочисленным по количеству учащихся и особенно выпускников считалось китайско-японское отделение. С 1903 по 1908 г. выпуск японистов не превышал 2—3 человек, а в 1904 г. из-за русско-японской войны выпуска вообще не было [АВПР, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1259, л. 56]. Немногочисленным было и китайско-корейское отделение. Так, в 1904 г. на китайско-корейском отделении обучались 11 человек, на китайско-японском и китайско-монгольском — по 13, на китайско-маньчжурском — 42 человека [ИВИ, т. XI, с. IX]. В 1907 г. на всех курсах китайско-маньчжурского отделения (обычно самого многочисленного в институте) было 55 студентов, а на китайско-корейском — только 3 [ИВИ, т. XXV, с. 9]. Столь неравномерное распределение учащихся по отделениям чаще всего зависело от практических потребностей, определявшихся состоянием международной обстановки на Дальнем Востоке, и прежде всего интересами России в отношении той или иной страны. Об этом говорил, например, директор института Позднеев еще в феврале 1900 г.: «Чтобы деятельность наша на Дальнем Востоке могла распределяться количественно пропорционально, мы должны иметь китайистов в 9 раз больше, чем японологов, и по крайней мере в 30 раз больше, чем знатоков корейского языка» [ИВИ, т. I, с. XLVI; т. II, вып. 2, с. 82].

Потребность в знатоках восточных языков остро чувствовалась даже на русском Дальнем Востоке. Здесь проживало значительное число китайцев и корейцев (торговцев, отходников и эмигрантов-переселенцев) и гораздо меньше японцев, к услугам которых нередко приходилось обращаться местным властям из-за отсутствия квалифицированных переводчиков.

Драматические события, связанные с восстанием ихэтуаней (1898—1901) и вводом российских войск на территорию Маньчжурии (после обстрела цинской артиллерией Благовещенска и других недружественных акций со стороны цинских властей), отрицательно повлияли на учебный процесс, так как некоторые преподаватели и даже студенты были откомандированы в районы военных действий¹¹.

Стабилизация обстановки в Маньчжурии и Северном Китае позволила руководству Восточного института более активно взяться за решение неотложных задач, связанных с подготовкой востоковедных кадров. Особенно неблагоприятно на преподавании восточных языков сказывалось отсутствие учебных пособий, о чем не раз сообщал директор института вышестоящему начальству. «Институтский устав указывал этому учреждению, — писал А.М. Позднеев Н.И. Гродекову 9 октября 1902 г., — быть первым в России учебным заведением, преследующим практические цели в изучении Востока, однако пособий для сего у нас не было совершенно». Кроме того, молодым преподавателям не хватало педагогического опыта. «В первый год, — продолжает Позднеев, — [было лишь] два профессора, в виде едва сошедших со студенческой скамьи 24-х летних юношей, которых еще самих нужно было учить работать. И всякий знает, что в ту пору, как мне нужно было устраивать и здание Института, и его библиотеку, и все другие учреждения, эти профессора только писали у меня свои лекции, да каждый вечер читали [их] на моей квартире и выслушивали мои замечания... На следующий год новая прибавка таких же юнцов-профессоров с удвоенной работой над ними... Два последних года я читал сам целиком все монгольские и маньчжурские лекции; с нынешнего же года я ввожу в чтение маньчжурские лекции Рудакова, а преподавание монгольского языка разделяю с Цыбиковым...» [ОПИГИМ, ф. 307, ед.хр. 4, л. 195—196].

А.М. Позднеев разработал новую методику подготовки специалистов для практической деятельности на русском Дальнем Востоке и в сопредельных странах. Она, в частности, предусматривала: 1) подготовку преподавателями новых учебных пособий; 2) изучение студентами не одного, а двух-трех восточных языков; 3) раздельное обучение языкам посредством организаций теоретических занятий с профессором, а практических — с «лекто-

¹¹ 15 ноября 1900 г. Н.И. Гродеков, командующий российскими войсками на Дальнем Востоке, касаясь научных занятий проф. А.В. Рудакова, в частности разбора им документов местного архива в Цицикаре, телеграммой сообщал во Владивосток А.М. Позднееву: «Рудаков здесь сделал огромные приобретения для института; ему еще предстоит разбор архива в Нингуте, и, если найдете возможным, занятия в Мукденском книгохранилище» [ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 2, л. 7].

ром» — носителем языка, т.е. образованным китайцем, корейцем или японцем; 4) регулярные командировки профессуры и студентов в изучаемую страну для сбора материалов либо языковой практики [Кузнецов, 1969, с. 220].

Поскольку в Петербургском университете традиционно изучались только Китай и Монголия, этот опыт для Восточного института оказался недостаточным в силу его «чисто практического» предназначения. Хотя в Петербургском университете японский язык преподавался с 1888 г., а корейский — с 1897-го, их изучение считалось факультативным, поскольку только в 1908 г. японский язык стал обязательным предметом. В связи с тем, что до 1899 г. обучение китайскому языку, по словам А.В. Рудакова, велось исключительно на основе изучения китайской классической литературы, преподавателям нового института пришлось немедленно приступить к написанию и изданию новых учебников, в которых особенно остро нуждались студенты¹². Что касается преподавания корейского и японского языков, то в этой области востоковедения практически не было никаких учебных пособий, приспособленных для обучения россиян.

С 1901/02 академического года в институтской программе обучения появился курс новейшей истории Китая, Кореи и Японии (XIX в.). Чтение его вначале было поручено Рудакову, который преподавал также географию и этнографию стран Дальнего Востока. В следующем учебном году студенты, будущие корееведы и японоведы, стали заниматься под руководством Е.Г. Спальвина и Г.В. Подставина. Когда в 1902 г. из заграничной командировки вернулся Н.В. Кюнер, преподавание историко-географических дисциплин было поручено ему. Возглавив кафедру, он впервые в российской практике стал систематически читать курсы лекций по истории, географии, этнографии и культуре стран Дальнего Востока, по истории народов Центральной и Восточной Азии, а также по истории русско-китайских отношений (первой половины XVII — начала XX в.).

Под влиянием роста интереса российской общественности к событиям в Тибете, в результате которых Далай-Лама XIII (1876—1933) был вынужден выехать в Монголию (см. ниже, с. 421), Г.Ц. Цыбиков счел необходимым обратить внимание руководства института на необходимость введения в круг преподаваемых дисциплин тибетского языка. Вот как он обосновывал это в докладной записке 1905 г.: «Нет надобности повторять непреложную истину, что для большей продуктивности отношений с [изучаемым] народом нужно знание его языка и быта в широком

¹² Приморский краеведческий музей им. В.К. Арсеньева, ф. А.В. Рудакова, Автобиография, с. 2.

в значительной степени нуждается в знании Тибета, так как многие явления в жизни монголов необъяснимы без такого знания. От тибетцев все монголы заимствовали религию, а некоторые из них — и всю современную культуру... Ввиду сего преподавание монголоведения должно соединить с тибетоведением...» (цит. по [Пубаев, 1981, с. 14]). Инициатива молодого ученого не осталась без внимания, и с зимы 1907/08 академического года началось преподавание тибетского языка в качестве факультативного предмета. Что касается учреждения кафедры тибетской филологии, о чем также говорилось в докладной, то ее предполагалось открыть в 1914/15 г.

Для занимающихся тибетским языком Цыбиков составил и в 1908 г. издал учебное пособие, ставшее первым учебником по изучению преимущественно разговорного тибетского языка. В основу произношения им был положен диалект Лхасы [Цыбиков, 1908]. Хотя преподавание тибетского языка в Восточном институте успешно продолжалось вплоть до 1917 г., кафедра тибетской филологии так и не была открыта: помешала первая мировая война.

Из-за частой смены лекторов практические языковые занятия не всегда давали желаемый эффект. Частая же смена преподавателей объяснялась низкой оплатой их труда (50 руб. в месяц), и ведущие ученые не раз предлагали увеличить ее для лекторов (до 150 руб.).

Немало хлопот доставила руководству института организация студенческой практики. 8 марта 1901 г. А.М. Позднеев сообщал Гродекову о необходимости увидеться в Москве и Петербурге с известными чаоторговцами, чтобы «при посредстве их устроить правильные командировки студентов в Китай и обеспечить проживание их в фирмах в течение каникул». «Обращение мое к местным приказчикам и заведующим фирмами... — пояснял он, — имело мало успеха, ибо одни из них прямо недоразвиты до сознания необходимости помочь общественному делу, а другие категорически отвечали мне, что не имеют разрешения на прием студентов от своих доверителей-фирмовладельцев. Конечно, они в этом случае правы, хотя я не могу и представить, чтобы, например, Боткин не разрешил прожить студенту лето на его чайном складе в Ханькоу...» [ОПИГИМ, ф. 307, ед. хр. 4, л. 140].

Благодаря настойчивым усилиям администрации Восточного института вопрос о студенческой практике в летнее каникулярное время удалось решить положительно и студенты получили возможность совершенствовать свои знания не только в Китае, где поначалу их согласилась принимать Российская Духовная миссия в Пекине, но и в Японии. Так, летом 1901 г. студент III курса П.Ю. Васкевич побывал в Токио, а в 1902 г. студент А.С. Кобелев

был направлен в Хакодате [АВПР, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 590, л. 1].

Как видно из записки Д.М. Позднеева, составленной в Орле 27 января 1901 г., особенно полезной в истекшем году была работа студентов-китаистов в качестве переводчиков. Русскому отряду, отправленному в Тяньцзинь, активно помогал военный слушатель П.В. Шкуркин. Другой студент Восточного института, капитан К. Дмитриев, во время пожара в китайской части этого города, когда «кругом всё горело», спас библиотеку Ли Хун-чжана, часть которой ему было разрешено отправить в институт. Некоторые студенты, доехавшие до Нючжуана, «привезли материалы по Южной Маньчжурии». Студент-офицер В.И. Надаров привез из Ханькоу обстоятельный отчет о коммерческой жизни этого порта. Одному из студентов, ездивших в Шанхай, удалось найти материалы о деятельности тайных обществ в Китае [ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 113, л. 83].

Наиболее интересные отчеты студентов о своих наблюдениях, сделанных во время зарубежной практики, были опубликованы в «Известиях Восточного института». Среди студенческих работ оказались и такие, которые впоследствии были изданы в виде книг, например «Город Хуланьчэн» П.В. Шкуркина (Никольск-Уссурийск, 1903).

Серьезное внимание руководство института уделяло устройству библиотеки. А.М. Позднеев 1 октября 1901 г. писал генералу Н.М. Чичагову: «Ни одно учебное заведение не может ограничивать свои помещения лишь классными и рекреационными комнатами, — ему необходимы еще отдельные залы для библиотек, кабинетов, музеев и проч. ...В сказанном отношении Восточный институт является учреждением совершенно обездоленным... он решительно лишен какого бы то ни было помещения для своей библиотеки и принужден хранить (книги) в 2-х комнатах, предназначенных для канцелярии прогимназии. В течение 2-х летнего существования института комнаты эти оказываются уже теперь заполненными книгами, и дальнейшее развитие институтской библиотеки представляется буквально невозможным». Сообщая также о том, что Восточный институт «обладает еще архивами нескольких административных учреждений Маньчжурии», А.М. Позднеев с горечью констатировал, что «они сложены... почти в подвалах и расположены в такой тесноте, которая исключает всякую возможность не только изучать, а даже найти потребное дело или документ» [ЦГАДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1645, л. 102—103].

Энергичные усилия администрации Восточного института, поддержанные его преимущественно молодым коллективом, не пропали даром. Чувством законной гордости проникнуто письмо его директора, направленное 30 апреля 1903 г. в Пекин Г.А. План-

сону. «Теперь, оглядываясь на прошлое, — писал А.М. Позднеев в связи с предстоящим первым выпуском своих питомцев, — поистине удивляешься мощи России. В четыре года из пустого сарая, буквально без окон и дверей, у нас образовалось стройное здание, едва ли не лучшее во Владивостоке... Для учебной постановки дела у нас выработаны и основания, и приемы, и способы. Изданы, литографированные пока, лекции по всем предметам институтского преподавания, и для всех четырех курсов. Напечатанные 12 томов „Известий Восточного Института“¹³ заключают в себе свыше сорока исследований... К познанию текущей жизни [соседних] государств уже три года изо дня в день ведется у нас „Современная летопись Дальнего Востока“» [АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761 (1), д. 443, л. 3—4].

За истекшие четыре года администрации Восточного института удалось проделать огромную работу по созданию нормальных условий для учебного процесса. 9 октября 1902 г. А.М. Позднеев писал Н.И. Гродекову: «Теперь у меня четыре курса с 13-ю отделениями, аудитории снабжены всем необходимым, равно размещены по возможности и институтские учреждения» [ОПИГИМ, ф. 307, ед. хр. 4, л. 195].

Постоянные перегрузки в педагогической и научно-организационной работе, усугубляемые чисто хозяйственными хлопотами по содержанию в порядке главного здания и подсобных помещений института, не могли не сказаться на состоянии духа физически еще крепкого директора. Из-за нервного переутомления и плохих вестей из родного дома в Орле, где вдруг овдовели его сестры, А.М. Позднеев уже в октябре 1902 г. стал поговаривать о необходимости освобождения его от службы в Восточном институте [там же]. Как видно из дневника Плансона, этот вопрос обсуждался в дипломатической канцелярии заместителя на Дальнем Востоке Е.И. Алексеева, на чье имя поступило письмо от министра народного просвещения с просьбой высказать свое мнение о возможном назначении на пост директора Восточного института Дмитрия Матвеевича Позднеева [ЦГАОР, ф. 818, оп. 1, д. 211, л. 31]¹⁴. В декабре 1903 г. товарищ министра народного просвеще-

¹³ ИВИ издавались с момента создания института. В них публиковались официальные документы, протоколы заседаний Конференции института (выполнявшей функции Ученого совета), отчеты о работе института, сообщения периодической печати стран Дальнего Востока о текущих событиях, учебные пособия и научные труды преподавателей, студенческие статьи и курсовые работы, отчеты о командировках и т.д. Обычно каждый том, состоявший иногда из пяти выпусков, кроме официальных материалов и отчетов включал три-четыре научные работы преподавателей, студентов и даже слушателей института. См. также примеч. 27.

¹⁴ Когда Е.И. Алексеев спросил Г.А. Плансона, заведовавшего дипломатической канцелярией заместителя на Дальнем Востоке, что он думает по этому

ния сообщил Д.М. Позднееву о том, что «г-н министр изволил остановить свой выбор» на его кандидатуре, и просил Позднеева уведомить его о своем согласии занять должность директора Восточного института [ГПБ, ф. 590, ед. хр. 114, л. 249]. Лишь в июне 1904 г. последовал указ о его назначении¹⁵.

Будучи одним из создателей Восточного института на начальной стадии его организации и оказывая ему постоянное содействие в решении практических вопросов (в подыскании китайцев — преподавателей разговорного языка, выписке словарей и книг, организации студенческой практики в Китае и т.д.), Д.М. Позднеев не без волнения согласился принять пост директора. По приезду в начале декабря 1904 г. во Владивосток он телеграфировал министру народного просвещения: «Прибыл 5 декабря, вступил в управление институтом, нашел все [в] полном порядке» [ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 101, л. 8].

Во Владивостоке Д.М. Позднеев застал профессорско-преподавательский состав института в тревожном ожидании предстоящих событий в связи с русско-японской войной. В ходе военных действий в Маньчжурии, отмеченных тяжелыми потерями с обеих сторон, институту пришлось эвакуироваться в Забайкалье, в Верхнеудинск.

Недовольство широких слоев населения России поражениями царизма на полях Маньчжурии, сдачей японцам Порт-Артура и гибелью эскадры адмирала Рождественского в прол. Цусима не могло не найти отклика в студенческой среде. Особенно это проявилось после событий 9 января 1905 г. («Кровавого воскресенья»).

В середине февраля студенческая корпорация Восточного института передала администрации свою резолюцию, содержащую резкие упреки в ее адрес. Администрация обвинялась в том, что в отношении малоимущих и нуждающихся в материальном пособии студентов «устраивалась экзаменационная травля». Чтобы ограничить число студентов, получающих пособие, преподаватели устраивали «9-ти часовые экзаменационные пытки с заранее предрешенным отрицательным исходом». Немало горьких упреков было высказано в адрес преподавательского состава, в котором помимо энтузиастов и знатоков своего дела оказались малокомпетентные и даже малообразованные люди [АРАН, ф. 647, оп. 1, ед. хр. 424, л. 59]¹⁶.

поводу, последний ответил, что «Дмитрий Позднеев (Пекинский) лучше брата» и что «едва ли можно иметь препятствие к его назначению».

¹⁵ В последующие годы А.М. Позднеев продолжал трудиться на ниве просвещения. В качестве члена Совета при министре народного просвещения он в 1905 г. инспектировал учебные заведения Воронежа [ГАВО, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 3, л. 68].

¹⁶ В указанном деле АРАН хранится студенческая резолюция в пересказе газеты «Дальний Восток» за 8 марта 1905 г. (№ 53) со ссылкой на «Верхнеудин-

В резолюции содержалось, в частности, пожелание об освобождении студентов от «невнятной декламации чужих общеизвестных печатных учебников» (по их мнению, этим грешил преподаватель юриспруденции Н.И. Кохановский), однако при этом высказывалось сочувственное отношение к П.П. Шмидту и Н.В. Кюннеру, которых студенты характеризовали как лиц «с затками хороших профессоров и ученых».

После того как о студенческих волнениях в Верхнеудинске стало известно высшему начальству, исполнявший обязанности Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенант Андреев 21 февраля распорядился закрыть Восточный институт и возбудить судебное разбирательство против лиц, нарушивших общественный порядок [Верхнеудинский листок, 23.02.1905 (№ 20)].

С прекращением студенческих занятий в институте и болезнью жены, серьезно недомогавшей уже вскоре после приезда в Пекин в 1899 г., Д.М. Позднеев в мае 1905 г. взял двухмесячный отпуск и вернулся к своим обязанностям лишь 26 августа. После похорон супруги, скончавшейся 11 августа, он остался с малолетней дочерью. Поездка в Японию с научной целью весной—летом 1906 г. не принесла ему душевного облегчения, и по возвращении на родину он подал прошение об освобождении его от обязанностей директора Восточного института [ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 101, л. 49, 92].

Среди многих добрых дел, сделанных им в трудное для института и страны в целом время, нельзя не вспомнить его распоряжения относительно командирования из Верхнеудинска во Владивосток библиотекаря Н.В. Кюннера с целью вывоза оттуда манчжурского архива и наиболее ценной коллекции китайских книг [там же, д. 4, л. 34].

Русско-японская война вскрыла серьезные недостатки не только в системе гражданского и военного управления, но и в системе востоковедного образования. Это, в частности, выразилось в ограниченном выпуске специалистов, способных выполнять функции военных переводчиков в экстремальных условиях. Чаще всего российских переводчиков-китаистов и особенно японистов в годы войны просто не было¹⁷.

Преемником Д.М. Позднеева на посту директора Восточного института стал А.В. Рудаков, часто замещавший его во время служебных и научных командировок. Как видно из письма Руда-

ский листок» (без выходных данных). См.: Верхнеудинский листок, 18.02.1905 (№ 18), с. 1—2.

¹⁷ Незадолго до своей гибели на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на mine, адмирал С.О. Макаров в марте 1904 г. телеграфировал в Мукден о срочной присылке ему двух переводчиков (японского и китайского языков) [АВПР, ф. 326, оп. 928, д. 27, л. 91].

кова российскому посланнику в Пекине от 8 апреля 1906 г., занятия, прерванные студенческими волнениями, длительное время почти не возобновлялись, однако «наиболее благонадежные» студенты все же были отправлены летом 1906 г. в зарубежные страны (в том числе Китай) на практику.

В ходе судебного разбирательства 23 студента были исключены, но с возвращением института во Владивосток (вслед за окончанием русско-японской войны) некоторых из них восстановили, и с осени 1906 г. институтская жизнь потекла по прежнему руслу. Ослабление подозрительности китайских и особенно японских властей к поездкам учащихся Восточного института в страны Дальнего Востока (особенно военнотружеников, которые обучались в нем до 1909 г.) позволило лучше организовать зарубежную языковую практику для студентов. Наиболее способные из них получили возможность продолжить обучение в высших иностранных учебных заведениях. Так, Василий Мелетьевич Мендрин, отставной войсковой старшина, оставленный в институте для приготовления к профессорскому званию, в мае 1911 г. был зачислен студентом в академию «Дайгаку-ин», на факультет словесности. В связи с двухлетним сроком обучения в этом учебном заведении российское посольство в Токио обратилось в Восточный институт с просьбой продлить его командировку по крайней мере до августа 1912 г., но МНП продлило ее лишь до 1 января 1912 г. Это, однако, дало Мендрину основание вновь просить о поездке в Японию в 1913 г. [АВПР, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 427, л. 18, 34].

Общественное движение за предоставление женщинам права активного участия в жизни своей страны, сопровождавшееся в России созданием бестужевских и других женских курсов, не прошло бесследно и для Восточного института: среди студентов I курса, отправленных в 1907 г. на языковую практику в Пекин, была и представительница женского пола — вольнослушательница Анастасия Маломеркова [АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761 (1), д. 443, л. 40].

В результате попыток российского правительства расширить сеть учебных центров с преподаванием восточных языков в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в Восточном институте начались некоторые преобразования. Это нашло отражение во введении системы государственных экзаменов и создании новых кафедр, позволивших впоследствии разделить институт на два отделения: юридическо-административное и коммерческое. Как видно из письма чиновника МИД В.В. Граве, отправленного 30 ноября 1910 г. из Читы в Пекин российскому посланнику И.Я. Коростовцу, окончивших институт следовало принимать на службу во все правительственные учреждения России на Даль-

нем Востоке. Предполагалось также возродить при институте обучение восточным языкам военнослужащих посредством организации для них специальных курсов [там же, д. 720, л. 63].

В последующие годы выдвигались и другие проекты реорганизации Восточного института. Особенно перспективным с точки зрения изучения восточных языков был проект А.В. Рудакова, представленный в январе 1916 г. Однако события, связанные с Октябрьской революцией в России и иностранной интервенцией на Дальнем Востоке, не позволили своевременно сосредоточиться на его реализации.

Хотя в стенах Восточного института изначально собрались молодые, энергичные ученые, руководство которыми принял на себя опытный востоковед А.М. Позднеев, их авторитет в научном мире сложился не сразу. Первой серьезной заявкой, свидетельствующей о больших потенциях молодого коллектива, стала работа А.В. Рудакова «Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке» (1901).

Аполлинарий Васильевич Рудаков родился 9 июня 1871 г. в г. Ленкорани. В 1891 г., после окончания классической гимназии в Петербурге, он поступил на ФВЯ, который окончил с дипломом первой степени в 1896 г. После трехлетней стажировки в Пекине с целью совершенствования знаний в китайском языке молодой ученый с 1899 г. стал преподавать в Восточном институте¹⁸.

В первой книге, посвященной восстанию ихэтуаней в Китае, Рудакову удалось раскрыть основные черты тайного общества, возглавившего антииностранное движение; при этом автор детально охарактеризовал его внутреннюю организацию с сопутствующими ей правилами, обрядами и приемами физической тренировки¹⁹. Потребность в этой книге особенно остро ощущалась в тогдашней России, втянутой в силу сложившихся обстоятельств в военную кампанию западных держав против китайских повстанцев. Д.Д. Языков, поместивший в газете «Московские ведомости» краткую заметку о смерти В.П. Васильева под инициалами «Д.Я.», писал по этому поводу: «В настоящее время, когда всеобщее внимание устремлено на Дальний Восток, и в частности на Китай, особенно чувствительна потеря такого знаменитого синолога, каким уже давно был признан маститый академик Василий Павлович Васильев, скончавшийся 27 апреля в Петербурге»²⁰. И хотя С.Ф. Ольденбург в некрологе «Памяти В.П. Василь-

¹⁸ После 1917 г. Рудаков продолжал преподавать в ГДУ и умер в 1949 г. во Владивостоке.

¹⁹ Подробнее об этом выступлении народных масс цинского Китая см. [Калужная, 1978].

²⁰ Московские ведомости, 30.04/13.05.1900. Авторство Д.Д. Языкова установлено по архивным материалам [ЦГАЛИ, ф. 637, оп. 1, д. 24, л. 74].

ева» указывал, что известный востоковед «следил постоянно за жизнью современного Востока» и что «за несколько дней до смерти он написал записку о тайных обществах в Китае, по поводу „Большого кулака“» [ЗВОРАО. 1900, т. XIII, с. 049], эта работа ученого, как и многие другие, осталась неизвестной²¹. Эту задачу, поставленную перед китаеведением самой жизнью, удалось с честью выполнить Рудакову — воспитаннику Васильева²².

Последующие работы Рудакова, как и первая, были тесно связаны с его командировками в Китай. Спустя три месяца после возвращения из Цицикара он снова отправился в Маньчжурию для ознакомления с книгохранилищами и архивами в Мукдене (совр. Шэньян). Одна из задач его новой поездки состояла в проверке на месте сообщения английского сиолога Паркера относительно того, что в этих хранилищах якобы находятся рукописи, вывезенные монголами из Европы в XIII в. «С 1 мая по 1 сентября 1901 г., — позднее писал Рудаков по этому поводу, — я состоял в научной экспедиции в Мукдене по изучению мукденской библиотеки. В нее помимо меня входили П.П. Шмидт и оставленный для приготовления к профессорскому званию Н.В. Кюнер и др. Этой командировкой было выяснено, что в Мукденской библиотеке никаких древних манускриптов на европейских языках не заключается»²³.

При посещении императорских дворцов Рудаков обратил внимание на их крайне запущенное состояние. «Памятники старины, — с горечью писал он, — невозвратно гибнут, дворцы приходят в развалины, но фаланги тунейдцев-чиновников продолжают существовать и до сего дня, обирая народ и казну... И под таким позорным бременем стонет целый Китай, грабимый правительством „Сына Неба“» [Рудаков. Богдыханские дворцы, с. 21]. Материалы, собранные в ходе этой поездки, и легли в основу монографии А.В. Рудакова «Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене». Она впервые познакомила читателей с книжными богатствами первоначальной резиденции маньчжурских императоров в Мукдене.

В своей новой работе — «Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции (1644—1902)», основанной на

²¹ Эта работа Васильева не найдена и до сих пор.

²² Основанная на китайских оригинальных документах, эта работа Рудакова до настоящего времени пользуется спросом как у отечественных, так и зарубежных исследователей восстания ихэтуаней. См. [Калужная, 1978, с. 38].

²³ См. примеч. 12 (с. 6). Ложная информация о том, что эти манускрипты были приобретены русским правительством и частично переданы в Восточный институт, побудила президента Чешской Академии наук словесности и искусства обратиться с письменным запросом в институт по поводу справедливости слухов; в связи с этим в Прагу было послано подробное описание библиотеки в Мукдене, сделанное в книге Рудакова «Богдыханские дворцы» (с. СІХ).

перевод «Цзилинь тунчжи» («Описание пров. Цзилинь»), Рудаков приходит к мысли о необходимости комплексного изучения Китая; при этом он придает особое значение познанию всех сторон его экономического быта, взятых в исторической перспективе. Инициатором перевода «Цзилинь тунчжи» был приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков, который это ценное издание на китайском языке (1899) приобрел в Маньчжурии в 1900 г. Желая поскорее ознакомиться с содержанием этого труда, чтобы лучше представлять себе современное состояние Маньчжурии, Гродеков отправил его из Гирина (Цзилиня) во Владивосток, где оно было передано для перевода Рудакову [ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 28, л. 1, 2, 6]²⁴. Первая часть в переводе на русский язык была названа им «Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции» [ИВИ, т. X]²⁵. Хотя это сочинение заключало наиболее полное и единственное в то время на европейских языках всестороннее описание пров. Гирин (Цзилинь) и, следовательно, могло служить надежной основой для дальнейших работ по изучению Маньчжурии, Рудаков не ограничился одним переводом. Чтобы глубже ознакомиться с содержанием этого труда, он предпринял поездку в Гирин, где занялся изучением сельского хозяйства, ремесленного производства, вопросов демографии и других проблем. Результатом этой поездки стала статья «Поземельный вопрос в Гиринской провинции в связи с ее заселением» [ИВИ, т. III, вып. 2, 3, 5]²⁶, в которой были использованы как переводные сведения, так и материалы личных наблюдений. Затем появляется еще один труд Рудакова — «Условия экономического быта Гиринской провинции», где автор детально рассматривает вопросы денежного обращения, состояние горного дела и торговых связей с Кореей до японо-китайской войны [ИВИ, т. IV]. Эти работы явились важным дополнением к изданному сочинению о пров. Гирин. Таким образом, молодой ученый не только перевел на русский язык важное китайское сочинение, но и заметно обогатил его результатами своих личных наблюдений. За этот труд

²⁴ Отправив посылку с китайской книгой во Владивосток, Гродеков сразу перевел туда 2 тыс. руб. для ее перевода. Эта работа была осуществлена не по личному желанию Рудакова, а по инициативе властей, поддержанной руководством Восточного института. Ср.: *Вяткин Р.В.* А.В. Рудаков (К 100-летию со дня рождения). — НАА. 1971, № 4, с. 216—218.

²⁵ Как видно из заявления Рудакова на имя директора Восточного института Д.М. Позднеева, написанного 13 марта 1905 г. в Верхнеудинске, вторую часть его труда должны были составить разделы «Конфуцианский культ в связи с народным образованием», «Народный быт», «Администрация» и др. [ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 28, л. 7].

²⁶ Интерес Рудакова к аграрным отношениям в современном Китае проявился еще в период его стажировки в Пекине. Об этом свидетельствуют собранные им в 1896 г. материалы о порядке приобретения земельной собственности, хранящиеся в АВ, в его личном фонде.

Петербургский университет присвоил ему ученое звание магистра китайской словесности после защиты работы в качестве диссертации 26 октября 1903 г. [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 11355, л. 260]. Официальными оппонентами Рудакова выступили П.С. Попов и В.Л. Котвич [ПФ АРАН, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 20, л. 21].

Чтобы стимулировать научные изыскания молодых ученых, руководство Восточного института в феврале 1906 г. приняло решение о создании собственной типографии. При содействии японской фирмы «Канэко» институт получил 20 касс большого размера, что позволило типографии обходиться при хранении шрифтов наличными кассами, не производя дополнительных расходов. В Японии и Германии были приобретены машины, но установить их удалось только в 1907 г., к тому же в тесном помещении [Соколовский, 1914, с. 294]. Типография могла печатать учебные пособия и книги на семи языках, в частности на маньчжурском, монгольском, тибетском, калмыцком. Открытие собственной типографии позволило Восточному институту заполнить пробелы в издании своих «Известий» до XX тома включительно²⁷. Так были созданы материальные предпосылки к изданию исследований монографического плана, и первым таким трудом стало «Описание Тибета» Н.В. Кюнера. Со временем типография смогла выполнять весьма сложные работы, о чем свидетельствует, например, издание иероглифического словаря Е.Г. Спальвина.

Николай Васильевич Кюнер (1877—1955) родился в Тифлисе в семье музыканта, который вскоре после рождения сына переехал в Петербург и занял должность капельмейстера в Мариинском театре. Здесь, в Петербурге, в 1896 г. Кюнер с золотой медалью окончил 3-ю классическую гимназию и поступил на ФВЯ столичного университета. Еще будучи студентом, он занялся (с 1897 г.) самостоятельными изысканиями по истории Восточной Азии (параллельно с изучением географии, экономики и культуры данного ареала). Год окончания им университета совпал с его участием в составлении трехтомного «Описания Кореи»²⁸, которое стало, по существу, первым в России самостоятельным трудом по истории данной страны.

Уже для первых студенческих работ Кюнера было характерно широкое использование литературы на европейских языках и восточных источников. Н.И. Веселовский, рекомендовавший его для преподавательской деятельности в Восточном институте, писал: «Николай Кюнер обнаружил при замечательном трудолюбии вполне основательные познания в важнейших европейских язы-

²⁷ К 1917 г. вышло более 60 томов.

²⁸ Кюнер — автор раздела «Краткий очерк истории Кореи», который остался и в сокращенном переиздании «Описания Кореи» (1960).

как и умение пользоваться восточными источниками» [Зенина, 1962, с. 82].

В Восточном институте Кюннер читал лекции по всей истории Китая, но особое его внимание привлекал «новейший» период, когда страны Востока пришли в тесное соприкосновение со странами Запада. «В зависимости от времени открытия начальной фазы, или заключения договоров, — писал он, — период новейшей истории для трех стран Дальнего Востока обнимает более или менее продолжительный промежуток времени. В Китае начало его относится к 1842 г., в Японии — к 1854 г., в Корее — лишь к 1876 г.» [Кюннер, 1910, с. 4]. Как вспоминают современники, лекции Кюннера были насыщены фактами, отличались стройным изложением материала, научной строгостью оценок, но студенты считали их скучноватыми: лектор читал монотонно, как бы не замечая шума в аудитории (см. [Никифоров, 1970, с. 26]). В помощь студентам он написал разнообразные учебные пособия, изданные лишь литографским способом²⁹. Что касается «Описания Тибета», то этот солидный труд был подготовлен Кюннером на основе магистерской диссертации, которую он успешно защитил в Петербургском университете в 1909 г. По многообразию информации данная работа дополняла труды Н.Я. Бичурина и В.П. Васильева, что дает основание считать его одним из серьезных исследователей в отечественной тибетологии (см. [Хохлов, 1995 (2), с. 145]).

Кюннера как историка-востоковеда роднит с Н.Я. Бичуриным преимущественное внимание к национальным окраинам и соседям Китая, живой интерес к его географической и материальной стороне, тот же описательный метод, столь характерный для работ его великого предшественника. Вместе с тем они отличаются друг от друга тем, что Кюннер в своих работах, написанных до 1917 г., основывался главным образом на скрупулезно изученной западной литературе, тогда как Бичурин опирался преимущественно на китайские источники.

Из трудов Кюннера, написанных на основе проработки огромной по объему западной литературы, достаточно назвать его литографированный курс под названием «Новейшая история стран Дальнего Востока». Первая его часть посвящена подробному обзору источников (официальных изданий, прессы) и в меньшей степени литературы. Такое внимание к источниковой базе применительно к новой истории характеризовало Кюннера как ученого, стоящего на уровне требований науки начала XX в. В описании

²⁹ «Лекции по географии Китая», «Исторический очерк географического исследования Китая», «Географический и этнографический очерк Монголии, Или и Джунгарии, Восточного Туркестана и Маньчжурии», «Лекции по коммерческой географии Китая. Обзор открытых портов Китая» и др.

взаимоотношений Китая с европейскими странами особенно ценна фактологическая канва, хотя некоторые факты и суждения, касающиеся русско-китайских отношений, нуждаются в корректировке в свете современных публикаций.

Как ученый Кюнер сформировался в годы работы в Восточном институте, которому отдал много сил. Здесь им было написано более 65 работ; 45 из них увидели свет. Подготовке многочисленных пособий, книг и статей, посвященных различным вопросам истории, экономики и культуры народов Центральной и Восточной Азии, немало способствовало знание Кюнером многих западных и некоторых восточных языков³⁰. В период первой мировой войны он интересовался современной тематикой: писал о европейской войне и китайской промышленности, современном состоянии японской исторической науки, японской эмиграции и т.д. В 1915 г. Кюнер посетил Южный Китай, охваченный революционными веяниями. Свои впечатления он изложил в статье, опубликованной в сборнике трудов студентов Восточного института «*Vivat Academia*» (Владивосток, 1915).

Заметный след в научной деятельности Восточного института оставил и П.П. Шмидт — китаист и маньчжурист, обладавший разносторонними знаниями в области филологии.

Петр Петрович Шмидт (Петерис Шмитс; 1869—1938) — уроженец Латвии. Во время учебы на ФВЯ занимался китайским, маньчжурским, монгольским и калмыцким языками. После окончания Петербургского университета его вместе с А.В. Рудаковым направили на три года в Китай для приготовления к профессорскому званию. Об их приезде в цинскую столицу сообщалось в «Новом времени» (1897, № 7571): «В данное время в Пекине собралось много русских, прибыли из Петербурга двое молодых кандидатов университета, командированные для изучения кит. яз. и замещения затем кафедры этого языка во Владивостокской гимназии и институте; ожидают приезда и еще нескольких на должности преподавателей русского яз. во вновь открытых китайских школах в Тяньцзине, Ханькоу, а также и в других городах».

Трехлетнее пребывание в Китае оказалось чрезвычайно полезным для начинающего исследователя: он ближе узнал страну, познакомился с некоторыми известными европейскими синологами. Живым интересом наполнены его статьи и путевые заметки, отправленные им из Китая в редакцию российского журнала, выходившего на латышском языке. В них непосредственные впечатления путешественника органично соседствуют с раздумьями молодого ученого об исторических путях Китая, Монголии и

³⁰ В одной из поздних анкет Кюнер сообщал, что хорошо владеет 17 иностранными языками.

Маньчжурии [Стабурова, 1983]. Волею судеб Шмидт оказался в числе первых преподавателей Пекинского университета, открывшего свои двери в мае 1898 г. Здесь он вел русский язык; когда подошел срок окончания командировки, китайские власти предложили ему остаться в университете, обещая помимо хорошего оклада выплатить России деньги, затраченные на его стажировку. Но молодого ученого уже давно ожидали в только что созданном Восточном институте, где ему обещали должность профессора. Степень магистра китайско-маньчжурской словесности Шмидт получил за учебное пособие «Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнения» [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 11355, л. 114]. Об успешной защите им диссертации в Петербургском университете было сообщено 7 октября 1902 г. в газете «Новое время», где, в частности, отмечалось: «Официальными оппонентами диссертанта выступили проф. Д.А. Пешуров и приват-доцент П.С. Попов... Д.А. Пешуров... указал на недостаточность доводов диссертанта в существовании китайской грамматики и на смелость заключений о существовании в ней флексий. П.С. Попов заметил, что автор слишком далеко пошел в сближении китайского языка с другими языками мира» [ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 475, л. 10 (газ. вырезка)].

Трудно переоценить значение работы Шмидта о китайской грамматике. Сама по себе мысль проследить закономерности китайского языка и описать их в известных грамматических категориях на фоне устаревшей «Китайской грамматики» Н.Я. Бичурина (1838) была настолько смелой и неожиданной, что вызвала решительные возражения солидных оппонентов. Новаторство ученого было в некотором роде «забеганием вперед»: только через 15 лет после выхода книги Шмидта прозвучал призыв Сунь Ятсена к китайским филологам создать собственную грамматику родного языка³¹.

Преподавательской деятельности в Восточном институте Шмидт отдал почти 25 лет жизни. За это время он издал ряд ценных пособий по изучению китайского и маньчжурского языков, подготовил учебник китайского языка с образцами официальных документов и упражнениями для разговорного китайского языка, на основе материалов полевых исследований составил учебник маньчжурского языка. Работы Шмидта были первыми работами на русском языке по теории и практике изучения китайского языка, которые способствовали созданию научно-практической школы российского китаеведения и маньчжуроведения³².

³¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1977, с. 197—199.

³² С 1920 г. и вплоть до своей смерти Шмидт преподавал в Латвийском университете, где читал лекции по языкознанию. В 20—30-х годах он опубликовал в

Изучением маньчжурского языка и жизни народов тунгусо-маньчжурской группы занимался также выпускник Восточного института Александр Васильевич Гребенщиков (1880—1941). После окончания учебы в 1907 г. его направили на три года в Китай, где он основательно изучил фольклор, диалекты и обычаи народов, населявших Маньчжурию. Во время посещения Пекина молодой ученый проявил интерес к организации преподавания маньчжурского языка в учебных заведениях цинской столицы.

После новой поездки в Маньчжурию в 1912 г., когда у него была возможность глубже ознакомиться с жизнью маньчжур, их обычаями и нравами, Гребенщиков опубликовал в ИВИ в 1907—1914 гг. ряд ценных работ по маньчжуроведению; в своих исследованиях он касается и русско-маньчжурских отношений, подчеркивая их мирный характер и важную роль в торговле на Дальнем Востоке³³.

Весомый вклад в научное наследие Восточного института внес также Гомбоджаб Цыбиков (о нем см. также гл. 4), чья преподавательская деятельность в этом дальневосточном центре востоковедения продолжалась до 1917 г. Свидетельством его активных научных занятий могут служить подготовленные им пособия по монгольскому языку, изданные в ИВИ литографским способом³⁴. Среди этих публикаций наиболее удачным, выдержавшим (с 1907 г.) три издания, было «Пособие для практического изучения монгольского языка». Продолжая работать над подготовкой своего главного труда («Буддист-паломник у святынь Тибета»), Цыбиков осуществил издание (в 1910 и 1913 гг.) монгольского текста сочинения Цзонхавы «Лам-рим чэн-по» — основного догматического трактата тибето-монгольских буддистов.

В соответствии со статусом и задачами Восточного института все без исключения его профессора и преподаватели должны были руководствоваться в своей научной деятельности практиче-

Риге ряд серьезных, основанных на личных наблюдениях статей о языках негидальцев, ульчей, орочей и нанайцев, проживавших на территории российского Дальнего Востока. Помимо востоковедных работ им написано немало работ по языку, этнографии и фольклору латышей. После его смерти вышли из печати четыре тома с 37 тыс. собранных им латышских поверий.

³³ «Учебник маньчжурского языка», «Маньчжуры, их язык и письменность», «Современное изучение маньчжурского языка в Китае», «К фонетике маньчжурского языка», «К истории русско-маньчжурских отношений», «Материалы для маньчжурской хрестоматии», «Маньчжурия как мировой рынок по экспорту бобов», «Маньчжурия. Краткий очерк географии, истории и промышленности». См. [Ист. Маньчжурии, 1981].

³⁴ «Монгольские официальные бумаги. Учебное пособие для студентов Восточного института» (1898), «Монгольские тексты. Образцы слога и орфографии современного делопроизводства для чтения студентов 3-го курса Восточного института» (1908).

скими целями, поставленными правительством. Это особенно сказалося на деятельности Г.В. Подставина и отчасти Е.Г. Спальвина.

Григорий Владимирович Подставин (1875—1924) родился в Рыбинске, где окончил классическую гимназию. В 1894 г. он поступил на ФВЯ Петербургского университета и через год после его окончания монголистом (1899) по представлению А.М. Позднеева был командирован в Корею с целью изучения языка и быта этой страны [ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 15694, л. 39]. В Восточном институте ему не раз приходилось выполнять обязанности инспектора, в 1919—1920 гг. он был первым ректором ГДУ. Умер Подставин в Харбине.

Он первый в России составил программу преподавания корейского языка, разработал его грамматику, подготовил в виде учебных пособий разнообразные материалы. Поскольку в корейском языкознании, кроме словаря М.П. Пуцилло, ничего не было, Подставину пришлось создавать в предельно сжатые сроки собственную систему обучения корейскому языку. Как видно из программы на 1904/05 академический год [ИВИ, т. XII], разработанной Подставиним, студентам II курса (когда начиналась специализация по языкам) преподавалась теория корейского языка — письменного и разговорного — с экскурсами в его историю (шесть лекций в неделю); при этом особое внимание уделялось изучению морфологии и синтаксиса. Цель занятий, проводившихся под руководством профессора либо «лектора»³⁵, заключалась в усвоении студентами грамматических правил путем разбора и интерпретации легких текстов корейского письма (онмун). В качестве последних использовались отрывки из классических конфуцианских книг (в популярном изложении), исторические рассказы, корейские классические повести, образцы разговоров между лицами различного семейного и общественного положения. Кроме того, студенты знакомились с корейским чтением наиболее употребительных иероглифов (по китайскому «Цяньцзывэнь» — «Тысячеловию»).

В качестве пособий по корейскому языку использовались грамматики и словари, составленные западноевропейскими учеными, словарь Пуцилло, а также различные материалы, подготовленные Подставиним, в том числе изданные Восточным институтом.

Высокий уровень преподавания корейского языка в этом институте не только обеспечивал подготовку хороших специалистов-

³⁵ Первым «лектором» корейского языка в Восточном институте, преподававшим с 1900 по 1908 г., был образованный кореец, знавший и русский язык, Хан Кильмён (в феврале 1908 г. он покончил с собой в знак протеста против захватнических действий Японии в Корею). Его преемником стал Ким Хёнтё (Роман Сергеевич), которого сменил другой кореец, и т.д.

практиков, но и позволял выявлять наиболее способных к научной деятельности студентов. Особые надежды подавал С.В. Афанасьев, работа которого на III курсе удостоилась золотой медали³⁶. Больших успехов в изучении корейского языка добился и Н.Д. Кузьмин, опубликовавший пособие для изучения корейского языка [Кузьмин, 1900].

Будучи перегружен преподавательской, научной и административной работой, Подставин стремился подготовить себе замену, поскольку на кафедре кроме него работал только один человек, выполнявший обязанности лектора. В 1903 г. было принято решение об оставлении при институте В.И. Надарова для приготовления к профессорскому званию, однако впоследствии он предпочел дипломатическую карьеру³⁷.

Опубликованные и архивные материалы по истории Восточного института свидетельствуют о том, что кафедра корейской словесности подготовила немало квалифицированных специалистов. Один из них, С. Вологодский, после русско-японской войны стал журналистом; его статьи о Корее не раз публиковались под псевдонимом «Сергей Будда» во владивостокской прессе³⁸. Ценная работа по истории Кореи [Песоцкий, 1912] получила высокую оценку Подставина и Кюнера. Неудачно сложилась судьба одного из самых способных учеников Подставина — В.Д. Тресвятского³⁹, которому пришлось работать не по своей специальности.

Из лиц духовного звания, окончивших корейское отделение Восточного института, следует упомянуть иеромонаха Павла (Ивановского). После русско-японской войны он возглавил Российскую православную миссию в Сеуле⁴⁰.

³⁶ С.В. Афанасьев (род. 1871), уроженец Иркутской губернии, после окончания в 1890 г. Иркутского юнкерского училища и последующей военной службы в ноябре 1900 г. был направлен на учебу в Восточный институт. В июле—августе 1903 г. он проходил студенческую практику в Корее. После окончания института в январе 1905 г. получил назначение в Китай на должность и.о. помощника военного агента (атташе) с последующим утверждением в этой должности в октябре 1906 г. Через четыре года его назначили российским консулом в Цицикаре, и на этом посту он оставался вплоть до закрытия консульства в 1920 г. [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 146, л. 1—4].

³⁷ С 1911 по 1920 г. В.И. Надаров служил российским консулом в г. Яньцзи-сянь (пров. Цзилинь), где проживало много корейцев. После закрытия консульства он намеревался остаться здесь на постоянное жительство в качестве частного лица [АВПР, ф. Миссия в Пекине, д. 1598, л. 113].

³⁸ См., например: *Вологодский С.* Япония и Россия в Корее. — Восточное обозрение, 09.11.1902.

³⁹ Он — автор статьи «Профессор Г.В. Подставин как основоположник русского научного корееведения» [Вестник Азии. 1924, № 52, с. 16—19].

⁴⁰ Подробнее см.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае. СПб., 1993, с. 140—141.

Хотя в официальных отчетах о деятельности Восточного института сообщалось, что все (или почти все) его выпускники получали работу по специальности, это не всегда соответствовало действительности. «Окончившие Восточный институт, — вспоминал И.Г. Баранов, — были предоставлены самим себе в подыскании службы по своей специальности. Ни одно правительственное учреждение как будто нисколько не нуждалось в востоковедах» [АВ, разр. I, оп. 1, ед. хр. 255, л. 67]. Чаще других, особенно после русско-японской войны, в таком положении оказывались воспитанники корейского отделения Восточного института. С поражением России в этой войне в правительственных кругах Петербурга резко упал интерес к Корее, полностью утратившей свою самостоятельность в 1910 г. в результате ее аннексии Японией. Резко упал и приток в институт лиц, желающих изучать корейский язык.

За время своей научно-педагогической деятельности Подставин написал более 20 работ. Они посвящены вопросам преподавания и изучения корейского языка, а также проблемам политической организации Кореи и ее новейшей истории. При всей осведомленности во всех вопросах, относящихся к корееведению, он, по словам Кюнера, «принадлежал к той категории научных работников, которые строго всего относятся к самим себе и поэтому редко и мало печатаются» [Зенина, 1962, с. 82]. Коллеги и ученики Подставина, вспоминая о нем, давали ему высокую оценку. «Всю свою научную энергию, — говорилось в статье по поводу его кончины, — Григорий Владимирович обратил на изучение и преподавание корейского языка. В этой области он был пионером, навсегда оставившим следы своего исследовательского ума. Его перу принадлежит целый ряд монографий и учебных пособий по корееведению, которые найдут должную оценку у специалиста»⁴¹.

Активное участие в научно-исследовательской работе Восточного института принимал Е.Г. Спальвин, возглавивший первую в России кафедру японского языка.

Евгений Генрихович Спальвин (Феликс Евгений Леопольд Спальвин; 1872—1933), уроженец Риги, в 1891 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, но через три года перешел на факультет восточных языков, где занялся японским языком под руководством Куроно Ёсибуми. В 1899 г., через год после окончания университета, его впервые в истории русского востоковедения командировали на год в Японию «для приготовления к профессорскому званию». Проживая в районе Токио, Спальвин установил контакты с европейскими японоведа-

⁴¹ *Энгельфельд В.* Проф. Г.В. Подставин. — Вестник Азии. 1924, № 52, с. 5. Высокую оценку преподавательской и научной деятельности Г.В. Подставина дал в наше время кореевед Л.Р. Концевич [Концевич, 1976, с. 230].

ми и, ознакомившись с фондами крупнейших японских библиотек, составил словарь-макет на 900 иероглифов. Одновременно он занимался собиранием народных преданий, рассказов и пословиц, образцов стилей японского письменного языка, вел переговоры о приобретении японских шрифтов для типографии Восточного института, где учреждалась кафедра японской словесности. Прочитанная им 2 сентября 1900 г. лекция об основах языка и письменности японцев, положила начало его научно-педагогической деятельности. В выступлении на годичном акте Восточного института 21 октября 1900 г. Спальвин указывал на серьезную недостаточность сведений о соседнем государстве, о котором несколько десятков лет тому назад «ничего почти не знали, да о котором и в настоящее время... не Бог весть сколько знают» [Спальвин, 1900, с. 35].

Программа преподавания японского языка, разработанная Спальвиным, предусматривала чтение лекций по грамматике разговорного языка и практические занятия. Курс грамматики состоял из трех разделов: «Письмо и чтение» (фонетика и письменность в историческом плане), «Этимология» (морфология) и «Синтаксис». Практическими занятиями руководил сам Спальвин (иероглифика и чтение текстов) при участии преподавателя-японца (каллиграфия и разговорный язык). Основное внимание на первых порах уделялось тому, чтобы студенты практически владели изучаемым языком. Однако уже в первые годы преподавания стала очевидной необходимость углубленного изучения японской культуры. Это видно из отчета В.М. Мендринна за 1908—1909 гг., оставленного при институте для приготовления к профессорскому званию. Помимо изучения письменно-литературного и разговорного японского языка, уставного стиля письма и грамматики, а также разных стилей курсивного письма (в первую очередь полускорописи и скорописи) Мендрин считал необходимым заниматься эпистолярным стилем соробун и стилем камбун, чтобы полнее ознакомиться с историей, географией, философией и религией Японии.

Для ускорения подготовки японистов на русский язык были переведены (в первую очередь для студентов) наиболее авторитетные английские пособия того времени: «Грамматика японского разговорного языка» в переводе В.Я. Костылева (СПб., 1908), «История японской литературы» В. Астона (перевод В.М. Мендринна, изданный Восточным институтом в 1904 г.) и др.⁴² В дальнейшем стали появляться учебные пособия, словари и оригинальные работы, подготовленные российскими японоведами.

⁴² Сами переводчики чувствовали не только достоинства, но и недостатки этих книг. Так, Мендрин, в частности, указывал, что к западным авторитетам следует относиться с осторожностью. См. [ИВИ, т. XXXII, вып. 1, с. 22].

Стремясь к комплексному охвату преподаваемого предмета, Спальвин в 1909 г. опубликовал «Практические японские разговоры», облегчавшие студентам переход от изучения простейших форм японского разговорного языка к освоению японской письменности. Им же была составлена и отдельными частями издана «Японская хрестоматия». Она включала тексты лекций и публичных выступлений, образцы деловых бумаг, газетные и журнальные статьи, отрывки из художественных произведений, снабженные словниками и фразеологическими примерами. Другая его работа, «Хрестоматия разговорного японского языка», состояла из текстов для начального периода обучения, извлеченных из японских учебных пособий, а также из собранных самим Е.Г. Спальвиным японских анекдотов, сказок, рассказов⁴³.

В течение ряда лет Спальвин в качестве заведующего институтской библиотекой активно занимался пополнением ее фондов. На первых порах они формировались главным образом благодаря казенным и частным пожертвованиям. Наиболее богатым отделом библиотеки считался китайский. Его основу составили китайские сочинения, привезенные из Китая А.В. Рудаковым и П.П. Шмидтом. В этом отделе значительное место занимали издания классических книг с комментариями как ранних, так и более поздних авторов, полное по тем временам собрание династийных историй, своды законов цинской эпохи и энциклопедии.

Важной частью библиотечного фонда института являлся архив, состоявший из документов на маньчжурском и китайском языках. Своим появлением он обязан необычному событию — вводу русских войск на территорию Маньчжурии в период восстания ихэтуаней, когда при отчаянных попытках цинских властей, особенно в прилегающих к России районах, уничтожить компрометирующие их архивные документы, некоторые архивы, например в Цицикаре, Нингуте и других городах, удалось спасти от уничтожения благодаря быстрому продвижению русских войск в центральную часть региона. Спасенные от сожжения, эти материалы были переданы Восточному институту для хранения и приведения в порядок. Позднее, в октябре 1925 г., Спальвин так излагал советскому полпреду в Японии Б.Л. Коппу историю получения институтом одного из архивов: «Библиотека Восточного института получила по части китайских и маньчжурских книг значительный прирост в связи с т.н. боксерским восстанием, когда бывший генерал-губернатор Приамурья и командующий войсками генерал Гродеков при содействии профессора-китаиста Рудакова отобрал для института и привез во Владивосток т.н. Цицикарский архив, состоящий из свыше 20 тыс. объемистых руко-

⁴³ Подробнее о научной деятельности Спальвина см. [Горегляд, 1993].

писных фолиантов. По случаю эвакуации института... во время русско-японской войны, из Владивостока в Верхнеудинск осенью 1904 г., при тогдашнем генерал-губернаторе, генерале [Н.П.] Линевице, я дал свой отзыв в качестве исправляющего должность директора института о возможности, согласно просьбе Академии наук, предоставить Цицикарский архив Академии. Предложение было принято, но за военным временем не выполнено, а затем оно и было забыто... По поводу способа приобретения означенного архива еще при царском правительстве возникла переписка, возбужденная китайским правительством, о возвращении Китаю этого архива, но Китай удовлетворился объяснениями и указанием на то, что вторые экземпляры заключающихся в нем архивных данных все равно остались в распоряжении китайского правительства». Из-за отсутствия удобного помещения цицикарский архив в течение длительного времени оставался неразобранным, вследствие чего никто из профессоров и студентов, по свидетельству Спальвина, «никаких научных занятий в нем не вел». В упомянутом выше письме Спальвина (от 8 октября 1925 г.) сказано, что в 1914 г. в библиотеке Восточного института насчитывалось около 125 тыс. томов книг различного содержания [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 4, ед. хр. 82, л. 2, 1].

Успехи востоковедов-дальневосточников в изучении сопредельных стран, особенно на стадии становления нового центра российского ориентализма, не сразу были по достоинству оценены их петербургскими коллегами. Это видно, например, из статьи В.В. Бартольда, выступившего в 1902 г. в печати против предложения С.Ф. Ольденбурга открыть в Ташкенте высшую школу востоковедения. Полагая, что России «недостает научных деятелей не только для открытия новых, но даже для поддержания на должной высоте существующих научных учреждений», Бартольд ссылаясь на пример Восточного института, на который как на образец проектируемого ташкентского учебного заведения указывали некоторые газеты («Новое время» и отчасти «Туркестанские ведомости»). Напомнив о речи, произнесенной при открытии Восточного института его первым директором, в которой «науке для науки», составляющей предмет университетского преподавания, противопоставлялась, по его мнению, «практическая наука», которой должен был заниматься этот институт, Бартольд отметил, что появившиеся публикации ИВИ, содержащие подробные сведения о первых годах его деятельности, «едва ли дают повод к радужным надеждам». Констатируя отсутствие единства мнений по поводу того, что «деятельность восточного, как и всякого другого университетского факультета, должна определяться исключительно научными, а не политическими и коммерческими задачами», известный востоковед, говоря о Восточном институте во

Владивостоке, подчеркивал: «Будущее покажет, насколько возможно соединить в одном учебном заведении научные задачи с узкопрактическими». При этом Бартольд, основываясь на опыте ФВЯ, отмечал, что «склонность и способность к научной деятельности обнаруживают немногие», что «лучшие студенты, которым факультет предлагает остаться при университете для приготовления к занятию кафедры, часто отдают предпочтение более выгодной в материальном отношении карьере»⁴⁴.

Сказанное Бартольдом о Восточном институте соответствовало истине лишь отчасти, а именно для первых его шагов в изучении Востока. Ученым-дальневосточникам удалось в довольно сжатые сроки подготовить значительное число учебных пособий и оригинальных трудов, основанных на проработке широкого круга литературы и отдельных источников. В работах Н.В. Кюнера и А.В. Рудакова чувствовалось влияние школы В.П. Васильева, а также его коллег по Петербургскому университету — С.М. Георгиевского, А.И. Ивановского и др. Приняв эстафету изучения Китая и соседних с ним стран, молодые ученые под руководством своих старших коллег в короткое время создали новый научный центр на русском Дальнем Востоке с широкой программой научно-практических исследований, помогавших сближению россиян с народами огромного азиатского ареала. Благодаря их усилиям и инициативе этот учебный и научно-исследовательский центр стал располагать прекрасной по своему составу библиотекой, современной типографией (с восточными наборами), хорошо налаженной системой языковой практики для преподавателей и студентов в изучаемых ими странах. Восточный институт воспитал целую плеяду квалифицированных китаистов, маньчжуристов, монголистов, японистов и корееведов (К.А. Харнский, Б.К. Пашков, А.В. Гребенщиков, Б.И. Панкратов и др.), которые после Октября 1917 г. активно включились в разработку насущных проблем востоковедения. Некоторых из них, например Б.И. Панкратова, окончившего институт в 1916 г., с полным основанием можно отнести, по мнению В.М. Алексеева, к числу «китаистов-полиглотов» восточной ветви старопетербургской школы (В.П. Васильева) [Стариков, 1971, с. 7].

Что касается научного вклада преподавателей Восточного института в изучение сопредельных России стран, то оценка его по опубликованным работам представляется далеко не полной, так как многое из написанного ими не было издано. Их работы лишь отчасти сохранились в личных архивах ученых (А.В. Рудакова [Чугуевский, 1971], Н.В. Кюнера, П.П. Шмидта и др.) либо в ар-

⁴⁴ Бартольд В. По поводу проекта С.Ф. Ольденбурга. — Туркестанские ведомости, 25.04/08.05.1902, с. 1—2 (=Бартольд IX, 492—495).

живных делах Восточного института. В последних хранятся, например, немало материалов, связанных с преподаванием корейского языка⁴⁵. Оригинальные труды по востоковедению можно найти и в архивных фондах бывшего Министерства народного просвещения царской России. Пример тому — записка и.д. проф. Г.В. Подставина от 1 июня 1913 г. о китайских заимствованиях в корейском языке [ЦГИА, ф. 733, оп. 155, д. 1211]. Думается, что инвентаризация и разработка научного наследия владивостокской школы востоковедов позволит полнее представить не только тематику научных исследований, но и их высокий уровень, обусловленный хорошим знанием стран дальневосточного региона, западных и особенно восточных языков. С учетом того что многие выпускники Восточного института до и после Октября 1917 г. работали в Японии, Китае и Монголии, подобная работа предстоит и в отношении наиболее успешно действовавшей востоковедной школы в Харбине, где с февраля 1909 г. функционировало Общество русских ориенталистов, которое впоследствии (в 1927 г.) слилось с местным Обществом изучения Маньчжурского края, возникшим здесь в конце 1922 г.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ НА УКРАИНЕ

Востоковедение на Украине, развивавшееся как составная и неотъемлемая часть российского востоковедения, во второй половине XIX столетия было сосредоточено прежде всего в университетских центрах: Киеве, Харькове, Одессе. Однако ни в одном из перечисленных университетов не было ни специальных востоковедных учебных отделений, ни кафедр. Изучение восточных языков и других смежных востоковедных дисциплин определялось задачами кафедр сравнительной лингвистики индоевропейских языков, создание которых на историко-филологических факультетах предусматривалось университетским уставом 1863 г. Это важное обстоятельство содействовало изучению санскрита и развитию санскритологии.

В *Киевском университете* с 1886 г. по 1914 г. кафедру сравнительного языкознания и санскритологии занимал уже упоминавшийся Ф. Кнауэр. В 1864—1873 гг. курс лекций по истории

⁴⁵ Помимо стеклографического издания подстрочного иероглифического словаря, составленного Подставиним, и других учебных пособий в архиве бывшего Восточного института сохранились переводы (например, «Второе следствие по поводу убийства корейской королевы»), а также оригинальные работы по истории и литературе Кореи [ЦГАДВ, ф. 1, д. 10, л. 284—465 (упомянутый словарь Г.В. Подставина); д. 2, л. 1—68 (упомянутый перевод, выполненный 8 октября 1895 г.); д. 38, л. 1—38 (рукопись по истории Кореи); д. 34, л. 1—14 (Корейские пословицы и поговорки) и др.].

Древнего Востока в университете читал известный украинский ученый, писатель и общественный деятель М.П. Драгоманов (1841—1895) [ЦНБ, ф. 172, № 1, л. 31—34, 37; № 51, 94, л. 52—53; БСП (Киев), с. 187—188]. В 1886 г. из Петербурга в Киев переехал видный востоковед В.Ф. Гиргас (1835—1887). Однако он вскоре скончался, не успев реализовать свои творческие планы, связанные с Киевом [Крачковский, 1958, с. 96—98; Крачковский, 1965, с. 197—198; БСП (Киев), с. 672—673; История Киев. ун-та, с. 186—187, 192, 202, 212].

Университет располагал Нумизматическим кабинетом, который к началу XX в. насчитывал более 34,5 тыс. монет и медалей. Значительную ценность представляла, в частности, коллекция византийских, арабских и персидских монет чеканки IX—X вв. К этой коллекции неоднократно обращались не только отечественные, но и зарубежные ученые [История Киева, т. 2, с. 275; История Киев. ун-та, с. 191—192].

В 1873 г. в Киеве был основан Юго-Западный отдел РГО, организовавший и осуществивший в конце XIX — начале XX в. несколько научных экспедиций в страны Востока [БСП (Киев), с. 247, 264—266, 366; История Киев. ун-та, с. 134—135, 144—146].

С Киевом связаны юные годы А.Е. Крымского. Именно в Киеве он увлекся ориенталистикой. Обучаясь в Киевском коллегиуме Павла Галагана в 1885—1889 гг., он наряду с греческим и латинским языками изучает санскрит, древнееврейский и турецкий. Знание восточных языков он рассматривает прежде всего как необходимый инструмент, с помощью которого можно попытаться определить, насколько сильно было влияние соседних стран Востока на историческое развитие России и Украины [Гурницкий, 1980, с. 10, 13; Гурницкий, 1971, с. 10]. Само формирование научных и политических взглядов, художественное творчество Крымского, несомненно, складывались под влиянием украинской культуры, литературы, в частности Ивана Франко и Леси Украинки [Базиянц, 1973, с. 123]. Будучи уже в Москве, сначала обучаясь, а затем и работая в московских учебных заведениях, Крымский не порывал связей с деятелями украинской культуры и науки. Многие идеи, имевшие отношение к ориенталистике, нашли отражение и в эпистолярном наследии ученого, в частности в переписке с И.Я. Франко [ЦНБ, ф. 1, № 25768, 48498, 48475, 48482, 48473, 48480, 48495, 48496, 23531, 23206, 23228, 25744, 25728; ф. 36, № 2, 6, 176—179, 659]. Целый ряд востоковедных работ Крымского на рубеже двух столетий был опубликован на Украине — в украинских издательствах и журналах.

Российское Православное палестинское общество (см. ниже специальный параграф) оказывало содействие наиболее способным ученикам и выпускникам русских школ в Палестине, же-

лающим продолжить свое образование, поступить в дальнейшем в высшие и средние учебные заведения России. Некоторые из них навсегда остались здесь и, занявшись наукой, оказали заметное влияние на развитие востоковедения. С Украиной связаны имена следующих палестинцев: Т.Г. Кезмы, П. Жузе, А. Хашаба, К.В. Оде-Васильевой [Мещерская, Юзбашян, 1986, с. 3, 5—6].

Тауфик Гавриилович Кезма (Товфик Жубрайль; 1882—1958), араб из Дамаска, обучался в русской палестинской начальной школе. В 1896 г. Российское Палестинское общество направило его на учебу в Киевскую Духовную семинарию, после окончания которой в 1902 г. он продолжил обучение в Киевской Духовной академии. Успешно сдал экзамены в 1906 г. и получив звание профессора богословских исторических наук, Кезма начал преподавать арабский и турецкий языки в учебных заведениях Киева, а с 1913 г. — в Киевском коммерческом институте. В 1914 г. он находился на стажировке в Персии (Хорасане).

Попутно заметим, что обучавшиеся в России арабы, вне всякого сомнения, содействовали проявлению интереса к Востоку не только в крупных центрах, но и в сравнительно небольших городах, например в Полтаве. В этом украинском городе в 1905—1911 гг. жил и учился в Учительском институте будущий известный ливанский писатель Михаил Нуайме. Интересны выдержки из мемуаров Нуайме «Моя связь с Россией», переведенные Кезмой, и его «Ливанские новеллы» (М., 1959).

С Киевским университетом тесно связана деятельность *Нежинского лицея*, преобразованного в 1875 г. в историко-филологический институт. Санскрит здесь преподавали В.В. Качановский и А.И. Меринг. Специальная программа, разработанная в середине 70-х годов проф. П.И. Люперольским, предусматривала обстоятельное изучение истории, географии, культуры, социального строя древней Индии. В 1912 г. проф. Н.М. Боголюбовым была издана в Нежине монография «Кризис мифологического сознания в Индии и древней Греции» [Гимназия и лицей кн. Безбородко, с. 15; Институт кн. Безбородко, с. 31, 47; ЭСБ, т. XVIII, с. 250; Россия и Индия, с. 193].

К числу заметных центров отечественного востоковедения в рассматриваемый период принадлежал *Харьковский университет*. На курсах всеобщей истории привлекали внимание своей оригинальностью лекции проф. М.Н. Петрова (1826—1887) о происхождении ислама и роли его в жизни арабских народов.

Ориенталистом широкого профиля зарекомендовал себя проф. В.К. Надлер (1840—1894), который читал спецкурсы «История исламского мира до крестовых походов и эпоха крестовых походов» и «История исламского Востока и Византии» (последний — в 1877—1878 гг.). Ему принадлежат работы, получившие в то вре-

мя признание научной общественности: «Культурная жизнь арабов в первые века гиджры (622—1100) и ее выражение в поэзии и искусстве», «Османские турки и балканские славяне во второй половине XIX века», «Сербский народ и его судьба под властью турок до начала национального движения в первые годы XIX века» и др. [Ковалевский А., 1961, с. 37—38; ЭСБ, т. XX, с. 436—437].

В значительной степени ориенталистский характер имеют труды болгарского историка-слависта М.С. Дринова (1838—1906), работавшего с 1893 г. профессором Харьковского университета.

Ощутимые успехи были достигнуты в этом университете в области индологии, в частности в изучении санскрита. Согласно университетскому уставу (1863), среди его кафедр полноправное положение заняла кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Отметим деятельность санскритолога В.И. Шерцля (1843—1906), с 1869 по 1884 г., т.е. до его переезда в Одессу, доцента кафедры санскрита и сравнительного языкознания в Харьковском университете. Свое востоковедное образование он получил в нескольких европейских университетах, а в Петербурге изучал персидский у А.К. Казем-Бека и санскрит у К.А. Коссовича. Из трудов Шерцля выделим его магистерскую диссертацию «Личные местоимения в санскритском языке и сродные им формы» (СПб., 1869), а также изданные в Харькове «Санскритскую грамматику» (1873) и «Синтаксис древнеиндийского языка» (1883).

Значителен вклад в ориенталистику знаменитого филолога, члена-корреспондента Петербургской Академии наук, профессора Харьковского университета Александра Афанасьевича Потемни (1835—1891). Будучи основоположником философской школы в языкознании, комплексного изучения литературы, этнографии, фольклора, он старался использовать знание санскрита для объяснения этимологии славянских (главным образом русских и украинских) слов. Например, интересно толкование им некоторых мест «Слова о полку Игореве». Его обращение к персонажам индийского фольклора имело целью поколебать распространенные представления о «традиционной покорности и пассивности» индийцев [Франчук, 1975].

Преемником В.И. Шерцля на кафедре санскрита и сравнительного языкознания был проф. Эмилий Диллон. В 1887 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Армянские этюды». Ему удалось осуществить перевод с древнеармянского языка и дать толкование произведения армянского историка V в. Егише «История Вардана и войны армян, сочиненная по просьбе Давида Мамиконяна» [Ковалевский, 1961, с. 50].

В области ведийской литературы в 1880-е годы работал лингвист, критик, историк литературы и общественный деятель Д.Н. Овсяннико-Куликовский (1853—1920). Санскритом он занимался в Одессе у Ягича (см. ниже) и некоторое время в Петербурге у И.П. Минаева, а затем в Париже у А. Бергена. В Европе изучал «Авесту» у крупнейшего ираниста Дармстетера, а также древне-еврейский язык. Овсяннико-Куликовский преподавал санскрит в Харьковском университете.

Первой монографической публикацией ученого стало небольшое исследование «Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Соме в связи с концепцией речи и экстаза». В более полном виде его взгляды изложены в книге «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. Ч. 1». Эта работа напоминала книгу В. Миллера как широкими сопоставлениями культа ведийского божества Сомы с иранскими культурами (хаома) и греческим культом Диониса, так и критикой воззрений важнейших представителей солярной и метеорологической школ в изучении мифологии. По мнению ученого, следует принципиально различать культы, связанные с обожествлением природы, и культы по преимуществу общественного происхождения. К последним, как он считал, принадлежал и культ индийского бога Сомы, имеющий экстатический характер.

Автора занимал общественно-психологический смысл экстатических культов. Он придавал религиозному экстазу огромное значение как «новому связующему» человеческий коллектив «началу, которое дало могучий импульс деятельности мысли, игре воображения, развитию психической производительности». Ученый считал, что само развитие человеческого общества начиналось с острого экстаза, необходимого человеку. Он анализировал сведения ведийских текстов о создании и исполнении гимнов и употреблении опьяняющего напитка сома. С точки зрения Овсяннико-Куликовского, употребление сомы и пение ведийских стихов связаны между собой, причем экстаз, вызываемый употреблением сомы, через ритмическое пение передавался слушателям. Музыка, обрядовое действие и речь жреца-певца представляются неразрывным единством. Речь благодаря своей ритмичности в ведийских гимнах уподобляется течению жидкости. Ритмически организованная речь оказывала необыкновенно сильное воздействие на психику первобытного человека и стимулировала его мысль и творчество. В первоначальном религиозном экстазе Овсяннико-Куликовский ищет начала последующей религиозной мистики и светского экстаза. На этой почве, по его мнению, создаются с течением веков грандиозные мифологические и религиозно-мистические системы. С помощью лингвистического анализа

гимнов «Ригведы» ученый стремился обнаружить особенности архаического языка и мышления. В разработке этой проблемы он смыкался с исследованиями Л. Леви-Брюля и других французских этнологов. Общие вопросы особенностей первобытного мышления, психики древнего человека, связи поэзии, речи, обряда целиком сохраняют свое значение и в современной науке.

Следующая книга Овсяннико-Куликовского — «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед». Ученый выделял три разновидности священных огней в ведийских текстах: грихапати, вишпати и вайшванара. Это разделение, по его мнению, проведено не по чисто мифологическим признакам, оно имеет социологические основания: первый из огней принадлежал отдельному домохозяйству, второй — селу, общине, а третий — объединению союзных общин. Полемизируя с видным немецким исследователем ведийской лексики Г. Грассманом, русский санскритолог убедительно доказывал свое толкование термина «виш» как «община» (у Грассмана — «дом»). Общий вывод той части работы, которая посвящена культам трех священных огней, сводится к тому, что развитие культов и религиозных концепций шло в ногу с развитием самой гражданственности ариев.

Интерес к социологии и проблеме влияния на религию эволюции социальных институтов, по-видимому, связан с общественными взглядами и деятельностью ученого. В молодости Овсяннико-Куликовский активно участвовал в социалистических кружках, печатался в нелегальной прессе, изучал работы К. Маркса и его последователей.

Половину этой монографии составляет список эпитетов священного огня в ведийской литературе. Ученый собрал более 800 таких эпитетов, сопроводив их точными ссылками, сопоставлениями с иранским материалом, этимологическими и мифологическими объяснениями. Этот обширный материал позволяет выяснить значение, функции и атрибуты священного огня в ведийской религии и литературе.

Исследование это было переведено на французский язык и издано в Париже. С 90-х годов ученый отошел от проблем санскритологии, посвятив свое творчество изучению психологии русской литературы, однако изредка и в последующие годы появлялись работы, связанные с его первоначальной научной специализацией.

Учеником Овсяннико-Куликовского был Павел Григорьевич Риттер (1872—1939), окончивший славяно-русское отделение Харьковского университета. Первой работой его в области санскритологии было исследование гимнов «Ригведы», посвященных богу Вишну. Продолжал образование Риттер в Германии у известного специалиста по «Ригведе» К. Гельднера. Кроме санскрита

он учил пали и бенгальский язык. Его научные интересы в основном концентрировались на классической индийской литературе. В качестве отчета о пребывании за границей Риттер представил перевод части романа Дандина «Дашакумарачарита» и статью «Дандин и его роман „Похождения десяти юношей“», опубликованную в «Записках имп. Харьковского университета» (1898, кн. 2). В характеристике Дандина автор обращает особое внимание на его «откровенный реализм». Вскоре был готов и полный перевод романа, опубликованный только в советское время (хотя выполнен он был до немецких переводов И. Мейера и Габерланда). Риттер вел занятия по санскриту в Харьковском университете; в предреволюционные годы четыре раза выходил его «Краткий курс санскритской грамматики».

Риттер внес немалый вклад в летопись истории ориенталистики, подготовив очерки о харьковских ученых И. Барендте, Б. Дорне, Э. Диллоне [там же, с. 56—61].

Характеристика востоковедения в Харькове была бы неполной, если не сказать о восточной коллекции Нумизматического кабинета, насчитывавшей множество монет, в том числе редкостные древнеармянские и грузинские, золотоордынские — периода правления хана Батыя (XIII в.), среднеазиатские — державы Тимура и Тимуридов, персидские — времен Сасанидов и др.

Ориенталистские традиции одесского Ришельевского лицея могли быть успешно продолжены в созданном на его основе в 1865 г. высшем учебном заведении, получившем наименование *Новороссийский университет*.

Преобразование лицея в университет во многом обязано страстному поборнику просвещения, знаменитому хирургу Н.И. Пирогову (1810—1881), бывшему в 1856—1858 гг. попечителем Одесского учебного округа. В его докладной записке на имя министра народного просвещения от 20 января 1857 г. необходимость такого преобразования обосновывалась следующим образом: «В археологическом отношении почва Новороссии, через которую совершались переселения народов из Азии в Европу, до сих пор хранит в своих курганах еще вовсе не исследованные сокровища древности. В отношении этнографическом Новороссия как край, соседний с Кавказом и странами Востока, с народонаселением из русских, малороссов, поляков, молдован, татар, армян, греков, цыган, евреев, немцев, итальянцев представляет богатейшие средства к обогащению языковедения и этнографии. На всем Балканском полуострове, за исключением королевства Греции, есть только одно медицинское училище в Константинополе, доступное только мусульманам... Весьма естественно, что кроме жителей Кавказа, Крыма, Новороссии болгары, сербы, греки и другие православные подданные Турции и задунайских княжеств

обратятся в Одессу для изучения медицины...» [25-летие Новорос. ун-та, с. 24].

Эти благоприятные возможности для развития в Одессе востоковедения, к сожалению, не были в достаточной мере использованы.

Тем не менее востоковедение в Одесском университете продолжало развиваться. Базой служила кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков. Около десяти лет кафедра не замещалась. В 1872 г. ее возглавил профессор из Загреба Игнатий Викторович (Ватрослав) Ягич (1838—1923) — филолог-славист, санскритолог, избранный в 1881 г. действительным членом Петербургской Академии наук.

Крупные успехи были достигнуты в Одессе в области византиноведения. Это стало возможным в результате создания и функционирования в Стамбуле в 1895—1914 гг. Русского археологического института с его уникальной библиотекой, архивом, редчайшей коллекцией археологических материалов и произведений искусства [Документы, 1963, с. 16—17; Никитин, 1986, с. 41—42]. Бессменным директором института был профессор Новороссийского университета Ф.И. Успенский (1845—1928). По примеру Археологического института в Стамбуле в кругах российской научной общественности обсуждались возможности открытия аналогичного учреждения в Иерусалиме, чему, к сожалению, помешала первая мировая война [Мещерская, Юзбашян, 1986, с. 8].

В 1880-х годах из Одессы в страны Востока были направлены две научные и духовные экспедиции [ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 1904, л. 1а, 4, 25, 33—34, 53, 75, 98—99, 102—103, 105, 108—109]. Две географические экспедиции в Эфиопию были организованы в 90-х годах [там же, ф. 2, оп. 2, д. 2525, л. 1, 6].

Ознакомлению с жизнью, историей и культурой народов Востока способствовали музейные и частные коллекции предметов культуры и быта, произведений искусства. Речь идет об университетских музеях и частных собраниях Киева, Харькова, Одессы и других украинских городов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ОРИЕНТАЛИСТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

Труды российских востоковедов получили европейскую известность. Как признание вклада российских ученых в востоковедение следует рассматривать проведение именно в столице России III Международного конгресса ориенталистов (1876).

Традиция конгрессов восходит к 70-м годам прошлого столетия. В 1873 г. в Париже состоялся I конгресс, на котором было

решено созывать подобные съезды систематически — раз в год. На парижском конгрессе были выработаны также основные организационные принципы созыва и проведения следующих конгрессов. II конгресс — он проходил в 1874 г. в Лондоне — принял решение провести очередной международный съезд востоковедов в 1875 г. в России, в Петербурге.

Выбор страны и города не был случайным.

В XIX столетии в России наметился сравнительно высокий темп развития науки, в частности востоковедения, центрами которого являлись Петербург, Москва и Казань. Петербург помимо факультета восточных языков университета располагал Азиатским и Этнографическим музеями, Публичной библиотекой с богатейшими, подчас уникальными коллекциями восточных рукописей, ксилографов и различных предметов культуры стран Востока. В городе было также немало ценных частных собраний.

Исполнительный комитет Лондонского конгресса возложил подготовку следующего съезда на русских востоковедов, присутствовавших на II конгрессе: декана ФВЯ и профессора истории Востока Петербургского университета В.В. Григорьева, на профессоров К.П. Патканова и Д.А. Хвольсона (делегатов Лондонского конгресса от Петербургского университета), а также на А.Л. Куна. Президентом будущего съезда был избран граф И.И. Воронцов-Дашков, который, однако, ничем не помог Организационному комитету и даже впоследствии затруднил положение, отказавшись от обязанностей президента. Таким образом, основная работа по подготовке съезда пала на проф. В.В. Григорьева и его коллег. В состав Организационного комитета были дополнительно включены академики В.В. Вельяминов-Зернов и Б.А. Дорн, а также В.Ф. Гиргас, П.И. Лерх, Ф.Р. Остен-Сакен, В.Р. Розен.

Комитет выработал программу предстоящего съезда. На первый план были выдвинуты вопросы изучения азиатской части Российской империи и соответственно организация на конгрессе четырех специальных отделов: I — Западная и Восточная Сибирь; II — Средняя Азия; III — Кавказ, Подкавказье и Крым; IV — Закавказье [Труды III съезда ориенталистов, т. 1, с. IV].

Страны зарубежного Востока — Китай, Япония, Монголия, Тибет, Персия, Турция и Аравия — были сгруппированы в три отдела. В докладах по каждой из названных семи стран предлагалось освещать вопросы картографии, лингвистики, этнографии, истории и литературы. Помимо этого предусматривалось создать особые секции конгресса: по археологии и нумизматике, по религиозным и философским учениям Востока. Решено было также устроить к открытию конгресса выставку и издать историко-библиографическое обозрение работ по Востоку, подготовленных в России. Однако написать такое обозрение означало фактически

подвести итоги всей востоковедной работы в России за прошлые десятилетия. В связи с большим объемом этой работы Организационный комитет решил перенести созыв III конгресса с 1875 г. на середину 1876 г. Для составления обзора были привлечены известные востоковеды М.И. Венюков, В.В. Григорьев, К.П. Патканов, В.Р. Розен, К.С. Старицкий, А.А. Цагарели и др.

Подготовка к съезду вызвала значительный интерес в широких слоях русской интеллигенции, внесла оживление в отечественное востоковедение. В Тифлисе и Ташкенте были созданы комитеты содействия конгрессу. Во многих городах собирались различные материалы, в основном по этнографии восточных народов России. Завязалась оживленная переписка между Оргкомитетом и востоковедами, в том числе и зарубежными. Среди 24 официальных корреспондентов Оргкомитета были профессор Лондонского университета Р. Дуглас, директор Парижского института живых восточных языков Ш. Шефер, профессор Будапештского университета Г. Вамбери.

До открытия конгресса Оргкомитет опубликовал на русском и французском языках (по уставу французский считался официальным языком конгресса) и разослал своим корреспондентам (а те должны были сообщить через прессу соответствующим обществам и учреждениям своей страны) фактически программу предстоящего съезда — 38 вопросов, охватывающих различные проблемы востоковедения. Приведем несколько характерных пунктов этой программы, интересных с точки зрения того, какие же вопросы привлекали внимание европейского востоковедения в начале последней четверти прошлого столетия [там же, с. XXXVIII—XL]:

«5. Где доказательство, что известные в Европе тюркские рукописи, писанные уйгурскими письменами, писаны, как принято думать, на языке уйгуров, тогда как в период, к которому рукописи принадлежат, уйгурское письмо было в употреблении и у других тюркских народов?..

7. Что вам известно о согдийских письменах? На каких памятниках сохранились они?..

9. Какими причинами может быть объяснена неподвижность новоперсидского языка, не претерпевшего с X-го столетия (а по всей вероятности, и ранее) до сих пор почти никаких изменений в своих грамматических формах?..

15. Какие именно обстоятельства прекратили вдруг в начале XI века торговлю между мусульманским Востоком и северной Европой, торговлю, процветавшую постоянно в течение VII—X столетий?..

23. Откуда мог заимствовать эль-Бируни сведения свои о „Варяжском море“, о котором упоминает он первым из арабских писателей?»

Конгресс открылся 20 августа 1876 г. в актовом зале Петербургского университета. Президентом съезда был избран В.В. Григорьев, генеральным секретарем — Ф.Р. Остен-Сакен, помощником генерального секретаря — В.Р. Розен. Работой отделов (секций) руководили Ш. Шефер, В. Васильев, К. Патканов, Ж. Опперт, Р. Дуглас и др.

К началу работы конгресса было приурочено открытие выставки, на которой широко были представлены Сибирь, Средняя Азия и Закавказье. Шефер привез на выставку собрание старинных произведений мусульманского искусства Передней Азии. Публичная библиотека устроила особую выставку своих многочисленных восточных рукописей. Академия наук предоставила свободный доступ во все музеи. Для участников конгресса были открыты и некоторые частные коллекции. Делегаты конгресса проявляли очень большой интерес к выставкам и коллекциям. Для их осмотра были выделены специальные дни, когда не было заседаний.

Таким образом, III Международный конгресс ориенталистов явился одновременно первым российским съездом востоковедов, который подвел итоги большого периода в истории востоковедения.

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА В НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

В истории востоковедения дооктябрьского периода заметную роль сыграли научные общества, объединявшие профессиональных ориенталистов (ученых, преподавателей), студентов, краеведов, а также людей различных специальностей, интересующихся Востоком, его историей, культурой, достижениями современной науки в этой области знаний.

Русское географическое общество

Императорское Русское географическое общество внесло весомый вклад в изучение стран Востока. Подобно тому как это произошло в других странах, его создание знаменовало собой определенный этап в развитии географических исследований.

Мысль об учреждении географического общества впервые возникла в конце первой половины XIX в. Географическая наука в России добилась к тому времени значительных успехов. Развитию географических знаний благоприятствовало положение страны, являвшейся, можно сказать, перекрестком культурных и эко-

номических путей, связывающих самые отдаленные страны Европы и Азии.

По П.П. Семенову (с 1906 г. Семенов-Тянь-Шанский), идея создания общества принадлежала двум знаменитым российским географам: К.И. Арсеньеву и Ф.П. Лйтке [Берг, 1946]; по другим источникам — К.М. Бэру, Ф.П. Врангелю и Ф.П. Литке [25-летие РГО, с. 240]. Идея, пишет Семенов, сразу нашла отклик в четырех кружках тогдашнего образованного общества: «Один из этих мореходов, которые своими плаваниями, открытиями в дальних и в то время малодоступных морях покрыли себя громкою славою еще в начале XIX в. Бывшие в 1844 году в живых из этих мореплавателей, а именно Литке Ф.П., Крузенштерн И.Ф., барон Врангель Ф.П. и Рикорд П.И., вошли в состав учредителей Общества...» [Семенов П., 1896, с. 1—2].

Другой кружок был академический. Он состоял из членов Академии наук: естествоиспытателя К.М. Бэра, астронома В.Я. Струве, геолога Г.П. Гельмерсена, статистика, этнографа и библиографа акад. П.И. Кеппена. Эти ученые не только украсили своими именами список членов-учредителей общества, но и приняли самое активное участие в его деятельности.

К третьему кружку принадлежали тогда уже бывшие офицеры Главного штаба: М.П. Вронченко (геодезист, известный своими путешествиями по Малой Азии), Ф.Ф. Бэр (исследователь Арало-Каспийской низменности и Усть-Урта) и сенатор М.Н. Муравьев.

В четвертый кружок входили известный русский географ и статистик К.И. Арсеньев, путешественник Пл.А. Чихачев, исследователь русских наречий и быта В.И. Даль и, наконец, известный литератор кн. В.Ф. Одоевский. Семенов отмечал, что ко времени создания общества число этих деятелей было еще невелико. Но они соединяли несомненную талантливость и горячий патриотизм с серьезной подготовкой и могли служить достойными представителями тех прогрессивных сил русского общества, «содействие коих должно было принести пользу географическим наукам при всестороннем изучении России» [Берг, 1946]. Направление этого кружка обусловило впоследствии и направление всего общества, поставившего себе задачей изучение России и сопредельных с ней стран (поскольку это связано с интересами России), и такое направление не только сохранилось, но и стало девизом общества.

Всего членов-учредителей общества было 17. Сопредседания и консультации по поводу основания общества практически начались в 1844 г. и продолжались около полутора лет.

В 1845 г. из членов четырех упомянутых выше кружков окончательно сложился состав членов-учредителей, которые обратились через Министерство внутренних дел к царю с просьбой о

соответствующем разрешении. 6 августа 1845 г. «воспоследовало Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на учреждение Общества». Одновременно был одобрен Временный устав, который должен был действовать в течение четырех лет до представления Советом общества окончательного устава. 19 сентября того же года состоялось собрание учредителей, на котором было объявлено, что председателем общества по указанию царя назначается его сын, великий князь Константин Николаевич; помощником председателя был единогласно избран Ф.П. Литке; 51 человек стали действительными членами общества.

Первым председателем РГО был великий князь Константин Николаевич (1827—1892). Он возглавлял также археологическое и музыкальное общества.

7 октября (в здании Академии наук) состоялось общее собрание РГО, на котором был сформирован его Совет и четыре отделения (общей географии — управляющий Ф.П. Врангель, Географии России — В.Я. Струве, статистики — П.И. Кеппен, этнографии — К.М. Бэр). На заседании 24 октября 1845 г. секретарем Совета (без баллотировки) был назначен А.В. Головин.

3 февраля 1847 г. Отделение географии России было разделено на два комитета: географии математической (с картографией, геодезией и астрономией) во главе с В.Я. Струве и географии физической (с геологией и естествознанием) — Г.П. Гельмерсен. Впоследствии Отделение общей географии слилось с Комитетом географии физической и стало называться Отделением географии физической. Другой комитет Отделения географии России был преобразован в Отделение географии математической. По мнению П.П. Семенова, эти структурные изменения не были случайны. Большинство вступавших в РГО молодых географов сосредоточивали свои усилия на изучении России (отсюда и необходимость создания двух комитетов в рамках этого отделения). Отделения этнографии и статистики также поставили своей задачей этнографические исследования собственно России. Вот почему Отделение общей географии оставалось почти не у дел, и прекращение его самостоятельного существования было неизбежным.

На заседании 5 ноября 1847 г. Совет постановил образовать для пересмотра Устава комиссию под председательством Литке.

Проект нового устава был завершен к середине апреля 1849 г. При рассмотрении проекта Совет прежде всего исправил ту его статью, которая вопреки временному Уставу ставила на первый план занятия географической наукой вообще и тем самым отодвигала географическое изучение самой России на второе место. В результате в § 8 Устава изучению России отводилась главная роль.

С самого начала деятельности РГО его постоянным печатным органом являлись «Записки», где должны были публиковаться все географические труды членов общества, а также текущие свиде-

ния о его деятельности. Первая книга «Записок» появилась в сентябре 1846 г., вторая — в 1848 г. Интерес к деятельности РГО был велик: все экземпляры этих книг разошлись очень быстро, и даже возникла необходимость во втором их издании, что и было осуществлено в 1849 г. Совет РГО не довольствовался выпуском одних «Записок». 20 января 1847 г., желая содействовать популяризации географической науки, было принято решение издавать еще географический ежегодник объемом от 20 до 30 печатных листов. В марте 1848 г. по предложению Н.И. Надеждина, поддержанному Литке, Совет РГО постановил: издавать под именем «Географических Известий» срочный листок (или бюллетень) для освещения текущих мероприятий общества и другой информации. (Об издательской деятельности РГО см. [Семенов П., 1896, с. 445—468].)

В середине XIX в. внимание русских географов привлекла проблема научного исследования Азии — задача, на протяжении многих десятилетий ставшая для общества основной. В 1846—1847 гг. на рассмотрение Совета были вынесены предложения по изучению географии Средней Азии, в результате чего последовал ряд соответствующих решений. РГО положило начало обширной программе изучения Центральной Азии. В ходе осуществления этой программы состоялись прославившие русскую науку экспедиции.

Экспедиции в регионы, непосредственно не примыкавшие к Российской империи, занимали в деятельности РГО незначительное место. Как правило, общество не направляло в эти регионы собственные экспедиции, а стремилось давать поручения лицам, выезжавшим по линии организаций и ведомств. Такие поручения, в частности, выполняли А.А. Рафалович, одесский медик и антрополог, командированный в 1848 г. в Африку и на Ближний Восток для изучения чумы⁴⁶, и Э.И. Эйхвальд, совершивший в 1847 г. путешествие в Алжир.

Следует сказать и о поездке Е.П. Ковалевского. В 1847 г. он был направлен для поисков и разработки золота в Восточном Судане. Узнав о командировке Ковалевского, Врангель обратился в Совет РГО с предложением послать вместе с Ковалевским ученого — географа и этнографа. Так с Ковалевским был отправлен Л.С. Ценковский, для которого Совет общества подготовил специальную инструкцию. Экспедиция Ковалевского наряду с успешными розысками золотonosных россыпей провела детальное изучение Египта и Судана. По возвращении из поездки Ковалевский сделал доклад на заседании РГО и написал о своем путешествии статью.

⁴⁶ См.: Сирия, Ливан и Палестина в описании российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991, с. 90—167.

П.П. Семенов, бессменный руководитель РГО на протяжении более 40 лет, был первым исследователем Тянь-Шаня. Тяньшаньская экспедиция Семенова составила целую эпоху в исследовании Средней Азии. Она положила начало целому ряду работ, которые были предприняты РГО для изучения природы Туркестана.

В 1851 г. Семенов по поручению Совета РГО приступил к переводу той части 19-томного труда К. Риттера «Землеведение», которая относится к азиатской части России и странам, соседствующим с ней. Первый том (объемом 750 с.) был издан в 1855 г. В него входило описание Монголии, Маньчжурии и Северного Китая. Семенов написал к этому тому введение, а также обширные и весьма существенные дополнения. Второй том русского перевода (1859) включает описание Тянь-Шаня, Алтая и Саян. В предисловии к нему Семенов дает историю Тянь-Шаня и кратко излагает материалы, связанные с собственным исследованием этого хребта. Кроме того, он подробно описывает действующие или недавно потухшие вулканы на Тянь-Шане, считая, что установление этого факта — один из важных результатов его путешествия.

Первым последователем Семенова был Н.А. Северцов — один из крупнейших деятелей РГО. С 1864 г. по поручению общества он начал свои знаменитые исследования Туркестана. Он посетил Приаралье, Александровский хребет, Центральный Тянь-Шань, Памир. Из главнейших трудов Северцова назовем «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня» (СПб., 1873) и «Орографический очерк Памирской горной системы» (СПб., 1886). Последняя работа вышла в свет уже после смерти автора, погибшего во время переправы по льду через один из притоков Дона.

Большой вклад в изучение Центральной Азии внес один из самых популярных членов РГО — Н.М. Пржевальский. В 1868—1869 гг. он совершил свое первое путешествие — по Уссурийскому краю [Пржевальский, 1870]. С 1877 г. начались его «среднеазиатские странствия», составившие целую эпоху в истории изучения Азии. Все экспедиции Пржевальского проходили под эгидой РГО. Последняя из них предполагала исследование восточнотибетской провинции Кам. На это предприятие правительством (по ходатайству РГО) было ассигновано 80 тыс. руб.⁴⁷

Первым исследователем, сообщившим Географическому обществу обстоятельные сведения о Кашгарии, был Чокан Валиханов — талантливый казахский ученый-путешественник [Валиханов, 1962 (1) и 1987, с. 112—225]. Полный отчет о поездке Валиха-

⁴⁷ В 1939 г. состоялась специальная сессия РГО, посвященная 50-летию со дня смерти и 100-летию со дня рождения этого великого путешественника.

нова в Кашгарию РГО опубликовало лишь в 1904 г. [Валиханов, 1904].

Почетный член РГО Владимир Афанасьевич Обручев в 1892—1894 г. собрал ценнейшие материалы по геологии и орографии Центральной Азии, составившие труд «Центральная Азия, Северный Китай и Наньшань», изданный Географическим обществом в 1900—1901 г. (см. также [Обручев, 1897]).

Помимо Центральной Азии и Китая РГО многое сделало для изучения и других стран. Так, в 1858—1860 г. в Персии работала Хорасанская экспедиция под руководством известного ориенталиста Н.В. Ханыкова. Результатами экспедиции стали ценные картографические материалы [Ханыков, 1973].

Все сказанное выше позволяет констатировать, что значительная часть деятельности РГО была посвящена проблемам востоковедения.

Восточная комиссия Московского археологического общества

Инициатива создания общества востоковедов в Москве принадлежала ученым Московского университета и Лазаревского института. В начале 1883 г. между ФВЯ Петербургского университета и ЛИВЯ возникла переписка по поводу создания научного объединения востоковедов. «В кругу профессоров историко-филологического факультета и Лазаревского института восточных языков уже давно возникла мысль составить общество с целью изучения древнего и современного Востока в культурно-историческом отношении. Эта мысль, вышедшая из тесного кружка, нашла себе полное сочувствие в среде многих лиц, хотя не занимающихся специально восточными языками, но интересующихся Востоком в том или другом отношении. Ближайшим поводом к выработке проекта устава предполагаемого общества послужило известие, полученное из Петербурга, о том, что и там задумывается общество с такими же целями» [МОИА, ф. 213, оп. 1, д. 631, л. 1].

В 1883 г. в Москву был доставлен «проект петербургского кружка», который рассматривался на заседаниях в Лазаревском институте, но «ввиду того, что присланный... проект был найден не вполне целесообразным, московский кружок избрал специальную комиссию для выработки нового проекта, который был одобрен в специальном заседании 31 марта 1883 г.» [там же, л. 1 об.]. Так возник Проект устава Русского восточного общества. В письме московских ученых на имя Василия Павловича Васильева, декана ФВЯ, говорится: «Сознавая, что Петербург с его факультетом восточных языков представляет наибольшее число специа-

листов по изучению Востока, московский кружок пришел к единому решению просить в лице Вашего превосходительства г.г. профессоров факультета восточных языков рассмотреть предлагаемый проект и высказать о нем свое мнение. Если мысль о двух отделениях Русского восточного общества — Петербургском, состоящем при факультете восточных языков, и Московском, состоящем при Лазаревском институте восточных языков, — встретит сочувствие в г.г. профессорах восточного факультета, в таком случае московский кружок просит их взять на себя инициативу ходатайства перед правительством о разрешении основать Русское восточное общество. Если же в силу каких-нибудь соображений (например, ввиду существования в Петербурге Восточного отделения при Императорском Археологическом обществе) г.г. профессора найдут неудобным осуществление предлагаемого проекта, в таком случае московский кружок будет ходатайствовать перед правительством об основании Московского общества любителей Востока» [там же].

Первые два параграфа проекта посвящались целям общества.

«§ 1. С целью изучения в культурно-историческом отношении древнего и современного Востока (преимущественно Кавказского края, Сибири, русских среднеазиатских владений) учреждается в С.-Петербурге и Москве „Русское восточное общество“.

§ 2. Для достижения этой цели общество имеет право:

- 1) устраивать заседания как публичные, так и закрытые;
- 2) издавать и переводить литературные произведения восточных народов;
- 3) собирать коллекции вещественных памятников, знакомящих с жизнью и историей народов Востока;
- 4) снаряжать экспедиции с научной целью;
- 5) издавать по мере накопления материалов свои труды в виде сборников или периодического журнала как на русском, так и на иностранных языках» [там же, л. 2].

По мнению московских ученых, общество должно было состоять из двух отделений: С.-Петербургского и Московского, но «по мере развития деятельности общества могут быть открываемы отделения и в других городах России» [там же].

Проект устава Русского восточного общества подписали: Н. Эмин, Г. Кананов, Ф. Корш, тогда еще доцент Московского университета, В. Миллер, доцент университета Н. Нерсесов, И. Холмогоров, С. Саков, И. Окромчеделов, Г. Халатянц, Тер-Захаров (Мирза Джафар Ризаев), М. Аттая, М. Никольский, профессор истории русской словесности Алексей Веселовский, доцент университета Ф. Фортунатов и др. Таким образом, московский кружок востоковедов представляли в основном профессора и преподаватели Московского университета и Лазаревского института.

Позже почти все эти имена мы встретим среди учредителей Восточной комиссии.

Интересны доводы, которые выдвинули востоковеды Москвы в обоснование тезисов о необходимости создания научного объединения ученых-ориенталистов. Удачнее всего они были сформулированы в документе, составленном Никольским и получившем название «мотивированное предложение». Говоря словами одного энергичного деятеля Восточной комиссии, известного востоковеда Л.З. Мсерянца, «в этом талантливом и со знанием дела написанном предложении г. Никольский выставил на вид назревшую необходимость учреждения при [Московском археологическом] обществе специального отделения для занятий востоковедением» [Мсерянец, 1898, с. 26].

Никольский не только представил программу будущего объединения ученых, но и, что очень важно, указал на возможность такого объединения в Москве и на реальные силы в лице профессуры университета и Лазаревского института. Никольский принадлежал к той группе ученых, которые выступали против «европоцентристской» теории, отмечали в развитии исторического процесса глубокую связь и преемственность. «В настоящее время ряд открытий повел к решительному выводу, что на Востоке, в древней Халдее и Египте, за пять-шесть тысяч лет до нашей эры уже процветали науки, искусства, государственность, что плодами этих цивилизаций воспользовались все переднеазиатские народы, равно как европейские, и прежде всего греки и римляне» [Никольский, 1889, с. 7—8].

Никольский, выступая на заседании Московского археологического общества (МАО)⁴⁸ 24 апреля 1887 г. с составленным им «мотивированным предложением», отметил, что только «в течение одного прошлого... года в Общество поступило значительное количество различного рода восточных памятников, а еще более снимков с надписями... на различных восточных языках. Кроме свыше 200 надписей с несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака, в Семиреченской области, написанных главным образом на сирийском языке, в Общество поступило много надписей на языках: арабском, еврейском, тюркском, есть и такие, язык которых неизвестен, так как никто еще не мог их определить. Большинство подобных надписей, по официальному докладу Обществу, сдается в архив и за неимением в виду лиц, могущих их разработать,

⁴⁸ МАО возникло в феврале 1864 г. (устав был утвержден в сентябре того же года). Его председателем был А.С. Уваров (1825—1884), сын министра и президента Академии наук, одного из основателей Азиатского музея. Его жена Прасковья Сергеевна Уварова после смерти мужа была избрана председателем общества; она принимала участие в работе Восточной комиссии и являлась товарищем председателя этой комиссии.

остается вне исследования. Но и исследование надписей на языках, известных членам Общества, не может быть успешно, если они будут вести это дело врозь» [там же, с. 4].

Автор записки-предложения сделал обзор изучения восточных «окраин» России в археологическом отношении. Отмечая сравнительно успешное археологическое описание Кавказа, Никольский в иных красках обрисовал картину исследования памятников Средней Азии. Он подчеркнул, что только планомерное и систематическое изучение памятников Востока по заранее составленной программе и с определенной научной целью может принести наибольшую пользу.

Ко времени выступления Никольского (в то время товарища секретаря МАО) «о пользе и необходимости учредить при Обществе отделение восточной археологии» почва для создания объединения ученых-востоковедов уже была подготовлена. К предложению Никольского весьма сочувственно отнеслись ведущие востоковеды Москвы Ф.Е. Корш, Н.О. Эмин, В.Ф. Миллер, Г.И. Кананов, В.К. Трутовский, с которыми предварительно советовалась председатель МАО П.С. Уварова. В мае 1887 г. обществом были утверждены «Правила Восточной комиссии» — своеобразный устав, первый параграф которого определял состав и цель нового объединения ученых Москвы: Восточная комиссия «образуется из членов Общества, желающих принять участие в изучении, издании и сохранении памятников восточной археологии» [ДВ. 1893, т. I, вып. 3, с. 11].

29 сентября того же года «немногочисленные основатели новой ученой корпорации» (Г.И. Кананов, В.Ф. Миллер, Н.В. Никитин, А.М. Павлинов, В.К. Трутовский, И.Н. Холмогоров и М.В. Никольский) на первом организационном заседании большинством голосов избрали председателем Ф.Е. Корша, «товарищем председателя — проф. В.Ф. Миллера, а секретарем (§ „Правил“ предусматривал приглашение секретаря председателем) — М.В. Никольского, так много содействовавшего успеху самого дела» [Мсерянц, 1898, с. 27, 26]. Тогда же было принято решение: ввиду малочисленности состава Восточной комиссии пригласить к участию в работе в ней в качестве постоянных членов профессоров Московского университета Н.О. Нерсесова и Ф.Ф. Фортунатова, приват-доцента Г.К. Ульянова, кандидатов И.И. Соловейчика, С.С. Слуцкого и В.М. Истрина, профессоров ЛИВЯ М.О. Аттая, Г.А. Муркоса, Г.А. Халатянца и И.Л. Серебрякова-Окромчеделова, а также «учителя Лицея цесаревича Николая В.А. Грингмута».

«31 октября 1887 года произошло, в составе 25 человек, первое ученое заседание Комиссии» [Слуцкий, 1901, с. 185]. Эта дата была принята как дата рождения нового научного востоковедного общества в Москве.

Согласно «Правилам», выборные должности в Комиссии замещались каждые три года.

Почти до 1912 г. Ф.Е. Корш и В.Ф. Миллер «все время чередовались в председательствовании Восточной комиссией» [ДВ. 1913, т. IV, с. V].

После избрания Миллера академиком и переезда его в 1911 г. в Петербург, естественно, отпала одна кандидатура возможного председателя Восточной комиссии. Что касается акад. Корша, то ему уже было физически невозможно совместить преподавательскую работу и председательство в Славянской комиссии с должностью председателя еще и Восточной комиссии. На выборах в марте 1912 г. председателем комиссии был избран Владимир Константинович Трутовский⁴⁹.

Пост секретаря в течение почти девяти лет занимал Никольский, которого в декабре 1896 г. сменил «по случаю отказа М.В. Никольского от секретарства» [ДВ. 1901, т. II, вып. 2, с. 134] приглашенный Коршем исполнять обязанности секретаря Г.А. Халатянц. С 1897 по 1901 г. секретарем Восточной комиссии был Сергей Сергеевич Слуцкий⁵⁰. Современники единодушно признавали Никольского душой Восточной комиссии в первое десятилетие ее деятельности. А.Е. Крымский, приглашенный в секретари комиссии в 1901 г., также зарекомендовал себя как хороший организатор ее научной деятельности.

Обычно новому научному учреждению или обществу требуется время на сбор и накопление научных материалов для после-

⁴⁹ В.К. Трутовский (1862—1932) получил среднее образование в гимназических классах Лазаревского института, затем перешел в специальные классы и окончил их в 1885 г. по первому разряду. Его диссертационная тема — «Маздак и его учение». Хорошее востоковедное образование позволило Трутовскому окончить оба курса Учебного отделения Азиатского департамента МИД, куда он поступил в год окончания специальных классов. Дальнейшая служба Трутовского была тесно связана с Московской оружейной палатой. Однако он не порывал связей с Лазаревским институтом. Трутовский был председателем общества бывших воспитанников ЛИВЯ. Известен он и как один из учредителей Восточной комиссии и ее деятельный сотрудник.

⁵⁰ С.С. Слуцкий (1861—1903) получил образование на словесном отделении ИФФ Московского университета, которое окончил со степенью кандидата в 1885 г. Из его университетских преподавателей следует особо отметить Корша и Никольского, считавшего Слуцкого своим молодым другом. По окончании университета Слуцкий был причислен к Московскому Главному архиву МИД. Его научная деятельность была тесно связана с МАО и Восточной комиссией. Слуцкий — автор ряда статей по истории России, Западной Европы и Востока. Он принимал участие в редактировании «Трудов» археологических съездов и вместе с Никольским выступил редактором второго выпуска второго тома «Древностей восточных». Почти четыре года Слуцкий был секретарем Восточной комиссии. В январе 1901 г. он самоустранился, будучи не в состоянии «продолжать свои секретарские обязанности вследствие болезни».

дующего их издания. Иную картину мы наблюдаем в Восточной комиссии. Не прошло и полугода, как возникла необходимость создания для нее специального печатного органа. «В заседании 29 марта 1888 г. [Московское археологическое] Общество по предложению... П.С. Уваровой постановило: разрешить Восточной комиссии самостоятельное издание ее трудов в формате и величине „Древностей“ (т.е. в формате изданий самого общества. — *Авт.*) и открыть на это ежегодный кредит до 700 руб.» [Слущкий, 1901, с. 195]. Так были основаны «Древности восточные» — печатный орган Восточной комиссии. Всего с 1889 по 1915 г. вышло пять томов ДВ, причем первые три издавались отдельными выпусками. Редакторами всех томов были Никольский и Крымский, а последнего, пятого тома — еще и Уварова.

Восточной комиссией очень много места отводилось истории Древнего Востока, и преимущественно государствам Месопотамии. Так, документам хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева были посвящены две объемистые книги ДВ (см. ниже), а в других выпусках публиковались статьи о древних памятниках Двуречья.

Одной из задач Восточной комиссии являлось «определение и описание памятников», в том числе «разных вещей из частных собраний» [там же, с. 186, 187]. В этом отношении комиссия сделала ряд крупных научных открытий.

Первое: ученым Москвы удалось отстоять мнение о подлинности предметов большой коллекции из Месопотамии, получившей название «коллекции Блау», и ввести ее материалы в научный оборот. Краткая история ее такова. Драгоман российского консульства в Багдаде Балтазар направил в МАО коллекцию, владельцем которой был собиратель доктор Блау. «Эта чрезвычайно изящная, несомненной подлинности коллекция заключала в себе более 200 (точнее, 212. — *Авт.*) предметов, в том числе ряд редчайших вещей» [там же, с. 188]. Коллекция месопотамских древностей «имела в себе гирю с надписью III тысячелетия до Р.Х. (экземпляр, не знавший себе подобного), две иероглифические таблички — первая находка в этом роде, интересный каменный контракт седьмого века до Р.Х., ряд интересных цилиндров, еврейско-вавилонскую чашу с длинной и ясной надписью и т.д.» [ДВ. 1893, т. I, вып. 3, с. 370]. В докладе об этой коллекции на заседании Восточной комиссии 9 октября 1888 г. сообщалось, что «Археологическое общество поручило Комиссии подвергнуть исследованию коллекцию и дать о ней свое заключение. Так как вещи присланы без всякой описи, то М.В. Никольский... привел их в некоторый порядок и расположил по группам, причем обнаружилось чрезвычайное богатство и разнообразие предметов... среди присланных вещей некоторые оказались имеющими первостепенную археологическую важность» [там же].

В дальнейшем эта коллекция была разобрана, определена и каталогизирована секретарем комиссии и послужила предметом нескольких докладов и исследований самого Никольского и его коллег по Восточной комиссии. В изданных комиссией статьях Никольским были затронуты следующие темы: халдейский вес эпохи Гудеа; сомнительные древности из Месопотамии; вавилонский контракт о продаже дома; изображение женского божества по вавилонским цилиндрам и статуэткам.

Часть европейских ученых признавала влияние древней Халдеи на греческое искусство, некоторые же, в частности Ж. Менан, «приходят к противоположному выводу, именно независимости греческого искусства от восточного, о невозможности сопоставить строго научно вавилонские статуэтки и изображения на цилиндрах со статуями Праксителя» [Никольский, 1891, с. 166]. Русский исследователь, присоединяясь к предположению французского ученого, что эти изображения — копии со статуй одного из женских божеств халдейского пантеона и что в настоящее время еще нет достаточных данных решить вопрос о влиянии восточного искусства на греческое, сказал: «...во всяком случае мысль, что самая тенденция изображать женское божество совершенно нагим могла быть заимствована у халдеев, доведших это искусство до значительного совершенства, весьма естественна» [там же, с. 167].

Современный исследователь научной и публицистической деятельности Никольского Д.Г. Редер, говоря об исследовании собрания Блау, пишет, что «Никольский впервые сопоставил шумерскую клинопись с древнейшими пиктограммами (на основании изучения двух таблечек коллекции Блау) и таким образом положил начало изучению происхождения клинообразной графики» (Сов. ист. энциклопедия. Т. 10, с. 225). Помимо Никольского к коллекции Блау обращались также И.И. Соловейчик, автор работы «О новооткрытой еврейско-вавилонской вазе», и М.С. Щекин (изучавший геммы с пехлевийскими надписями). Исследования Никольского и Соловейчика «по этим предметам украсили собой, — писал Слуцкий, — наше издание „Древности восточные“, возбуждая живой интерес среди специалистов французских, немецких и английских и вызвав от них ряд приветственных писем» [ДВ. 1893, т. I, вып. 3, с. 371].

Однако в этом хоре были и скептические голоса. Французский ассириолог Менан высказал сомнение в подлинности части вещей коллекции. Никольский выступил со статьей «О сомнительных древностях из Месопотамии. По поводу статьи г. Менана „Deux fausses antiquités chaldiennes“» [ДВ. 1889, т. I, вып. 1], где решительно отвергал сомнения французского ученого и отстаивал мнение о подлинности предметов коллекции. Месопотамская коллек-

ция доктора Блау и каталог Никольского к ней, а также издание ДВ были направлены в Лондон и экспонировались на IX Международном конгрессе (съезде) ориенталистов в 1891 г. Поскольку на конгрессе не было представителя МАО и его Восточной комиссии, то докладывал о коллекции известный французский ученый Ж. Опперт (руководитель ассириологического отдела). В результате «Съезд присудил собравшему коллекцию доктору Блау почетный отзыв и медаль за заслуги» [ДВ. 1893, т. I, вып. 3]. По поручению секретаря IX Международного конгресса ориенталистов в Москву сообщалось «о признании на Съезде подлинности коллекции доктора Блау» [ДВ. 1896, т. II, вып. 1, с. 81].

К чести российской археологической науки, ей удалось не только отстоять подлинность коллекции, но и первой ввести в научный оборот ценнейшие предметы месопотамских древностей⁵¹.

Другим крупным успехом Восточной комиссии следует признать введение в научный оборот материалов из коллекций известного русского историка и искусствоведа акад. Николая Петровича Лихачева (1862—1936). Он специализировался в области источниковедения, палеографии, эпиграфики, книговедения и истории древнерусской и итало-греческой иконописи. Помимо своих научных трудов Лихачев «составил себе имя как собиратель разных памятников древности, между которыми особенно важно собрание икон как русских, так и итало-греческих... [ему принадлежит] и богатейшая коллекция, единственная в своем роде по обширности и целостности, глиняных таблечек с клинообразными текстами древней Халдеи» [МАО, 1915, с. 207]. По мнению Никольского, коллекция памятников древней Халдеи Н.П. Лихачева представляла исключительный интерес для науки. Никольский переехал в Петербург и потратил несколько лет на их разбор, перевод, изучение и публикации. Так в серии ДВ появились два специальных издания, посвященных, как упоминалось выше, материалам коллекции Лихачева [Никольский, 1908—1915]. Обе солидные книги содержали помимо описания и дешифровки таблечек автографические копии, сделанные самим Никольским, на что ему «понадобилось целых пять лет» [ДВ. 1908, т. III, вып. 2, с. 4]. (К слову сказать, и в труде Лихачева «Древнейшие буллы и печати Ширпурлы» автографические копии документов принадлежали Никольскому.)

⁵¹ Завершилась история с коллекцией следующим образом. Владелец коллекции оценил ее в несколько тысяч гульденов, но МАО не смогло изыскать эту «ничтожную», по выражению Слуцкого, сумму и «после долгого ряда бесплодных хлопот для удержания коллекции в России [вынуждено было] отпустить ее в Англию» [Слуцкий, 1901, с. 188]. По свидетельству Б.А. Тураева, коллекция была продана в Америку.

Еще в 1887 г., в год организации Восточной комиссии, Никольский говорил, что в Москву поступило свыше 200 надписей с несторианских кладбищ Семиреченской области на различных восточных языках. Эти памятники стали предметом исследований и докладов Корша, Никольского и Слуцкого. 26 февраля 1888 г. на очередном заседании комиссии Слуцкий прочитал доклад «Семиреченские несторианские надписи». Молодому ученому помогали его старшие товарищи, и благодарный автор счел нужным написать об этом [ДВ. 1889, т. I, вып. 1, с. 1—2]. Что касается этих памятников с христианских кладбищ близ Пишпека и Токмака, то Корш опубликовал статью «О турецком⁵² языке семиреченских надгробных надписей».

Наиболее тесные связи Восточной комиссии сложились с Кавказом. В числе корреспондентов комиссии были: инспектор народных училищ Елисаветпольской губернии Иоакимов; директор Кавказского музея в Тифлисе Радде; архитектор А.М. Павлинов (он много путешествовал по Кавказу и привез фотоснимки надписей на памятниках архитектуры). М.О. Аттая занимался, в частности, разбором «арабской надписи на мечети при ханском дворце в г. Баку, фотографический снимок которой был доставлен А.М. Павлиновым» [ДВ. 1896, т. II, вып. 1, с. 75]. С Кавказа была привезена рукопись, «написанная частью на арабском, частью на черкесском языке. Арабский текст представляет рассказ о происхождении г. Дербента, о жителях Дагестана» [там же, с. 78]. Ознакомившись с рукописью по поручению Восточной комиссии, Аттая пришел к заключению, что она может служить дополнением к известному сочинению Казем-Бека «Дербент-наме» [там же].

Комиссии удалось установить связи и со Средней Азией. Уже само учреждение Восточной комиссии при МАО было встречено там с сочувствием. Инспектор школ Ташкентского учебного округа А.И. Забелин направил в Москву письмо «с рекомендацией лиц в заведующем им крае, могущих быть полезными Комиссии», а именно «Н.П. Остроумова (директор Ташкентской мужской гимназии) и В.П. Наливкина (преподаватель сартского и узбекского языков в Ташкентской семинарии)» [ДВ. 1891, т. I, вып. 2, с. 29]. Из Ферганского областного музея к комиссии не раз обращались с просьбой прочесть надгробные надписи. Устанавливались связи с провинциальными археологическими и архивными комиссиями, а также с отдельными востоковедами — энтузиастами и просто корреспондентами, интересующимися различными вопросами востоковедения.

⁵² В сноске Корш поясняет, что слово «турецкий» и «турки» означают в этой статье то, что у многих из наших ориенталистов называется «тюркским» и «тюрками» [там же, с. 67].

Члены Восточной комиссии отдали дань истории ориенталистики. Имеются в виду не только «мотивированное предложение» Никольского, которое фактически являлось обзором достижений зарубежного востоковедения во второй половине XIX столетия и задач отечественной науки в этой области, и не только статьи, посвященные истории самой Восточной комиссии. Все доклады и статьи по истории ориенталистики делятся на две группы. Одна из них состоит из работ, посвященных научной деятельности и вкладу отдельных ученых в ориенталистику; это преимущественно статьи юбилейного характера и некрологи. Труды другой группы посвящены собственно истории востоковедения.

Из их числа обращает на себя внимание работа А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского «Очерки по истории ориенталистики в XVI и XVII веках» [ДВ. 1903, т. II, вып. 3]. Еще 4 октября 1901 г. молодой Минорский прочитал доклад «Материалы для истории ориенталистики в XVII в.». Источником послужила редкая арабская грамматика, изданная в Амстердаме в 1654 г. Первая часть очерка, а именно раздел из истории ориенталистики XVI в., принадлежала перу проф. А.Е. Крымского; впрочем, есть основания предполагать, что и идея данной работы принадлежала Крымскому, который предоставил Минорскому из своего собрания упомянутую выше арабскую грамматику.

Среди работ, посвященных отдельным востоковедам, обращает на себя внимание реферат Л.З. Мсерианца «Из истории ориенталистики в России (материалы для биографии П.Я. Петрова)», прочитанный на заседании комиссии 31 января 1908 г. Автор реферата на основе архивных материалов, изучения трудов покойного и воспоминаний современников задался целью подготовить труд о жизни и научной деятельности Петрова — основателя кафедры санскритоведения в Московском университете. Чрезвычайно интересный и богатый архивными документами реферат Мсерианца был дополнен свидетельством В.Ф. Миллера, который «напомнил, что плоды деятельности Петрова у всех на виду. Он привил в Московском университете интерес к санскриту; под его руководством учились Буслаев, Бодянский, Герье, Корш, Фортунатов и др. Он преподавал сверх того восточные языки; так, проф. Миллер учился у него персидскому языку, акад. Корш — арабскому языку» [ДВ. 1913, т. IV, с. 6].

Анализу научной деятельности, связям с востоковедами и научными учреждениями России отводилось определенное место в докладе В.В. Данилова, посвященном памяти профессора сравнительного языковедения Страсбургского университета Генриха Гюбшмана, внесшего ценный вклад в арменистику, иранистику и осетиноведение.

Серьезное внимание уделяли в Восточной комиссии библиографическим обзорам, рецензированию трудов русских и иностранных ученых, научных обществ.

Комиссия организовывала археологические экспедиции, проводила полевые изыскания и добилась определенных успехов в изучении памятников материальной культуры и эпиграфики на территории Российской империи. Археологические экспедиции М.В. Никольского и А.А. Ивановского в Восточную (Русскую) Армению в середине 1890-х годов дали богатый материал для истории Урарту и послужили источником для серьезных научных исследований. «Результатом этих работ были два тома, вошедших в серию „Материалов по археологии Кавказа“, без которых теперь не может обойтись ни один исследователь Урарту и урартского периода в истории Закавказья» [Редер, 1960, с. 73].

Часть работ этого цикла — «Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России», «Клинообразная надпись на Ганли-Тапа около г. Еревана» — была опубликована Никольским в ДВ. В Восточную комиссию представил он и подробный очерк истории народа Урарту по ассирийским и ванским памятникам. За исследование клинописей Закавказья РАО в 1896 г. присудило Никольскому большую золотую медаль [Слуцкий, 1901, с. 196].

Материалы периода Урарту послужили темой доклада Г.А. Халатянца «О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей» [ДВ. 1901, т. II, вып. 2, с. 158].

Большую коллекцию армянских надписей собрал, а позже и издал Х.И. Кучук-Иоаннесов. Его статья называется «Старинные армянские надписи». В своих экспедициях в юго-западные пределы России и по Крыму он посетил Киев, Могилев, Каменец-Подольск (и село Жванец, неподалеку от Каменца), Григориополь, Измаил, Одессу, Аккерман, Феодосию, Кишинев. Большое значение его научных командировок бесспорно. Достаточно сказать, что, побывав в 1895 и 1896 гг. в Подолии, Бессарабской и Таврической губерниях, ему «удалось собрать около 150 армянских надписей, из которых самые древние — например, аккерманская 967 года и феодосийская 1047 года» [ДВ. 1903, т. II, вып. 3, с. 75]. В поле зрения ученого были не только надписи, но и старинные армянские рукописи из хранилищ армянских церквей и частных коллекций. Ценнейший материал, собранный Кучук-Иоаннесовым, дал возможность уточнить время переселений армян на территорию Польши, России и пути этой эмиграции.

Некоторые материалы поездок, в частности такие любопытные, как каменец-подольские армяно-польско-кыпчакские акты

(армянской азбукой на польском и кыпчакском языках⁵³), списки с которых были сняты Кучук-Иоаннесовым в Киевском центральном архиве, стали предметом совместного изучения Корша и Кучук-Иоаннесова [Слуцкий, 1901, с. 189].

Другому арменисту, профессору Лазаревского института и одному из первых сотрудников Восточной комиссии, уже упоминаемому Г.А. Халатянцу удалось открыть в Эчмиадзинской патриаршей библиотеке Паралипоменон в древнейшем армянском переводе с сирийского. Несколько позже Халатянц предпринял поездку в Англию для изучения Лондонского списка новооткрытых книг Паралипоменон в древнейшем армянском переводе [ДВ. 1903, т. II, вып. 3, с. 22, 23].

Грузиноведение в Восточной комиссии было представлено преподавателем Лазаревского института А.С. Хахановым. И в данном случае штатное расписание ЛИВЯ определило число специалистов-грузиноведов Москвы. Надо сказать, что Хаханов, несмотря на тяжелую болезнь, предпринимал частые поездки в Грузию и далеко за пределы России для ознакомления с грузинскими рукописями. Он собрал сведения о грузинских рукописях, имеющихся в Лондоне, Вене, Берлине и Париже. К этой серии работ примыкает и большая публикация Г.Е. Церетели «Полное собрание надписей на стенах и камнях и приписок к рукописям Гелатского монастыря» [ДВ. 1891, т. I, вып. 2, с. 223—278].

На заседаниях и в публикациях Восточной комиссии отводилось место и проблемам связей Руси, русского народа со странами Востока. Эта большая тема была представлена не кардинально, а скорее носила прикладной характер. Востоковеды Корш и Миллер одновременно являлись и замечательными славистами. Вопросы взаимоотношений русского и восточных народов и взаимодействия их культур, особенно во времена расцвета сравнительно-исторического метода, должны были занимать и занимали в трудах А. Веселовского, Корша, Миллера, Трутовского значительное место, но на заседаниях Восточной комиссии слышались только отголоски больших споров, обсуждались только мелкие темы.

Так, В.Ф. Миллером в 1891 г. был прочитан реферат на тему «Восточные основы русской сказки об Уруслане» [ДВ. 1896, т. II, вып. 1, с. 82]. Другой доклад Миллера («О некоторых восточных именах в русских былинах») примыкает к предыдущему. Здесь исследователь остановился на половецких отголосках в русском

⁵³ Подробно о документах на армяно-кыпчакском (армяно-половецком) языке см.: Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины). Транскрипция, пер., предисл., введ., грамматический коммент. и глоссарий Т.И. Грунина. Под ред. Э.В. Севортяна. Ст. Я.Р. Дашкевича. М., 1967 (Памятники письменности Востока, III).

эпосе [там же]. Третье сообщение Миллера касалось непосредственно топонимики Москвы; автор говорил о происхождении названия р. Яузы [там же, с. 106]. Темой большого слависта и востоковеда Корша стали «Универсалы Петра Великого к буджацким и крымским татарам». Упомянем здесь и доклад Трутовского «Ногата, ее происхождение и ее место среди ценностей древней Руси» [ДВ. 1913, т. IV, с. 1—28], как поражающий широтой привлеченного материала, научной аргументацией и строгой методикой исследования. Трутовский убедительно доказывает существование тесных торговых связей русских с арабами, влияние арабской денежной системы на русскую.

Чрезвычайно интересный маршрут и новизна темы обязывают сказать о докладе, сделанном на заседании Восточной комиссии в ноябре 1902 г. Борисом Всеволодовичем Миллером, на тему «Очерки персидско-тальшского наречия» [ДВ. 1903, т. II, вып. 3].

Восточная комиссия уделяла достаточно внимания малым народам и народностям России. Вероятно, не будет ошибкой утверждать, что ни в одном учебном (кроме Лазаревского института) или научном учреждении столько не занимались осетиноведением, сколько внимания этой новой отрасли ирановедения и собственно осетиноведению уделялось в Восточной комиссии. С интересным сообщением «Удинское сказание о борьбе отца с сыном» выступил на заседании комиссии преподаватель армянского языка Лазаревского института С.Н. Тер-Саргсянц.

Большинство докладов заслушивалось и подвергалось обсуждению на заседаниях комиссии в присутствии специалистов. Но часть докладов, в основном те, что представляли интерес не только для востоковедов, зачитывалась на заседаниях МАО. Обычно это были доклады-отчеты о научных экспедициях, международных конгрессах, важных научных открытиях. На заседания МАО выносились чтения, посвященные важным коллекциям, собраниям рукописей, а также запискам путешественников.

Комиссия (а через нее московские востоковеды) устанавливала связи с различными зарубежными востоковедными обществами и отдельными учеными. К ней обращались из-за рубежа с запросами, приглашали ее представителей для участия в различных международных форумах.

В 1913 г. отмечалось 25-летие Восточной комиссии МАО, приуроченное к 70-летию со дня рождения ее первого председателя — Ф.Е. Корша. В газетах того времени широко освещалась деятельность комиссии, ее выдающаяся роль в изучении культуры народов Востока, памятников литературы и письменности. В прессе, в частности, отмечалось, что комиссия играет и большую воспитательную роль, собирая на своих заседаниях молодых востоковедов для ознакомления с достижениями и проблемами русской и мировой науки.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии

РКИСВА (1903—1918) занимает видное место в истории отечественного востоковедения. С ним были связаны выдающиеся востоковеды России начала XX столетия. Русский комитет дал возможность значительно расширить сферу деятельности востоковедов, позволил вести полевые исследования в малоизученных центрах культуры Центральной Азии. Со второй половины XIX в. началось усиленное изучение Центральной Азии, значительную роль в котором сыграли ученые России. Мировую известность приобрели памятники тюркского рунического письма, открытые в 1889 г. Н.М. Ядринцевым в Монголии [Ядринцев, 1892]. Для работы по исследованию этих памятников были снаряжены две экспедиции: одна (1890) — финно-угорским обществом под руководством проф. А. Гейкеля, другая (1891) — Академией наук во главе с акад. Василием Васильевичем Радловым.

Открытия экспедицией Д.А. Клеменца (1898) древнеуйгурских памятников в Восточном Туркестане, выход в свет отчета об этой экспедиции, а также сообщение Радлова на XII Международном конгрессе ориенталистов в 1899 г. в Риме о находках Клеменцом в Турфане уйгурских и рунических памятников письменности и замечательных памятников искусства стимулировали образование международной организации по изучению соответствующих регионов Азии. На XIII конгрессе ориенталистов в Гамбурге в 1902 г. была создана Международная ассоциация по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (ср. [Бартольд IX, 503—509]). Центральным органом ассоциации стал РКИСВА под председательством акад. Радлова.

Правительство России придавало большое значение образованию и деятельности Русского комитета. Он был создан при МИД и находился под покровительством императора. В состав комитета помимо научных учреждений вошли представители различных ведомств.

Русский комитет имел право открывать филиалы, иметь постоянных представителей и членов-корреспондентов в местах, где ведутся исследования, организовывать экспедиции, печатать протоколы заседаний, отчеты изысканий, издавать на русском и французском языках бюллетени [Известия РКИСВА, 1903, № 1, с. 11—12].

В феврале 1903 г. правительство России утвердило состав РКИСВА. В него помимо В.В. Радлова вошли по одному представителю: от Академии наук — С.Ф. Ольденбург, ФВЯ Петербургского университета — В.А. Жуковский, Археологической комис-

сии — Н.И. Веселовский, РГО — А.В. Григорьев, РАО — В.В. Бартольд, от министерств: иностранных дел — И.Я. Коростовец, внутренних дел — К.К. Случевский, военного — Ф.Н. Васильев, финансов — В.Л. Котвич, народного просвещения — П.С. Попов, от императорского двора — А.А. Бобринский. Членами Русского комитета кроме перечисленных выше востоковедов стали К.Г. Залеман, Д.А. Клеменц, П.М. Мелиоранский, Э.Э. Ухтомский, Л.Я. Штернберг, Ф.И. Щербатской. Председателем бюро РКИСВА был В.В. Радлов, товарищем председателя — В.А. Жуковский, секретарями — В.В. Бартольд и Л.Я. Штернберг. Членами-корреспондентами комитета были избраны известные исследователи: Н.Я. Марр, Н.Н. Кротков, Н.Н. Пантусов, Ю.Д. Талько-Грынцевич, Г.Н. Потанин [ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 23, л. 9; Известия РКИСВА, 1905, № 5, с. 5—6; Сер. II. 1912, № 1, с. 30; 1903, № 1, с. 10].

В Уставе Русского комитета были определены его основные цели: «Путем постоянных сношений с местными деятелями и учреждениями выяснить, какие памятники подлежат скорейшему изучению и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношениях и, таким образом, спасены для науки» [Известия РКИСВА, 1903, № 1].

Своей главной задачей Русский комитет ставил «отправление экспедиций для изучения тех памятников культуры и древнейших народов Азии, которые могут пролить свет на древнейшие культурные связи между различными великими цивилизациями, и содействие всем международным экспедициям» [ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 107, л. 19].

Работы РКИСВА мыслились как востоковедческие, и притом комплексные — с исследованием истории, археологии, языковедения и этнографии народов Центральной Азии.

Помимо научных целей перед Русским комитетом стояли и практические задачи. Представители различных министерств и ведомств, входившие в Русский комитет, естественно, преследовали свои цели; например, их интересовала торгово-экономическая конъюнктура в регионе. Востоковеды из Академии наук и университета были преимущественно заняты научными исследованиями, что нашло отражение как в отчетах Русского комитета, так и отдельных публикациях.

В первый год своей деятельности эта организация имела в своем распоряжении 5 тыс. руб. В январе 1904 г. русским правительством был утвержден особый, «Турфанский» фонд Русского комитета в размере 12 тыс. руб. в год; затем ассигнования выросли до 100 тыс. [Известия РКИСВА, 1904, № 3, с. 2].

Первое заседание комитета состоялось 22 марта 1903 г., последнее — уже после Октябрьской революции, 19 апреля 1919 г.

Кроме основного печатного органа «Известия» (на рус. и франц. яз.) публиковались на правах рукописи «Протоколы заседаний».

В деятельности РКИСВА закономерно выделить следующие этапы: 1) 1897—1902 гг. — период становления, организационного оформления; 2) 1903—1917 гг.; 3) 1918—1923 гг. Вся его деятельность — составная часть отечественного востоковедения. Его достижения и слабости отражают общие тенденции развития востоковедения в целом.

Русский комитет участвовал в экспедициях, организованных Археологической комиссией, РГО, ФВЯ Петербургского университета, своими филиалами. Комитет тесно сотрудничал с ФВЯ. Многоплановость задач, разнообразие регионов, их труднодоступность и нередко тяжелые природные условия требовали привлечения молодых востоковедов, обладавших серьезной научной подготовкой и вместе с тем энергией и здоровьем. Питомцы ФВЯ привлекались к работе Русского комитета (С.Е. Малов — Восточный Туркестан, А.Н. Самойлович — Средняя Азия, Б.Б. Барадийн — Тибет, Н.И. Конрад — Япония и Корея, Б.Я. Владимирцов — Монголия, Ф.Б. Муромский — Джунгария и др.).

Комитет оказывал значительную научную и финансовую помощь научным центрам и отдельным специалистам, главным образом в Средней Азии. Он имел тесные связи с Туркестанским кружком любителей археологии и отдельными его членами (М.С. Андреев, И.А. Беляев, Л.А. Зимин, А.К. Кларе, Н.П. Остроумов, А.А. Семенов, А.А. Черкасов и др.), а также с известным самаркандским туркестановедом В.Л. Вяткиным.

Одной из важных сторон деятельности Русского комитета было привлечение к исследованиям местных жителей, установление с ними контактов, использование их в качестве проводников и переводчиков во время экспедиций (Абу Саид, Саид Расул, Ахмед Таиб, К. Уйгулов и др.).

Комитет сотрудничал в Петербурге с Музеем антропологии и этнографии, Азиатским музеем, Эрмитажем, Русским музеем; в Москве — с Историческим музеем.

Во главе с передовыми учеными России РКИСВА старался в весьма сложных политических условиях соперничества империалистических держав на Среднем Востоке и в Центральной Азии направить силы и знания отечественных и западных ученых на осуществление востоковедческих исследовательских программ Международной ассоциации. Сотрудничество русских и иностранных ученых в отдельных случаях принимало форму совместных экспедиций (например, экспедиция Р. Готье и И.И. Зарубина на Памир).

Русский комитет, как центральный орган Международной ассоциации, содействовал зарубежным коллегам — представите-

лям «филиальных» комитетов и отдельным ученым (Р. Помпелли, Г.-И. Гранэ, Ю. Месарош, Р. Готье, Г. Юнкер, О. Доннер, Т.-В. Лехтисало и др.) — в организации их поездок как по территории России, так и по прилегающим областям зарубежной Азии.

РКИСВА последовательно выступал за бережное отношение к памятникам древней культуры, отрицательно относился к хищнической погоне за находками, которая приводила к разрушению отдельных памятников в том или ином регионе.

Основные работы Русский комитет проводил в Восточном Туркестане (Синьцзян), провинции Ганьсу и Средней Азии.

Так, в 1909—1910 и 1914—1915 гг. были организованы две экспедиции в Восточный Туркестан под руководством С.Ф. Ольденбурга — одного из крупнейших в мире знатоков буддизма, индийской культуры и искусства. Были выявлены и изучены археологические памятники, в том числе такие комплексы, как Идикутшари, Шикшин, Ярхото, пещеры Дуньхуана и др.; собрано большое количество монет, рукописей и других археологических материалов; найдены неизвестные ранее материалы буддийской культуры — новые документы на санскритском, тибетском и других языках.

Большое значение для отечественной и мировой тюркологии имели этнографо-лингвистические исследования уйгуров, проведенные С.Е. Маловым в Восточном Туркестане и Западном Китае в 1909—1911 и 1913—1915 гг. Малов собрал огромный и очень ценный материал по мало или совсем не изученным языкам тюркских народностей.

Материалы экспедиций Ольденбурга и Малова позволили по-иному осветить историю и культуру народов Центральной Азии.

Археологические работы Русского комитета в Средней Азии (они велись при участии и непосредственном руководстве акад. В.В. Бартольда) были связаны с изучением крупнейших центров средневековой городской культуры — Самарканда, Пайкенда, Отрара. В ходе раскопок 1908—1909 гг. В.Л. Вяткиным было сделано одно из самых замечательных открытий: обнаружены руины прославленной самаркандской обсерватории Улугбека.

При поддержке РКИСВА молодые ученые И.И. Зарубин, А.Н. Самойлович, М.С. Андреев и др. успешно начали изучать языки, быт и культуру тюрко- и ираноязычных народов Средней Азии, в частности в Хивинском ханстве и на Памире.

Экспедиционно-полевые материалы Русского комитета и исследования отечественных востоковедов стали основой для создания обобщающих работ по истории, языкам и культуре народов Средней и Центральной Азии. Например, и поныне продолжается изучение материалов из Восточного Туркестана [Дьяконова, 1995]

и Дуньхуана [Чугуевский, 1983], которые были доставлены экспедициями С.Ф. Ольденбурга.

РКИСВА функционировал 20 лет. С момента своего возникновения он стал одним из ведущих специализированных центров ориенталистики в России. Его деятельность протекала в русле лучших традиций отечественного востоковедения.

Православное палестинское общество

В 1882 г. в России было образовано ППО, устав которого был утвержден 8 мая^{53а}. Его цели состояли в следующем: собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о Святых местах Востока; оказывать помощь православным паломникам; учреждать школы, больницы и странноприимные дома, а также выделять материальное пособие местным жителям, церквям, монастырям и духовенству.

ППО заботилось о сборе, хранении, а в некоторых случаях и издании материалов, которые «остались без употребления» в частных руках и в архивах разных мест. Была налажена серьезная справочно-библиографическая служба: издавались библиографические справочники, каталоги, путеводители по музеям и выставкам, указатели к повременным изданиям и трудам отдельных лиц, словари языков и биографические, календари, указатели имен.

Отделение ученых изданий и исследований ППО преследовало две главнейшие цели: поднять в России уровень палестиноведения и ознакомить русских «с настоящим положением Святой Земли». Для достижения первой из этих целей общество подготовило к печати и издало в «Православном палестинском сборнике» (ППС выходил с 1881 по 1916 г.) несколько томов, посвященных «хождениям» русских и иных православных путешественников в Палестину, Сирию, на Синай, т.е. в страны Ближнего и Среднего Востока. Так, были опубликованы «хождения» Аграфения, Василия Гагары, Ионы Маленького, Трифона Коробейникова и безымянных паломников XVII в. (тексты, заимствованные из латинских и греческих источников), а также важный памятник XVIII в. [Странствования Григоровича-Барского] (см. [Каталог, 1903]). К научным же изданиям общества следует присоединить также публикации «Описание древних и средневековых монет, принадлежащих Обществу» (ППС, вып. 2) и «Библиографический указатель русских книг и статей о Святых местах Востока» (ППС, вып. 1). Палестинское общество способствовало осуществлению издания Р. Рерихта «*Bibliotheca geographica Palaestinae*», появив-

^{53а} Об истории возникновения ППО и о нем самом см. [Рус. палестинцы, с. 349—368].

ние которого так нетерпеливо ожидали и искренне приветствовали все исследователи Палестины [там же].

Но не только минувшим векам посвящало свои издания ППО. Его труды коснулись и современного положения Палестины, Синая и Сирии, например: В.Н. Хитрово «Неделя в Палестине» (время посещения — 1870 г.); А.В. Елисеев «Путь к Синаю» (1881 г.); А.И. Коптев «Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим» (1887 г.).

С 1881 по 1917 г. вышло 40 выпусков «Сообщений Православного палестинского общества». Это издание выходило за рамки научного. В «Сообщениях», в частности, были опубликованы: в вып. 1 и 2 — «Спутник православного паломника в Святую Землю» В.Я. Михайловского; в вып. 1 — «Палестинский патерик» о житии Саввы Освященного (см. [Отчет ППО за 1889/90 г.]).

Уже через десять дней после официального открытия общества оно по инициативе своего председателя приступило к осуществлению двух научных исследований: первое — это обширные раскопки на принадлежащем России в Иерусалиме месте близ храма Воскресения; второе — изучение «остатков грузинских древностей» в Палестине и на Синае [там же]. Результаты раскопок, проведенных под руководством главы Русской Духовной миссии в Иерусалиме, подробно изложены в вып. 7 ППС. Обнаруженные остатки древней Иудейской стены, Византийской арки, обширных пещер представляли собой открытия первостепенной важности. Живые сношения, которые Грузия сохраняла с Палестиной, оставили следы. Исследование их и стало целью поездки в 1883 г. в Палестину и на Синай профессора грузинского языка А.А. Цагарели. Результаты научного путешествия, на которое ученый затратил шесть месяцев, помещены в вып. 10 ППС (см. [Отчет ППО за 1888/89 г.]).

Изучение сухопутного пути от российских владений на Кавказе до пределов Сирии представлялось особенно интересным для ознакомления с маршрутом, по которому русские паломники XI столетия и следующих веков направлялись в Иерусалим. Проехать по этому пути ППО предложило известному уже прежними своими путешествиями А.В. Елисееву. Свое обратное путешествие он начал с юга, от Александретты (ныне Искендерун), но из-за зимнего времени вынужден был отклониться от маршрута и выйти к Синопу на Черное море, так и не пройдя весь путь до самого Кавказа. Описание этого пути, к сожалению слишком краткое, изложено в его докладе, прочитанном на общем собрании общества 24 февраля 1887 г., и помещено в Отчете ППО за 1886/87 г.

ППО предоставило средства профессору Киевской Духовной академии А.А. Олесницкому (капитальный труд которого «Святая

Земля» был единственной научной русской книгой о Палестине) для вторичного посещения Иерусалима. Цель этой поездки — на месте проверить свои долгие исследования, связанные с храмом Соломона. Результаты этих изысканий, помещенные в вып. 13 ППС, можно назвать лучшей публикацией этого тома (см. [Каталог, 1903]).

Известный русский археолог-византист Н.П. Кондаков (1844—1929) много путешествовал по Востоку. В 1881 г. он совершил поездку на Синай, в 1884 г. — в Стамбул, в 1898 г. — в Афон и славянские земли, в 1891 г. — в Сирию и Палестину. На Синае Кондаков посещал монастырь Святой Екатерины для изучения памятников древности, библиотеки. Ученый дал подробное описание этой поездки [там же]. Книга о результатах его последней поездки написана по материалам ученой экспедиции, организованной обществом [Кондаков, 1904]. Ее маршрут: Бейрут — Дамаск — обл. Гауран (Хауран) — Заиорданье — Иерусалим. Были проведены археологические раскопки в Иерихоне на участке — владении ППО.

С 1879 по 1886 г. на Ближнем Востоке служил Ю.С. Карцов: сначала в качестве секретаря генерального консула в Стамбуле, затем — консула в Адрианополе и после — генерального консула в Мосуле. Результатом длительного пребывания на Востоке стала его книга, в которой особого внимания заслуживают разделы, посвященные характеристике халдейской и яковитской общин в Мосульском горном округе. Кроме того, Карцов оставил подробное описание поездки из Тифлиса в Мосул через Эрзерум, Битлис, Сирт, Джебзире (см. [Карцов, 1906 и 1908]).

Долгое время пост генерального консула в Бейруте занимал К.Д. Петкович. Он прекрасно изучил край, собрал ценные статистические материалы и написал книгу о Ливане [Петкович, 1883]. По существу, эта была первая монография русского автора о Ливане. В ней содержатся очерки о природе, сельском хозяйстве, промышленности, населении страны, а также рассматриваются вопросы торговли, политического устройства, финансов, народного образования [Каталог, 1903].

Е.Л. Марков, педагог по специальности, затем земский и банковский деятель, совершил по заданию ППО ряд поездок по Италии, Греции, Турции, был на Архипелаге, а также посетил Египет и Палестину. В статье «Очерки Палестины» впервые после В. Григоровича-Барского он дает описание мечети Омара в Иерусалиме, доступной ранее для посещения только мусульман.

В 1889 г., также по заданию общества, состоялось путешествие по турецкой Армении, Курдистану и Сирии А.И. Гиппиуса и Д.Д. Гедеонова. Целью было определение географических координат некоторых пунктов в турецкой Армении и Курдистане.

Следует сказать также о поездке в 1885 г. по северо-восточной части Турции А.М. Коллюбакина. В результате вышла его работа «Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции» [ИКОРГО. 1887, т. IX, вып. 1]. (Коллюбакин — автор пятитомного сочинения «Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции».)

В работе Д.В. Путяты, написанной по материалам путешествия по Турции, рассматриваются примерно те же вопросы, что и в труде Коллюбакина. Кроме того, в ней говорится о деятельности американских миссионеров. Специальный раздел посвящен положению армян в азиатской Турции.

В 1902 г. на Синай была отправлена экспедиция в составе Н.Я. Марра, И.А. Джавахова и византиниста А.А. Васильева. Экспедиция была организована Петербургским университетом, Восточным отделением РАО и Палестинским обществом. Доклад Марра о результатах экспедиции был прочитан 27 февраля 1903 г. на Восточном отделении Археологического общества и позднее опубликован под названием «Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И.А. Джаваховым, и в Иерусалиме в поездке 1902 г. (апрель—ноябрь)».

В ведении третьего, учебного отдела ППО в начале XX в. на Ближнем Востоке было 100 школ и 2 педагогических училища. Программы осваивались арабскими детьми по учебным пособиям, подготовленным зачастую учителями общества.

XX век стал своеобразным рубежом для ППО. С 1900 г. оно стало официально именоваться Императорским Православным палестинским обществом (ИППО). Деятельность его в этот период интересна для нас прежде всего с точки зрения подготовки кадров палестиноведов и арабистов. Это касается, в частности, арабов — учащихся учебных заведений общества, переехавших в Россию, например К.В. Оде-Васильевой (1892—1965).

Большое значение для деятельности Палестинского общества имели труды рядовых его членов, а также сотрудников его различных учреждений за рубежом и отделений, находившихся во всех уголках России.

Активным деятелем общества был Николай Александрович Медников (1855—1918). Он сравнительно поздно поступил в Петербургский университет, который окончил в 1887 г. с наградой за сочинение по арабской словесности. В течение 30 лет Медников вел научно-учебную работу на ФВЯ, одновременно сотрудничая в Палестинском обществе. Труд ученого «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» — одно из лучших произведений русского дореволюционного палестиноведения. Над своей книгой он трудился около 15 лет. Высокую оценку ей дал И.Ю. Крачковский, назвав ее сводом, ценным

«не только безукоризненно документированными переводами, но и продуманными, строго просеянными выводами, убедительной силе которых подчинились крупнейшие представители западной науки» [Отчет ППО за 1910 г.]. С 1887 г. Медников был членом правления ППО (с 1883 г. — пожизненный член общества). Он редактировал карту Палестины, изданную обществом в 1893 г., а также переводы ряда работ с русского на арабский язык; при его участии была пересмотрена программа школ Палестинского общества в Сирии [Отчет ППО за 1915 г.].

Летом 1906 г. по представлению ФВЯ общество командировало в Стамбул и Каир профессора университета В.В. Бартольда с целью ознакомления с рукописями местных собраний. В отчете об этой командировке ученый писал: «Интересуясь преимущественно исторической литературой, я перед отъездом в Константинополь наметил себе для исследования рукописи... помещенные в списке Хорна» (см. [Каталог, 1903]). Результатом поездки стала его статья «О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира», в которой даются описания этих рукописей [Бартольд VIII, 220—253].

Работа дипломата С. Горяинова «Босфор и Дарданеллы», вышедшая в 1907 г., представляет собой исследование вопроса о Проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Петербургском Главном архиве МИД. Труд основан на тщательном изучении неопубликованных документов и охватывает период с конца XVIII в. до Берлинского конгресса 1878 г. включительно.

Много интересного содержится в статьях члена ППО, известного писателя и переводчика Н.В. Берга, посвященных путешествиям по Сирии, Палестине и Египту. Ему принадлежит изданный в 1863 г. в Петербурге «Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям».

Член общества, известный исследователь Пермского края Д.Д. Смышляев (1828—1893) в 1861 г. совершил путешествие на Восток, описание которого стало содержанием его статей и книг. В брошюре «На пути к Синаю» автор рассказывает об Александрии и Каире, где он побывал в конце 1864 — начале 1865 г.; в книге «Синай и Палестина» значительное место уделяется описанию Палестины (Яффа, Иерусалим, Хеврон, Вифлеем, р. Иордан, Назарет, Хайфа) [Отчет ППО за 1917 г.].

Николай Иванович Ильминский (1822—1891) в 1846 г. окончил Казанскую Духовную академию; у Казем-Бека изучал татарский и арабский языки. Для совершенствования знаний в арабском языке он был командирован на Ближний Восток. Побывав на Синае в монастыре Святой Екатерины, он в марте 1853 г. направился в Иерусалим, поселился в православном монастыре Мир-Ильяса в Шувейре, потом — в православной деревне Шуваиз.

Ильминский посетил также Триполи, Баальбек, Дамаск. Его отчет о поездке на Восток «представляет интереснейший документ» [АВ, ф. Российское Палестинское общество].

Одним из свидетельств научно-практической деятельности ППО может служить открытие в Калуге «первых чтений по палестиноведению» [Калужские губернские ведомости, 09.12.1903].

Отметим и такой, имеющий к настоящей теме лишь косвенное отношение факт. На Ближнем Востоке во время своих путешествий в начале XX в. не раз бывал И.А. Бунин, который являлся членом Палестинского общества. Впечатления об этих поездках нашли отражение в его письмах и произведениях (рассказы, написанные в 20-х годах) [там же].

Общество обладало довольно большим книжным и рукописным собранием. В его Центральной библиотеке к 1917 г. насчитывалось более 70 тыс. книг по палестиноведению [там же], а в его учреждениях в Иерусалиме было сосредоточено собрание рукописей, которое вошло в состав Иерусалимского представительства Палестинского общества.

Общество востоковедения

По частной инициативе, но при поддержке Министерства финансов в 1900 г. было создано Общество востоковедения (ОВ) с правлением в Петербурге. В организации ОВ определенную роль сыграла известная в свое время общественная деятельница и переводчица произведений Пушкина, Лермонтова и Л. Толстого на турецкий язык Ольга Сергеевна Лебедева. «О.С. Лебедева, „суфражистка“, участница ряда международных конгрессов востоковедов, поборница просвещения татарского народа, пропагандистка русской литературы в Турции, убежденная сторонница эмансипации женщин-мусульманок в России и других странах, наряду с турецким хорошо владела татарским языком, который изучала в Казани» [Кононов, 1972, с. 185—186]. В годы своего пребывания в Стамбуле она изучала арабский и персидский языки и совершенствовалась в турецком. В переводах Лебедевой, печатавшейся под псевдонимом Гюльнар-ханум, в Турции издавались (при содействии и под редакцией известного турецкого писателя и литературоведа Ахмеда Мидхата) произведения классиков русской литературы [Кононов, 1974, с. 204].

Как указывается в «Обзоре деятельности Общества востоковедения с 1900 по 1907 год» (СПб., 1907, с. 7), Устав общества предусматривал «распространение среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также ознакомление русского общества с материальными нуждами и духовной жизнью Востока... [общество] должно содействовать сближению России с

восточными странами и служить проводником русской культуры... среди восточных народностей как в пределах России, так и вне ее».

Совершенно ясно, что власти, создавая ОВ, заботились в первую очередь об изучении экономической конъюнктуры на окраинах империи и в сопредельных странах Востока, условий реализации продукции российской промышленности на рынках этого региона, о выявлении сфер приложения капитала и создании благоприятной обстановки для выполнения этих целей. Создатели ОВ лелеяли грандиозные планы по изучению торгово-экономических условий и торгово-экономических возможностей в огромном регионе от Китая до Балкан. И хотя обществу удалось создать свои отделения в Харбине, Благовещенске, Хабаровске, Омске, Ташкенте, Бухаре, Тифлисе и Одессе, в целом его практическая деятельность оставалась малозаметной. Интенсивное освоение внутреннего и внешнего рынков затруднялось сильными позициями европейских держав на них, неудачами в русско-японской войне и прогнившей бюрократической системой управления государством. К этому следует добавить, что ни на ФВЯ Петербургского университета, ни в ЛИВЯ, т.е. ни в одном основном востоковедном учебном заведении страны, не готовились специалисты по экономике стран Востока. Что касается Восточного института во Владивостоке, то это учебное заведение к началу XX столетия находилось еще в стадии формирования и его будущее было весьма туманно.

Первая попытка ОВ открыть Курсы восточных языков (в 1901 г.) окончилась неудачей (за неимением слушателей их пришлось закрыть в 1903 г.). В январе 1906 г. за организацию Курсов востоковедения взялся А.М. Позднеев, монголовед и маньчжурист и первый директор Восточного института. «На 1906/07 учебный год на курсы записалось 30 человек, но, узнав, что курсы не гарантируют получения службы в странах Востока, половина из записавшихся ушла. Осталось шесть студентов восточного факультета Петербургского университета, четыре чиновника и три женщины» [Скачков, 1977, с. 282]. Эти курсы (кстати, платные и вечерние) были рассчитаны на три года.

Позднее Министерство торговли и промышленности, в чье ведение в 1907 г. перешло ОВ (с декабря 1901 г. общество находилось под покровительством великого князя Михаила Николаевича, после его смерти — под покровительством императрицы), преобразовало Курсы востоковедения в Практическую Восточную академию с программой, рассчитанной на три года обучения. Устав академии был утвержден министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым 28 октября 1909 г. Целью академии было «подготавливать лиц в практическом знании восточных языков

и стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности на наших восточных окраинах и сопредельных с ними странах»⁵⁴.

С того времени область интересов ОВ значительно сузилась: отпали Балканы и Кавказ. Об этом свидетельствует § 22 Устава: «Слушатели Академии по желанию зачисляются: а) по изучению языков и стран Востока на отделения: китайское, японское, монгольское, среднеазиатское (тюркское наречие), персидское и турецкое...»⁵⁵.

В 1910 г. при ОВ были организованы Курсы грузинского, армянского, татарского (азербайджанского) и узбекского языков, которыми с 1912 г. руководил акад. Н.Я. Марр [АВ, ф. 17, оп. 1, д. 183, л. 48 об.]. То обстоятельство, что курсы были созданы Министерством юстиции, свидетельствует об их узковедомственном назначении.

Из известных востоковедов в Практической Восточной академии преподавали Д.М. Позднеев, А.И. Иванов, А.Н. Самойлович; на курсах, созданных ОВ, — Н.Я. Марр, С.М. Шапшал и др. Напомним, что среди лиц, окончивших эту академию, был, в частности, Н.И. Конрад, позже академик, один из крупнейших советских японистов.

Негативную оценку ведущих востоковедов академической школы (В.В. Бартольда, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского и др.) порой вызывал узковедомственный подход руководителей ОВ, особенно их «стремление быстрее достигнуть практических результатов в ущерб теоретической подготовке»⁵⁶. В своих замечаниях по поводу проекта Практической Восточной академии они подчеркивали, «что при разрешении практических вопросов имеет преимущество тот, кто выступает во всеоружии знания»⁵⁷.

В 1918 г. Общество востоковедения и учрежденная им Практическая Восточная академия были ликвидированы, а все их имущество передано вновь учрежденному Институту народного хозяйства⁵⁸.

Общество русских ориенталистов

ОРО было основано 12 января 1910 г. с целью объединить разрозненные силы ориенталистов. Его программа предусматривала

⁵⁴ Устав Практической Восточной Академии при Обществе востоковедения. СПб., 1909, с. 3.

⁵⁵ Там же, с. 8.

⁵⁶ О проекте Практической Восточной Академии (Записка группы русских востоковедов). Пг., 1916, с. 4.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Востоковедение в Петрограде: 1918—1922. Пг., 1923, с. 49.

«а) изучение современного Востока в лингвистическом, филологическом, историческом, общественно-политическом, экономическом и прочих отношениях; б) ознакомление русского общества со странами и народами Востока и распространение среди последних правильных и точных сведений о России; в) содействие сближению России с народами Востока на почве взаимных интересов, вытекающих из культурного взаимообщения с ними» [Кононов, 1972, с. 188]⁵⁹. Некоторое время существовало издание под названием «Труды Общества русских ориенталистов». Так, в 1913 г. в Санкт-Петербурге общество выпустило в свет книгу «Законы Ману. Пер. с санскрита С.Д. Эльмановича», а в 1915 г. — работу С.В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие». В 1916 г. в «Восточном сборнике. Издании О-ва рус. ориенталистов» (кн. 2) появилась статья Е.Д. Поливанова «Труды Идзава Сюдзи по живому китайскому языку».

Из филиалов ОРО наибольшую научную активность проявлял Харбинский отдел (ОРО в Харбине самостоятельно действовало с января 1909 г. по ноябрь 1911 г.)⁶⁰. Он состоял преимущественно из выпускников Восточного института и издавал журнал «Вестник Азии» (см. с. 518), в котором публиковались интересные статьи известных на Дальнем Востоке ориенталистов (П.В. Шкуркина, И.А. Добролювского, А.П. Хионина, А.М. Баранова, Иннокентия Серышева и др.) по различным вопросам истории, филологии и культуры стран Восточной и Центральной Азии.

* * *

Новые востоковедные образования (ОВ и ОРО) не смогли изменить или повлиять на сложившуюся ранее систему организации добровольных научных обществ. По-прежнему основные научные силы востоковедов и университетской профессуры объединялись вокруг археологического и географического обществ и их филиалов. В то же время вряд ли стоит недооценивать деятельность ОВ и ОРО. Они организовывали экспедиции, делегировали ученых на международные конгрессы востоковедов (XIII—XV), имели печатные органы, библиотеки, издавали научную литературу, устраивали публичные лекции. Для примера приведем такую серьезную работу, как «Ислам И. Гольдциэра» [Крачковский, 1911].

⁵⁹ Принимая под свое покровительство ОРО, великая княгиня Милица Николаевна в своем послании руководству общества в 1911 г. подчеркивала: «Глубоко верю, что, полюбив и поняв Восток, сокровища его духа, глубину его мышления и неподражаемую красоту его искусства, мы, русские, почерпнем для себя неоценимые блага от этого сближения». (Россия, 22.03/04.04.1911).

⁶⁰ *Веревкин И.* Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов. — Вестник Азии. 1909, № 1; Россия, 01/14.12.1911.

**ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО ВЕДОМСТВ**

**АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ**

Вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX в. — заметная веха в истории дипломатии России, активизировавшей свою политику на Востоке.

Сложившаяся в империи внутренняя ситуация и международное положение, в частности, на Востоке требовали преобразований. Прежде всего и в значительной мере это коснулось Министерства иностранных дел. Вместо престарелого и инертного К.В. Нессельроде на пост министра иностранных дел в 1856 г. был назначен талантливый дипломат А.М. Горчаков (1798—1883). Руководителем Азиатского департамента стал знаток Востока Егор Петрович Ковалевский (1811—1868)¹. Поскольку основное внимание Горчакова в ходе его дипломатической деятельности привлекали европейские державы, значение Ковалевского в определении азиатской политики было особенно велико. Инициативный и хорошо знакомый с восточными проблемами, он оживил действия возглавляемого им департамента. В начале своей службы на этом посту он немало содействовал подготовке и отправке трех важных дипломатических миссий: Н.В. Ханыкова в Иран, Н.П. Игнатьева в среднеазиатские ханства и Ч.Ч. Валиханова в Восточный Туркестан. Высоко оценивал деятельность Ковалевского выдающийся русский географ П.П. Семенов, а видный публицист, путешествовавший по многим странам Востока, генерал-майор М.И. Венюков писал о нем: «В трудное время стал Ковалевский директором Азиатского департамента; несчастная Крымская кампания и Парижский мир сильно подорвали влияние и вес, какими пользовалась доселе Россия на Востоке... Ковалевскому принадлежит несомненная заслуга, что в это тяжелое время он сумел поддержать престиж русского имени среди восточ-

¹ Как и его предшественник на этом посту Н.И. Любимов (см. [Веселовский, 1909 (2); ИОВ 1, с. 391]), он дважды ездил в Китай с дипломатическими поручениями (см. [ИОВ 1, с. 152] и с. 327 наст. изд.).

ных и западных племен и тем значительно ослабил моральное значение Парижского мира в международных отношениях» [Венюков, 1895, с. 24].

В 1856—1862 гг. Ковалевский сочетал дипломатическую деятельность с исполнением функций помощника председателя РГО. Будучи популярным писателем, он активно занимался и общественно-литературной деятельностью, в частности являлся одним из основателей и первым председателем Литературного фонда (1859). Дружеские отношения с ним поддерживали Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин.

Наиболее плодотворной миссией на Восток (в организации которой принимал участие и Ковалевский) следует считать путешествие Ханькова в Иран и Афганистан. Перед ним была поставлена задача, изучив Хорасан, постараться добраться до Афганистана и установить торгово-политические отношения с этой страной, заключив договор с эмиром Дост Мухаммед-ханом.

Н.В. Ханьков (1819—1878) был опытным чиновником МИД, где служил с начала 1838 г. (с июля 1839 г. он сотрудник Азиатского департамента), свободно владел персидским языком. Еще в 1841—1842 гг. он участвовал в научно-дипломатической миссии К.Ф. Бутенева в Бухарское ханство и при поддержке министерства в 1843 г. опубликовал в Петербурге «Описание Бухарского ханства», одну из первых книг на эту тему, вскоре переведенную на английский язык. С 1845 по 1854 г. он был командирован в Тифлис в Дипломатическую канцелярию Главного управления Закавказского края, где состоял чиновником по особым поручениям при наместнике М.С. Воронцове. За это время вышел ряд его статей: «О духовном управлении в Персии» [Кавказ. 1849, № 15], «Поездка в персидский Курдистан» [Вестник имп. РГО. 1852, кн. 1, ч. 6, отд. V], «Восхождение на гору Демавенд» [ЗКОРГО. 1853, кн. II]; он собрал богатейшую библиотеку восточных рукописей (некоторые из них перевел) и был избран членом-корреспондентом Академии наук. После создания в 1850 г. Кавказского отдела РГО он до 1855 г. был одним из его руководителей.

В 1854—1857 гг. Ханьков находился на посту генерального консула России в Тебризе. Экспедиция в Хорасан и Герат была задумана и осуществлена по его инициативе. (Петербург возлагал большие надежды на Иран, правительство которого после англо-иранской войны нуждалось в поддержке России. В российском МИД этой экспедиции придавалось очень большое значение.) Она продолжалась фактически с марта 1858 по август 1859 г. За это время Ханьков и его спутники, среди которых были представители различных отраслей науки, прошли от Астрабада через Себ-

зевар и Нишапур к Мешхеду. Отсюда миссия направилась в Герат, но встретиться с эмиром Дост Мухаммед-ханом здесь не удалось. Через Систан, южноиранские города, включая Вирдженд, Керман, Исфахан и Кум, экспедиция прибыла в Тегеран, а оттуда через Тифлис возвратилась в Петербург (подробнее об этом см. [Киняпина и др., 1984, с. 259—262]).

Сославшись на необходимость глубокой и всесторонней обработки добытых редчайших материалов, Ханыков вскоре по возвращении в Петербург покинул Россию и прожил 20 лет в Париже вплоть до своей кончины в 1878 г., продолжая «числиться по Азиатскому департаменту». Он выпустил немало книг, рецензий и статей по различным вопросам истории, экономики и культуры стран Ближнего и Среднего Востока, а также Индии и Китая. Достаточно сказать, что неполный список его печатных работ насчитывает почти 100 наименований². Наиболее значительными среди них были описание поездки по Хорасану и очерки этнографии Ирана³.

При поддержке Е.П. Ковалевского 29 мая 1858 г. из Семипалатинска в Восточный Туркестан отправился инкогнито (под видом восточного купца) талантливый молодой ученый, поручик русской службы, сын казахского султана Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865). Пять лет служил он в Западносибирском генерал-губернаторстве; в составе экспедиций побывал в Киргизии и Джунгарии. Поездка в Кульджу позволила ему познакомиться с историей, географией и этнографией одной из западных окраин цинского Китая, чему способствовало знание им нескольких восточных языков.

В формировании Валиханова как ученого большую роль сыграло его общение с передовыми деятелями российской науки и культуры. Он поддерживал дружеские отношения с Г.Н. Потаниным, И.Н. Березиным, В.П. Васильевым, А.Н. Бекетовым; к его научным трудам проявлял интерес П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

В 1858—1859 гг. Валиханов побывал в Кашгаре, где над ним висела смертельная угроза разоблачения. Истинная цель его поездки сводилась к «изучению наиболее удобных путей сообщения с Кашгаром, а также сбору на месте сведений о стране, имеющей для... [России] важное политическое значение» [АВПР, ф. Отчеты МИД, 1858 г., л. 217об.—218]. В ходе миссии, к которой он заранее тщательнейшим образом готовился, изучая материалы, связанные

² В наше время вышла работа, посвященная жизни и деятельности Ханыкова [Халфин, Рассадина, 1977]; в этом издании на с. 263—266 приводится относительно полный список его работ.

³ Изданные в Париже на французском языке в 1862 и 1866 гг., они были переведены на русский язык Е.Ф. Рассединой и опубликованы в Москве [Ханьков, 1973 и 1977].

с поездками своих предшественников, Валиханов собрал очень интересные и важные сведения о Кашгаре и прилегающих к нему городах — их политическом и экономическом положении, состоянии местных военных сил, возможностях установления прямых связей с Россией.

Во время путешествия Чокан Валиханов приобрел уникальные восточные рукописи, а также редкие монеты. Итоги экспедиции подведены в его пространным отчете «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858—1859 годах» [Валиханов, 1987 и 1962 (1)]. Этот отчет был первым научным трудом, посвященным истории, географии и социальному строю народов Восточного Туркестана. Собранные Валихановым в результате этой и других поездок сведения о политической обстановке, быте и нравах уйгурского, китайского и других народов Синьцзяна, его замечания о восточных рукописях, над которыми он много работал, — все эти материалы впоследствии составили объемистый труд, изданный под редакцией Н.И. Веселовского (см. [Валиханов, 1904]).

В 1860—1861 гг., до своего отъезда на родину, Валиханов жил в Петербурге; служил сначала в Военно-ученом комитете, участвуя в подготовке издания карты Азии, а затем был причислен к Азиатскому департаменту МИД (оставался в его штате до конца жизни), принимал участие в работе РГО, действительным членом которого был избран.

В 1861 г. Ковалевского на посту руководителя Азиатского департамента сменил Н.П. Игнатъев (1832—1908). Ранее он выполнял ответственные поручения русского правительства в Англии, Бухаре и Хиве; в 50-х годах, а также в 1860 г. при его участии был заключен ряд договоров с Китаем, способствовавших развитию русско-китайской торговли: российским купцам были открыты и другие (помимо Кяхты) пути в китайские владения. Игнатъев был известен как инициативный дипломат, сторонник активной политики на Востоке. В мае—декабре 1858 г. он возглавлял российское военно-дипломатическое представительство в среднеазиатских ханствах. «Сведения, добытые нашей миссией... способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу их власти, на действительную их силу и в особенности на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии» — так оценивал сам Игнатъев результаты своей работы [Игнатъев, 1897, с. 274] (см. также [Залесов, 1871; Киняпина и др., 1984, с. 262—267; Халфин, 1974, с. 370—381]).

Во второй половине XIX в. установился порядок в деле назначения постоянных послов в иностранные государства. В это время, а также в начале XX в. существенно расширилась сеть дипломатических представительств Российской империи за рубежом, в том числе в странах Востока.

После Пекинского договора 1860 г. уже не было оснований возлагать дипломатические обязанности на духовную миссию. В 1861 г. в Пекине была учреждена дипломатическая миссия России [ПСЗРИ. Собр. 2-е, т. 36, № 36643]. Духовная же (православная) миссия из «учено-политического устройства», каким она была до тех пор, превратилась в учреждение с исключительно религиозными (миссионерскими) функциями и по указу от 5 ноября 1863 г. перешла из ведения МИД в духовное ведомство [там же, т. 38, № 40226]. В 1863 г. возглавлявший дипломатическую миссию в Пекине министр-резидент был возведен в ранг посланника; в 1867 г. было учреждено постоянное представительство в Стамбуле; к 1868 г. относится назначение дипломатического агента в Египте; в 1871 г. в Японии появился поверенный в делах (с 1874 г. — министр-резидент, а с 1876 г. — посланник); в 1878—1881 гг. стал функционировать ряд генеральных консульств, в частности: в 1878 г. — в Эрзеруме и Салониках, в 1880 г. — в Иерусалиме, в 1881 г. — в Яссах; в 1885 г. было создано политическое агентство в Бухаре и генеральное консульство в Корее; в 1890—1900-х годах появились российские генеральные консульства в Бангкоке, Бомбее, Мешхеде, Исфахане, Багдаде, Басре, Ахване, а также миссии в Марокко, Абиссинии и других странах. Накануне первой мировой войны только в азиатской Турции насчитывалось около 30 российских консульств и вице-консульств, а в Египте — 11.

Поступавшая из всех дипломатических представительств на Востоке в Петербург информация не оседала мертвым грузом в недрах министерства, и было бы ошибочно предполагать, что она становилась достоянием лишь крайне ограниченного круга лиц. Ведомственные архивы МИД были для историков относительно доступными. В Санкт-Петербургском Главном архиве МИД хранились соответствующие дела и акты начиная с 1801 г. Для облегчения пользования документами в 1864—1870 гг. была проведена огромная работа по их упорядочению и описанию. Директор архива К.К. Злобин в тесном сотрудничестве с крупным историком и литературоведом акад. П.П. Пекарским осуществил разборку дел, распределив их по XXVII разрядам.

В 1880—1900 гг. вышли в свет семь подготовленных сотрудниками архивной службы МИД выпусков «Сборника Московского Главного архива МИД», содержащего много ценных материалов по истории взаимоотношений России со странами Востока. В фондах библиотеки этого архива хранились редкие восточные печатные и рукописные карты и атласы, планы сражений, морские карты. Библиотекарь архива И.Ф. Токмаков издал в 1877 г. в Петербурге «Реэстр географическим атласам, картам, планам и театрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году

и дополненный по 1877 год». Он же в сдвоенном вып. 3—4 «Сборника» поместил свое «Обозрение библиотеки Московского Главного архива МИД». В 1879 г. в Москве вышел составленный М.П. Пуцилло «Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому Главному архиву МИД». Отметим также труд С.А. Белокурова «Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел» (Вып. 1. М., 1889).

Необходимо отметить издательскую деятельность дипломатического ведомства, которая имела большое научное значение. Среди публикаций, непосредственно относящихся к проблемам Востока, выделим четыре тома «Трудов членов Российской Духовной миссии в Пекине» (вышли в Петербурге в 1852, 1853, 1857 и 1866 гг.). Они включали исследования и переводы источников. После преобразования Духовной миссии на смену «Трудам» пришло новое издание Азиатского департамента — «Восточный сборник» (СПб., 1877), — предусматривавшее более обширную программу публикации работ научного содержания, подготовленных служившими на Востоке дипломатами. К сожалению, это издание не имело продолжения. В том же, 1877 г. Азиатский департамент опубликовал первый том описей коллекций своего Учебного отделения восточных языков (о чем подробнее будет сказано ниже). Отметим, что еще в 1840-х годах в Азиатском департаменте было задумано и начато издание каталогов и описей его книжных и рукописных собраний по Востоку [Каталог б-ки Азиат. деп., 1843 и 1844]. (Деятельность в этом направлении была продолжена и в значительной мере расширена в 1860-х — 1910-х годах.) С 1861 по 1916 г. МИД России издавал ежегодник⁴, в котором помимо справочных сведений по ведомству иностранных дел печатались также важнейшие документы из политической переписки.

Особое значение придавалось выпуску в свет работ, касающихся важных международных проблем. Среди них прежде всего заслуживают быть отмеченными: Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. Т. 1—4. СПб., 1889—1896; Свод международных постановлений, определяющих взаимные отношения между Россией и Китаем, 1869—1897. СПб., 1900; Сборник договоров России с Китаем 1869—1881 гг. СПб., 1889; Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноября 1913 г.). СПб., 1914; Сборник договоров и ди-

⁴ Кроме 1910 г., тираж которого был уничтожен по распоряжению министра; с 1861 по 1886 г. это издание выходило на французском языке: «Annuaire Diplomatique de l'empire de Russie».

пломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. В 1906—1907 гг. было опубликовано несколько сборников документов, относящихся к переговорам, конференциям и трактатам между Россией и Японией после войны 1904—1905 гг.

В 1886 г. вышла в свет политическая переписка «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885». Иранской революции 1905—1911 гг., сыгравшей яркую роль в истории соседнего с Россией государства, МИД посвятило «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии» (Вып. 1—7. СПб., 1911—1912).

С 1897 г. стал выходить «Сборник консульских донесений» (обычно по четыре выпуска в год), публиковавший наиболее важные сообщения и обзоры дипломатических и консульских агентов по социально-экономическим вопросам, а именно о внешней и внутренней торговле, состоянии и развитии промышленности⁵.

В 1909 г. началось серийное издание МИД под названием «Материалы по изучению Востока», но из-за финансовых трудностей в свет вышли только два выпуска (в 1909 и 1915 гг.). «Приступая впервые к изданию „Материалов“, Первый департамент (так со 2 февраля 1897 г. стал называться Азиатский департамент. — Авт.) идет навстречу давно назревшей потребности... — писал в редакционной статье сборника И.А. Персиани. — Помимо донесений экономического характера наши агенты за границей, в особенности на Востоке, постоянно доставляют министерству множество интересных и ценных материалов, являющихся плодом их деятельности по изучению района их ведения. Эти донесения имеют уже не экономический, а в большинстве случаев политический характер... заключающиеся в них данные часто представляют собою значительный интерес, и было бы крайне желательно знакомить с ними остальных наших дипломатических и консульских представителей» [МИВ, вып. 1, с. III—V]. В сборниках были помещены материалы, подготовленные известными дипломатами на Востоке (Д. Беляевым, К.В. Ивановым, А. Миллером, В.Ф. Минорским); они снабжались фотоиллюстрациями и картами.

В 1902 г. в Петербурге было выпущено юбилейное издание «Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902», в котором определенное место отводилось Азиатскому департаменту.

⁵ Например, в вып. 1 за 1910 г. был опубликован доклад генерального консула в Стамбуле П. Панафидина «Русская торговля в Турции», прочитанный на русской торгово-промышленной выставке; в вып. 2 за 1904 г. — обзор первого в Бомбее российского генерального консула В.О. фон Клемма «О торговле керосином в Индии»; в вып. 5 за 1902 г. — статья консула в Османской империи А.А. Адамова «Финиковая промышленность Бассорского вилайета» (см. также [Адамов, 1912]).

Чиновники МИД различных рангов, находившиеся как в России, так и за ее пределами, нередко являлись авторами оригинальных и важных в научном отношении трудов. Так, интересны путевые заметки первого секретаря Российской дипломатической миссии в Тегеране барона К. Боде о его поездке по Ирану [Боде, 1854]⁶. С его впечатлениями перекликаются оценки известного дипломата и востоковеда М.А. Гамазова, данные в работе «От Босфора до Персидского залива. Из записок, веденных во время четырехлетнего путешествия демаркационной комиссии по Турции и Персии» (СПб., 1858).

Крупным, влиятельным и знающим свое дело дипломатом был И.А. Зиновьев. С 1851 г. он поочередно служил в российском посольстве в Тегеране, консульстве в Реште, был генеральным консулом в Тавризе (Тебризе), посланником в Тегеране; с 1883 по 1891 г. руководил Азиатским департаментом МИД, а позднее, в 1897 г., его назначили послом в Османскую империю (до 1909 г.). Зиновьев опубликовал книгу «Россия, Англия и Персия» (СПб., 1912).

Множество работ о Курдистане, северных районах Ирана и смежных с ними турецких землях издал В.Ф. Минорский (см. Библиографию в конце наст. кн., а также [Библиография Турции; Мусаэлян, 1963]).

Назовем известные и важные в научном отношении книги следующих российских дипломатов, находившихся на Востоке в описываемый период: [Адамов, 1912; Анучин, 1912; Арбузов, 1914; Батюшков, 1897; Бутенев, 1881; Воллан⁷, 1894 и 1914; Гирс, 1906; Горяинов, 1897; Жигарев, 1896; Карцов, 1906 и 1908⁸; Леонтьев, 1914; Малама, 1874; Мандельштам, 1906 и 1915; Миллер А., 1906 и 1909; Nelidoff⁹, 1915; Новиков, 1867, № 5 и № 7; Петкович, 1883; Пашино¹⁰, 1868, 1876, 1884, 1885 и 1887; Теплов, 1877, 1880 и 1891; Уляницкий, 1887, 1889, 1893—1899]¹¹. Отдельно скажем о Петре А. Чихачеве, почетном члене Петербургской Академии наук (с 1876 г.), совершившем более 60 самостоятельных поездок по Ма-

⁶ В 1846 г. в Лондоне были опубликованы на английском языке его записки о Луристане и «Персидском Арабистане».

⁷ Биографические сведения о нем см. [ЦГИА, ф. 107, оп. 1, д. 17, л. 1—8].

⁸ В работе «За кулисами дипломатии» автор отмечает разногласия ведущих российских дипломатов в оценке Восточного вопроса. Его автобиографическая заметка помещена во 2-м изд. этой книги.

⁹ См. также: *Хвостов А.И.* Из записной книжки архивиста: Записка А.И. Нелидова 1882 г. о занятии Проливов. — Красный архив. М.—Л., 1931, т. 3 (46).

¹⁰ О нем и его трудах см. [Гневушева, 1953 и 1958; Кононов, 1974; Рос. путешественники в Индии, 1990].

¹¹ В этом списке следует назвать и Ф.А. Бакулина, в 70-х годах секретаря и драгомана в Тавризе, затем консула в Астрабаде; о его трудах см. [Жуковский, 1917, с. 33—90].

лой Азии, Армении, Алтаю, Северной Африке, Италии, Турции и другим странам¹².

Преобладание сочинений о странах Ближнего Востока объясняется их важностью в деле решения внешнеполитических задач России (см. [Георгиев и др., 1978]).

Из работ по восточной филологии отметим «Практическое руководство турецко-татарского и азербиджанского наречий» (М., 1857) Л.З. Будагова, адъюнкта Петербургского университета и драгомана пятого класса¹³ при Азиатском департаменте МИД, его же двухтомный словарь турецко-татарских наречий [Будагов, 1869—1971] и, наконец, книги А. Ходзько — выпускника Учебного отделения восточных языков, сотрудника МИД [Chodzko, 1842 (1) и (2) и 1878].

Из наиболее значительных работ дипломатов, относящихся к событиям второй половины XIX в., отметим записки Н.П. Игнатъева, изданные после его смерти [Игнатъев, 1914 (1) и (2), 1914—1915, 1915 и 1916]. Они необходимы для изучения международной обстановки до и после русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Высокую оценку у современников получила как дипломатическая, так и научная деятельность Н.Ф. Петровского, российского консула в Кашгаре в 80—90-х годах [Ольденбург, 1910 и 1911]. Назовем, например, «Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского за 1885 г.» [СМА. 1886, вып. XXII]. В нем дается характеристика Восточного Туркестана, его административного и политического устройства, сельского хозяйства, торговли (в частности, с Россией). Петровский собрал (и описал) солидную коллекцию рукописей и предметов старины, которую передал в Эрмитаж, Азиатский музей, а также (уже после его смерти, но согласно его завещанию) в музей Археологического общества.

Список приведенных здесь работ, подготовленных и опубликованных сотрудниками дипломатического ведомства России, естественно, далеко не полон. Хочется добавить к нему еще двухтомный труд участника российского посольства в Афганистане в мае 1878 — марте 1879 г. проф. И.Л. Яворского под названием «Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Из дневников членов посольства...» (СПб., 1882—1883). Это посольство в Кабул, второе после миссии И.В. Виткевича, было отправлено от имени туркестанского генерал-губернатора; возглавлял его Н.Г. Столетов. Англия в то время угрожала России войной из-за Сан-Стефанского мира. Цель посольства — воспользоваться недоразумениями между англо-индийским правительством и эмиром Шер Али, чтобы ослабить по-

¹² Его работы и труды о нем см. [ИОВ 1, с. 399, примеч. 75; Чихачев, 1960, 1974 и 1975; Цыбульский, 1988; Белозерская, 1891 и 1893].

¹³ Должность драгомана имела пять классов. Высшим был пятый класс.

зииции Англии на северо-западной границе Индии. В труде Яворского описаны путь от Ташкента до Кабула, прием в бухарских городах, природа и занятия местных жителей, а также встреча с бухарским эмиром Сеид Музаффар-ханом и переговоры с афганскими властями относительно военной помощи.

Далеко не все труды, переводные и оригинальные работы, путевые заметки и тому подобные издания российских дипломатов были опубликованы. Многие остались в рукописном виде в библиотеке Азиатского департамента. В качестве примера назовем «Историю дипломатических отношений между Россией и Персией от Гюлистанского договора до восшествия на престол Александра II», подготовленную в 1863 г. директором ПГА К.К. Злобиным; «Словарь правительственных мест и лиц в Китайской империи» (1862—1863) российского дипломата в Китае К.И. Павлинова и выполненные им же к этому словарю прекрасные рисунки одежды и оружия китайских императоров.

Сотрудники МИД и его Азиатского департамента приняли участие в подготовке и работе состоявшегося в Петербурге в 1876 г. III Международного конгресса ориенталистов. Так, Ф.Р. Остен-Сакен, крупный чиновник МИД (одно время он занимал должность вице-директора Азиатского департамента), был членом Организационного комитета съезда ориенталистов, а также генеральным секретарем этого конгресса, М.А. Гамазов — председателем его III отдела и т.д. В научных заседаниях принимали участие бывшие российские консулы, драгоманы в странах Востока, преподаватели и студенты Учебного отделения восточных языков. В число почетных членов съезда вошли Н.П. Игнатьев, Н.В. Ханыков и другие дипломаты [Труды III съезда ориенталистов, т. 1, с. CL—CLIX].

Приглашение для участия в этом конгрессе от его Оргкомитета получил и Московский Главный архив МИД. В Петербург отправились два его сотрудника. А.В. Рачинский прочитал доклад о дипломатических сношениях России с народами Дальнего Востока в XVI—XVII вв. по материалам архива. Два сообщения сделал Н.В. Чарыков, в одном из которых дал характеристику каталога архивных документов «о сношениях России» с азиатскими государствами с XV по XVIII в., составленного по инициативе и под руководством директора архива Ф.А. Бюлера. Кроме того, сотрудники архива организовали на съезде «весьма любопытную, — по словам современника, — возбуждавшую большой интерес» выставку некоторых принадлежащих архиву восточных рукописей, книг и более 80 рукописных географических карт. Многие участники съезда, побывавшие в Москве, получили возможность посетить МГА, где также была устроена специальная выставка рукописей [Щученко, 1880; Данциг 2].

Наконец, перейдем к Учебному отделению восточных языков при Азиатском департаменте, сыгравшему важную роль в подготовке востоковедных кадров. «Задача подготовки драгоманов для российских посольств на Востоке ставит Учебное отделение в самую тесную, можно сказать, органическую связь с МИД... — подчеркивалось в одном из докладов МИД для Государственной думы, — драгоманские должности являются лишь начальной ступенью дальнейшей консульской службы на Востоке». Особо отмечалось, что Учебное отделение — составная часть МИД, и указывалось при этом на «неслучайность слова „отделение“» [АВПР, ф. Учебное отделение, д. 189, л. 47]. «Немалое число практических ориенталистов, получивших... в Учебном отделении подготовку к исполнению многотрудных ответственных драгоманских и консульских обязанностей в Турции и Персии, неоспоримо доказали свою службою, сколь плодотворна деятельность этого учебного заведения и какую пользу оно приносит государству» [там же, д. 234, л. 1].

15 февраля 1882 г. был утвержден Устав Учебного отделения, который подтвердил все правила, установившиеся после принятия «Регламента» в 1824 г. Как и прежде, на первом месте было изучение восточных языков: арабского, персидского и турецкого. Далее следовал введенный в 1888 г. татарский язык, «под которым понимаются разные турецкие наречия, и преимущественно азербайджанское, распространенное по всему северу Персии». Помимо восточных (а с 1907 г. и западных) языков преподавались мусульманское право (с 1873 г.) и международное право (с 1883 г.). Лекции по истории и географии Востока во второй половине XIX в. читались нерегулярно: лишь в 1863—1865 и 1874—1876 гг.

В 1838 г. было разрешено увеличить число студентов с шести до десяти, но из-за недостатка средств количественный состав слушателей Учебного отделения колебался в указанных пределах. Зачислялись и вольноопределяющиеся, «своекоштные» студенты: их число составляло в разные годы от одного до трех человек. К концу XIX в., ввиду большого количества желающих поступить на Учебное отделение, принимались лишь лица, окончившие университетский курс с дипломом первой степени.

19 ноября 1883 г. по инициативе военного министра, поддержанной министром иностранных дел, при Учебном отделении были открыты курсы восточных языков для офицеров разных родов войск. Из восьми принятых на пробный курс гвардейских офицеров шестеро «через три года окончили его с весьма большим успехом, оставив по себе в Отделении наилучшую память своею благовоспитанностию и ни на минуту не слабевшим усердием в изучении предметов его учебной программы» [там же, л. 30б.]. По Указу от 11 февраля 1885 г. пробный курс обрел статус постоянного [ПСЗРИ. Собр. 3-е, т. 5, № 2729]. Офицеров стали принимать

на трехлетние курсы после сдачи вступительных экзаменов по русскому и французскому языкам, «подробной географии Азии» и топографии. Каждый из курсов обычно насчитывал не более пяти слушателей. Преподавались те же предметы (кроме новогреческого), что и гражданским студентам, но по особой программе и в другие часы. Все слушатели обязательно командировались на время летних каникул на Восток, в российские миссии, для совершенствования своих знаний в восточных языках. Окончившие курсы офицеры предназначались для службы на Кавказе, в Средней Азии и Сибири. Финансировало курсы военное ведомство, ежегодно отпуская для этого 10 тыс. руб. серебром.

Офицерские курсы просуществовали до 1910 г., когда согласно указу от 18 мая 1909 г. был принят новый порядок подготовки военных переводчиков, знающих восточные языки. Кроме того, при штабах Приамурского, Туркестанского и Кавказского военных округов были созданы Окружные школы «для подготовки офицеров, которые, изучив восточные языки, могли бы служить в войсках в качестве переводчиков»¹⁴.

За 27-летний период существования курсов их закончили 130 офицеров-переводчиков. Большинство из них продолжили службу по военному ведомству, некоторые же стали преподавателями или занялись научной работой (например: А.Г. Туманский — тюрколог, арабист, иранист, исследователь бабизма [Туманский, 1899]; П.П. Цветков — автор турецко-русского и русско-турецкого словарей, а также четырехтомного труда «Исламизм»; П.П. Шимкевич — составитель «Практического руководства для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области», вышедшего в Ашхабаде в 1899 г.)¹⁵.

Занятия в Учебном отделении во второй половине XIX — начале XX в. вели следующие преподаватели. Международное право читал Ф.Ф. Мартенс, профессор Петербургского университета в 1883—1885 гг. Его сменил М.М. Муромцев (до 1917 г.), который после реорганизации МИД в 1914 г. также исполнял обязанности директора Первого департамента. Мусульманское право и арабский язык долгое время преподавал И.Г. Нофаль, а после него — А.Ф. Хашаб; турецкий и новогреческий языки — проф. Ф. Эфенди (с 1875 по 1894 г.) и проф. К.Г. Вамваки (1894—1917). Персидский язык в 1867—1870 гг. вел А.К. Казем-Бек — профессор Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук. По Уставу от 15 февраля 1882 г. обучение восточным языкам поручалось лишь «просвещенным туземцам Востока»; исключением

¹⁴ Положение об изучении офицерами восточных языков с приложением руководящих указаний и программ. СПб., 1912.

¹⁵ Об офицерских курсах см. также [Певцов, 1902; Снесарев, 1908]. О Туманском, Цветкове и Шимкевиче см. [Кононов, 1974].

стал С.М. Шапшал — преподаватель персидского и татарского языков в начале XX в., драгоман Азиатского департамента, профессор Петербургского университета, товарищ председателя Общества русских ориенталистов, один из воспитателей наследника персидского престола (см. [Кононов, 1974]). Лекции по истории и географии стран Востока в 1863—1865 гг. читал П.И. Пашино. Английский язык с момента его введения в 1907 г. и до 1917 г. вел один лишь Т. Робертс.

Начальниками Учебного отделения в рассматриваемый период были: П.И. Демезон (1843—1872), М.А. Гамазов (1872—1893)¹⁶, И.А. Иванов (1894—1905), В.А. Жуковский (1905—1918).

И.А. Иванов (1835—1908) был опытным дипломатом. Закончив Петербургский университет, он в 1858 г. поступил на Учебное отделение восточных языков. В 1860 г. Иванов получил назначение на должность студента-стажера российской миссии в Стамбуле. Позже он служил секретарем и драгоманом в ряде консульств, консулом в Адрианополе (с 1868 г.), во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. «состоял при канцелярии заведующего гражданскими делами при главнокомандующем действующей армии», а также при «Императорской Главной квартире». Начальником Учебного отделения Иванов был назначен 20 марта 1894 г. и на этом посту оставался до 20 декабря 1905 г., когда «был уволен от службы согласно прошению по болезни» [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 1489].

Выпускник Петербургского университета Валентин Алексеевич Жуковский (1858—1918) в 1902—1911 гг. был деканом ФВЯ. С 1915 г. он — заведующий переводной частью политических отделов МИД. Жуковский — автор огромного числа трудов по персидской филологии, истории, этнографии, переводчик и издатель множества персидских текстов¹⁷. В 1899 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Будучи директором Учебного отделения, Жуковский очень много сделал для того, чтобы сохранить его.

В начале XX в., когда шла реформа центральных установлений МИД, у некоторых чиновников министерства возникла мысль об упразднении Учебного отделения из-за чисто материальных соображений. Вопрос этот поднимался, например, в 1907 и 1912 гг. Иногда доводы сторонников закрытия этого учебного заведения были просто наивны, а сама позиция скорее всего недалековидна. Так, в прениях о смете МИД в Государственной думе в апреле 1912 г. ее член, докладчик бюджетной комиссии П.Н. Крупенский заявил, что обучение каждого студента обходится казне в 10 тыс.

¹⁶ О Демезоне и Гамазове см. [ИОВ 1], а также примеч. 21.

¹⁷ О Жуковском см. [Бартольд IX, 689—703; Ольденбург, 1918 (2); Бушев, 1959 и 1960].

руб. ассигнациями и это очень дорого; что преподаются ненужные языки («почему-то татарский»), ненужные предметы («международное право и еще мусульманское право»); что само здание, принадлежащее МИД, где размещается Учебное отделение, стоит целых 2 млн. руб. и что, если бы его «капитализировать», оно могло бы приносить до 100 тыс. годового дохода; и т.п.¹⁸ Конечно, подобные доводы могли приводиться лишь противником любого просвещения.

Жуковский постоянно доказывал правительству необходимость Учебного отделения, его государственную важность и пользу. «Изменились ли теперь условия Нессельродовского времени, когда Учебное отделение было создано, — писал он в одной из своих официальных записок в 1907 г., — то есть отпала ли потребность в практически подготовленных для службы на Востоке в консульствах и миссиях лицах? Нет... Изменились ли с тех пор задачи университета, и в частности факультета восточных языков, настолько, чтобы он мог заменить Учебное отделение? Нет... Созданы ли у нас после 1823 года учебные заведения с практическим преподаванием восточных языков, которые удовлетворяли бы потребностям Министерства иностранных дел и делали бы существование Учебного отделения ненужным? Нет...» [АВ, ф. 17, оп. 1, д. 183, л. 48об.].

В ноябре того же года Жуковский представил правительству и другую пространную записку о необходимости не только сохранить Отделение, но и расширить его. Он отмечал, что «Учебное отделение имеет за собою почтенное прошлое», пользуется отличной репутацией, и подчеркнул, что когда в Лондоне учреждалась Школа востоковедения, то комиссия по ее учреждению, которая посылала запросы в другие страны о постановке изучения восточных языков, один из таких запросов отправила в МИД России. В этой записке и позже он неоднократно предлагал ввести в курс Учебного отделения языки Дальнего Востока — китайский, маньчжурский и японский, что было необходимо после печального опыта русско-японской войны; сделать обязательными командировки слушателей на Восток для практических занятий в каникулярное время по специальной программе; проводить со студентами особые чтения и сообщения чиновников МИД, прибывающих в Петербург из стран Востока.

В первой четверти XX столетия продолжала обсуждаться и идея учреждения единой Практической Восточной академии, возникшая еще в первой половине XIX в. В итоге в Государственной думе было принято решение о целесообразности создания такой

¹⁸ Россия, 15.04.1912, № 1969, с. 3450—3453. В этом издании публиковались протоколы заседаний Думы.

академии, которая могла бы «обслуживать как МИД, так равно и Министерство торговли и промышленности, министерства финансов, юстиции, внутренних дел, военное... Учреждение Восточной академии даст возможность объединить разрозненные научные силы и денежные средства на создание одного высшего образцового учреждения, столь необходимого России в переживаемую историческую эпоху, выдвинувшую значение Востока в настоящем и будущем. Государственная Дума выражает пожелание, чтобы в возможно скором времени созвано было междудеPARTMENTовенное совещание всех заинтересованных министерств с участием и Общества востоковедения для выработки проекта учреждения Практической Восточной академии»¹⁹.

Несколько позже возник проект «Об учреждении положения и штата Практической Восточной академии (при Учебном отделе Министерства торговли и промышленности)» [АВПР, ф. Учебное отделение, д. 189, л. 73—84]. Но вместе с тем МИД (и его Первый департамент, а затем и политические отделы) продолжало отстаивать позиции, основанные на необходимости сохранения и дальнейшего совершенствования Учебного отделения именно как составной части дипломатического ведомства. В январе 1911 г. внешнеполитическое ведомство провело специальное совещание «По вопросу о подготовке лиц, знающих восточные языки, для службы в МИД»; на нем присутствовали среди прочих В.А. Жуковский и начальник Первого департамента В.О. фон Клемм. А в 1915 г. председателю Государственной думы М.В. Родзянко были представлены за подписями министра иностранных дел С.Д. Сазонова и В.А. Жуковского проекты нового устава и нового штатного расписания Учебного отделения [там же, л. 47—67об.].

Эти документы предусматривали очень большие изменения: во-первых, увеличение числа преподавателей и студентов (обучающихся за счет казны — до 30 и своекоштных — до 10), а стало быть, и сметы (более чем в четыре раза); во-вторых, введение в курс обучения новых предметов — дальневосточных языков. Дело в том, что существовавшие 11 мест студентов-стажеров при российских миссиях в странах Дальнего Востока занимали выпускники Петербургского университета и владивостокского Восточного института, а их знания в МИД считались чисто теоретическими и поэтому недостаточными. Из 77 дипломатических должностей, которые существовали в странах Дальнего Востока, выпускники Учебного отделения не занимали ни одной. «Для успешного исполнения обязанностей было бы очень нужно, чтобы после университетов студенты имели еще 2 года для практических занятий в Учебном отделении по примеру других языков»

¹⁹ Россия, 17.04.1912, № 1970, с. 3504.

[там же, л. 53об]. Далее в проектах предлагалось введение таких предметов, как гражданское и уголовное право стран Востока. «В консульской и дипломатической службе нельзя обойтись без основательной юридической подготовки, так как не только на начальниках посольств, но и на чиновниках... лежат разнообразные полицейско-административные и судебные функции, отправление коих нуждается в специальном знакомстве с гражданским и уголовным правом и судопроизводством» [там же, л. 56об.]. Планировалось возродить преподавание истории и политической географии стран Востока, для ближневосточников, а также ввести эти предметы для будущих специалистов по Дальнему Востоку. Курс обучения предусматривал обязательные ежегодные командировки для студентов на четыре месяца в разные страны Востока (что имело место и раньше, но соблюдалось не всегда). «С целью пополнения сведений учащихся устраиваются в Отделении... чтения, сообщения, беседы чинов заграничных установлений МИД по истории, географии, статистике стран Востока» [там же, л. 57об.].

«Осуществление проекта Жуковского, — писал позже сын ученого, — превратило бы Учебное отделение в отвечающую всем требованиям того времени школу, готовившую квалифицированных специалистов. Но претворению в жизнь проекта помешало противодействие генерала Шведова, возглавлявшего Практическую Восточную академию. Одобренный МИД план реформы Учебного отделения был представлен на рассмотрение Государственной Думы. Однако план этот не был принят думской комиссией. Отец присутствовал на заседаниях этой комиссии и был поражен равнодушием депутатов и их полным непониманием вопроса...» [Жуковский С.В., 1960, с. 125—130].

Хотя это был всего лишь проект, принятый к рассмотрению и только затем к возможному утверждению (до 1917 г. этого так и не произошло), мы остановились столь подробно на нем, чтобы показать, что в МИД существованию, дальнейшему развитию и совершенствованию Учебного отделения придавали очень большое значение, связывая успехи или неудачи в работе российских дипломатов в восточных странах именно с их профессиональной подготовкой в этом учебном заведении.

А роль его действительно была велика. Так, в некоторых ближневосточных странах почти все консульские должности были заняты выпускниками Учебного отделения. Например, в Турции это соотношение составило 38:31, в Персии — 31:31, в Бухаре — 5:4 [АВПР, ф. Учебное отделение, д. 189, л. 53об.]. Только на Дальнем Востоке в этот период питомцев Учебного отделения почти не было.

«В 1912 г. Жуковскому пришла мысль основать особое Общество русских ориенталистов с привлечением служащих мини-

стерства [иностранных дел] и преподавателей восточных языков университета, — вспоминал С.М. Шапшал. — Сам Жуковский официально не числился среди руководителей общества, но через своего сына Сергея Валентиновича, секретаря общества, и пишущего эти строки товарища председателя неустанно принимал участие в редактировании издаваемого обществом ежегодника „Восточный сборник“. В том же году вышли в свет два тома сборника (с началом первой мировой войны издание прекратилось)» [Шапшал, 1960, с. 131—133].

Для привлечения на дипломатическую службу способных молодых людей наиболее одаренным студентам ФВЯ внешнеполитическое ведомство выплачивало специально установленные стипендии. Материально оно также помогало студентам и гимназистам — сыновьям многолетних сотрудников Азиатского департамента [АВПР, ф. Азиатский департамент, д. 520, л. 23—25 сл.].

Библиотека Учебного отделения, игравшая не последнюю роль в обучении будущих дипломатов, постоянно пополнялась. Газеты, книги и карты, относящиеся к Востоку, поступали из других министерств России (внутренних дел, народного просвещения, финансов), Петербургского университета, Академии наук. При МНП существовала особая комиссия по международному обмену изданиями, и Азиатский департамент и его Учебное отделение не были обойдены ее вниманием. Бюро печати Министерства внутренних дел посылало вырезки из русских и иностранных газет, Военное министерство — «новейшие карты и множество свежей литературы по Азии», все выпуски своего «Сборника материалов по Азии», а также часть книг, которые оно получало с Востока [АВПР, ф. Учебное отделение, д. 189, л. 207 сл.]. После организации офицерских курсов при Учебном отделении Военное министерство активно помогало не только в комплектовании библиотеки Отделения книгами и рукописями, но и в издательской деятельности. Так, Военно-ученый комитет Главного штаба финансировал в 1885 г. публикацию перевода на русский язык «Курса мусульманского права» проф. И. Нофалья, а в 1886 г. ассигновал средства на выход в свет «Краткого военно-технического русско-французско-турецко-персидского словаря с русскою транскрипцией восточных слов» М.А. Гамазова (СПб., 1887).

Разумеется, Азиатский департамент осуществлял издания и своими силами. «Устройство библиотеки и приобретение самых разнообразных учебных пособий, в том числе восточных рукописей и монет, являлось предметом особой заботливости... Отделение располагает в настоящее время (1915 г. — Авт.) ценной и умело составленной библиотекой приблизительно в 5000 названий сочинений, печатных и литографированных, на русском и иностранных — европейских и восточных — языках, с богатым со-

бранием рукописей на арабском, персидском, турецком, армянском, грузинском, греческом, коптском и эфиопском языках и хорошо подобранной коллекцией восточных монет. Научное описание этих сокровищ сделано в восьми вышедших [в Петербурге в 1877—1897 гг.]... выпусках²⁰ на французском языке: „Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires Etrangères...“» [там же, л. 53]. Это поистине уникальное издание было начато по инициативе и при активном участии М.А. Гамазова²¹ и было выполнено авторитетными востоковедами: В.Р. Розеном, Б.А. Дорном, А. Марковым, В.Д. Смирновым.

Для учебной работы многие пособия печатались не типографским, а литографическим и цинкографическим способами, что было намного быстрее и дешевле. Так, рукопись «Курса мусульманского права» И. Нофаля еще в 1876 г. была литографирована в МИД и стала доступной студентам до выхода в свет типографского издания [там же, д. 281]. Издания Учебного отделения рассылались во многие учебные заведения России и стран Западной Европы и Азии [там же, д. 230, 250 сл.].

Многие выпускники Учебного отделения — сотрудники российских дипломатических учреждений на Востоке — занимались и научной деятельностью, коллекционированием рукописей и монет (часть этих коллекций они передавали в библиотеку или музей Отделения). Отметим, например, что некоторые материалы В.А. Жуковскому для его книг давал В.П. Никитин, в 1910 г. управлявший консульством в Реште [Жуковский, 1917, с. 35]. Рукописи для Учебного отделения (описанные В.Р. Розеном) собирали: российские дипломаты Ф.А. Бакулин и Г.Д. Батюшков, генеральный консул в Тавризе В.В. Безобразов, первый драгоман миссии в Тегеране И.Г. Григорович, секретари и драгоман консульства в Астрабаде В.И. Игнатъев и А.Д. Левитский, секретарь и драгоман Политического агентства в Бухаре А.П. Орлов и др. [там же, с. 34]. Материалами о бабидах, собранными драгоманом генерального консульства в Тавризе А.Н. Мошным, старшим

²⁰ Т. 1 (1877) и т. 6 (1891) посвящены описанию арабских рукописей, т. 2 (1877) — описанию монет Восточного халифата и других мусульманских государств, т. 3 (1866) — описанию персидских рукописей, т. 4 (1881) — описанию мусульманских монет, т. 5 (1889) включает каталог монет (аршакидских, сасанидских и др.), т. 7 (1891) дает общий каталог восточных монет, т. 8 (1897) посвящен описанию турецких рукописей.

²¹ Гамазов занимался переводами с персидского и турецкого языков, издавал исторические и литературные памятники, дипломатические документы. Например, под его редакцией вышел ценный историко-географический труд (см. [Чириков, 1875]). К путевому журналу Чирикова приложены разные сведения из путевого журнала Гамазова. Два года спустя он издал сочинение Хуршид-эфенди, также снабдив его ценными примечаниями и указателями [Хуршид-эфенди, 1877]. О его собственных литературных сочинениях см. [Григорьян, 1959].

драгоманом миссии в Тегеране В.И. Севрюгиным и младшим секретарем той же миссии А.А. Мельниковым (впоследствии российским чрезвычайным посланником и полномочным министром), широко пользовался А.К. Казем-Бек при написании своей книги «Баб и бабиды...» (см. с. 212).

Отметим, что первые по времени сообщения о выступлении бабидов содержались именно в донесениях российских посланников и консулов в Персии. Посланники А.И. Медем и Д.И. Долгоруков писали о Бабе и его новом учении, о его влиянии, о выступлениях бабидов в различных городах Ирана, реакции на эти выступления иранского правительства. Эту информацию они получали от консулов из Табриза (Н.А. Аничкова, Н.В. Ханыкова), Решта (Л.А. Ивановского), Астрабада (С.И. Черняева, В.В. Гусева) и др. (подробнее см. [Кузнецова. К истории бабизма]). Движение бабидов привлекало внимание и некоторых российских офицеров, находившихся по долгу службы в Иране. В связи с этим упомянем здесь снова имя выпускника офицерских курсов Учебного отделения А.Г. Туманского.

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО

Изучение Востока в военном ведомстве России в описываемую эпоху (вторая половина прошлого столетия) получило дальнейшее развитие. Начиная с 50-х годов военно-востоковедная деятельность становится более интенсивной и эффективной благодаря опыту, накопленному российским Генеральным штабом за предыдущие 50 лет, и особенно в отношении Ближневосточного региона [Данциг 1, с. 221]. Обширный материал, собранный в Департаменте Генерального штаба и Военно-топографическом депо, послужил надежной базой для продолжения исследований. Офицеры и топографы, командированные на Восток для составления военно-статистических описаний и геодезических съемок, имели возможность изучить в архиве Департамента описания, маршруты и карты того или иного района, составленные их предшественниками. Все это, конечно, способствовало повышению научного уровня вновь проводимых работ.

На военном востоковедении отразилось и то, что в ходе буржуазных преобразований в России, затронувших и русскую армию в 60—70-х годах, существенно изменился взгляд на роль и значение науки вообще в военном деле. Постепенно и не без сопротивления сходили со сцены генералы «николаевской школы», подобные военному министру, печально известному своей деятельностью в период Крымской войны В.А. Долгорукову или его преемнику Н.О. Сухозанету, которому принадлежало знаменитое

сравнение науки в военном деле с мундирной пуговицей. Новое время требовало новых людей, новых идей и взглядов. Наиболее ярким представителем нового типа военных деятелей был Дмитрий Алексеевич Милютин. В течение 20 лет (1861—1881) ему суждено было на посту военного министра оказывать огромное влияние на ход преобразований в вооруженных силах России, в системе военного образования, а также на внешнюю политику страны.

Взгляды Д.А. Милютина на военную науку проявились еще в середине 40-х годов, когда он был назначен преподавателем военной географии в Академии Генерального штаба. В академическом отчете за 1845 г. указывалось, что он, «выпущенный из академии в 1836 году, успел в течение 8 лет приобрести столько сведений и опытности, что, приступив к преподаванию одного из самых трудных предметов, вполне оправдал выбор начальства: способности его и познания, обогащенные приобретенными им во время поездки за границу и в бытность его на Кавказе сведениями, принесут, без всякого сомнения, много пользы академии» [Глиноецкий, 1882, с. 62]. Уже в 1846 г. Милютиным была опубликована работа, определившая главное направление в развитии военной географии в России. Во введении автор указывал: «Военное искусство в последние времена следовало тому же быстрому развитию, как и самые государства и народы: основательное и систематическое изучение его сделалось необходимостью... С другой стороны, самые действия военные не только распространились в размерах, но и подчинились более чем когда-нибудь соображениям политическим и местным: никогда не было столь очевидной необходимости для успешного ведения войны в основательных сведениях о театре действий относительно к естественным свойствам и статистическим средствам края, так же как и вообще о всех способах материальных и нравственных обеих воюющих сторон» [Милютин, 1846, с. 1—2].

Таким образом, Милютин ставил перед офицерами Генерального штаба задачу всестороннего изучения сопредельных с Россией государств, в том числе стран Азии. Важно и то, что он требовал от военной географии не только описательной, но и аналитической работы. «Везде наука начинается только там, где массу опытов, наблюдений, фактов стараемся подчинить разумению для вывода каких-либо истин, более или менее общих, для объяснения себе сродства и связей явлений, раскрытия причин и следствий, средств и целей. Одним словом, науку составляет не одно описание явлений или данных, а тот логический анализ, которым эти частные данные и явления сливаются в одно стройное целое идей» [там же, с. 35]. Естественно, что подобные мысли и высказывания человека, который был непосредственно связан с

подготовкой будущих офицеров Генерального штаба, а затем возглавлял министерство, в значительной степени способствовали развитию военной науки и военного востоковедения в том числе.

Очевидно, что на интенсивность практических востоковедных работ, проводившихся в военном ведомстве, решающее влияние оказывала внешняя политика царского правительства на Востоке.

Начало 50-х годов характеризовалось, как известно, назреванием так называемого восточного кризиса, главным стержнем которого были русско-английские и русско-турецкие противоречия на Ближнем Востоке.

В июле 1849 г. к российскому посольству в Стамбуле был командирован в качестве военного агента (атташе) подполковник Генерального штаба Е.Ф. Тизенгаузен. В его функции входил сбор сведений военно-политического характера, которые он должен был передавать в Военное министерство. Инструкция предписывала обратить особое внимание на порядок комплектования турецкой армии и флота рядовым и офицерским составом (с учетом национального и религиозного соотношения рекрутского контингента), на дислокацию войсковых соединений, на систему резервов и материально-технического снабжения армии, на деятельность военно-учебных заведений и степень участия в их работе иностранных офицеров и т.д. [ЦГВИА, ф. 450, оп. 1, д. 34, л. 124—188].

Служба Тизенгаузена в столице Османской империи была весьма плодотворной. В течение полугода кроме регулярных донесений им были написаны и переданы в Департамент Генерального штаба два относительно подробных очерка, посвященных турецкой армии и флоту [там же, л. 26—62, 94—122]. При этом в первом очерке автор касался вопроса истории создания регулярной турецкой армии, а во втором, говоря о военно-морских силах, анализировал состояние и возможности турецкого кораблестроения.

После смерти Тизенгаузена (30 марта 1850 г.) на его место был назначен полковник К.И. Остен-Сакен, опытный и образованный офицер, служивший в Генеральном штабе с 1829 г. [там же, ф. 38, оп. 2, д. 657, л. 2—3]. Более чем два года, вплоть до разрыва дипломатических отношений, он регулярно информировал военного министра и Департамент Генерального штаба о всех сколько-нибудь значительных событиях военно-политического характера, происходивших в Османской империи. В первую очередь, разумеется, военный агент обращал внимание на организацию и вооружение турецкой армии, дислокацию войск в европейской Турции и Анатолии, состояние турецкого флота [там же, ф. 450, оп. 1, д. 35—39]. А в донесении от 24 ноября 1852 г. он описывает восстание друзов в Ливане и Сирии, вызванное попыткой султанско-

го правительства ввести здесь «рекрутские конскрипции» [там же, д. 40]. В неудачной карательной экспедиции против друзов Остен-Сакен усмотрел одно из проявлений слабости всей турецкой военной системы.

На первом этапе русско-турецкой войны 1853—1856 гг. (до 27—28 марта 1854 г., т.е. до вступления в нее Англии и Франции) военные действия развивались на двух театрах — Дунайском и Кавказском. Война началась в октябре 1853 г. как русско-турецкая, и первоначально ни та ни другая сторона не могли добиться решительных успехов. В марте 1854 г. русские войска перешли Дунай и осадили турецкую крепость Силистрия. Это ускорило вступление в войну коалиции европейских держав, а в сентябре 1854 г. главным театром военных действий стал Крым. В течение войны ход боевых операций, сведения о противнике, полученные разведкой путем расспросов местного населения, перемещенных и пленных, подробно отражались в донесениях и рапортах. Одновременно все происходящее на театре войны подробно освещалось в соответствующих журналах, к ведению которых были привлечены в основном офицеры Генерального штаба, находившиеся при штабах корпусов и крупных военных отрядов. Некоторые из этих материалов были опубликованы в сборниках, вышедших вскоре после войны и позднее, в 70-е годы, когда назревал новый восточный кризис [Бескровный, 1957, с. 253]. Вместе с неопубликованными документами, хранившимися в архиве Департамента Генерального штаба и Военно-ученом архиве, эти материалы стали главной источниковой базой для военно-исторических исследований Крымской (Восточной) войны [Богданович, 1876; Дубровин, 1878 и 1900; Зайончковский, 1908—1913].

Помимо официальных материалов определенным вкладом в военное востоковедение были воспоминания и записки непосредственных участников событий. Они издавались в России (порой за счет военного ведомства) в 60—70-х годах, когда в обществе наблюдалось стремление серьезно проанализировать причины поражения «восточной политики», чтобы избежать в дальнейшем повторения ошибок. Особенный интерес представляли воспоминания участников войны в азиатской Турции, тем более что некоторые из них играли значительную роль в происходивших событиях, например главнокомандующий на Кавказе Н.Н. Муравьев-Карский [Муравьев, 1877]. Кроме описания военных действий воспоминания содержали сведения о турецких городах и селениях Восточной Анатолии, о характере турецко-армянских отношений, о курдской проблеме, о позиции Персии во время русско-турецкой войны [Блокада Карса, 1856; Лихутин, 1863].

Следует также отметить, что Восточная война вызвала отклики в периодических изданиях военного ведомства. «Военный жур-

нал», который издавался отделением Генерального штаба Военно-ученого комитета, регулярно в течение 1853—1856 гг. помещал на своих страницах наряду с прочим статьи и очерки о событиях на Востоке, о политике Англии и Франции в Азии и т.п. Аналогичная информация, но в более сжатом виде печаталась в газете Военного министерства «Русский инвалид».

Под влиянием политических событий в конце 1853 г. была сделана вторая попытка ввести преподавание восточных языков в высшем военно-учебном заведении России — Академии Генерального штаба (первая попытка была предпринята в 1849 г. при участии О.И. Сенковского, но окончилась безрезультатно). Профессор Петербургского университета, известный востоковед А.К. Казем-Бек обратился через попечителя учебного округа к военному министру с предложением открыть для слушателей Академии и офицеров Генерального штаба временный курс турецкого языка [ЦГВИА, ф. 544, оп. 1, д. 377, л. 1—3]. Занятия турецким языком должны были проводиться три раза в неделю в течение четырех месяцев с группой офицеров числом не более 50. Кроме лекций самого профессора предполагались практические занятия под руководством помощников Казем-Бека — Гуссейна Фейз-хана и Ибн-и Ямина. Преподаватели изъявляли готовность трудиться совершенно безвозмездно. Одновременно Казем-Бек предлагал издать написанное им пособие для офицеров, изучающих турецкий язык. Им были составлены план учебного пособия и программа занятий офицерского курса [там же, л. 4—5об.]. Пособие включало грамматику турецкого языка с указанием диалектных особенностей европейской и азиатской Турции, хрестоматию разговорного и литературного языка и русско-турецкий словарь. Ввиду того что издание пособия требовало времени и средств, было решено, чтобы не откладывать начало занятий, применять для самостоятельной подготовки слушателей литографированные рукописи лекций Казем-Бека. Всего за время существования кафедры турецкого языка в Академии с декабря 1853 г. по июль 1854 г. для офицеров было прочитано более 60 лекций, которые в литографских списках (около 150 экз.) сохраняли значение учебного пособия и после окончания курса. Тогда же Казем-Бек завершил работу над учебником [Казем-Бек, 1854]. В качестве учебного пособия использовался вышедший вторым изданием русско-турецкий разговорник О.И. Сенковского, составленный еще в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. [Сенковский, 1854].

Крымская война стимулировала в военном ведомстве изучение не только Османской империи и турецкого языка. То обстоятельство, что Англия играла роль главного организатора, вдохновителя и прямого участника антирусской коалиции, породило

большое количество различных проектов «похода на Индию» [Россия и Индия, с. 133]. В докладной записке от 28 февраля 1856 г. по Департаменту Генерального штаба, где анализировались подобные проекты Н.Е. Торнау, И.Ф. Бларамберга, С.А. Хрулева и М.П. Погодина, прямо указывалось: «Нельзя отвергать, что в рассмотренных записках заключается много мыслей дельных и полезных, но если изложенные в них предложения разобрать с точки зрения практической, то можно опровергнуть оные в самых основаниях» [ЦГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 18297, л. 15]. Помимо политической несостоятельности подобной экспедиции, она была невыполнима и чисто практически: ее организация потребовала бы таких сил и средств, которыми царское правительство не располагало (оно не сумело обеспечить всем необходимым даже свою армию в Крыму).

Для развития военного востоковедения «индийские проекты», несмотря на всю их неосуществимость, сыграли тем не менее важную роль. Они привлекли внимание Генерального штаба к региону Среднего Востока, побудили российских офицеров к более серьезному изучению среднеазиатских государств, Персии, Афганистана и Индии. Ярким примером серьезного исследования явилась работа генерал-лейтенанта А.О. Дюгамеля²² «Докладная записка о путях, ведущих из России в Индию», составленная на французском языке в 1854 г. [там же, д. 18294].

Не разделяя авантюристических настроений иных прожектеров, он подчеркивал в своей докладной записке, что для успешного противодействия английской политике на Среднем Востоке необходимо тщательно изучить этот регион в географическом, этнографическом и политическом отношении. Первую часть работы Дюгамель посвятил истории завоевательных походов в Индию (начиная с Александра Македонского и до Надир-шаха Афшара), а также анализу современного положения Персии, Афганистана и северо-западной Индии. Во второй части давалось подробное описание важнейших путей, соединяющих Среднюю Азию и Закавказье с Индией. При этом автор использовал материалы многих русских путешественников и востоковедов (И.Ф. Бларамберга, К.Ф. Бутенева, Г.И. Данилевского, П.И. Демезона, Е.К. Мейендорфа, Ф. Назарова, Н.В. Ханькова и др.), английских путешествен-

²² С 1820 г. Дюгамель служил в Генеральном штабе, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., а затем неоднократно выполнял различные военно-политические поручения на Востоке. В 1833—1838 гг. он был русским консулом в Египте, в 1838 г. сменил И.О. Симонича на посту посланника в Персии, где оставался до 1841 г. В 40—50-х годах, накануне Восточной войны, Дюгамель неоднократно бывал в Молдавии и Валахии, в европейской Турции. Он был достаточно хорошо осведомлен о тех сложных политических механизмах, которые лежали в основе «восточного кризиса».

ников (А. Бернса, Дж. Аббота, Дж. Форстера, М. Хонигбергера, А. Конолли, М. Эльфинстона), а также материалы об англо-афганской войне 1838—1842 гг. Таким образом, работа была выполнена на довольно высоком научном уровне и свидетельствовала о стремлении автора обобщить опыт, накопленный отечественным и зарубежным практическим востоковедением.

Пристальное внимание к колониальной политике европейских держав, особенно к военным акциям Англии и Франции в Азии и Африке, побудило военное ведомство России уже вскоре после заключения Парижского мирного договора 1856 г. направить во Францию двух преподавателей Николаевской Академии Генерального штаба, подполковников В.М. Аничкова и А.И. Беренса (последний, кстати, был в числе слушателей курса турецкого языка Казем-Бека). В программу их командировки кроме ознакомления с французскими военными учреждениями входила поездка в Алжир. Отчет офицеров об этой поездке включал очерк о военной и гражданской администрации Алжира, характеристику местных племен и описание военных действий в 1857 г. в Кабилии [там же, ф. 544, оп. 1, д. 431, л. 237—310об].

Однако более всего Военное министерство России интересовала английская политика в Азии. Недаром на должность военного агента (атташе) в Лондоне назначались, как правило, наиболее способные и опытные офицеры, достаточно хорошо осведомленные в «восточных делах». Именно Восток был главной темой донесений русского военного агента из Лондона; эти донесения рассматривались как важнейший источник информации наряду со сведениями, получаемыми непосредственно из Азии. Потребность же в достоверной информации особенно возросла в связи с крупными военно-политическими событиями: англо-персидской войной 1856—1857 гг. и, конечно, народным восстанием в Индии в 1857—1859 гг. (об этом см. [Люстерник, 1966; Россия и Индия, с. 124—132; Шаститко, 1961; Юревич, 1957]).

Первые сведения о восстании в Индии были получены в Петербурге от посланника в Англии М.И. Хрептовича 27 июня 1857 г. Военный агент в Лондоне полковник Н.П. Игнатъев представил свой подробный рапорт военному министру 26 июля [Россия и Индия, с. 124—125; ЦГВИА, ф. 431, оп. 1, д. 21, л. 551—580]. Им были проанализированы самые разнообразные сведения — начиная от официальных данных, газетных сообщений до порой весьма противоречивых слухов. Это позволило ему правильно разобраться в причинах восстания и предугадать его размах. Игнатъев писал: речь идет не о случайном возмущении в сипайских полках, а о непримиримом противоречии между колонизаторами-англичанами и народом Индии, «туземные властители, даже те, кои пребывали верными [Ост-Индской] Компании и

во времена испытаний, убедились, что всем владениям в Индии не избежать поочередно участи королевства Удского (Ауда. — *Авт.*) и что рано или поздно всякий удобный клочок земли, досягаемый для английских торгашей, будет ими захвачен» [ЦГВИА, ф. 431, оп. 1, д. 21, л. 551об.—552]. В то же время составитель рапорта предвидел поражение восставших и в качестве главных его причин указывал на их религиозную и политическую разобщенность. В целом рапорт военного агента содержал довольно верный взгляд на начальный этап восстания сипаев.

В 1860-е годы царское правительство решилось на активизацию своих действий в Средней Азии. В связи с изменением главного направления внешней политики произошла переориентация и военного востоковедения, которое служило прежде всего практическим военно-политическим целям. Возникла необходимость создания в военном ведомстве специального учреждения для решения военных вопросов в Азии. В Департаменте Генерального штаба было создано временное отделение по делам Кавказской армии, отдельных корпусов Оренбургского и Сибирского и войск, расположенных в Восточной Сибири²³. В период реорганизации Военного министерства (1862—1867) были сделаны важные шаги по созданию единого органа управления войсками.

Так, по приказу военного министра № 349 от 16 октября 1863 г. были объединены Департамент генерального штаба и Военно-топографическое депо в единое учреждение, получившее название Главного управления Генерального штаба. В новом учреждении существовало уже не временное, а постоянное Азиатское отделение, которое занималось: вопросами военно-административного устройства Кавказа, Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири; рассмотрением и составлением проектов строительства оборонительных сооружений и дорог; вопросами численности воинского контингента в Азии; военно-дипломатическими сношениями с сопредельными азиатскими государствами и сбором зарубежной военно-статистической информации.

Вскоре последовали новые преобразования в системе военного ведомства. По приказу военного министра № 471 от 31 декабря 1865 г. Главное управление Генерального штаба было объединено с Инспекторским департаментом во вновь созданном Главном штабе Военного министерства. По штату, утвержденному в 1867 г., в Главном штабе на правах самостоятельного подразделения была образована Азиатская часть (приказ военного министра № 103 от 30 марта 1867 г.). Функции ее определялись следующим образом: «В Азиатской части сосредоточиваются дела, касающиеся военных округов: Кавказского, обоих Сибирских, Орен-

²³ Свод военных постановлений 1859. Ч. 1, кн. 1. СПб., [б.г.], с. 14.

бургского и Туркестанского, а именно: 1) по составлению предположений о занятиях и действиях войск в означенных краях империи и составление из военных журналов известий для обнародования; 2) по устройству там военно-народных управлений, а также укреплений и путей сообщения; 3) по снаряжению туда военно-ученых и других экспедиций»²⁴.

Создание Азиатской части Главного штаба, т.е. подразделения не по отраслевому, а географическому признаку, явилось показателем резко возросшего количества дел, связанных с «восточным» направлением внешней политики Российской империи и усилением роли Военного министерства в решении внешнеполитических вопросов. Прежде всего это относилось к проблеме присоединения Средней Азии к России. Именно военные круги, в силу их более тесных, чем у дипломатической верхушки, связей с деловым, капиталистическим миром, играли важную роль в планировании среднеазиатской политики царского правительства [Халфин, 1965, с. 128—129]. При этом наиболее дальновидные военные — а именно к таким принадлежал Д.А. Милютин — отдавали себе отчет в том, что для борьбы за присоединение Средней Азии необходимо всестороннее научное изучение этого края. Без точного представления о географии и природных ресурсах Туркестана, о быте и обычаях среднеазиатского населения, наконец, об истории этих народов невозможно успешное решение политических задач. В письме к туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману от 5 июня 1870 г. Д.А. Милютин писал: «Малая известность этого края, разнообразие богатств природы, начинающееся развитие промышленности, быт среднеазиатского населения, в среду которого мы впервые проникли так далеко и т.д., — все это представляет богатый и интересный материал для исследований» [ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 228, л. 3—4].

Действительно, в 60—80-х годах востоковедная работа здесь значительно активизировалась. Бартольд в «Истории изучения Востока в Европе и России» отмечал: «Образование Туркестанского генерал-губернаторства, на некоторое время благодаря Кауфману, вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью работ было изучение края в географическом, естественноисторическом и статистическом отношениях, но были также приняты меры для изучения и его прошлого» [IX, 446]. Как и в некоторых районах Кавказа, в Туркестанском генерал-губернаторстве было введено так называемое военно-народное управление. Согласно этой системе, вся полнота власти была сосредоточена в руках генерал-губернатора, одновременно командующего войсками военного округа, подчинявшегося непосредственно воен-

²⁴ Свод военных постановлений 1869. Ч. 1, кн. 1. СПб., [б.г.], с. 24.

ному министру. На все основные административные посты также назначались офицеры, а «народность» состояла лишь в том, что на низшие административные должности допускались избираемые местным населением лица с последующим утверждением кандидатур военными властями. Таким образом, вся жизнь Туркестанского края, в том числе и научная деятельность, направлялась военным ведомством. Примером могут служить экспедиции известного путешественника А.П. Федченко в 1868—1871 г. (в результате был собран обширный материал по физической географии и геологии, флоре и фауне, антропологии и этнографии восточной части Туркестанского края), осуществление которых стало возможным благодаря организационной и материальной помощи штаба Туркестанского военного округа и Азиатской части Главного штаба [ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 282]. То же относится и к работам другого выдающегося путешественника — зоолога и зоогеографа Н.А. Северцова [там же, д. 190, 260, 609].

Во второй половине XIX в. объектом военного востоковедения становится российский Дальний Восток, а также Китай и Япония. Это тоже было связано с активизацией внешней политики России в Азии после Восточной (Крымской) войны.

Весьма важным вопросом царское правительство считало укрепление своих позиций в Приамурье. Особую остроту эта проблема приобретала после того, как в результате «опиумных войн» началось колониальное закабаление Китая западными капиталистическими державами. Возникла угроза проникновения на Амур кораблей Англии, Франции и США. В 1849 г. экспедиция Г.И. Невельского обследовала устье Амура и о-в Сахалин, в 1850 г. на Амуре был основан пост Николаевск, а в 1853 г. — военный пост на Сахалине. По Айгуньскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам с цинским Китаем Приамурье и Уссурийский край вошли в состав России. Присоединение этих областей было достигнуто дипломатическим путем (благодаря переговорам с китайской стороной Н.Н. Муравьева, Е.В. Путятина, Н.П. Игнатьева), но главную роль в изучении и освоении этих земель, особенно на первом этапе, сыграли военные. Успеху исследовательских работ в значительной мере способствовало то, что среди русских офицеров, оказавшихся на Дальнем Востоке, были люди, целиком посвятившие свою жизнь беззаветному служению науке и чей вклад в отечественное востоковедение трудно переоценить. Прежде всего здесь следует назвать имена М.И. Венюкова и Н.М. Пржевальского.

В 1856 г. поручик М.И. Венюков окончил Академию Генерального штаба и был направлен в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Летом 1857 г. он участвовал в поездке Муравьева на Амур, а в следующем году ему было поручено

чено возглавить экспедицию с целью обследования р. Уссури. Это была первая самостоятельная экспедиция Венюкова, положившая начало его многочисленным путешествиям по Азии. Уже подготовка к ней выявила в этом 25-летнем офицере качества серьезного исследователя. Получив задание, он «счел долгом немедленно заняться собиранием и изучением источников, какие только существуют для географии этой далекой и малоизвестной страны и озаботиться доставлением тех из них в Иркутск, которые можно было достать только в богатой учеными средствами столице» [Венюков, 1868, с. 1]. Начинаящий исследователь изучал материалы экспедиций Лаперуза и Броутона, Г.И. Невельского и других русских моряков. Большую помощь ему оказал выдающийся русский китаист В.П. Васильев. «По счастливому стечению обстоятельств, — писал Венюков, — в бытность мою в С.-Петербурге я имел честь приобрести знакомство нашего известного ориенталиста профессора Васильева. Его благородному содействию я обязан вторым важным материалом для моих подготовительных работ. Переведя с китайского языка часть официального описания Маньчжурии, и именно то, что касается до больших рек, впадающих в Амур, Васильев благосклонно сообщил мне свою рукопись и даже позволил оставить у себя описание Уссури. Топографический очерк этот, в точности которого я потом имел случай убедиться, был для меня важнейшим руководителем во время моих приготовительных занятий, как и во время самого плавания по реке» [там же, с. 2—3].

Результатом экспедиции Венюкова явилось «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря», опубликованное в «Записках Восточно-Сибирского отдела РГО», затем в «Вестнике» того же РГО, а десять лет спустя (в 1868 г.) включенное автором в книгу своих «Путешествий по окраинам русской Азии». В «Обозрении» содержался материал по физической географии края, быту нанайского населения, характеризовались отношения нанайцев с маньчжурскими властями. В связи с этой работой вице-президент РГО П.П. Семенов-Тянь-Шанский назвал Венюкова «первым пионером» обстоятельного географического исследования почти всего течения реки Уссури. Венюкову принадлежит также очерк об освоении Приамурья в 1857—1858 гг., опубликованный в 1879 г. в журнале «Русская старина» и впоследствии — в более полном виде — вошедший в качестве отдельной главы в воспоминания, изданные автором в Амстердаме [Венюков, 1895, с. 201—278] (о нем см. [Белелюбский, 1967]).

В 1867—1869 гг. изучение Уссурийского края было продолжено Н.М. Пржевальским, для которого, как и для Венюкова, это было началом деятельности в качестве путешественника-востоковеда. Ко времени перевода по службе из Варшавы на Дальний

Восток Пржевальский уже закончил Академию Генерального штаба, написал учебник географии для военных училищ, составил «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» и был избран действительным членом РГО. Служба в Восточной Сибири позволяла ему сочетать служебные дела с научными интересами. Он писал: «Счастье улыбнулось мне здесь на первых же порах. Едва в апреле 1867 года я приехал в Иркутск, как благодаря радужному содействию со стороны сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества и просвещенному сочувствию ко всякому научному стремлению бывшего начальника штаба здешних войск, ныне покойного генерал-майора [Болеслава] Кукеля через месяц по приезде я уже получил командировку в Уссурийский край, который составляет лучшую и наиболее интересную часть наших амурских владений. Служебная цель этой командировки заключалась в различных статистических изысканиях, рядом с которыми могли идти и мои личные занятия, имевшие предметом посильное изучение природы и людей нового, малоисследованного края» [Пржевальский, 1870, с. 1]. Результатом двухлетней исследовательской работы Пржевальского и стала его книга «Путешествие в Уссурийском крае», где нашли отражение топография, климат, животный и растительный мир, состав и быт населения Приморья. Любопытные сведения автор привел и о пришельцах-корейцах, оставивших из-за голода свою родину, и о китайцах-отходниках.

Среди актуальных задач военного востоковедения на Дальнем Востоке было изучение сопредельных с Россией Китая и Японии. Что касается последней, то информация об этой стране, только с 50-х годов открытой для европейцев, была совершенно ничтожной. Инициатива военно-статистического исследования Японии принадлежала Венюкову, у которого к этому времени уже накопился немалый опыт путешествий по различным районам Азии. В 1868 г. он сделал попытку во время предоставленного ему на службе длительного отпуска побывать в Японии, но по ряду причин эта попытка не увенчалась успехом. Тем не менее на основе изученных источников и материалов Венюков написал «Очерки Японии». В 1869 г. они были изданы в Петербурге.

Один экземпляр книги был представлен автором военному министру Д.А. Милютину. В сопроводительном письме Венюков, в частности, писал: «Вместе с тем я позволю себе принести вашему высокопревосходительству просьбу, исполнение которой, составляя цель моих занятий в течение пятнадцати лет, дало бы мне возможность представить наконец результаты их на общую пользу. При естественной необходимости иметь всегда в военном ведомстве статистические сведения о соседних нам странах Востока не будет ли признано возможным дать мне какое-либо назначе-

ние при наших миссиях в Китае и Японии, где я мог бы с полным вниманием посвятить себя изучению этих государств, как делу, отчасти уже знакомому и, быть может, не бесполезному для правительства и всего русского общества» [ЦГВИА, ф. 401, оп. 2, 1869 г., д. 11, л. 1об.—2]. На письме имеется «ответ» Милютина: «Действительно могло бы быть полезным пребывание полковника Венюкова в Китае и Японии в продолжение нескольких лет. Можно спросить об этом мнение госуд. канцлера. За доставление книги прошу благодарить». Запрос в МИД не дал, однако, положительных результатов. Не возражая в принципе против командировки, А.М. Горчаков отказался участвовать в ее финансировании, а директор Азиатского департамента указывал, «что дом миссии нашей в Пекине так мало поместителен, что вряд ли окажется возможным предоставить г-ну Венюкову помещение в нем» [там же, л. 7об.—8].

Дипломаты давали понять, что не одобряют вторжение военных в сферу их деятельности. Но это не остановило Милютина. Был составлен доклад по Главному штабу на «высочайшее имя», в котором говорилось: «Во всех первостепенных и пограничных с Россией европейских государствах Военное министерство имеет агентов (атташе. — *Авт.*), на которых возложено собирание сведений о сухопутных и морских силах. По отношению же к смежным азиатским странам, где недостаток карт и предварительных исследований делает в особенности важным собирание сведений не только о вооруженных силах, но и о географии, топографии и статистике государств, Военное министерство лишено ныне средств к удовлетворению своих потребностей» [там же, л. 20]. Подобные аргументы подействовали: Военному министерству было разрешено выделить средства на двухгодичную командировку Венюкова в Китай и Японию.

12 июня 1869 г. от него было получено первое донесение из Гонконга, а уже 17 июля — из Японии. В дальнейшем донесения Венюкова регулярно поступали в Военно-ученый комитет, ведавший в тот период перепиской с военно-дипломатическими представителями России за границей [там же, д. 112]. В донесениях среди прочих вопросов освещались состояние вооруженных сил Японии и роль европейских инструкторов в создании регулярной японской армии и флота. После возвращения Венюкова из командировки им было издано «Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии» (Ч. 1—3. СПб., 1871). В основу новой книги легли вышедшие ранее «Очерки Японии», дополненные автором личными наблюдениями. Особое значение имела вновь написанная гл. 8 «Государственное устройство и управление». Венюков посетил Японию в переломный для страны момент, когда после революции Мэйдзи (1867—1868) складывался новый госу-

дарственный аппарат и началось развитие капиталистических отношений, проходившее в острой борьбе с феодализмом. «Обозрение Японского архипелага» было первой в русской научной литературе работой, отразившей эти процессы.

В 70—80-х годах Военное министерство еще несколько раз обращало внимание на состояние вооруженных сил и характер внешней политики Японии, что было вызвано обострением японо-корейских и японо-китайских отношений [там же, ф. 400, оп. 1, д. 258, 454]. Однако это внимание ограничивалось запросами в МИД о присылке копий консульских донесений. Серьезных же попыток к научному изучению Японии в военном отношении не предпринималось вплоть до японо-китайской войны 1894—1895 гг., показавшей, что в лице Японии Россия получила достаточно сильного соперника на Дальнем Востоке.

В 60—70-х годах учреждения военного ведомства, имевшие отношение к Азии, занимались вопросами, связанными с событиями, происходившими в Северо-Западном Китае. Речь идет об охватившем этот регион восстании дунган (хуэй). Огромный размах восстания и его близость к границам России определяли тот интерес, с которым в Азиатской части Главного штаба и Военно-ученом комитете относились к получаемой с мест информации. В основном сведения поступали из штабов Западно-Сибирского и Туркестанского военных округов. Предпринимались также попытки более подробного изучения причин, хода и перспектив восстания.

В мае 1870 г. президент Петербургской Академии наук и вице-президент РГО Ф.П. Литке обратился с письмом к Д.А. Милютину с просьбой о содействии в организации экспедиции штабс-капитана Генерального штаба Н.М. Пржевальского в Северный Китай. Среди прочих соображений о пользе этой экспедиции Литке указывал: «Если, как предполагается, ему удастся достигнуть до северо-восточной окраины той области, которую в настоящее время охватило мусульманское восстание в Китае, то есть полное основание надеяться, что он сумеет собрать более или менее положительные данные об этом восстании. Императорское Русское Географическое Общество, которое успело обнародовать первые сведения об этом восстании (статья А.К. Гейнса в Известиях общества за 1867 г.), считало бы вполне согласным с своей задачей воспользоваться настоящим случаем, чтобы хотя сколько-нибудь пролить свет на происходящие в центре Китая события, о которых в последнее время до нас доходят только самые неопределенные слухи» [там же, ф. 401, оп. 2, 1870 г., д. 67, л. 4об.—5].

Интересы РГО и Военного министерства в данном случае совпадали. Резолюция Милютина гласила: «Надобно оказать всё воз-

можное содействие этому предприятию». В ответ на доклад Военно-ученого комитета было получено «высочайшее» разрешение финансировать трехлетнюю командировку штабс-капитана Пржевальского и подпоручика Пыльцова [там же, л. 9—11]. Так началось второе (или первое по Центральной Азии) путешествие Н.М. Пржевальского (1870—1873) — феноменальное по длительности и протяженности маршрута (около 12 тыс. км караванного пути). Затем последовали его Лобнорская и Джунгарская экспедиции (1876—1877), а также два путешествия в Тибет (1879—1880; 1883—1885). Последнее, шестое путешествие Пржевальскому осуществить не удалось: в ходе его подготовки в 1888 г. Николай Михайлович скоропостижно скончался.

Результаты путешествий, обобщенные в его научных трудах, составили целую эпоху в развитии мировой географической науки. В очерке, посвященном 50-летию юбилею РГО, В.А. Обручев указывал: особенность экспедиций Н.М. Пржевальского «состояла в том, что, организуя их по-военному, он не допускал в их состав исследователей, не облеченных в военный мундир, опасаясь с их стороны неповиновения, которое могло бы расшатать дисциплину всего отряда» [Обручев, 1897, с. 30]. Автор очерка к подобному подходу относился отрицательно, поскольку среди военных не всегда можно было найти специалистов в некоторых областях знаний, например в геологии. Представляется, однако, резонность в стремлении такого опытного путешественника, как Пржевальский, поддерживать в своих экспедициях строгую военную дисциплину. Кому как не ему было знать, в каких порой экстремальных условиях мог оказаться его немногочисленный отряд, продвигавшийся по таким районам Азии, где не ступала нога европейца.

Вообще роль Военного министерства и русских офицеров в изучении Центральной Азии столь велика, что эта тема заслуживает специального исследования. Нельзя здесь не упомянуть имена М.В. Певцова, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, чьи путешествия и научные работы вместе с трудами Н.М. Пржевальского значительно обогатили мировую науку. В то же время многие из менее известных офицеров, выполняя возложенные на них службой поручения, вносили определенный вклад в изучение Востока, в том числе Центральной Азии. Когда в Восточном Туркестане в конце 60-х годов возникло мусульманское государство Йетишар во главе с Якуб-беком, то для урегулирования взаимоотношений туда неоднократно направлялись российские военно-дипломатические миссии. После ликвидации в 1876 г. Кокандского ханства с особой остротой встал пограничный вопрос в Семиречье. К Якуб-беку была направлена миссия во главе с капитаном Генерального штаба А.Н. Куропаткиным. В ходе переговоров был заключен договор, который не был проведен в жизнь, так как после

смерти в 1877 г. Якуб-бека его государство охватила междоусобная борьба, а в 1878 г. Цинская империя восстановила свою власть в Синьцзяне. В результате своей поездки Куропаткин в «Военном сборнике» опубликовал «Очерки Кашгарии», вышедшие затем, в 1878 г., отдельным изданием. В книге дан историко-географический очерк и приведены сведения о современном состоянии вооруженных сил, промышленности и торговли Иеттишаара.

Важные в научном отношении материалы были собраны также о Кульджинском районе в период временного пребывания там русских войск в 1871—1881 гг. По предложению Пржевальского начальниками Южного и Северного участков Кульджинского района майором И.С. Герасимовым и подполковником Трепаловым был организован сбор статистических сведений о численности и составе местного населения, его основных занятиях, о степени развития промышленности, сельского хозяйства и торговли в этом крае [ЦГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6926, л. 5—31об.].

Новый «восточный кризис», приведший к русско-турецкой войне 1877—1878 гг., как и в 50-е годы, вновь сосредоточил внимание учреждений военного ведомства на проблемах ближневосточной политики. Впрочем, и во времена, когда главным объектом внешней политики России была Средняя Азия, в Военном министерстве не упускали из виду Ближний Восток.

Важное значение в связи с этим придавалось деятельности российского военного агента в Стамбуле, обязанного постоянно информировать непосредственно Главный штаб о состоянии турецких вооруженных сил и о военной политике султанского правительства. В 1856—1870 гг. этот пост занимал В.А. Франкини, впервые попавший в Турцию штабс-капитаном, а завершивший свое пребывание в Стамбуле генерал-майором. (Уже после войны Франкини был первым губернатором присоединенной к России Карской области.) В 1870 г. его сменил полковник Генерального штаба А.С. Зеленый, остававшийся военным агентом в Стамбуле вплоть до начала войны. В своих донесениях, составивших затем не один десяток дел в Военно-ученом архиве [там же, ф. 450, оп. 1, д. 57, 58, 60, 61, 64, 66, 68, 69, 73, 74, 80, 81, 84, 86—94], военные агенты отражали не только состояние турецких вооруженных сил, но и политику турецкого правительства на Балканах, в Закавказье, на Ближнем Востоке, влияние в Османской империи иностранных европейских государств, и прежде всего Англии, состояние турецкой экономики, развивающееся железнодорожное строительство и многие другие вопросы.

В связи с началом русско-турецкой войны 1877—1878 гг. появились печатные издания, призванные помочь русским офицерам и солдатам обрести некоторые навыки в турецком разгово-

ном языке. Вот некоторые из них: Военный переводчик с русского языка на турецкий, болгарский и румынский. СПб., 1877 (изд. Военно-ученым комитетом Главного штаба); Краткий переводчик для русских в Турции. СПб., 1877; Путеводитель для разговора на турецком языке с изображением турецких слов русскими буквами. М., 1877 (сост. К.П. Зубковым, изд. в типографии Моск. ун-та специально для действующей армии за Дунаем и в Малой Азии); Турецкий проводник для русского солдата. Слова и разговоры. Тифлис, 1877 (сост. майором В. Андреевичем). Предназначенные для широкого распространения в российских войсках, находившихся на турецкой территории, эти пособия оказались более полезными, чем аналогичные разговорники периода Крымской войны, почти не нашедшие практического применения.

В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в штабах войсковых частей и соединений действующей армии были собраны обширные материалы, содержащие сведения о сосредоточении русских и турецких войск, о начале военных действий, переправе через Дунай, боях у Плевны и на Шипке, переходе через Балканы, окружении турецкой армии у Шейново и преследовании турецких войск до Стамбула, а также о военных действиях на Кавказском театре. Эти материалы составили солидную источниковую базу для исторических исследований, написанных в основном в конце XIX в. После окончания войны при Главном штабе была создана военно-историческая комиссия для обработки и опубликования указанных материалов. В состав комиссии входили генерал-майоры С.П. Зыков и К.В. Левицкий, подполковники М.А. Газенкампф и Н.А. Астафьев, штабс-ротмистр Романов [Бескровный, 1957, с. 368].

Результатом работы комиссии явилось издание «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877—78 гг.» в 97 томах по Балканскому театру и 4 томах по Кавказскому (СПб., 1898—1911). Впервые в России была предпринята столь обширная работа, которая до настоящего времени является единственной публикацией, освещающей ход военных действий в целом. Другое важное издание — вышедший вскоре после войны шеститомный «Сборник военных рассказов, составленный офицерами, участниками войны 1877—78 гг.» (СПб., 1878—1879). В него вошли дневники и воспоминания непосредственных участников событий, что было существенным дополнением к официальным служебным документам. В свет вышли также сборники переведенных на русский язык турецких документов периода войны 1877—1878 гг. [Сб. тур. док., 1879; Таль-Ата, 1885].

После первой англо-афганской войны 1838—1842 гг. английские правящие круги не оставляли надежд на расчленение и захват Афганистана с целью создания там плацдарма для даль-

нейшей экспансии в Среднюю Азию. К середине 1877 г. были завершены все приготовления к новой войне с Афганистаном, и англичане выжидали только повода для начала военных действий. Таким предлогом послужило посещение Кабула летом 1878 г. Российской дипломатической миссией во главе с генерал-майором Генерального штаба Н.Г. Столетовым. В ноябре 1878 г. 35-тысячная британская армия вторглась в Афганистан и началась вторая англо-афганская война 1878—1881 гг. [Халфин, 1959, с. 95, 105].

В Азиатской части Главного штаба пристально следили за событиями, происходившими у границ Туркестана. Здесь собирались сведения о численности, составе и вооружении воюющих сторон, об успехах англичан на первом этапе, об отъезде эмира Шер Али из столицы на север и его смерти, о заключении Гандамакского договора, о восстании в Кабуле и карательных экспедициях англичан. Главная информация поступала в Азиатскую часть из штаба Туркестанского военного округа и от русского военного агента в Лондоне генерал-майора А.П. Горлова [ЦГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6925]. Важные сведения можно было почерпнуть также из газет, в основном английских, корреспонденты которых находились в Афганистане.

Уже в 1878 г., после начала военных действий, исполняющий обязанности начальника Азиатской части Главного штаба полковник Л.Н. Соболев в военной газете «Русский инвалид» опубликовал несколько статей, посвященных событиям, происходившим на Среднем Востоке²⁵. Позднее на основе широкого круга источников им была написана книга «Страница из истории Восточного вопроса». Работа содержит не только подробное описание военных действий (с приложением карт и схем операций и сражений), но и материалы по истории, географии и статистике Афганистана, а также детальный анализ политической ситуации в стране с характеристикой афганских политических деятелей. Говоря о восстании в Кабуле и разгроме английской миссии, автор отмечал: «Сожалея о гибели европейцев в Кабуле, справедливость, однако, требует заметить, что англо-индийское правительство своими интригами на границах Афганистана, подкупами пограничных племен, возбуждением этих последних против эмира, их законного главы, жестоким обращением с лицами, которые защищали свои жилища и семейства, позорным (с точки зрения мусульман) сжиганием трупов уже расстрелянных и повешенных ими людей в высшей степени возбудило мстительных по натуре афганцев и

²⁵ Л.Н. Соболев — офицер Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; будучи помощником начальника Азиатской части, дважды замещал его (с 1 января 1878 г. по 13 сентября 1878 г. и с 21 августа 1879 г. по 22 июня 1882 г.). В 1882—1883 гг. он был командирован в Болгарию, где занимал пост министра-президента и министра внутренних дел при князе Александре.

подготовило почву для народного негодования. В несчастной кабульской катастрофе англичане должны винить самих себя» [Соболев, т. I, вып. 1, с. 3—4]. В его книге были, конечно, недостатки, но по богатству фактического материала она явилась существенным вкладом в изучение Афганистана и всего Среднего Востока.

В.В. Бартольд справедливо указывал, что изучение некоторых «закрытых» областей Азии становилось зачастую возможным только в периоды колониальных войн. В этом отношении англо-афганская война, действительно, способствовала появлению новых работ по Афганистану. Кроме книг Соболева и Яворского, врача в составе миссии Столетова, здесь следует назвать опубликованные записки о поездках по северным областям страны в 1878 г. полковников Н.И. Гродекова (впоследствии туркестанского генерал-губернатора) и П.П. Матвеева.

В 80-х годах XIX в. в развитии военного востоковедения был сделан важный шаг вперед. Увеличение числа образованных офицеров Генерального штаба в азиатских военных округах Российской империи и вместе с тем рост исследовательских разработок по различным проблемам Азии требовали качественно нового способа распространения востоковедных знаний в военном ведомстве. До сих пор отчеты о командировках и экспедициях офицеров по Востоку, различные докладные записки, проекты, очерки и обзоры накапливались в архивах как центральных ведомств (Военно-ученый архив, Общий архив Главного штаба и др.), так и при штабах военных округов. Они не лежали мертвым грузом, а использовались при подготовке новых экспедиций, для составления военно-статистических описаний и т.п. Однако, за исключением публикаций в периодической печати, в том числе военной (например, в «Военном сборнике», «Русском инвалиде»), эти материалы не получали широкого распространения даже в военной среде. Неудовлетворительность такого положения стала очевидной в 70—80-х годах. Почти одновременно в различных местах были предприняты попытки организовать специальные издания для ознакомления офицеров в округах с военно-научными работами. В Туркестанском военном округе вышла брошюра «Ученые экспедиции, занимавшиеся исследованием Туркестанского края в 1878 г.» (Таш., 1879). В ней содержались краткие сведения о результатах поездок офицеров округа: полковника П.П. Матвеева, штабс-капитана А.Н. Быкова, подполковника Н.А. Маева (редактора «Туркестанских ведомостей»), полковника Н.И. Гродекова, а также об итогах посольства Столетова [ЦГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6926, л. 129—140об.]. В Петербурге по материалам Азиатской части Главного штаба в 1880 г. были подготовлены к печати «Записка о Туркменском театре военных действий и наших на

оном действиях в течение первого десятилетия с 1869 по 1879 год» и «Действия наши в Восточной Сибири с 1856 по 1880 г.» [там же, ф. 400, оп. 1, д. 678]. Аналогичные работы готовились в Кавказском военном округе.

В 1883 г. в Военно-ученом комитете было принято решение о централизованном издании материалов по Азии, собранных русскими офицерами. В докладной записке на имя начальника Главного штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева от 7 июля 1883 г. говорилось: «В делах Азиатской части, в материалах Военно-ученого комитета и в некоторых иностранных изданиях встречаются более или менее законченные топографические, статистические и стратегические очерки наших азиатских окраин и сопредельных земель и государств, которые желательно печатать (не пуская в продажу), чтобы сделать их доступными для всех русских, занимающихся Азией. Статьи эти полезно было бы издавать по мере их накопления отдельными выпусками под общим заглавием „Сборник военно-статистических материалов по Азии“. В означенный сборник могли бы также войти работы, производимые нашими офицерами в Малой Азии, а со временем, быть может, и труды наших дипломатических агентов» [там же, ф. 401, оп. 4, 1883, д. 45, л. 1].

Предложение было одобрено, и в 1883 г. начал выходить и распространяться в войсках «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Поскольку очередные выпуски публиковались по мере накопления материала, то строгая периодичность этого издания не соблюдалась. Поначалу количество выпусков в год колебалось от двух до восьми, а с начала нашего века ежегодно выходил только один выпуск. Всего до 1914 г. вышло в свет 87 выпусков. Опубликованные в них материалы главным образом освещали современное положение азиатских государств, причем издатели стремились группировать входившие в выпуск работы по региональному признаку. Изредка в СМА появлялись военно-исторические исследования, например: «Обзор войн, веденных европейцами против Китая в 1840—42, 1856—58, 1859 и 1860 гг.» (вып. 8); «Осада Герата в 1837—38 г. и новые сведения о Герате», «Поход Александра Македонского в Индию и Персию», «Проект Наполеона о покорении Индии» (вып. 16).

Основной состав авторов сборника — русские офицеры, большей частью Генерального штаба, но иногда печатались и работы выдающихся ученых — востоковедов и путешественников, например В.П. Васильева и Н.В. Ханькова. Широко были представлены переводы иностранных сочинений по Азии, и в первую очередь английских. Выпуски сборника получали широкое распространение среди офицеров в азиатских округах, что, в свою очередь,

увеличивало количество авторов. Несмотря на то что издание носило закрытый характер и на книжках стоял гриф «Не подлежит оглашению», они часто становились доступными не только для военных. В трехтомной «Библиографии Азии» [Межов, 1891—1894], изданной, кстати, на средства Главного штаба, статьи из СМА указывались наравне с другими работами.

Начало издания СМА совпало по времени с открытием офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД, о которых говорилось выше. Такое совпадение не было случайным. Оно свидетельствовало о развитии военного востоковедения, добившегося важных успехов в 80-х годах.

Во второй половине 90-х годов в связи с японо-китайской войной в Военном министерстве усиливается интерес к странам Дальнего Востока. В сентябре 1897 г. в Азиатской части Главного штаба была получена из Приамурского военного округа докладная записка полковника Генерального штаба В. Альфтана «Опыт разработки вопроса о столкновении в будущем между Россией и Японией», где говорилось: «Не прошло и четверти века после того, как Япония, обновленная европейской цивилизацией, почувствовала в себе уже достаточно сил, чтобы попытаться осуществить свои заветные мечты относительно Кореи, занять на Востоке первое место и навсегда оттеснить Китай. Это и составляло главные причины японо-китайской войны 1894—95 гг.» [ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2119, л. 15—15об.]. Ввиду очевидности агрессивных замыслов Японии автор делал вывод о неизбежности русско-японской войны и главное место уделил разработке стратегического плана возможных военных действий. Этим же вопросам была посвящена аналогичная работа поручика Кавалергардского полка А.М. Волконского, в конце 1897 г. переданная в Азиатскую часть [там же, л. 85—100].

В 1898 г. исполняющий обязанности начальника штаба Приамурского военного округа генерал-майор Н.М. Чичагов подготовил подробный доклад о состоянии вооруженных сил Японии. Источниками послужили донесения военного и морского агентов в Японии и в Корее, сведения, собранные командированными в 1896—1897 гг. в Японию офицерами Генерального штаба капитанами В.К. Самойловым и М.А. Соковниным, а также специальные русские и английские издания. В докладе анализировалась происходившая реорганизация японской армии, указывались главные пункты ее дислокации, мобилизационные возможности страны и т.д. [там же, д. 4972].

В начале XX столетия состояние русско-английских отношений продолжало оставаться напряженным. В прогнозах, посвященных предстоящей войне на Дальнем Востоке, Англия называлась как наиболее вероятный союзник Японии. В Военном

министерстве не исключалась возможность такой ситуации, когда России пришлось бы вести войну одновременно на дальневосточном и среднеазиатском театрах. Поэтому в штабе Туркестанского военного округа пристально следили за событиями, происходившими в соседних государствах. С 1898 г. при штабе округа в дополнение к СМА начинают издавать «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом»²⁶. Составлением выпусков занимались хорошо подготовленные офицеры-ориенталисты М.В. Грулев, А.Е. Снесарев и др.

По тем же причинам возрастает интерес и к положению в Индии. В Главном штабе понимали, что от того, какую позицию в англо-русском конфликте займут народы крупнейшей британской колонии в Азии, во многом зависит его исход. За сравнительно короткий промежуток времени Индию посетило несколько русских офицеров. Сообщения некоторых из них были затем опубликованы в специальных «Отчетах о поездке по Индии». Одним из этих офицеров был выпускник Академии Генерального штаба штабс-капитан А.Е. Снесарев, впоследствии известный востоковед. В 1899 г. он вместе с подполковником А.А. Полозовым совершил путешествие в Индию через Памир. Результатом исследовательской деятельности Снесарева стали его труды: «Северо-индийский театр» и «Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе». Для подготовки офицеров-ориенталистов еще в 1897 г. в Ташкенте и Ашхабаде были открыты курсы по изучению языка индустани (хинди и урду), впоследствии преобразованные в Ташкентскую офицерскую школу восточных языков²⁷.

Русско-японская война 1904—1905 гг. выявила неподготовленность к ней России. Это обнаружилось со всей очевидностью в социально-экономической, политической и военной сферах. И еще — в плане информации, несмотря на некоторые усилия в предвоенный период. Даже в СМА Японии уделялось меньше внимания, чем другим странам Восточной Азии.

После войны была создана военно-историческая комиссия во главе с генерал-майором В.И. Румейко-Гурко, которая подготовила к печати документы о ходе военных действий на Ялу, сражениях у Тюренчена, под Ляояном, близ Шахэ, под Мукденом, а также об обороне Порт-Артура. Работа комиссии завершилась изданием девяти томов «Русско-японской войны 1904—1905 гг.» (СПб., 1910—1911).

Последнее изменение в организационной структуре дореволюционного военного востоковедения в России было связано с образованием (согласно приказу по военному ведомству № 424 от

²⁶ «Сведения» выходили с 1898 по 1907 г.; всего было опубликовано 85 выпусков. В дальнейшем их заменили изданием сводок разведывательных данных.

²⁷ См. примеч. 14.

21 июня 1905 г.) нового учреждения в Военном министерстве — Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). В задачи нового органа военного управления входили: разработка общих вопросов по государственной обороне, объединение и направление оперативных и военно-статистических работ окружных штабов, сбор военно-статистических сведений об иностранных государствах, руководство военно-научной деятельностью и пр. Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ подразделялся на части 1-го и 2-го обер-квартирмейстеров. Часть 2-го обер-квартирмейстера занималась наряду с оперативными вопросами азиатских театров военных действий тщательным изучением сил и средств иностранных государств в Азии. В ведение ГУГШ перешли и военные агенты за границей. Азиатская часть (отдел) Главного штаба была сохранена, но ее деятельность ограничивалась прежними функциями административного управления военными округами. Следует, однако, отметить, что военное востоковедение накануне первой мировой войны не отличалось большой интенсивностью. С одной стороны, англо-русское соглашение 1907 г. несколько разрядило обстановку на Среднем Востоке, с другой — внимание Военного министерства все больше сосредоточивалось на европейских проблемах.

* * *

Таковы в основном главные аспекты деятельности важнейших государственных учреждений России — дипломатического и военного — по изучению стран Востока. Знакомство с этой деятельностью в известной мере позволяет судить о своеобразном и очень важном вкладе указанных ведомств в развитие востоковедной науки, о той большой роли, которую они сыграли в истории отечественной ориенталистики²⁸.

²⁸ Проблемами востоковедения занимались и другие правительственные учреждения и ведомства России [Хохлов А.Н. Подготовка российских переводчиков-востоковедов для Восточной и Центральной Азии. — Анналы. Вып. IV. М., 1996 (ИВ. Центр «Архивное востоковедение»)]. В конце XIX — начале XX в. особую активность проявляло Министерство финансов, возглавляемое С.Ю. Витте. Это в значительной мере было связано с усилившимся интересом российского правительства к Дальнему Востоку, где энергично велось строительство КВЖД. Его сооружение на территории Маньчжурии стало возможным благодаря политическому сближению России и Китая после неудачной для Цинской империи японо-китайской войны 1894 — 1895 гг. О важной роли Министерства финансов в развитии отечественного востоковедения свидетельствуют изданные по его инициативе и на его средства обобщающие труды по Китаю и Корее, подготовленные при участии видных востоковедов Д. Позднсева, В. Котвичка, Е. Спальвина, Н. Кюнера и др. [Описание Кореи, 1900; Описание Маньчжурии (см. ниже, с. 295, примеч. 27)].

ИЗУЧЕНИЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

АРАБИСТИКА

Краткую и образную характеристику изменений, происходивших в арабистике в начале рассматриваемого периода, дал И.Ю. Крачковский: «Пятидесятые годы вызвали большие сдвиги в нашей арабистике. Внешние события показывали, что начинается какой-то новый период: в начале 50-х годов умер Френ [1851], до конца дней неустанно трудившийся по всем многообразным мнениям, в конце их [1858] — Сенковский, давно отставший от научной арабистики; в середине был основан Факультет восточных языков в Петербургском университете. Момент его открытия — 12 часов дня 27 августа 1855 г. — судьба отметила грозным совпадением: в этот час началась бомбардировка Севастополя» [Крачковский, 1958, с. 87].

К моменту открытия ФВЯ, определившего развитие русского востоковедения на 60 лет, в России было всего пять ученых, для которых арабистика стала основной специальностью, и ни один из них не мог сравниться ни с Френом, ни с Сенковским. Академик Дорн, сменивший в 1842 г. Френа на посту директора Азиатского музея, был больше иранистом, чем арабистом, а главное, как отмечали хорошо знавшие его современники, не мог быть научным организатором и вдохновителем новых идей и начинаний.

В эти годы важнейшим центром преподавания арабского языка в России была Казань, точнее, Казанский университет с его кафедрой арабского и персидского языков на ИФФ, возглавлявшейся проф. И.Ф. Готвальдом. Выпускники этой кафедры преподавали во всех востоковедных центрах России. Часть студентов поставляла 1-я гимназия, где в 1855 г. в арабско-персидской и арабско-турецко-татарской группах учились 11 человек [МИФВЯ, т. I]¹.

Арабский язык преподавался также в Казанской Духовной академии, но со специфической целью — готовить миссионеров,

¹ Арабский язык преподавался также в Новочеркасской и Таганрогской гимназиях (выпускники последней могли продолжать свои занятия в Ришельевском лицее), но число изучавших его было ничтожным.

способных полемизировать с мусульманскими муллами. Сначала занятия в ней вели университетские преподаватели, а с 1846 г. преподавание перешло к выпускнику академии Н.И. Ильминскому. Благодаря появившейся в это время идее создать в академии целое миссионерское отделение он был послан на два с лишним года в Египет, где успешно совершенствовался в языке и изучал Коран и кораническую литературу под руководством профессора из университета Аль-Азхар. В Казань Ильминский вернулся в начале 1854 г. лучшим в России знатоком мусульманской религиозной литературы.

Вторым по значению центром арабистики был Петербург. На историко-филологическом факультете Петербургского университета имелась единственная специализированная кафедра арабского языка, возглавлявшаяся египтянином проф. М. Тантави. Количество студентов здесь было меньше, чем в Казани, и, что очень характерно, она не обеспечивала преемственность преподавания. В Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД, как правило, преподавали те же университетские профессора. В Петербурге же находилось единственное востоковедное академическое учреждение — Азиатский музей.

В Московском университете кафедра восточных языков была восстановлена только в 1852 г. Арабский язык наряду с другими преподавал санскритолог (арабист по образованию) П.Я. Петров, но эта кафедра, сыгравшая немалую роль в истории отечественного сравнительного языкознания, не оставила следа в истории арабистики. То же можно сказать и о Лазаревском институте, где арабский язык в эти годы был вспомогательным по отношению к языкам Кавказа, являвшимся основными для будущих чиновников и учителей этого края.

Наконец, арабский язык преподавался в Одессе в Ришельевском лицее. Здесь следует назвать имена проф. И.Н. Холмогорова и преподавателя-практика сирийца Ф. Кельзи.

Во всех этих учебных заведениях изучение арабского языка велось в основном в практических целях²: для использования его в дипломатической и переводческой деятельности или для лучшего понимания языков и нравов мусульманских народов России. Даже занятие средневековыми памятниками арабской письменности, надписями и монетами было для русской арабистики актуально, будучи в большинстве случаев связанным с разработкой проблем отечественной истории.

Решение о создании ФВЯ в Петербурге также преследовало чисто практическую цель: улучшить подготовку высококвалифи-

² Особняком стоял Дерптский университет: 1) арабский изучался здесь вместе с другими семитскими языками только для нужд экзегетики; 2) этот университет, немецкий по языку и традициям, не был связан с русской арабистикой.

цированных кадров дипломатов и чиновников для работы в странах Востока и на национальных окраинах страны. Создание этого факультета вызвало значительные изменения в распределении арабистических сил в стране. Царское правительство, верное принципу проводить реформы высшего образования без увеличения ассигнований, формировало факультет за счет кадров и средств других учебных заведений.

В первую очередь пострадал Казанский университет: кафедра арабского и персидского языков была закрыта, проф. И.Ф. Готвальд ушел в библиотекари, адъюнкт М.Т. Навроцкий, преподававший и в гимназии, в том же звании был переведен в Петербург. Все студенты (в основном арабско-персидского и арабско-турецко-татарского разрядов) тоже были переведены на новый факультет, составив более половины студентов этой специальности. Прекратилось преподавание арабского языка и в Ришельевском лицее, но для перевода в Петербург не нашлось ни одного студента. Профессор И.Н. Холмогоров остался без места, а Ф. Кельзи через год устроился лектором арабского языка на факультете.

Первоначально предполагалось, что факультет возьмет на себя и функции Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД, но министерство, выделив в пользу факультета некоторые средства (несколько стипендий), отказалось передать университету Учебное отделение, сославшись на специфику подготовки дипломатических работников (см. [МИФВЯ, т. I]).

Вопрос о прекращении преподавания восточных языков в Лазаревском институте и Московском университете вообще не поднимался, так как институт существовал на частные средства, а кафедру университета не тронули, возможно, потому, что в 1849—1851 гг., когда готовился проект создания «Азиатского института», этой кафедры еще не существовало.

Таким образом, в первые годы после открытия ФВЯ произошло определенное сокращение числа профессоров-арабистов, которое на первых порах не компенсировалось улучшением преподавания в результате концентрации научных сил и студентов. Обучение по-прежнему велось по программе, выработанной О.И. Сенковским в начале 30-х годов, с той только разницей, что теперь она растягивалась с трех на четыре года университетского курса и вместо иностранных хрестоматий на I курсе пользовались хрестоматией А.В. Болдырева; чтение отдельных сур Корана с комментарием ал-Бейдави передвинулось на III курс, а муаллаки и макамы ал-Харири стали изучаться на IV курсе. Занятия по языку проводились два раза (редко — три) в неделю по полтора часа [там же].

Единственным преимуществом оказалось то, что в 1856—1857 гг. студенты могли упражняться в разговорном языке сразу

у трех арабов: мекканца Ахмада ал-Макки, сирийца Ф. Кельзи и египтянина ат-Тантави. Последний, конечно, не мог тягаться с О.И. Сенковским в умении увлечь своим предметом романтически настроенную молодежь, но глубокая традиционная образованность в небывалом тогда сочетании с европейской научной методикой делала его лекции чрезвычайно полезными для хорошо подготовленных слушателей, таких, например, как финские арабисты Г.-А. Валлин и А.-Г.-А. Чельгрэн [Крачковский, 1958, с. 83]. Однако, по мнению В.В. Григорьева, из преподавания ат-Тантави «могли извлечь пользу не такого рода слушатели, каких встретил он у нас. В первые годы объяснял он Харирия, но увидев, должно быть, с кем имеет дело, стал ограничиваться толкованием легких исторических отрывков... История арабов, которую, значит, в „объявлениях“, читал он также, представлялась бы, можно думать, весьма интересною и поучительною даже для первостепенных специалистов по этому предмету, но едва ли была приспособлена к степени образования и потребностям его аудитории» [Григорьев, 1870 (1), с. 253]. Трудность восприятия его лекций могла усугубляться и из-за его плохого русского языка, что видно по его переводам арабских пословиц (см. [Крачковский, 1958, с. 293]).

В 1858/59 г. ситуация изменилась: Ахмад ал-Макки ушел в отставку, а здоровье ат-Тантави настолько ухудшилось, что он не мог ходить в университет, и студенты III и IV курсов занимались у него на дому. Вся тяжесть преподавания легла на плечи М.Т. Навроцкого, человека трудолюбивого и добросовестного, но ученого «не по призванию, а по должности» [там же, с. 93]. Он тоже не мог увлечь студентов своими лекциями по литературе и истории арабов, скомпилированными по западноевропейским исследованиям. Возможно, именно из-за этого его учитель Казем-Бек осенью 1858 г. хотел взять на себя чтение курсов ат-Тантави, но встретил противодействие факультета, на которое ответил просьбой об отставке с поста декана³.

В 1861 г., когда ат-Тантави ушел в отставку, факультет решительно высказался за предоставление освободившегося места экстраординарного профессора (в данном случае — заведующего кафедрой арабского языка) Навроцкому.

Возглавив кафедру, он не проявил никаких попыток изменить программу или как-то ее усовершенствовать. Единственным достижением Навроцкого была публикация «Опыта грамматики арабского языка» (литографическое издание — 1860 г., типограф-

³ Григорьев писал, что «за болезнью Тантави часть его лекций по арабской словесности, истории арабов до Магомета передана была ординарному профессору Казем-беку, который нес эту обязанность в течение 1857—1859 годов» [Григорьев, 1870 (1), с. 254]. Но если бы это было так, то отсутствовал бы повод для столь острого конфликта [Бартольд IX, 118—119].

ское — 1867 г.), которая заменила чересчур краткую грамматику Болдырева. Автор был весьма высокого мнения о достоинствах своей работы, полагая, что «предпринял в ней посильную разработку самого содержания науки» [Навроцкий, 1867, с. V], но от грамматик, которые были положены в основу, она отличается лишь большей подробностью объяснений правил и примеров, свидетельствуя о своем рождении из конспектов занятий. По сравнению с грамматикой С. де Саси и современной Навроцкому грамматикой норвежца К. Каспари (1814—1892)⁴ она ближе по типу к учебнику. Язык ее нечеток, объяснения расплывчаты, а грамматическая терминология несовершенна даже для своего времени. Однако именно подробность изложения и в немалой степени доступность «Опыта грамматики» в библиотеках обеспечили ей очень долгую жизнь.

Примечательно, что одновременно с появлением литографического издания этой грамматики Готвальд опубликовал в Казани первый большой самостоятельный арабско-русский словарь, основанный на проработке лексики Корана и поэтических произведений, изучавшихся обычно по университетской программе. Задуманный как пособие для чтения учебных текстов, он приобрел самостоятельное значение и проложил путь прославленному словарю В.Ф. Гиргаса.

В то же время (1861) Казанскому университету удалось добиться восстановления преподавания арабского и персидского языков. Из двух кандидатов на профессорскую кафедру — Готвальда и И.Н. Холмогорова — с перевесом в один голос был избран второй. Однако в 1868 г. он не прошел при баллотировке по выслуге лет, и преподавание арабского языка вновь прекратилось на долгий срок. Непрерывное преподавание арабского языка в Казани продолжалось только на миссионерском отделении Духовной академии⁵.

Несмотря на административные реформы, отсутствие на большинстве кафедр преемственности в преподавании языка, нехватку собственных учебных пособий, которая постепенно ликвидировалась, и недостаточную общую подготовку большинства студентов, университетская арабистика середины XIX в., можно сказать, справлялась с основной задачей, ставившейся перед ней, — готовить переводчиков и администраторов с практическим знанием языка. Для этого имелись неплохие собственные преподавательские кадры, а также преподаватели-арабы, учившие студентов живой арабской речи. Примером может служить Д.Н. Богуславский, прослушавший факультетский курс вольно-

⁴ Dr. C.P. Caspari's Arabische Grammatik. [4-е изд.]. Halle, 1876; [5-е изд.], 1887.

⁵ В 1849—1858 гг. — Н.И. Ильминский, в 1858—1862 гг. — Г.С. Саблуков, в 1862—1870 гг. — Е.А. Малов.

слушателем и получивший достаточные знания арабского языка для того, чтобы, будучи приставом Шамиля в Калуге, объясняться с ним и его окружением, а затем стать в Стамбуле главой драгоманов российского посольства. Отметим, что ему хватило знаний и для перевода Корана на русский язык⁶.

Об уровне практического знания арабского языка у слушателей университета свидетельствуют успешная их адаптация во время командировок в арабские страны и плодотворное использование ими времени пребывания в них. Этот уровень был, по крайней мере, не ниже, чем в западноевропейских университетах, перед которыми, кстати, и не ставилась задача подготовки переводчиков.

Хуже обстояло дело с общетеоретической подготовкой к исследовательской работе. В условиях крайне ограниченного числа профессорских и преподавательских мест, когда целая специальность, а порой и две бывали представлены одним человеком на всю страну, состояние науки чрезвычайно зависело от отдельной личности, которая в зависимости от таланта могла составить эпоху в развитии науки или, наоборот, надолго задержать его. Кроме того, число учеников может быть столь минимальным, что вероятность появления талантливого преемника еще при научной жизни учителя становится ничтожной. При этом, естественно, прерывается традиция, исследования теряют целенаправленность, становятся случайными.

Так случилось с отечественной арабистикой в середине XIX в., когда в течение почти двух десятилетий ни в академическом центре востоковедения — Азиатском музее, ни на единственной кафедре, сохранявшей непрерывное преподавание арабского языка, не оказалось людей, способных сказать новое слово в науке.

Нельзя утверждать, что движения не было совсем. Шло накопление и освоение рукописного фонда. Так, Б.А. Дорн издал каталог восточных рукописей Публичной библиотеки; И.Ф. Готвальд выпустил описание арабских рукописей Казанского университета, переданных на следующий год ФВЯ; затем вышло в свет описание собрания восточных рукописей, поступивших в Публичную библиотеку в дар от Н.В. Ханькова [Dorn, 1852; Готвальд, 1854—1855; Dorn, 1865 и 1868]. Но из нескольких десятков интереснейших арабских сочинений, которые уже имелись в собраниях Петербурга, ни одно не было издано, если не считать опубликованной в Петербурге в 1866 г. «Космографии» ад-Димашки, подготовленной датским арабистом М. Мереном, ис-

⁶ Правда, это единственный пример успешной службы выпускников, который приводится в материалах факультета [МИФВЯ, т. I, с. 483—484].

пользовавшим наряду с парижской, лейденской и копенгагенской рукописями также петербургскую рукопись, публикацию которой, по несчастному случаю, не удалось завершить Х.Д. Френу.

В то же время западноевропейская арабистика переживала период бурной издательской деятельности: за 40—60-е годы были изданы или начали издаваться такие важнейшие исторические сочинения, как «История» Ибн ал-Асира, сочинения Ибн Тагри-берди, Ибн Халдуна, Ибн Кутейбы, ал-Балазури, ал-Утби, «Жизние пророка» Ибн Хишама, незаменимые справочники Хаджи Халифы и Ибн Халликана, описания путешествий Ибн Баттуты и Ибн Джубайра, словари ал-Бакри и Якута, «География» Абу-л-Фиды, диваны нескольких поэтов; вышло много и менее значительных произведений. При этом использовались в качестве параллелей и петербургские рукописи. В процессе этой деятельности накапливался опыт и оттачивалась техника подготовки и издания выверенных критических текстов.

Как мы могли убедиться на примере издания учебных пособий, словарей, персидских и тюркских текстов, в России имелись необходимая типографская база (не только в Петербурге, но и в Казани) и достаточный опыт издания текстов в арабской графике. Значит, все дело, действительно, заключалось в отсутствии людей, которые могли бы взяться за сложное дело — публикацию рукописных текстов.

Говоря об арабистических исследованиях этого периода, не следует забывать, что значительная часть их приходилась на долю ученых, которых формально нельзя назвать арабистами. «Если сопоставить имена всех крупных востоковедов, близких к арабистике, хотя и работавших официально на других кафедрах в составе молодого факультета за первое десятилетие его жизни, картина получится очень внушительная — Казем-Бек, Березин, Мухлинский, Хвольсон, Григорьев... Неудивительно, что наряду с этими учеными официальные представители арабистики отходили на второй план и до середины 70-х годов не играли еще крупной роли на молодом факультете» [Крачковский, 1958, с. 93]. И дело не только в общем сопоставлении заслуг упомянутых лиц с Навроцким или Холмогоровым, а в том, что на их долю приходились довольно значительные арабистические работы⁷.

Достаточно вспомнить, что И.Н. Березину принадлежит один из первых арабских «разговорников», в котором впервые была предпринята попытка сопоставить четыре диалекта — Северной и Южной Месопотамии, Сирии и Египта [Berézin, 1857]. Сейчас ему можно предъявить упрек в том, что вместо записи диалекта

⁷ Впрочем, можно найти и противоположные примеры: арабист Холмогоров защитил магистерскую диссертацию по персидской словесности, а Ильминский стал крупнейшим тюркологом.

дается набор одинаковых фраз и при отсутствии транскрипции показывается не столько диалектное произношение, сколько различие словоупотребления в заданном объеме лексики. Но при всем том автор отразил многие реальные различия диалектов, а его тексты на говоре Басры являются старейшими записями этого диалекта и потому достойны привлечения их современными диалектологами для изучения развития его за полтора века.

Здесь уместно напомнить, что отдельные сведения арабистического характера встречаются также в разных записках невостоковедов о путешествиях по Ближнему Востоку (см. [ИОВ 1, с. 234, 237]).

Гebraист Д.А. Хвольсон тщательно изучил агрономическое сочинение IX в. «ал-Филаха ан-набатийа», заказав для этого копию лейденской рукописи (см. [ПФ АРАН, Рукопись D 375]). Ему же принадлежит заслуга первого издания отрывков географии Ибн Русте, посвященных народам Восточной Европы [Хвольсон, 1869]. В эти же годы появилась диссертация, а затем и книга гебраиста А.Я. Гаркави, посвященная сходной теме [Гаркави, 1870].

Особую сферу применения арабистических познаний составляла эпиграфика, относившаяся к истории тех мест, откуда происходили надписи. Здесь особое место принадлежит Н.В. Ханькову (такому же вольнослушателю арабской кафедры, как Д.Н. Богуславский), который в годы службы на Кавказе собрал и опубликовал 85 арабских и персидских надписей Дагестана и Закавказья [Khanikoff, 1862]. За год до появления этого издания надписи Дагестана копировал Б. Дорн, который в отличие от Ханькова не смог их издать, а во многих вообще не разобрался [Дорн, 1895] (ср. [Лавров, 1966, с. 34—35]).

Арабские надписи на различных археологических предметах читал П.С. Савельев, который оказался достойным преемником Х.Д. Френа и в области мусульманской эпиграфики, но, поскольку основной сферой его занятий были золотоордынские и монгольские монеты, мы не будем останавливаться на этой стороне его деятельности.

Как мы видим, научные интересы наших арабистов не выходили за пределы освоения источников на арабском языке для нужд отечественной истории⁸. История арабов и арабомусульманского мира еще представлялась чем-то вроде обширного комментария к древнеарабской поэзии, что вполне объяснимо, если вспомнить, что в университете ее читали преподаватели арабской

⁸ Исключение составляет книга русского дипломата К.М. Базили о новейшей истории Сирии и Палестины, написанная в 1846—1847 гг., но изданная только после Крымской войны [Базили, 1861—1862]. Освещающая события, близкие времени автора, она не требовала того исторического анализа, который необходим для исследования далекого периода.

словесности⁹. Первое, вполне естественно, объясняется географическим положением и историей России, а второе — в значительной степени слабостью всей мировой арабистики, когда простой пересказ средневековых историков с некоторыми собственными сентенциями представлялся пределом учености. Хотя опять-таки естественно, что при тогдашнем состоянии освоения источников такие справочно-перечислительные исторические труды были необходимы. Источниковедческая критика еще делала первые шаги, и осмысление внутренних процессов исторического развития в духе позитивизма было еще недоступно востоковедению.

Положение стало меняться в 1860-е годы, когда одновременно с появлением последних томов дельной, но традиционно справочно-пересказывающей «Истории халифов» Г. Вайля одна за другой стали выходить (явно под впечатлением исследований Э. Ренана) четырехтомная история Мухаммада В. Мьюра (1858), трехтомная — А. Шпренгера (1861—1865), популярная — Т. Нёльдеке (1868) (об этих работах см. [Бартольд VI, 273—280]). В 1861 г. появляется написанная Р. Дози под влиянием идей новейшей французской школы историков прекрасная история мусульман в Испании¹⁰. Наконец, в 1873 г. историки мусульманской культуры получают принципиально новые по постановке задачи очерки по истории культуры ислама А. Кремера¹¹, которые, собственно, и вводят в наше употребление понятие «история культуры».

Для русской культуры 60-е годы были также переломными; идеологические сдвиги в области историографии происходили в условиях резких социальных перемен и острой идеологической борьбы, которая непосредственно не коснулась арабистики, но подготовила почву для восприятия новых идей и концепций. Не создав в эти годы крупных исследований, русская арабистика сделала кое-что для ознакомления читающей публики с достижениями западноевропейских арабистов. Так, Холмогоров через три года после издания в Готе рукописи «Китаб ал-Фахри» перевел ее на русский язык, дав первый и в течение нескольких десятилетий единственный в нашей арабистике полный перевод цельно-

⁹ Характерно, что и после образования в 1863 г. отдельной кафедры истории Востока по разным причинам не удалось организовать преподавание «истории семитских народов». «Общий курс» истории представлял собой весьма общий обзор географии Азии, сопровождаемый рассказами о путешествиях европейцев. Даже в 1886 г., когда министерство резонно предлагало заменить курс Н.И. Веселовского (который «ближе подходит к сведениям из исторической географии») другим, «более историчным» курсом, факультет признал это предложение невыполнимым [МИФВЯ, т. II, с. 419] (ср. [Бартольд IX, 142—146, 199—201]).

¹⁰ Dozy R. Histoire d'Espagne jusqu'à conquête de l'Andalusie par les Almoravides (710—1110). Vol. I—IV. Leide, 1861.

¹¹ Kremer A. von. Kulturgeschichtliche Streifzüge im Gebiete des Islams. Lpz., 1873.

го исторического сочинения [Холмогоров, 1863]. Далекий от арабистики Т.Н. Грановский одним из первых в Европе откликнулся на открытие Р. Дози арабских текстов с упоминанием Сида, а харьковский профессор В.К. Надлер по горячим следам исследования Р. Дози и работы А.-Э. Шака¹² дал легко читающуюся компиляцию [Надлер, 1869].

К сожалению, обзоры истории арабской литературы, принадлежавшие русским арабистам, не могли соперничать с иностранными компиляциями по богатству материала, шедшего от оригиналов [Холмогоров, 1861]. Перемены в русской арабистике стали заметны в 70-х годах.

Но возвратимся в сферу преподавания, в которой были заняты основные силы отечественных арабистов и которая в значительной степени определяла уровень и направление деятельности будущих ученых. Здесь вряд ли можно найти четкую границу между старым и новым, но если попытаться выделить ее для нашего удобства по какому-то формальному признаку, то ее можно провести по 1871 г., когда, с одной стороны, в преобразованном Лазаревском институте открылись Специальные классы, поставившие преподавание арабского языка в Москве на университетский уровень, а с другой — произошло никем не замеченное событие: в ревельской газете вышла скромная статья «Об одной арабской рукописи в Ревельской газете» («Ein arabisches Manuscript in Revalsche Zeitung»), написанная кандидатом восточного факультета В. Розеном. Можно сказать, что оба этих несоизмеримых для современников события случайно произошли в течение одного месяца, но подготовлены они были всем ходом развития отечественного востоковедения.

Начало перемен на кафедре арабского языка принес В.Ф. Гиргас, первый арабист из русских, которого мы можем считать основателем новой школы нашей арабистики. Он окончил факультет в первом выпуске (1858). Отказавшись оставаться при кафедре для подготовки диссертации, он уехал в Париж, где, работая гувернером, учился у лучших арабистов того времени — Коссэна де Персеваля и Рено (последний лестно отзывался о своем ученике из России). Вернувшись осенью 1860 г., Гиргас сразу сдал магистерские экзамены и предложил диссертационную тему «Завоевание Египта Селимом I», которая выглядела неожиданно при общей филологической направленности его интересов, но, видимо, была продиктована обостренным интересом к истории Турции в связи с Крымской войной. Факультет постановил командировать Гиргаса после защиты диссертации на Ближний

¹² Schack A.E. von. Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien. Bd I—II. B., 1865.

Восток, но он сумел получить разрешение на командировку до защиты¹³.

В программе командировки, составленной Навроцким, предусматривалось изучение диалектов чуть ли не всего арабского Востока, что, конечно, было невыполнимо. Гиргасу вполне хватило Сирии, Палестины и Египта, где за два с половиной года он не только освоил разговорный язык, но и познакомился с первыми ростками арабского литературного возрождения: за три года до его приезда вышла первая бейрутская газета, происходили горячие дебаты между консерваторами арабского языка типа Насифа Йазиджи и новаторами вроде Бутруса Бустани (новаторы чаще всего были христианами, и в невинные, казалось бы, лингвистические споры вторгались страсти конфессиональной вражды, особенно обострившиеся после христианской резни 1860 г.) [Крымский, 1971, с. 343—346].

Гиргас плодотворно использовал два с половиной года пребывания на Востоке, занимаясь, впрочем, не столько сбором материала по указанной теме, сколько лингвистическими вопросами. В частности, как сказано в его отчете, он собрал 6 тыс. слов, не встречавшихся в словарях, записал ливанские пословицы и т.д. Тема диссертации, которую защитил Гиргас в начале 1865 г., оказалась совершенно неожиданной: «Права христиан на Востоке по мусульманским законам», но не такой уж случайной, если учесть все, что ему удалось наблюдать во время своей командировки.

Диссертация основывалась на обширном материале мусульманских юридических источников, но содержала серьезные ошибки, вроде утверждения, что «иджма и кийас — сборник решений халифов, сподвижников Мухаммада и муджтахидов» [Крачковский, 1928, с. 78]. Отзывы оппонентов были благоприятны, но сдержанны, что понятно, поскольку эта тема, продиктованная веянием времени, не была органичной для научных интересов Гиргаса. После защиты факультет предложил ему место приват-доцента, но после двух пробных лекций (первая — «Система арабских филологов в отношении арабской грамматики») он был единодушно зачислен на должность доцента и начал преподавать арабский язык на первых двух курсах.

На второй год преподавательской деятельности Гиргаса на факультет поступил 17-летний выпускник ревельской гимназии В. Розен, который за несколько лет догнал своего учителя. Напи-

¹³ Гиргас был командирован, как тогда выражались, «по высочайшему приказу» [Бартольд IX, 130]. В документах нет намека на причины такого покровительства. Автор специальной работы о нем [Крачковский, 1928] вообще не останавливается на этом факте, хотя и мог что-то знать из рассказов В.Р. Розена. Не исключено, что известную роль сыграло то обстоятельство, что Гиргас учился на стипендию «имени государя императора».

сав кандидатское сочинение на тему о «Шах-наме», он уже весной 1872 г., после года стажировки в Лейпциге у крупнейшего филолога-арабиста Г. Флейшера, где занимался вместе с будущим светилом исламоведения И. Гольдциером, защитил магистерскую диссертацию «Древнеарабская поэзия и ее критика», получил должность доцента и с осени начал преподавать на младших курсах.

Не отрицая выдающегося таланта В.Р. Розена, мы должны все же заметить, что поступи он несколькими годами раньше и занимайся только у Навроцкого, вряд ли ему удалось бы так успешно воспользоваться стажировкой у Флейшера и написать диссертацию буквально за полтора года. Впервые на кафедре арабской словесности оказались два талантливых и отвечающих высшему уровню арабистики ученых¹⁴. Это сразу оживило ее.

Особенно урожайным оказался 1873 г. Во-первых, Гиргас опубликовал и защитил докторскую диссертацию «Очерк грамматической системы арабов», в которой был систематизирован и проанализирован материал основных арабских грамматических сочинений, в ту пору еще не опубликованных¹⁵. Далее вместе с Розеном он подготовил для первокурсников новую хрестоматию, которая заменила ставшую редкостью хрестоматию Болдырева. Наконец, в том же году вышло литографированное издание пособия по истории арабской литературы [Гиргас, 1873], надолго оставшееся единственным учебным пособием для арабистов. Правда, речь в нем шла не о литературе в нашем понимании, а обо всех письменных сочинениях арабов — от поэзии до юридических материалов. Но нужно учитывать, что «Арабские историки» Ф. Вюстенфельда вышли только через десять лет, а «История арабской литературы» К. Брокельмана — через четверть века¹⁶. Учебник же Гиргаса в доступной форме знакомил студентов со всеми важнейшими сочинениями, многие из которых еще не были изданы и были известны лишь узкому кругу специалистов.

В 1876 г. вышла хрестоматия, обеспечивавшая студентов всех четырех курсов необходимыми текстами, с исчерпывающей полнотой дающая представление о важнейших жанрах арабской ли-

¹⁴ В том же, 1872 г. по чистой случайности была упразднена доцентура по кафедре турецко-татарской словесности, которую заменили мусульманским законоведением и передали кафедре арабской словесности. Впрочем, бывший лектор Османов преподавал в совершенно традиционном духе: основным пособием служил «Мухтасар» ал-Кудури. С 1878 г. этот курс стал вести Гиргас.

¹⁵ Достаточно сказать, что основополагающий труд Сибавейхи начали печатать спустя восемь лет.

¹⁶ *Wustenfeld F. Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke. Göttingen, 1882; Geschichte der Arabischen Literatur von Carl Brockelmann. 1 Bd. Weimar, 1898.*

тературы¹⁷. Многие тексты издавались впервые, например отрывки из ат-Табари, ад-Динавари. Высшей мерой международного признания достоинств этой хрестоматии можно считать использование ее в Голландии — традиционном центре арабистики и арабского книгопечатания. Эта хрестоматия была последней из аналогичных публикаций XIX в., сочетавших учебные цели с первоизданием текстов.

Студенты получили одно из лучших в мире пособий для чтения, но без словаря оно теряло значительную часть своей ценности. Словарь Готвальда был для хрестоматии мал, а наиболее доступный арабско-французский словарь Биберштейн-Казимирского был и редок, и не по карману рядовому студенту. Поэтому Гиргас в одиночку составил объемистый «Словарь к Арабской хрестоматии и Корану», который был издан в типографии Казанского университета под наблюдением Готвальда в 1881 г. Этот словарь и сто лет спустя не бесполезен для арабистов, занимающихся классическими текстами. Своеобразие некоторых оборотов русской части словаря, возможно, и тогда вызывало улыбки, но по тщательности передачи грамматических форм, четкости разграничения общих и конкретных значений слов, всегда сопровождаемых примерами, он был таким же образцовым, как и хрестоматия.

Хрестоматия Гиргаса и Розена определила программу изучения арабского языка на кафедре арабской словесности почти на столетие. Вкратце она строилась таким образом [МИФВЯ, т. II, с. 112—113]:

I курс — грамматика (морфология), чтение афоризмов и рассказов из начальной хрестоматии;

II курс — грамматика (синтаксис), окончание чтения начальной хрестоматии, занятия с лектором, во втором полугодии чтение легких исторических текстов. Практические занятия с лектором;

III курс — чтение исторических и грамматических текстов. Практические занятия с лектором. Коран;

IV курс — исторические тексты и поэзия.

Сопоставляя эту программу с современными, мы не должны забывать, что со второго курса параллельно изучались персидский и турецкий (османский) языки, следовательно, общая нагрузка за четыре года обучения была, пожалуй, больше, чем в наше время.

На выпускном экзамене по арабской словесности кроме основного знания грамматики требовалось «умение переводить без особого затруднения» исторические тексты, доказать, что чи-

¹⁷ Прозаическая часть составлена Гиргасом, поэтическая — Розеном.

тал не менее трех джузов Корана (1/10 текста), не менее 20 страниц грамматического текста, одну макаму ал-Харири, одну муаллаку или иную касыду, юридические тексты. При чтении разрешалось пользоваться словарем.

Учитывая, что примерно такие же знания требовались по персидскому и турецкому языкам, можно представить, что очень немногие студенты могли получить за четыре года основательное знание всех языков. Присутствовавший на выпускном экзамене в мае 1893 г. В.В. Вельяминов-Зернов отметил, что большинство студентов плохо разбиралось даже в читанных прежде текстах, но лучше обстояло дело с подготовкой по арабскому языку. Письменные работы состояли из переводов легких текстов без комментариев или с таковыми, взятыми из общей литературы, преимущественно из энциклопедического словаря. Почтенный экзаменатор справедливо отметил, что невозможно в равной мере изучить все три языка и поэтому следует один избрать в качестве главного, а два других изучать в меньшем объеме. На факультете считалось, что ввиду неопределенности будущей работы студента нельзя требовать от него выбора языка по поступлении [там же, с. 201—204, 213].

Совместная работа Розена и Гиргаса продолжалась сравнительно недолго — 14 лет: страдавший туберкулезом Гиргас вынужден был в 1886 г. выйти в отставку до законной 25-летней выслуги и умер в начале следующего года. В течение четырех лет Розен оставался единственным преподавателем (кроме лектора), пока на кафедру не был зачислен приват-доцентом Н.А. Медников (1890). Последний оставался в этой должности до защиты магистерской диссертации в 1901 г., когда он сразу стал экстраординарным профессором, а после получения Розеном звания почетного профессора — ординарным профессором (1903). В 1898 г. кафедра пополнилась приват-доцентом А.Э. Шмидтом — единственным у нас в то время профессиональным исламоведом, учившимся у И. Гольдциера. В 1905 г. при кафедре был оставлен для подготовки к профессорскому званию И.Ю. Крачковский, с именем которого связываются следующие полвека нашей арабистики.

На рубеже веков завершается формирование набора учебных пособий, необходимых для студентов, изучавших арабский язык: выходит литографированная краткая грамматика, записанная слушателями, в частности, по лекциям Медникова [Арабская грамматика, 1897], ее дополняет справочник парадигм арабских глагольных форм [Медников, 1904]. Кроме того, как отмечалось выше, в 1900 г. была напечатана третьим изданием арабская хрестоматия для I курса. Ее помнят все петербургские и ленинградские студенты, которым когда-либо в течение следующего полу-

века приходилось приниматься за изучение арабского языка. Такое долголетие вполне оправдано благодаря продуманному подбору текстов, прекрасному типографскому исполнению и даже качеству бумаги, выдержавшей столь долгое использование.

Раздел о преподавательской деятельности кафедры арабской словесности восточного факультета нельзя не завершить характеристикой В.Р. Розена как воспитателя научных кадров. Дело даже не в том, что он искренне заботился о подготовке молодых арабистов, в меру сил беспокоился об их последующем устройстве и в течение десяти лет (1893—1902) нес обязанности декана, определяя в значительной степени жизнь факультета, — он являлся истинным вдохновителем всех ближневосточных исследований. Достаточно сказать, что кавказовед Н.Я. Марр, историк Средней Азии В.В. Бартольд, иранист В.А. Жуковский в значительной мере были его учениками. Его ведущая роль определялась, конечно, прежде всего знаниями, тем, что он «знал всю Переднюю Азию... включавшую не только Туркестан, Крым, Кавказ, Поволжье, но и Египет и весь средиземноморский мир с островами и мавританской Андалузией на Иберийском полуострове до Пиренейских гор» [Марр, 1933, с. 23]. Кроме того, он всегда был готов щедро поделиться своими находками, научными идеями, рукописями и т.п. со своими коллегами и учениками¹⁸, не опасаясь при этом, что те перегонят его или отнимут частицу славы. Эта слава создавалась тонким, редко встречающимся у востоковедов историческим чутьем, широким кругозором, чему старались следовать лучшие его ученики.

Большую роль в этом играли неофициальные контакты, а также длительные беседы на научные и общие темы, возникавшие по окончании занятий на дому с учениками, готовившимися к научной деятельности. Он не ограничивался подбором тем и даже передачей материалов, а умел в случае нужды оказать в деликатнейшей форме материальную помощь (см. [Марр, 1908, Прил., с. 9; Шмидт, 1947, с. 15—16]).

Энергия Розена не ограничивалась рамками факультета и столичных учреждений — он был сторонником всемерного развития науки, в том числе востоковедения, в провинциальных центрах [Розен, 1891, с. 164—165] и по мере возможностей способствовал этому. Труды Розена ФВЯ к началу XX в. превратился в центр общеевропейского значения.

¹⁸ Так, он уступил В.А. Жуковскому исследование бабидского движения; П.М. Мелиоранский по его материалам занялся изучением средневековых арабских грамматик турецкого языка; переписанную для себя в Лейдене рукопись о приметах и гаданиях отдал К.А. Иностранцеву, и она легла в основу его диссертации.

Внезапная преждевременная кончина Розена (январь 1908 г.) была тяжело воспринята его учениками. «Трудно было себе представить, как можно дальше жить без Виктора Романовича», — вспоминал через 30 лет И.Ю. Крачковский; по его свидетельству, А.Э. Шмидт на несколько лет впал в депрессию, а В.А. Жуковский был безутешен до конца своих дней [Крачковский, 1955, с. 27].

После 1908 г. в петербургской арабистике добрый десяток лет не было человека, который мог бы ее возглавить. Широкообразованный Шмидт не обладал ни достаточной энергией, ни честолюбием, молодой И.Ю. Крачковский только начинал свою научную деятельность: у него еще не было магистерской степени. Старейшим и наиболее авторитетным на кафедре был Н.А.Медников — прекрасный источниковед.

Определенный сдвиг происходит лишь в предреволюционные годы, когда на первое место начинает выдвигаться Крачковский, полный энергии и новых исследовательских идей. Большую роль в его формировании как ученого сыграла двухлетняя командировка на Ближний Восток, состоявшаяся после двух лет его индивидуальных занятий с Розеном в связи с подготовкой к профессорскому званию. Розен, не бывавший на зарубежном Востоке, считал посещение арабских стран совершенно необязательным для ученого, занимающегося средневековым языком и литературой, но «в последнее время он поколебался в этом убеждении и не только стал сознавать пользу поездки на мусульманский Восток, но и сам составлял для себя планы посещения некоторых стран его» [Веселовский, 1908, с. 22]. Можно думать, что немалую роль в этом сыграли результаты поездки А.Е. Крымского. Командировка Крачковского была продумана заранее: наряду с освоением языка он должен был вместо стихийного самообразования прослушать несколько курсов в Бейрутском университете Св. Иосифа. Влияние Крымского явно ощущается в выборе г. Шувейра для летнего пребывания и начального знакомства с диалектом¹⁹. Любопытно, что для усвоения его Крачковскому, получившему строго академическое университетское образование, понадобилось примерно столько же времени, сколько и выпускнику института с практическим направлением.

Каникулярное время Крачковский использовал для поездок по Сирии и Палестине и посещения библиотек за пределами Бейрута, из которых наиболее полезными оказались библиотеки Александрии и Каира. Знакомство с крупнейшими деятелями арабской культуры открыло ему совершенно новый мир современной арабской литературы, который на равных правах занял место в его

¹⁹ Об этом может свидетельствовать письмо к нему Крачковского от 25 декабря 1905 г. с просьбой разрешить обратиться за некоторыми советами относительно живого языка (см. [Смилянская, 1975, с. 321, примеч. 67]).

сердце наряду с первой любовью к классической арабской поэзии (подробно о его пребывании на Ближнем Востоке см. [Крачковская, 1954]).

Хотя он продолжал работать над магистерской диссертацией, посвященной творчеству средневекового арабского поэта [Крачковский, 1914], его вступительная лекция в ноябре 1910 г. была посвящена необычной теме — «Исторический роман в современной арабской литературе». Современная арабская литература и арабские диалекты были для Петербурга новинкой, внесенной доцентом Крачковским (в Москве это ввел еще в начале века Крымский) в программу преподавания кафедры арабской словесности.

Поскольку степень магистра, полученная Крачковским в 1915 г., не давала права на профессорское место, кафедра оставалась незаемщенной вплоть до советского времени.

Другой арабистический центр России сложился в последней четверти XIX в. в Москве вокруг Специальных классов Лазаревского института, открытых осенью 1871 г. (о них подробнее см. гл. 1 наст. изд.). В отличие от ФВЯ в них изучались только языки Ближнего Востока и обучение длилось всего три года. Но арабский, персидский и турецкий языки преподавались на равных началах по четыре часа в неделю, и столько же времени отводилось на практические занятия. Так что руководство Лазаревского института не без основания утверждало, что общее число часов по основным языкам за три года не уступает числу часов на восточном факультете²⁰.

Первым профессором кафедры арабской словесности был, как уже говорилось в гл. 1, Г.А. Муркос, сириец-христианин, получивший духовное образование в греческой семинарии на о-ве Халки (близ Стамбула) и высшее светское на ФВЯ. С 1873 г. лектором арабского языка стал М.О. Аттая, приглашенный по рекомендации Муркоса. Русского языка он не знал, в первые годы заменяя его французским. Но уже в 1882 г. Аттая выпустил отпечатанное в Казани «Практическое руководство к изучению арабского языка», вполне отвечавшее начальным практическим потребностям. Для серьезного же чтения использовалась хрестоматия Гиргаса и Розена. В 1900 г. «Практическое руководство» Аттая было переиздано.

²⁰ «Число лекций и занятий восточными языками в общей сложности не только не меньше числа четырехлетних лекций Восточного факультета С.-Петербургского университета, но даже превышает последнее» [30-летие Спец. классов, с. 7]. Это утверждение справедливо при учете всех пяти языков, кроме того, лекции на восточном факультете длились не час, а полтора, поэтому можно говорить лишь о примерном равенстве часов.

Работа в институте двух преподавателей-арабов, несомненно, способствовала лучшему практическому усвоению языка — цели этого учебного заведения. Отметим, что из числа выпускников специальных классов за 30 лет (1872—1902) только 7 избрали ученую деятельность, а 30 стали дипломатами, переводчиками и чиновниками МИД, многие служили в народном образовании, были чиновниками других государственных ведомств [30-летие Спец. классов, с. 91—108]. Интересно проследить тематику сочинений выпускников, претендовавших на чин X класса: из 85 работ 39 было по арабистике, 23 — по тюркологии, включая Среднюю Азию и Поволжье, 17 — по иранистике и 6 — по кавказоведению. Особенно заметно преобладание арабской тематики — с выпуска 1899 г., когда закончился первый год преподавания Крымского. А в его первом выпуске (1901) все 10 сочинений были на арабистические темы.

В московской арабистике начала XX в. Крымский сыграл примерно такую же роль, как за четверть века до него Розен — в петербургской. Как говорилось в гл. 1, Крымский был выпускником Специальных классов Лазаревского института (1892) и славяно-русского отделения историко-филологического факультета Московского университета (1896). По окончании университета он на два года (1896—1898) был командирован в Сирию и Ливан. Весной 1898 г. Крымский сдал магистерские экзамены на восточном факультете и защитил диссертацию, в которой обработал накопленный за два года своей командировки материал по арабскому фольклору. Собранный материал он использовал и в лекциях, которые читал в Лазаревском институте и которые пользовались у студентов большим успехом. Они были посвящены арабскому языку и литературе, фольклору и истории религии, а также персидской литературе. Эти лекции стали основой большого количества литографированных учебников, которые затем дополнялись и редактировались автором и издавались типографским способом²¹.

Конечно, эти пособия несли на себе отпечаток устного изложения, не всегда аргументированного ссылками на источники, с недостаточно четкими или, наоборот, чересчур прямолинейными формулировками, но это были единственные пособия в России, благодаря которым впервые сравнительно широкий круг читателей смог ознакомиться в простом и ясном изложении с материалом, который прежде был доступен от силы двум десяткам студентов. Можно согласиться с Крачковским, что «благодаря А.Е. Крымскому в области пропаганды и популяризации востоковедения московская школа заполнила пробел, который в значи-

²¹ См. работы Крымского за 1900—1903 гг. в Библиографии наст. изд.

тельной мере чувствовался в деятельности петербуржцев» (цит. по [Смилянская, 1975, с. 324]).

Характерной чертой Крымского была большая научная щедрость: он широко предоставлял своим ученикам собственные материалы²², выступая лишь в роли соавтора или — чаще — редактора. Он привлекал студентов к переводам серьезных исследований, прививал вкус к широкому и разностороннему исследованию любых явлений истории и литературы. Среди его учеников мы находим таких востоковедов, как тюрколог В.А. Гордлевский, написавший несколько работ по тематике своего учителя; иранист В.Ф. Минорский, начавший с очерков истории западноевропейской арабистики и всю жизнь в равной мере пользовавшийся персидскими и арабскими источниками; иранист А.А. Семенов, сочетавший административную службу с научными занятиями.

Крымский занимается переработкой прежних предварительных изданий курсов лекций²³. С 1912 г. он возглавляет кафедру истории мусульманского Востока, а после смерти Ф.Е. Корша (1915) берет на себя часть курса по персидской литературе.

Отметим также, что Крымский был хорошим журналистом и литератором. С 1890 г. в различных западноукраинских периодических изданиях появлялись его статьи, рассказы, переводы на украинский язык стихов и прозы, часто восточных. Находясь на Ближнем Востоке, он посылал в русские газеты свои корреспонденции. С 1893 г. он стал сотрудником популярного Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Проблема обеспечения студентов-арабистов учебными пособиями не была бы решена полностью без создания для них специального словаря. За эту работу взялся М.О. Аттая, который справился с проблемой очень простым способом, сложив лексику словарей Гиргаса и Бело и добавив от себя некоторое количество неологизмов. При этом из-за спешки или отсутствия навыка серьезной филологической работы он пропустил все (сравнительно немногочисленные) ошибки словаря Гиргаса и добавил собственные, неверно переведя французские значения словаря Бело и допустив грамматически неверные формы или даже пропуски некоторых корней. Поэтому трудно согласиться с А.П. Базиянцем, утверждающим, что этот словарь только «с позиций сегодняшних достижений арабистики» требует оговорок, «но для своего времени он сыграл большую и полезную роль» [Базиянц, 1973, с. 118]. Конечно, если студенты не имели иных арабско-русских или арабско-французских словарей, то и словарь Аттаи был полезен.

²² Почти все сочинения выпускников 1902 г. написаны по его материалам, собранным в Сирии.

²³ См. его работы, вышедшие отдельным изданием в 1910—1913 гг., в Библиографии наст. изд.

Вероятно, проще и полезнее было бы дать дополнительно к имевшимся словарям классического языка дополнение с современной лексикой: это сократило бы объем работы составителя, облегчило бы его издание и сделало бы его более доступным по цене. Но, видимо, в Москве не имелось достаточного количества словарей Гиргаса, которыми был полностью обеспечен восточный факультет Петербургского университета, и пришлось сделать такой неудачный расширенный дубликат²⁴.

Практическое направление Лазаревского института приобрело официальный статус после разделения его в 1912 г. на административное и дипломатическое отделения.

Таким образом, в начале XX в. в Москве в основном стараниями А.Е. Крымского сложилась своя школа арабистики.

На фоне деятельности ФВЯ и Специальных классов Лазаревского института преподавание арабского языка в Учебном отделении МИД и Казанской Духовной академии утрачивает прежнюю исключительность для русской арабистики.

* * *

Единственным неучебным востоковедным центром до конца рассматриваемого периода оставался Азиатский музей Академии наук, в котором было всего два сотрудника (директор и научный хранитель). Их сил хватало только на техническую работу по обработке новых поступлений рукописей, книг и монет. Академик Б. Дорн меньше занимался технической работой, но, как уже отмечалось, его основные научные работы связаны с изучением и публикацией иранских источников. Время от времени он знакомил мир с новыми поступлениями мусульманских рукописей, чаще всего в виде списков с перечислением названий и авторов. Но все эти описи не давали отчетливого представления о составе коллекции арабских рукописей Азиатского музея.

В 1879 г. Розен по представлению Дорна был избран адъюнктом Академии наук «по части магометанских языков и словесности» и сразу с жаром взялся за составление подробного описания арабских рукописей музея, отложив другие работы. После смерти Дорна он стал директором Азиатского музея (1881), а в конце того же года вышла первая часть каталога, охватывавшая 300 рукописей, т.е. 43% имевшихся рукописей [Rosen, 1881]. Одна-

²⁴ Обстоятельный разбор этого словаря содержится в рецензии Крачковского [ЗВОРАО. 1914, т. XXII, с. 201—224]. Любопытно, что Крымский дал очень лестный отзыв о нем, говоря, что лексика в нем обширнее, чем в словарях Гиргаса и Бело, не заметив, что он, по существу, является механическим сложением их лексики.

ко эта работа была вскоре прервана, поскольку Розену пришлось покинуть Академию наук (и Азиатский музей): он выступил против своеволия неперменного секретаря Академии К.С. Веселовского²⁵. После ухода он прекратил работу над каталогом²⁶.

Когда умер давний и бессменный хранитель Азиатского музея арабист Р.Х. Френ, его место занял китаист В. Грубе. После восьми лет частой смены директоров музей возглавил иранист К.Г. Залеман, руководивший им почти до самой революции (до 1916 г.). Арабистическая тематика интересовала Залемана еще меньше, чем Дорна, хотя по долгу службы он издал несколько описаний арабских рукописей в составе общих описаний и списков новых поступлений восточных рукописей [БАР, № 1020, 1023, 1025—1027].

В.Р. Розен, вновь назначенный адъюнктом Академии наук в 1890 г., уже не вернулся в Азиатский музей и не закончил описания арабских рукописей музея, так как всецело посвятил себя Восточному отделению (руководителем которого являлся) РАО, в частности изданию его «Записок».

В конце XIX в. Азиатский музей выглядел пасынком Академии наук. Несмотря на значительное увеличение коллекций, числа рукописей и интенсивный рост книжных поступлений, штат его остался тем же, что и 80 лет назад²⁷. В 1898 г. Залеман в прошении на высочайшее имя ходатайствовал об увеличении штата на одного человека и бюджета с 2,95 тыс. до 9 тыс. руб. в год. В ответ музею добавили средства лишь на приобретение книг и экспонатов и 1,2 тыс. руб. на оплату временных работников²⁸.

²⁵ В отместку за негодное голосование К.С. Веселовский отверг кандидатуры востоковедов, предложенные Розеном, и намекнул, что тот за строптивость может не получить повышения. Оскорбленный Розен 26 января 1882 г. подал прошение об отставке, надеясь, что за время полугодовой отсрочки, положенной для таких прошений, его протест поддержат другие академики, но был уволен через полтора месяца [Памяти Розена, 1947].

²⁶ В речи перед докторской защитой в 1883 г., описывая свой научный путь и важность освоения рукописного наследия арабов, Розен заметил: выход каталога арабских рукописей даже не был упомянут в отчете Академии наук за 1881 г., и поскольку в дальнейшем не поступило предложения продолжить описание, «то я имею некоторое право предположить, что между взглядом Академии наук и моим на необходимость данной работы существует коренная разница, почему начатое описание не может быть доведено до конца» [ЗКВ. 1925, т. I, с. 286].

²⁷ В записке о необходимости увеличения штата К.Г. Залеман писал: «... постоянно умножающееся число посетителей слишком часто отрывает его (хранителя. — Авт.) от прямых обязанностей по каталогизированию, контролю и описанию коллекций, а в случае болезни и всякой другой законной отлучки его или же сам директор-академик должен исполнять его обязанности, или же приходится закрывать Музей» [ПФ АРАН, оп. 1, 1917—1929, № 34, л. 30об.].

²⁸ Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до имп. Академии наук и подведомственных ей учреждений. СПб., 1907, с. 121—123.

Когда в 1912 г. после долгих ходатайств академиков штат Азиатского музея был увеличен до трех хранителей, среди них снова не оказалось ни одного арабиста. Лишь в 1916 г. для определения и инвентаризации арабских рукописей, поступавших с Кавказского фронта, был приглашен на временную работу И.Ю. Крачковский. Таким образом, для арабистов Азиатский музей до конца своего существования служил лишь библиотекой и хранилищем рукописей.

* * *

Как уже говорилось в гл. 1, значительную роль в научной жизни России второй половины XIX — начала XX в. играли различные научные общества и их печатные органы. Меньшая опека правительства, демократическая форма управления многими из них, более свободное распоряжение средствами, наконец, возможность участия в научной жизни всех лиц, работавших вне Академии наук и университетов, — все это делало их особо притягательными центрами науки.

Для арабистов были важны два общества: открывшееся в 1884 г. Восточное отделение РАО во главе с Розеном и Восточная комиссия при Московском археологическом обществе, образованная в 1887 г. под председательством Ф.Е. Корша.

«Записки Восточного отделения» (ЗВОРАО), издававшиеся с 1885 г. под редакцией Розена, стали первым русским востоковедным журналом, который сыграл огромную роль в развитии отечественного востоковедения и подъеме его общего уровня. В этом отношении особенно важен был раздел рецензий, который в первые годы вел почти исключительно Розен, жертвовавший ради этого другими своими научными занятиями. Он знакомил русских читателей с новинками западного востоковедения и давал строгие, но доброжелательные разборы работ отечественных исследователей. Прекрасная типографская база позволила печатать тексты любыми восточными шрифтами. Высокий уровень этого издания сохранился и после смерти его основателя, когда председателем Восточного отделения и редактором «Записок» стал Н.И. Веселовский.

Арабистика, конечно, занимала в «Записках» незначительную часть, причем преобладала тема связи арабской литературы с другими литературами Ближнего Востока.

Издание Восточной комиссии «Древности восточные» носило скорее характер трудов или научных сборников, нежели журнала: периодичность не соблюдалась, между очередными выпусками иногда проходило четыре-пять лет, поэтому протоколы печатались с большим запозданием, а настоящие рецензии отсутствова-

ли. В целом это издание в большей степени отвечало проблемам археологии, чем «Записки», кроме четвертого тома, посвященного 25-летию деятельности Ф.Е. Корша в Восточной комиссии. Арабистические материалы и здесь занимали мало места²⁹.

В известной мере арабистическая тематика была представлена в изданиях Православного палестинского общества, в задачи которого входили исследование христианских святынь, географии Палестины и пропаганда православия на арабском Востоке, что делало печатный орган этого общества — «Православный палестинский сборник» — в значительной степени клерикальным. Кроме капитального труда Н. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» лишь несколько работ можно условно назвать арабистическими. Но объективно сеть школ этого общества в Палестине, Сирии и Ливане сыграла большую роль в ознакомлении арабского мира с русской культурой, и такие выдающиеся арабисты, как Крымский и Крачковский, не считали для себя зазорным беспокоиться о повышении уровня образования в этих школах.

Важнейшей задачей арабистики второй половины XIX в. была каталогизация рукописей и публикация важнейших сочинений по всем отраслям литературы и науки. Первые серьезные собрания арабских рукописей сложились в России только к середине века и были почти сразу же описаны или перечислены в упомянутых ранее печатных каталогах Дорна и Готвальда. Пополнение этих собраний происходило медленно, но непрерывно. Наиболее интересные рукописи сразу удостоивались подробного описания [БАР, № 1117, 1073, 1048, 1049, 1060, 1078, 1111, 1112, 1052, 1059, 1054 (хронолог. порядок); Rosen. Notiz].

Так, число арабских рукописей ФВЯ с 1855 по 1917 г. выросло со 182 до 840, главным образом благодаря собраниям профессоров факультета Казем-Бека, ат-Тантави, Мухлинского, Гиргаса, Н.И. Веселовского и др. [Беляев, Булгаков, 1958, с. 21—22]. Постепенно пополнялось и собрание Азиатского музея, выросшее с 470 арабских рукописей (две коллекции Руссо) до 800 в 1915 г. Первое значительное пополнение — это 1157 арабских рукописей, приобретенных В.А. Ивановым в Бухаре; вслед за ними поступили 1289 рукописей с Кавказского фронта (1916). В Публичной библиотеке в год ее открытия зафиксировано 42 арабские рукописи, в каталоге Дорна (1852) — 247, а к 1917 г. — около 1 тыс. рукописей. Значительная коллекция редких арабских рукописей (более 230) была собрана в Учебном отделении восточных языков МИД. Подробный каталог ее был составлен Розеном (1877).

²⁹ Здесь были помещены статьи Крымского, посвященные старейшей рукописи путешествия Макария, Башшару ибн Бурде, арабским версиям легенды о семи спящих отроках, армянским сообщениям о Мухаммаде и ранней истории ислама.

В Москве до 1917 г. во всех хранилищах (Лазаревский институт, Исторический музей, университет, Румянцевский музей) насчитывалось около 100 арабских рукописей.

С конца XIX в. начинают складываться новые собрания рукописей в областях России с традиционным знанием арабского языка. В Казанском университете (рукописи которого вывезли в Петербург, на ФВЯ) основой новой коллекции стал дар Готвальда. Совершенно новый центр складывается в Ташкенте: согласно каталогу Е. Каля [Каль, 1889], в Туркестанской Публичной библиотеке хранилось семь арабских рукописей; число их постепенно росло, но представить себе их количество в 1916 г. не смог даже В.В. Бартольд, специально интересовавшийся состоянием рукописных собраний [Бартольд VIII, 336—339]. Основная часть арабских рукописей тогдашних окраин России находилась в медресе, мечетях и частных библиотеках местных жителей, сведения о которых стали появляться в научной печати только в начале XX в. [Бартольд VIII, 313—314; БАР, № 957, 958, 965, 1028]. Но и тогда было совершенно неясно, что хранилось, например, в библиотеке эмира Бухарского.

Следуя общей оценке А.Б. Халидова, можно полагать, что в 1917 г. в нашей стране насчитывалось около 50 тыс. арабских рукописей³⁰, но из них лишь 10—12% находились в современных библиотеках и хранилищах, доступных для научной обработки.

Несмотря на отставание с изданием каталогов по некоторым коллекциям, можно утверждать, что степень отражения наших собраний арабских рукописей в печатных каталогах существенно не отличалась от того, что наблюдалось в XIX в. в западных странах (в 1917 г. — 2,8 тыс. из 5,2—5,3 тыс., т.е. около 45%). Главным постепенно становится интерес к отдельным рукописям или тематически объединенным группам, к монографическим исследованиям с тематической подборкой необходимых для них рукописных текстов³¹.

Иначе обстояло дело с изданием арабских текстов. По сравнению с потоком публикаций в Западной Европе, особенно возросшим во второй половине XIX в., результаты издательской дея-

³⁰ По его оценке, в настоящее время во всех хранилищах и в частных собраниях имеется 40 тыс. рукописей [БАР, с. 225]. Несомненно, что в годы гражданской войны и от невежества местных властей часть личных библиотек погибла.

³¹ В рецензии Розена на каталог Альвардта, отличающийся чрезвычайной подробностью описания даже третьестепенных рукописей, говорилось: «Автор принес бы гораздо большую пользу науке, если бы он половину времени, потраченного на бесплодную работу повторения известного, пагинирование и приведение в порядок сотен никуда не годных списков совершенно ничтожных учебников и трактатов, употребил на более достойные его дарования и его научных сил работы» [ЗВОРАО. 1889, т. III, с. 305].

тельности отечественных арабистов выглядят очень скромно. Если исключить тексты, впервые опубликованные в хрестоматии Гиргаса и Розена, то окажется, что за всю вторую половину XIX в. было осуществлено только два издания целого сочинения: «Китаб ахбар ат-тивал» ад-Динавари, рукопись которого была впервые обнаружена Розеном в собрании Учебного отделения МИД и затем издана с привлечением лейденской рукописи [Guirgass, 1888], и факсимильное воспроизведение петербургской рукописи Ибн Кузмана, на что финансист и выпускник ФВЯ Д.Г. Гинцбург затратил больше денег, чем научного труда.

Сказанное не касается интенсивной печатной деятельности казанских коммерческих изданий, которые, по подсчетам Дорна, за семь лет (1853—1859) выпустили в свет 82,3 тыс. Коранов и десятки тысяч экземпляров религиозных сочинений на арабском, персидском и татарском языках [Dorn, с. 597]. С годами эта деятельность расширялась.

Розен неоднократно задумывал капитальные издания текстов, проводил большую и долгую работу, но часто различные причины мешали осуществлению его планов. Так, вскоре после начала преподавания на факультете он задумал издать диван поэтов племен хузайл и уже переписал весь лейденский уникум, когда узнал, что его уже готовят к изданию; пришлось отказаться от этой мысли. Работая с каталогом рукописей Учебного отделения восточных языков МИД, он познакомился с «ал-Байан-ва-т-табийн» малоизвестного тогда ал-Джахиза, загорелся идеей исследования арабо-иранских культурных взаимоотношений, решил собрать и издать все сочинения этого автора. Снова были переписаны обширные рукописи «Байан» и «Хайаван» и несколько мелких трактатов, но совершенно случайно, помогая византинистам отыскивать некоторые сведения об арабо-византийских отношениях, Розен наткнулся на «Историю» Йахьи Антиохийского (1879) и, оставив все, с жаром принялся за исследование и издание уже этого текста. Получилась прекрасная монография, ставшая докторской диссертацией, а опубликовать при ней удалось всего лишь 70 страниц арабского текста [Розен, 1883]. Издание же ал-Джахиза Розен уступил голландскому арабисту ван Флотену, который опубликовал только одно (и не самое большое из готовившихся Розеном) сочинение и только в 1900 г.³², а «Байан» и «Хайаван» были выпущены несколько лет спустя в Каире арабскими издателями. И мечте издать полный текст «Истории» Йахьи не было суждено осуществиться при жизни Розена. Это

³² Le livre des avares par Abou Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz de Basra. Texte arabe publié... par G. van Vloten. Leyde, 1900.

сочинение было опубликовано Крачковским: часть 1 вышла в 1924 г., часть 2 — в 1932 г.³³

В результате за 30 с лишним лет активной научной жизни Розену удалось опубликовать лишь фрагмент сочинений Йахьи Антиохийского и 375 страниц в международном издании «Истории» ат-Табари³⁴. Основной формой издания текстов у всех наших арабистов в то время были публикации при исследованиях более или менее крупных образцов из больших сочинений либо небольших трактатов, останавливаться на которых нет смысла.

Наиболее характерным типом русских арабистических изданий являлись подборки текстов по истории и географии Восточной Европы, прилагавшиеся к соответствующим исследованиям. Именно такими были уже упоминавшаяся выше книга Д.А. Хвольсона с публикацией отрывков из тогда еще не изданного Ибн Русте о народах Восточной Европы и работа А.Я. Гаркави, давшего отрывки из ряда арабских авторов с русским переводом [Гаркави, 1870]. Сюда же относится издание отрывка из словаря ал-Бакри о путешествии Ибрахима б. Йакуба и некоторых других [Куник, Розен, 1878—1903]. Венцом изданий этого рода был «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», в котором В.Г. Тизенгаузен опубликовал отрывки из рукописей 22 арабских авторов (общим объемом 153 с. араб. текста) с переводом на русский язык.

ХІХ век завершился для русского востоковедения, и арабистики в частности, последней серьезной публикацией — «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд, 1898—1900], первой частью которой была большая подборка текстов из различных рукописей (23 автора, из которых 4 — арабских; общий объем араб. текста — 46 с.). Последним мы его можем назвать потому, что уже и в этом исследовании большинство использованных источников было печатным. В дальнейшем тематические подборки сведений арабских авторов осуществлялись на базе изданных текстов (см., например, [Караулов, 1901—1903]). Даже такой прекрасный источниковед, как Н. Медников, в огромной тематической подборке арабских текстов по истории Палестины от арабского завоевания до монгольского использовал лишь небольшой отрывок из истории Евтихия.

Положение не изменилось и в начале ХХ в., когда выходит только одна крупная публикация целого сочинения («Диван ал-Ва'ва ад-Димашки»), изданная как приложение к обширному исследованию [Крачковский, 1914], и серия мелких изданий отдель-

³³ До этого, в 1909 г., был издан текст «Истории» Йахьи в Бейруте под редакцией Л. Шейхо.

³⁴ *Annales quod scripsit... at-Tabari*, III ser., c. 1368—1742.

ных трактатов, частей диванов, крупных выдержек из описываемых рукописей.

Трудно не видеть в этом какой-то закономерности, характерной для нашей арабистики. Ее нельзя объяснить отсутствием людей с достаточной для подобных изданий филологической подготовкой; почти в любой период двое-трое очень опытных арабистов-филологов были вполне способны справиться с изданием целого большого произведения любого содержания. В России имела типография, обеспеченная всеми необходимыми шрифтами, ее услугами пользовались даже некоторые зарубежные востоковеды. Опыт иранистов и тюркологов показывает, что затруднений в издании больших текстов арабским шрифтом не существовало и что, несмотря на преподавательскую нагрузку, ученые этих специальностей публиковали значительно больше текстов, чем арабисты.

Отчасти относительная издательская пассивность арабистов объяснялась составом арабского рукописного фонда, где было много второстепенной религиозной литературы (которую с середины XIX в. стали широко издавать в самих арабских странах и в Стамбуле) и сравнительно мало литературных, исторических и географических памятников, представляющих общий интерес.

Основную причину, видимо, все же следует искать в том положении, которое занимала арабистика в России, в тех задачах, которые задавались ей обществом (кроме личных склонностей отдельных ученых). Первостепенная задача связывалась с отечественной историей. Во второй половине XIX в. это были в основном материалы по истории золотоордынского времени (исторические сочинения, документы, нумизматика, эпиграфика), а с конца столетия возрос интерес к источникам по истории Средней Азии [Григорьев, 1872 (1)]. И те и другие источники были в основном персидскими или тюркскими. В изучении их русские востоковеды задавали тон. Только для домонгольского периода арабские авторы являлись почти исключительным источником внешних сведений о Восточной Европе, но их объем был ничтожен по сравнению с более поздними персидскими и тюркскими. По существу, после издания «*Bibliotheca geographorum arabicorum*» (Lugduni Batavorum) новых существенных добавлений не ожидалось и не было. Поэтому каждое крохотное новое сообщение оказывалось событием. А время от времени, по мере накопления исторических знаний, старые сведения вызывали новые вопросы.

Так, к концу XIX в. возникла потребность в новом издании и осмыслении сообщений Ибн Фадлана. В 1899 г. авторитетный археолог-русист А.А. Спицын поднял вопрос о недостоверности его сведений, не подтверждаемых археологическими материалами; в том же году археологический съезд в Киеве отметил необходи-

мость «издания в оригиналах и переводах отрывков из арабских писателей, имеющих отношение к истории славян»³⁵. Полемика, возникшая вокруг этого вопроса, заставила Розена откликнуться специальной статьей, в которой рассматривались текстологические предпосылки и пути конкретного подхода к переизданию сведений Ибн Фадлана [Розен, 1904]. Но даже он отказался пока от выполнения этой задачи. Споры вокруг указанной темы продолжались [Вестберг, 1908; Бартольд, 1912]; в 1923 г. в Мешхеде была найдена рукопись «Записки» Ибн Фадлана, позволившая пересмотреть весь комплекс проблем, связанных с сообщениями этого автора, и убедиться в их достоверности.

Для более позднего периода русской истории огромное значение имели записки архидиакона Павла Алеппского о путешествии патриарха Макария из Халеба через Стамбул в Москву и обратно (1652—1659). Ими интересовался еще П.С. Савельев (см. [ИОВ 1, с. 248—249]). В 70-х годах отдельные вопросы, связанные с этими записками, затрагивались церковными деятелями. Серьезное арабистическое исследование этого интереснейшего документа началось только в 90-х годах благодаря трудам Г. Муркоса — соотечественника и единоверца Макария. Его пятитомный перевод [Муркос, 1896—1900] основывался на плохой рукописной базе, но сыграл в свое время огромную роль. Ряд заметок в связи с этим памятником был сделан Крымским (см. его «Материалы для выяснения церковной и литературной деятельности антиохийского патриарха Макария XVII в. и описателя его путешествия на Русь. Рихл Макарийус архидиакона Павла Алеппского»). Позже в Ватикане была открыта рукопись заметок Павла Алеппского о втором его путешествии через Кавказ (1664—1669), и в 1905 г. был издан текст [Жузе, 1905], а также французский и русский переводы сведений о Грузии³⁶. Поступление в 1913 г. в Петербург автографов Макария и более надежных старых рукописей позволило поставить вопрос о новом издании текста, но рукописи хранились в личной императорской библиотеке и стали доступны арабистам только в 1918 г. [Крачковский, 1957].

Этот памятник подводит нас к другой теме, которая живо занимала дореволюционную арабистику. Речь идет об исследовании христианского Востока в разных аспектах — от истории Византии и ее взаимоотношений с мусульманским миром до чисто религиозной тематики. Эта тема разрабатывалась как петербургской, так и московской школой востоковедов. Следует принять во внимание, что для многих востоковедов раннехристианская литература была частью истории родной культуры (армянской, груз-

³⁵ Труды X Археологического съезда. Т. II. Киев, 1902.

³⁶ Histoire de la conversion des Géorgiens au christianisme par le patriarche Macaire de l'Antioche. Trad. de l'arabe et éd. par m-me Olga Lebedew. Roma, 1905.

зинской), исследование передачи легендарных сюжетов из одной родственной литературы в другую, истории различных версий и переводов было исследованием родной культуры и литературы.

Изучению арабо-византийских и византийско-болгарских отношений посвящена одна из лучших исторических работ дореволюционного востоковедения, монография «Император Василий Болгаробойца» [Розен, 1883], родившаяся из новооткрытого арабского исторического источника и превратившаяся во всестороннее исследование политической и военной истории и реалий Ближнего Востока X — начала XI в. «Неотразимое впечатление чего-то необычно важного от истории Йахьи, точнее от извлечений из нее, получилось не потому, что арабский историк сообщал интересные по данным и новизне освещения сведения, а потому, что они предложены были в исчерпывающей предмет критической обработке, предупреждающей всякие недоразумения» [Март, 1908, с. 21]. В классической по тонкости исторического анализа работе Розена равно совершенны как анализ личности автора и его источников, так и подготовка текста и обширные примечания к нему.

Исследование Розена, с восторгом встреченное русскими византистами, не получило должной оценки зарубежных коллег, если не считать высшей формой оценки то, что Ж. Шлюмберже целыми кусками включил его в свой текст, не всегда при этом ссылаясь на источник.

Различные стороны арабо-христианской тематики интересовали и молодого И.Ю. Крачковского; ей посвящена почти четверть его работ, вышедших до 1917 г. включительно.

В целом для русского востоковедения было характерно комплексное, многостороннее исследование памятников раннесредневековой литературы народов Ближнего Востока, поскольку на Восточном факультете и в Специальных классах Лазаревского института работали специалисты по арабской и сирийской, армянской и грузинской, коптской и эфиопской филологии, большинство которых, как правило, владели несколькими восточными языками. В исследовании многих литературных сюжетов арабистика была только звеном в цепи сложной системы культурных взаимодействий указанного региона.

Арабистическому литературоведению, начавшему складываться как наука только в конце XIX в., и развитию его в России (кроме влияния параллельных процессов в западноевропейском востоковедении) способствовала именно эта комплексность.

До начала XX в. в мировой арабистике невозможно назвать ни одной подлинно литературоведческой работы: арабская поэзия рассматривалась и использовалась с разных точек зрения, но только не с позиции анализа ее собственной ценности и эстетиче-

ских норм. О прозаической литературе и говорить не приходится. Не только краткий конспект истории арабской литературы В.Ф. Гиргаса, но и более поздние и основательные курсы А.Е. Крымского носили обзорный характер, оценки поэтических произведений ненамного превосходили романтические описания О. Сенковского. Недаром Крачковский начал свою первую работу об арабской поэзии словами: «Ведь за арабской поэзией до сих пор не признается право на самостоятельное изучение, до сих пор она считается помощницей истории или филологии, но и только». И далее: «До последнего десятилетия все работы в области арабской поэзии сводились почти исключительно к критическому изданию диванов и более или менее связанному изложению биографий поэтов по доступным антологиям» [Крачковский, 1956, с. 15—16].

Несложный казалось бы шаг — приложение методики литературоведческого анализа, выработанного историками европейской литературы и литературными критиками, — оказался непростым для арабистики, поскольку требовалось сломать стереотип подхода к ней как к экзотике, глубоко понять историческую и культурную обстановку соответствующей эпохи. Розен, как никто другой, был способен на этот шаг, но, поскольку все его начинания в области литературоведческих исследований, как мы видели, по разным причинам не доводились до конца, сделать этот шаг довелось его последнему ученику — Крачковскому. Серия его статей об Абу-л-Атахии, ал-Мутанабби, Абу-л-Ала ал-Маарри и Абу Дахбале ал-Джумахи (опубликованы в 1908—1913 гг.), завершенная монографией о творчестве ал-Ва'ва ад-Димашки, подняла арабистическое востоковедение на качественно иной уровень, поставив русскую арабистику в первые ряды мировой науки.

Особенным успехом русской арабистики, и в первую очередь Крачковского, в последнее предреволюционное десятилетие было открытие совершенно новой ветви арабистики — исследование новой арабской литературы. Существование модернистов в языке, наличие современной печати в арабском мире было известно на Западе уже в середине XIX в.³⁷ Крымский, живший в то время в Ливане, сделал немало интересных наблюдений, которые, к сожалению, не были своевременно описаны и сформулированы; основное внимание он по традиции отводил журналистике, заслонявшей собой нарождавшуюся новую художественную литературу. Когда же десять лет спустя на Ближний Восток попал Крачковский, то существование новой литературы не вызывало

³⁷ *Hartmann M.* Die Zeitungen und Zeitschriften in arabischer Sprache. — *Specimen d'une Encyclopedie Musulman.* Leyde, 1899.

уже сомнений, и он первым в России объявил об этом в своей вступительной речи на факультете в ноябре 1910 г. и в печати в 1911 г. [Крачковский. Ист. роман]. Позднее М. Хартманн, один из пионеров изучения нового Востока, в письме к Крачковскому назвал эту работу первой европейской монографией в области новоарабской литературы. Она, действительно, на десятилетие опередила поток исследований о новоарабской литературе в западноевропейской арабистике.

В отличие от филологии и литературоведения область чисто арабской истории (если не считать историю зарождения ислама и предисламское время, интересовавшие арабистов в связи со сложением ислама и в связи с древнеарабской поэзией) мало изучалась русскими арабистами. Все труды второй половины XIX в. были переработками историй, написанных западноевропейскими учеными. Самостоятельная школа зарождается только к концу века, и характерной чертой ее было отношение к арабской истории как части мировой истории, равноправной и равнозначимой для всего человечества в целом. Первым значительным историческим исследованием была названная выше монография Розена. Его традиции перенял его ученик Н.А. Медников, выпустивший в 1897 г. уже не раз упоминавшееся собрание переводов сведений арабских авторов о Палестине от завоевания ее арабами до крестовых походов XIII в., а в 1903 г. — обширнейшее историографическое исследование. Помимо этого предполагалось опубликовать последовательное изложение истории страны, к которому Медников даже не успел приступить. Различные части его издания 1897 г. далеко не равноценны. Наиболее детально освещены вопросы, связанные с «Историей» ат-Табари и степенью достоверности использованных им источников. В связи с этим подробно исследован вопрос о достоверности договора Омара I с Иерусалимом и убедительно показана фальсифицированность этого договора.

В обстоятельной и объективной рецензии на труд Медникова сказано, что «„Исследование источников“ было бы выдающимся явлением в историко-критической литературе по востоковедению, даже если бы оно заключало в себе только два этюда — этюд об ат-Табари и этюд о договоре Омара с христианами; между тем автор путем тщательного критического анализа источников выясняет еще целый ряд других вопросов» [Бартольд VI, 331].

Исследование Медникова моментально получило отклик и должную оценку у западноевропейских ученых-историков: Ю. Вельхаузен под его влиянием пересмотрел свой взгляд на договор Омара, а Л. Каэтани, начавший в эти годы издание монументальной сводки по истории халифата «*Annali dell' islam*», заказал перевод с русского и принял всю хронологию завоевания Палестины, приведенную Медниковым.

К сожалению, этот труд по исследованию источников важнейших арабских историков средневековья в нашей историографии оставил слабый след. Несомненно, под его влиянием появилась статья Бартольда «К истории арабских завоеваний в Средней Азии» [II/2, 380—387], в которой также анализировалась степень достоверности различных источников ат-Табари и на этом основании реконструировался ход событий 712 г. Но в дальнейшем кропотливый анализ подобного рода не получил необходимого распространения. Можно сказать, что по уровню методики исследования источников труд Медникова опередил свое время.

Крупнейший историк-востоковед конца XIX — начала XX столетия Бартольд, все свое внимание направивший на изучение истории Средней Азии, естественно, не мог оказать существенного влияния на исследование истории арабских стран. В дореволюционные годы он написал лишь несколько статей источниковедческого характера, касающихся этой проблемы.

Многообещающим было начало научной деятельности еще одного из учеников Розена — К.А. Иностранцева. Он опубликовал небольшую монографию с исследованием реалий, упоминаемых при описании торжественного выезда Фатимидов у ал-Макризи [Иностранцев, 1907]. Но наиболее индивидуальными по характеру были его исследования о сасанидских традициях в арабо-мусульманской культуре и литературе [Иностранцев. Материалы; Иностранцев. Отрывок]. К сожалению, тяжелое нервное заболевание лишило автора возможности плодотворно работать и, видимо, нарушило возможность нормальных взаимоотношений с коллегами.

Важной темой арабистических исследований всегда являлось исламоведение, однако рассматривать отечественное исламоведение только в рамках истории арабистики вряд ли справедливо, поскольку основная его тематика связана с Ираном и мусульманскими областями России. Впрочем, и здесь можно отметить, что к началу XX в. в России имелся прекрасно подготовленный исламовед классической школы А.Э. Шмидт — ученик В.Р. Розена и И. Гольдциера.

ОСМАНИСТИКА

Отношения с Османской империей во второй половине XIX в., как и в предыдущий период (XVIII — первая половина XIX в.), были одним из основных направлений внешней политики России. Это во многом определило тот непреходящий интерес, который русская наука, занимающаяся изучением Ближнего Востока, уделяла Турции.

Важную страницу в истории изучения Османской империи вписали работы питомцев Петербургского университета В.А. Ма-

ксимова и Н.Н. Мартиновича (1883—1939), посвященные вопросам турецкой диалектологии. Максимову принадлежит исследование турецких диалектов западной и центральной части Малой Азии. Автор на основе записанных им в Турции дестанов и лирических песен проанализировал фонетику, морфологию и лексику двух диалектов турецкого языка [Максимов, 1867]. После опубликования этого труда турецкой диалектологией занялись и в Европе (здесь особые заслуги имеют венгерские ученые, в частности И. Кунош) [Векилов, 1960].

Несколько работ, имеющих отношение к турецкой диалектологии, были изданы в самом начале XX в. [Мартинович, 1909 и 1911]. В равной мере они являлись одними из первых в России трудами по турецкому фольклору. В этих трудах Мартинович опубликовал тексты нескольких турецких народных сказок и рассказов, которые он разыскал во время своих поездок в Турцию, имевших целью сбор материала по диалектологии малоазийских турок.

Особенно ценное научное наследие в области изучения турецкого фольклора принадлежит русскому и советскому туркологу акад. В.А. Гордлевскому (1876—1956) — выпускнику ЛИВЯ (о нем и полный список его трудов см. [Базиянц, 1979]). Гордлевский, многократно бывавший в Турции, записал огромное количество фольклорных текстов (различные виды устного народного творчества, народные песни, пословицы, загадки), многие из которых были им опубликованы. Гордлевский был необыкновенно разносторонним ученым, которого интересовал весь комплекс историко-филологических знаний о Турции. Особенно ценны его труды в области турецкой литературы нового времени и турецкого языка. Его перу принадлежат написанные уже в советское время исследование по истории государства Сельджукидов в Малой Азии, а также ряд работ по этнографии и истории Османской империи в средние века и новое время.

По всей совокупности работы Гордлевского могут быть названы энциклопедией Османской империи начала XX в. Конечно, не все выводы трудов этого ученого, написанных часто по горячим следам событий, выдержали испытание временем. Многие в них ныне подлежат переоценке. Отчасти это объясняется естественным ходом развития научного знания, отчасти недостатками ряда его работ, когда выводы подчас не были подкреплены достаточным количеством фактов. Однако собранные им факты сами по себе составляют ценнейший фонд туркологической науки.

Другой исследователь истории Турции и ее литературы, В.Д. Смирнов (1846—1922), выпускник Петербургского университета, является самой заметной фигурой дореволюционной османистики, развивавшейся в Петербурге. Как и Гордлевский, Смирнов

прошел русскую школу востоковедения. По словам А.Н. Самойловича, Смирнов имел «несомненные заслуги старой школы российского востоковедения», являлся ученым, «крупнейшим из туркологов-османистов России, пользовавшимся известностью в Западной Европе» [Самойлович, 1923, с. 208]. С 1873 по 1922 г. Смирнов преподавал турецкий язык, историю турецкой литературы, а в один из периодов своей работы и историю Турции на ФВЯ. Он несколько раз ездил в Турцию, работал в европейских рукописных хранилищах и был замечательным знатоком турецких рукописей и турецкой литературы. Одновременно с преподаванием в университете Смирнов занимался описанием арабских, персидских и турецких рукописей в Публичной библиотеке Петербурга, а также составил великолепный каталог турецких рукописей из собрания Учебного отделения восточных языков МИД [Smirnow, 1897]. В этой части своей научной работы он оставил такой же заметный след, как и акад. Дорн, которому туркология обязана описанием турецких рукописей из собрания Публичной библиотеки [Dorn, 1852].

Большая часть трудов Смирнова посвящена вопросам турецкой средневековой литературы. В этой области знаний ему принадлежит первый в России обзор истории турецко-османской литературы, написанный на основе изучения первоисточников в то время, когда в Европе не существовало ни одного подобного по своей полноте и охвату труда [Смирнов, 1892; Всеобщая ист. лит-ры, с. 425—554]. Несколько статей он посвятил вопросам турецкой филологии. В лице Смирнова дореволюционная туркология имела не только блестящего знатока турецкой литературы, но и талантливого историка, хотя его исторические работы занимают скромное место в общем объеме научного наследия ученого. А.Н. Самойлович в некрологе, посвященном памяти Смирнова, отметил, что именно история, а не литература была, по-видимому, призванием этого ученого-востоковеда. Во всяком случае, в своих частных беседах с Самойловичем Смирнов часто признавался ему, что сожалеет о потерянной им возможности остаться по окончании учебы на кафедре истории Востока, где любимым его учителем был В.В. Григорьев.

Эта особая тяга к исторической востоковедной проблематике особенно ярко проявилась в двух работах Смирнова. Первая из них, защищенная в качестве магистерской диссертации, посвящена истории Турции XVII в. и написана на основе исследования турецких исторических сочинений [Смирнов, 1873]. Тема второй работы ученого, ставшей его докторской диссертацией, — история Крымского ханства в период его подчинения Османской империи [Смирнов, 1887].

Оба этих исследования представляют собой наиболее значительный научный вклад в развитие исторических знаний об Османской империи в России в дореволюционный период. В первом из них проявилось исключительное внимание автора к оригинальному письменному источнику как к важнейшему средству познания прошлого народов Востока. Основой работы стал анализ сочинения турецкого придворного чиновника середины XVII в. Кочубея Гёмюрджинского. В этой, по сути, единственной в дореволюционный период столь крупной монографической работе по истории средневековой Османской империи Смирновым был поставлен и во многом решен целый ряд вопросов общественного развития османского государства в эпоху позднего средневековья, научная разработка которых ведется ныне как современными отечественными, так и зарубежными историками.

В области изучения турецкого языка и литературы после Сенковского и Казем-Бека не появилось сколько-нибудь крупных монографических работ, оставивших заметный след в отечественной науке дореволюционного периода. Во второй половине XIX — начале XX в. турецко-османская литература исследовалась в работах в основном учебного характера. Появился ряд хрестоматий [Казем-Бек, 1854; Смирнов, 1891]³⁸. Исключение составляют уже упоминавшийся обзор турецко-османской литературы Смирнова и небольшие по объему работы Гордлевского. Что касается достижений в области изучения турецкого языка в указанный период, то следует упомянуть изданную в Москве учебную грамматику турецкого языка Еглички [Гордлевский, 1916]³⁹, первые (после краткого словаря Сенковского) турецко-русские словари [Лазарев, 1864; Цветков⁴⁰, 1902] (см. также [Будагов, 1869—1871]).

Наряду с туркологическими работами ученых-востоковедов, вышедших во второй половине XIX — начале XX в., в России было издано огромное число книг об Османской империи, принадлежащих перу дипломатов, военных, путешественников, журналистов [Данциг 1, с. 289—342]. Появление их было вызвано исключительно высоким интересом русской общественности к так называемому Восточному вопросу, в основе которого лежал целый комплекс международных проблем, связанных с упадком Османской империи, зарождением и последующим бурным развитием национально-освободительной борьбы нетурецких народов Османской державы (подробно см. [Георгиев и др., 1978]).

³⁸ А также учебные пособия А.О. Мухлинского (см. [ИОВ 1, с. 398, примеч. 67]).

³⁹ Ранее, в 1908 г., грамматика Еглички с введением Гордлевского была издана литографским способом (см. [Кононов, 1972, с. 238]).

⁴⁰ Как упоминалось в гл. 2, офицер П.П. Цветков был слушателем курса турецкого языка в Учебном отделении Азиатского департамента МИД; он же является автором и русско-турецкого словаря.

Изучение персидской литературы

Призыв к изучению Востока «во всей его обширности», с упоминанием «роскошной литературы Персии», прозвучал в 1855 г. на открытии ФВЯ Петербургского университета — первого по времени факультета восточных языков в России — в официальной речи проф. А.В. Попова: «Таким образом возник в нашем университете особый факультет восточных языков, учреждение новое, единственное... Теперь мы имеем все пособия, все средства к изучению Востока во всей его обширности. Пламенная поэзия арабов, роскошная литература Персии и Турции, умозрительное учение буддистов, священный язык евреев и иероглифы Китая имеют своих истолкователей, своих усердных проповедников» [Данциг 1, с. 241—242].

Первая диссертация на соискание степени магистра восточной словесности, защищенная в Петербургском университете, была иранистической. Речь идет о диссертации Ивана Зиновьева «Эпические сказания Ирана». Бартольд называет еще одно имя: «М. Никитский... магистр факультета... В... 1856 г. он подал прошение о допущении его к чтению лекций по персидской словесности в звании приват-доцента без жалованья, причем представил диссертацию pro venia legendi „Хафиз, как поэт мистический“» [IX, 127].

Кафедру персидской словесности ФВЯ в 1870 г., после кончины Казем-Бека, возглавил С.И. Черняев. Ученик Сенковского, выпускник Петербургского университета 1836 г. Сергей Иванович Черняев (1818—1888) много лет провел на дипломатической работе в Иране. Персидский язык, по словам Н.И. Веселовского, он «изучил как родной» и прекрасно знал «иранскую действительность». Черняев читал курс персидской литературы по два часа в неделю, дополняя его на языковых занятиях чтением со студентами персидской поэзии («Шах-наме» Фирдоуси, газели Хафиза) и художественной прозы («Гулистан» и «Бустан» Саади, «Анвар-и Сухайли» Кашифи).

Деятельность Черняева, по оценке специалистов, не оставила заметного следа в науке. Курс литературы, который он читал на факультете в течение 17 лет (1870—1887), не нашел отражения ни в его печатных работах, ни в отзывах и воспоминаниях его слушателей, среди которых были такие впоследствии крупные ученые, как К.Г. Залеман и В.А. Жуковский.

К сожалению, утрачен для науки и тот курс истории персидской литературы, который на протяжении более чем трех десятилетий (1886—1918) читал с небольшими перерывами, вызванными

поездками в Иран, В.А. Жуковский — крупнейший русский ирановед, в широкую сферу научных интересов которого вошла персидская литература (о нем и список его трудов см. [ОИРВ, V; Бушев, 1959]).

Лекции по истории персидской литературы Жуковский дополнял практическими занятиями — чтением и толкованием поэтических и прозаических памятников персидской классики; к традиционно читаемым текстам (Саади, Фирдоуси, Хафиза, Мирхонда) он добавил занимавшие его как исследователя четверостишия Омара Хайяма, суфийскую агиографическую литературу — биографию шейха Абу Саида Мейхенейского (см. [Умняков, 1960]).

Его магистерской диссертацией и первой печатной работой была книга «Али Аухадэддин Энвери» [Жуковский, 1883], ставшая первым русским фундаментальным исследованием персидской литературы. Заслугой Жуковского в развитии ирановедческого образования в России является и издание двух учебных пособий: «Краткой грамматики новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии» (1890), подготовленной им совместно с К.Г. Залеманом, и текста «Сказок попугая» [Жуковский, 1901], с чтения которых начинали свое знакомство с персидской литературой и персидским языком многие поколения иранистов.

Выше, в гл. 1, говорилось о крупном центре востоковедного образования второй половины XIX в. — Лазаревском институте восточных языков. Здесь следует отметить роль, которую сыграло это учебное заведение в сложении отечественной школы исследователей персидской письменной культуры. Именно с учреждения в ЛИВЯ в 1849 г. кафедры персидского и арабского языков начинается преподавание персидской литературы в Москве. Назовем еще раз имена преподавателей-иранистов этого института: С.И. Назарянц, И.Н. Холмогоров, Ф.Е. Корш, М.-А. Гаффаров, А.Е. Крымский.

Роль высших учебных заведений России в поступательном развитии отечественной иранистики заключалась не только в создании иранистической школы, в подготовке квалифицированных кадров, но и в создании обширной книжной научной базы, и прежде всего в составлении коллекций персидских рукописей — ценнейшего фонда источников для изучения истории культуры, языка и литературы персоязычных народов.

Лазаревский институт с первых лет своего существования создавал библиотеку, приобретая рукописи и книги в России и за границей (в Вене, Венеции, Париже, а также в странах Ближнего и Среднего Востока). В 1913 г. библиотека Специальных классов этого института насчитывала 12 066 названий (19 876 томов) [Базиянц, 1959, с. 40—42]. Одним из самых богатых фондов на восточных языках являлся фонд персидских книг и рукописей.

Так, в «Каталоге книг и рукописей библиотеки Лазаревского института восточных языков», изданном в 1888 г., самыми большими разделами после армянских книг и рукописей были арабский и персидский (см. [Базиянц, 1973, с. 93—95]), включавшие десятки персидских рукописей — литературное наследие корифеев персидской классической литературы: Низами, Анвари, Саади, Джами, Джалал ад-дина Руми.

Библиотека ФВЯ была заложена в 1819 г. — год основания Петербургского университета. Ее фундамент составили переданные из петровской Кунсткамеры и Азиатского музея Академии наук восточные рукописи на арабском, персидском, турецком и татарском языках, а также научные издания по востоковедению. Востоковедная библиотека университета постоянно пополнялась планомерными закупками и благодаря дарам и пожертвованиям. Большую роль в комплектовании этой библиотеки сыграл акад. Залеман. Вместе с Розеном он опубликовал каталог библиотечных рукописей [Залеман, Розен, 1888—1889]. К концу рассматриваемого периода фонд восточного отдела библиотеки насчитывал около 1300 рукописей⁴¹.

Персидские рукописи Петербургского университета вместе с рукописными коллекциями Императорской Публичной библиотеки и Азиатского музея Академии наук составили ценнейший фонд, одно из крупнейших мировых собраний персидских рукописей, обеспечивших Петербургу роль центра иранистических исследований, в частности в области персидской литературы.

Главенствующая роль среди русских хранилищ рукописей начала XIX в. принадлежала Азиатскому музею Академии наук. К концу рассматриваемого периода он обладал крупнейшим фондом персидских рукописей (около 2 тыс. томов); из них почти половина являлась произведениями художественной литературы⁴². Необходимо отметить, что именно составителям печатных каталогов рукописных собраний отечественная иранистика была нередко обязана первыми вводимыми в научный обиход сведениями о тех или иных писателях и поэтах либо отдельных произведениях. В качестве примера можно назвать «Каталог восточных манускриптов и ксилографов Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге» [Dorn, 1852] или другой — также один из самых ранних научных каталогов персидских рукописей —

⁴¹ См.: *Абрамов А.Т.* Библиотека восточного факультета. — Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960 (полное описание сборника см. в Библиографии).

⁴² О комплектовании в Азиатском музее фонда персидских рукописей, о составе коллекции, о развитии персидской филологии и исследованиях в области персидской литературы, а также характеристику рукописей литературного содержания см. [Баевский, Ворожейкина, 1972].

«Научные коллекции Института восточных языков Министерства Иностранных Дел» (т. III. Персидские рукописи) [Rosen, 1866].

Две линии развития отечественного ирановедения: 1) совершенствуемое от десятилетия к десятилетию высшее иранистическое образование с традиционным обучением персидскому языку на литературно-художественных текстах, в сочетании с общими курсами страноведческого характера, из чего постепенно выросли специальные курсы по истории персидской литературы; 2) создание рукописных хранилищ, планомерное собирание коллекций персидских манускриптов, их учет, научное описание, публикация каталогов — обеспечили успех в деле создания отечественной иранистики, в которой к концу XIX в. выделилась в качестве самостоятельной науки школа русских исследователей персидской литературы.

Иранистическое литературоведение как научное направление в России имело свою интересную предысторию. Работы по персидской литературе — мелкие публикации художественных произведений, переведенных с подлинника, короткие популярные очерки из истории классической литературы — достаточно широко публиковались на страницах научных и литературно-общественных периодических изданий начиная с 1820-х годов.

В течение всего XIX в. в русских изданиях было опубликовано немногим более 80 работ по персидской литературе (если иметь в виду статьи и заметки), а также выходили переводы с персидского языка. Основное число их приходится на последние два десятилетия прошлого века, главным образом на 90-е годы (в 80-е годы появилось в печати приблизительно 20 работ, в 90-е годы — свыше 40). Та же интенсивность, что в конце века, наблюдается и в конце рассматриваемого периода (1900—1916). Не останавливаясь подробно на характере этих работ, отметим только, что изучение персидской литературы в XIX в. вплоть до 80—90-х годов шло в основном по линии ознакомления с литературным наследием прежде всего Саади и Фирдоуси; при этом для начала XIX в. был характерен интерес к Джами, а к концу столетия — к Омару Хайяму⁴³.

⁴³ При написании настоящего раздела использована картотека готовившейся к печати аннотированной библиографии отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии (1800—1916), подготовленной научным сотрудником сектора Среднего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Л.Н. Карской. Раздел по новоперсидской литературе в этой картотеке (не учитывающей книги и публикации в изданиях художественной литературы) включает 109 карточек. Считаю своим долгом выразить Л.Н. Карской признательность за любезное предоставление материалов этого раздела библиографии для ознакомления.

Важной вехой в становлении серьезных научных исследований о новоперсидской литературе в России следует считать год, когда вышла из печати книга К.Г. Залемана — его магистерская диссертация «Четверостишия Хакани» [Залеман, 1875]. Во введении к книге он подчеркнул резкое несоответствие между исключительно эстетической и историко-литературной ценностью персидской поэзии, ее ролью в истории всемирной литературы и скудостью сведений о ней, которые за сто с лишним лет обращения к предмету накопила европейская иранистика. Отмечая в качестве основной трудности отсутствие надежной текстологической базы, Залеман ставит во главу угла персидского литературоведения создание критических текстов. В качестве первого опыта такого рода работы он считал свою критическую публикацию 230 четверостиший поэта XII в. Хакани, снабженную глоссарием. В обширном филологическом наследии ученого книга о Хакани осталась единственной работой, посвященной новоперсидской литературе. Но в деятельности его ученика В.А. Жуковского персидская литература — средневековая, современная и фольклорная — получила наконец в русской науке освещение во всем своем богатстве, своеобразии и исторической перспективе.

Бартольд связывал имя Жуковского с новым этапом в развитии отечественной иранистики — обращением к Ирану мусульманскому [IX, 689—703]. Длительное и интенсивное научное творчество Жуковского составило целую эпоху в развитии отечественной науки о персидской литературе.

Сформулированная Залеманом важнейшая задача персидской филологии — издание критических, комментированных публикаций произведений крупнейших авторов и изучение на этой основе «развития литературы и господствующих в ней идей» [РАН, ф. 87, оп. 1, д. 111, л. 7—8] — побудила Жуковского к осуществлению своей первой работы, посвященной творчеству выдающегося персидского поэта XII в. Анвари и имеющей весьма скромный подзаголовок — «Материалы для его биографии и характеристики» [Жуковский, 1883]. В действительности эта работа представляет собой первое в науке критическое издание части дивана Анвари с монографическим описанием жизни и творчества поэта. Ученый дополнил издание публикацией извлечений из восточного комментария на касыды Анвари и сведений персидских средневековых антологий.

В основу своего филологического труда Жуковский положил 28 рукописей петербургских хранилищ. В предисловии к работе он утверждает, что «изучение всякого поэта должно стоять в самой тесной связи с изучением явлений общественной и умственной жизни». Искусно применяя это положение в своем исследовании, автор обнаруживает «философско-моралистическую под-

кладку» блестящих панегириков этого одного из крупнейших персидских придворных поэтов⁴⁴.

В 1897 г. ученый выступил со статьей «Омар Хайям...» [Жуковский, 1897]⁴⁵, где впервые были сформулированы научные принципы критики текста и установления подлинности стихов, приписываемых Омару Хайяму. Принципы эти были значительным шагом вперед в развитии методов персидской текстологии. В результате кропотливой работы над широким кругом рукописей исследователь документированно точно показал, что по крайней мере пятая часть приписываемых Хайяму рубаи (82 четверостишия), преимущественно содержащих идеи эпикуреизма и скептицизма, «странствуют» в диванах 39 других персидских поэтов. Это до известной степени проливало свет на загадочную до того крайнюю противоречивость взглядов великого поэта-вольнодумца.

Равно как и книга Залемана о Хакани, исследования Жуковского об Анвари и Омаре Хайяме, основанные на скрупулезных текстологических изысканиях, положили начало отечественной критико-филологической школе персидского литературоведения, получившей широкое признание в мировом востоковедении.

Командировки Жуковского в Персию в 1883—1886 и в 1889 гг. имели решающее значение в формировании научных интересов исследователя [Бушев, 1960]. Эти годы он проводит в напряженной работе по овладению разговорной персидской речью, сбору языковых, литературных и этнографических материалов, в поисках и покупке книг и рукописей. Живое общение с населением, обилие новых материалов, собранных в Тегеране, Исфахане, Ширазе, побудило его к изучению современной духовной и литературной жизни Персии. Жуковский выступил ученым-первооткрывателем в ряде областей ирановедения, в частности в исследовании персидской народной литературы⁴⁶. Собранный им в Персии фольклорный материал — записанные в оригинале народные романсы, свадебные и колыбельные песни, загадки, стихотворные присказки, песни погонщиков и т.п. — с русским переводом и со словарем редких слов составил фундаментальное издание [Жуковский, 1902], отмеченное по выходе большой золо-

⁴⁴ Книга Жуковского об Анвари была сразу же тщательным образом отрецензирована Залеманом [ЖМНП. 1883, ч. 230, ноябрь]. При общей высокой оценке рецензент отмечает ряд погрешностей в трактовке отдельных стихов Анвари. Эта часть рецензии до сих пор чрезвычайно поучительна в плане критико-филологических методов работы над поэтическим текстом.

⁴⁵ Статья была вскоре переведена на английский язык Д. Россом (см. [JRAS. 1898, с. 349—366]).

⁴⁶ До Жуковского была издана только одна большая работа (*Chodzko A. Specimens of the Popular Poetry of Persia*. [Б.м.] 1842), где записи фольклорных произведений приведены в переводе, без персидского оригинала.

той медалью РГО. Дополненные рядом статей и докладов [Жуковский. Колыбельные, 1889; Жуковский, 1889 и 1893], «Образцы персидского народного творчества» явились, по существу, первым научным опытом систематизации и анализа (с этнографической и литературно-художественной стороны) произведений персидской народной словесности.

Столь же свежими по материалу и освещению были статьи и заметки ученого, посвященные странствующим сюжетам мировой литературы у персов (Шемякин суд, Соловей и Муравей, Варлаам и Иосаф), а также популярной лубочной литературе [Жуковский, 1891, 1899(2), 1887 и 1904].

Безусловно, первым из европейских исследователей Жуковский выделил в качестве самостоятельного и важного объекта исследования *бачехани* — детское чтение, самую доступную и распространенную литературу, соками которой по преимуществу и питается, по замечанию ученого, значительная часть персидского населения.

Основным предметом научных занятий ученого со времени его поездок в Персию и до конца дней становится религиозная жизнь персидского народа в прошлом и настоящем. Он обращается к исследованию суфизма — сложного и малоизученного религиозного философско-мистического течения, игравшего на протяжении веков определяющую роль в истории идеологической и литературной жизни Персии и других стран Ближнего и Среднего Востока. Работы Жуковского в этой области заложили основы суфиеведческого направления в отечественной иранистике, и в этом состоит исключительная заслуга ученого.

Рукописные хранилища Петербурга, и прежде всего Азиатский музей, располагавший сотнями рукописей суфийского содержания, предоставляли богатые возможности для изучения суфизма. По редким манускриптам, использовав в фотокопиях списки Ташкента, Вены и Копенгагена, исследователь дал научные издания трех крупных памятников раннего персидского суфизма, по преимуществу освещавших жизнь и деятельность известного шейха XI в. Абу Саида Мейхенейского, которому традиция приписывает множество популярных в народе четверостиший [Жуковский, 1899 (3), 1899 (1) и 1926].

Он провел оригинальные исследования с элементами анализа художественных особенностей суфийской поэзии на примере двух крупнейших суфийских поэтов XI в. — Абдаллаха Ансари [Жуковский, 1895 (1)] и Баба Тахира [ЗВОРАО. 1901, т. XIII, вып. 4]. В статье «Человек и познание у персидских мистиков» ученый сделал попытку проанализировать почти не затрагивавшиеся прежде исследователями ранние суфийские источники, в частности «Псевдо-Маназил ас-Саирин» Абдаллаха Ансари, «Кашф

ал-Махджуб» Джуллаби, «Мирсад ал-Ибад» Рази, что дало ему возможность выявить основные начала суфийского учения, ярко обрисовать фигуры суфийских деятелей и пути их влияния на народные массы [Жуковский, 1895 (2)].

Со времени Жуковского персидское литературоведение прочно входит в круг научных направлений, разрабатываемых отечественными востоковедами. Прямым продолжением начинаний этого ученого явилась научная деятельность его учеников — В.А. Иванова и А.А. Ромаскевича.

Владимир Алексеевич Иванов (1886—1970), окончивший ФВЯ в 1911 г., совершил в 1910—1914 гг. несколько поездок по Персии, собрав ценный материал по персидским диалектам и народному творчеству. Это и послужило основой его первых печатных выступлений. В статье «Несколько образцов персидской народной поэзии» он опубликовал 68 коротких народных стихотворений, предварив публикацию литературно-художественным анализом [Иванов, 1916]. Не без влияния Жуковского в первые же годы научной деятельности Иванова проявился его серьезный интерес к религиозно-философским учениям Персии, в частности к суфизму⁴⁷, и деятельности современных сект (впоследствии этот интерес сосредоточился на исмаилизме). Статья «Исмаилитские рукописи Азиатского музея» [Иванов, 1917] стала его первой работой в длинном списке опубликованных им в дальнейшем трудов по истории и философии исмаилизма. Он служил в Азиатском музее с 1915 по 1918 г. Дальнейшая его деятельность протекала в Индии и Иране.

Основной областью исследовательских интересов Александра Александровича Ромаскевича (1885—1942), ближайшего ученика и последователя Жуковского, стала с первых лет его научной деятельности народная литература Персии. Громадное количество полевых записей, сделанных Ромаскевичем во время его поездки по Персии в 1913—1914 гг., послужило основой его ценнейших публикаций и исследований по песенному фольклору (четверостишия, колыбельные, «чужбинные» песни) и по творчеству народных сказителей. Первая из серии этих работ, «Персидские народные четверостишия», была издана еще при жизни Жуковского [Ромаскевич, 1916].

Выдающийся педагог и ученый, долгие годы проработавший в Ленинградском университете и в Институте востоковедения, А.А. Ромаскевич был одним из основателей советской иранистики.

⁴⁷ Ivanow W. Biography of Schaykh Ahmad-i-Jam. — J.R.A.S. 1917, с. 291—365.

Изучение истории, религии и культуры Персии

Началу бурного расцвета иранистических исследований в России во второй половине XIX в. способствовали общий подъем общественно-политической жизни в России, выдвижение и развитие новых концепций в гуманитарных науках, появление плеяды хорошо подготовленных специалистов по Персии и более спокойное, чем в первой трети века, состояние русско-персидских отношений. Специалисты по Персии получили возможность более объективно оценивать внутривосточное положение в этой стране, деятельность шаха и наиболее видных сановников, внешнюю политику шахского правительства, обстоятельно заняться изучением истории и культуры этого государства, а также русско-персидских отношений.

Особенностью этого изучения следует считать повышенный интерес российских исследователей к проблемам современности, а также к истории Персии и русско-персидских отношений в первой половине XIX в. Это в известной мере определялось двумя прошедшими русско-персидскими войнами, гибелью российской миссии в Тегеране, антирусскими интригами английских колонизаторов при Тегеранском дворе, а также мощным антихаджарским движением бабидов и первой попыткой реформировать Персию, предпринятой садразамом (премьер-министром) Мирзой Таги-ханом Амир Кабиром.

Изучение отношений двух держав не было главным направлением в иранистике. Ученые, связанные с Академией наук и университетами двух столиц, отдавали предпочтение исследованиям в области персидской филологии, древней, а больше средневековой истории Персии и сопредельных с ней стран, а также в области классической персидской литературы и культуры с акцентом на анализе суфизма, или, по выражению А.Е. Крымского, «дервишеской теософии».

Однако «современность» была настолько животрепещущей, что статьи о положении в Персии, русско-персидских отношениях и англо-русском соперничестве не сходили со страниц наиболее популярных общественно-политических, экономических, военных и исторических журналов и серийных изданий.

Первым сводным трудом по истории отношений России и Персии было исследование чиновника Коллегии иностранных дел, потом директора Азиатского департамента МИД Семена Михайловича Броневского (1763—1830). Этот труд он хотел издать под названием «Исторические известия о сношениях России с Персией, Грузиею, Черкессами и другими горскими народами со времен царя Ивана Васильевича Грозного до восшествия на престол императора Александра I»; в качестве приложения к нему он

подобрал договоры и различные выписки из документов Петербургского архива Государственной Коллегии иностранных дел. Но рукопись не была издана, хотя о ее существовании знали многие. Сейчас она хранится в Архиве востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН под названием «Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Ивана Васильевича донине», точнее, до 1806 г. [АВ, разр. II, оп. 2, № 1] (см. также [Косвен, 1958, с. 200; Косвен, 1961, с. 153; Кузнецова, 1963, с. 154—160]). Ею пользовался известный ученый-кавказовед и государственный деятель акад. П.Г. Бутков (1775—1857) при подготовке своего капитального труда «Материалы для новой истории Кавказа», в котором он цитирует С.М. Броневского [Бутков, 1869, с. 79, примеч. 3] и одновременно указывает, что Броневский, включив в свою книгу его (Буткова) описание Кубинской области, не сослался на источник (см. [Косвен, 1961, с. 153]).

Бутков начал свое знакомство с Персией в качестве участника Персидского похода В.Г. Зубова в 1795—1796 гг. Занимая должность правителя дел канцелярии главнокомандующего на Кавказе в 1799—1803 гг., он стал собирать документы и различные материалы об отношениях России с Персией и Османской империей. Наиболее интересна для истории русско-персидских отношений XVIII в. третья часть «Материалов для новой истории Кавказа», где автор показал развитие этих отношений, опираясь на многочисленные документы и разнообразные материалы, но в трактовке отношений не отошел от официального курса Петербургского двора. Исследование Буткова было издано посмертно. Оно настолько обстоятельно документировано и так обильно насыщено фактическим материалом, что до сих пор отечественные исследователи постоянно прибегают к нему и на него ссылаются. Иными словами, фундаментальный труд Буткова, осветивший причины Персидского похода Петра I, характер восточной политики Екатерины II и другие острые моменты в русско-персидских отношениях, не утратил своего познавательного значения и поныне.

Истории отношений между Россией и Персией, только более раннего периода, посвящены работы Н.И. Веселовского: его капитальные «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», статья «Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персии и Бухаре в XVII в.» и др.

Известие об уничтожении в Персии российской миссии во главе с послом А.С. Грибоедовым потрясло российское общество. Многие требовали «наказать» шахское правительство за нарушение международного права и за недружественное отношение к России после только что подписанного Туркманчайского мирного договора. Но у Петербурга — Николая I, двора, Министерства

иностранных дел — была иная позиция. Царское правительство не хотело дальнейшего обострения отношений с Персией, не хотело третьей русско-иранской войны и поэтому согласилось на «извинение», «искупительное посольство» внука шаха. Принятая официальная версия Тегерана и Петербурга (в случившемся виноват сам Грибоедов) привела к тому, что при жизни Николая I о гибели российской миссии в Тегеране в России ничего не печаталось.

После смерти императора появились первые публикации об обстоятельствах гибели российской миссии в Тегеране. Е. Серчевский в своем издании об А.С. Грибоедове поместил перевод с французского языка рассказа одного перса о разгроме миссии (рассказ был опубликован в Париже в 1830 г.)⁴⁸.

Изучение «грибоедовского дела» начал А.П. Берже — выпускник ФВЯ, известный ученый-кавказовед, работавший в канцелярии кавказского наместника М.С. Воронцова в Тифлисе. Возглавляя Кавказскую археографическую комиссию и отбирая дипломатические документы для печати, он имел возможность познакомиться с подлинными донесениями А.С. Мальцева, А. Альбургера, И.Ф. Паскевича, где подробно излагались события и высказывались мнения о причинах разгрома миссии и о его виновниках.

Берже в «Русской старине» поместил основанные на архивных материалах три статьи о Грибоедове: «Смерть А.С. Грибоедова. Исследование по подлинным неизданным документам» (1872, т. 6), «А.С. Грибоедов в Персии и на Кавказе (1818—1827)» (1874, т. 11) и «А.С. Грибоедов, деятельность его как дипломата (1827—1829)» (1874, т. 11; 1876, т. 17). Кроме того, он опубликовал в популярных и широко известных «Актах, собранных Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК) несколько подлинных документов о сложившейся ситуации в Персии и в Тегеране в конце 1828 — начале 1829 г., о подстрекательстве англичан и гибели Грибоедова почти со всем составом миссии.

Эти публикации положили начало научному изучению деятельности Грибоедова на Востоке. Статьи о Грибоедове были опубликованы также Д.А. Ефремовым, П. Ефремовым, А. Мальшинским и другими неиранистами. Судьба Грибоедова и членов его миссии продолжала волновать ученых и общественность России и в XX в., о чем свидетельствует большая литература по этой теме [Ениколопов, 1954; Шостакович, 1960; Попова, 1964].

Большое внимание уделялось также деятельности А.П. Ермолова, с именем которого связывалось проведение российской по-

⁴⁸ Реяция происшествий, предшествовавших и сопровождавших убийство последнего русского посольства в Персии в 1829 г. — А.С. Грибоедов и его сочинение. СПб., 1858, с. XXV—XXXII.

литики в Персии в 1816—1827 гг. В 1868 г. были опубликованы «Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 2. 1816—1817». В «Русской старине» (1872, т. 5; 1885, т. 48) Берже издал письма Ермолова к М.С. Воронцову и В.О. Бебутову, касавшиеся русско-персидских отношений. Берже поддерживал наступательную политику России на Востоке, присоединение к России считал благотворным для мусульманских народов, а миссию России на Востоке — цивилизаторской.

Именно в таком ключе он подавал деятельность кавказских наместников А.П. Ермолова, И.Ф. Паскевича, Н.Н. Муравьева, М.С. Воронцова, а также наиболее видных военачальников и гражданских чиновников, с именами которых связаны развитие русско-персидских отношений в первой половине XIX в. и две русско-персидские войны: 1804—1813 и 1826—1828 гг. Биографии этих деятелей он опубликовал в АКАК.

Материалы о деятельности кавказских наместников, их биографии, дневники и т.п. были подготовлены и другими авторами, так что читающей России была хорошо известна деятельность основных проводников царской политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Являясь кавказоведом, Берже был хорошо подготовлен и в области иранистики: знал персидский язык, историю Персии, изучал русско-персидские отношения, публиковал статьи о Персии в газете «Кавказ», в «Кавказском календаре» и «Русской старине». Его интересовало в основном современное положение Персии, быт и нравы населения, государственное управление. Очень полезны были статьи Берже о почтовой службе в стране, «О должностях в нынешней персидской администрации», «О должностях духовного звания в Персии», «О народных праздниках, постах и знаменательных днях у мусульман-шиитов и у персиян в особенности», «Могилы святых и другие места, уважаемые мусульманами», очерк о Фатх Али-шахе и его многочисленных сыновьях [Русская старина. 1880, т. 28]. Сохраняют научную ценность и поныне его статьи «Присоединение Грузии к России. 1787—1801. Историческое исследование», «Хосров-мирза. 1813—1875. Историко-биографический очерк», «Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персию. 1806—1853. Историко-биографический очерк» (см. соответственно [Русская старина. 1886, т. 50; 1879, т. 25; 1876, т. 15]).

Много внимания русские исследователи уделяли анализу русско-персидских войн. Наиболее значительными по богатству собранного материала были работы В.А. Потто «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» (т. I—IV. СПб., 1885—1888), Н.Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе» (т. III—IV. СПб., 1885—1888), А.П. Щербато-

ва «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич» (т. II—III. СПб., 1890—1891). Эти исследователи, естественно, не были иранистами, но в их работах так или иначе отражена история этой страны, в частности рассмотрены реформа персидской армии, начатая Аббасом Мирзой, военный потенциал Персии, боеспособность ее войск.

Тесно связана с историей русско-иранских отношений деятельность русских (как и английских) комиссаров-посредников в смешанных ирано-турецко-англо-русских комиссиях по ирано-турецкому разграничению (см. [Чириков, 1875; Хуршид-эфенди, 1877; Минорский, 1915 и 1916 (2)]). Их публикации служат своеобразными источниками, документами при решении спорных пограничных вопросов между Турцией и Ираном, Ираком и Ираном. Кроме того, в них содержится много материалов по социально-экономическим и политическим проблемам XIX в. К этим публикациям примыкает «Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана, составленная Корниловым» (1905), а также книга Д.Н. Логофета «На границах Средней Азии. Кн. 1. Персидская граница» (1909).

Большая часть таких материалов была связана с путешествиями по Персии и специальными поездками в эту страну. Так родилась, например, обстоятельная работа И.Ф. Бларамберга (см. ниже). Но лучшим в XIX в. считалось описание путешествия по Персии И.Н. Березина.

Илья Николаевич Березин (1818—1896), профессор Казанского, а затем Петербургского университетов, вошел в историю отечественного востоковедения как многогранный ученый, оставивший труды в разных отраслях востоковедения, в частности по персидскому языку и исламу. Наиболее известны его исследования по истории Золотой Орды (1850), Улуса Джучи (1863), переводы трудов Шейбани, Рашид ад-дина, Абульгази, изданные в серии «Библиотека Восточных историков» в 1849—1854 гг. Само издание «Библиотеки» явилось предприятием новым и весьма симптоматичным — это уже было научное издание, а не «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, и востоковеды занимались переводами восточных исторических источников и составлением критических текстов (В.В. Вельяминов-Зернов и др.).

Заслуга Березина — издание «Сборника летописей» Рашид ад-дина (1853—1888), этого замечательного памятника персидской исторической мысли.

Популярность этому ученому принесли его очерки, путевые заметки, опубликованные после его возвращения из трехгодичного путешествия по Востоку (1842—1845), которое он проделал вместе с другим магистром Казанского университета — В. Диттелем, рано умершим востоковедом-ближневосточником (см.

[ИОВ 1, гл. 3]). Березин проехал всю Персию (Ленкорань, Ардебиль, Тебриз, Зенджан, Казвин, Исфахан, Тегеран, Кум, Кашан, Шираз, Казерун, Бендер-Бушир) и через Персидский залив прибыл в Османскую империю. Во второй том его «Путешествий по Востоку» вошли путевые заметки по Северной Персии и Тегерану. В книге много этнографических зарисовок, описаний городов, базаров, ремесленных мастерских, исторических памятников — ничто не ускользнуло от взгляда наблюдательного путешественника. «Путешествие по Северной Персии» было полезно не только для современников Березина [Кузнецова и Данциг, 1956]. И сейчас исследователи прибегают к этому обстоятельному описанию Персии середины XIX в.

Южной Персии посвящены отдельные очерки-зарисовки Исфахана, Шираза, Бендер-Бушира, о-ва Харк (Харг). Березин посетил Кербелу после подавления восстания шиитов (арабов и персов), когда город был отдан на разграбление турецким войском. Паломники (до 50 тыс. в год) пользовались освобождением от пошлин на персидских таможах для торговли и при благоприятных обстоятельствах могли сделать из богомолья «выгодную спекуляцию» [Березин. Кербеля, 1848, с. 229].

Много внимания он уделял исламу, религиозным обрядам (шахсей-вахсею, рамазану) и противоречиям. У Березина немало критических высказываний об исламе, его влиянии на общественную и экономическую жизнь в мусульманских странах. Однако он объяснял «неподвижность Востока» не только господством ислама. В очерке о караван-сарае, опубликованном в «Русском вестнике», он писал: «Отсутствие гражданской свободы и личной неприкосновенности, неимение правосудия и малейшей тени самостоятельности давило и унижало народ в моральном отношении, причем останавливалось и развитие материального богатства» (с. 710).

Работы Березина, в том числе его описания путешествия по Востоку, были высоко оценены русской общественностью⁴⁹ и европейскими востоковедами. Французский ученый Гюстав Дюга в своей работе об ориенталистах отметил, что Березин во время путешествия собрал новые факты об азиатских народах и что «его книги послужат нам для лучшего изучения Востока»⁵⁰. Русское географическое общество высоко оценило научное значение путешествия Березина. В «Обзрении главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 г.» [ЗКВ. 1925, т. I, с. 174—175] К.В. Свенске отметил: «Он добыл богатые, частью совсем новые материалы об истории и географии Востока,

⁴⁹ Н.Г. Чернышевский считал Березина одним из лучших профессоров Петербургского университета.

⁵⁰ *Dugat G. Histoire des orientalistes de l'Europe. Vol. II. P., 1868, с. 20.*

снял множество древних надписей, до 40 планов и 300 рисунков и собрал много сведений о нравах, обычаях и поверьях жителей Востока» [Вестник РГО. 1851, кн. 2, ч. 1, с. 116—117]. И сегодня мы можем повторить слова, сказанные С.Ф.Ольденбургом на заседании, посвященном столетию со дня рождения Березина: «Путешествия Березина мы читаем с удовольствием и пользой еще и теперь, через 70 лет: в них и материалы для нас ценные, и страницы из истории русского востоковедения» [ЗКВ. 1925, т. 1, с. 176].

С середины XIX в. изучением Персии стали активно заниматься офицеры Генерального штаба, интересовавшиеся преимущественно топографией страны, ее военно-политическим положением, экономическими возможностями. Начало таким исследованиям было положено еще в первой половине столетия; лучшим из них тогда было «Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф. Бларамбергом в 1841 г.» (СПб., 1853).

Впоследствии было издано много работ военных авторов: «Военно-статистический очерк Персии» генерала А.М. Золотарева (1888), описание Ардебильской и Серабской провинций А.И. Ограновича (1876), записки о Восточном Хорасане подполковника Стрельбицкого (1885), работы Л.К. Артамонова «Персия, как наш противник в Закавказье» (1889) и «Северный Азербайджан. Военно-географический очерк» (1890), описание поездки А.Г. Туманского от Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно (1896), «Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана» Орановского (1896), «Поездка по Восточной Персии... в 1894 году» (Географическо-торговое исследование) Баумгартена (1896), «Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1901 г.» П.А. Риттиха (1902) и его же «Железнодорожный путь через Персию» (1900), двухтомные отчеты Максимовича-Васильковского о поездке по Западной Персии (1903), Томилова — о поездке по Персии (1902) и др.

В 1909 г. вышла книга полковника А.И. Медведева «Персия. Военно-статистическое обозрение», где были суммированы сведения о Персии, собранные к началу XX в. Это, по существу, обстоятельный справочник по Ирану, которому предпослан «Краткий военно-исторический очерк сношений и столкновений России с Персией» (с. 7—90).

Пока не издавались эти оригинальные работы и полевые исследования в Персии были ограничены, Военное министерство предприняло серию переводов работ английских военных разведчиков и путешественников, в которых содержались топографические описания, материалы о полезных ископаемых, экономике, состоянии армии. К такого рода публикациям относятся, в частности, «Хорасан. Путешествие по Восточной Персии Мак-Грегора» (Киев, 1886) и «Персия и Персидский вопрос» Дж. Керзона

(М., 1893). Известны и более ранние издания путешествий европейцев в Персию. Например, в 1868 г. вышло «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг.» Адама Олеария.

Другой злободневной темой, преимущественно разрабатываемой публицистами, журналистами, экономистами и путешественниками (М. Венюков, П.И. Пашино), было англо-русское соперничество в Персии (или более широко — на Среднем Востоке, вообще на Востоке). Наряду с легковесными статьями и брошюрами появлялись и серьезные исследования, где анализировались история зарождения соперничества Англии и России, экономические и политические возможности этих стран в деле укрепления в Персии, степень освоения персидского рынка английскими товарами, острота конфронтации, угроза столкновения, отношение персидских правящих кругов и населения к англичанам и русским.

Например, П.И. Пашино (1836—1891)⁵¹ дважды побывал в Персии: в 1861—1862 гг. — в качестве второго секретаря русского посольства и в 1875 г. — как путешественник (шел через всю Персию в одежде паломника-хаджи). Его «Письма о Персии» печатались в газетах «Русь» и «С.-Петербургские ведомости», в приложениях к «Русскому инвалиду» и «Русским ведомостям», а очерк «По забытой сторонке» был опубликован в газете «Обзор». Материалы Пашино обстоятельно знакомили общественность России с положением в Персии: всецельем и произволом шахских властей, отсутствием законности, нищетой крестьян и городских низов, периодическими бунтами населения и солдат, особенностями движения бабидов, процветанием работорговли, причинами неудачной торговли здесь русских купцов (южнее Исфахана русских товаров не было). Критически оценивая царскую политику в Персии, автор считал, что положительное значение для этой страны имеет укрепление экономических связей с Россией и «соприкосновение» с русской культурой (см. [Гневушева, 1953]).

Средне-Азиатский отдел Общества востоковедения издал в 1907 г. «Сборник Средне-Азиатского отдела», почти целиком посвященный Персии. В нем были опубликованы две статьи члена отдела С.Н. Сыромятникова о Персидском заливе (поездка в 1900 г. и сведения о торговле в заливе с древних времен до XX в.), а также описание Йезда, составленное доктором Н.И. Шеталовым.

Несомненным вкладом в отечественную иранистику стали труды М.Л. Томара «Экономическое положение Персии» (СПб., 1895) и Л.Ф. Тигранова «Из общественно-экономических отноше-

⁵¹ О его жизни и путешествиях см. [Гневушева, 1958].

ний в Персии» (Тифлис, 1905). В них настолько обстоятельно охарактеризованы состояние экономики Персии к началу XX в., позиции европейских держав в стране и ее внешняя торговля, а также социально-экономическое положение различных слоев населения, что даже реферат, подготовленный М.П. Павловичем в основном по книге Тигранова, был опубликован в востоковедном французском журнале и переводился на другие языки. Пользовались популярностью среди специалистов и работы А. Миллера о Сеистане, Кермане, караванных путях в Сеистан, Персидском Белуджистане (1904, 1907), книга Собоцинского «Персия. Статистико-экономический очерк» (СПб., 1914) и труд Л.Ф. Богданова «Персия в географическом, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении» (СПб., 1909).

Однако иранисты «академической школы» не считали эту публицистику по проблемам современности научной литературой, хотя описания поездок по Персии, составленные серьезными путешественниками, особенно получившими востоковедное образование (например, Пашино), были достаточно глубокими и чрезвычайно информативными. Да и, как уже говорилось, прославленные ученые-иранисты часто начинали свою научную деятельность с небольших путевых заметок, очерков, сообщений по частным вопросам. Речь идет о И.Н. Березине, Н.В. Ханькове, В.А. Жуковском.

Среди «академических ученых» были и такие, которые интересовались современным Востоком. Таковым на кафедре истории Востока ФВЯ Петербургского университета был Г.В. Мельгунов. На развитие его научных интересов большое влияние оказали В.В. Григорьев и Б.А. Дорн. Результатом его командировки в Персию явился труд «О южном берегу Каспийского моря» [Мельгунов, 1863], высоко оцененный Дорном и Берже. Работая в 1868—1878 гг. на кафедре Григорьева, он стал заниматься изучением новой истории Персии и написал магистерскую диссертацию «Ага Мухаммед хан — основатель ныне царствующей в Персии династии Каджаров». Мельгунов, как впоследствии Ольденбург и Крымский, доводил свой курс истории Персии до второй половины XIX в. Правда, Бартольд считал, что лекторы, читающие историю Востока, не имеют профессионального исторического образования, излагают лишь некоторые факты политической истории, не давая развернутой картины исторической жизни народов, не умеют определить ценность исторических исследований и не знают, как следует изучать Восток. Для второй половины XIX в. это были максималистские требования к иранистам. Самому Бартольду лишь в самом конце столетия удалось создать капитальный труд по истории Туркестана эпохи монгольского завоевания, удовлетворявший выдвинутым самим автором принципам.

Во второй половине XIX в., таким образом, продолжали развиваться наметившиеся еще в первой половине столетия основные направления иранистики. Устойчивой оставалась тенденция сохранения «комплексности» в подготовке иранистов. Выдающиеся иранисты России в одном лице сочетали профессии лингвиста, литературоведа, историка, религиоведа, вернее, востоковеда широкого профиля — специалиста по мусульманскому миру, знающего три-четыре восточных языка, религию, историю и культуру народов Османской империи, Персии, Средней и Центральной Азии, Кавказа и Закавказья. Энциклопедичность была характерна не только для самых выдающихся востоковедов, изучавших мир ислама, каковыми являлись А.К. Казем-Бек, И.Н. Березин, Н.В. Ханьков, В.Р. Розен, В.А. Жуковский, В.В. Бартольд, А.Е. Крымский, но и для иранистов средней руки, таких, как И.Ф. Готвальд, И.Н. Холмогоров, К.А. Иностранцев, А.Р. Штакельберг. Это, видимо, частично объяснялось всей системой обучения будущих специалистов, предусматривавшей широкопрофильную подготовку по всему мусульманскому миру, в результате чего выпускники могли обеспечить преподавание нескольких дисциплин или вести практическую работу в разных странах.

Иранисты, связанные с университетами, Лазаревским институтом восточных языков, с Петербургской Академией наук (и Азиатским музеем), сохраняли преимущественно интерес к средневековой истории и культуре Персии: к сасанидскому периоду (К.П. Патканов, К.А. Иностранцев, К.Г. Залеман, Ф.А. Розенберг), периоду завоевания страны арабами и монголами (И.Н. Березин, В.А. Жуковский, С.И. Назарянц, В.В. Бартольд, А.Е. Крымский), сефевидскому периоду (Н.И. Веселовский и др.). Например, К.А. Иностранцев исследовал военный трактат из сасанидской «Книги установлений» и извлек из арабских источников свидетельства о развитии культуры при Сасанидах. Розенберг стал заниматься историей и культурой Персии раннего средневековья. Его интересовали тохары и согдийцы, зороастризм и Сасаниды, искусство эпохи Сасанидов. К изучению величайшего литературного памятника «Шах-наме» Фирдоуси автор подошел с позиций историка, о чем свидетельствует его статья о вине и пирах в эпоху Сасанидов. Относительная малочисленность иранистических кадров (многие уходили на практическую работу) не позволяла разбрасываться. Кроме того, многие прошли через изучение персидских рукописей — их коллекционирование, описание, исследование. Эту работу вели известные ученые Б.А. Дорн, Н.В. Ханьков, В.Р. Розен, а также начинающие в XX в. иранисты А.А. Семенов, В.Ф. Минорский, В.А. Иванов, А.А. Ромаскевич.

Продолжалось изучение нумизматических материалов (В.Г. Тизенгаузен), эпиграфики [Дорн, 1895]. Появились первые

работы по мусульманскому, в частности по шиитскому, праву: Н. Торнау «Изложение начал мусульманского законодательства» (1850) и «Мусульманское право» (1866); специально о шиитском праве — «Шера уль-ислям, или законы мусульман шиитского исповедания. Вып. I. О торговле и залоге шейха Абуль Касима аль-Мухагк» (1862).

К концу XIX в. славу отечественной иранистике принесли труды В.Ф. Миллера, К.Г. Залемана, В.А. Жуковского, В.В. Бартольда. Зарубежные ученые следили за публикациями В.Р. Розена и А.Г. Туманского по бабизму и бехаизму. На рубеже двух веков заявили о себе первыми интересными исследованиями А.Е. Крымский, Ф.А. Розенберг и К.А. Иностранцев. В Москве на развитие иранистических исследований продолжал оказывать влияние акад. Ф.Е. Корш. Казанская школа исламоведов в лице Г.С. Саблукова, Н.П. Остроумова, М.А. Машанова, В.П. Наливкина, критикуемая столичными востоковедами, продолжала полезное дело изучения и издания основных восточных источников по исламу и мусульманскому праву, что было очень полезно для практической работы в мусульманских странах и России (в районах, населенных мусульманами) и для научных целей.

Поскольку деятельность Крымского как арабиста и исламоведа освещалась выше, в разд. «Арабистика», здесь будут отмечены лишь его труды по иранистике.

Очень рано Крымский стал изучать национальные черты персидской литературы, отметив устойчивость ее перед исламизацией. Исследуя произведения классиков — Хайяма, Хафиза, Саади, он не мог обойти вопрос о религиозно-философских течениях и их влиянии на научную и общественную жизнь в Персии в средние века. Уже его дипломная работа в Лазаревском институте была посвящена толкованию философского трактата ал-Фараби «Главные вопросы философии», а первая публикация — суфизму [Крымский, 1896]. В суфизме он видел тот «общечеловеческий интерес» эпохи, который отразился на общественном сознании, философии, этике (идеал внутренней свободы), литературе мусульман. По оценке Крымского, суфизм отражал желание народа морально выстоять в условиях бесконечных завоеваний и других политических катаклизмов. Поддерживая версию местного происхождения этого религиозно-философского течения, автор отмечал большое влияние на суфизм разных мировых религий.

Один из циклов учебных пособий по мусульманским странам, созданных Крымским для студентов Лазаревского института восточных языков, был посвящен истории и литературе Персии. Он одним из первых стал говорить об отсутствии единой мусульманской культуры, отказался от европоцентристской концепции мировой истории, подчеркивал роль малых социальных групп в ис-

торическом процессе, роль культурных межнациональных взаимодействий.

Крымский строил периодизацию истории Персии на политической истории с учетом духовной жизни общества. Свой взгляд на раннее персидское средневековье он изложил в книге «История Сасанидов и завоевание Ирана арабами с указанием главных моментов литературной истории христиан-сириян и политической истории вассальных Ирану арабов и с приложением главы о Парфянском царстве и Аршакидах» (М., 1905). Утверждение автора, что учение Маздака было очень популярно среди простого народа, что это «демократическое, либеральное маздакитское движение поколебало принцип частной собственности», было созвучно эпохе первой русской революции. В 1903—1906 гг. была издана «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии», в которой Крымский показал «национальное» возрождение страны после арабского завоевания и исламизации. Он доводил историю Персии до XX в., выдвинув совершенно новые проблемы: перспективы социально-экономического и политического развития, роль европейского проникновения, народные движения (бабизм), зарождение идей буржуазного национализма, значение иранской революции. Он дал реалистическую оценку исторической роли каджарских монархов, показал консервативные силы, добившиеся казни первого «либерального реформатора», «полного высоких идеалов», Мирзы Таги-хана. Автор верно оценил суть иранской революции 1905—1911 гг., назвав ее «очевидным сколком с российской». К движущим силам революции он отнес прежде всего духовенство и купечество, а также феодально-зависимых крестьян и соседних кочевников; причину революции он видел в сговоре царизма с Англией, далее — в сговоре двух этих держав с феодально-бюрократической иранской реакцией [ЦНБ, ф. 1, д. 25407 (География Ирана), л. 50; Крымский, 1915; Гурницкий, 1970, с. 24]. Отсюда вывод: «Вероятно, Персия вскоре подпадает под сильнейшее политическое, экономическое и культурное влияние Англии» [Крымский, 1903—1906, т. III, с. 284]. Англо-иранский договор 1919 г. подтвердил правильность прогноза Крымского.

Ученый считал персов народом не фанатично-религиозным, а скорее свобододобивым, вольнодумным и веротерпимым, среди которого всегда были популярны «еретические течения» (только в раннее средневековье зороастрийские маги пытались возбудить религиозный фанатизм) [Крымский, 1900, с. 52—55]. Он считал бабизм «замечательным религиозным движением», поскольку его идеалы — в прогрессивном поступательном движении и оно направлено против угнетения и деспотизма [Крымский, 1913, с. 79].

Интересны небольшие главы по персидской историографии XVII — начала XVIII в. и по историографии Великих Моголов, написанные Крымским на персидском языке.

Большой вклад в изучение религиозных течений, и прежде всего суфизма, внес В.А. Жуковский (об этом см. предыдущий раздел данной главы). Добавим здесь, что он первым (в 1877 г.) обратил внимание на секту ахл-е хакк («люди истины»).

Упомянем и В.А. Иванова, собравшего материалы по истории шиизма, исмаилизма и суфизма (см. выше, с. 199).

Первой специальной работой по шиизму была статья А.П. Смирнова «О расколе шиитов вообще и расколе исмаилитов в особенности», опубликованная в ученых записках Казанского университета еще в 1846 г. В работе Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль» (1859) рассмотрены некоторые вопросы мусульманского сектантства и суфизма, в частности идеологические основы такого движения, как мюридизм. Эту тему он продолжил в следующем своем исследовании о движении бабидов. «Новейшими проблемами» кроме профессоров А.К. Казем-Бека, В.В. Григорьева, В.А. Жуковского занимались даже В.Р. Розен и В.В. Бартольд. Современность рассматривалась Жуковским сквозь призму художественных произведений и фольклора (см., например, его работу 1904 г. «Черты современного положения Персии в ее литературных произведениях»).

Особое место в иранистике занимает изучение бабизма и бехаизма [Кузнецова. К истории бабизма, 1963].

Русские ученые одними из первых обратили серьезное внимание на возникновение бабизма в Персии и постепенное его пере рождение в бехаизм. «Русские труды о бабизме остаются до сих пор одной из лучших страниц в истории русского востоковедения», — писал Бартольд⁵². Широкое движение, начавшееся в Персии в 1840-х годах и связанное с именем сейида Али Мохаммеда (Баба), нашло отражение в дипломатической переписке, частных корреспонденциях, научных трудах, описаниях путешественников (И.Н. Березина, Н.И. Шеталова, М.А. Гамазова, П. Риттиха, С. Марка, Баумгартена, Дм. Беляева), в популярных очерках, художественной литературе.

Казем-Бек, первый исследователь бабизма в России, издавший в 1865 г. монографию «Баб и бабиды. Религиозно-политические события в Персии в 1844—1852 годах», широко использовал материалы, собранные дипломатическими чиновниками. Он подчеркивал политическую сущность бабизма, отмечал предвзятое отношение к бабизму персидских официальных историков, например Лисан ал-Мулька. В книге освещалась жизнь Баба,

⁵² Мир ислама. Т. I, вып. 3. СПб., 1912, с. 427.

давалась хронологическая последовательность выступлений бабидов, описывались преследования бабидов правительством, говорилось о событиях, которые потрясли Персию и во многом оставались еще неясными для ученых и практических работников, связанных с этой страной.

Последующие работы о бабизме не были столь обстоятельны. Востоковеды собирали и описывали главным образом бабидские рукописи (Н.А. Ханьков, Б.А. Дорн, В.Р. Розен), появилось много статей публицистического характера. Перечень их дал Крымский (см. [ДВ. 1913, т. IV, с. 79—91]). Розен раньше английского исследователя Э. Брауна обратил внимание на перерождение бабизма в бехаизм (материалы, полученные Розеном от своего ученика В.И. Игнатьева — «Благие вести» Беха-Уллы и др., — позволяли сделать такое предположение), на приспособленчество руководителей бехаитской общины.

В 1897 г. в «Вестнике Европы» был опубликован очерк ученика Розена — Г.Д. Батюшкова «Бабиды. Персидская секта». Новым, по сравнению с работой Казем-Бека, было изложение учения Беха-Уллы, его разногласий с другим последователем Баба — Собх-е Азалем, перечисление учеников Баба. Батюшков считал идеалы бехаитов «выше мусульманских, шиитских особенно», но «гадать о будущем бабизма (бехаизма. — *Авт.*) трудно» [Батюшков, 1897, с. 287].

Исследователем бабизма, преимущественно бехаизма, стал офицер А.Г. Туманский, которому помог разобраться в этом сложном исламском течении Розен. Туманский опубликовал несколько статей о бехаитах и перевод главной, «священной книги» бехаитов — «Кетабе Акдес». Автор не считал возможным рассматривать бабизм и бехаизм (необабизм) как новую религию. Он выделил учение Баба о восстании (киамет), борьбу между последователями Баба за главенство в общине и раскол бабидов, попытался рассмотреть реформаторскую деятельность Беха-Уллы, но воздержался от общей оценки движения: «...нам, как почти современникам, невозможно сделать точную оценку значения этих событий, стоящих наряду с самыми замечательными историческими явлениями XIX века» [Туманский, 1899, с. 111].

Историей бабидского движения и бехаизма интересовался и В.А. Жуковский, который во время командировки в Персию собирал материалы о бабидах. Он опубликовал заметку «Недавние казни бабидов в городе Езде» и статью, где рассмотрел материалы по бабизму, собранные Бакулиным и другими дипломатами и переданные ему родственниками консула [Жуковский, 1917].

Бартольд также уделил внимание движению бабидов, написав обстоятельную рецензию на книгу немецкого исследователя Рё-

мера «Бабиды-Бехайты — молодая мусульманская секта»⁵³. Он считал образование «коммунистической общины» бабидов случайным явлением, не дающим права говорить о «восточном социализме» и сближать бабидов с маздакитами⁵⁴, а современный бехаизм определил как «международную теософскую секту, не более», влияние которой ограничивается узким кругом лиц и у которой нет будущности; он призывал исследователей изучать бабизм и бехаизм как историческое явление и выяснить, «насколько успеху движения содействовали условия жизни, особенно экономические, в Персии XIX века»⁵⁵.

Здесь следует отметить популярные книги о Персии XIX — начала XX в. Атрпета, в которых рассматривалось движение бабидов и бехаизм, в том числе его «Бабиды и бехайты» (1910).

Ученик Крымского Владимир Федорович Минорский (1877—1966)⁵⁶ во время пребывания в Персии продолжил начатый Жуковским сбор материалов о секте ахл-е хакк, влияние которой на определенные слои населения было весьма значительным. Он опубликовал «Материалы для изучения персидской секты „Люди Истины“...», оставшиеся единственным серьезным исследованием в отечественном востоковедении по данному вопросу. Минорский не связывал ее возникновение с иудейским или индусским влиянием, а считал, что секта сложилась относительно поздно, на курдской почве и под влиянием исмаилитов.

В эти же годы, в начале XX в., вопросами шиизма стал заниматься А.Э. Шмидт, а исмаилизма — А.А. Семенов.

Вопросами культуры Персии интересовался известный музыкальный критик и историк искусства В.В. Стасов (1824—1906), связанный не только научными интересами, но и дружбой со многими востоковедами: П.И. Лерхом, И.Н. Березиным, В.В. Григорьевым, В.П. Васильевым.

Изучение «Шах-наме» Фирдоуси (во французском переводе Моля) привело Стасова к мысли, что этот памятник не является полноценным историческим источником (как его иногда определяли) и что более надежны греческие авторы, писавшие о древней Персии. Но «Шах-наме», а также многие эпические сказания народов Востока легли в основу его работы «Происхождение русских былин» [Стасов, 1868], где он высказал мысль о восточном происхождении русского народного эпоса. Такой односторонний вывод автора вызвал возражения русистов и иранистов, в частности В.Ф. Миллера; после работы Стасова появилась большая

⁵³ Мир ислама, с. 425—441.

⁵⁴ Там же, с. 434.

⁵⁵ Там же, с. 441.

⁵⁶ О нем см. [Кононов, 1974, с. 217—218].

литература о взаимовлиянии культур народов Востока и России [Кузнецова, 1968].

При подготовке альбома «Славянский и восточный орнамент», работа над которым продолжалась более двух десятилетий, Стасов вновь убедился «в старинных связях и близких отношениях нашего отечества с древнеазиатскими странами и народами»⁵⁷. Возражая иранисту А.Л. Куну, утверждавшему, что среднеазиатское искусство развивалось лишь под влиянием персов, монголов и китайцев, Стасов делал вывод, что «среднеазиатское искусство» является конгломератом творчества разных народностей, но что это искусство самобытно и идет от древних согдийцев.

Стасов был первым в России искусствоведом, который систематически и с научных позиций начал изучать персидские, арабские, турецкие, армянские и грузинские миниатюры. Свой многолетний труд «Миниатюры некоторых рукописей — византийских, русских, джагатайских и персидских» ему удалось издать лишь в 1902 г. Его исследования по искусству народов Ближнего и Среднего Востока послужили фундаментом для дальнейших работ искусствоведов.

Придавая большое значение памятникам материальной культуры, Стасов призывал к сохранению древней архитектуры, к научному ведению археологических раскопок. Пророческими оказались его слова о необходимости раскопок старых среднеазиатских городов, чтобы восполнить недостающие материалы для восстановления истории «хорезмийцев и согдианов», для изучения «первоначальной истории нашего общества»⁵⁸.

Отметим и посильный вклад Стасова в изучение восточных источников по истории народов Европы. Это его «Заметки о „Русах“ Ибн-Фадлана и других арабских писателей».

КУРДОВЕДЕНИЕ

Первое знакомство в России с курдами и их языком относится ко второй половине XVIII в., когда Императорская Академия наук предприняла издание сравнительных словарей всех языков и наречий Российской империи. Материалы по курдскому языку, собранные Л.-Х. Бакмейстером и И.-А. Гюльденштедтом, были опубликованы П.С. Палласом в 1787 г. (см. [Булич, 1904, с. 222—224]).

Интерес русских ученых к курдам был связан с научно-практическими задачами в изучении Османской империи и Персии, в том числе турецкого и персидского языков и мусульманской культуры. Однако, поскольку в этих странах турки и персы —

⁵⁷ Собрание сочинений В.В. Стасова. 1847—1886. Т. II, ч. 3. СПб., 1894, с. 698.

⁵⁸ Там же, т. III, ч. 3, с. 200.

господствующая нация, в России сначала (в XVIII столетии) изучают турецкий, персидский и арабский языки, географию и этнографию Турции и Персии, и лишь позднее возникает интерес к курдам и их стране. Интерес этот первоначально был проявлен со стороны русских путешественников и лиц, побывавших среди курдских племен Закавказья. В середине первой половины XIX в. русскими путешественниками был издан ряд статей и очерков, где приводились краткие сведения о происхождении курдов, их обычаях, нравах и быте. Этнографические сведения о курдских племенах, кочевавших в Закавказье, даны в статистических обозрениях и статистических описаниях российских владений⁵⁹, а также в специальных работах о курдах Персии и Турции⁶⁰. В России в то время судили о курдах главным образом на основе переводов небольших работ европейских путешественников, касавшихся этой проблемы лишь попутно.

Научный интерес к курдам в России повысился к середине XIX в., когда выяснилось, что в персидско-русских и турецко-русских войнах против русской армии вместе с армиями Персии и Османской империи воюют сформированные в этих странах курдские полки и отряды курдских племен, из которых многие переходили на сторону русских. Тогда-то и встал вопрос о важности и необходимости всестороннего изучения курдов, их языка и этнографии. И в связи с этим в печати начали появляться отдельные статьи и небольшие очерки, в которых в основном освещалась военно-политическая роль курдов в войнах царской России с Персией и Турцией. Это материалы Х. Троттера «Малоазиатские курды» [ИКОРГО, т. 7], М. Лихутина «Русские в Азиатской Турции» [Лихутин, 1863], К.П. Камсаракана «Вторжение шейха Обейд-Уллы в Персию в 1880 г.» [СМА. 1884, вып. XI], заметки Ю. Карцова [ЗКОРГО. 1891, кн. 13, вып. 2] и В. Минорского [Минорский. Курды, 1915], труд А. Колюбакина о составе населения Персии «по племенам и провинциям» [СМА. 1883, вып. IV; 1884, вып. XI] и работа Н. Ханькова «Поездка в Персидский Курдистан» [Вестник РГО. 1852, кн. 1, ч. 6] (см. также [Chanykow, 1854]) и др.

В этих работах затронуты вопросы политического положения курдов, рассмотрены их социально-общественный строй, военно-племенные организации и национально-освободительное движение против господства султанской Турции и шахской Персии.

⁵⁹ См.: Статистическое обозрение. СПб., 1839, т. XVIII, № 21, 22, с. 243—259, 317—337; Легкобытов, 1838, с. I—IV; В.Т. Статистическое описание Нахичеванской провинции. СПб., 1839.

⁶⁰ См.: Подробное описание Персии. Ч. 1—2. М., 1824; Северный архив. 1836, ч. 22, с. 172—183; Журнал Министерства внутренних дел. 1835, ч. 15, № 2, с. 455—462.

В другом подобном исследовании [Аверьянов, 1900] даются описание политического положения курдов Персии и России во второй половине XIX в., краткий очерк истории курдов, истории их национально-освободительного движения и очерк об их роли в войнах царской России с Османской империей и Персией в течение XIX столетия. К работе приложены карта дислокации курдской кавалерии хамидие и карта пограничной с Закавказьем полосы Азиатской Турции (районов с курдским населением).

Вместе с этим возникает интерес российских ученых к вопросам комплексного изучения курдов на научной основе. Уже в середине XIX в. начинают появляться работы, посвященные этнографии, фольклору, языку, литературе и истории курдского народа. К таким же работам относятся исследования В. Диттеля, Х. Абовяна, И.Н. Березина, А.Д. Жаба, П.И. Лерха.

Абовяну (о нем см. [Курдоев, 1955]) принадлежит небольшая по размерам (примерно 2 л.), но значительная по содержанию работа о курдском народе, которая была напечатана в нескольких номерах газеты «Кавказ». Она представляет собой сжатое этнографическое исследование курдов Закавказья: их быта, образа жизни, нравов, социального положения, происхождения, черт характера, языка и фольклора [Абовян, 1848].

Труд Абовяна написан на основе собственных наблюдений, собранных этнографических материалов и детального изучения рукописных фондов Эчмиадзинской монастырской библиотеки, а также работ армянских историков Чамчиана и Инджинджиана. Подобно другим армянским авторам, Абовян считал курдский народ одним из древних народов Передней Азии. Ядром формирования курдов в древности являлись аборигены — корди, мидяне, скифы, а в более позднее время, а именно в период, когда завершился процесс исламизации курдов и они выступили как самостоятельный этнос, в их состав влились арабские и армянские элементы.

Абовян писал, что «курды делятся на кочевников и оседлых». Первые занимаются скотоводством, вторые — земледелием. В свою очередь, те и другие делятся на «высшее и низшее» сословия. «Несмотря на то что курды подвластны Персии и Турции, все их обычаи остаются неприкосновенными». Подвластность курдов этим странам заключается только в том, что «они посылают им в известное время года небольшую подать», на самом же деле они «имеют свое управление, суд и расправу» [Абовян, 1848, № 47].

Абовян дал блестящую характеристику курдской народной поэзии: «Каждый курд, даже каждая курдянка — врожденные поэты в душе. Все они обладают удивительным даром импровизации. Но смешно было бы требовать от кочевого народа стройных

поэтических созданий, изящных картин и риторических украшений речи. Они воспевают очень просто и незамысловато свои долины, горы, водопады, ручьи, цветы, оружие, коней, воинские подвиги, своих красавиц и прелести их, все, доступное их чувствам-понятиям, прикрашивают сравнениями и стараются еще живее передать все это мелодическим пением, конечно, оскорбляющим немного слух европейца, но драгоценным, как выражение их духовной жизни и образа мыслей, чрезвычайно оригинального народа, привыкшего предпочитать свой просяной чурек всем утонченным лакомствам могущественных европейцев» [там же].

Подобная характеристика курдского народного творчества приводилась и другими исследователями, например П.И. Лерхом, Н.Я. Марром.

Абовян сопровождал путешествовавших по Востоку европейских ученых — М. Вагнера, Фр. Боденштедта, фон Гакстгаузена, помогал им собирать этнографические материалы о курдах, армянах и азербайджанцах, предоставил им собственные этнографические материалы об этих народах. Вагнеру он послал свою рукопись о курдах и езидах, Боденштедту — свои переводы курдских, армянских и татарских песен и комментарии к ним⁶¹, фон Гакстгаузену дал свою книгу воспоминаний, отражающих быт, нравы, культуру и общественные отношения армянского народа⁶², сопровождал Фр. Паррота в его путешествии по Арарату⁶³.

Российский востоковед магистр В. Диттель совершил путешествие по Курдистану, где собрал большой этнографический и фольклорный материал о курдах (его предварительные данные см. [Диттель, 1847]). Он насчитал до 300 племен курдов и множество диалектов. Ученый пришел к неожиданному выводу, что курды кроме устной литературы имеют обширную письменную — отчасти оригинальную, отчасти перенесенную с персидской почвы.

Диттель намечал издать специальное исследование по истории курдов и их наречий. Но смерть оборвала его деятельность. П. Лерх пишет, что рукописные «Заметки об истории, племенах и языках курдов» Диттеля, а также его докторская диссертация «О курдских наречиях» остались неизданными [Лерх I, с. 36—39]. Рукописи этих работ, к сожалению, не сохранились. В Архиве РАН имеется лишь его черновая рукопись под названием «Заметки о курдских племенах, истории и языке» [АРАН, ф. 95,

⁶¹ См. соответственно: *Wagner V. Reise nach Persien und Ländern der Kurden. Lpz., 1852, с. 119, 254; Bodenstadt Fr. Tausend und ein Tage im Orient. B., 1850, с. 143—167.*

⁶² См.: Закавказский край. Т. II. СПб., 1875, с. 170—171.

⁶³ *Parrot Fr. Reise zum Ararat: Geologische, botanische, zoologische Nachrichten. Vol. 2. B., 1834.*

оп. 4, д. 110]. Ее объем — около 200 с. В ней автор приводит историко-этнографические сведения о курдах и курдских племенах, почерпнутые из персоязычных источников и из работ западноевропейских путешественников. Отмечая неизученность рассматриваемой темы, Диттель писал, что Курдистан и для географа, и для историка, и для археолога до сих пор terra incognita. Курдский фольклор, по его словам, богат сказками, песнями, дастанами (народными поэмами), которые по традиции передаются и распространяются в устной форме. К дастанам он относит «Ширин и Хосров», «Ростам и Кейкаус» и др. Диттель, говоря о богатстве курдской литературы, привел имена 11 курдских поэтов и названия их произведений. В основном речь шла о поэтах, писавших на наречии гурани. Значительная часть рукописи Диттеля посвящена описанию курдских диалектов курди, леки и лури. Языковые материалы автора, в особенности отражающие формы глагола, имен и местоимений в диалектах леки и лури, представляют определенный интерес для курдского языкознания и могут быть использованы для сравнительного изучения курдских диалектов.

Крупный текстолог и иранист И.Н. Березин, как уже упоминалось, совершивший трехлетнее путешествие по Ближнему Востоку вместе с Диттелем, заинтересовался изучением курдского языка и этнографии. Ему удалось зафиксировать материалы, отражающие хорасанский и Мосульский говоры курманджи. Первый он осваивал в Тегеране, когда находился там с группой хорасанских курдов; второй — в Мосуле. Результаты своих исследований он издал в сборнике по изучению персидских наречий [Berézine, 1853].

В своих интересных статьях и заметках, представляющих собой воспоминания и отчеты путешествий по Турции, Персии и Закавказью, исследователь приводит важные этнографические сведения о курдах-мусульманах и курдах-езидах, об их социально-общественной жизни, нравах, характере, религии, а также об их отношении к соседним христианам (помимо его «Путешествия по Северной Персии» и «Езидов» см. [Березин, 1845, 1855, 1858, 1860, 1854; Кузнецова и Данциг, 1956]).

Велика заслуга российского консула в Эрзеруме А.Д. Жабá в изучении истории культурной жизни курдского народа. В годы своего пребывания на консульской должности он прислал в Петербург коллекцию персидских рукописей по истории, этнографии, литературе и фольклору курдов (см. [Руденко, 1961]), сделал французский перевод поэмы выдающегося курдского поэта XVII в. Ахмеде Хани «Мам и Зин» (см. [Lerch, с. 224]), с помощью курдского ученого Мела Махмуда Баязеди составил сборник курдских рассказов с французским переводом и подготовил за-

метки о курдской литературе средних веков [Жаба, 1860]. Благодаря Жаба впервые в России и на Западе стали известны имена девяти средневековых курдских авторов, писавших на диалекте курдского языка курманджи.

Значительную работу проделал Жаба и в области курдской лексикографии. С помощью того же Мела Махмуда Баязеди и на основе изданных им курдских текстов он составил первый курдско-французский словарь, который по решению Императорской Академии наук был издан в 1879 г. Словарь вышел с дополнениями профессора Марбургского университета Фердинанда Юсти, извлеченными им из работ Рича, Клапрота, Ходзько, Лерха и др. Словарь Жаба стал первым в мире большим курдско-французским словарем, изданным арабской графикой. Он содержит около 15 тыс. слов, отражающих лексику диалекта курманджи.

Жаба является также автором рукописей французско-курдского и курдско-французско-русского словарей, до сих пор не изданных. Они хранятся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге. Несомненно, их изучение имеет немаловажное значение в деле исследования истории курдской лексики и истории курдской лексикографии.

Своими трудами Жаба создал материальную и научную базу для развития русского курдоведения как самостоятельной востоковедной науки [Курдоев, 1973]. Достаточно сказать, что на основе его коллекции курдских рукописей в нашей стране были изданы замечательные памятники курдской литературы, истории и этнографии. Таковы, например, опубликованные М.Б. Руденко сочинения курдских поэтов средних веков: Ахмеде Хани «Мам и Зин» (1960), Факе Тайрана «Шейх Санан» (1965), Хариса Битлиси «Лейли и Маджнун» (1965), Салима Слемана «Юсуф и Зелиха» (1986), этнографический труд курдского ученого Мела Махмуда Баязеди «Нравы и обычаи курдов» (1963).

В начале второй половины XIX в. была издана монография видного русского ученого П.И. Лерха «Исследования об иранских курдах...» в трех томах [Лерх I—III]; (см. также [Курдоев, 1959]). Первый том был результатом трехлетней работы по изучению курдоведческих материалов западных путешественников. Второй стал итогом поездки автора в Рославль, куда он был командирован Академией наук для изучения курдского языка у военнопленных курдов, большинство которых говорило на наречии курманджи и заза. Третий том «Исследований» содержал словари этих двух диалектов. Лерх выделил в курдском языке пять наречий: курманджи, заза, лури, кальхори и гурани. Сам он имел возможность непосредственно изучать только курманджи и заза. Он писал: «Курманджское наречие распространено по всему западному Курдистану, от Мосула до Малой Азии и в Сулеймании»

[Лерх II, с. 22]. Он обнаруживает различие в словах, выговоре слов и в употреблении грамматических форм между племенами на севере и на юге Верхнего Тигра. «Однако различие это не было так велико, чтобы представители отдельных племен не могли понять друг друга. Наречие заза, напротив, в сравнении с курманджским представляет так много особенностей со стороны звуков и форм, что, может быть, оно заслуживает название самостоятельного иранского идиома» [там же].

Лерх разделял мнение исследователя Кавказа В. Потто, что курдский язык — самостоятельный язык иранской группы.

Ученый содействовал собиранию, приобретению и изданию курдских литературных и исторических рукописей. Он предложил Публичной библиотеке Петербурга приобрести курдскую коллекцию Жаба, «как ценные письменные источники, свидетельствующие о наличии у курдов богатой литературной традиции» [АРАН, ф. 776, оп. 4, д. 16].

В середине XIX в. Императорская Академия наук была организуяющим центром по изучению истории, этнографии, языка и литературы курдского народа. Этому вопросу большое внимание уделяли ее крупнейшие ученые, в особенности академики Б.А. Дорн, К.Г. Залеман, которые оказали значительную помощь Жаба и Лерху в организации и публикации их курдских исследований и в приобретении для Азиатского музея курдских исторических рукописных памятников и фольклорных текстов. Это по поручению Дорна русский консул в Эрзеруме Жаба занимается курдским языком и собирает курдские рукописи. Тот же Дорн оказал большое содействие в приобретении Ардебильской библиотеки, где оказалась рукопись курдского историка второй половины XVI в. Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме». Первое полное описание этой рукописи было сделано хранителем Азиатского музея М.Г. Волковым [Wolkow, 1826]. Важность и необходимость публикации и перевода «Шараф-наме» были отмечены Х.Д. Френом в статьях, посвященных описанию восточных рукописей Ардебильской библиотеки [Fraehn, 1826 и 1829], и поддержаны Б.А. Дорном в его докладе о путешествии Лерха [Лерх II, с. 1—4], в каталоге восточных рукописей [Dorn, 1852, XLIV] и в его работе об Азиатском музее [Dorn, 1846]. Затем персидский текст «Шараф-наме» был издан В.В. Вельяминовым-Зерновым [Veliaminof-Zernof, 1860—1862], а в 1868—1875 гг. вышел в свет французский перевод этого сочинения, сделанный Ф.-Б. Шармуа, с географическими, историческими и этнографическими комментариями (подробнее см. [ИОВ 1, с. 217—218 и с. 400, примеч. 106]).

При содействии Дорна и Залемана Императорской Академией наук была издана первая грамматика курдского языка Фердинанда Юсти [Yusti, 1880]. К тому же времени относится публика-

ция упоминавшихся выше работ Жаба: курдско-русского словаря и сборника курдских рассказов с французским переводом. В издании Академией наук этих работ Жаба особая заслуга принадлежит Дорну и Лерху. Наконец, по предложению тюрколога В.В. Радлова и при содействии Дорна и Залемана академия опубликовала два тома курдских текстов Е. Прима и А. Социна [Prim, Socin, 1887—1890]. В 1897 г. по предложению Залемана Академия постановила издать курдские тексты Гуго Макаша [Бартольд IX, 613].

Таким образом, с середины XIX в. в Петербургской Академии наук начинается более или менее систематическое и планомерное изучение истории и культуры курдского народа, создается научная и материальная база для развития курдоведения в России.

В конце XIX — начале XX в. в системе Академии наук наблюдается некоторое затишье в области курдоведческих исследований и большинство работ русских ученых о курдах, их истории и культуре выходит в неакадемических изданиях.

В конце XIX в. в Тифлисе известный этнограф С.А. Егиазаров публикует этнографические очерки о курдах Эриваньской губернии [ЗКОРГО. 1891, кн. XIII, вып. 2]. После работ Абовяна и Лерха труды Егиазарова являются наиболее полными и квалифицированными исследованиями о курдах Закавказья (см. [Курдоев, 1976]). Его очерки состоят из двух самостоятельных, но тесно связанных частей: «Краткий этнографический очерк курдов Эриваньской губернии» (с. 1—171) и «Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриваньской губернии» (с. 171—288). По данным автора, в конце XIX в. в Эриваньской губернии проживало около 60 тыс. курдов. В основном они были мусульманами; немалую часть составляли езиды.

Егиазаров собирал свои материалы в течение 12 лет общения с курдами. Предметом его исследований стали социально-общественные отношения курдов-мусульман и курдов-езидов, их кочевой и оседлый образ жизни, их брачные, семейные, родовые и племенные отношения, быт, обычаи и нравы. Он дает интересные сведения об организации курдской кочевой общины (оба), о внутреннем управлении курдов — мусульман и езидов, о порядке наследования, о воспитании детей, описывает их одежду, оружие, свадебную церемонию, похоронные обряды и т.п. Автор отдельно рассматривает вопросы происхождения езидов, их религию, представления о мироздании, о пророках и святых, о храмах и святых местах, а также их внутреннюю жизнь и общественно-административное устройство в конце XIX в.

Очерки Егиазарова включают курдские тексты на курманджи с русским переводом, курдско-русским и русско-курдским словариками и примечаниями, содержащими сведения по грамматике.

Эту часть работы Егиазаров выполнил совместно с русским кавказоведом Л.П. Загурским. Она долгое время служила единственным пособием по изучению курдского языка в России.

В начале XX в. в Москве известный армянский этнограф и собиратель народного творчества С. Айкуни издал сборник, содержащий три эпических сказания курдов, записанных со слов армян Ванского вилайета (турецкая Армения), хорошо владевших курдским языком. Кроме того, он включает 13 любовных и героических песен, 5 сказок и 1 полный стихотворный армянский перевод курдской народной поэмы «Мам и Зин». Все тексты снабжены армянским переводом. В конце сборника в качестве приложения помещена нотная запись курдских песен с армянской и латинской транскрипциями текста. Нотная запись выполнена известным армянским композитором Комитасом по заказу издателей курдских текстов.

В предисловии к «Эминскому этнографическому сборнику» (М., 1904) издатели указывали, что эпические сказания курдов, имея в своей основе общеиранские мотивы, во многих случаях расходятся с ними, а в ряде случаев переплетаются с эпическими мотивами соседних армян.

История русского курдоведения в начале XX столетия связана с именами выдающихся русских востоковедов — Н.Я. Марра, И.А. Орбели и В.А. Гордлевского, развивавших традиции отечественной науки о курдах и заложивших основы научного изучения истории, этнографии и культуры курдского народа.

Среди работ о курдах, опубликованных в первые годы этого столетия, прежде всего следует отметить работы Н.Я. Марра «Еще о слове „челеби“» [Марр, 1911]. В это время среди петербургских востоковедов велась горячая полемика по вопросу о происхождении и значении загадочного слова «челеби» в курдском, тюркских и арабском языках со значением «благородный», «музыкальный», «певец», «балагур», «разбойник» и т.п. В результате вышло несколько статей на эту тему. Заметим, что упомянутая работа Марра имеет подзаголовок «К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии». Автор подчеркивает, что курды в X—XIII вв. сыграли большую роль в феодализации Малой Азии и создании культурных ценностей народов Закавказья. «В Передней Азии, — пишет Марр, — есть замолченная историей народность... Эта народность пережила целостностью социального мировоззрения — военно-кочевого самих турок, так или иначе подвергшихся влиянию гражданственности и книжного просвещения». И далее, подвергая критике случайные разрозненные сведения, часто анекдотического характера, и некомпетентные высказывания о курдском народе, Марр отмечал: «Ходячий решительный приговор, в корне злостный, совер-

шенно не соответствует действительности, если судить о курдах как о живой этнографическо-общественной ценности. В последнем отношении курдские племена в истории Передней Азии представляли и до сих пор продолжают представлять независимый фактор, значительную общественно-культурную силу. Ключ этого явления прежде всего следует искать в богатом курдском фольклоре, в курдских плясках и песнях» [там же, с. 139]. О последних Марр сказал: «Мне кажется, что народно-поэтическое богатство курдов находится в тесной связи с тем национальным преимуществом, которое есть у них над соседями, мусульманами-турками и христианами-армянами: эти народы в корне изменили исконным народным религиозным преданиям, те пока оставались и по языку курдами, подобно персам не порывали вполне с народными религиозными преданиями и тогда, когда они приняли ислам» [там же, с. 140].

Марр приводит ряд имен курдов, сыгравших в средние века важную роль в истории и культуре народов Передней Азии. Он особо подчеркивает большую роль курдов в вопросе создания культурных ценностей в истории закавказских народов X—XIII вв. Однако историю курдов автор рассматривал не как историю самих курдов, а как историю яфетидов (грузин, халдов, армян). Отвергая на основе анализа слова «челеби», а также термина «курд» иранское происхождение курдов и их языка, он утверждал, что генетически курды — яфетиды и что их язык также является яфетическим. Он писал: «Язык курдский, очевидно, подвергся коренному изменению, полной замене яфетического арийским». И далее указывал, что «все религиозные и социальные значения „челеби“ выработаны в самом курдском языке задолго до начала XIV в., в значительной части, вероятно, задолго до полной лингвистической иранизации этой искони местной народности» [там же, с. 150]. Эти предположения Марра послужили в дальнейшем основанием для ряда неверных теоретических положений о происхождении и развитии курдского народа и его языка (О.Л. Вильчевский, Б.В. Миллер) [Курдоев. Критика, 1955].

Особая роль в изучении курдов, их языка и культуры принадлежит акад. И.А. Орбели — родоначальнику советского курдоведения и организатору ленинградской школы курдоведения (см. [Курдоев, 1975]). В 1911—1913 гг., получив от Академии наук командировку в Мокс (турецкая Армения) для изучения мокского наречия армянского языка, молодой арменист и кавказовед Орбели по поручению Марра занялся и изучением языка курдов, живших смешанно с армянами в этом районе. Он записал курдские фольклорные тексты, составил курдско-русский словарь объемом в 15 а.л. с приложением парадигм спряжения глаголов. Эти работы в то время не были изданы.

В 1914 г. прогрессивное курдское общество «Гехандини» из Хоя (Северный район Иранского Курдистана) командировало своего представителя — крупного общественного и политического деятеля Абдураззака — в Петербург для составления курдского алфавита на основе русской графики. По поручению Академии наук Орбели разработал курдский алфавит, однако война помешала его практическому применению. В 1964 г. сотрудниками группы курдоведения Ленинградского отделения ИВ АН СССР подготовлены и сданы в печать труды И.А. Орбели (курдско-русский словарь, фольклорные тексты, разработанный проект курдского алфавита, а также его этнографические наблюдения), до сих пор не вышедшие в свет.

Наряду с изучением истории и культуры турецкого народа крупный тюрколог В.А. Гордлевский интересовался также курдами, их историей и культурой. В своих неоднократных путешествиях по Турции с целью изучения страны, ее литературы и языка он занимается и проблемами истории и этнографии курдского народа. Гордлевский в заметках и специальных исследованиях о Керманшахе, о бахтиарах [IV, 269, 263]⁶⁴, о Битлиси, об армянах [III, 104, 128—134], о религиозной жизни кызылбашей в Малой Азии [I, 241—276] часто останавливается на описании быта, нравов, жизни и культуры курдского народа. Более подробное освещение этих вопросов было дано в его специальных заметках, посвященных курдам: «Из истории курдов» [III, 113], «Курды и война» [III, 120], «У сипандагских курдов» [IV, 445] и др. В этих заметках дано весьма объективное освещение социально-общественного строя курдов, их семейных и родо-племенных отношений, характерных черт их нравов, духовной культуры, истории их национально-освободительного движения, истории армяно-курдских отношений, политики турецких властей в разжигании национального конфликта между курдами и армянами и пути освобождения из-под господства султанской Турции.

АФГАНИСТИКА

Наряду с курдоведением традиционной отраслью русского востоковедения была афганистика.

В изучении средневековой истории Афганистана на основе восточных источников в качестве прямого продолжателя Б.А. Дорна следует назвать В.В. Бартольда. Его работы, посвященные истории Средней Азии, как правило, охватывали и район приле-

⁶⁴ В этом абзаце даются ссылки на работы Гордлевского, вошедшие в его «Избранные сочинения»; римская цифра указывает номер тома, арабская — страницы.

гающих к ней областей Восточного Ирана и Афганистана. Вопросы исторической географии, древней и средневековой истории Афганистана нашли освещение в его многочисленных статьях для «Энциклопедии ислама», в специальных и обобщающих трудах по истории Средней Азии и сопредельных стран.

К последним принадлежит «Историко-географический обзор Ирана» [Бартольд, 1903]. В гл. I—IV этого исследования автор на основе широкого круга восточных источников, а также с помощью материалов современных европейских изданий обрисовывает в общих чертах историю районов Герата, Газни, Кабула, Кандагара, Сулеймановых гор, Восточного Гиндукуша, Центрального и Северного Афганистана. Автор останавливается на таких вопросах, как образование государства Ахмад-шаха Дуррани, история средневекового Гура и т.п. Это богатое собрание извлеченных из источников сведений отвечает той же цели, которая прослеживается в работах акад. Дорна: установить этническую картину на современной территории Афганистана, наблюдавшуюся в различные исторические эпохи. Очевидно большое значение для истории Афганистана и известной работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд, 1898—1900].

Ступенью для создания такого рода обобщающих трудов служили отдельные статьи ученого, посвященные конкретным сторонам изучаемых им проблем. Так, характерным опытом обращения ученого к восточному источнику для описания малоизвестной горной области была небольшая статья «Кафиристан в XVI веке», вышедшая в 1896 г. Переводу фрагмента из «Тарих-и Рашиди», в котором Мухаммад Хайдар рассказывает о кафирах, предшествует миниатюрное, но весьма содержательное исследование Бартольда, где мы находим по меньшей мере два наблюдения, подтвержденных позднейшими изысканиями, о том, что область, занятая «неверными» в эпоху Мухаммада Хайдара, была несколько обширнее, чем теперь, и что быт кафиров «за последние три столетия, очевидно, мало изменился» [VIII, 21—22].

Оценивать вклад Бартольда в изучение Афганистана в целом довольно сложно из-за огромного разнообразия затронутых им вопросов, обширнейшего хронологического и территориального охвата. Несомненно, он работал в русле, намеченном Дорном, что сказалось и на тематике, и на источниковой базе его трудов, значительно расширившейся к тому времени и в то время, когда работал Бартольд, в том числе и благодаря его собственным усилиям. Достаточно упомянуть, что этому ученому «принадлежит заслуга введения в научный обиход некоторых из этих источников, и прежде всего анонимного сочинения X века *Худуд ал-`алам*» [Лившиц, 1971, с. 6]. Еще одна черта сближает подход к изучению Афганистана, свойственный Дорну и Бартольду: оба

они в очень небольшой степени коснулись современного им положения страны.

Освещение вопросов современной политической истории представителями неакадемического направления было основано на комплексном страноведческом исследовании Афганистана. Русские востоковеды считали всестороннее изучение физико-географических характеристик, хозяйства, быта, этнографии, истории и т.д. необходимым условием для понимания особенностей развития страны. При этом следует подчеркнуть, что два отмеченных направления в рамках теоретического афгановедения не были разделены непреодолимым барьером. Об этом свидетельствует фундаментальный труд В.В. Григорьева — перевод на русский язык одного из томов десятитомного «Землеведения» («Erdkunde», 1822—1859) немецкого географа Карла Риттера [Риттер, 1867].

Григорьев приступил к своему во многих отношениях новаторскому труду в начале 50-х годов XIX в. По существу, этот перевод послужил лишь поводом для создания самостоятельного научного исследования. Анализ объема различных разделов книги (перевод с немецкого, примечания и дополнения переводчика) показывает, что в ней работа самого Риттера составляет около пятой части [Ромодин, 1953, с. 165; Вельяминов-Зернов, 1867; Веселовский, 1887, с. 241—242].

Итак, Григорьев не ограничился ролью переводчика, а проверил и уточнил данные, сообщенные Риттером, посвятив этому раздел примечаний. Использование сведений письменных источников выявило немало фактических ошибок и неверных наблюдений автора «Землеведения». Многие примечания Григорьева представляют собой самостоятельные заметки либо маленькие статьи по тем или иным конкретным вопросам.

Следующий раздел — «Дополнения» — состоит из семи частей, в которых собран материал источников об Афганистане, появившихся за время, истекшее после выхода Риттерова «Землеведения». В части, посвященной историографии, содержится первый в русской науке обзор историографии Афганистана, до сих пор не утративший своего значения в качестве пособия для работы над историей первой половины XIX в. [Ромодин, 1953, с. 166]. Во времена Григорьева оставались еще не исследованными географическое строение и рельеф Афганистана, и приведенная им сводка сведений по географии Кабулистана и прилегающих областей является лучшим, пожалуй, в европейской науке физико-географическим описанием малоизученной азиатской страны. Также впервые здесь рассмотрены некоторые интересные вопросы этнографии Афганистана. Серьезная заслуга Григорьева состоит в том, что он предпринял обобщение известных к его времени данных о кафирах. Составленное им описание оставалось

непревзойденным вплоть до выхода в свет в 1896 г. книги Робертсона, прожившего среди кафиров почти год⁶⁵.

Интересный и содержательный в целом очерк о юсуфзяях говорит об идеализации автором патриархального быта афганцев, что, по мнению Ромодина, характеризует мировоззрение этого ученого [Ромодин, 1953, с. 169].

Исторический раздел «Дополнений» охватывает, во-первых, древний период истории Афганистана, отводя важное место описанию археологических памятников. Древняя история (от походов Александра Македонского до проникновения ислама) заканчивается уже традиционным для российской афганистики критическим обзором гипотез о происхождении афганцев и сведений об их собственных преданиях генеалогического характера. Правда, новых по сравнению с Дорном (представителем академического направления) соображений Григорьев не высказывает. Средневековую историю афганцев в «Дополнения» к «Кабулистану и Кафиристану» он не включил, так как полагал, что такой обзор был бы более уместен при переводе другой части «Землеведения», а именно тома VIII, где речь шла об афганцах в целом, а не только о юсуфзяях. Поэтому от древней истории «Дополнения» переходят прямо к событиям первой англо-афганской войны 1838—1842 гг. Впервые в русском афгановедении появился научный труд по проблемам политической истории Афганистана. Обоснованная и глубокая оценка событий войны, ее характера, взгляд на войну обеих враждующих сторон делают этот раздел одной из лучших в историографии попыток описаний войны.

Труд Григорьева был первой афгановедческой работой на русском языке. В дореволюционной литературе не было подобного опыта систематизации всего накопленного наукой материала и его критического осмысления.

В книге Григорьева наметился переход от работ «дорновского» направления, нацеленных на чисто кабинетное изучение древней и средневековой истории афганцев, к работам, освещающим более поздний период, когда политические события в Афганистане (первая и вторая англо-афганские войны, пограничные конфликты и установление границ) обострили интерес русского читателя к современному состоянию страны. Для нового направления был характерен уклон в сторону политической истории, вопросов внутреннего управления, династической ситуации в государстве, когда наряду с представителями академической школы за исследование страны берутся востоковеды, побывавшие в стране с практическими целями.

Первым таким ученым считается Н.В. Ханьков, который в 1858—1859 гг. во главе Хорасанской экспедиции прошел вдоль

⁶⁵ Robertson G.S. The Kafirs of the Hindu-Kush. L., 1896.

западных границ Афганистана, посетил ряд прилегающих к ним районов и отразил свои научные наблюдения в области географии и этнографии Хорасана в опубликованных в Париже трудах [Khanikoff, 1862 и 1866] (ср. с. 90). В первом из них географическому описанию исследованных районов Ханыков предпосылает обзор путешествий, совершенных в эти края европейскими учеными, и подводит научные итоги их поездок.

Материалы экспедиции Ханыков использовал впоследствии при работе над переводом и публикацией также одного тома «Землеведения» Риттера, того, который был посвящен Ирану. В 1874 г. вышла в свет первая часть этого труда. К сожалению, ухудшение здоровья помешало ученому закончить работу над двумя оставшимися частями указанного тома Риттера. Перевод Ханыкова, как и у Григорьева, сопровождается дополнениями, по объему серьезно превосходящими оригинал и существенно уточняющими и расширяющими представление об описываемых областях. Прямое отношение к афганистике имеет отдел труда Риттера, озаглавленный «Восточная грань Ирана». Дополнения Ханыкова к этому отделу освещают географические особенности Западного Афганистана и этническую картину в ряде районов страны. Для дополнения материалов Риттера Ханыков привлекал новые европейские сведения и данные Хорасанской экспедиции. Эти дополнения часто представляют собой выдержки или сжатый пересказ английских повествований о путешествиях. Ханыков использовал и восточные сочинения, которые в его время были «отчасти напечатаны, отчасти исследованы с целью расширения наших сведений о различных малоизвестных частях Азиатского материка».

Из вопросов этнической истории Ханыковым затронуты те, которые связаны с происхождением и временем появления в Афганистане хазарейцев, чор-аймаков, таджиков, афганцев. Он приходит к следующим выводам: население Гура не могло быть афганским; афганцы не заселяли искони Сулеймановы горы, а пришли туда с запада (в этом он расходится с мнением Дорна) и т.д. Особенно важен вывод Ханыкова о том, что образование афганской народности следует относить к IX—XIII вв. (см. [Ромодин, 1953, с. 173—177]). Интересны составленные Ханыковым по его собственным путевым материалам очерки афганских княжеств в середине XIX в.

Этой работе Ханыкова присущ тот же комплексный, разносторонний подход к рассматриваемым им вопросам, что был замечен и в работе Григорьева. Он постоянно выходит за рамки географического обзора, чтобы высветить историко-этнографические проблемы.

Существенный вклад в изучение Афганистана в дореволюционный период сделан русским этнографом Н.А. Аристовым. Рост

влияния России в Азии, место Афганистана в англо-русских противоречиях, многолетняя борьба населения страны против английской агрессии — все это вызывало живейший интерес в России. На страницах различных изданий, в том числе периодических, появились многочисленные заметки и статьи об Афганистане, большинство которых основывалось на недостоверных данных и тем самым вносило неясность и искажения в представления об Афганистане и афганцах. Одна из подобных публикаций⁶⁶ и побудила Аристову выступить с серьезной работой, призванной осветить некоторые вопросы, неудачно разрешенные в послужившей предметом разбора статье, на основании новейших научных достижений [Аристов, 1898].

Первый раздел работы Аристова («Положение научных изысканий и литературы об Афганистане и авганах») интересен краткой и выразительной оценкой состояния изучения Афганистана в европейской науке. В частности, об исследовании истории страны сказано, что «даже время умершего 125 лет тому назад основателя существующего авганского государства Ахмад-шаха научным образом не изучено» [там же, с. 1]. Он был первым, кто специально остановился на оценке достижений российского афгановедения от Дорна до публицистических сочинений конца XIX в. и пришел к заключению, что в России по объективным причинам недостаточно внимания уделено изучению этой соседней страны.

В работе Аристова выделяются две основные части. Одна из них посвящена географическому обзору территории, населенной афганцами, и этническому составу афганцев, живущих в пределах Афганистана, а также оказавшихся «после Дюрандова соглашения» 1893 г. на территории Полосы независимых племен. Автор касается и уровня общественного развития афганских племен, отмечая, что «народ находится на известной ступени развития человеческого общества, называемой родовым бытом» [там же, с. 29]. Другая часть представляет собой исследование внутреннего устройства и внешней политики афганского государства (главы «Управление и военные силы Афганистана» и «Эмир и англо-авганские отношения»). Ее следует рассматривать как первую в российской афганистике попытку изучения Афганистана в один из интереснейших периодов его истории — правление эмира Абдуррахман-хана (1880—1901).

Другая его книга, «Англо-индийский Кавказ» [Аристов, 1900], в известной степени перекликается с предыдущей работой ученого, поскольку посвящена комплексному исследованию современного автору Афганистана. В ней обзору истории англо-афганских

⁶⁶ Б-ич Л.А. Афганистан и его эмир. — Русский вестник. 1898, август—сентябрь.

отношений начиная с середины XIX в. и до восстания пограничных племен в 1897 г. (которые описаны на основании богатого фактического материала) предпослан раздел историко-этнографического характера. Эта часть книги, несомненно, является важным этапом в исследовании российскими учеными собственно афганских племен.

Источниковой базой для исследований афганцев Аристову послужили европейские публикации и переводы восточных сочинений. Именно переводы восточных источников, а не оригиналы, что несколько снижает ценность его работы. Основываясь на сообщениях античных и восточных авторов, автор приходит к выводу о том, что Сулеймановы горы были отправной точкой распространения афганских племен на территорию Афганистана. Он использует сведения о племенном делении афганцев, их генеалогические предания, данные о занятиях различных племен, чтобы заключить, что «этнический образ авганской народности оказывается вообще весьма пестрым» [там же, с. 30]. В целом Аристов подтверждает на основе нового, широкого круга материалов наблюдения своих предшественников по поводу состава и происхождения афганцев. Важным достижением исследователя является утверждение об этнической общности афганских племен и о несостоятельности противопоставления «авганцев» «патанам», т.е. населению афганских земель, отошедших к Британской Индии (см. [Ромодин, 1953, с. 177]).

Известную ценность представляет впервые предпринятая в этой работе попытка определить общую численность населения Афганистана [Аристов, 1900, с. 48—50]. Автор снова обращается к исследованию социально-экономического положения афганских племен. Он фиксирует различия в их политическом устройстве, выделяя внутри «родового быта» две «формы»: демократически-родовое устройство и деспотически-патриархальную организацию. Главной основой различий между ними он считал расовые особенности (в том числе темперамент) и наличие иноплеменных примесей [там же, с. 30—31]. Это наиболее слабое место в его работе.

Аристов также специально обратился к исследованию Памира и сопредельных стран. Изучение этого региона в конце XIX—начале XX в. стало традиционным в российском востоковедении [Аристов, 1900—1901] (см. также [Минаев, 1879; Бобринский, 1908; Семенов А., 1916—1917]).

Вопросы политической истории Афганистана XIX в. рассматривались в довольно многочисленных работах отечественных авторов на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Как правило, следуя сложившейся в русской афганистике традиции, в этих трудах приводились сведения историко-этнографического харак-

тера, доступные в то время [Венюков, 1878; Южаков, 1885; Артамонов, 1894 и 1895; Полозов, 1902; Соболев, 1880—1885].

Среди разнообразных работ, посвященных проблемам англо-русского соперничества в Средней Азии, выделяется небольшая статья А.А. Семенова «Бегство Абдуррахман-хана из Ташкента в Афганистан». Она основана на секретных документах из дела канцелярии туркестанского генерал-губернатора (№ 34 за 1879 г.), представляющих собой донесения о пребывании Абдуррахман-хана в русских владениях. Семенов оценивает роль царских властей в побеге Абдуррахмана-хана и отмечает, что «подлежащие оглашению официальные документы того времени совершенно расходятся с секретными документами, выражающими истинный смысл и построение нашей тогдашней политики в афганском вопросе» [Семенов А., 1910, с. 106]. В статье прослежен маршрут «беглецов», анализируются политические причины успешного продвижения Абдуррахман-хана за Амударьей и подчинения ему Афганского Туркестана и Бадахшана, а затем и распространения его власти на весь Афганистан. Эта статья особенно важна потому, что является первым опытом разработки относящихся к Афганистану документов из русских архивов (см. [Массон, Ромодин, 1969]).

Свидетельством растущего интереса к изучению этой страны стало издание первой в европейской науке библиографии, специально посвященной этой стране [Гетце и др., 1908] (см. также [Межов, 1891—1894]). Она содержит около 1500 наименований книг и статей на русском и европейских языках, сгруппированных тематически.

Несколько подробнее следует сказать о вкладе в изучение Афганистана замечательного русского востоковеда А.Е. Снесарева. (Его научная деятельность продолжалась и после 1917 г.) Книга Снесарева «Авганистан», обобщая многолетние усилия ученого по исследованию страны, вышла уже в 1921 г. Его афгановедческое наследие составляют многочисленные статьи, выходявшие в различных военных изданиях и в периодике; монографические исследования, посвященные отдельным странам, а также истории внешней политики России в Средней Азии; рецензии на европейские публикации об Афганистане; переводы книг с английского языка (библиографию его востоковедных работ и литературу о нем см. [Снесарев (сб. ст.), 1973, с. 145—158; Снесарева, 1976]).

Снесарев был одним из немногих русских ученых, которые смогли побывать в Афганистане. Посещение многих районов Средней Азии, в том числе Памира, а также Северной Индии и Афганистана позволило ему составить серию военно-географических описаний [Снесарев, 1903 (1) и (2), 1906 и 1921]. Эти рабо-

ты в силу специфики военной географии являются, по существу, всесторонними комплексными исследованиями физической и экономической географии, этнографии и социологии, военного потенциала обширного региона Центральной Азии, написанными на материалах разнообразных источников и собственных наблюдений автора (подробно см. [Рябчиков, 1973]).

Для работы над книгой «Авганистан», которая представляет собой издание курса лекций, читанных на восточном отделении Академии Генерального штаба в 1920 г., Снесарев помимо английских источников использовал автобиографию афганского эмира [Абдуррахман-хан, 1901]. Описание автором страны носит обобщающий характер, причем на основании своих наблюдений и привлеченных материалов в ряде случаев он приходит к интересным новым выводам. Новаторским является специальный раздел, посвященный обзору границ Афганистана и истории их формирования. В физико-географическом очерке, в разделе, касающемся орографии Афганистана, выделено три типа рельефа и подчеркнута особая роль плоскогорий в жизни населения страны. Климат Афганистана охарактеризован как «горный», что позволило легко разобраться в причинах значительного разнообразия климатических условий на сравнительно небольшой территории.

Снесарев, как и все его предшественники, останавливается на этнической картине Афганистана и впервые приводит группировку населения по этническому признаку, подразделяя его на группы «авганскую, иранскую и тюркскую при численном и политическом преобладании афганской» [Снесарев, 1921, с. 92]. Следом за Аристовым он приходит к выводу о единстве афганского народа, тогда еще сравнительно недавно разделенного государственной границей на две части. В книге рассматриваются все афганские племена. В разделе, посвященном тюркским народам, говорится о том, что узбеки Афганистана в XIX — начале XX в. переживали процесс оседания на землю, к 20-м годам еще не законченный.

Переходя к формам правления, Снесарев определяет власть афганских эмиров как абсолютную монархию, указывая, однако, и «границы, которые суживают абсолютную власть эмира» [там же, с. 132]. Останавливаясь на законодательстве страны, он выделяет три составляющие его части: «шариат, бытовое право, новейшее законодательство». В разделе о налоговой системе подчеркнута роль денежных налогов. Снесаревым впервые предпринята попытка рассказать о промышленности Афганистана и истории ее зарождения [там же, с. 164—168]. Наконец, в разделе о внешнеполитическом положении страны автор дает периодизацию англо-русских отношений на Среднем Востоке.

«Авганистан» Снесарева, являясь типичным образцом работы комплексного страноведческого направления, подводит в краткой форме итоги достижений российской науки в этой области и ставит новые задачи. Остается сказать несколько слов о подходе ученого к исследуемой стране. Уделяя основное внимание сбору и анализу географических и тому подобных сведений, он интересуется и жизнью народа. В народах Афганистана, Средней Азии, Северной Индии он видел не бессловесную массу, а силу, оказывавшую немалое влияние на ход истории. Он писал: «...перекрещивание интересов Англии и России происходит на фоне самобытного, продолжающего существовать и восходящего в своем значении азиатского мира» [Снесарев. Индия, 1906, с. 3—4] (см. также [Халфин, 1973]).

История научного исследования Афганистана в дореволюционной России насчитывает около ста лет. За это время тем в целом немногочисленным российским ученым, которые обратились к изучению до тех пор весьма малоизвестной страны, удалось добиться определенных результатов. Они положили начало введению в научный обиход восточных источников об Афганистане и афганцах, которые, хотя и не могут претендовать на сколько-нибудь полное освещение истории страны, рассматривают целый ряд ранее неизвестных ее периодов. Нельзя не напомнить о месте акад. Дорна в изучении в европейской науке афганского языка. Отечественные ученые впервые пошли по пути создания комплексных научных описаний Афганистана или отдельных его районов, и в этих работах, как правило, они обобщали достижения современной им науки и практических наблюдений. В результате к концу рассматриваемого периода Афганистан, который за прошедшие сто лет не стал более доступным для российских ученых, был уже достаточно серьезно изученным.

Как представляется, в этом сказалась плодотворность сложившегося в России подхода к научному исследованию страны как в чисто теоретическом плане, так и в комплексном, страноведческом аспекте.

ПЕРСОНАЛИИ

А.К. Казем-Бек

О научной деятельности Александра Касимовича Казем-Бека (1802—1870) в первой половине XIX в., в пору его профессорства в Казанском университете, подробно было рассказано в предыдущем выпуске «Истории отечественного востоковедения»

[ИОВ 1]. В казанский период жизни произошло становление Казем-Бека как ученого-ориенталиста и педагога. Именно тогда в вопросе о целях и задачах отечественного востоковедения, вопросе чрезвычайно важном для российской востоковедной науки 40-х годов XIX в., Казем-Бек пришел к мнению о том, что основное назначение востоковедения — практическое. Следует при этом отметить, что в своих собственных научных исследованиях ученый проявлял себя вполне «академично».

В 1849 г. Казем-Бек был переведен в Петербургский университет, где он получил арабско-персидскую кафедру. Здесь он активно включился в разработку проекта создания «Азиатского института» для объединения всех восточных отделений, существующих в России (см. [Рзаев, 1965]). План не был приведен в исполнение, и в 1854 г. возник проект по учреждению факультета восточных языков при Петербургском университете с целью объединить все востоковедные кафедры страны [МИФВЯ, т. I, с. 93]. Казем-Бек всячески поддерживал выработанный проект и провел значительную организаторскую работу по составлению плана и программы обучения на ФВЯ.

В 1855 г. этот факультет был создан и Казем-Бек стал его первым деканом. На посту декана он раскрыл во всей полноте свои организаторские способности, но по мере становления отечественной ориенталистики его взгляды на задачи российского востоковедения и чисто практическое назначение ФВЯ постепенно стали вступать в противоречие с мнением большинства профессоров факультета. В.В. Григорьев в записке о будущем воспитанников факультета, опровергая взгляд Казем-Бека, писал в 1864 г.: «...практические цели факультета, сколь ни важны они, составляют лишь часть его задачи, заключающейся, главнейше, как и задача всякого другого факультета, в ученой обработке и распространении сведений, входящих в круг преподаваемых в нем предметов, в служении чистой науке на пользу целого человечества» (цит. по [Бартольд IX, 168]).

Глубокое знание Казем-Беком мусульманского законодательства и восточных языков позволило привлечь его к сотрудничеству с Министерством внутренних дел по департаменту иностранных исповеданий и со II отделением Императорской канцелярии особого комитета для рассмотрения свода мусульманских законов (см. [Абдуллаев, 1963, с. 28]).

Несмотря на перегруженность работой, Казем-Бек в петербургский период жизни продолжал научные исследования. За это время им был опубликован ряд фундаментальных трудов, работа над которыми была частично начата еще в Казани. Это «Дербентнамэ», источниковедческая обработка и перевод уникального сочинения по истории Кавказа; «Мюридизм и Шамиль» (1859);

«История ислама» (1860); «Баб и бабиды» (1865) и ряд других работ, многие из которых по глубине исследования, широте привлечения источников и полноте освещения затронутых вопросов не теряют своего значения и в наши дни. Для всех работ Казем-Бека характерен критический анализ привлеченных источников. Отметим, что Казем-Бек, знаток восточной древности и средневековья, в работе «Баб и бабиды» обратился к истории современного ему Ирана, рассматривая движение бабидов как политическое выступление против существующего строя, принявшее религиозную окраску.

Научные труды ученого получили признание в России и за ее пределами. Многие из его работ были опубликованы в Западной Европе, за «Дербент-намэ» он был удостоен Демидовской премии и награжден золотой медалью королевы Великобритании. В 1850 г. Казем-Бек был избран ординарным членом Азиатского общества в Париже, а в 1866 г. стал членом Германского общества ориенталистов в Берлине (см. [Рзаев, 1969, с. 50, 53]).

За время своей долгой деятельности Казем-Бек подготовил целый ряд востоковедов. У него учились известные впоследствии И.Н. Березин, В.П. Васильев, К.Ф. Голстунский, В.Ф. Диттель, Л.А. Иванов, Н.И. Ильминский, М.М. Ковалевский, Д. Митчель, М.Т. Навроцкий, А.В. Попов, И.Н. Холмогоров. «Сенковский и Казем-Бек своими лекциями создали русское востоковедение: почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников» [Бартольд IX, 467—468].

Среди исследователей стран Ближнего Востока особо могут быть выделены три крупнейших специалиста, которых во второй половине XIX в. можно считать представителями уже вполне обособившейся от филологии исторической науки внутри востоковедения. Это В.В. Григорьев, Н.И. Веселовский и В.В. Бартольд. Деятельность Григорьева во второй половине XIX в. является вторым этапом его работы, начавшейся и получившей развитие в первой половине столетия.

В.В. Григорьев

Прослеживая этапы жизненного пути и рассматривая деятельность Василия Васильевича Григорьева (1816—1881), можно сказать с достаточным основанием, что он никогда не покорялся обстоятельствам, но умел подчинять их своей воле (о нем см. [ИОВ 1]). Если же возникали ситуации, категорически несовместимые с его принципами, он расставался с должностью, сколь бы

завидной она ни была, и не жалел об этом. Так ему пришлось поступить, когда генерал-губернатором в Оренбурге был назначен Безак, требовавший от подчиненных безоговорочного выполнения любых его распоряжений, хотя не имел представления об особенностях местных условий, да и не желал вникать в них. В декабре 1862 г. Григорьев уехал в Петербург, решив уйти в отставку и получить пенсию. За выслугу лет в аналогичных случаях получали достаточное содержание — от 1 тыс. до 1,4 тыс. руб. в год, но, видимо, не без навета Безака, поспешившего в Петербург вслед за Григорьевым, ему, штатскому генералу, члену-корреспонденту Академии наук, была назначена мизерная пенсия, выглядевшая подачкой, — 285 руб. 90 коп. [Веселовский, 1887, с. 205]. Фактически высшие царские чиновники наказали Григорьева за смелость иметь собственное мнение.

Зато Василия Васильевича хорошо знали и высоко ценили в научных кругах, и особенно в университете, где за семь лет до его возвращения в Петербург был создан факультет восточных языков. Декан факультета Казем-Бек разделял точку зрения Григорьева (высказанную им еще в 1837 г.) о необходимости создания кафедры истории Востока. Изменилось в пользу такого решения и мнение большинства факультетских профессоров, была осознана и государственная потребность в этом. Таким образом, приезд Григорьева в Петербург оказался весьма кстати. Последний петербургский период деятельности ученого приходится на вторую половину XIX в., когда центр университетского востоковедения переместился в северную столицу. Григорьев был, по сути дела, единственным в России человеком, который в течение всей своей жизни занимался именно историей Востока и потому был достойным возглавить кафедру истории Востока, учрежденную к концу 1863 г. Григорьеву была присуждена ученая степень доктора восточной словесности без защиты диссертации — факт знаменательный, свидетельствующий о том, что профессура факультета была глубоко убеждена в его ученых заслугах, о чем говорилось в постановлении Совета университета. Накануне 1864 г. он получил звание профессора, а с февраля начал читать курс лекций под названием «Общее введение».

Первоначальный план этих лекций говорит о том, что перед слушателями предполагалось развернуть широчайшую картину поступательного развития человеческого общества на территории Азии. Приводим этот документ с небольшими купюрами: «Географическое обозрение Азии как поприща, на котором и под воздействием физических условий которого развевывалась жизнь восточного человечества... насколько внешняя природа определяет деятельность человеческого духа... Затем, когда сцена, на которой драма азиатского человечества будет известна более или менее,

познакомить с актерами этой драмы — племенами и народами Востока как основными единицами, из борьбы и различного сочетания которых возникли его государства... Познакомившись с племенами и народами Азии в их, так сказать, эмбрионическом состоянии, следует указать их первоначальные гнезда и распространение их по материку и островам Азии во времена доисторические, руководствуясь их собственными преданиями и результатами, выработанными сравнительною лингвистикой. Далее полагаю я сообщить слушателям, так сказать, скелет политической истории Востока начиная с возникновения древнейших государств. Изложение последовавшей смены одних государств и династий другими до настоящего времени в самом кратком очерке должно послужить кадром, пополнить который теми или другими подробностями будет уже задачей специального курса. В заключение Введения необходимо, по моему мнению, сделать обзор догматики и религиозных учений, существовавших и существующих на Востоке как предмет, который не принадлежит к истории одного какого-либо племени или какой-либо страны, но общ многим и составляет почти исключительно ту духовную атмосферу, в которой движется азиатское человечество...» [там же, с. 235].

План лекций взят нами из биографии Григорьева, составленной Н.И. Веселовским, который, видимо, обнаружил его среди бумаг своего учителя. План сохранился и в архиве (ЛГИА), но в несколько ином варианте: он предваряется пунктом 1 «Объяснение задачи истории как науки и возможность осуществления этой задачи вообще и по отношению к азиатскому человечеству в особенности»; остальные положения плана снабжены порядковыми номерами и хотя по содержанию совпадают с приведенными выше, но даны в более сжатой форме.

Судя по этому плану, курс, предложенный проф. Григорьевым, был «одновременно введением в специальность, в историческую географию, этнографию и историю общественно-политической мысли народов Востока»⁶⁷, а кафедра истории Востока превращалась в звено, связующее все специализации факультета.

В процессе преподавания этот курс претерпел некоторые видоизменения: последний его пункт о религиозных учениях на Востоке (6-й по экземпляру ЛГИА) в жизнь претворить не удалось. Основной упор делался на историю Средней Азии, что нашло отражение и в названии курса. О том, как он строился в по-

⁶⁷ Бартольд писал, что начиная с 1869 г. курс Григорьева не содержал политической истории Востока, но сводился к истории ознакомления европейцев с Азией. Судя по документу, найденному А.Д. Желтяковым, последняя тема составляла лишь четверть курса. См. [Бартольд IX, 200—201].

следующие годы, можно судить по документу, обнаруженному А.Д. Желтяковым в ЛГИА и опубликованному им в статье, посвященной преподаванию истории стран Ближнего и Среднего Востока на ФВЯ. Это программа курса 1872/73 учебного года, которая делилась на четыре части соответственно четырем годам обучения.

I часть объединяла три пункта прежней программы 1864 г. (по варианту ЛГИА — даже четыре). II часть была посвящена древней истории и охватывала период примерно с V в. до н.э. по VI в. н.э. III часть: история вторжения тюркских племен в Среднюю Азию, тангутское государство Сися, Мавераннахр до и после арабского завоевания. IV часть: монгольское завоевание Средней Азии Чингис-ханом, распад образованной им империи на улусы, образование среднеазиатских ханств, владычество Китая в Восточном Туркестане и тюркских династий в Персии и Малой Азии. Завершался курс рассмотрением политики России в Средней Азии в 70-х годах XIX в.

Конечно, не все пункты этой обширной программы удавалось осветить с достаточной полнотой, ибо Григорьеву на том этапе разработки курса лекций зачастую приходилось начинать с нуля, но уже сама схема, постановка вопросов показывают, как масштабно он мыслил. Хронологическая последовательность изложения материала в основных чертах сохраняется и поныне, на те же узловые моменты лекторы обращают внимание слушателей и в наши дни, хотя, конечно, исследовательский базис и методика преподавания изменились в корне.

Как лектор Григорьев пользовался неизменным уважением, а его увлеченность передавалась слушателям. Он не считался со временем, если надо было объяснить студентам непонятный материал, всегда был готов прийти на помощь и в годы обучения, и потом, когда его выпускники выходили на самостоятельную дорогу. Особенно он радовался, если удавалось кого-либо пристроить на хорошее место. Отличительной особенностью тех, кто подпадал под влияние своего учителя, были преданность науке, готовность посвятить ей всю свою жизнь.

Трезвость взглядов, всегда отличавшая Григорьева, побудила его уже вскоре после занятия им кафедры задуматься о подготовке преемников, которым бы он мог передать свой опыт и знания.

В течение десяти лет бок о бок с ним работал приват-доцент Г.В. Мельгунов (о его деятельности см. выше, с. 208).

В 1871—1872 гг. на кафедре работал Н.Н. Пантусов, на время появлялись другие способные молодые люди, но подлинным продолжателем дела Григорьева стал Н.И. Веселовский, о котором речь впереди.

Возвращение в университет стимулировало творческую активность Григорьева. В последние годы жизни (1864—1881) он написал более 60 работ, в том числе монографические исследования, подготовил издания источников. В это же время прослеживается новое направление его интересов в русле практического востоковедения. Так, выходят его статьи о русской торговле и политике в Средней Азии, которые в 1863—1867 гг. появлялись ежегодно, а затем с некоторыми перерывами⁶⁸. Следует отметить труды Григорьева за эти годы по истории востоковедения. Для нашей темы особенно важны отзывы Григорьева о заслугах его коллег (Хвольсона, Топчибашева, Дорна и др.), его отчеты о съездах, конгрессах, заседаниях, выставках, о деятельности географического, археологического и других обществ. Кроме того, он публикует объемистый очерк о деятельности Петербургского университета за первые 50 лет его существования, где специальный раздел посвящен ориенталистике [Григорьев, 1870 (1)]. А за пять лет до того в полемической статье «В опровержение некоторых мнений, высказанных в последнее время о преподавании восточных языков в России и об изучении у нас Востока вообще» [День. 1865, № 18 и 33] он имел возможность сформулировать для широкой читательской аудитории свое особое суждение по этому предмету.

Среди его исследовательских работ последнего периода выделяется обобщающая работа, посвященная древней истории: «О скифском народе саках» [Григорьев, 1872 (2)]. Вышло также несколько его статей по нумизматике, как правило, с введением в научный обиход археологических находок. Ценны следующие историографические труды Григорьева: «О путешествии Гарбера в Хиву» (1870), «Караханиды в Мавераннахре» (1874), «Об арабском путешественнике X-го века Абу Долефе» (1872). Историко-географический характер носит его заметка «Об исследовании вопроса: текла ли когда Аму-Дарья в Каспийское море?» [Журнал Совета РГО. 1864, январь]. Но особенно широкую известность принес Григорьеву многолетний труд — перевод на русский язык с немецкого части «Землеведения» Карла Риттера (об этом уже говорилось в разд. «Афганистика») — сочинения, принятого весьма положительно европейской критикой. Дополнения и поправки к нему оказались настолько существенными, что приняли характер переработки. Фактически автором соответствующих частей Риттерова труда следует считать Григорьева. Много лет спустя, в 1925 г., акад. Бартольд, как правило очень сдержанно высказывавшийся по поводу Григорьева, дал этому его труду такую оцен-

⁶⁸ См., например: Торговый сборник. 1864, № 20, 46, 48; 1866, № 7; газеты: День. 1865, № 25, 26, 32, 33, 36, 38, 47, 48; Москва. 1867, № 23, 24, 32, 53, 54.

ку: «...как свод исторических данных о Восточном Туркестане, труд проф. Григорьева сохраняет свое значение и теперь; до сих пор ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой» [IX, 461]⁶⁹.

В эти годы Григорьев совершил несколько заграничных поездок, участвовал в работе съездов и обществ. О международном авторитете ученого говорит такой факт, как избрание его почетным членом различных европейских обществ, в частности: Парижского азиатского общества (1866), общества Германских ориенталистов в Лейпциге (1867), Парижского института живых восточных языков (1872), английского Королевского азиатского общества (1875) (подробнее см. [Веселовский, 1887, с. 287—288]).

Оценивая вклад Григорьева в развитие отечественного востоковедения с позиций сегодняшнего дня, следует отметить по крайней мере два ведущих момента. Во-первых, капитальными трудами и активной научно-общественной деятельностью он проложил путь новому направлению науки — истории Востока. Во-вторых, как яркая личность, он создавал вокруг себя атмосферу живого интереса к странам и народам Востока, благодаря чему заметно пополнились ряды лиц, причастных к ориенталистике⁷⁰.

Нельзя здесь не отметить, что Григорьев был сторонником и одно время прямым проводником политики царского правительства на Востоке, но его научная деятельность как востоковеда имеет непреходящую ценность.

Н.И. Веселовский

Николай Иванович Веселовский (1848—1918) родился в Москве, юношеские годы провел в Вологде, где и закончил гимназию. В 1869 г. он поступил на ФВЯ по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. Уже в следующем учебном году его усердие и вдумчивое отношение к занятиям было отмечено факультетской профессурой, о чем говорит ходатайство о назначении

⁶⁹ В другом месте говорится, что части труда Риттера, переведенные на русский язык П.П. Семеновым и Н.В. Ханыковым, были также по необходимости снабжены дополнениями, которые «неизбежно принимали характер опровержения переведенного текста» [Бартольд IX, 355].

⁷⁰ Интерес публики к востоковедной тематике находился в прямой зависимости от организаторского таланта, научной эрудиции и обаяния личности Григорьева. Так, после его отъезда из Оренбурга распался организованный им кружок краеведов, а библиотека, созданная его руками, «растаяла»; с уходом Григорьева из редакции «Журнала министерства внутренних дел» издание начало увядать. О том же говорят и студенческие настроения на ФВЯ после ухода Григорьева в отставку.

ему стипендии как нуждающемуся в материальной поддержке в силу «недостаточности средств» и ввиду проявленного трудолюбия (см. [Бартольд IX, 652]). Его студенческие годы (до 1873 г.) протекали в период «апогея учено-литературной деятельности и расцвета умственных сил» В.В. Григорьева. К тому же двери дома профессора ежедневно, с семи до половины девятого вечера, были открыты для желающих получить консультацию по научным вопросам. В Веселовском рано проявились способности к научной работе. Как и многие его сокурсники, он находился под обаянием личности Григорьева. И неудивительно, что еще на студенческой скамье он определил для себя главное направление исследований — история среднеазиатских народов, главным образом кочевников, и их взаимоотношения с Русью⁷¹. Свое право на занятия такой тематикой он доказал, представив в конце университетского курса работу о податях и повинностях, взимавшихся монголами с покоренных народов.

Уже на этом этапе начинающий исследователь старался найти собственный путь решения проблемы и подошел к заданию с более реальных позиций, чем его руководитель Григорьев, предполагавший чисто филологическую интерпретацию терминологии ханских ярлыков. Веселовский пытался заглянуть глубже, осмыслить термины грамот, основываясь на конкретных исторических условиях, которые он воссоздал, привлекая с «редкой добросовестностью» доступные ему материалы источников — обстоятельство высоко оцененное факультетом, удостоившим труд студента золотой медали (см. [Бартольд IX, 653]).

По окончании курса Николай Иванович был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, присуждавшемуся после защиты магистерской диссертации, написать которую полагалось в течение двух с половиной лет. Однако, несмотря на присущее трудолюбие и целеустремленность, Веселовский не смог уложиться в срок, так как значительное время потратил на работу над новым для него направлением: в связи с намеченным на август 1876 г. III Международным конгрессом ориенталистов в Петербурге ему поручили составить обстоятельное исследование-обзор по истории востоковедения. В печатном варианте оно получило название «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России». Задание потребовало кропотливых изысканий, в том числе работы в архивах. Труд молодого исследователя обнаружил в нем способность критически осмысливать вклад ученых старшего поколения и его современников в науку; он и по сей день сохраняет значение справочного пособия.

⁷¹ Мнение о Григорьеве как наставнике молодежи см. [Веселовский, 1908, с. 6].

Тема диссертации Веселовского была подсказана самой жизнью: в год окончания им университета к России были присоединены земли Хивинского ханства. Это политическое событие вызвало интерес к истории, географии и культуре края. На него откликнулся и ФВЯ, предложив «студентам... для соискания наград медалями... „изложить исторический ход постепенного распространения европейских сведений о странах в бассейне Амударьи"» [там же, с. 656]. Сотрудник факультета П.И. Лерх опубликовал монографию «Жива или Хорезм», которая вышла на немецком языке [Lerch, 1873].

Обратившись к аналогичной теме, Веселовский, по-видимому, пользовался консультациями Лерха, но его исследование направлено по иному руслу. Если Лерх сосредоточил внимание главным образом на географии региона, то его младший коллега изложил историю Хивы. Название работы Веселовского — «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего» (СПб., 1877), однако следует отметить, что примерно половина книги посвящена XVIII—XIX вв. Как и предыдущие труды исследователя, этот очерк основан на большом фактическом материале, почерпнутом из изданий и переводов восточных источников и соответствующей научной литературы, использованной автором во всей полноте. Кроме того, Веселовский широко привлекал сведения из отчетов русских посольств в среднеазиатские ханства.

Успешная защита диссертации вновь открыла перед Николаем Ивановичем двери университета, с которым он уже более не расставался. В течение 18 лет (1878—1896) после ухода в отставку Григорьева он был единственным представителем кафедры истории Востока. В этих благоприятных условиях протекала в дальнейшем и его исследовательская деятельность, направление которой зависело не от привходящих обстоятельств, а только от его собственных интересов, вкусов и творческих возможностей.

Веселовский был достойным продолжателем дела Григорьева, «которому он уступал по дарованиям и широте научного кругозора, но которого превосходил трезвостью суждений и стремлением иметь под ногами твердую почву» [Бартольд IX, 653]⁷². Университетские лекции Веселовского строились примерно в том же плане, что и его предшественником, но, естественно, пополнялись благодаря собственным изысканиям и знакомству с новинками научной литературы. Курсы лекций были посвящены истории Востока и Средней Азии. Первый курс охватывал период с XIII в. по 70-е годы XIX в. Здесь речь шла об истории государственных образо-

⁷² Таково авторитетное суждение Бартольда, прекрасно знакомого с трудами Григорьева и лично знавшего Веселовского в течение почти 30 лет.

ваний, возникших на развалинах империи Чингис-хана, затем освещались политические события Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. По ходу изложения давались ссылки на источники. Этот курс Веселовского неоднократно издавался литографским способом по рукописям слушателей (за 1886/87—1888/89 и другие учебные годы). В 1910 г. появилось машинописное издание, просмотренное Бартольдом. К этому изданию на шмуцтитуле сделана приписка: «Настоящий курс начинается с событий после смерти Чингиз Хана; сведения же о завоевании Арабов в Средней Азии, появлении Турецких династий и Чингиз Хана и его завоеваниях можно найти в книге „Западный Туркестан со времен завоевания Арабами до Монгольского владычества. Историко-географический очерк. Сост. А.Н. Самойлович“ (СПб., 1903)». Приписка говорит о том, что в те годы и два сотрудника кафедры истории Востока были не в состоянии охватить весь необходимый материал.

Курс истории Средней Азии, как указано, например, на литографированном издании 1882/83 г., основанном на записях нескольких студентов, делился на две части: «древнейшие известия о населении западной половины Средней Азии и древнейшие известия о населении восточной половины Средней Азии».

Помимо университета Веселовский читал лекции в Археологическом институте. Они назывались «Первобытные древности» и «Первобытный человек» и были опубликованы в 1901 и 1902 гг.

Параллельно с чтением курсов лекций Веселовский продолжал исследование вопросов, поднятых им в диссертации или тематически примыкающих к ней, о чем можно судить по ряду его статей, написанных в ближайшее после окончания университета время: «Манкытская династия, ныне царствующая в Бухаре», «Русские невольники в среднеазиатских ханствах», «Посольство в Хиву Ивана Михайловича Федорова и его статейный список пребывания в Хиве в 1669—1670 гг.», «Прием в России и отпуск среднеазиатских послов»⁷³. На 500-летие Куликовской битвы он откликнулся обстоятельной работой [Веселовский, 1880].

В 80-х годах начинается новый этап организационно-творческой деятельности этого ученого, связанный с археологией. В 1881 г. Веселовский был избран членом-сотрудником Российского археологического общества и, как человек крайне обязательный, принял самое активное участие в его работе, в том числе в подготовке очередного, 6-го археологического съезда, прохо-

⁷³ Первые три статьи см. соответственно [Туркестанские ведомости. 1878, № 28; 1879, № 33, 35; 1882, № 20]. Статья о русских невольниках вышла также отдельным оттиском в Ташкенте в 1883 г. Статью о приеме послов см. [ЖМНП. 1884, июль, отд. 2].

дившего в Одессе. В 1884 г. РАО, а также Петербургским университетом Николай Иванович был командирован в Туркестан для обследования региона в археологическом, этнографическом и культурном отношении. Поездка дала толчок исследованиям ученого, основанным на материалах полевых сезонов. Он сразу оценил важность археологических находок для пополнения источниковедческой базы по истории Средней Азии. Особенно исследователь заинтересовался вопросами о влиянии на Среднюю Азию греко-римского культурного мира. В дальнейшем он вел раскопки и в юго-восточных районах Европейской России и со временем сделался «специалистом по русской археологии в широком смысле слова». Касаясь объема выполненных им в итоге работ, ученый-археолог Б.В. Фармаковский писал, что Веселовским было проведено 29 полевых сезонов — «факт почти беспримерный в жизни ученых исследователей и свидетельствующий о необыкновенной энергии и настойчивости Н.И. в работе» [Фармаковский, 1921, с. 362].

Несомненной заслугой Веселовского является то, что археологическое изучение Средней Азии было поставлено на уровень науки того времени и велось планомерно, а не хаотически, как до него. Наибольшие результаты дало обследование городища Афрасиаб под Самаркандом. Было определено время найденных на раскопках предметов (к сожалению, полный атлас находок не публиковался). Опираясь на достоверный археологический материал, Веселовский выступил с рядом докладов и статей, которые «внесли новые факты в историю мирового культурного общения» [Бартольд IX, 645]. Особенно важны вещественные свидетельства торговых отношений домусульманской Средней Азии с Китаем и странами Средиземноморья. Веселовским была высказана догадка об оссуариях — глиняных сосудах, в которых хоронили кости умерших. Она дала основание для суждения о домусульманских верованиях в Средней Азии. Благодаря работам ученого впервые были поставлены вопросы о широком распространении зороастризма и буддизма. Раскопки на Афрасиабе доказали, что город был покинут в результате монгольского завоевания и на прежнем месте не восстанавливался.

Многолетние раскопки в Крыму и на Кубани выявили культурные наслоения со II тысячелетия до н.э. по XV в. н.э. Множество вскрытых курганов дало возможность определить характер погребений, ритуалы Скифии. Важно подчеркнуть, что факты подбирались не произвольно, а в соответствии со строго продуманной программой, которая могла быть составлена лишь крупным знатоком дела. Археологические факты, что называется, говорили сами за себя, настолько обильным оказался материал, но Веселовский не успел сам суммировать его и обобщить.

Археологические работы Веселовского в Средней Азии и в южных областях России заложили фундамент детального изучения далекого прошлого этих районов. Однако на основании одних только археологических данных, полученных силами одной экспедиции, даже при самом широком размахе ее работ, делать далеко идущие обобщения было преждевременным. Сам исследователь посвящал находкам помимо отчетов сравнительно небольшие статьи, время от времени появлявшиеся в печати, например: «Один факт из жизни Герата (нумизматическая заметка)», «Когда появились складные ножи», «Перстень-печать Миран-шаха мирзы сына Тамерлана», «Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы», «Алебастровые статуэтки до-микенской культуры в курганах южной России и на Кавказе»⁷⁴. Ряд соображений автора, высказанных в такого рода работах, подтвердился впоследствии новыми находками. Это касается, например, спора о тиаре Сайтаферна, перешедшего на страницы общей печати и закончившегося полной победой Веселовского.

Особое значение имело сопоставление данных археологии со свидетельствами письменных источников, к чему наука в то время только приступала. Веселовский прибегал к этому методу исследования в единичных случаях. Таковы «Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии» и статья «Подробности смерти Шейбани»⁷⁵. В этом плане значение археологии было определено Бартольдом в статье «Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки». В наши дни это звучит как аксиома, а тогда воспринималось как новаторство. «Археология как дисциплина, посвященная изучению одной из категорий исторических источников, именно вещественных памятников, составляет неразрывную часть единой исторической науки; только посредством изучения источников всех категорий может быть выполнена задача историка, причем это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда» [Бартольд, 1921, с. 352; Бартольд IX, 661; Труды 8-го Археол. съезда, 1897, с. 290—299]. Эти слова появились в печати уже после кончины Н.И. Веселовского. Сам он, по-видимому, не был полностью удовлетворен сравнительно небольшим числом публикаций, явившихся результатом поистине титанической практической работы археолога в поле, и предостерегал своих учеников от чрезмерного увлечения полевыми работами в ущерб кабинетным занятиям [Бартольд IX, 662—663].

⁷⁴ См. соответственно [Известия РАО. 1884, т. X; ЗВОРАО. 1898, т. X; Кауфманский сборник... М., 1910; Известия (имп.) Археологической комиссии: 1918, вып. 65; 1910, вып. 35].

⁷⁵ См. [ЗВОРАО. 1894, т. VIII; Новое время. 1896, № 7263 и 7313]. Ср. [Бартольд IX, 646].

Зато именно благодаря энергии этого ученого, его научному авторитету, приобретенному им к тому времени, организаторскому дару и острому глазу археолога и историка широкого профиля в первые годы XX в. удалось положить начало делу сохранения для грядущих поколений средневековых архитектурных памятников, стоявших на поверхности земли: мечетей, мазаров и т.п. План работ, включавший бесчисленные обмеры, чертежи, рисунки, изготовление эстампажей, фотографий в сложных ракурсах и пр., был составлен Веселовским. Он же провел две специальные экспедиции, в результате которых в 1905 г. вышел в свет великолепный альбом «Мечети Самарканда» (вып. I. Гур-Эмир), сопровождавшийся текстом на русском и французском языках. Первоначально дело было поставлено на широкую ногу, но в связи с прекращением правительственных ассигнований публикация ограничилась изданием лишь первого выпуска. Таким образом, к огромному сожалению, даже подготовленные материалы не вышли в свет.

Веселовский тратил массу энергии, чтобы сохранить для будущих востоковедов письменные исторические памятники. Так, за год до упомянутого альбома он опубликовал таджикский текст «Самарии» Абу Тахира Ходжи, касающийся топографии Самарканда и непосредственно примыкающий к альбому. Для понимания роли ученого в этом деле коснемся подготовки им «Киргизского рассказа о русских завоеваниях в Туркестанском крае» (СПб., 1894). Во время путешествия по Средней Азии он обратился к мулле Хали-баю Мамбетову с предложением записать рассказ его неграмотного престарелого отца — современника и участника событий. Веселовский надеялся получить бесхитростное повествование, которое бы «раскрыло душу народа во время борьбы за самостоятельность». Мамбетов же решил блеснуть своим литературным талантом и переложил рассказ отца, дав его в стихотворной форме, но сохранив, к счастью, его содержание. При издании текста и перевода поэмы Мамбетова Веселовский снабдил ее предисловием и Приложением, включающим два народных сказания аналогичного содержания. Одно было записано Н.Ф. Кантановым в Семиреченской области, другое — И.В. Аничковым в г. Казалинске.

Другая публикация исследователя — «Бадаулет Якуб-Бек аталык Кашгарский» — основана на рассказе некоего Мирзы Ахмеда, бывшего приближенного Якуб-бека. С помощью вопросника, составленного Веселовским, ташкентский судья через переводчика «совершил этот далеко не легкий труд» и переслал ответы Мирзы Ахмеда Веселовскому (см. [ЗВОРАО. 1899, т. XI, с. 89]). Серьезной подготовкой отличается издание документов о посольстве в Джунгарию (см. [Посольство Ивана Унковского]). Столь

же важны «Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине» и особенно «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией»⁷⁶. Последняя из названных публикаций — солидный трехтомник, издание которого потребовало основательного знакомства с архивами.

В конце XIX — начале XX в. Веселовский продолжал вести научные исследования и в прежнем русле. Об этом говорят названия опубликованных в это время статей: «Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персии и Бухаре в XVII в.» [ЖМНП. 1891, январь], «Неудавшееся посольство в Крым... Пазухина в 1679 году» [Веселовский, 1912 (2)], «Несколько пояснений касательно ярлыков...» [Веселовский, 1909 (1)], «Татарское влияние на посольский церемониал в Московский период русской истории»⁷⁷, «Заметки по истории Золотой Орды» [Веселовский, 1916] и др. Ему принадлежит и ряд работ по этнографии: «О религии по русским летописям» [ЖМНП. 1916, июль, отд. II], «Рамазан в Самарканде и Курбан-Байрам в Бухаре» [Веселовский, 1888], «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение» [Веселовский, 1921], «Пережитки некоторых татарских обычаев у русских» [Живая старина. 1918]. К такого рода тематике примыкает и несколько публикаций по поводу так называемых «каменных баб» [Веселовский, 1915 (2)]. Следует также отметить статьи по топографии и лингвистические наблюдения ученого [Веселовский, 1907, 1912 (1), 1915 (1)].

Одним из существеннейших направлений творческой деятельности ученого были его труды по истории востоковедения, начатые им, как уже упоминалось выше, еще до защиты диссертации обзором «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России». Эта линия исследований в 1900 г. была продолжена монографией по истории Археологического общества. Он был также деятельным участником «Биографического словаря профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета» за 1869—1894 гг., где были помещены составленные им справки о трудах коллег. Под редакцией Веселовского готовился третий, биографический том «Материалов для истории факультета восточных языков», а также значительная часть сборника в честь столетия Петербургского университета.

Он написал около 70 заметок о трудах, некрологов, рецензий. В работах этого плана Веселовский стремился к воссозданию

⁷⁶ Несколько ранее были опубликованы «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией...», документы, касающиеся взаимоотношений с польско-литовским государством, и другие материалы.

⁷⁷ Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911, отд. X, с. 1—19.

творческих портретов ученых. В частности, он писал о К.П. Патканове, П.И. Лерхе, В.Р. Розене, В.В. Вельяминове-Зернове. На первое место среди такого рода публикаций следует поставить монографическое исследование о В.В. Григорьеве. По словам Бартольда, этой работой Веселовский «поставил своему учителю памятник, какого не имеет до сих пор ни один из других русских ориенталистов» [Бартольд IX, 663]. Необычайно широк тематический диапазон книг, на которые Веселовский отзывался рецензиями или которые ему довелось редактировать. Это и исторические обзоры, и народные сказания, и труды по археологии, этнографии, нумизматике, географии, статистике и даже военному делу.

Вклад Веселовского нельзя оценить, не коснувшись его научно-общественной деятельности. Он сотрудничал в ряде комиссий и обществ, как то: Русском географическом и Военно-историческом обществах, Таврической ученой архивной комиссии, Одесском обществе истории и древностей и пр. Но особенно много сил он отдал работе Русского археологического общества, где в 1889 г. состоял действительным членом, а с 1908 г. возглавлял его Восточное отделение. Он буквально жил интересами этого общества, ему всегда удавалось отстаивать его интересы. Без преувеличения можно сказать, что он был одним из столпов РАО. «Ему удавалось объединить в общей научной работе деятелей различных специальностей, возрастов, направлений и характеров» [Фармаковский, 1921, с. 378]. На суждение сотрудников этого общества Веселовский выносил свои работы, читал здесь свои доклады, поддерживал научные предприятия коллег. Основной печатный орган востоковедов России в начале XX в. — ЗВОРАО — в 1908—1918 гг. выходил под его редакцией. В прямой связи с деятельностью общества стоит участие Веселовского в археологических конгрессах⁷⁸.

Николай Иванович Веселовский в одном лице совмещал ориенталиста и археолога широкого профиля, этнографа, профессора двух высших учебных заведений и общественного деятеля большого масштаба.

В.В. Бартольд

Василий Владимирович Бартольд (1869—1930) родился в обрусевшей немецкой семье; с детства он свободно владел русским

⁷⁸ После упоминавшегося 6-го Одесского археологического съезда он активно участвовал в деятельности 7-го (Ярославль, 1887 г.), 8-го (Москва, 1890 г.), 9-го (Вильно, 1893 г.), 11-го (Киев, 1899 г.), 12-го (Харьков, 1902 г.), 13-го (Екатеринославль, 1905 г.) и 14-го (Чернигов, 1909 г.).

и немецким языками и, вероятно, навыками французской речи. Родители определили его в классическую гимназию, где к важнейшим предметам относились греческий и латинский языки. Он рано избрал историю специальностью и начал готовить себя к научной карьере, уделяя особое внимание соответствующим предметам гимназической программы, читая дополнительную литературу, совершенствуясь во французском языке; по-видимому, тогда же он начал изучать и английский язык.

В 1887 г. Бартольд блестяще закончил гимназию и был награжден золотой медалью; той же осенью он поступил на ФВЯ по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду⁷⁹. И здесь Бартольд-студент выделялся своими способностями, пытливым умом, особым трудолюбием. О глубоком подходе к любому поставленному перед собой вопросу говорит предисловие к его студенческой работе под названием «Христианство в Средней Азии». Бартольд писал: «Религиозное движение, исследование которого составляет задачу нашего труда, обнимает собою период в 1500 лет; христианство распространялось в Средней Азии среди различнейших народов; чтобы объяснить, почему люди столь различного происхождения принимали несторианство, требуется основательное изучение их истории и религиозных верований и, кроме того, знакомство с учением и литературой самих несториан; чтобы прочесть в подлиннике источники, необходимо знать языки: латинский, греческий, сирийский, армянский, арабский, персидский, тюркский, монгольский, китайский; подробное знакомство с позднейшей литературой и литературой этих народов необходимо для всякого, кто хочет указать, какие следы пребывания несториан сохранились в Средней Азии до настоящего времени; каждый, кто хочет объяснить победы католичества над несторианством в XIV в., должен быть знакомым с состоянием просвещения в средневековой Европе; словом, необходимо быть отличным ориенталистом, отличным богословом и отличным историком...» (см. [Туманович, 1976, с. 237]).

Мы позволили себе привести эту обширную цитату потому, что она отнюдь не результат пылкого воображения юного максималиста, но глубоко продуманное научное кредо начинающего ученого, которому он всегда следовал в своей дальнейшей творческой работе. При таком доскональном осмыслении задач, кото-

⁷⁹ Биография Бартольда издавалась неоднократно, в том числе И.И. Умняковым, В.Ф. Минорским, И.Ю. Крачковским и другими его коллегами и учениками. Отметим лишь два издания: 1) автобиографию в журнале «Огонек» (1927, № 40); 2) биографическую справку, составленную И.П. Петрушевским и помещенную в т. I «Сочинений» (М., 1963). Аналитическая биография ученого явилась темой кандидатской диссертации [Акрамов, 1981]. Последнюю полную публикацию этого плана см. [Лунин, 1981].

рые ставила перед исследователем история средневековой Средней Азии — а именно на этом сосредоточивались интересы Бартольда уже на начальном этапе его научной деятельности, — становится понятным, почему он считал для себя необходимым заметно дополнить, расширить круг предметов университетского преподавания. Прежде всего он занялся освоением восточных языков. Это делалось не как самоцель, но для того, чтобы свободно ориентироваться в источниках. Помимо обязательных языков «своего» разряда он изучал армянский, еврейский, сирийский, санскрит [там же, с. 320—322]. Языковая подготовка Бартольда позволяла ему в конце университетского курса конспектировать труды арабских и персидских историков в подлинниках, притом не только изданные, но и в рукописях. Он посещал лекции и семинарские занятия профессоров других разрядов факультета, осваивал научную литературу по избранной тематике.

Впитав максимум того, что мог дать ему лучший восточный факультет России, он, как и многие начинающие ученые того времени, продолжил обучение на год, чтобы прослушать курс лекций западноевропейских востоковедов, в частности в Галле — Августа Мюллера, а в Страсбурге — Теодора Нёльдеке. Сразу же при этом подчеркнем: относясь с глубоким уважением к западноевропейскому ученому миру, например к немецкой востоковедной школе, Бартольд считал, что русским ученым (понимая под этим словом, конечно, не их национальную, а государственную принадлежность) следует пролагать собственные пути в ориенталистике. А в 90-х годах XIX в. российская ориенталистика могла назвать немало серьезных имен. Среди них — историк Востока Н.И. Веселовский, арабист В.Р. Розен, тюрколог В.В. Радлов и иранист В.А. Жуковский. Каждый из четырех названных ученых внес свою лепту в процесс формирования научных взглядов Бартольда.

Веселовский — непосредственный предшественник, а позже коллега Бартольда по кафедре истории Востока — был его прямым наставником на первых этапах преподавательского и научного пути. Он же ввел Бартольда в Восточное отделение Русского археологического общества, объединявшее научные силы востоковедов. Первым шагом было прочтение Веселовским на заседании ВО РАО 18/30 октября 1890 г. заметки Бартольда «Пизанец Исол», опубликованной позднее [ЗВОРАО. 1892, т. VI]. Несомненно, Веселовскому Бартольд обязан своим неослабевающим интересом к археологии, хотя сам он не чувствовал призвания к полевым работам. Целый ряд научных вопросов, впервые поставленных Веселовским или затронутых им в своих исследованиях, был в дальнейшем разрешен или разработан Бартольдом.

Известно о разностороннем влиянии Розена на молодого Бартольда. Этот вопрос достаточно подробно освещен в творческой

биографии Бартольда (см. [Лунин, 1981, с. 12—21]). На наш взгляд, важнейшим моментом здесь следует признать всестороннее и глубокое знание Розеном рукописей мусульманского фонда и в России, и за рубежом. Видимо, не без влияния Розена и его трудов у Бартольда появилась и в дальнейшем окрепла мысль о том, что «бумажные памятники», которые во времена Григорьева считались исчерпанными, таят еще много неиспользованных ценнейших материалов для историков Востока. Несомненно и то, что в этнографических вопросах, особенно касающихся народной литературы тюрков, Бартольд в начале своего самостоятельного пути как ученого опирался на указания и советы Радлова и всегда был верен его заветам. Чрезвычайно важно отметить, что ход работы над монографией Жуковского «Развалины Старого Мерва» дал в руки Бартольда ключ к решению задачи, как строить историко-археологические исследования. Отнюдь не склонный к преувеличениям и проявлениям восторгов, Бартольд был убежден благодаря этой книге, что именно так следует подходить к изучению среднеазиатских городов. Методологию Жуковского он применил к своим материалам при написании ряда исследований и лекционных курсов⁸⁰.

Возвращаясь к вопросу о полученном Бартольдом университетском образовании, скажем о том, что его успехи были отмечены. За упомянутое выше сочинение о христианстве он получил серебряную медаль⁸¹. По окончании же университетского курса ему был вручен диплом первой степени, что соответствует нынешнему диплому с отличием, а после заграничной поездки 1891—1892 гг. его оставили при университете для приготовления к профессорскому званию. За год он смог подготовиться и успешно сдать магистерский экзамен, который в те времена состоял из нескольких частей. Наиболее важные из них — свободное владение рукописными текстами на трех языках Ближнего Востока, критическое осмысление научной литературы по избранному направлению и широкое знакомство с историей, культурой и религией стран и народов Востока от Испании до Китая.

В последующие три-пять лет в процессе работы над диссертационной темой, посвященной монгольскому завоеванию Средней Азии, Бартольд выработал свой стиль и метод исследований, ко-

⁸⁰ См., например, архивные подборки о городах Ферганы, о Самарканде и ряде других городов Ирана и Средней Азии [Туманович, 1976, с. 246 (ед. хр. 41), с. 250 (ед. хр. 66)]. О значении работы Жуковского см. [Смирнова, 1960, с. 50—58].

⁸¹ Существует мнение, что эта работа была опубликована [Акрамов, 1981, с. 20]. Однако сопоставление изданных работ на эту тему со студенческой дают основание «говорить о студенческом исследовании В.В. Бартольда как о работе, имеющей самостоятельное значение, хотя и не опубликованной, но послужившей отправным этапом для ряда статей» [Туманович, 1976, с. 238].

торый снискал ему в дальнейшем мировую известность. Остановимся подробнее на этом этапе его творческого пути.

Для сбора материалов по диссертационной теме молодой ученый дважды выезжал в научные командировки.

В мае 1893 г. он направился в Центральную Азию с целью археологического обследования долин рек Чу и Или. Собираясь в путь, Бартольд, учитывая опыт своего старшего коллеги Жуковского, считал совершенно обязательным предварительно изучить свидетельства всех доступных источников, в том числе арабских и персидских, о среднеазиатских маршрутах VII—XIII вв. в интересовавшем его районе. Он даже просил на год-два отложить поездку, чтобы получить более надежную источниковедческую базу для своих будущих наблюдений. Но кураторы поездки — Веселовский от университета и Радлов от Академии наук — строили свои расчеты главным образом на результатах полевых работ и не приняли во внимание доводы начинающего исследователя. Путешествие ему, однако, пришлось прервать уже в районе Таласа: он сломал ногу при падении с лошади и был вынужден возвратиться в Ташкент, где задержался на целый год для лечения. Продолжив затем намеченный маршрут, Бартольд смог сопоставить визуальное археологическое обследование долин (на раскопки он не решился) со сведениями географов и путешественников далекого прошлого и определить местонахождение ряда средневековых городов.

Вторая поездка — в рукописные хранилища стран Западной Европы — относится к 1895 г. На этот раз ученый готовился к работе особенно тщательно, глубоко и всесторонне изучив весь круг петербургских рукописей, затрагивающих интересующие его темы. Фактически ко времени отъезда он уже располагал основными рукописными материалами для будущей монографии. Командировка была нужна для уточнения ряда вопросов, сопоставления сведений разных авторов и выяснения деталей, иногда, правда, очень существенных.

Итогом первой командировки стал подробный отчет, в котором исследователь суммировал сведения историко-географического характера и высказал соображения по топонимике обследованного района [Бартольд, 1894]. Из второй командировки он привез обширные выписки из рукописей, просмотренных во время пребывания в Лондоне, Париже и Лейдене. 11 выписок было вскоре опубликовано в источниковедческой подборке (она называлась «Тексты»), изданной в виде первого тома диссертации. (Остальные 13 опубликованных в «Текстах» отрывков были выписаны из рукописей петербургских хранилищ [Бартольд, 1898—1900, ч. I].)

Работа над диссертацией, получившей в окончательном варианте название «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ве-

лась в напряженном ритме⁸². Много времени у Бартольда отнимали служебные обязанности: в 1896 г. он был назначен заведующим Минц-кабинетом Петербургского университета. В этом качестве он должен был следить за сохранностью, каталогизацией и систематизацией довольно обширной коллекции монет. Почти одновременно он приступил к чтению лекций в качестве приват-доцента. К этой работе он также отнесся весьма ответственно. Не желая повторять Веселовского, он заново писал, подготавливал, обдумывал темы предстоящих лекций, впервые в практике университетского преподавания основанных на первоисточниках. Студентам он, например, говорил: «Для всего периода истории Средней Азии, от арабского завоевания до нашествия монголов, во всей европейской литературе нет ни одного труда, в котором говорилось бы о действительной жизни народов, а не только о внешних войнах и переменах правителей; поэтому вы услышите здесь не взгляды, установившиеся в науке, а только мои личные взгляды, еще никем не проверенные и, конечно, нуждающиеся в критической оценке» [Туманович, 1976, с. 239 (ед. хр. 8)].

Как ни сложно было на совершенно новой основе составить курс лекций, посвященных историко-географическому обзору Средней Азии, эта работа частично помогала и оформлению диссертационной, так как в обоих случаях требовалось осветить ряд одних и тех же проблем. Более того, по несколько раз возвращаясь на лекциях и семинарах к одному и тому же вопросу, Бартольд находил дополнительную аргументацию для выводов, рассматривал его со всевозможных точек зрения — и своих, и слушателей. Многократно проверенные, тщательно проанализированные факты, почерпнутые из источников, выстраивались в стройную логическую цепь. Думается, что отточенность мыслей в «Туркестане» — до некоторой степени результат «проката» их на университетских занятиях.

В 90-х годах — 1900 г. Бартольд напечатал около 50 статей. В основном это либо небольшие заметки по частным вопросам, либо пространные работы, тематически связанные с «Туркестаном». Прежде всего это: «Историческая справка о Термезе», «По поводу статьи „Догодка о прошлом Отрара“», «По поводу христианского селения Вазкерд», «Мечеть Биби-Ханым»; несколько историографических заметок и статей — «Новое мусульманское известие о русских», «Коркуд», «Кафиристан в XVI в.», «Извлечение из „Тарихи-Шахрохи“», «Мулхакат-ас-Сурах», «География Ибн Саида»; три нумизматические заметки — «Неизданный са-

⁸² Эта работа была издана на английском языке в 1928, 1958 и 1968 гг. В 1931 г. книга была переведена на узбекский язык.

маркандский дирхем», «О некоторых самаркандских дирхемах», «Неизданный саманидский фельс»⁸³. Далее следует назвать «Очерк истории Семиречья» [II, ч. 1], перевод с обширными дополнениями книги-справочника Лэн-Пуля «Мусульманские династии»⁸⁴ и сравнительно небольшую, но емкую по содержанию источниковедческого плана статью «Хафизии-Абру и его сочинения» [VIII, 74—97].

К защите диссертации Бартольд пришел вполне сложившимся ученым, фактически создателем нового научного направления. Вобрав и творчески переосмыслив все лучшее, что мог получить от старшего поколения востоковедов, он в своих выводах опирался на проверенные факты источников. Представленный им труд впоследствии был справедливо назван капитальным и классическим. Эти определения характеризуют объем найденных и ставших известными источников, их исчерпывающий анализ, логическое изложение, общую схему периодизации истории Средней Азии VII—XIII вв., предложенную диссертантом и оставшуюся незабываемой в своих основных чертах и по сей день. В «Туркестане» Бартольд убедительно показал, что арабское завоевание несло с собой новые общественные отношения, выяснил специфику государственных образований местных среднеазиатских династий (Саманидов и их предшественников). Он рассматривал создание тюркских кочевых государств как новый этап в развитии средневекового общества, выявил иллюзорность политической мощи хорезмшахов, выступил со своей точкой зрения на историческую роль монгольской империи Чингис-хана. Все эти задачи были поставлены Бартольдом впервые. Решение их позволило ученому прийти к основному выводу о том, что «и в Европе, и в Азии действуют одни и те же законы исторической эволюции» [Бартольд, 1898, с. 355].

Грандиозность выполненной одним человеком работы, которая была под силу разве что целому поколению исследователей, ее новаторский характер не сразу смогли оценить даже университетские профессора. Присутствовавшие на диспуте (2 декабря 1900 г.) указывали на исключительно высокое качество исследо-

⁸³ Точное название первой статьи — «Примечание в статье И. Пославского „О развалинах Термеза (Путевой очерк)“» [Среднеазиатский вестник. 1896, декабрь, с. 87—88]; заметку об Отраре см. [Туркестанские ведомости. 1900, № 3, (9/21 января)]. Остальные заметки и статьи см. в следующих томах «Сочинений» Бартольда: о селении Вазкерд и мечети Биби-Ханым [IV, 110 и 116—118 соответственно]; известие о русских [II, ч. 1, 805—809]; о Коркуде [V, 236—237]; о Кафиристане [VII, 21—22]; о «Тарих-и Шахрохи» [II, ч. 2, 350—358]; о «Мулхакат ас-Сурах» и географии Ибн Саида [VIII, 98—102 и 103—113 соответственно]. Все три нумизматические заметки см. [IV, 343—349].

⁸⁴ Эта работа вышла отдельной книгой в виде справочного издания и не вошла в «Сочинения». См. [Лэн-Пуль, 1899].

вания и предложили факультетскому совету внести на Совет университета ходатайство о присуждении автору монографии «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» степень доктора наук, минуя степень магистра. При голосовании мнения разделились поровну. На вторичное голосование явился один из отсутствовавших на первом заседании факультетского совета, еще один из его членов изменил свое отрицательное мнение на положительное. В результате шестью голосами «за» против двух было принято положительное решение вопроса. Совет университета утвердил это решение факультета.

За ближайшие полтора десятилетия научный авторитет Бартольда неизмеримо вырос. Вскоре после защиты диссертации он был утвержден в звании экстраординарного, а в 1906 г. — ординарного профессора университета. В 1910 г. его избрали членом-корреспондентом, а в 1913 г. — академиком Петербургской Академии наук.

Все эти годы Василий Владимирович продолжал упорно трудиться. Ширился круг его интересов. Первейшей его заботой было знакомство с восточными рукописями, дававшими новый стимул его творческой мысли. В процессе историографических изысканий он читал не только труды историков и географов, но и сочинения, казалось бы, далекие от главного направления его исследований, например произведения художественной литературы, толковые словари, жития святых шейхов и т.п. Зоркий глаз ученого улавливал в этих трудах ценные черты культурной или религиозной жизни исторической эпохи. В его руках оказывались отдельные документы, например грамота, написанная уйгурским шрифтом, на имя Тимурида Омар-шейха [VIII, 117—118]. Даже случайная пометка на полях рукописи порой позволяла сделать полезное заключение [VIII, 317—318]. Приходилось ему составлять и обзоры целых коллекций, собранных тем или иным любителем «восточных древностей» (например, Джурабека и Половцева) [VIII, 313—314 и 340—349]. Он специально изучал рукописные фонды в Ташкенте, Самарканде, Лондоне, Каире, Стамбуле и в других городах [VIII, 119—210, 320—323 и 220—253]⁸⁵. И каждый раз, даже бегло просмотрев то или иное сочинение, Бартольд умел полностью оценить его значение для историка. Не имея привычки возвращаться к просмотренному списку вторично, он, как правило, один раз внимательно читал его, пробегая еще раз лишь некоторые места. В ходе работы ученый делал конспекты, выписки, кое-где ограничивался краткими пометами (впоследствии он также заказывал фотокопии нужных листов рукописи). В ре-

⁸⁵ Ср. с выписками, хранящимися в архиве ученого [Туманович, 1976, ед. хр. 200, 218, 192, 197, 198, 213, 201 и 221].

зультате в его архиве складывались тематические рабочие подборки-заготовки, которые могли быть использованы в лекциях, докладах, статьях [Туманович, 1976, ед. хр. 41, 46, 66, 204, 207 и др.].

В дополнение к письменным источникам Бартольд изучал и памятники материальной культуры народов Средней Азии: археологические, нумизматические, эпиграфические. В научной печати он неоднократно высказывал свои соображения о хозяйственном, ритуальном или ином назначении неизвестных предметов, найденных археологами; он занимался толкованием надписей и пр. Таковы его статьи об оссуариях, нумизматические заметки, предложенное им чтение Рушанской надписи, надписи в Варухском ущелье, на термезской гробнице и др.⁸⁶

Но большая часть трудов Бартольда в первые десятилетия XX в. тяготеет к Туркестану, перекликаясь с известной фундаментальной монографией в тематическом, территориальном либо хронологическом аспекте. Главным образом на географическом материале построены «Сведения об Аральском море...» [III, 15—94], «Дорожник от Бистама...» [III, 260—267], статьи о древнем русле Амударьи [Бартольд, 1901; Бартольд III, 248—251]⁸⁷. Историко-географический характер носят большие работы «История орошения Туркестана» [III, 97—233] и «Историко-географический обзор Ирана» [VII, 33—226]. К числу подобных работ следует отнести статьи и заметки по локальной истории — о Хорезме, Мерве, Дербенте, Оше⁸⁸. Статья о Греко-Бактрийском государстве [II, ч. 2, 455—460] касается событий, хронологически предшествующих рассматриваемым в «Туркестане», а большая работа об Улугбеке [II, ч. 2, 25—196] продолжает линию исследования, начатую в нем. Бартольд развивает темы, едва намеченные в «Туркестане». Например, это касается некоторых вопросов социально-экономического плана. В связи с этим представляет интерес статья «О народном движении в Самарканде» [II, ч. 2, 362—379]; важен разбор налоговых терминов, сделанный в работе «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» [IV, 313—338]. О функциональной роли светской и духовной власти в средневековом государственном аппарате стран Востока идет речь в статьях «Халиф и султан», «Улугбек и ходжа Ахрар»;

⁸⁶ Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии составили т. IV «Сочинений» В.В. Бартольда.

⁸⁷ Выводы резюмированы в обобщающей работе «Сведения об Аральском море...» [III, 93—94, примеч. 117].

⁸⁸ См. статью о Хорезме [VIII, 257—259]; статью о Мерве [IV, 172—195]; две заметки о Дербенте [II, ч. 1, 786—787 и 788]; заметку об Оше [Русский Туркестан. 1902, № 189 (29 августа/11 сентября)].

обобщение на эту тему сделано в работе «Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве»⁸⁹.

Творчество Бартольда касается востоковедных специализаций всего ближне- и средневозвосточного региона. Мимо его деятельности не могут пройти ни арабист, ни иранист, ни тюрколог. Фундаментальная эрудиция ученого позволяла ему высказывать веские, документально обоснованные суждения по самым разнообразным вопросам, даже литературоведческим, лингвистическим и др. В русле тематики настоящей монографии остановимся на его трудах по истории востоковедения, продолжающих традицию его предшественников — В.В. Григорьева и Н.И. Веселовского. Самые важные его работы этого плана — «Обзор деятельности факультета [восточных языков]» [Бартольд, 1909], «История изучения Востока в Европе и России» [Бартольд, 1925], «Отчет о состоянии и деятельности имп. Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года», статьи о Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии, ряд публикаций, касающихся развития востоковедения в Средней Азии, многочисленные рецензии и свыше двух десятков некрологов и разного рода записок о трудах коллег⁹⁰.

Главным для себя Бартольд считал исследовательскую работу. Он называл себя кабинетным ученым и утверждал, что вполне в своей сфере чувствовал себя лишь за письменным столом. Очевидно, такими были его личные ощущения. Не подлежит, однако, сомнению тот факт, что его научная деятельность имела большой общественный резонанс. Да и сам Бартольд, человек широкого кругозора, историк в самом высоком смысле этого понятия, живя в период революционных сдвигов, при всем своем желании не мог оставаться безучастным наблюдателем событий, происходивших на его глазах. Прежде всего этого не могло быть уже потому, что он живо интересовался окружающей действительностью. Неоспоримое свидетельство тому хотя бы путешествия, которые Бартольд с 1900 по 1917 г. совершал почти ежегодно (15 раз). Большая часть их связана с его специальностью: на Кавказе, в Сибири или в Средней Азии, в странах Европы или Малой Азии при любой возможности он изучает рукописи, знакомится с местными достопримечательностями, с работой краеведов, интересуется ходом археологических работ. А вот поездки в Швейцарию, Фин-

⁸⁹ Первую и последнюю из трех названных статей см. [IV, 15—78 и 303—319]; резюме см. [ЗВОРАО. 1916, т. XXIII, с. VII—IX].

⁹⁰ Работы по истории востоковедения составили т. IX «Сочинений» В.В. Бартольда. Здесь уместно привести цитату из рецензии на публикацию в 1911 г. «Истории изучения Востока в Европе и России»: «Книга почтенного профессора делается настольною книгою всех интересующихся историей Востока, изучение которого в Европе раньше других начали греки» [Россия, 22.10.1911].

ляндию, Соединенные Штаты Америки, Норвегию были продиктованы, видимо, простой человеческой любознательностью, желанием создать собственное мнение о стране и народе. Конечно, и они были полезны сделанными наблюдениями, иногда выявляли неожиданные ассоциативные связи с главным предметом его исследований⁹¹.

Глубокой личной заинтересованностью в развитии востоковедения как науки пронизана педагогическая деятельность Бартольда. Анализируя недостатки курсов лекций своих предшественников, он выделял три главных: 1) отсутствие у лекторов специального исторического образования и — как следствие — «незнание техники исполнения исторических работ»; 2) изложение фактов политической истории в узком смысле слова, но не всестороннего «изображения исторической жизни народов»; 3) неумение определить ценность тех или иных исследований по истории Востока и незнание того, «как должно происходить дальнейшее изучение Востока» [АРАН, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 424 (или 425)].

Выше было отмечено, что сам Бартольд с первых шагов своей преподавательской деятельности заявлял слушателям, что читаемые им курсы основаны на проверенных исторических фактах, почерпнутых из источников. С течением времени количество таких курсов выросло более чем до двух десятков. Наиболее широким был курс лекций по истории Средней Азии (Туркестана). Лектор давал материал в разном объеме и различных аспектах. Таковы общие курсы, обычно читавшиеся студентам в первые годы обучения: «История Средней Азии до арабского завоевания и история среднеазиатских кочевников до монголов» и «История турецко-монгольских народов». Более подробный и более полный по содержанию курс лекций для студентов четвертого года обучения назывался «История Туркестана». Иногда лектор ограничивал себя хронологическими рамками, например читал «Историю Средней Азии после монгольского нашествия». В несколько ином аспекте подавался курс «Историко-географический обзор Средней Азии». К этому кругу примыкали обзоры сопредельных стран, например: «Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира», «Историко-географический обзор Ирана», «Города Ирана в раннем средневековье» (иногда этот курс назывался «Города мусульманской Персии»); среди лекционных планов встречается такой: «Города Персии и Средней Азии».

В течение многих лет Бартольд читал лекции по истории арабских стран. Основные из них: «История Восточного халифата», «История западного халифата». К ним примыкали: «История

⁹¹ Список путешествий см. [Туманович, 1976, с. 334] и в биографической справке, составленной И. Петрушевским [Бартольд I, 17].

мусульманской культуры», «Курс по исламоведению», «Мусульманская историография», «Испанский халифат» и др. [Туманович, 1976, с. 342—343 (ед. хр. 424)].

Устраняя недочеты в подготовке востоковедов-историков, Бартольд настойчиво вводил в практику университетского преподавания семинары — тогда они еще были в новинку. Основная их цель — «познакомить с техникой исполнения исторических работ». Среди семинаров, которые вел Бартольд, назовем занятия «По восточной нумизматике», «По тексту Табари», «По истории Средней Азии». Он вел эти семинары параллельно с разработанным им спецкурсом «Методология истории». Спецкурс проводился в течение почти 40 лет (1890—1930). Главное внимание и в этом случае уделялось практическим занятиям со студентами — чтению и историческому анализу текстов сочинений восточных авторов: критике источника, умению отличить факт от вымысла, сопоставлению сведений разных авторов об одном событии, выяснению авторской позиции и т.д. В теоретической части спецкурса Бартольд рассматривал концепции историков Бернгейма, Ланглуа и Сеньобоса, творчески переосмысленные им самим в применении к освоенному материалу по историографии Востока. На занятиях речь шла и о трудах К. Маркса [там же, с. 318 (ед. хр. 267)], причем Бартольд считал, что в них преувеличивается влияние экономического фактора на ход исторического процесса. Отметим, кстати, что сам ученый еще в 1896 г. писал: историческое развитие «определяется преимущественно, хотя и не исключительно, экономическими условиями» [Бартольд, 1896, с. 53] (цит. по [Акрамов, 1981, с. 28]).

Многоплановая преподавательская деятельность Бартольда со временем получила большую известность; ею интересовались и неспециалисты. К ученому обращались из разных организаций и учебных заведений с заявками на чтение курсов. Например, он читал лекции в Институте истории искусств. Нередки были и публичные выступления.

Учебную работу Бартольд совмещал с научно-общественной. Он был членом разных комиссий, комитетов и других объединений. Так, к нему, как ответственному лицу, стекались письменные мнения профессоров ФВЯ во время обсуждения устава 1884 г. Он же писал от имени факультета официальную докладную правительству. В 1909 г. им составлена «Записка по поводу оставления при университете и командирования за границу» окончивших курс [Туманович, 1976, с. 340—341 (ед. хр. 424, л. 49—50)]. Он участвовал в заседаниях комиссии кураторов и профессорского дисциплинарного суда.

Как член Академии наук, Бартольд принимал участие в обсуждении самых различных вопросов: академического уста-

ва, издательского плана, организации экспедиций, командировок и т.п.⁹² Одновременно он являлся деятельным членом нескольких научных обществ: с 1898 г. — Географического, с 1900 г. — Археологического, с 1911 г. — Любителей естествознания, с 1916 г. — Таврической ученой архивной комиссии.

Особенно трудоемкой и насыщенной была его работа в Восточном отделении Русского археологического общества. Достаточно сказать, что протоколы всех заседаний Восточного отделения за 1907—1909 и 1911—1912 гг. написаны его рукой. Он же вел переписку с авторами статей, докладчиками и другими заинтересованными лицами. Бартольд неоднократно выступал на заседаниях с сообщениями, замечаниями, суждениями. На страницах ЗВОРАО в период с 1898 по 1917 г. им было опубликовано свыше 70 (!) статей, заметок, рецензий и отзывов [там же, с. 345—346 (ед. хр. 429)].

Стремлением к распространению востоковедных знаний в широких кругах общественности было продиктовано принятие Бартольдом на себя обязанностей редактора журнала «Мир ислама» в 1912 г. Благодаря его стараниям журнал имел характер серьезного научного органа, освещавшего все стороны жизни стран, население которых исповедует ислам. Это издание субсидировалось Министерством внутренних дел. Уже к концу первого года стало очевидным, что Бартольд пришелся не ко двору в этом ведомстве, как и в свое время Григорьев. Журнал был нужен министерству лишь для пропаганды колониальной политики, а до научной стороны дела, которой посвятил свои силы ученый, чиновникам не было дела. Во время беседы с Бартольдом министр А.А. Макаров продемонстрировал свое полное невежество, заявив ему, что по научным вопросам предпочитает консультироваться у западноевропейских специалистов. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в этот момент перед министром сидел олицетворявший славу русской науки ученый, к которому западноевропейские коллеги обращались в случаях, когда своими силами не могли разрешить те или иные проблемы востоковедения. Как раз в 1913 г. начала издаваться на немецком, французском и английском языках международная Энциклопедия ислама. Перу Бартольда в первом томе, который успел выйти в свет до начала мировой войны, принадлежит 113 статей — факт, говорящий сам за себя⁹³.

⁹² Архивное дело об участии Бартольда в работе Академии наук — самое объемистое в его фонде: 897 л. [там же, с. 348 (ед. хр. 432)].

⁹³ В «Аннотированной библиографии трудов акад. В.В. Бартольда», составленной его учеником И.И. Умняковым, перечислено 247 статей ученого в Энциклопедии ислама и еще свыше 30 в других энциклопедических изданиях.

Под нажимом Министерства внутренних дел редколлегию «Мира ислама» вместе с Бартольдом покинули привлеченные им к изданию журнала такие известные востоковеды, как А.Н. Самойлович, И.Ю. Крачковский, А.Э. Шмидт. В результате выход в свет журнала прекратился, так как новое направление, приданное ему министерством, не вызвало интереса научной общественности. Бартольд попытался восполнить этот пробел, но по условиям времени (шел 1917-й год) смог опубликовать лишь один выпуск журнала «Мусульманский мир»⁹⁴.

С личной инициативой Бартольда связано становление востоковедения в Средней Азии. Он принимал участие в организации краеведческого Туркестанского кружка любителей археологии, существовавшего с декабря 1895 г. При обсуждениях проектов восточного института и университета в Ташкенте ученый высказывал свои рекомендации, основанные на богатом педагогическом опыте.

⁹⁴ Записку о печатном исламоведческом органе в России, написанную В.В. Бартольдом в 1916 г., см. [Туманович, 1976, с. 352 (ед. хр. 433)].

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Во второй половине XIX в. заметно активизировалось изучение российскими востоковедами стран Дальнего Востока и центральноазиатского региона. Это было обусловлено политическими переменами на Дальнем Востоке, связанными прежде всего с англо-китайской войной 1839—1842 гг., положившей начало закабалению цинского Китая западными державами.

«Открытие» китайского рынка для иностранного капиталистического предпринимательства в результате «опиумных» войн 40—50-х годов XIX в. привело к постепенному втягиванию прежде замкнутой феодальной Цинской империи в систему мирового хозяйства с его расширяющимися рыночными связями. Под влиянием этого фактора стали происходить серьезные социально-экономические сдвиги, обусловившие подвижки в традиционных представлениях китайской интеллигенции в пользу осуществления политических реформ по европейскому образцу. На рубеже XIX—XX вв. вдохновляющим примером для нее стала Япония, твердо ставшая после «реформ Мэйдзи» на путь западноевропейских буржуазных преобразований.

Начавшееся в конце 90-х годов строительство КВЖД на территории Маньчжурии способствовало сближению России с Китаем. Это позволило цинскому правительству эффективно балансировать на противоречиях России с западными державами, стремившимися поделить Китай на сферы своего влияния. Сложная международная обстановка на Дальнем Востоке, вызванная острейшей борьбой ведущих иностранных держав за установление контроля над той или иной частью Цинской империи, стала одной из главных тем европейской и американской прессы, подталкивавшей свои правительства на более энергичные, порой агрессивные действия на Дальнем Востоке. Стремительно менявшаяся ситуация в самом Китае — «100 дней реформ» (1898), восстание ихэтуаней (1898—1901) — со всей очевидностью пока-

* Изучение истории стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) началось в нашей стране позже, чем изучение истории других регионов Азии. Это объяснялось рядом причин, среди которых следует отметить отсутствие в этом регионе непосредственных интересов России, а также преобладание индологического и синологического направлений в изучении Южной Азии и Дальнего Востока. Страны ЮВА воспринимались как нечто второстепенное по отношению к Индии и Ки-

зала, насколько были ошибочны представления западных и некоторых российских авторов об извечной «стабильности», «неподвижности» Срединной империи.

таю — явление, характерное отнюдь не только для русского востоковедения. Вплоть до последней четверти XIX в. сведения о странах ЮВА русская общественность получала из двух источников. Первым из них были путевые записки немногих россиян, преимущественно моряков. Вторым источником служили сообщения иностранной прессы и отрывки из работ английских, французских, реже немецких и голландских авторов. Как правило, такие материалы появлялись в русской литературе в связи с обострением колониальной борьбы в странах ЮВА, особенно в связи с войнами Англии в Бирме и Франции во Вьетнаме (см. [Библиография ЮВА]).

В последней четверти (особенно в конце) XIX — начале XX в. количество материалов, публикуемых в России по странам ЮВА, увеличилось и намечилось определенное расширение их тематики. Ряд обстоятельств способствовал этому. Вначале спорадически, а с 1897 г. регулярно русские естествоиспытатели направляются на Малайский архипелаг. Хотя большинство из них были ботаниками и зоологами, тем не менее в их отчетах, записках, воспоминаниях можно найти и этнографические описания, и анализ положения Нидерландской Индии, и сведения по ее истории. Не говоря уже о трудах этнографа и антрополога Н.Н. Миклухо-Маклая, работы А.Н. Краснова, В.А. Арнольди, К.Н. Давыдова, В.А. Караваева во многом способствовали ознакомлению русской общественности с Индонезией (сведения о русских путешественниках по Индонезии и библиографию их работ см. [Гневушева, 1962]). Такую же роль, как сообщения натуралистов в отношении Индонезии, сыграли путевые заметки о Бирме русских путешественников П.И. Пашино, И.П. Минаева и А.Г. Жирмунского.

В 90-х годах XIX в. в Батавии (Джакарта) открылось русское консульство, а в 1902 г. появилась книга русского консула о Нидерландской Индии [Бакунин, 1902]. Это наиболее богатое по материалам описание Индонезии, появившееся в России до революции, написано, однако, с крайне реакционных, чтобы не сказать расистских, позиций. Автор поддерживает политику голландских колонизаторов, считая индонезийский народ не способным к самостоятельному развитию. Интерес к странам ЮВА возрос в России также в связи со сближением Сиам с Россией в конце XIX в., испано-американской войной и революцией на Филиппинах. В конце XIX — начале XX в. наблюдается усиление внимания к ЮВА и со стороны официальных кругов России, что было связано с вовлечением этого района в систему межколониальных противоречий западных держав. В конце XIX в. появились статьи об общине в Юго-Восточной Азии [Зибер, 1881; Венюков, 1897]. Появление их было продиктовано интересом к проблеме общинного землевладения (взаимоотношений государственной власти и деревенской общины), что было, как представляется, связано не столько с потребностями детального ознакомления с миром ЮВА, сколько с особенностями развития общественной мысли в России того периода. В дореволюционной России не существовало такого направления в востоковедении, как изучение истории стран ЮВА. Сведения по истории, взятые за редким исключением из вторых и третьих рук, тонули в естествоиспытательском, географическом, антропологическом и этнографическом материале, а оригинальный материал не выходил за рамки наблюдений по частным вопросам и путевых заметок. Дореволюционный период не выдвинул ни одного ученого (за исключением Н.Н. Миклухо-Маклая), который бы занимался историей или источниками по истории народов ЮВА, языками или культурой их. Таким образом, нельзя говорить ни о дореволюционной русской бирманистике, ни о вьетнамистике, ни об индонезиеведении как о самостоятельных отраслях научного востоковедения.

В России в условиях активизации политики царского правительства на Дальнем Востоке — с середины 90-х годов XIX в. до русско-японской войны (1904—1905) — заметно оживилось издание книг, брошюр и газетных статей о странах этого региона. Важным подспорьем для ознакомления с различными сторонами жизни этих государств стала библиография В.И. Межова, давшая исследователям первый полный указатель названий книг и статей об Азии на русском языке с перечнем книжных публикаций на иностранных языках, «касающихся отношений России к Азиатским государствам» [Межов, 1891—1894, т. 1]. Вслед за этой библиографией появились статьи и очерковые работы, авторы которых пытались обосновать необходимость тех или иных шагов царской дипломатии в условиях возраставшей экспансии западных держав и Японии в отношении Китая.

Повышенный интерес правительственных кругов России и ее общественности к событиям на Дальнем Востоке и рост русско-английского соперничества в Центральной Азии не могли не отразиться на развитии востоковедения, и особенно практического, которому на пороге XX столетия был дан сильнейший стимул созданием в 1899 г. Восточного института во Владивостоке.

В.П. ВАСИЛЬЕВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, ЕГО КОЛЛЕГИ И УЧЕНИКИ

С появлением в столице цинского Китая в 1860 г. официально-русского дипломатического представительства отчасти утратила свое бывшее значение Российская Духовная миссия в Пекине, выполнявшая, по существу, роль важного центра подготовки не только китаистов, но и маньчжуристов, монголистов и даже тибетологов. Главным центром китаеведения во второй половине XIX в. становится факультет восточных языков Петербургского университета, куда из Казани в 1855 г. перешли многие преподаватели-востоковеды.

Напомним, что 22 октября 1854 г. вышел указ о преобразовании отделения восточных языков при Петербургском университете в факультет восточных языков. Одновременно прекращалось преподавание восточных языков в Казанском университете и 1-й Казанской гимназии (где сохранялось в соответствии с указом обучение только татарскому языку), а также в Ришельевском лицее (Одесса) и в подчиненной ему гимназии. 20 апреля 1855 г. было издано распоряжение о переводе студентов и преподавателей-востоковедов из Казанского университета в Петербургский, о чем ректор Казанского университета сообщил в своем приказе от 13 мая [ЦГА Татарстана, ф. 977, оп. ИФФ, д. 749, л. 13].

В связи с этим В.П. Васильев 27 мая подал на имя ректора заявление об увольнении и стал готовиться к отъезду. Чтобы не прекращать научных занятий, он при сдаче казенных книг в университетскую библиотеку оставил у себя несколько китайских сочинений, над которыми тогда работал. Одно из них, «Шэн-цзин тун-чжи» («Описание провинции Шэнцзин»), в его переводе вышло впоследствии в свет под названием «Описание Маньчжурии» [там же, л. 21].

Возглавив кафедру китайского языка в Петербургском университете, Васильев сделал немало для улучшения общей и специальной подготовки студентов. Свою педагогическую работу он строил с учетом трудностей, сопряженных с изучением китайской письменности и особенностей разговорного языка. По мере выработки студентами языковых навыков и перехода на старшие курсы Васильев давал им все более сложные и разнообразные тексты, включая материалы дипломатической переписки и цинского законодательства, литературные произведения и китайские газеты. Чтобы передать студентам максимально точные знания по изучаемым дисциплинам, он постоянно работал над усовершенствованием и специализацией лекционных курсов по истории китайской литературы и культуры.

Требования к студентам и соответственно к преподавателям значительно возросли после того, как решением Совета университета от 17 февраля 1864 г., утвержденным министром просвещения 27 апреля, два прежних разряда (китайско-маньчжурский и монголо-калмыцкий) с 1864/65 учебного года были объединены в единый китайско-маньчжурско-монгольский разряд, в связи с чем студентам пришлось изучать два основных восточных языка и один дополнительный [ЖМНП. 1858, № 4, отд. I, с. 13; 1865, № 4, отд. II, с. 14]. О том, с какими трудностями сталкивались студенты-новички при их изучении, позволяют судить, например, письма С.М. Георгиевского. Делясь своими первыми впечатлениями о занятиях на ФВЯ в начале 1875/76 г., он, в частности, писал в Москву А.Д. Свербееву: «Первая лекция. Является Григорьев, садится на кафедру и так начинает: „Зачем вы, м.г., пришли сюда? Заниматься восточными языками? — дело трудное, очень трудное; предуготовить себе впоследствии место в М[инистерстве] Д[ел] Иностранных? — ошибочный расчет: места даются нелегко; получить стипендию и безбедно прожить годы студенчества? — Нет у нас стипендии, ничего вы не получите. Ступайте-ка на другие факультеты, в другие заведения, а здесь тяжелый труд...“ На следующий день является Пещуров, профессор китайского языка. Та же история: „Обдумали ли вы, г-да, трудность того дела, за которое принимаетесь? Ведь вам придется иметь дело с языком, в котором нет грамматики, нет азбуки, а есть только не-

умолимая логика да 40 тыс. иероглифов...” Является Васильев, весьма благообразный старец, и так начинает: „Дело, которое вы, м.г., хотите делать, трудное дело, но ведь и всякое дело в мире трудно, если за него принимаются неумелые руки; верный метод, хорошая система сокращают до minimum'a всякий труд. Язык китайский — труден, непреодолимо труден, но только для тех, кто ему учится под руководством дурного учителя; а у меня был ученик, который в один год настолько усвоил китайский язык, что без лексикона мог читать любую книгу“...» [ЦГАЛИ, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 171, л. 1—4].

Придавая важное значение языковой подготовке студентов, Васильев обращал особое внимание на изучение ими китайского языка — основы письменности не только для Китая, но и для Кореи, Вьетнама и Японии. С учетом того, что китайский язык наряду с маньчжурским и монгольским активно использовался в деловой переписке Монголии, входившей с 1691 г. в состав Цинской империи, Васильев настойчиво советовал студентам, занимавшимся маньчжурским или монгольским языком, овладевать и китайским ввиду его особой роли в истории и культуре народов Центральной и Восточной Азии. «Без китайского языка, — писал он в 1885 г., — нельзя быть знатоком не только маньчжурского, но и монгольского, даже японского, корейского и аннамского; основанием литературы этих языков, а с тем вместе и умственно-го, равно как и гражданского и политического развития тех стран, где они употребляются, служит всё та же китайская литература; без нее нельзя знать и понимать не только древней истории всех этих стран и народов, но и настоящего их строя, их учреждений, их взглядов...»¹.

Заботясь о качественном обучении студентов восточным языкам, Васильев наряду с подготовкой различных учебных пособий активно привлекал для занятий разговорным языком не только носителей языков, но и лиц, обладавших практическими знаниями того или иного восточного языка (например, китаистов К.А. Скачкова, Д.А. Пещурова, И.И. Захарова). Для тех же преподавателей, кто был знаком с китайским, маньчжурским или монгольским языком лишь теоретически, Васильев старался добиться от руководства университета предоставления заграничных командировок. Благодаря его энергичной поддержке в феврале 1857 г. в Пекин отправился сотрудник библиотеки Петербургского университета И.А. Ладухин, ранее преподававший китайский и

¹ Васильев В.П. Воспоминание об И.И. Захарове. — ЖМНП. 1885, ч. 212, № 11, Соврем. летопись, с. 95.

маньчжурский языки в 1-й Казанской гимназии². По настоянию Васильева ФВЯ командировал в Пекин с научной целью А.О. Ивановского³. Кроме того, по его же ходатайству И.П. Минаев был отправлен в Индию (1874), а А.М. Позднеев — в Монголию (1892).

Преподавание восточных языков и китайской литературы Васильев совмещал с чтением лекций по истории Китая, придавая своим работам в этой области столь же важное значение, как и трудам по изучению буддизма. Лекции по истории Китая он начал читать еще в Казанском университете, а с переходом в Петербургский значительно обновил и расширил их. Основными разделами его курса были «первые времена китайской истории» (по XII в. до н.э.) и последующие исторические события в династийной хронологии от периода Западного и Восточного Чжоу (XII—III вв. до н.э.) до правившей (с 1644 г.) Китаем маньчжурской династии Цин. Учебными программами предусматривалось ознакомление студентов с историей не китайских народов: хунну (сюнну), сяньби, киданей, чжурчжэней и монголов. Особое внимание уделялось маньчжурам с указанием сведений о тунгусских племенах, обитавших издревле на территории Маньчжурии, о чжурчжэнях, киданях и маньчжурах в периоды правления династий Сун, Юань и Мин (XII—XVII вв.), об основании маньчжурской династии Цин и завоевательных войнах цинского двора (до и после завоевания маньчжурами Китая в 40—80-х годах XVII в.).

Всячески поощряя интерес студентов к истории, Васильев стремился привить им навыки критического осмысления источников посредством анализа текстов (Сыма Цяня, Чжу Си, Ду Чжао, Вэй Юаня и других китайских историографов). По его предложению студентом Л. Зыбиным в 1889 г. был выполнен частичный перевод на русский язык известной китайской летописи «Цзычжи тунцзянь ганму» (на китайском и маньчжурском языках). По настоянию Васильева исторические сюжеты часто включались в тематику конкурсных студенческих работ. Они касались как собственно Китая, так и его соседей в разные периоды их взаимных контактов. В ходе преподавания истории и разработки исторических проблем серьезное внимание уделялось исторической географии Китая и сопредельных с ним стран.

² Отправившись по Амуру с целью научных занятий (в связи с отсрочкой отъезда членов духовной миссии из Кяхты за границу), он при следовании в Усть-Зейскую станицу свалился при сильном ветре с лодки в воду и утонул (Хохлов А.Н. И.А. Ладухин: судьба таланта в старой России. — ПДВ. 1991, № 4, с. 169—176).

³ Столь же драматично началось путешествие Ивановского, едва не утонувшего во время одной из поездок в Маньчжурию.

Важным подспорьем для лекций по истории и географии служили карты, составленные Васильевым еще в Пекине. В записке ФВЯ о его научных трудах (декабрь 1867 г.), связанной с ходатайством оставить профессора в университете на следующее пятилетие, давалась чрезвычайно высокая оценка этим картам Китая: «В бытность свою в Пекине проф. Васильевым была издана карта китайских владений на китайском яз. ... Он составил особые карты (всего 12) почти для каждой династии... Так как на этих картах старинные названия местности подписаны красной тушью, то для всякой данной эпохи географическое состояние Китая представляется глазам рельефно. Кроме того, обозначены древние границы царства и провинций. Хотя этот последний труд, то есть приложение к изданной им в Пекине карте... и не издан по недостатку средств, но копии этого замечательного труда хранятся в библиотеках нашего Университета, Академии Наук и Географического Общества» [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 5501, л. 254—255].

Одна из этих карт «китайских владений», подаренных Васильевым университету, украшала аудиторию, где он обычно читал лекции для студентов ФВЯ [там же, л. 211]. Широко привлекая картографический материал для своих лекций, Васильев убеждал студентов в необходимости его критической оценки. Характерное высказывание по этому поводу можно найти в его работе «Описание Маньчжурии», опубликованной в 1857 г. Говоря об этом регионе, населенном до прихода русских казаков на Амур в середине XVII в. различными независимыми от маньчжуров и Китая племенами, В.П. Васильев подчеркивал его слабую включенность в состав Цинской империи вплоть до последнего времени.

Создание на ФВЯ кафедры истории Востока в 1863 г. лишь усилило внимание Васильева к преподаванию исторических дисциплин. Оставаясь профессором китайской и маньчжурской словесности, он продолжал читать лекции, в которых широко ставились вопросы истории, географии и законодательства стран Восточной Азии. Активно разрабатывал он и историю внешних связей Китая в XVII—XIX вв., и прежде всего проблемы российско-китайских отношений. Это видно из широкого использования им в лекциях материалов по «истории сношений Китая с Россией и другими государствами» [там же, оп. 3, д. 15568, л. 14].

В 70—80-х годах Васильев сосредоточивает свои усилия на создании новых учебных пособий, в которые включает и материалы исторического содержания. В 1868 г. увидели свет его «Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии». Среди весьма ценных приложений особого внимания заслуживает его «Краткий очерк китайской истории» (от эпохи древности до середины XVII столетия). Небольшие, но довольно удачные фрагмен-

ты по истории и географии Китая можно также найти в его «Очерке истории китайской литературы» (1880) и «Материалах по истории китайской литературы» (1888).

Плодотворную преподавательскую деятельность В.П. Васильев успешно сочетал с активной научной работой. Свидетельство тому — его работа «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин», выдвинутая на соискание степени доктора восточной словесности 26 ноября 1863 г.⁴ После издания в 1863 г. «Маньчжурской хрестоматии» (на ее напечатание университет выделил 350 руб. еще в 1860 г.) ученый опубликовал в 1866 г. «Маньчжурско-русский словарь».

Особенно весомым руководством ФВЯ представлялся вклад Васильева в маньчжуроведение. В докладной записке, представленной А.К. Казем-Бекком 3 марта 1869 г. относительно поощрения научной деятельности Васильева, в частности, отмечалось: «Когда он принял на себя преподавание маньчжурского языка, то в России не было решительно никаких (изданных) руководств для занятий этим предметом». Благодаря опубликованным им работам было «положено прочное основание к изучению маньчжурского языка в России» [там же, л. 236].

Свидетельством признания заслуг Васильева в педагогической и научно-организационной деятельности может служить и тот факт, что при избрании декана факультета восточных языков его предпочли другим четырем претендентам, причем за избрание Васильева на этот пост единогласно проголосовали все члены Совета университета. Через пять лет его также единогласно избрали деканом на новый срок [там же, л. 358, 396, 401]. И, конечно же, о широком признании научных достижений Васильева говорит избрание его (11 января 1886 г.) действительным членом Академии наук [ПФ АРАН, ф. 2, оп. 17, д. 61, л. 7—8].

За время своей многолетней педагогической деятельности Васильев воспитал несколько десятков высококвалифицированных китаистов. Многие из них избрали дипломатическое поприще, состоя на службе в российских консульствах и дипломатических миссиях в странах Дальнего Востока. Наиболее известные из них — А.С. Вахович, П.А. Дмитревский, Н.Ф. Колесов, А.А. Ленци, И.В. Падерин, Д.Д. Покотилов, Н.А. Попов, Н.А. Шуйский, А.В. Тужилин, В.М. Успенский. Из питомцев Васильева, работавших в различных уголках России, можно упомянуть, в частности, Н.И. Монастырева, Н.В. Богоявленского и В.И. Цыбузгина; большие надежды в научном плане подавал Монастырев, который

⁴ Советом университета Васильев был утвержден доктором 13 января 1864 г. [там же, оп. 1, д. 5501, л. 137, 141].

перевел одну из древнекитайских канонических книг «Чунь-цю» («Вёсны и осени»)⁵.

Николай Иванович Монастырев (1851—1881) — сын дьячка, воспитанник Вологодской семинарии. В 1870 г. он поступил на ФВЯ Петербургского университета. После защиты в 1875 г. магистерской диссертации, посвященной «Чунь-цю», преподавал в гатчинском уездном училище историю и географию. Будучи замешан в каком-то политическом деле, он был выслан в Красноярск [Скачков, 1977, с. 236—237], где преподавал в мужской гимназии [ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 18, л. 2].

В 1887 г. научная общественность России широко отметила юбилей В.П. Васильева. Профессор русской истории Казанского университета Д.А. Корсаков и проф. И.Ф. Готвальд, лично знавшие юбиляра по его преподавательской деятельности в Казанском университете, отправились к Васильеву (на его дачу в сел. Каинки Казанской губернии) для вручения ему поздравительного адреса. Кроме того, было решено ходатайствовать об избрании Васильева почетным членом Казанского университета [ЦГА Татарстана, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1398, л. 1]. Официальное чествование юбиляра состоялось 6 сентября в стенах Петербургского университета, избравшего его своим почетным членом 18 мая 1887 г. [ЦГИА, ф. 733, оп. 150, д. 152, л. 10]. В поздравительном адресе Совета университета, в частности, говорилось: «Ваши исследования по истории Китая, начиная с древнейших эпох и до настоящего времени, велики не по одной массе сообщаемых в них сведений, но и по остроумию Ваших выводов, основывающихся на знании всех характерных особенностей китайского народа и руководящих его принципов... Поистине, в обилии положительных сведений, доставляемых каждой Вашей работой по Востоку, мы находим для себя только наставления, поражаясь притом кипучей игривостью Вашего ума, оригинальным оборотом Ваших мыслей, мастерским умением облекать неведомые для нас тайны Востока в образы яркие, живые и свежие. Вы — наша слава и наша гордость...» [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 5501, л. 489].

Плодотворному ходу научной деятельности Васильева немало способствовали зарубежные командировки. Первая такая поездка ученого состоялась в 1870 г. О результатах командировки в страны Западной Европы, совпавшей по времени с франко-прусской войной, Васильев сообщил в отчете, представленном руководству университета 16 декабря 1870 г.: «Цель моей командировки заключалась в следующем: прежде окончательного составления возложенного на меня Советом Университета каталога имеющихся в нашей библиотеке книг на китайском, маньчжурском и тибетском языках осмотреть подобные же библиотеки в Европе и

⁵ Конфуциева летопись Чунь-цю. СПб., 1876.

при этом завязать связи с учеными ориенталистами-синологами. Я осмотрел библиотеки Вены, Мюнхена, Лондона и Берлина, познакомился с Фицмайером в Вене, Платом в Мюнхене и Соммерсом в Лондоне, Шоттом в Берлине. Кроме того, осматривал все замечательные коллекции китайских предметов, между которыми первое место, конечно, принадлежит выставленной в Мюнхене японо-китайской коллекции, оставшейся после покойного известного Зибольда... Общий вывод, который здесь только могу представить, тот, что ни одна из осмотренных мной библиотек не может гордиться таким собранием книг, как наша университетская по части китайской, маньчжурской и тибетской литературы... Одно наше собрание буддийских книг на китайском языке почти равняется объему всех лучших библиотек, а об этом собрании там не имеют и понятия». Одновременно русский востоковед высказал огорчение по поводу недостаточности технических средств в России для воспроизведения восточных текстов, в частности китайских [там же, л. 269] (см. также [Хохлов, 1995 (4)]).

Хотя еще в 1857 г. Васильев просил К.А. Скачкова разузнать о возможностях приобретения китайского шрифта в Париже, ему так и не удалось издать свой каталог имевшихся в библиотеке Петербургского университета китайских книг, и он дошел до нас только в рукописном виде. Как видно из отчета Д.М. Позднеева о поездке летом 1893 г. в Англию и Францию для ознакомления с синологическими фондами крупнейших библиотек и музеев, рукописный труд Васильева по своему построению и содержанию заметно выигрывал в сравнении с печатным каталогом китайских книг, рукописей и рисунков Британского музея, опубликованным в 1877 г. Р. Дугласом⁶.

Особенно знаменательной в творческой деятельности Васильева стала вторая поездка в цинский Китай летом 1890 г. На этот раз он направился в Синьцзян — из г. Верного (ныне Алма-Ата) в Чугучак и Кульджу. О результатах своих наблюдений и общем впечатлении от посещения этой провинции ученый рассказал в письме из Кульджи от 22 августа к великому князю Константину, который, как президент Академии наук, ходатайствовал перед МНП о предоставлении ученому этой командировки [ЦГИА, ф. 733, оп. 122, д. 341 (1890 г.), л. 95]. Сообщая об исполнении своего желания «еще раз взглянуть хоть на окраины» страны, из которой выехал более 40 лет тому назад, Васильев, в частности, писал: «Слышал маньчжуров и сибо, говорящих на языке, заброшенном и забытом бóльшим количеством, нежели здесь, господствующего племени не только в Китае, да почти и в самой Маньчжурии. Здесь же этот язык есть язык домашнего очага.

⁶ Позднеев Д.М. Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже. — ЖМНП. 1894, октябрь, с. 291.

Получил некоторые сведения и о языке солонов... Не осмеливаюсь утруждать Ваше имп. Высочество научными подробностями. Но... может быть, небезынтересно будет Вашему имп. Высочеству [узнать], как удивило и обрадовало меня проявление русского влияния в стране, прославившейся своим затворничеством... Почти вся огромная провинция, вновь образованная в западной части Застенного Китая... не может обойтись без русских товаров, даже чай еще недавно вывозился сюда из России. Чугучак, который русские и не занимали после того, как его разрушили дунгане, кишит русскими подданными — сартами, татарами, киргизами; на его рынок привозят поселенцы-русские хлеб... из-за 100 верст; огромное пространство, отведенное под факторию, почти все застроено и наполнено лавками, китайских домов еще немного. В Кульдже тоже чуть не $\frac{2}{3}$ пространства принадлежит нашим подданным. Мануфактурные наши товары и прочее развозятся по всей провинции; наши купцы доезжают до главного города — Урумчи и далее за 1000 верст от нашей границы, и — что всего замечательнее — в русской упряжке, в русских экипажах. В Кульдже даже есть извозчики для развозов по городу в русских тележках и тарантасиках; кроме того, являются омнибусы — большие русские телеги для дальних поездок пассажиров. Многие китайские чиновники обзаводятся также русскими экипажами; они же являются большими охотниками до наших виноградных вин и сигар или папирос. Русские ассигнации ходят всюду — как в Кульдже, так и Чугучаке; все покупки совершаются на них; серебро, привозимое из внутреннего Китая для выдачи жалования военным, сбывается в обмен на них...» [ПФ АРАН, ф. 2, оп. 1 (1889 г.), д. 7, л. 29—31].

Поездка в Кульджинский район, против уступки которого цинской стороне энергично выступал Васильев в конце 70-х — начале 80-х годов, знаменательна не только научными результатами, но и переменой во взглядах ученого на характер русско-китайских отношений. В письме к П.С. Попову от 28 ноября 1890 г. ученый так суммировал свое новое понимание вопроса о русско-китайской границе: «Моя поездка на китайскую границу произвела во мне перелом во взгляде. Сначала я продолжал смотреть по-прежнему... Но как хорошенько осмотрелся в крае, так пришел к мысли: батюшки, да чего нам делить с китайцами?! И им, и нам здесь дела по горло в своих границах: чего еще лезть дальше — на сто лет хватит работы, чтобы порядочно устроиться! Да не сумасшествие ли было бы с которой стороны поднять на ноги 10000-верстную границу из-за какой благодати?»⁷.

⁷ Хозлов А.Н. Неизвестное об известном: доклад В.М. Алексева о русском востоковеде В.П. Васильеве (к 100-летию со дня рождения В.М. Алексева). — XII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1981, с. 228—229.

Став поборником миролюбивых, добрососедских отношений России с Китаем, Васильев после открытий, сделанных на Орхоне русскими путешественниками и исследователями (Н.М. Ядринцевым, В.В. Радловым и др.), не только сам подключился к дешифровке надписи на найденной там стеле, но и привлек к этому делу китайских дипломатов, например Сюй Цзин-чэна и др., давших свой вариант ее перевода [Васильев, 1897].

После ухода с поста декана ФВЯ в 1893 г. Васильев предложил руководству университета читать студентам всех семестров факультативный курс лекций о Китае «в политическом, историческом и литературном отношении» — по два часа в неделю. Читением лекций он продолжал заниматься до 15 января 1900 г., когда им было подано декану ФВЯ В.Р. Розену заявление о прекращении лекционных занятий по китайской словесности с текущего полугодия [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 5501, л. 554, 577, 564]. Однако общение ученого со студентами и коллегами продолжалось вплоть до его кончины 27 апреля [С.-Петербургские ведомости. 1900, № 115].

После смерти В.П. Васильева его коллеги и ученики не раз обращались к оценке его личности и его наследия. Говоря о «трагизме жизни этого большого ученого, который должен был видеть, как на полках его кабинета лежат никому неизвестные труды, плоды многолетней работы, и как затем постепенно на Западе одно за другим являлись исследования, им уже давно сделанные», С.Ф. Ольденбург писал по этому поводу: «В Германии недавно издан в немецком переводе, с примечаниями специалиста-синолога, сборник статей Василия Павловича о Китае. Есть в нем, конечно, устарелое, но сборник там за рубежом не пройдет незамеченным» [Ольденбург, 1918 (1), с. 540]. Признавая справедливое замечание немецкого переводчика о том, что «ни ученые труды, ни мысли Васильева не нашли себе должной оценки в России», Ольденбург, ставший к тому времени непременно секретарем Академии наук, не без доли оптимизма и надежды писал в газете «Речь» (28.04/11.05.1910): «В стенах Университета, который Василий Павлович так любил, на факультете восточных языков есть теперь молодые силы, которые отдались изучению Дальнего Востока, продолжая работу Васильева. Они готовы работать, но их надо поддержать, надо понять то, что всегда говорил Васильев, что изучение Востока для нас вопрос жизни». Как бы подводя итог своим высказываниям о Васильеве и прежде всего касаясь оценки его буддологических работ, Ольденбург в 1918 г. признавал, что в изучении религии и философии буддизма «Васильеву принадлежит одно из первых мест». «Вы не найдете, — подчеркивал он, — почти ни одного исследования по этой религии, в котором бы не ссылались на Васильева. Известный

знарок буддизма Кеппен пишет, что, прочитав Васильева, он почувствовал, что писал раньше о буддизме как слепой о красках»⁸.

Столь же высоко можно оценить и другие труды Васильева по истории и культуре Китая и сопредельных с ним стран (в том числе дошедшие до нас в рукописном виде), к которым все чаще обращаются современные исследователи при разработке наиболее сложных проблем культурного наследия Центральной и Восточной Азии.

Среди ближайших коллег Васильева в Петербургском университете был Сергей Михайлович Георгиевский. Его можно, пожалуй, назвать первым серьезным специалистом по истории Китая: к этому амплуа он подходил и по образованию, и по научно-педагогической деятельности в стенах Петербургского университета, хотя и считался доктором и профессором китайской словесности.

Георгиевский родился 7 октября 1851 г. в Костроме в семье священника. Унаследовав от отца страсть к знаниям, юноша окончил костромскую гимназию в 1868 г. с золотой медалью [ГАКострО, ф. 429, оп. 1, д. 201, л. 54]. Окончив курс обучения на ИФФ Московского университета в 1873 г., Георгиевский работал учителем истории в реальном училище родной Костромы, но был временно отстранен от преподавания по подозрению в политической неблагонадежности, что побудило молодого историка оставить педагогическую стезю [ЦГИАМ, ф. 459, оп. 3, д. 2551, л. 7—8]. После окончания ФВЯ Георгиевский в 1880 г. поступил на службу в московскую торговую фирму «Боткин и сыновья» и уехал в Китай, где провел два года. По возвращении на родину его с 1 января 1883 г. причислили к Петербургскому университету на два года со стипендией «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре китайской словесности. Болезнь [ГБЛ, ф. 218, картон 763, ед. хр. 24, л. 8] не помешала ему своевременно представить магистерскую диссертацию (тема — «Первый период китайской истории»), и 10 ноября 1885 г. он успешно защитил ее. Касаясь его ответов официальным оппонентам Васильеву и А.М. Позднееву, одна из столичных газет писала: «В своей диссертации он доказывает, что древняя история Китая в том виде, как она излагается европейскими синологами и самими китайцами, не может претендовать на полную достоверность. Таковую достоверность она приобретет лишь тогда, когда будут найдены существенной важности материальные памятники» [ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 1774, л. 1].

В январе 1886 г. Георгиевский начал читать лекции по китайской словесности (см. [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 231, л. 45]),

⁸ Ольденбург С. В.П. Васильев. — Наш век. 1918, с. 1.

поставив перед собой цель ознакомить студентов с «конфуцианской философией — как древней, так и новейшей» (цит. по [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 630, л. 8]). Через три года он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа». Будучи командирован за границу для сбора материалов по даосизму (в библиотеках Лондона, Парижа и Берлина), он на обратном пути в Россию неожиданно скончался в Меце 26 июля 1893 г. (похоронен в Висбадене)⁹.

Взгляды этого ученого на современное китайское государство и его историю значительно отличались от того, что писал и говорил Васильев — его авторитетный учитель. В противовес последнему Георгиевский порой чрезмерно идеализировал современный Китай, оставляя позади даже Н.Я. Бичурина. Есть основания полагать, что на его взглядах отрицательно сказались расхожие суждения некоторых некомпетентных западных авторов. Если Васильев в конфуцианстве усматривал причину отсталости Китая, то Георгиевский — двигатель прогресса [Георгиевский, 1890, с. 199]. Не разделяя и критикуя европоцентристские взгляды, распространенные в современной ему западной литературе, Георгиевский порой сам впадал в серьезные заблуждения, особенно при оценке реальной жизни китайского общества. Он утверждал, что в Китае нет деления на сословия и что свобода, равенство и братство там «являются более чем где-либо выражением фактической действительности». Восхищаясь общественным самоуправлением, отсутствием политических партий в этой стране, он предлагал учиться у китайцев семейному благочестию и другим принципам жизни. В восхвалении монархического строя он доходил даже до того, что предлагал заимствовать у Китая, в частности, телесные наказания [Георгиевский, 1888(2), с. 2, 34—35, 69].

Более доказательно и серьезно выглядят суждения Георгиевского по проблемам древней истории Китая, и в частности изложенные им в очерке, охватывающем историю этой страны с древнейших времен до III в. до н.э. Как и работы Васильева, этот первый в русской синологии труд построен на филологическом анализе китайских источников.

Теории Васильева относительно автохтонного происхождения китайцев Георгиевский противопоставлял концепцию их появления в долине Хуанхэ из Центральной Азии. Разбирая «писания» английского синоведа Эдкинса о мнимом приходе предков китайцев из района Арарата после «всемирного потопа», он решительно

⁹ Хохлов А.Н. С.М. Георгиевский. К 100-летию со дня смерти выдающегося Китаеведа. — XXV науч. конференция «Общество и государство в Китае». М., 1994.

защищал тезис о том, что «строить науку на религии, равно как утверждать веру на разуме, нельзя» [Георгиевский, 1888 (1), с. 36] и что для решения этого вопроса необходимы новые источники. Георгиевский утверждал, что население древнего Китая состояло из этнически разных, отличающихся друг от друга племенных групп, при этом ссылаясь на существование реликтов этнического происхождения, которые удастся обнаружить в диалектах китайского языка [Георгиевский, 1886].

Наиболее важным трудом Георгиевского по древней истории Китая стала его магистерская диссертация «Первый период китайской истории» (1885). Среди важных ее достоинств А.М. Позднеев указывал на большую, чем в работах его предшественников (Майи, Дюгальда, Потье, Гюцлафа), полноту фактического материала; внимательное отношение к датам; разумное изъятие излишних подробностей в описании разных битв и походов; решительный отказ от ненадежных с точки зрения исторической подлинности диалогов и монологов героев. По словам рецензента, автор максимально использовал имеющуюся литературу, положив в основу собственное исследование и видение источников. Позднеев не умолчал и о недостатках книги Георгиевского. Появление первого среди китаистов профессионального историка свидетельствовало о начавшейся специализации в изучении Китая, хотя процесс этот шел в то время еще довольно медленно.

В отличие от Васильева, как правило критически воспринимавшего все, что было связано с цинским Китаем, Георгиевский относился к той же информации излишне доверчиво и с нескрываемой симпатией к Китаю. Его последние труды — «Важность изучения Китая» (1890) и «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892) — имели, по словам А.О. Ивановского, целью ознакомить читающую публику с горячо любимым им Китаем, «поколебать сложившееся мнение о последнем как царстве векового застоя», побудить ее, серьезно заинтересовавшись этой страной и ее населением, «посмотреть другими глазами на обитателей Среднего царства, многовекового, многомиллионного», связанного с Россией «узами той дружбы, которую в будущем может обеспечивать мир всего мира на благо живущих в нем племен и народов» [Георгиевский, 1890, с. 271].

Под этим углом зрения следует рассматривать публичную полемику С.М. Георгиевского с Н.М. Пржевальским о состоянии китайской армии. Знаменитый путешественник во время своих поездок по Центральной Азии видел китайские войска старых формирований, почти не тронутые реформой, а известный синолог наблюдал их в центральной части Китая в стадии реорганизации и модернизации. Этот разный подход к китайским реалиям обуславливался тем, что один высказывал свое мнение как про-

фессиональный военный, а другой — как ученый-китаевед, имевший возможность видеть военные реформы в ходе их осуществления. Как бы то ни было, эта полемика способствовала лучшему пониманию российской общественностью современных проблем, стоявших тогда перед цинским Китаем, включая и такой вопрос, как создание им новых войсковых частей, обученных и вооруженных по европейскому образцу.

Книга Георгиевского «Принципы жизни Китая» (1888) вызвала широкий отклик у русского читателя. Она высоко оценивалась многими его коллегами по университету. В черновых записях Н.И. Веселовского есть, в частности, указание на то, что эта работа является лучшим исследованием культа предков, существовавшего у многих народов Азии [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 390, л. 53].

Другой ученик Васильева, Алексей Осипович (Иосифович) Ивановский, стал заметной фигурой еще в годы учебы в Петербургском университете благодаря своим лингвистическим способностям.

Согласно архивным данным, он родился 16 марта 1863 г. в сел. Прибуж (на р. Плюсса) Псковской губернии в семье дворянина — губернского секретаря¹⁰. После окончания гимназии в 1881 г. его приняли на ФВЯ Петербургского университета. Отличаясь примерным прилежанием и трудолюбием, он довольно скоро обратил на себя внимание «всех его наставников, т.е. всех профессоров и преподавателей китайско-маньчжурско-монгольского разряда» [ЦГИА, ф. 733, оп. 150, д. 1028, л. 65]. В 1884 г. за отличные успехи в учебе он удостоился золотой медали, а по окончании в 1885 г. курса обучения со степенью кандидата был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре маньчжурско-китайской словесности. Занимался Ивановский на редкость много и целеустремленно. Сообщая в письме своему близкому товарищу по университету С.Ф. Ольденбургу о том, что он накупил в долг массу русских и китайских книг, которые нужно прочесть (в дополнение к одной сутре на тибетском), Ивановский так характеризовал обычный режим своих занятий: «Сплю не раздеваясь и в сапогах, которые жмут ноги, и потому просыпаюсь очень рано». Усиленные занятия, связанные с выбором темы для магистерской диссертации, которую нужно было назвать через шесть месяцев после оставления при университете, настолько поглотили Ивановского, что он даже готов был полностью отказаться от какого-либо участия в массовой научной деятельности. На приглашение Ольденбурга выступить на заседании

¹⁰ Великолукский филиал Гос. архива Псковской обл., ф. 39, оп. 17, д. 28, л. 84. Ср. [Скачков, 1977, с. 234].

студенческого научно-литературного общества (или курсах при них) Ивановский фактически ответил отказом. Сообщая о том, что у него масса китайских сочинений по истории, географии и юриспруденции, с которыми необходимо ознакомиться, он 28 декабря 1885 г. писал Ольденбургу: «Уверен, что если бы у тебя было столько санскрит. [сочинений], то ты бы позабыл и курсы и т.п. роскошь для восточника... Вообще, я теперь убедился, что ориенталист должен вращаться в кругу ориенталистов и, пока не укрепит своих знаний, ничего, кроме Востока, не должен касаться... У восточника должен быть один интерес — его специальность... Знание основательное китайского языка и Китая — это всё!» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 231, л. 41, 57].

Поначалу Ивановский намеревался серьезно заняться изучением буддизма и даже предполагал написать краткий очерк о распространении буддизма в собственно Китае, но затем занялся сбором материалов по истории нацменьшинств в Юго-Западном Китае. «Теперь, — сообщал он Ольденбургу 4 июля 1886 г., — нашел в описании губернии Юньнань отдельную статью, где только обычаи, одежда и названия племен, без годов, имен, сражений, и, что важно, это за прошлое столетие, а у меня есть за Танскую (эпоху) (7—10 столетия) и древние сведения. Вообще материалу — масса ужасная. Вчера, например, открыл случайно „Продолж. Вэньсянь тун-као“ и в отделе „царские церемонии“ сразу два упомин[ания]... В географиях и пр. — тоже. В „Шэн-ву-цзи“ тоже 3 статьи. Так что, судя по массе материала, тема для китаиста... очень интересна» [там же, л. 53].

Защита диссертации «Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая» прошла успешно, хотя оппонентами В.П. Васильевым, Д.А. Пещуровым и особенно С.М. Георгиевским было высказано немало критических замечаний. Критически оценивал эту работу Ивановского, вышедшую в Петербурге в 1888 г., и Ольденбург [ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 354, л. 19, 31, 33]. С получением степени магистра Ивановский, как один из лучших учеников И.И. Захарова, стал преподавать маньчжурский язык.

Уже в ходе работы над магистерской диссертацией молодому ученому стало ясно, что материалов по изучаемой им теме более чем достаточно. Это позволило ему в рамках избранной темы сосредоточить внимание на периоде XIII—XVIII вв. Подстегиваемый ходатайством университета о командировании его в Китай, он 29 января 1889 г. представил новую диссертацию под названием «Юньнаньские инородцы в период династий Юань, Мин и Дайцин». Ее защита была назначена, согласно уведомлению, направленному в газеты «Новое время» и «Новости», на 19 марта [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 8682, л. 33]. Официальными оппонентами выступили те же лица, что и на защите магистерской диссертации.

ции, которым было легко определить не только масштаб выполненной докторантом работы, но и ее новизну.

Защита докторской диссертации открывала Ивановскому путь к дальнейшему продвижению по службе. Но, когда В.П. Васильев сделал представление о присвоении молодому ученому звания экстраординарного профессора, это породило на факультете много толков, в том числе неблагоприятных для Ивановского, касающихся качества написанных и защищенных им работ. Существование толков и особенно предысторию их возникновения отчасти раскрывает письмо А.М. Позднеева, посланное 8 июня 1889 г. в Пекин П.С. Попову: «В Университете нового у нас немного. Злобу дня составляет теперь Ивановский, которого Вы, может быть, видели и уже, конечно, знаете по книжкам. Василий Павлович [Васильев] от него без ума, а между тем и работы и личность Ивановского — всё это внушает к нему, особливо со стороны, не много симпатии. Еще два года назад по защите магистерской диссертации Факультет предлагал Ивановскому ехать в Китай, но он отказался тогда от этой поездки, мотивируя отказ тем, что „его забудут“. Теперь он защитил докторскую диссертацию, и снова возбудился вопрос о поездке, а Вас. Павлов. ради увеличения средств на эту поездку сделал представление к министру о возведении Ивановского в экстраординарные профессора. Конечно, весь факультет восстал против передачи кафедры человеку, не выдавшему Китая и, следовательно, имеющему как о стране, так и об языке ее обитателей самые недостаточные представления. Ваш же покорный слуга, по обязанности секретаря, написал такое определение, что Вас. Павл. должен был просить считать свое представление недействительным» [ГБЛ, ф. 218, картон 763, ед. хр. 17, л. 1].

Судя по всему, Ивановский был в курсе кулуарных толков, порожденных скорее всего корыстными побуждениями лиц, стремившихся к упрочению своего служебного положения на факультете. Досужие разговоры и расспросы по поводу докторской диссертации лишь повергали его в пессимизм и отчаяние, к чему он имел склонность по своей натуре. Об этом свидетельствует черновик неоконченного им письма, сохранившегося в его личном архиве [АВ, ф. 20, оп. 2, ед. хр. 11]¹¹.

Позднее, в 1893 г., когда в МНП рассматривался вопрос о допущении Ивановского к чтению лекций по кафедре китайской словесности, Васильев счел необходимым заступиться за своего ученика. В письме к министру просвещения И.Д. Делянову он положительно отзывался о научных изысканиях Ивановского: «Не

¹¹ Как видно из личного дела Ивановского, хранящегося в архиве Петербургского университета, он получил докторский диплом за № 1489 лишь 6 февраля 1896 г. [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 8682, л. 10].

спору, что работы г. Ивановского, ускорившиеся даже по желанию факультета, чтобы он мог уже дипломированным отправиться в Китай, местами представляют неизбежные промахи... Но в целом эти работы вполне фундаментальны. Это продолжение тех работ, которые составляют славу известного синолога о. Иакинфа. Последним изданием своего сочинения (или, лучше, только перевода с китайского) „[Собрание] сведений о народах <...> Средней Азии“ дал русскому ученому миру единственный источник, равный которому после пробовали, но не могли довести до конца европейцы. Г. Ивановский продолжил труд о. Иакинфа, давая сведения о народах в юго-западной части Китая для пополнения сведений о тех инородцах, которые вошли в состав народов Средней Азии о. Иакинфа. Так как эти юго-западные инородцы еще довольно далеки от любознательности русских ученых, не то что Средняя Азия, потому и не хотят придавать труду г. Ивановского такой же цены, как труду о. Иакинфа. Но собственно этот труд имеет гораздо большие достоинства. В труде о. Иакинфа не встречается никаких дополнений, никаких ссылок; г. Ивановский снабдил свое издание и иероглифами, и сличениями, и сводом других источников и пр.» [ЦГИА, ф. 733, оп. 150, д. 914, л. 78].

Так думал Васильев и в 1889 г., но его коллеги — члены кафедры китайской и маньчжурской словесности полагали, и вполне обоснованно, что кафедру, ставшую вакантной с момента истечения 50-летнего срока службы Васильева (с 16 июля 1887 г.), не следует передавать «человеку, не выдавшему Китая». Поэтому Ивановский после некоторых колебаний, связанных с семейными обстоятельствами, решил отправиться в Китай, о чем университет ходатайствовал перед Министерством народного просвещения еще в ноябре 1888 г. В представлении, сделанном 15 ноября 1888 г. попечителем Петербургского учебного округа на основе ходатайства университета, в частности, говорилось: «Самобытная культура китайцев, своеобразность их религиозных, нравственных и социальных воззрений могут быть основательно поняты и изучены только в самом Китае. Поэтому факультет [восточных языков] всегда считал необходимым иметь представителем по кафедре китайской словесности лицо, непосредственно ознакомившееся с Китаем и изучившее его на месте» [там же, д. 281, л. 208]. Командированному в Китай Ивановскому (сроком на два года, начиная с июля 1889 г.) ФВЯ составил инструкцию, в которой был очерчен чрезвычайно широкий круг его будущих научных занятий и изучаемых проблем.

Помимо поручений, связанных с изучением китайского языка, его фонетики, диалектов и письменности (в частности, стилей написания иероглифов и скорописи), ему предлагалось познако-

миться с произведениями современной китайской поэзии и принципами стихосложения, в частности акростихом, выражающим, по мнению составителей инструкции, особенности китайского гения. В ряде пунктов указывалось на желательность выяснения чисто практических вопросов, связанных с состоянием китайского земледелия, организацией торговли, характером газет и журналов, в том числе издаваемых на европейских языках. Насколько трудноисполнимыми были некоторые из этих пунктов, можно судить, например, по такому факту: Ивановскому предлагалось собрать «возможно бóльшие сведения о том, сколько (и) в каких местностях производит обработанная земля, сколько считается ее нужной для безбедного или среднего состояния семейства, как высоко она обложена [податями], смотря по принадлежности... Поэтому желательно было бы, чтобы г. Ивановский с помощью китайцев сделал свод из всех (!) китайских географических описаний („тунчжи“) всех китайских произведений, а также по возможности собрал образцы хлебных зерен, которые легко встретить в продаже». В заключительной части инструкции после перечисления по пунктам многообразных заданий по изучению Китая и его жизни особое внимание обращалось на необходимость изучения маньчжурского языка, чтобы по возвращении из командировки Ивановский мог занять, как думал Васильев, по крайней мере кафедру маньчжурского языка. «Прежде всего, — говорилось в инструкции, — желательно было бы, чтобы г. Ивановский, принимая свое путешествие, достиг Пекина через Маньчжурию. Несмотря на то что в последние годы эта страна была не раз посещаемая многочисленными путешественниками, немногие только из последних ездили со знанием китайского яз. (о. Палладий), а со знанием маньчжурского языка... едва ли кто касался этой страны» [там же, л. 272, 274]¹².

Отправившись из Петербурга к месту назначения по маршруту Москва—Н. Новгород—Казань—Пермь—Тюмень—Томск—Красноярск—Иркутск, Ивановский почти в каждом из упомянутых городов делал длительные остановки, то знакомясь с восточными коллекциями провинциальных музеев, то читая публичные лекции, то собирая материалы об организациях китайского купечества. В последнем случае он вначале ориентировался по вывескам китайских торговых фирм, занимавшихся торгово-предпринимательской деятельностью в Сибири, особенно в Томске, Красноярске, Иркутске и других городах вплоть до китайской границы [АВ, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 53, 54]. В Томске его заинтересовал китайский чугунный колокол, выставленный в Археологи-

¹² Подробнее о поездке Палладия из Пекина через Маньчжурию в Благовещенск и далее в Южно-Уссурийский край см. [Хохлов, 1979, ч. 3].

ческом музее университета, в Иркутске — китайские и маньчжурские книги, хранящиеся в библиотеке музея Восточно-Сибирского отдела РГО. 9 января 1890 г. Ивановский выступил на заседании Отделения этнографии Восточно-Сибирского отдела РГО с сообщением о народных поверьях у китайцев¹³. «Народные китайские верования, — отмечал Ивановский, — не могут быть выделены в особую народную религию прежде всего потому, что, с одной стороны, в них много заимствований из так называемых трех религий (конфуцианство, буддизм и даосизм), с другой — эти последние (например, конфуцианство, даосизм) много позаимствовали из народных верований. Для изучения народных верований пока приходится ограничиваться сказками и легендами, помещенными в многочисленных сборниках (например, „Ляо-Чжай чжи и“, „Тай-пин гуан-юй цзи“ и др.). В этих сказках и легендах народ, так сказать, доделал по-своему то, о чем мало или совсем не говорится в учении трех религий, отсюда скабрезный, порнографический характер почти всех сказок. В них китаец рисуется лучше всего со всею его гордостью, своею классическою ученостью и не знающею пределов страстностью природы. За хорошее знание классиков один ученый китаец делается адским судьей; к другим, прельщенные их ученостью, ночью являются на свидания различные женщины. Все эти женщины или оборотни-лисицы, или даже мертвые. Именно и интересно то, что, по китайскому понятию, оборотнями бывают лисицы. Характеристический признак такого оборотня — красный цвет кожи и пушок по всему телу (что, например, замечает красавец Ма Тянь-жун в момент свидания, зажегши свечу); они обладают некоторой магической силой (большей частью во вред людям), страшные воры и грабители; молодые оборотни мужского пола — соблазнительницы и дочери китайцев, на которых они имеют сильное влияние, а девицы-оборотни соблазняют молодых китайских ученых. Одного боятся все эти оборотни — грома: он их убивает, причем они обращаются в лисиц. Фантазия китайцев идет далее: и мертвые китаянки не оставляют в покое ученых, они являются к ним ночью, и даже по одной сказке такая женщина приносит своему возлюбленному сына (она потом получает от царя ада позволение вернуться на землю)...» Беря в качестве примера одну из приморских провинций Центрального Китая, автор сообщения констатировал: «В Чжэцзяне, по верованию китайцев, есть 5 духов — Вутун, которые, можно сказать, обладают силою гипнотизации. Как-нибудь китайская женщина, к своему несчастью обратившая на себя внимание одного из них, после каждого свидания ужасно мучится и физически, и нравственно, умоляет беречь ее, не пус-

¹³ Восточное обозрение. Иркутск, 14.01.1890.

кать, но лишь только она физически поправится, она, как сумасшедшая, убегает (иногда без всякой одежды) в назначенное место свидания и ждет его с нетерпением. Верят китайцы и в то, что душа может временно оставлять тело (в сказке Абао душа студента, например, переходит в околешнего попугая... а потом возвращается назад), в связи с этим находится поверье, что головы некоторых людей (мужчин и женщин) могут отдельно летать во время сна, причем уши заменяют крылья» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 77, л. 12]¹⁴.

Выступление столичного китаевода настолько заинтересовало руководство Восточно-Сибирского отдела РГО, что ученому было предложено прочесть публичную лекцию, которая состоялась в музее отдела 27 января 1890 г. На этот раз темой выступления Ивановский избрал, как говорится в «Восточном обозрении», «изящную словесность у китайцев, их повесть, роман и драму».

Выехав из Иркутска 3 февраля 1890 г., Ивановский направился в Бурятию, где при осмотре ламаистских храмов — дацанов ему при содействии знакомых и друзей Г.Н. Потанина был оказан радушный прием. Здесь же ученому удалось познакомиться с китайцами-торговцами, владевшими лавками в различных пунктах этого необычного для европейца края. На пути к Чите Ивановский посетил несколько бурятских монастырей, где имел возможность наблюдать религиозные обряды, совершаемые ламами и коренными жителями, ближе познакомиться с тибетской литературой. О своих впечатлениях от встреч с бурятскими интеллигентами, в том числе с собирателями фольклора (Р. Номтоевым, И. Вамбоцыреновым и др.), он сообщал в письмах Г.Н. Потанину (подробнее см. [Хохлов, 1985]). Миновав степи и горы Забайкалья, Ивановский вышел на Амур; здесь его встретили представители казачества. 22 февраля 1890 г. атаман Сычев из станицы Игнашино телеграфировал в Благовещенск: «Проф. Ивановский проехал Игнашино сегодня [в] семь часов утра» [ЦГАДВ, ф. 704, оп. 1, д. 716, л. 7]. Получив того же числа в Албазине подорожную, он отправился в Благовещенск.

Из Благовещенска Ивановский в течение 1890 г. совершил несколько путешествий — по Амуру (в города Айхунь, Мохэ и др.) и в глубь Маньчжурии (в города Мэргэнь, Цицикар). Следуя совету И.П. Минаева, высказанному в письме из Петербурга от 1 декабря 1889 г. [АВ, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 139, л. 3], он вел дневник, куда заносил все наиболее интересное и нужное для его бу-

¹⁴ Нетрудно заметить, что данный аспект народных верований в Китае впоследствии получил освещение в работах и переводах В.М. Алексева, и особенно широко — в первые годы после 1917 г., хотя первые публикации Алексева, как и некоторых других китаистов, появились раньше.

дущих научных занятий. Во время этих поездок ученый покупал книги на маньчжурском языке, собирал материалы по языку и фольклору местного населения, привлекая к записыванию сказок, легенд и песен коренных жителей. О характере его занятий в этот период можно судить по дневниковым записям [там же, ф. 20, оп. 1, д. 53].

Утомительные разъезды, чаще всего на лошади верхом или на лодке, по маньчжурским селам и городам неблагоприятно отразились на хрупкой натуре молодого ученого, который почувствовал сильное недомогание еще на пути в Благовещенск. Когда же в ноябре 1890 г. от Васильева, встревоженного долгим отсутствием известий от ученика, из Петербурга пришла телеграмма с просьбой сообщить о его местонахождении, Ивановский был настолько болен, что запиской попросил местного начальника вместо него сообщить нужный ответ в Петербург [ЦГАДВ, ф. 704, оп. 1, д. 716, л. 16—17].

Едва оправившись от болезни, Ивановский в феврале 1891 г. двинулся в направлении китайской столицы по маршруту Айхунь — Мэргэнь — Цицикар — Синьчэн — Гири́н (Цзилинь) — Мукден — Шаньхайгуань. Хотя цинские власти были предупреждены о поездке русского ученого в Пекин, путешествие оказалось нелегким. К обычным путевым хлопотам (устройство на ночлег в частном доме либо гостинице) и самым непредвиденным дорожным приключениям прибавилась и начавшаяся весенняя распутица. В начале апреля 1891 г. Ивановский приехал в Пекин, где остановился у россиян-миссионеров — членов Российской Духовной миссии. Позади был долгий путь, оставивший ученому лишь минимум времени для выполнения университетского наказа. Вопреки всем обстоятельствам Ивановский воспользовался им не без успеха, о чем свидетельствуют его позднейшие публикации, в том числе по истории русско-китайских отношений.

В начале мая, ранним утром, Ивановский верхом на ослике, в сопровождении иеромонаха Амфилохия и его слуги, покинул гостеприимный Бэйгуань — резиденцию российской православной миссии, чтобы до наступления жары доехать до Нанькоу, откуда он должен был следовать один. 9 мая Ивановский оставил Калган (Чжанцзякоу), крупный центр русской и китайской торговли с монголами, и 24 мая, пройдя в знойную пору степи и пески Монголии, прибыл в Ургу [АВ, ф. 20, оп. 1, д. 53].

После приезда 26 мая в Кяхту он отправился в Петербург, где его ожидали неприятности, связанные с его чересчур затянувшейся командировкой. При рассмотрении представленного им краткого предварительного отчета на заседании ФВЯ, состоявшемся 19 ноября 1891 г., трое его участников — профессора Д.А. Пещуров, С.М. Георгиевский и А.М. Позднеев — посчитали,

что Ивановский не выполнил данной ему инструкции. На обвинения и упреки в невыполнении заданий по командировке «виновнику» пришлось отвечать докладной запиской на имя высшего начальства. Он указал на то, что инструкция состояла из «предположений» и «советов», точное следование которым было вовсе необязательным, и что им было уделено главное внимание изучению малоизвестной Маньчжурии. В частности, он отмечал: «Мои же лингвистические исследования убедили меня, что солоньки есть отдельная ветвь обширного тунгусского племени, известная под 4-мя различными названиями: „манегры“ (на Амуре, у русских), „цилинь“ (название китайское), „ороньчо“ (у маньчжур, отсюда русское „орочоны“) и „солоньки“ (происхождение этого слова точно не выяснено)» [там же, д. 55, л. 1, 6].

Позднее, в 1893 г., В.П. Васильев в письме к министру народного просвещения положительно оценил научные труды Ивановского и коснулся вопроса, связанного с его командировкой в Китай. Объяснив, почему у Ивановского оставалось мало времени «для более продолжительного пребывания в Пекине, для поездки по Китаю», он подчеркивал: «Но за одно можно ручаться, что г. Ивановский все это время не жуировал, трудился с привычной неутомимостью... Я получил от него уже две статьи о почти неизвестных дахурском и солонском языках для напечатания в Записках Академии Наук» [там же, л. 80]. Васильев аттестовал его единственным знатоком маньчжурского языка в мире, доказавшим своими трудами, что «он вполне может разрабатывать всё, касающееся Маньчжурии и хранящееся в китайских источниках» [ЦГИА, ф. 733, оп. 150, д. 914, л. 80]. По согласованию с министром просвещения ему сначала было разрешено преподавание на кафедре китайской словесности в течение 1893/94 академического года, а затем, в мае 1894 г., это разрешение было продлено еще на год «с назначением ему, по примеру текущего года, вознаграждения в 2000 руб.».

В истории с поездкой в Китай Ивановского поддержал и В.Р. Розен. «Командировка А.О. Ивановского, — подчеркивал он в письме от 1 мая 1894 г. на имя ректора университета, — несмотря на все... неблагоприятные обстоятельства, далеко не оказалась бесплодной: маньчжурские говоры и маньчжурский быт нашему путешественнику все-таки удалось изучить основательно, и вывезенные им материалы представляют несомненный интерес и для науки, чему наглядным доказательством служит то, что печатание их решено было имп. Академией Наук и уже начато. Некоторое представление о китайском быте, вынесенное из ежедневных в течение многих месяцев сношений с китайцами, также, без сомнения, при основательной теоретической подготовке, какой обладает А.О. Ивановский, является ценным приобретением для его

преподавательской деятельности по китайскому языку» [там же, д. 1028, л. 69].

Таким образом, усилиями Васильева и Розена удалось рассеять миф о недобросовестном исполнении Ивановским своего служебного долга, что позволило ФВЯ ходатайствовать о присвоении ему звания экстраординарного профессора, каковое он и получил 16 июня 1894 г. [там же, л. 73]. Этому же способствовали и выступления Ивановского в научных обществах, и его публикации. В 1893 и 1895 гг. вышли в свет два выпуска «Маньчжурской хрестоматии» (причем второй выпуск имел приложение — список присутственных мест и названий чиновничьих должностей Китая на кит., маньчж. и монг. яз.). Благодаря большой редакторской работе ученого вышли в свет в 1897—1898 гг. тома 2 и 3 «Китайской хрестоматии». При активном содействии Ивановского в совершенно переработанном виде была издана работа Васильева «Анализ китайских иероглифов» (1898).

С учетом огромной педагогической работы Ивановского, к которому перешла от Васильева большая часть лекций по китайско-маньчжурскому разряду, руководство ФВЯ решило ходатайствовать о присвоении ему звания ординарного профессора. Сообщая об этом ректору университета, Розен 21 октября 1899 г. писал: «Я считаю за особенно счастливое обстоятельство, что могу говорить уже от имени всех членов факультета без исключения. А.О. Ивановский дорог факультету прежде всего тем, что он все свои силы и все свое время посвящал и посвящает исключительно ф-ту, не имея и не ища никаких посторонних занятий. Факультет не может не ставить этой преданности долгу и этого бескорыстного служения науке в особую заслугу А.О. Ивановского, так как нам всем хорошо известно, что скудный оклад з.о. профессора является единственным материальным обеспечением нашего почтенного товарища и его семьи». Представление факультета было передано министру просвещения 5 ноября 1899 г., и с 4 декабря того же года Ивановский стал ординарным профессором. Однако со смертью Васильева в апреле 1900 г. беда пришла и в дом его ученика. Из-за тяжелой болезни, наступившей вскоре после потери любимого учителя, Ивановский в мае 1901 г. был уволен, а 25 января 1903 г. скончался в психиатрической больнице¹⁵.

Среди ближайших коллег В.П. Васильева по Петербургскому университету были квалифицированные специалисты, обладавшие глубокими практическими познаниями в китайской филоло-

¹⁵ Из неизвестных рукописей Ивановского, не вошедших в труд П.Е. Скачкова, можно указать, например, его небольшую работу — «Описание церемоний в танской истории», составленную им по материалам «Вэнь-сянь тун-као». Ср. [Скачков, 1977, с. 439; ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 367, л. 1—9].

гии. Среди них выделялся Д.А. Пещуров, преподававший китайский язык с 1867 по 1903 г.

Дмитрий Алексеевич Пещуров родился 27 мая 1833 г. в сел. Лосево Мосальского уезда Калужской губернии в семье действительного статского советника [ГАКО, ф. 549, оп. 2, д. 31, л. 442], умершего в декабре того же года [там же, ф. 66, оп. 1, д. 1122, л. 3]. После окончания 3-й гимназии в Петербурге он в 1849 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил с золотой медалью [АВПР, ф. ПГА IV-1, 1856, д. 5, л. 6].

Став преподавателем, Пещуров в 1857 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Исследование движения малой планеты Фортуна» и в том же году отправился в Пекин в составе Российской Духовной миссии в качестве светского лица. Занимаясь научными наблюдениями в метеорологической и магнитной обсерватории, построенной в 1851 г. на территории миссии, он остальное время посвящал активному изучению китайского языка. После учреждения в 1861 г. в Пекине Российской дипломатической миссии его назначили консульским агентом в Тяньцзинь [ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 52, л. 55], откуда он выехал в отпуск на родину лишь в 1865 г. [АВПР, ф. ПГА IV-1, 1856, д. 5, л. 30, 33].

По представлению В.П. Васильева в августе 1867 г. ФВЯ пригласил Пещурова на должность преподавателя китайского языка, что не мешало ему продолжать службу переводчика, а позднее драгомана в Азиатском департаменте. Свидетельством начального этапа его педагогической деятельности в стенах факультета могут служить дошедшие до наших дней его лекции в записи студента И.П. Протасьева, читанные в 1868 г. и озаглавленные «Китайский разговорный язык высшего сословия» (текст на кит. и рус. яз.) [ГБЛ, ф. 138, ед. хр. 261, л. 1—23]. Пещуров не раз оказывал В.П. Васильеву «свое ученое содействие» в подготовке научных трудов. «Особенно я одолжен ему, — писал Васильев, — редактированием китайского текста „Лун-юй'я“, изданного мною в прошедшем году» [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 6528, л. 20].

Помимо издания китайских текстов для учебных и практических целей (например, договоров России с цинским Китаем) Пещуров плодотворно занимался словарной работой. Особенно удачным, по мнению его коллег-китаистов, был китайско-русский словарь (СПб., 1891), составленный им по графической системе. За основу он взял изданный им в 1887 г. словарь, построенный по ключевой системе.

В 1903 г., будучи тяжелобольным, Пещуров вышел на пенсию [там же, л. 132, 155] и последние годы жизни провел в своем родовом дворянском имении — в сел. Лосево, внимательно следя за успехами своих учеников, особенно А.И. Иванова и В.М. Алексе-

ева. 3/16 января 1906 г. он писал В.М. Алексееву: «На старости лет приходится жить воспоминаниями, и в этих воспоминаниях не последнее место занимают бывшие мои слушатели, в особенности некоторые из них; в числе последних и Вы... С удовольствием узнаю, что Вы здоровы, усердно занимаетесь и готовите диссертацию. Выбранная Вами тема мне кажется весьма интересною... Ноябрь и декабрь мы были отрезаны от всего мира забастовкою почты, телеграфа, железных дорог. Тяжело было существовать в полном неведении, что происходит в России» [ПФ АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 632, л. 2].

Скончался Д.А. Пешуров 1 ноября 1913 г. в своем родном селе, где и был похоронен¹⁶, оставив о себе добрую память, особенно среди китаистов¹⁷.

Потеря ФВЯ трех лучших китаистов — С.М. Георгиевского, В.П. Васильева, наконец, А.О. Ивановского в период его наибольшей творческой активности — лишила кафедру маньчжурско-китайской словесности прежней уверенности, и в ее работе, несмотря на усилия Д.А. Пешурова, стали ощущаться явные сбои, что не могло не сказаться на качестве подготовки студентов. Из-за нехватки специалистов, в компетентном слове которых нуждалась страна в связи с событиями на Дальнем Востоке и особенно в цинском Китае, российскую прессу захлестнул мутный поток дезинформации (преимущественно с Запада) по поводу восстания ихэтуаней.

Как видно из переписки руководства Петербургского университета с вышестоящими инстанциями, вопрос о приглашении П.С. Попова на кафедру китайской словесности обсуждался еще до китайских событий 1900 г., но в предварительном порядке. К этому времени Попов, один из любимых учеников Васильева, был достаточно хорошо известен в научных кругах¹⁸. В связи с этим в Пекин ему была отправлена телеграмма с просьбой сообщить свое решение, но из-за упомянутых событий «ответ в благоприятном смысле был получен только через полгода», причем сам Попов сообщил, что может приехать в Петербург не ранее весны 1902 г. В мае 1902 г. МНП предложило ректору университета войти в контакт с Поповым и выяснить, не пожелает ли он «впредь до приобретения им высшей ученой степени принять на себя чтение лекций» в качестве приват-доцента с вознаграждением, «хотя

¹⁶ См.: Новое время, 03/16.11 и 05/18.11. 1913.

¹⁷ См., например: Алексеев В. Памяти Д.А. Пешурова. — Речь. СПб., 06/19.11.1913.

¹⁸ О решении ФВЯ пригласить на кафедру китайской словесности П.С. Попова как известного знатока китайского языка и составителя китайско-русского словаря писала, например, 10 января 1901 г. газета «Новый край», выходившая в Порт-Артуре. Этот же вопрос был затронут в анонимном письме, помещенном в газете «Новое время» за 4 апреля 1902 г.

бы равным окладу ординарного профессора» [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 9686, л. 3, 6].

Павел Степанович Попов родился 26 августа 1842 г. [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 2734, л. 1]. Его отец Степан (Стефан) Михайлович служил в это время со своим причтом при Троицкой церкви сел. Большой Змеинец Щигровского уезда Курской губернии. В 1853 г. Павел поступил в Курское духовное училище, которое блестяще окончил в 1859 г. [ГАКурО, ф. 792, оп. 71, д. 10, л. 424; оп. 53, д. 1, л. 366]. На основании временного устава духовных уездных училищ его приняли на низшее отделение Курской Духовной семинарии, откуда затем перевели в Петербургскую Духовную академию. Будучи уволен по прошению из Духовной академии (а вместе и из духовного звания), он в августе 1866 г. поступил на ФВЯ Петербургского университета [АВПР, ф. ПГА IV-2, 1870, д. 9, л. 4], где своими успехами и трудолюбием обратил на себя внимание преподавателей. Когда в феврале 1869 г. отмечался 50-летний юбилей университета, Попова, тогда студента IV курса китайско-маньчжурско-монгольского разряда, наградили (вместе с В.М. Успенским) золотой медалью за конкурсное сочинение на тему «О судьбах буддизма в Средней Азии», предложенную в 1868 г. [ЖМНП. 1869, № 2, Соврем. летопись, с. 213; 1868, № 2, с. 142]. В июне 1870 г. он успешно закончил университет со степенью кандидата и был принят сверх штата на службу в Азиатский департамент [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 2734, л. 2]. В сентябре 1870 г. его определили студентом-стажером при Российской дипломатической миссии в Пекине, и через три года он стал ее вторым драгоманом. В ноябре 1879 г. его назначили первым драгоманом, хотя он исправлял эту должность уже с мая 1877 г. Высочайшим указом по МИД от 17 ноября 1886 г. он получил должность генерального консула и в этом качестве дослужился до чина действительного статского советника, полученного в апреле 1897 г. [там же, л. 3—5].

По мере совершенствования знаний в китайском языке и накопления достаточного запаса лексики, чему способствовали контакты с китайским населением и переговоры с цинскими чиновниками, Попов стал составлять русско-китайский словарь, который в 1879 г. был издан литографированным способом в Петербурге.

После возвращения из отпуска в Пекин весной 1887 г. для Попова наступила напряженная пора: помимо выполнения своих консульских обязанностей, требовавших постоянного присутствия в канцелярии миссии, ему пришлось активно заниматься изданием китайско-русского словаря, перешедшего к нему после смерти его первоначального составителя П.И. Кафарова (о Палладия) в виде неоконченной рукописи¹⁹.

¹⁹ Подробно о научной деятельности Кафарова см. [Хохлов, 1979, ч. 1 и 2].

Еще в июле 1886 г. царем был утвержден доклад Азиатского департамента МИД о выделении денежных средств на его печатание. Столь благоприятное решение данного вопроса объяснялось надеждами казны на то, что издание китайско-русского словаря «может принести большую пользу ввиду развивающихся отношений... сибирских областей с Китаем и потребности в переводчиках», для подготовки которых были учреждены школы в Урге (1864) и Кульдже (1884) [АВПР, ф. ПГА II-11, 1886—1887, д. 1, л. 2]. В связи с отсутствием достаточного количества китайских шрифтов в типографии Академии наук и договоренностью с одной частной «словолитнею» о высылке их в Пекин Попов решил печатать этот словарь в типографии Школы иностранных языков (Тунвэньгуань), что предложил ему один из ее преподавателей — американский миссионер В. Мартин. При проезде через Иркутск с семьей он разыскал там русского наборщика и вместе с ним в марте 1887 г. прибыл в цинскую столицу. Однако из-за болезни наборщика к печатанию словаря удалось приступить лишь в начале июня 1887 г. Чтобы ускорить работу, Попов выписал из Иркутска еще одного наборщика. 7 апреля 1888 г. он сообщал П.А. Дмитревскому: «Печатание словаря — при 2-х русских наборщиках — помаленьку подвигается, и не так быстро, как хотелось [бы]... В настоящее время отпечатано 67 листов, т.е. несколько более $\frac{1}{3}$ » [АВ, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 183, л. 7]. В сентябре 1888 г., когда большая часть работы («130 типографских листов») была уже выполнена, умер от холеры первый наборщик.

Коллеги и особенно иностранцы, проживавшие в Китае, высоко оценили достоинства китайско-русского словаря о. Палладия и Попова. Это дало основание российскому посланнику в Пекине А.М. Кумани 7/19 августа 1889 г. послать директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву особое донесение с приложением исключительно благоприятного отзыва Мартина [АВПР, ф. ПГА II-11, 1886—1887, д. 1, л. 20]. Среди восторженных отзывов об этом словаре, изданном в Пекине, интересной представляется оценка, данная этому труду Ф.Р. Остен-Сакеном. 21 ноября 1889 г. он писал Попову из Петербурга: «То, что Вы совершили, должно быть названо истинным подвигом, т.к. необходимы значительная доля самопожертвования и безграничное уважение к науке, чтобы взять на себя продолжение и завершение чужого труда. Люди... в таких случаях очень неблагодарны. Они не понимают или не хотят вникнуть и понять, сколько знания, сколько учености, проницательности, кропотливых усилий и любви нужно положить, чтобы привести к концу такое дело. Откровенно Вам признаюсь, что я считал это невозможным. В свое время, погоревав по поводу неоконченного труда о. Палладия, я оставался в полном убеждении, что словарь пропадет» [ГБЛ, ф. 218, картон 763, ед. хр. 15, л. 1].

На фоне благожелательных отзывов своеобразной выглядит оценка, данная китайско-русскому словарю В.М. Успенским. 3 октября 1889 г. он писал его создателю из Кульджи: «Просмотреть всю массу труда с достойным вниманием я, конечно, еще не мог, но, заглянув в некоторые страницы, нашел, что творение это не для меня, далеко отставшего в изучении китайской мудрости и даже языка. Скажу далее и совершенно смело, что словарь негоден не только для студентов, но и для молодых профессоров вроде Георгиевского и Ивановского, которые едва ли когда заберутся в те отделы китайской литературы, которые комментирует Ваш совместный с уважаемым покойником труд... На беглый взгляд я нашел в словаре важное упущение, именно отсутствие цитат, откуда взяты многие, весьма редкие и неудобопонятные выражения, комментируемые Вами. Например, под знаком „мынь“ — ворота я встретил выражения: „жи-мынь“ и „юэ-мынь“, никогда мне не встречавшиеся, да едва ли и могущие встретиться» [там же, ед. хр. 23, л. 3]. Несколько критически к словарю отнесся и В.П. Васильев. Еще в 1886 г. он сетовал на то, что Попов расположил материал по ключевой системе, а не по графической, которой последовательно придерживался сам. В то же время авторитетный востоковед признавал огромное значение этого труда и потому рекомендовал Академии наук избрать его составителя и издателя своим членом-корреспондентом. В результате опытный дипломат и глубокий знаток Китая 29 декабря 1890 г. вошел в состав академической семьи [ПГИА, ф. 14, оп. 1, д. 9686, л. 49]²⁰.

Продолжая дипломатическую службу, Попов вскоре занялся пересмотром и доработкой прежде изданного им русско-китайского словаря. В августе 1896 г. в письме к Д.А. Капнисту, возглавлявшему дальневосточный отдел МИД, он просил «повергнуть [свой новый труд] чрез посредство г-на министра иностранных дел на воззрение государя императора» [АВПР, ф. ПГА II-11, 1886—1896, д. 1, с. 54], проявлявшего, как известно, большой интерес к Китаю после поездки на Дальний Восток в качестве наследника российского престола. Одновременно с подготовкой нового издания русско-китайского словаря Попов увлеченно работал над переводом «Мэн-гу ю-му цзи» («Записками о монгольских кочевьях»). В 1895 г. его перевод вышел в свет²¹.

²⁰ Высоко оценивал этот словарь за его полноту в лексикографическом отношении и С.М. Георгиевский, который, в частности, подчеркивал, что он «несомненно лучше всех китайских словарей, существующих на языках европейских» [ЗВОРАО. 1891, т. V (1890), с. 324—325].

²¹ В архиве Н.И. Веселовского сохранился беловик сделанного Поповым перевода «Мэн-гу ю-му цзи» (с исправлениями переводчиком некоторых собственных имен). В этом же архиве имеется часть перевода этого сочинения с исправлениями монгольских имен и названий после его переписки [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед.хр. 317, л. 1—26; ед.хр. 316, л. 1—15].

Подобно Д.М. Позднееву, врачу миссии В.В. Корсакову и многим другим членам российской колонии в Пекине, Попову со всею его семьею пришлось испытать все ужасы двухмесячной осады посольского квартала повстанцами-ихэтуанями в 1900 г. Хотя ему был причинен серьезный материальный ущерб (в размере 7500 руб.), это не помешало китаеведу сказать в опубликованном им дневнике правду об истинных причинах трагических событий. Незаконные захваты иностранными державами китайских территорий, ограничение прав Китая свободно распоряжаться своими землями и недрами, бесконечный ряд насилий и колониальной эксплуатации не только дали Китаю и его народу достаточно оснований, чтобы «не любить иностранцев», но и послужили «поводом к... прискорбным и небывалым в истории событиям»²².

После возвращения из Пекина в Петербург и ухода в отставку Попов поселился в Петербурге, в доме 71 (кв. 18) на Мойке. Розен 8 августа 1902 г. распорядился официально уведомить Попова о приглашении его в университет для учебных занятий [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 9686, л. 13]. Первая лекция (20 сентября) в стенах родного восточного факультета положила начало новому этапу в творческой деятельности известного китаиста, зарекомендовавшего себя серьезными публикациями: словарями и переводами, научными статьями и газетными сообщениями. Приступив к преподавательской работе, Попов занялся не только подготовкой учебных пособий, но и переводами произведений древнекитайской классики, способствующими лучшему пониманию взглядов таких мыслителей, как Конфуций, Мэн-цзы и др.²³ Серьезное внимание он уделял и современным проблемам Китая²⁴, пришедшего через реформы и революцию 1911 г. к установлению республиканского строя.

Тяжелая и длительная болезнь помешала 70-летнему востоковеду осуществить свои научные планы. 7 декабря 1913 г. Александра Константиновна Попова (урожд. Игумнова) сообщила ректору университета о смерти мужа. Один из бывших студентов Попова, С. Недачин, сообщая о кончине видного востоковеда и его погребении близ Новодевичьего монастыря в Петербурге, писал в «Московских ведомостях» (1913, № 300): «Эта тяжелая потеря для синологии, несомненно, будет прочувствована и теми учениками покойного, которые разбросаны по различным уголкам

²² Попов П.С. Два месяца осады в Пекине. — Вестник Европы. 1901, № 3, с. 26.

²³ Попов П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Пер. с кит. с примеч. СПб., 1910; он же. Китайский философ Мэн-цзы. Пер. с кит., снабженный примеч. СПб., 1904.

²⁴ Попов П.С. Дополнение к «Государственному строю Китая». СПб., 1909; он же. Конституция и земские учреждения в Китае. СПб., 1910.

Дальнего Востока». Некролог бывшего питомца Восточного факультета заканчивался последним обращением учеников к своему учителю, который помог им войти в храм науки о Востоке.

Среди молодых китаеведов, начавших работать на рубеже XIX—XX вв., особые надежды подавал Дмитрий Матвеевич Позднеев. Он родился 26 января 1865 г. в семье священника, весьма многочисленной (15 детей) и отличавшейся крепкими патриархальными традициями. Старший сын Алексей после окончания семинарии поступил на ФВЯ Петербургского университета и стал высококвалифицированным монголоведом. Не пошел по пути отца и Дмитрий, который до поступления на ФВЯ окончил Киевскую Духовную академию. В 1893 г. Д.М. Позднеев в звании приват-доцента Петербургского университета приступил к чтению лекций по истории Китая. После поездки в Англию, Францию и Германию появилась его первая статья, написанная по китайским источникам и западной литературе [Позднеев Д., 1898]. Она посвящена восстанию тайпинов (1850—1864), интерес к которому возник у ученого после ознакомления с Британским музеем, где хорошо представлены материалы об этом крестьянском выступлении в Китае. В письме из Лондона от 18 сентября 1893 г. он сообщал Н.И. Веселовскому: «Относительно тайпинского восстания я должен сказать, что это один из самых интересных для меня моментов китайской истории. Я познакомился с ним довольно, но литература по этому вопросу очень обширна и мнения противоречивы крайне... Главный интерес для меня сосредоточивается именно в народной жизни, а не в личности вождя восстания, хотя и последняя очень интересна, особенно по странной смеси в нем каких-то искажений христианства, честолюбивых стремлений, патриотических идеальных взглядов и чистого конфуцианства. Трудно сказать, был ли он действительным инициатором движения или ладьюю, плывущую по течению» [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед.хр. 965, л. 5]²⁵.

На основе доработки дипломной работы Позднеев подготовил добротную монографию по истории уйгуров, в которой, в частности, приведены весомые аргументы в пользу тюркских корней их культуры [Позднеев Д., 1899]²⁶.

²⁵ В апреле 1896 г. Позднеев после сдачи экзаменов на степень магистра прочитал две пробные лекции, из которых первая была посвящена тайпинскому восстанию, вторая — правителю древнего Китая Цинь Ши-хуану. См. также [Позднеев Д.М., 1898].

²⁶ Это третье конкурсное сочинение Позднеева; он написал его на IV курсе университета. Первое его конкурсное сочинение «История Восточного Туркестана в XVIII в.» было написано на II курсе, второе — «Историко-географический очерк Юго-Восточной Монголии» (по «Мэн-гу ю-му цзи») — на III курсе. Все три работы удостоены золотой медали.

Научная работа Позднеева на первых порах, особенно после отъезда в Китай, в значительной мере осложнялась многообразными обязанностями, связанными со службой в министерстве финансов²⁷. Во время восстания ихэтуаней у него сгорела часть присланной из Петербурга корректуры, содержащая приложение к его «Историческому очерку уйгуров». Дневник, который Позднеев вел в дни осады повстанцами посольского квартала, удалось обработать лишь на родине, в Орле, после чего он был издан с приложением цинских императорских указов, опубликованных в Пекине в период восстания²⁸.

События русско-японской войны совпали для Позднеева со временем его руководства Восточным институтом во Владивостоке. После студенческих волнений в Верхнеудинске, куда в связи с войной был эвакуирован институт, и последующего его закрытия Позднеев в 1907 г. уезжает в Японию. Здесь он с азав начинает изучать японский язык и довольно скоро становится квалифицированным японистом. Прекрасное владение японским языком дает ему возможность приступить к подготовке различных пособий для начинающих заниматься им, а также написанию оригинальных работ, построенных преимущественно на японских источниках. Несмотря на временный отход от китайской тематики, он сохраняет к ней живой интерес, о чем свидетельствуют его газетные статьи и заметки, выходявшие под псевдонимами (например, А. Новый).

Еще в период активной преподавательской деятельности П.С. Попова при Петербургском университете были оставлены два выпускника, обратившие на себя внимание своими первыми научными разработками. Это — А.И. Иванов, занимавшийся китайской историей, и В.М. Алексеев, интересовавшийся китайской литературой.

Александр Иванович Иванов (1878—1937) после успешного окончания ФВЯ в 1901 г. был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Природная любознательность и широта интересов особенно пригодились ему во время поездки в Китай в 1904 г.²⁹ Командировка позволила начинающему исследователю заметно продвинуться в совершенствовании знаний по

²⁷ По заданию министра финансов С.Ю. Витте под руководством Позднеева было подготовлено двухтомное «Описание Маньчжурии», представлявшее собой преимущественно справочное издание по географии и экономике этого региона, хотя в первом томе имелся и исторический очерк.

²⁸ Позднеев Д.М. 56 дней пекинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца. СПб., 1901.

²⁹ Привезенные из Китая музыкальные инструменты Иванов подарил музею Общества востоковедения, за что получил официальную благодарность от председателя общества ген. Н.К. Шведова, выраженную в письме от 1 ноября 1906 г. [ЦГИА, ф. 748, оп. 1, д. 3, л. 73].

китайскому языку, что придало ему бóльшую уверенность в переводе труднейших текстов китайского средневековья. Сообщая о приезде Иванова в Париж, Алексеев в марте 1905 г. писал С.Ф. Ольденбургу: «Каким я жалким кажусь в сравнении с Ивановым. У того уверенное знание, солидная сила, а у меня — Господи да Боже мой! Вот что особенно сильно подзуживает меня удрать в Китай» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 7, л. 37].

Поначалу Иванов свои главные усилия сосредоточил на изучении деятельности известного реформатора средневекового Китая Ван Ань-ши [Иванов А., 1909], что явилось как бы продолжением первых монографических разработок по древней истории, предпринятых С.М. Георгиевским. На выборе объекта исследования не могла не сказаться обстановка в России, где активно обсуждался земельный вопрос, отчасти касавшийся национализации земельной собственности. Работу Иванова отличает широкое использование западной литературы (статей и книг Э.Ж. Био, Д. Булджера, Г.-Х. Джайлса, Д. Легга, Ф. Хирта, Д. Фергюсона), сопровождаемое, однако, критическими суждениями автора. Такой подход ко всей используемой литературе хорошо виден и на примере оценки статьи И.И. Захарова «Поземельная собственность в Китае», опубликованной в 1853 г. в т. 2 «Трудов членов Российской Духовной миссии в Китае». Характеризуя эту статью как лучшую работу по данной теме, Иванов в то же время указывал: «Составленная по китайским источникам весьма отчетливо, она страдает одним существенным недостатком: нередко взгляды и выводы китайских авторов по поводу известного события не отделены от личных мнений автора статьи» [там же, с. 107]. К сожалению, тот же недостаток (даже в большей мере) присущ и труду самого Иванова.

Возражая некоторым западным историкам, в частности Булджеру, утверждавшему, что социальной истории Китая не существует, а есть только история политическая, Иванов впервые в отечественной литературе попытался показать, что развитие политической борьбы связано с изменениями социально-экономических отношений (например, из-за роста частной собственности на землю). Задавшись целью дать ответ на вопрос, действительно ли «рекомендуемые реформатором меры были новы, зиждились на древнем предании и... практическое осуществление их было исполнимо и целесообразно» [там же, с. 4], он не вполне справился с поставленной им задачей. На фоне сухого (хотя и ценного) пересказа китайских источников, занимающего ряд глав его книги, отдельные выводы автора выглядят малоубедительными (например, объяснение провала реформ излишней самоуверенностью Ван Ань-ши и его неумением выбирать достойных людей). Вместе с тем с рядом положений автора можно согласить-

ся и сегодня, что придает этой пионерской работе особую актуальность. Несомненно, верным представляется положение о том, что необходимость реформ диктовалась в XI в. интересами укрепления китайского государства перед лицом внешней опасности.

В 1908 г. Иванов принимал активное участие в картографической комиссии РГО, работая вместе с К.И. Вебером, В.Л. Котвичем, А.Н. Самойловичем и другими востоковедами над проблемами транскрипции восточных географических названий [ЦГАОР, ф. 581, оп. 1, д. 31, л. 2, 29]. 17 февраля 1913 г. он успешно (при одном воздержавшемся) защитил диссертацию на степень доктора китайской словесности, представив восточному факультету вышедшую в 1912 г. книгу «Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы». Официальными оппонентами выступили П.С. Попов и В.М. Алексеев, исполнявший тогда обязанности секретаря ФВЯ [ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 15827]. При выборе для своего перевода трактата известного мыслителя древнего Китая Хань Фэй-цзы, наиболее яркого представителя школы легистов, исследователь отдал предпочтение этому источнику как «наименее обработанному» из древнекитайских классических трактатов, что, по его мнению, позволяло говорить о незначительности посторонних влияний на текст Хань Фэй-цзы³⁰.

С утверждением Совета университета в мае 1913 г. в степени доктора Иванов удостоился звания экстраординарного профессора кафедры китайской и маньчжурской словесности. Тогда же ему было разрешено читать лекции по японскому языку [там же, оп. 1, д. 11289, л. 4; д. 10723].

В последнее десятилетие перед Октябрем 1917 г. ученому удалось опубликовать ряд небольших научных сообщений. В большинстве своем они посвящены истории национальных окраин тогдашнего Китая. Особенно ценны и интересны его работы, связанные с изучением письменных памятников тангутского государства Сися, найденных П.К. Козловым в Хара-Хото в 1909 г. [Громковская, Кычанов, 1978, с. 154]. С началом первой мировой войны и назначением на должность переводчика в МИД научно-исследовательская активность Иванова (в стенах Петербургского университета и Практической восточной академии) несколько снижается, хотя его по-прежнему продолжают волновать проблемы Восточной и Центральной Азии, особенно связанные с дешифровкой тангутской письменности.

³⁰ Серьезным исследователем Иванов показал себя в области новой истории Китая, в частности в критической оценке работы известного китайского политического деятеля Лян Ци-чао «Шесть великих китайских реформаторов», где проводилась мысль о приоритете всех китайских теорий над европейскими (например, Китаю задолго до нашей эры были известны принципы парламентаризма).

Василий Михайлович Алексеев (1881—1951) родился в Петербурге в бедной мещанской семье. Его отец Михаил Алексеевич работал счетчиком при «снаряжательном отделе патронного завода». Мать — Мария Густавовна Сидрон — происходила из мещан г. Луга Петербургской губернии. В связи с тем что родители мальчика состояли в гражданском браке, его считали незаконнорожденным, отчего он нравственно страдал, особенно в юношеские годы. Среднее образование ему удалось получить в Кронштадтской гимназии, куда его в качестве «казеннокоштного пансионера» приняли после смерти отца в 1892 г. Окончив гимназию с серебряной медалью, Алексеев в 1898 г. поступил на ФВЯ Петербургского университета. О предоставлении ему стипендии ходатайствовал директор гимназии, ссылаясь на то, что «по сиротству Алексеев не располагает никакими средствами». О назначении казенного содержания просил и сам Алексеев, который даже не мог уплатить «суммы, необходимой для взноса установленной экзаменационной платы» [ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 34891, л. 5, 3, 9, 10].

Алексеев начал посещать занятия на китайско-маньчжурском отделении, когда еще преподавал В.П. Васильев. После окончания факультета с дипломом 1-й степени [ЦГИА, ф. 733, оп. 155, д. 684, л. 193] его оставили в университете при кафедре китайско-маньчжурской словесности «для приготовления к профессорскому званию».

В 1904—1906 гг. Алексеев с научной целью посещает Англию, Францию и Германию³¹, а в 1907—1909 гг. вместе с Э. Шаванном совершает длительное и увлекательное путешествие по Северно-

³¹ О содержании и характере научных занятий молодого Алексеева в период первой зарубежной командировки можно судить, например, по его письмам Ольденбургу. Сообщая последнему о своих впечатлениях от лекций французского синологу Эдуарда Шаванна, Алексеев писал: «Он читает в College de France два раза в неделю следующее: 1) Чжу-шу цзи-нянь (бамбуковые анналы, обретенные в могиле одного князька в III в. по Р.Хр.). Толкует текст филологически. Дает комментарий в самых обширных размерах, сообщая весьма важные сведения о китайских астрономических, философских и т.п. теориях, не упуская случая дать всё возможное слушателю. И все это с искренним увлечением, с полным отчетом в мельчайших подробностях и в блестящем, точном, красивом, увлекающем изложении. С каждой его лекции я уходил с тьмою дум и кое-какими идеями, о которых раньше и не думал, а если и думал, то так... мельком. 2) Анналы Сыма Цяня. Тем же самым манером проф. объясняет текст „китайского Геродота“, сообщая массу вещей, которых не доискаться, вообще-то говоря, в темной литературе Запада о Китае. Добавлю еще, что он никогда не упускает случая привести ряд текстов из других китайских писателей, заставляющих его думать то или иное, а равно никогда не колеблется выразить безнадежное сомнение, буде такое для него действительно существует. Более всего мне в нем нравится этот славный серьезный метод исследования происхождения китайских теорий, сформулированностью своею постоянно вводящих в заблуждение европейскую ученую публику» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 7, л. 3].

му Китаю. В это время он буквально по крохам собирает ценную коллекцию материалов по китайскому фольклору и народной живописи³². 7 декабря 1906 г. он сообщал Ольденбургу из Пекина: «Занятия фонетикой идут своим чередом, регулярные и последовательные... Занятия языком разговорным хуже всех других, ибо я смотрю на этот предмет как на средство к цели. Чем напряженнее будет моя энергия устремления к цели, тем, разумеется, совершеннее будут средства... У меня четыре учителя — и всеми я очень доволен» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 7, л. 6; Баньковская, 1981]. Об успехах в изучении китайского языка в этот период может свидетельствовать, например, тот факт, что в 1909 г. Алексееву удалось (с помощью китайца) перевести и издать в Пекине стихотворение Лермонтова «Три пальмы» [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед.хр. 630, л. 116].

Интенсивные языковые занятия не мешали молодому ученому следить за тем, что происходило вокруг. Делясь впечатлениями об увиденном в Китае, он в том же письме сообщал Ольденбургу: «Первые три месяца все же усиленно слежу за современною жизнью Китая. Она меня сразила. Китай неизвестен или будет таковым вскоре. Реформы ошеломляют народ... и поканчивают с рутиной в один миг. Масса газет. Пока их не считаешь, голова идет кругом. Работаю в этом направлении упорно, но — Бог, что ли, меня обидел — результаты всё еще крохотные, жалкие...» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 7, л. 6]³³.

Летом 1911 г. молодой ученый во второй раз посещает с научной целью Англию и Францию, а через год вновь оказывается в Китае. На этот раз его маршрут проходит через такие города, как Шанхай, Нинбо, Фучжоу и Гуанчжоу (Кантон). Во время этого путешествия он посещает известный в Китае центр буддизма на о-ве Путошань. Второе путешествие по Китаю стало для Алексеева не менее плодотворным, чем первое. «В Кантоне, — сообщает он Ольденбургу, — моей главной задачей является изучение обильного, доставшегося мне в руки материала заклинаний-молитв. Надо исчерпать все здесь имеющееся. А я уже надоед всем лавкам и храмам донельзя» [там же, л. 44]³⁴.

Во время посещения Шанхая Алексееву удалось побеседовать с одним из лидеров китайских революционеров — Хуан Сином, о чем сохранилась краткая запись в черновом наброске его отчета (так и не завершено) о поездке в Китай: «Из случайной беседы с Хуан Сином, этим вторым (после Сунь Ятсена. — А.Х.) отцом

³² Как видно из переписки Петербургского университета с Министерством народного просвещения, срок командировки Алексееву дважды продлевали [ЦГИА, ф. 744, оп. 1, 1908, д. 250, л. 55; д. 248, л. 74].

³³ См. также [Алексеев, 1958].

³⁴ Письмо, судя по почтовому штемпелю, отправлено в августе 1912 г.

Китайской Республики, я не мог, конечно, вынести ничего определенного. Не желая инсинуировать, не пользуясь случаем распространить циркулирующие о нем нелепые слухи, я вообще должен сознаться, что нелегко себе представить китайца воодушевленным до потери столь свойственного этой расе внешнего самообладания. Поэтому уловить в беседе с ним какие-либо новые нотки, кроме распространенных в газетах, мне не пришлось» [там же, оп. 2, ед.хр. 233, л. 65]. Если мимолетная встреча с известным китайским политическим деятелем не произвела на молодого ученого глубокого впечатления, то его заметки об изданной республиканцами литературе свидетельствуют об обратном. Это видно, в частности, на примере его оценки книги «Гун-хэ саньцзы-цзин» («Троесловие [периода] Республики»): «В этом республиканском катехизисе, при всей грубости состряпанной пародии, есть наивный радикализм, почему-то меня сразу пленивший. Пленил он и многих китаеведов, которым я его показывал». Предполагая, что «при той свободе, которая неслыханным полымем властвует в китайском, ныне республиканском народе, какие-нибудь бескосые новаторы уже пустили его в обращение» (поскольку автор книги считал возможным рекомендовать ее школьникам), Алексеев выражал надежду, что «волна увлечения перельется через край именно благодаря подобным памфлетам» [там же, ф. 820, оп. 2, ед.хр. 233, л. 60—61].

Работа в библиотеках и музеях Западной Европы и особенно научные командировки в Китай позволили молодому ученому, отличавшемуся завидным трудолюбием, не только расширить свой кругозор и диапазон научных интересов, но и значительно пополнить «китаистический багаж». Занимаясь преподавательской деятельностью в Петербургском университете (с 1910 г. в звании приват-доцента) и одновременно с 1913 г. исполняя обязанности «младшего ученого хранителя» Азиатского музея, Алексеев активно работает над подготовкой собранных им материалов. Постепенно вводя в программу своих учебных занятий лучшие образцы китайской классической поэзии, и прежде всего эпохи Тан (особенно произведения Ли Бо), он, как видно из его переписки с известным издателем М.В. Сабашниковым, предполагал вначале опубликовать «образцы китайской изящной прозы», затем — «образцы китайской поэзии» и после всего этого — целый ряд монографий, посвященных отдельным философам, писателям и поэтам.

Уже тогда Алексеев пытался формулировать основные требования к переводу китайских литературных произведений: «3) Перевод мой будет основан на следующих принципах. Это будет многословный литературный перевод абсолютно всего, что есть в китайском тексте. Там, где это будет возможно, я сохранию

стиль подлинника. Создавая термины непереводаемым идеям, я вынужден буду отойти от хрестоматийности, но, конечно, не от насущных принципов русского литературного языка». Он предложил Сабашникову издать помимо антологии китайской прозы два сборника, в первый из которых вошли бы «избранные произведения китайских поэтов», а во второй — «учения китайских мыслителей в избранных образцах и систематическом изложении». «Если же работа моя, — писал ученый-китаевед, — Вас не удовлетворит, то, значит, я оставляю все свое время для работ исключительно академических, требующих только интенсивного знания и руководящих философем» [ГБЛ, ф. 261, картон 2, ед.хр. 59, л. 6—8].

К сожалению, грандиозному проекту, с которым выступил Алексеев, не суждено было тогда осуществиться. Не исключено, что главной помехой для его реализации стала первая мировая война.

Сосредоточившись на академических занятиях, Алексеев издал ценную работу, названную им «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (839—908)». Она была представлена на соискание степени магистра китайской словесности. Ее защита как магистерской диссертации состоялась 20 ноября 1916 г. в помещении университета [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 2, ед.хр. 32, л. 218]. В ходе диспута с официальными оппонентами (А.И. Ивановым и С.Г. Елисеевым) диссертант продемонстрировал глубокое знание изучаемого предмета, а своей необычайной эрудицией и блестящими лингвистическими познаниями немало удивил ученую публику, проявившую, несмотря на трудное военное время, живой интерес к китайской литературе. Критические замечания оппонентов лишь побудили Алексеева к более настойчивым занятиям, которые не смогла остановить даже болезнь, надолго приковавшая его к постели. Сообщая Ольденбургу, как возможному руководителю Азиатского музея, о своем недомогании (острый приступ ишиаса), Алексеев поделился с ним своими научными планами. В них он немало места отводил анализу творчества известного китайского поэта Тао Цяня (Тао Юаньмина): «Тао Цянь теперь быстро проходит сквозь тысячи заметок и приближается к торжественному моменту перевода. О работе своей ежедневно беседую с Б.Я. Владимирцовым, человеком, возбуждающим во мне дружбу, любовь и восхищение, человеком исключительным. Много полезного извлекаю из этих бесед. Когда же рукопись будет окончена, разрешите опять вручить ее Вашему попечению, с полной готовностью пройти сквозь горнило Ваших критических заметок» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 7, л. 14—15].

Поглощенный работой над новой темой и желая максимально выявить существующие в Китае и Японии издания сочинений Тао

Юаньмина, Алексеев 18 января 1917 г. обратился к россиянам, работающим либо живущим в этих странах с просьбой «навести справки — при посредстве туземцев, а в особенности лично — о том, какие... издания поэта Тао Цяня (Тао Юаньмина) могут быть найдены на местном книжном рынке, выяснить их цену, дать приблизительное описание (заглавие, первые слова одной из страниц, число бэней etc.) и сообщить об этом, хотя бы открыткой, по адресу: Петроград, Азиатский музей имп. Академии Наук... Издания, уже имеющиеся в Азиатском музее, описаны выше в тех подробностях, которые нужны для отождествления на первый же взгляд... Все найденные новые издания предназначаются для коллекций Азиатского музея имп. Академии Наук» [АВПР, ф. Миссия в Пекине, д. 423, л. 50].

Сейчас еще трудно сказать, кто именно откликнулся на просьбу инициативного Китаиста, хотя имя его в тогдашнем Китае было уже известно многим.

Кроме А.И. Иванова и В.М. Алексеева в Петербургском университете до 1917 г. работали китаеведы Александр Евграфович Любимов и Георгий Феофанович Смыкалов. Оставленный после окончания ФВЯ при университете, Любимов в 1908 г. посетил Китай, откуда привез немало книг на китайском и маньчжурском языках для факультетской библиотеки [АВПР, ф. Китайский стол, 1907—1911, д. 146, л. 37]. По свидетельству Н.И. Конрада, учившегося в 1908—1912 гг. в этом университете, Любимов был одним из немногих преподавателей, пытавшихся в то время придать изучению истории Китая профессиональный характер (на базе архивных материалов с использованием специальных и вспомогательных дисциплин). Судя по всему, такой подход он воспринял от своих учителей — Н.И. Веселовского и В.В. Бартольда. Однако у Любимова, как и у Смыкалова, мало работ по китайской истории³⁵. Первый после 1917 г. оставил китаеведение³⁶, а второй занялся главным образом преподаванием языка, сохраняя интерес к географии Китая³⁷.

Открытие российского консульства в Хакодате в 1859 г. и начало официальных торговых связей с Японией вызвали потреб-

³⁵ Любимов — автор историко-литературного произведения под названием «Загадочная страна Шабот в путевых записках А. Никитина» (Пг., 1916). Подробнее о нем как китаеведе см. [Смолин, 1980].

³⁶ В 30-х годах Любимов жил в Пензе и работал в местном архиве, свидетельством чему служит написанная им справка «Краткая характеристика Пензенского исторического архива (по состоянию его в 1930 г.)». См.: ГАПО, ф. Р.—2378, оп. 1, д. 292, л. 1—9. Подробнее о Любимове как историке-архивисте см.: Пензенская правда, 13.12.1978.

³⁷ С 1911 г. Смыкалов преподавал китайский язык в Практической Восточной академии. В 1913—1914 и 1922—1925 гг. среди слушателей его лекций был П.Е. Скачков [Скачков, 1977, с. 282—283].

ность в знатоках японского языка. Прежде всего ее стал ощущать Азиатский департамент МИД, по инициативе которого с осени 1870 г. началось преподавание японского языка на ФВЯ. Лекции (по две в неделю для студентов III и IV курсов китайско-маньчжурского разряда) читал японец В.И. Яматов — сотрудник Азиатского департамента [Бабинцев, 1968, с. 124—125]. Выпускники университета, прослушавшие его курс, имели уже достаточную подготовку, чтобы вести консульские дела в Японии, а после небольшого стажа работы на дипломатическом поприще могли заняться научной и преподавательской деятельностью.

В сентябре 1882 г. по случаю восшествия Александра III на престол Петербург посетил японский принц Арисугава Тарухито (1835—1895). В качестве дара для русского царя он привез коллекцию из 54 золотых и серебряных японских монет, выпущенных в обращение до революции Мэйдзи. Вместе с рукописным аннотированным каталогом она была принята на хранение в Эрмитаж. После возвращения на родину принц Арисугава распорядился послать в дар Петербургскому университету коллекцию японских книг, насчитывавшую 3465 томов. В заявлении японского посланника, передавшего эту коллекцию университету, в частности, отмечалось, что известие о том, что в университете ведется преподавание японского языка, «доставило его высочеству величайшее удовольствие». При этом подчеркивалось, что знание японского языка в России и, наоборот, знание русского языка в Японии должны принести взаимную пользу в сношениях обеих дружественных наций.

После отъезда на родину Яматова преподавание японского языка в Петербургском университете продолжалось силами сотрудников японской дипломатической миссии: Ниси Токудзиро (1874—1876) и Андо Кэноскэ (1881—1884). В 1888 г. к преподаванию японского языка и китайской каллиграфии в университете приступил японский руссист Куроно Ёсибуми (1859—1918; после крещения — Иосиф Николаевич Куроно).

По мере расширения политических и экономических контактов России со странами Дальнего Востока, а также с Индией руководство ФВЯ в лице В.П. Васильева, являвшегося деканом с октября 1878 г. по сентябрь 1893 г., не раз ставило вопрос о расширении круга преподаваемых восточных языков, однако почти в каждом случае получало отказ (из-за отсутствия денег в казне) со стороны МНП. Примером ходатайств по данному вопросу может служить докладная записка, направленная В.П. Васильевым в 1888 г. ректору университета М.И. Владиславлеву. В ней, в частности, говорилось: «Факультет восточных языков был основан в то время, когда государственные сношения России были еще ограничены. Мы еще не заключили трактата с Японией, не были

соседями Кореи, не приблизились к границам Индии. Потому не было введено преподавание японского, корейского и требуемого в настоящем положении знания индустанского (урду)... В настоящее время г. Министр народного просвещения допустил к сверхштатному преподаванию японского языка рекомендованного японским посланником Иосибуми Куроно, но факультет не может не беспокоиться на счет дальнейшего существования этого преподавания. Коль скоро не существует штатной кафедры и звания штатного лектора, то нельзя ручаться, что это преподавание уже более не прекратится» [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед.хр. 56, л. 1—3].

Хотя дельное и своевременное предложение Васильева было поддержано ректором университета, оно не получило удовлетворительного решения вплоть до первого десятилетия XX в. Не помогла и ссылка ректора университета в письме на имя И.Д. Делянова на то, что даже Германия, которая на востоке граничит лишь с Россией, устраивает в Берлине Академию восточных языков, при этом, как отмечал руководитель университета, «не для изучения одних суффиксов и флексий» [там же, ед.хр. 55, л. 1]. Министр иностранных дел только через три года (в декабре 1891 г.) высказался в пользу проекта, а министр финансов вообще ничего не ответил, и «в ожидании его ответа дело было оставлено без движения».

Позднее, в 1890 г., Васильев просил воспользоваться «для введения преподавания японского, корейского и индустанского языков окладами по кафедре еврейской и армяно-грузинской словесности — путем незамещения этих кафедр, считавшихся в то время вакантными». Хотя и декан Васильев, и факультет были единодушны в необходимости введения преподавания японского, корейского и «индустанского» языков, все эти ходатайства не были удовлетворены. Тем не менее в 1894 г. руководство факультета вновь подняло вопрос об открытии новых кафедр, однако на этот раз речь шла о кафедрах мусульманского законоведения и тибетского языка. Это ходатайство, как пишет В.В. Бартольд, было одобрено университетской комиссией при участии декана факультета В.Р. Розена (1 марта 1895 г.). Между тем попечитель учебного округа в целях экономии средств продолжал настаивать на учреждении кафедр языков японского, корейского и тибетского «с ассигнованием для этой цели 8000 руб., т.е. окладов двух ординатур и одной экстраординатуры» [Бартольд IX, 185].

Когда же вопрос об учреждении кафедры японской словесности был решен в феврале 1898 г., ФВЯ сделал ряд попыток подготовить для нее кадры. С этой целью в Японию были отправлены возможные кандидаты на получение профессорского звания: в 1898 г. — Е.Г. Спальвин, в 1903 г. — А.Н. Воскресенский, в 1907 г. — В.А. Шангин, в 1908 г. — Г.А. Серебряков. Лишь одно-

му из них, Е.Г. Спальвину, удалось возглавить кафедру японской словесности, но не в Петербургском университете, а во вновь открытом Восточном институте во Владивостоке.

С открытием кафедр японской словесности в Петербурге и Владивостоке в подготовке кадров японистов наметились две тенденции. В Петербургском университете она строилась — в соответствии с давней традицией — на прочной филологической основе. Практические аспекты языка реализовывались лишь на занятиях с Куроно Ёсубуми [Громковская, Кычанов, 1978, с. 25—26]. Лекционные курсы с чтением текстов вел В.Я. Костылев, а затем, в 1908—1912 гг., — сотрудник МИД Г.И. Доля³⁸ и в 1912—1916 гг. — А.И. Иванов, приват-доцент и профессор (с 1913 г.) кафедры китайской словесности. Последний в качестве японоведа преподавал студентам грамматику книжного и разговорного языка, обучал чтению литературных памятников «Такэтори моногатари», «Тоса никки» и др. Студенты занимались также китайским языком, литературой и историей Китая, кроме того, слушали лекции по общему языкознанию, истории Востока, истории Средней Азии. О широте интересов наиболее увлеченных и одаренных студентов позволяет говорить пример О.О. Розенберга, который во время учебы в университете изучал санскрит, пали, пракрит, японский, китайский, тибетский и монгольский языки, занимался английским, французским, немецким, итальянским, слушал лекционные курсы по международному праву, истории Востока, логике и психологии.

Многих студентов-«восточников» увлекали тогда этнография и история философии. Дополнительную подготовку по языку некоторые студенты китайско-японского разряда с 1910 г. получали в Практической Восточной академии, где преподавали Д.М. Позднеев и японец Иноуэ Синьо. На время летних каникул они довольно часто выезжали в Японию за счет университета либо на средства Практической восточной академии.

Несмотря на то что еще в 1886 г. Васильев указывал на насущную потребность в знатоках корейского языка [Васильев, 1886, с. 9], его предложение об учреждении корейской кафедры не было принято. Это, вероятно всего, объяснялось недостаточным пониманием в российском правительстве значения Кореи в международных делах. Тем не менее было решено ввести на ФВЯ преподавание корейского разговорного языка без создания соответствующей кафедры. Для занятий со студентами был пригла-

³⁸ В.Я. Костылев (подробнее о нем см. ниже) был приглашен преподавателем японского языка осенью 1907 г. Г.И. Доля (1876—1931), выпускник Восточного института, приступил к чтению лекций в звании приват-доцента в начале 1908 г.; в 1907 г. он вел занятия по японскому языку с небольшой группой учащихся в Пажеском корпусе [АВПР, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1259, л. 56—57].

шен сотрудник корейской дипломатической миссии в Петербурге Мин Кёнсик, но вскоре он отказался от преподавания. Его место (с 1 октября 1897 г.) занял сотрудник той же миссии Ким Пёнок. Занятия устраивались один раз в неделю (по 2 часа), считались факультативными, поэтому посещавшие их не обязаны были сдавать экзамены. Преподавание ограничивалось чтением и переводом текстов, а также упражнениями в разговорном языке. Ким Пёнок подготовил и опубликовал учебные пособия для студентов и для лиц, желающих изучать корейский язык [Корейские тексты; Пособие].

Возросшая потребность в знатоках филологии и современного состояния Кореи побудила руководство ФВЯ возобновить ходатайство перед вышестоящими инстанциями об учреждении кафедры корейского языка. В связи с этим А.И. Ивановым была подготовлена соответствующая записка [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10901]. В ней, в частности, указывалось, что в России «почти не уделяется внимания изучению языка и литературы корейского народа», что изучение Кореи, начатое в Восточном институте в 1900 г., имеет лишь прагматический характер, так как программы по корееведению ограничиваются узкими рамками современности. Признавая недостаточным факультативное обучение студентов корейскому языку, Иванов, ссылаясь на факты из истории культуры Кореи, доказывал необходимость основательного изучения этой страны в России.

30 января 1914 г. декан ФВЯ Н.Я. Марр направил записку Иванова ректору университета с просьбой рассмотреть вопрос об университетском курсе корейского языка. В связи с этим было принято решение об оставлении при университете одного из его воспитанников, Н.И. Конрада (окончившего в 1912 г. с дипломом 1-й степени учебу по китайско-японскому разряду), для приготовления к профессуре по китайской кафедре, с тем чтобы он мог специализироваться по корееведению. При этом выплата стипендии ограничивалась одним годом, начиная с 1 сентября 1914 г. После того как ходатайство о подготовке профессора-корееведа было поддержано, Конрад приступил к соответствующим научным занятиям. По ходатайству Иванова его командировали на год (до 1 сентября 1915 г.) в Корею, где он занимался изучением корейского языка и литературы, собирал этнографические материалы, приобрел сочинения по истории и географии Кореи. Прислав отчет о своих занятиях за год, Конрад попросил продлить срок его командировки.

Возвратившись в Петербург, молодой ученый стал готовиться к сдаче магистерских экзаменов по корейской словесности. В перечне вопросов, предложенных ему на экзаменах на степень магистра, многие касались корейского языка, корейской литературы,

корейских исторических сочинений. Успешно выдержав экзамены на степень магистра корейской словесности, Конрад впоследствии целиком переключился на японоведение (а позднее — на китаеведение). Возможно, не последнюю роль в его переориентации сыграла не только общая ситуация в Корее, ставшей частью японской империи, но и перемены в России, связанные с Октябрьскими событиями.

Симпатиями студентов ФВЯ пользовались не только опытные знатоки восточных языков (особенно Д.А. Пещуров), но и историки широкого профиля. Среди них был и руководитель созданной в 1863 г. кафедры истории Востока Н.И. Веселовский, не раз оставлявший домашний очаг на время летних археологических и этнографических экспедиций. Его лекции по истории Востока, не блестящие по форме, отличались богатым содержанием. Веселовский, серьезный исследователь и опытный педагог, стремился приобщить студентов к самостоятельной научной работе. На заседаниях созданного по его инициативе кружка ориенталистов заслушивались доклады и сообщения студентов по широкому кругу проблем современного состояния Востока и их исторического прошлого. Так, на одном из них (в апреле 1907 г.) выступал Л. Соболев, рассказавший о современной Японии, а на другом — С.Е. Малов, сделавший сообщение о мусульманских надгробиях в Казанской губернии, на территории бывшего болгарского государства [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 2, ед.хр. 32, л. 353, 311].

Много сил и труда отдал Веселовский изданию трудов своих коллег-востоковедов и лиц, связанных с изучением стран Востока. Заинтересовавшись народными религиозными верованиями, в частности шаманством (в связи с написанием отзыва на книгу Н.Н. Агапитова и М.Н. Хангалова [ТГУ, ф. Г.Н. Потанина (Письма), ед.хр. 1252, л. 1]), он не только сочувственно отнесся к переизданию Г.Н. Потаниным «Черной веры» Доржи Банзарова³⁹, но и принял на себя нелегкий труд по публикации рукописей казахского ученого Ч. Валиханова. 8 мая 1888 г. Веселовский писал Потанину из Петербурга: «Рукописи Валиханова получил... Давайте биографию султана; сам я тут ничего сделать не могу» [ТГУ, ф. Г.Н. Потанина (Письма), ед.хр. 1252, л. 1]. При этом он сообщал известному путешественнику о включении его в группу по сбору сведений об «инородцах России и Азии», созданную при Отделении этнографии РГО.

³⁹ О желательности переиздания «Черной веры» Д. Банзарова писал еще в феврале 1852 г. В.В. Григорьев Н.И. Надеждину [ЦГАЛИ, ф. 1387, оп. 2, ед.хр. 1, л. 3].

Веселовскому пришлось поработать несколько лет⁴⁰, прежде чем труды Ч. Валиханова увидели свет [Валиханов, 1904]⁴¹. Им же были изданы рукописные материалы по истории Российской Духовной миссии в Пекине. Их получил вначале В.П. Васильев от архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича; 1799—1874), а затем, после смерти известного востоковеда, они поступили к Веселовскому (вместе с добавлениями Васильева о 12-й миссии, членом которой он состоял) [Веселовский, 1905].

Немало способствовал Н.И. Веселовский изданию работы И.П. Минаева об известном путешественнике из Венеции Марко Поло. Ознакомившись с работами зарубежных и отечественных исследователей (Г. Потье, Г. Юля, П.И. Кафарова (Палладия), К.А. Скачкова, наконец, И.П. Минаева), он пришел к такому мнению: «Кажется, что, сколько бы ни трудились иностранные ученые над комментированием путешествия Марко Поло, эта тема едва ли будет исчерпана. Мало только посетить те страны, которые описал знаменитый венецианец, необходимо еще изучить их прошлое по местным литературным памятникам, а это — работа, можно сказать, беспредельная, и чем дольше она будет продолжаться, тем больше получится указаний для понимания рассказа Марко Поло» [ПФ Института археологии РАН, ф. 18, оп. 1, ед.хр. 78].

Преподавание истории Китая в Петербургском университете в значительной мере напоминало работу исследователей над труднопонимаемым текстом записей Марко Поло. Хотя в 60-х годах XIX в. здесь впервые в мире была учреждена кафедра истории Востока, что свидетельствовало о начавшемся процессе обособления исторической науки внутри общего востоковедения, в лекционном курсе Веселовского такая страна, как Китай, фигурировала лишь в историографическом обзоре. Там упоминался лишь десяток лиц, писавших о Китае, в том числе путешественников, но критический анализ их работ не давался.

Отставание в изучении истории Китая от разработки истории других стран, в том числе России, к началу XX в. было более чем очевидно. Своеобразной реакцией на попытки историков других

⁴⁰ Издание работ Ч.Ч. Валиханова потребовало дополнительных поисков со стороны не только инициатора — Потанина, но и редактора — Веселовского, что, естественно, затянуло осуществление первоначального замысла. О получении новых материалов для предполагаемой публикации свидетельствует, например, такая помета Веселовского: «Бумаги Чокана Валиханова, доставленные 15 марта 1896 г. Г.Н. Потаниным» [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед.хр. 469, л. 1].

⁴¹ На стадии подготовки этой работы к печати Веселовский привлекал студентов к переписке либо сверке публикуемых материалов. Об этом свидетельствуют, например, его пометы на «Копии отчета Валиханова о Восточном Туркестане» [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед.хр. 468, л. 1—49].

стран сравнить Китай со странами Западной Европы стало появление применительно к Китаю термина «феодализм» (О.М. Ковалевский, В.П. Васильев), однако под ним понималось состояние политической раздробленности в сочетании с иерархической структурой управления государством. Курс лекций, предложенный Д.М. Позднеевым, казалось, должен был внести свежую струю в преподавание истории Китая, но он оказался кратковременным из-за отъезда лектора в Китай на практическую работу⁴².

Попытки Бартольда продолжить начатую Веселовским разработку проблем историографии не сопровождалась, однако, глубоким анализом работ по истории Китая. Хотя этой стране в известном труде ученого [Бартольд, 1925] отводилась примерно пятая часть читаемого им курса, в нем представлены лишь краткие, отрывочные суждения о той или иной работе (например, о том, что книга А.Н. Куропаткина о Кашгарии (изд. в 1879 г.) значительно уступает более ранней публикации В.В. Григорьева, что в «Описании Тибета» Н.В. Кюнера «собраны сведения, которых нельзя найти в такой полноте ни в одном из западноевропейских сочинений» и т.д.). Появившиеся в конце XIX — начале XX в. заметки о западном китаеведении Д.М. Позднеева, П.П. Шмидта, В.М. Алексеева в значительной степени носили информационно-справочный характер.

ТРУДЫ В.П. ВАСИЛЬЕВА ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В.П. Васильев был одним из пионеров русской синологии, во многом определившим круг ее задач и проблем. Благодаря гигантской эрудиции, разносторонним интересам и огромному трудолюбию он оставил важные вехи в области изучения различных аспектов духовной культуры Китая. Особое место в его научном наследии занимают труды, посвященные истории религий Китая и сопредельных ему стран Дальнего Востока и Центральной Азии.

⁴² Отсутствие разделов по Китаю и Индии в известном до 1917 г. курсе истории Древнего Востока М.М. Хвостова объяснялось, с одной стороны, недостаточностью данных, имеющихся у европейских историков, а с другой — признанием того, что «цивилизации Японии и Китая мы застаем уже сложившимися, и можно лишь строить очень шаткие гипотезы относительно их происхождения». «Древний Восток» понимался автором курса не как комплекс стран Азии и Африки в определенный период, а как начальная стадия общечеловеческой цивилизации, которую следует изучать на материалах Египта и Месопотамии, а не на примере Китая. Что касается общих курсов по истории средних веков и нового времени, то вопрос о включении в них сведений о Китае и других азиатских странах даже не возникал.

Наибольшее внимание Васильева привлекал буддизм, который он кропотливо исследовал не только по санскритским и китайским источникам, но также по тибетским и монгольским. Он первым из европейских ученых дал последовательное и для своего времени полное описание буддизма махаяны. Российский исследователь был также одним из первых среди тех буддологов, кто выделил буддизм ваджраяны, или буддийский тантризм, в качестве эзотерического направления в буддизме махаяны. Васильев прославил отечественную науку переводом с тибетского на русский язык истории возникновения и распространения буддизма в Индии, Китае и Тибете, изложенной известным тибетским ученым Таранатхой (род. 1575) [Васильев. Буддизм]. Подробными комментариями переводчика снабжены самые сложные части этого трактата, касающиеся астрологической системы калачакра (санскр. «колесо времени»), которая представляет собой ядро учения ваджраяны.

Наиболее перспективный путь изучения буддизма намечен в этой главной, по мнению С.Ф. Ольденбурга, книге Васильева. Один из первых рецензентов «Буддизма», И.Н. Березин, касаясь факторов, благоприятствовавших созданию этого оригинального труда, писал: «Выгодное положение, в котором находился автор, имея случай приобретать и собирать все относящееся к буддизму в таком месте, как столица китайской империи, доставило ему возможность познакомиться с самою большою частью источников к изучению буддизма на севере Индии...» [ОЗ. 1857, август, отд. II, с. 104].

Отводя этому труду Васильева особое место в ряду подобных публикаций западных и отечественных авторов, Березин в другой рецензии отмечал: «Западные ориенталисты занимались преимущественно изучением индийского буддизма, наши же ученые ограничивались сообщением отрывочных сведений о северном буддизме... Этот недостаток вполне устраняется теперь появлением книги г. Васильева. Занимаясь изучением буддизма сначала по монгольским источникам, наш ученый во время пребывания в Пекине имел возможность познакомиться с богатою буддийскою литературою Китая и Тибета и соединить в одном лице знание тибетского и китайского языков, что недоступно западным ориенталистам...» [ЖМНП. 1857, № 7, отд. VI, с. 7—8]. Березин считал труд российского ученого «богатым приобретением в ученой литературе не только России, но и Европы» [ОЗ. 1857, август, отд. II, с. 114].

Васильев придавал важное значение пропаганде достоверных знаний о Востоке, его истории и духовной культуре, поэтому не раз сам выступал с рецензиями на труды своих коллег либо российских путешественников. Упомянем, например, его рецензию

[ЖМНП. 1858, № 11, отд. VI, с. 90—101] на книгу «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. Сочинение Нила, архиепископа Ярославского» (СПб., 1858).

В 1873 г. в ЖМНП (т. 166—167) вышла новая работа Васильева — «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм». В том же году появилось и отдельное издание этого труда, известное ныне каждому китаисту. В основу его легли лекции, читанные востоковедом в Петербургском университете в 1871 г., что заметно сказалось на характере и стиле изложения, а также подборе материала. Изложение научных проблем во многих случаях сопровождалось актуальными для того времени политическими экскурсами, что придавало книге явно полемический характер. Она появилась в то время, когда многие историки и философы России и западных стран в поисках причин «закоснелого» консерватизма и застойности общественно-политического строя в странах Азии обратились к изучению их духовной культуры, и прежде всего их религиозных систем. Не придавая значения специфике политического и социально-экономического развития этих стран, они пытались объяснить все или по крайней мере многое из того, что не укладывалось в их привычные представления, особенностями религиозных систем, господствовавших в странах Востока.

Книга «Религии Востока», как и многие работы Васильева, написана им в свободной манере, без ссылок на использованные источники, что объяснялось стремлением автора рельефнее обрисовать общую картину духовной жизни азиатских народов. Особо внимания заслуживает указание исследователя на «ненормативность» всех трех религиозно-идеологических комплексов, особенно конфуцианства. «На Востоке, — отмечал он, — вовсе не имеют того понятия о привязанности к религии, которое мы встречаем на Западе, — там люди живут не сердцем, а житейскими нуждами. Конфуцианство, буддизм и даосизм вовсе не возбуждают сердечной привязанности в своих поклонниках» (цит. по [Васильев, 1900, с. 131]). Это в целом ряде случаев лишало смысла применение привычной европейской категории вероисповедания и давало возможность этим религиозно-идеологическим комплексам довольно мирно сосуществовать друг с другом. Наиболее наглядно это проявлялось в императорском ритуале по случаю встречи Нового года⁴³. Как считал ученый, конфуцианство следовало бы

⁴³ Васильев так описывает встречу китайским императором праздника Нового года: «Сначала он отправляется в свой шаманский храм. Потом приносит по конфуцианскому обряду жертву в храме предков; затем отправляется на поклонение сандаальному кумиру Будды, который считается современным самому

считать социально-политическим учением, если бы не было института жертвоприношений.

Если раздел по конфуцианству в «Религиях Востока» был воспринят российской научной общественностью довольно спокойно, то ее отношение к разделу, касающемуся буддизма, было несколько иным. С серьезными возражениями выступили его коллеги — индологи, которые опирались главным образом на материалы по буддизму в Индии. Критики Васильева считали китайский буддизм при всем его своеобразии лишь «испорченным» вариантом учения Будды, поскольку в Китай проникали учения разных буддийских школ и направлений, часто противоречащих друг другу.

С наиболее обоснованной критикой концептуальных построений Васильева, касающихся буддизма (они заняли более трети его книги), выступил И.П. Минаев. Он прежде всего упрекнул своего бывшего учителя в том, что тот «старательно удалил из своей книги все цитаты, весь научный аппарат», отчего она значительно проиграла «именно в тех частях, где сообщаются новые факты, отчасти из таких источников, которые пока доступны одному автору». Для доказательства того, что «все хорошее и разумное на Востоке очень не древне и пришло с Запада», Васильеву, по мнению рецензента, «понадобились и Египет, и греки, и христианство». Минаев подверг резкой критике утверждение автора о позднем происхождении буддизма. В целом же он высоко оценил новое творение русского востоковеда, в котором, в частности, впервые в европейской литературе излагалось учение тантризма. «Профессор Васильев, — писал И.П. Минаев, — один из немногих русских ориенталистов, которые самостоятельно работали над источниками; при всех своих оригинальностях и подчас со всеми своими крайностями книги этих исследователей всегда будут читаться и изучаться с пользой, хотя и не добьются той эфемерной славы, которая выпадает на долю книг, написанных гладко, но с великими претензиями и малым знанием дела. В русской ориентальной литературе книги, подобные труду г. Васильева, встречаются очень редко» [ЖМНП. 1874, ч. 172, март, отд. II, с. 148].

Высокую оценку буддологическим трудам Васильева не раз давал и С.Ф. Ольденбург⁴⁴. В речи, произнесенной в 1918 г. в связи со столетием со дня рождения выдающегося русского востоковеда, он, выделяя три направления буддологических исследований в европейской науке второй половины XIX — начала XX в.,

Шакьямуни, и после того заезжает в даосский храм ветра. И так, одно и то же лицо зараз оказывает почтение 4-м религиям» [ЖМНП. 1873, т. 166, с. 250].

⁴⁴ *Ольденбург С.Ф.* Памяти В.П. Васильева. — ЗВОРАО. 1900, т. XIII, с. 047 сл. (=Речь, 28.04/11.05.1910); см. также [Ольденбург, 1918 (1)].

особо подчеркивал, что буддологическая школа, родоначальником которой является Васильев, сумела предложить и обосновать наиболее объективную концепцию процесса становления и развития буддийского учения. Новизна васильевского метода в анализе буддийской догматики и изучении этой религии проявилась прежде всего в обращении к каноническим текстам махаяны, переведенным на китайский и тибетский языки, в попытке систематизации догматики с точки зрения внутренней логики развития буддизма. Такой подход противостоял абсолютизации палийского канона в качестве единственного источника «истинного» буддизма, что имело место на протяжении многих десятилетий в европейской буддологии (благодаря авторитету таких крупных ученых, как, например, Т. Рис-Дэвидс, Г. Ольденберг и Р. Чайлдерс). Включение не палийской, в частности китайской, литературы в число источников, исследование которых для понимания различных аспектов буддизма имеет не меньшее (а, возможно, даже большее) значение, чем изучение палийского канона, знаменовало собой качественно новый этап в буддологии. Эту точку зрения разделяли и развивали в своих трудах Ф.И. Щербатской и О.О. Розенберг, которые пошли дальше В.П. Васильева, введя в оборот и экзегетическую литературу⁴⁵.

Бесспорными достоинствами отличался раздел «Религий Востока», посвященный даосизму, впоследствии значительно расширенный автором [Васильев, 1888]. В них мы находим изложение основ даосского учения, а также богатый текстологический и исторический материал, переводы из различных даосских сочинений. Серьезной заслугой ученого было то, что он впервые в отечественной и мировой науке обратил внимание на важность изучения даосизма в целом, в процессе его исторического развития. Переведенные Васильевым фрагменты из «Дао-дэ цзина» и комментарии его к ним ясно свидетельствуют об исключительно глубоком понимании им кардинальных проблем даосской философии⁴⁶. Примером может служить его перевод первой фразы «Дао-

⁴⁵ В буддологических исследованиях Васильева можно найти немало интересных и глубоких мыслей, которые, несмотря на значительный прогресс, достигнутый отечественной и мировой буддологией в XX в., до сих пор не получили должного развития. Интересно, например, его замечание относительно роли, которую играет в буддизме практика психологической саморегуляции («созерцание», «медитация»). Путь «созерцания» (санскр. дхьяна, кит. чань, яп. дзэн), по его мнению, «служит основанием всего практического буддизма» [Васильев, 1873, с. 109]. Обратив внимание на некоторые специфические (с точки зрения европейской психологии) особенности процесса психической саморегуляции в буддийской практике йогического созерцания, он указал на трудность адекватной интерпретации в терминах европейской культуры тех психических феноменов, которые сопутствуют этому процессу.

⁴⁶ Последователями Васильева в области изучения философии раннего даосизма и выяснения значения понятия «дао» (в том числе на основе более поздних,

дэ цзина»: «Путь (дао), который называется путем, не есть вечный (непреложный) путь; имя, которое есть имя, не есть непреложное имя». По поводу этой фразы и других подобных отрывков исследователь делает следующее чрезвычайно важное замечание: «Все выражения Лао-цзы наполнены такими идеями или сравнениями для прояснения отвлеченных идей...» [Васильев, 1888, с. 102].

Одним из первых Васильев уделил внимание «практическому» даосизму, приведя в своих трудах основные сведения о даосских методах обретения «бессмертия» (алхимия, дыхательные упражнения и т.п.) [Васильев, 1873, с. 87—90]. К сожалению, исследователь не остановился специально на даосской алхимии и ее специфике, хотя алхимия, судя по некоторым данным, составила целую эпоху в развитии даосизма.

Васильев обратил внимание и на биографии даосских «бессмертных». В «Материалах» [Васильев, 1888, с. 166—168] он пересказал жизнеописания даосских «бессмертных» и святых, принадлежащие преимущественно к сфере «популярного» даосизма, нежели «ортодоксального».

При всех достоинствах трудов Васильева, посвященных даосизму, в них имеются и ошибочные суждения и оценки. Так, указывая на важность изучения литературы позднего даосизма в полном объеме, ученый в то же время бросает замечание, что вся даосская литература является «чепухой» и на ее изучение, может быть, не стоит тратить много времени [Васильев, 1880, с. 115—116].

Сейчас, когда со времени выхода в свет «Религий Востока» Васильева прошло более 120 лет, не составляет особого труда обнаружить весьма спорные положения некоторых концепций автора. Часть их подверглась вполне справедливой критике. Вряд ли сегодня можно согласиться, например, с разделением религиозных систем на «религии сердца» (Запад) и «религии фантастического умствования» (Восток) или признать правильным гиперкритический подход к даосизму как к доктрине, в основе которой лежат «одни суеверия». Тем не менее сделанное ученым описание всех трех важнейших частей религиозно-идеологического комплекса традиционного Китая — конфуцианства, буддизма и даосизма — и по сей день остается наиболее глубоким и информативным в отечественной науке.

Своеобразной вехой в истории российской синологии стал 1880 год, когда вышел в свет первый в мире обобщающий труд по истории китайской литературы. Речь идет об «Очерке истории

чем «Дао-дэ цзин», текстов) были многие видные советские ученые, и прежде всего В.М. Алексеев, А.А. Петров, Ян Хиншун, Л.Д. Позднеева, Л.Е. Померанцева и др. См. [Торчинов, 1991].

китайской литературы» Васильева. По словам самого автора, источником для этой работы послужили преимущественно китайские книги. «Почти ни одно из тех сочинений, о которых я говорю здесь, не миновало моих рук» [там же, с. 4].

Чтобы представить читателю, с чего начиналась китайская литература, Васильев прежде всего обращает его внимание на особенности языка китайцев. Подчеркивая древнее происхождение иероглифической письменности, он вместе с тем говорит о почтенном возрасте китайской литературы. В самой объемистой части «Очерка» автор рассматривает проблемы, связанные с религиями Китая — конфуцианством, буддизмом и даосизмом, полагая необходимым подчеркнуть их влияние «на тот народ, литературу которого мы разбираем» [там же, с. 3—4]. В «Очерке» упоминается несколько известных китайских романов, в том числе «Троецарствие», «Речные заводы», «Цзинь, Пин, Мэй», «Сон в красном тереме», но для популярного изложения Васильев выбирает два последних — роман анонимного автора (XVI в.) и роман Цао Сюэ-цзиня (XVIII в.). Безусловно, эти романы считаются наиболее известными, но есть и другие, не менее популярные, но они, к сожалению, не вошли в «Очерк». Назовем, например, «Путешествие на Запад» У Чэн-эня, сюжет которого связан с именем монаха Сюань Цзана (Сюань Чжуана), совершившего паломничество в Индию и занимавшегося затем распространением буддизма в Китае (подробнее см. [Никольская, 1991]).

Неполноту и несовершенство своего нового труда автор хорошо понимал. В предчувствии критических суждений коллег Васильев не без горечи и пессимизма писал о своей работе: «Наш беглый очерк китайской литературы представляется в наших собственных глазах и исповедью и отповедью тем более, что, может быть, это последний наш труд, появляющийся в печати. Мы желали бы сказать и думаем, что могли бы сказать гораздо более, если бы заранее ожидали запроса на наш труд... Возможно ли единичной силе, закинутой в совершенно несочувственный мир, работать без средств и надежды, что его труд не пропадет, не останется в рукописи, которая по смерти автора достанется макулатуре? Потом нас занимала в жизни не одна только литература» [Васильев, 1880, с. 162—163]. К счастью, пессимистический настрой Васильева оказался неоправданным: его книги, включая «Очерк», служили и продолжают служить надежным ориентиром в исследованиях по Китаю и сопредельным с ним странам⁴⁷.

⁴⁷ Так, отправляясь в Тибет, Н.М. Пржевальский письмом от 28 мая 1883 г. просил Академию наук предоставить ему несколько экземпляров книги с тибетским текстом сочинения Таранатхи для себя и раздачи местным правителям во время путешествия. См. [Записки АН. 1883, т. 47, кн. 1, с. 68].

Еще в 1859 г. была опубликована работа Васильева «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века». Она, по сути дела, явилась продолжением труда Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851). В то же время эта книга продемонстрировала новый подход к изучению средневекового прошлого народов сопредельных с Китаем стран. Автор прежде всего стремился расширить и критически осмыслить круг источников, пригодных для характеристики некитайских народов в период древней истории. Важно и указание Васильева на то, что исследуемый им период (X—XIII вв.) остался не освещенным Бичуриным. Из-за отсутствия сведений о нем в китайской официальной историографии «самое выступление на историческом поприще монголов» представлялось в каком-то полумраке. Придерживаясь исторической правды, Васильев убедительно показал, что не сведения о том, «кто... кого грабил, кто возвышался и падал, даже кто где кочевал» [Васильев, 1900, с. 2, 42], важны для исторического общения, а общие закономерности, определяющие возникновение новых государств в кочевом мире, причины их молниеносных побед над соседями. Активно разрабатывая вопросы, ставшие впоследствии основными для некоторых исследований [Владимирцов, 1934; Козин, 1941], он попытался уяснить причины необычайного многообразия наименований кочевых народов, крайне затрудняющего возможности определения реальных путей этногенеза и этнического развития большинства из них⁴⁸. Рассматривая отношения многочисленных кочевых и полуномадных «народов» (оставивших «повсюду следы своего появления» [Васильев, 1900, с. 129]) как исторический фон, на котором появилась империя Чингис-хана, Васильев в последующих разработках приходит к значительно более общим выводам, в частности о том, что военные столкновения в одной части кочевого мира вызывали резонанс на остальном его пространстве.

Стремление к уяснению специфики быта народов отдельных этнических групп нашло конкретное выражение и в том, что Васильев вместе с другими востоковедами (К.Г. Залеманом, В.Р. Розеном и В.В. Радловым) активно содействовал организации Орхонской экспедиции с целью более глубокого изучения вновь открытых в Монголии образцов рунической письменности. После дешифровки и перевода тюркских текстов памятников в честь Кюль-тегина (731 г.) и Бильге-кагана (734 г.) Васильев издает свои переводы китайских текстов, выгравированных на этих памятных стелах [Васильев, 1897].

⁴⁸ См.: Бертагаев Т.А. Этнолингвистические этюды о племенах Центральной Азии. — Исследования по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 6. Улан-Удэ, 1976.

Изучение тюркских памятников, как и буддийских сочинений, побуждало Васильева заниматься определением сухопутных маршрутов, с помощью которых средневековый Китай поддерживал сношения с окружающим миром. К сожалению, выполненный еще в Пекине Васильевым перевод «Записок» Сюань Цзана, ходившего паломником в Индию в начале эпохи Тан, остался неопубликованным.

За более чем полувековой период научной деятельности Васильевым было написано немало статей и рецензий по истории и культуре Восточной и Центральной Азии. К сожалению, значительная часть этих трудов не была опубликована, осев в личном архиве ученого либо в архивах соответствующих ведомств, редакций журналов и газет. И неопубликованные статьи, и рецензии поражают глубокой эрудицией их автора, свободно владевшего историческим материалом.

Уже к середине XIX в. Васильев стал авторитетным ученым в области синологии. Подобно Бичурину, он плодотворно занимался проблемами истории Восточной и Центральной Азии. Но главными сферами своего научного поиска он избрал историю духовной культуры и источниковедение. Будучи тонким знатоком восточных языков, Васильев открыл новое направление в исследовании буддизма. В отличие от исследователей «южного» буддизма он занялся «северным», проложив путь позднейшим исследователям (Ф.И. Щербатскому, О.О. Розенбергу и др.). При анализе многочисленных исторических текстов, в том числе буддийских, конфуцианских и др., Васильев подходил к их оценке иначе, нежели Бичурин. Крайний критицизм в отношении китайской историографической традиции давал ему обильную пищу для сомнений в подлинной древности многих исторических памятников. Благодаря его работам русское китаеведение впервые отказалось от привычного, рутинного пересказа китайских исторических сведений, стремясь дать более объективную картину исторического прошлого Китая.

При всей широте и разнообразии научных разработок Васильева итоги его деятельности в Казанском и Петербургском университетах вызывают некоторое разочарование. После издания ряда книг и серьезных статей по отдельным вопросам истории и культуры Китая ученый так и не создал обобщающего труда, к которому был подготовлен больше, чем кто-либо из его современников. Причину этого следует искать, на наш взгляд, в тяжелых условиях, в которых пришлось работать Васильеву: в отсутствии широкого интереса российской общественности к проблемам Китая, в установившемся в Академии наук порядке чаще издавать работы на немецком языке, нежели на русском, на котором писали свои научные труды почти все китаисты, вклю-

чая Васильева. К тому же его серьезно отвлекали от научно-исследовательской работы не только административные обязанности (в течение длительного времени он был деканом ФВЯ), но и общественные дела⁴⁹, требовавшие порой выступлений в печати по жгучим проблемам современного развития России и ее внешних связей (см. [Хохлов, 1995 (1) и (5)]).

Научная деятельность Васильева разворачивалась в тот момент, когда китаеведение, как и востоковедение в целом, представляло собой не расчлененную научными дисциплинами науку, требовавшую от ученого наряду с обязательным владением восточными языками одновременных занятий в самых различных отраслях. Критическая оценка китайских источников требовала от историка высокой профессиональной культуры, умелого оперирования данными вспомогательных исторических дисциплин. Подобная энциклопедичность знаний не всегда позволяла целенаправленно и эффективно работать на главном направлении научного поиска. И в этом Васильев не был исключением. «Китайский язык и его литература требуют такого разнообразного труда, что одному человеку нельзя во всем равно успеть, — писал он. — От этого-то я не мог посвятить себя философии всецело, потому что мне надо было быть и историком; я не историк, потому что мне нужно быть и географом; я не географ, потому что надо знать литературу; я не историк литературы, потому что нельзя не коснуться религии; я не богослов, потому что должен быть и антикварием...» [Васильев, 1872, с. 82].

Отсутствие четкой специализации востоковедных знаний не могло не влиять на регулярность занятий ученых в области истории Китая. Вынужденные прежде всего преподавать языки (в условиях неразработанности важнейших основ грамматики и отсутствия словарей), многие китаеведы оставляли свои исторические штудии. Так, П.И. Кафаров в последние годы жизни сосредоточил свои усилия на подготовке китайско-русского словаря, завершеного П.С. Поповым [Хохлов, 1979, ч. 1, с. 4, 5; Хохлов, 1996(1)], а И.И. Захаров — на составлении маньчжурско-русского словаря и грамматики маньчжурского языка. Что касается Васильева, то он оказался в более трудном положении. Став руководителем кафедры китайского и маньчжурского языков сначала в

⁴⁹ Менее чем через десять лет после своего возвращения из Китая на родину Васильев сделал грустное наблюдение: «Время летит, и с ним направление моих занятий все более и более обращается в ту сторону, которая не подает мне надежды, что я смогу в скором времени заняться отделкой уже написанного; время летит и делает труды, которые могли казаться довольно свежими за несколько лет пред тем, запоздалыми и несоответствующими состоянию науки; изолированная деятельность ученого пропадает даром в безвестности...» [Ольденбург, 1918 (1), с. 536].

Казанском университете, а затем в Петербургском, он вынужден был прежде всего заниматься педагогической деятельностью и связанной с ней подготовкой учебных пособий, отсутствующих в преподавательской практике западных стран.

Неординарность взглядов Васильева стала причиной того, что в отечественной историографии сложились о нем самые разноречивые, а порой прямо противоположные мнения. Его называли и реакционером, и прогрессивным деятелем, и другом Китая, и аполетом колонизаторов, и создателем научного направления, противоположного бичуринскому, и «последователем» Бичурина. Особенно противоречивы суждения о том, является ли Васильев создателем своей школы⁵⁰. Совершенно очевидно, что Васильев как крупный ученый оказал серьезное влияние на всех работавших с ним либо под его руководством востоковедов: китаистов, маньчжуров, монголистов и тибетологов, но причислять П.И. Кафарова, А.В. Рудакова, Н.В. Кюнера и др. к «школе В.П. Васильева» более чем рискованно, поскольку для многих из них порой вовсе не характерен чрезмерно критический подход Васильева к китайским источникам и реалиям. Некоторые из его учеников сознательно (подобно С.М. Георгиевскому) или стихийно порывали с гиперкритицизмом своего учителя. Не случайно С.Ф. Ольденбург так писал по этому поводу: «Я хорошо помню, как ошеломляюще действовал его безбрежный скептицизм на наши молодые умы и как невольно рождался протест против этого бесплодного, убивающего творчество отрицания» [Ольденбург, 1918 (1), с. 533].

Трагедия Васильева как выдающегося ученого состояла не столько в том, создал или не создал он свою школу, о чем до сих пор продолжают споры, а в том, что его лучшим работам, созданным еще во время пребывания в Пекине, была уготована судьба стать мертвым бумажным хламом, которым, по свидетельству современников, его прислуга порой топила печь. Нетрудно представить отчаяние и боль ученого по поводу своей беспомощности и одиночества, ставшими возможными из-за невнимания тогдашнего российского общества и государства к интересам востоковедной науки. Нерегулярные и мелкие доходы от газетных и журнальных статей, к написанию которых его толкала потребность в дополнительном заработке (для содержания шестерых детей, в раннем возрасте оставшихся без матери), не сделали его богатым: бедным он пришел в университет, бедным и оставил

⁵⁰ Некоторые считают, что он ее не создал (А.Л. Гальперин, В.Т. Илларионов и др.), другие заявляют обратное. См. гл. «Школа академика В.П. Васильева» в пространной коллективной работе четырех известных наших китаистов, посвященной этому выдающемуся востоковеду [Горбачева и др., 1956, с. 323—327]. Ее авторы причисляют к этой школе и непосредственных учеников Васильева, и «продолжателей его традиции».

его, хотя формально получал значительную пенсию, установленную ему — после долгих бюрократических проволочек и мытарств — в связи с 50-летием его служебной деятельности. Творческое горение поддерживала в Васильеве лишь вера в необходимость и пользу изучения Востока для своего отечества и мировой цивилизации. «Наука, как и все в этом мире, — писал он, — не слагается мгновенно; для нее нужны свои этюды, и гораздо больше, чем в картине какого-нибудь художника... Придет время, и мы, ученые настоящего времени, будем казаться в глазах наших преемников школьниками. Но что нам нужды до этого; разве мы не имеем утешения сказать о себе, что быть ступенью в лестнице науки — значит занимать почетное место в истории человечества» [ЖМНП. 1858, № 11, отд. VI, с. 91]⁵¹.

Одним из наглядных свидетельств весомого вклада Васильева в изучение различных сфер жизни цинского Китая может служить преемственная связь между его трудами и деятельностью российских востоковедов, в том числе китаистов Маньчжурии, объединившихся вокруг созданного в Харбине в 1922 г. Общества изучения Маньчжурского края⁵².

КИТАИСТИКА И МАНЬЧЖУРИСТИКА

Развитию китаеведения в России немало способствовала деятельность кафедры китайского и маньчжурского языков, в 1855 г. переведенной из Казанского университета в Петербургский. Важную роль в пропаганде достоверных сведений о странах и народах Востока играли также различные научные организации и общества, особенно РГО с его местными филиалами, опиравшимися в своей деятельности на работу музеев, появившихся в Омске, Иркутске, Кяхте, Хабаровске и других городах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в.

⁵¹ Из публикаций последних лет проблематика исследований Васильева, а также вопросы издания его работ, в том числе «Пекинского дневника», довольно полно представлены в материалах ежегодно проводимой Отделом Китая ИВ РАН конференции «Общество и государство в Китае». См., например: XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991, с. 3—63, 69—114, 188—198, 208—221.

⁵² Г.Г. Авенариус, один из видных исследователей цехового строя в Китае, писал в 1935 г.: «Русская синология вправе гордиться тем, что В.П. Васильев, начавший свою научную работу 100 лет тому назад, когда в европейской литературе существовали лишь случайные опыты по освещению отдельных сторон жизни китайского государства, охватил весь цикл научных дисциплин, входящих в состав китаеведения, и благодаря своей научной прозорливости предусмотрел то, что мы сейчас видим и делаем на Дальнем Востоке». См.: Г.А. Памяти профессора-синолога Василия Павловича Васильева. — На Дальнем Востоке. [Харбин], 1935, с. 20.

Опираясь на опыт педагогической деятельности в Казани, В.П. Васильев разработал учебную программу преподавания китайского языка и в соответствии с ней подготовил грамматические пособия, словари, хрестоматии (три выпуска с текстом для чтения и перевода с подробными примечаниями). А.И. Иванов в своих воспоминаниях о Васильеве особо отмечал: «Граматики, хрестоматии и пособия, им составленные, долгое время были единственными не только на русском языке, хотя за отсутствием шрифта пособия выходили литографированными»⁵³. Потребностям преподавания обязаны своим появлением многие лингвистические труды Васильева, и прежде всего две большие работы, написанные им в качестве учебных пособий: «Анализ китайских иероглифов» (ч. 1 и 2) и «Графическая система китайских иероглифов». Долгое время ученый занимался поисками наиболее простого и эффективного метода изучения китайского языка. В неопубликованном «Пекинском дневнике» Васильева (запись от августа 1841 г.) мы находим такие замечания по этому поводу: «С некоторого времени меня особенно занимает метода изучения китайского языка. Европейцы хвалятся, что они сделали всё для изучения трудного предмета. Написали грамматики, составили лексиконы, с которыми нельзя перевести ни одной статьи» [ПФ АРАН, ф. 775, оп. 1, ед.хр. 212, л. 82]. В рукописной работе 1850 г. Васильев высказывал уверенность в том, что, несмотря на трудности освоения китайской письменности, «одна правильная метода изучения иероглифов, основанная на постепенном развитии групп, может легко изодрать память, а не обременить ее, как думают» [там же, ед.хр. 32, л. 19].

Во времена Васильева наибольшим предпочтением пользовались словари, построенные по ключевой системе. Они считались более удобными и доступными для учащихся, прошедших курс предварительного знакомства с основами языка. Их преимущество состояло в сравнительно небольшом числе ключей, соответственно которым классифицировались многие тысячи китайских иероглифов⁵⁴. Еще в 1814 г. вышел в свет словарь французского синолога Каллери, в котором было представлено 1040 фонетических черт. Система Каллери являлась, по мнению Васильева, лучшей из существующих, однако и в ней были недостатки. Она даже не была принята его соотечественниками — синологами Г. Потье и С. Жюльеном, сохранившими приверженность ключевой системе.

⁵³ *Иванов А.И.* В.П. Васильев как синолог. Столетие со дня рождения акад. В.П. Васильева. — Известия РАН. Пг., 1918, № 7, с. 565.

⁵⁴ Количество ключей, выделяемых авторами словарей, было различным: от 540 в первом ключевом словаре «Шо-вэнь цзе-цзы», составленном Сюй Шэном в I в., и до 214 в словаре 1633 г. Последняя система сохранилась до настоящего времени.

Еще будучи в Пекине, Васильев приступил к разработке своей графической системы расположения иероглифов в словаре (причем почти одновременно с Каллери и независимо от него). Молодой ученый сгруппировал иероглифы по фонетическому принципу, но сами группы расположил по совершенно новой системе — графической. Чтобы дать представление о подготовленной им работе и получить на ее издание необходимые средства, Васильев в записке, представленной Академии наук, пояснял: «Весь мой труд разделен на две части: система расположения и лексикон. Первая составляет в глазах моих главную цену, лексикон есть уже учебное дополнение» [там же, ед.хр. 197, л. 1]. «Лексикон» был предназначен для студентов, что определило особенности его построения и оформления. Чтение иероглифов отмечалось в соответствии с пекинским произношением и с указанием четырех тонов (по системе: ровное, тяжелое, острое и краткое), что являлось несомненным достоинством словаря. С достаточной полнотой были представлены в нем двухсложные и многосложные сочетания отдельно взятого знака с другими. По своему характеру словарь приближался к учебному пособию, поэтому особого внимания заслуживал приводимый в некоторых словарных статьях семантический анализ иероглифов по составляющим их элементам. Это должно было облегчить учащимся запоминание знаков.

Свою работу Васильев в подзаголовке скромно назвал «Опыт первого китайско-русского словаря, построенного по графической системе». Оригинальный текст из-за неразборчивого почерка автора был переписан его учениками Коржевым и П.С. Поповым. Новаторство работы состояло в том, что система Васильева соединила фонетическую систему с графической. Как считал сам автор, разработанная им система по сравнению с ключевой «дает возможность приискывать слова гораздо скорее, а для тех, которые хотят изучить китайский язык... она есть единственное средство к избежанию сбивчивости и скорому запоминанию всех разнообразных начертаний» [там же, ед.хр. 40, л. 6]. Система Васильева была не только практически удобной, но и научно обоснованной, так как показывала «сконцентрированную картину постепенного разрастания китайской письменности» [Васильев, 1867, с. VIII] и законы ее построения. Сначала она была принята и введена на ФВЯ, затем ее рекомендовали для других учебных заведений, в частности для гимназий востоковедного профиля.

Высокую оценку графической системе Васильева давали многие китаисты⁵⁵. Однако сам автор, понимая значение сделан-

⁵⁵ В соответствии с системой Васильева впоследствии составили свои словари Д.А. Пещуров и О. Розенберг, а в советское время — В.С. Колоколов, И.М. Ошанин, Г.М. Григорьев, Б.Г. Мудров и др. В целях усовершенствования в

ного им открытия, не надеялся, что оно будет иметь большое будущее. 25 ноября 1895 г. он писал Ф.Р. Остен-Сакену: «Для меня гораздо дороже, кроме занятий, моя графическая система. Вот видите ли, по крайней мере 2500 лет изучали свою письменность китайцы, но ныне трудятся над ней и европейцы. А она трудна только потому, что изучают без системы. Впрочем, я не ручаюсь, что она скоро будет принята. Ведь это система придуманная» [ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед.хр. 470, л. 12].

Многолетние занятия китайским языком позволили Васильеву сделать ряд важных наблюдений. Касаясь вопроса о соотношении письменности и разговорной речи, он указывал на большое различие между ними в способах и средствах выражения. В то же время ученый видел тесную историческую связь между письменной речью и устной, считая, что письменная речь, возникнув из разговорной, в свою очередь, влияет на нее. Отдавая должное изучению китайской иероглифической письменности, он подчеркивал ее объединяющую роль по отношению к различным диалектам, поскольку она «служит единственным средоточием всех разнообразных наречий, которые, можно сказать, только в письме и узнают свое общее родство» [ПФ АРАН, ф. 775, оп. 1, ед.хр. 32, л. 10].

Изучение фонетического строя и грамматики китайского языка позволило Васильеву сделать вывод о главном его отличии от других языков. Оно состоит в том, что «в нем как в письменном, так и в разговорном языке каждый слог... есть вместе и слово», однако «не все понятия состоят, и особенно в разговорном языке, из однослога». Поэтому относительно двуслогов Васильев уточнял: «Каждый слог есть корень; сколько слогов, столько и корней в китайском языке» [там же, ед.хр. 43, л. 2].

Глубокое знакомство Васильева с рядом восточных языков позволяло ему заниматься сравнительно-историческими исследованиями. Их результаты отчасти изложены им в статье «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» (1872), где он, в частности, коснулся вопроса о взаимовлиянии и лексических заимствованиях. Однако неразработанность методов сравнительно-исторического анализа в то время не позволила ученому до конца выявить взаимосвязи и взаимовлияния китайского языка и сред-

нее были внесены некоторые изменения (Розенбергом и Колоколовым), однако основной принцип, предложенный Васильевым, остался неизменным. Среди его последователей в отношении графической системы Г.Г. Авенариус называл составителя китайско-русского словаря А.П. Хионина — российского дипломата в Китае, а затем, после Октября 1917 г., преподавателя китайского языка в Харбине (На Дальнем Востоке. [Харбин], 1935, с. 2). В.М. Алексеев высоко ставил графическую систему Васильева за ее «весьма большое значение в воспитании китайцев, к каковому делу она в первую очередь и была предназначена» [Алексеев, 1956, с. 80].

неазиатских для выработки достаточно обоснованных научных выводов.

Исследование и сопоставление языков неизбежно требовало разработки единой системы транскрипции для записи речи другого языка при помощи элементов собственного письменного. С этой целью Васильевым вместе с В.В. Радловым и К.Г. Залеманом была предложена «Общелингвистическая азбука, составленная на основе русских букв»⁵⁶. В записке отмечалась большая помощь, оказанная составителям транскрипционного алфавита известным языковедом И.А. Бодуэном де Куртенэ.

Не менее весом вклад Васильева в изучение маньчжурского языка и связанных с ним проблем, касающихся создания маньчжурской оригинальной и переводной литературы.

Приход к власти в Китае маньчжурской династии Цин надолго определил интерес россиян к маньчжурскому языку. Немалую роль в этом сыграло и то, что их пути к Пекину часто, особенно во второй половине XVII в., пролегали через Маньчжурию. Поэтому российское китаеведение с момента своего зарождения развивалось в тесной связи с маньчжуристикой, благодаря чему изучение китайского (ханьского) языка нередко дополнялось изучением маньчжурского и наоборот.

Во второй половине XIX в. на основе изучения памятников маньчжурской письменности велись исторические, географические и филологические исследования как в России, так и в Западной Европе, особенно в Германии. При этом эффективным инструментом в этих исследованиях служил маньчжурский язык, знание которого помогало и китаистам, и монголистам.

Преподаванием маньчжурского языка в Казанском университете с 1844 г. занимался О.П. Войцеховский, которого после его смерти в 1850 г. сменил Васильев. После перевода в Петербургский университет ряда кафедр восточных языков из Казани он, как уже упоминалось, вновь возглавил кафедру китайской словесности, в ведении которой находилось и преподавание маньчжурского. Поскольку на факультете не было маньчжуриста, Васильеву пришлось читать лекции и по маньчжурскому языку, чем он и занимался в течение 12 лет. Его программа обучения предусматривала лекции по грамматике, чтение маньчжурских оригинальных и переводных текстов. В помощь студентам он составил «Маньчжурскую хрестоматию» (1863) и маньчжурско-русский словарь (1866).

«Маньчжурская хрестоматия», первое в России учебное пособие по маньчжуристике, включала в себя оригинальные маньч-

⁵⁶ Записка о необходимости установления общелингвистической азбуки для фонетической транскрипции текстов. Сост. В. Васильевым, В. Радловым и К. Залеманом. СПб., 1888.

журские тексты — без китайской версии и перевода. Она состояла из отдельных фраз нравоучительного характера, взятых из краткой маньчжурской энциклопедии, а также сборника, содержащего 17 диалогов из «Ста глав» («Таньгу мэйен») и 40 диалогов из «Начального курса маньчжурского языка» («Циньвэн кимэнь»). В хрестоматии, в рубрике «Сношения с Россией», представлены образцы дипломатической переписки, в том числе официальные документы, касающиеся русских посольств. Благодаря такому составу в хрестоматии нашли отражение различные стили маньчжурской письменности.

При чтении хрестоматии и других маньчжурских текстов студенты пользовались «Маньчжурско-русским словарем» Васильева. По словам Б.К. Пашкова, он содержал «наиболее употребительные слова из маньчжурского словарного состава», отличался «точностью значений» [Пашков, 1956, с. 9] и в этом отношении далеко превосходил трехтомный маньчжурско-французский словарь, составленный миссионером Амио⁵⁷, страдавший «крайней неопределенностью значений». Порядок слов в словаре Васильева соответствует русскому алфавиту, но гнездовые слова внутри каждого раздела даны по маньчжурскому алфавиту. В течение многих лет хрестоматия и словарь Васильева оставались единственными пособиями для начинающих заниматься маньчжурским языком.

В 1868 г. к преподаванию этого языка (по инициативе Васильева) был привлечен И.И. Захаров, прошедший сначала десятилетний курс обучения маньчжурскому языку в стенах Пекинской Духовной миссии, а затем длительную языковую практику в период консульской службы в г. Кульдже (Синьцзян).

Иван Ильич Захаров (1814—1885) — уроженец Воронежской губернии. После окончания Петербургской Духовной академии в 1839 г. его отправили в Пекин, где он в качестве светского лица состоял при Российской Духовной миссии. Основательное знакомство с китайским языком и китайскими источниками позволило ему уже тогда подготовить две серьезные статьи: «Историческое обозрение народонаселения Китая» и «Поземельная собственность в Китае»⁵⁸. Комиссия по рассмотрению работ членов Российской Духовной миссии в Пекине (в составе Я.А. Дашкова, Е.Ф. Тимковского, Е.П. Ковалевского и Д.С. Честного) о первой работе Захарова высказалась так: «В политико-экономическом сочинении этом исторически излагается развитие права частных лиц на обладание поземельной собственностью». Вторая работа характеризовалась как «труд добросовестный, но все-таки не выводящий

⁵⁷ *Amyot. Dictionnaire tartare-manchou-français. P., 1789—1790.*

⁵⁸ Обе статьи опубликованы в «Трудах членов Российской Духовной миссии в Пекине» (1852, т. 1; 1853, т. 2).

окончательных результатов касательно подлинного числа жителей Китая» [АВПР, ф. ПГА I-5, 1823, д. 1, п. 61].

Более пространная и научно обоснованная оценка дана статье Захарова «Хошоты в Хухуноре и отношения их к Китаю»⁵⁹. После получения ее из Пекина в 1844 г. она была передана на отзыв Азиатским департаментом Д.С. Честному (архимандриту Аввакуму). «Это сочинение, — пояснял рецензент важность избранного автором сюжета, — само по себе составляет отдельную историю хошотского (калмыцкого) племени, которое издавна поселилось в Хухуноре, было могущественно и страшно для соседей, имело в своем подданстве тангутов (тибетцев) и постоянно беспокоило китайские границы... Все сведения, собранные автором из разных книг китайских и маньчжурских, совершенно новы, потому что отдельно историей монгольских племен доселе никто еще не занимался... Труд г. Захарова свидетельствует об отличном его прилежании, внимательности и основательных сведениях в маньчжурской словесности» [там же, 1840, д. 2, п. 27, л. 11].

Среди других работ Захарова, созданных в пекинский период его жизни, следует упомянуть «Записку о Западном крае Китая, составленную по китайским источникам». Осев в архиве Е.П. Ковалевского, она считалась утраченной ко времени кончины ее автора. В воспоминаниях о своем товарище по пекинской миссии Васильев писал: «Неизвестно, куда девалась его обширная рукопись „Описание западных китайских владений“, над которой он трудился несколько лет своего пребывания в Пекине. В свое время она была представлена Азиатскому департаменту, но осталась не напечатанной»⁶⁰. Судя по всему, речь идет об упомянутой выше «записке», которая начинается с разъяснения китайского термина «Си-юй» («Западный край»). «Название страны именем Западного края, по-китайски „Си-юй“, — пояснял И.И. Захаров, как бы вводя читателя в суть главного предмета своего повествования, — современно началу открытия сношений китайцами во II-ом веке до Р.Х. при Ханьской династии с владельцами земель, лежащих на северо-запад от бывшей в то время столицы Чанъань (ныне губернский город Сиань губ. Шаньси)» [ГПБ, F-IV, 691-а (инв. 5310), л. 1—28]⁶¹.

⁵⁹ Рукопись этой работы, не указанной П.Е. Скачковым в его монографии по истории китаеведения в России, находится в Казани [ЦГА Татарстана, ф. 10, оп. 5, д. 837, л. 117—183].

⁶⁰ *Васильев В.П.* Воспоминание о И.И. Захарове. — ЖМНП. 1885, ноябрь, с. 106.

⁶¹ Текст помещен на обеих сторонах каждого листа, имеющего большие поля для внесения исправлений или дополнений. Хотя на рукописи имеется помета «Палладий, архим(андрит)», авторство Захарова, судя по почерку и другим данным, не вызывает сомнений. См. также [Скачков, 1977, с. 424].

Выполняя обязанности переводчика при Е.П. Ковалевском, прибывшем в Пекин в 1849 г. с новым составом миссионеров, Захаров участвовал в его переговорах с цинскими сановниками [АВПР, ф. ПГА I-5, 1823, д. 1, п. 61, л. 63]. По возвращении на родину его оставили в МИД и в 1851 г. отправили в Кульджу (вместе с Е.П. Ковалевским) для ведения переговоров с цинской стороной. После подписания в июле 1851 г. Кульджинского договора о легализации русской торговли с Синьцзяном (в Кульдже и Чугучаке) Захаров в качестве нового российского консула в Кульдже принимал участие в работе русско-китайской комиссии по разграничению земель, окончившейся подписанием в 1864 г. благоприятного для российской стороны протокола. И.Ф. Бабков, руководитель этой комиссии, в своих воспоминаниях отмечает, что Захаров пользовался тогда «заслуженною известностью... ученого-синолога... превосходно знал китайский, а в особенности маньчжурский и владел ими в совершенстве»⁶².

В пору дипломатической службы в Кульдже Захаров имел возможность познакомиться со многими известными российскими путешественниками, в разное время посещавшими Синьцзян. Среди них — Ч.Ч. Валиханов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Г.Н. Потанин и др., которым он был чрезвычайно полезен своими глубокими познаниями в географии и этнографии цинского Китая. «У консула, — писал Ч.Ч. Валиханов в 1856 г. после встречи с Захаровым, — есть генеральная карта империи, составленная в Пекине. Отделка ее очень чиста. Главные реки окрашены темно-синей краской, второстепенные, впадающие — зеленой, горы рисуются в профиле конусами... Есть у него также атлас Западного края, т.е. Джунгарии, Тарбагатая и Восточного Туркестана» [Валиханов, 1962 (2), с. 69]. В том же, 1856 г. Захаров показывал П.П. Семенову составленную им «при помощи одного из сибирских топографов переводную с китайских карту китайской Джунгарии и Тяньшаня с нанесением на нее всех современных до того времени русских съемок в Балхашском районе» [Семенов, 1948, с. 185]. О встрече с Захаровым в Кульдже писал и Потанин в 1913 г.⁶³

В достоверности информации, которой располагал Захаров, могли убедиться не только российские путешественники, но и авторы составленной в марте 1866 г. записки о восстании дунган в Восточном Туркестане — А.К. Гейнс и К.К. Гутковский. «Предания, рассказанные нам о их (дунган) происхождении, — говорится в этом документе, — весьма близко подходят ко мнению, выра-

⁶² Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875. СПб., 1912, с. 184.

⁶³ Потанин Г.Н. Воспоминания. — Сибирская жизнь. Томск, 17.03.1913 (№ 62).

женному г. Захаровым в его записке о дунганах» [ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед.хр. 441, л. 3].

После возвращения в октябре 1864 г. в Петербург Захаров продолжал служить в Азиатском департаменте МИД. В марте 1866 г. он в связи с сокращением штатов был вынужден уйти в отставку, прослужив 25 лет на дипломатическом поприще. Когда он, находясь на пенсионном содержании, согласился преподавать маньчжурский язык на ФВЯ, все участники заседания Совета Петербургского университета (23 преподавателя), состоявшегося 7 октября 1868 г. [ЖМНП. 1868, № 11, с. 165], единодушно проголосовали за его кандидатуру [ЦГИА, ф. 733, оп. 147, д. 96, л. 212].

К чтению лекций Захаров приступил в январе 1869 г. [ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 5501, л. 234] и отдал этому делу последние 17 лет своей жизни. Студентам I курса он преподавал грамматику по «Циньвэн кимэнь» с собственными замечаниями и комментариями; тексты же для переводов брал из хрестоматии Васильева [Васильев, 1863]. На II курсе студентам предлагались более трудные тексты из той же хрестоматии; кроме того, Захаров особое внимание уделял занятиям по устному переводу с русского языка на маньчжурский. На III и IV курсах студенты читали написанные на маньчжурском языке романы и истории династий, практиковались в переводах дипломатических документов с русского языка на маньчжурский.

Главным вкладом Захарова в отечественное маньчжуроведение явился его «Полный маньчжурско-русский словарь»⁶⁴, над которым он работал с большими перерывами более 20 лет. При его подготовке составитель использовал помимо китайско-маньчжурских словарей многообразные опубликованные и рукописные тексты, учитывая также то, что удалось собрать по маньчжурскому языку Г.М. Розову и В.П. Васильеву. Лексикографический материал он расположил соответственно 12 группам маньчжурского алфавита. Принимая во внимание полноту маньчжурско-русского словаря Захарова, Святейший Синод 21 апреля/9 мая 1876 г. рекомендовал его в качестве пособия тем духовным семинариям, где преподавался маньчжурский язык⁶⁵.

Затем вышла в свет «Грамматика маньчжурского языка» Захарова. Она состояла из введения, образцов маньчжурского письма и правил произношения, наконец, морфологии, главной части

⁶⁴ Васильев, предлагая присудить Захарову за его словарь степень доктора маньчжурской словесности, писал в 1875 г.: «Такого полного словаря нет и в самом Китае, несмотря на то что нынешняя династия так хлопотала по этой части для своего родного языка; самый лучший лексикон, вошедший целиком в труд г. Захарова, расположен по материям; кроме того, г. Захаров соединил в своем труде все другие работы» [ЖМНП. 1875, № 7, Соврем. летопись, с. 113].

⁶⁵ Ярославские епархиальные ведомости, 25.08.1876, с. 269—270.

этого труда. При создании грамматики автор руководствовался практической целью — «научить точно понимать и переводить маньчжурскую речь» [Захаров, 1879, с. VIII]. Придерживаясь порядка и терминологии латинской традиции описания языков, Захаров стремился в восточном материале найти иллюстрации для грамматических категорий, свойственных латинской грамматике. Такой подход к описанию маньчжурского языка объяснялся тогдашним уровнем языкознания, что, однако, не лишало ее бесспорных достоинств. В конце учебника сообщалось о намерении автора издать вторую часть грамматики — синтаксис, однако осуществить этот замысел Захарову не удалось, а рукопись впоследствии исчезла.

Незадолго до появления в свет грамматики Захарова, в 1873 г., в Петербурге была издана «Грамматика маньчжурского языка», составленная учителем монгольского языка Иркутской Духовной семинарии А.М. Орловым (протоиерей). Автор, не зная достаточно хорошо маньчжурский язык, при написании своей работы использовал маньчжурские книги с монгольским подстрочником. Справедливо считая монгольский язык довольно близким маньчжурскому, он попытался истолковать грамматические явления маньчжурского языка с точки зрения известной ему монгольской грамматики. О дальнейшей работе над грамматикой маньчжурского языка Орлов сообщал В.В. Григорьеву в письме от 14 июня 1876 г. Напомнив о своем переводе на книжный монгольский язык краткого православного катехизиса, одобренного еще О.М. Ковалевским и находившегося в университетской типографии «не менее 4-х лет», он сообщал: «Моя грамматика пока напечатана в 2-х курсах. Третий тоже одобрен Св. Синодом к печатанию, но не печатается при типографии Университета потому, что ожидается от меня курс IV»⁶⁶.

После кончины Захарова (1885) должность преподавателя маньчжурского языка на ФВЯ оказалась вакантной. В связи с просьбой В.П. Васильева «освободить его от тяжелого для его лет и отвлекающего от прямых его обязанностей труда по преподаванию маньчжурского языка» (цит. по [Бартольд IX, 180]) было решено поручить эту должность А.О. Ивановскому. Во время его командировки в Китай (1889—1891) обязанности преподавателя маньчжурского языка выполнял монголист А.М. Позднеев. После возвращения в Петербург Ивановский вел этот предмет вплоть до своей вынужденной отставки в 1900 г.

⁶⁶ В том же письме Орлов, в то время законоучитель в Иркутском женском институте, сообщал о своих трудах в области бурятоведения: «Я продолжаю уже не один десяток лет писать грамматику языка бурятского и собираю образцы устной словесности бурятской, как то: пословицы, загадки, песни, сказки, шаманские моления, описания религиозных обрядов, и все это с русским переводом и, быть может, при хрестоматии» [ГПБ, ф. 608, оп. 1, ед.хр. 2508, л. 2].

Из поездок по Северной Маньчжурии и последующего путешествия в Пекин Ивановский привез богатейший материал по языкам солонов и дахуров. Собранная им коллекция образцов маньчжурской литературы, а также языковая практика во время командировки помогли ему стать высококвалифицированным маньчжуристом. В 1893 г. он издал «Маньчжурскую хрестоматию»; ее второе издание появилось в 1895 г. В отличие от хрестоматии Васильева тексты в ней были изданы на маньчжурском и китайском языках и в транскрипции. Хрестоматия содержала оригинальные маньчжурские тексты, включая записанные В.В. Радловым во время посещения пограничных районов цинского Китая. Выдержки из деловых бумаг, классических сочинений, рассказов и частных писем, представленные в хрестоматии, давали широкое представление о многообразии стилей маньчжурской письменности.

Со смертью Васильева (1900) и Ивановского (1903) преподавание маньчжурского языка на ФВЯ прекратилось. Отчасти это объяснялось открытием Восточного института во Владивостоке, однако вскоре этим языком серьезно заинтересовались монголисты В.Л. Котвич и А.Д. Руднев.

Во владивостокском Восточном институте занятия по маньчжурской словесности с 1899 по 1903 г. вел А.М. Позднеев. На 1901/02 академический год ему удалось пригласить на должность преподавателя маньчжурского языка 56-летнего дахура Юншэна, который до чтения лекций в институте в течение 16 лет выполнял обязанности военачальника (селина) в г. Мэргэнь. Юншэн, по словам Позднеева, помимо того что прекрасно владел родными для него монгольским и маньчжурским языками, слыл большим знатоком быта Северной Маньчжурии [ИВИ, т. III, Приложение, с. 55].

Позднеев преподавал маньчжурский язык, руководствуясь хрестоматией Васильева. Однако в отличие от программы Петербургского университета, где усвоению хрестоматийного материала отводилось четыре года, в Восточном институте это занимало полтора года. Потребность в других пособиях по маньчжурскому языку побудила руководителя института уже в 1901/02 г. приступить к «составлению новой маньчжурской хрестоматии, которая, с одной стороны, представляла бы образцы языка и слога всех разделов маньчжурской литературы, а с другой — имела бы преимущественно практическое значение» [там же]. Такой хрестоматией стало пособие Позднеева под названием «Опыт собрания образцов маньчжурской литературы».

Еще в начале 1902/03 учебного года Позднеев из-за огромной преподавательской нагрузки обратился к Конференции Восточного института, выполнявшей функции Ученого совета, с просьбой

привлечь к преподаванию маньчжурского языка А.В. Рудакова. В результате в программы III и IV курсов были включены лекции Рудакова «Об административном устройстве Маньчжурии с очерком ее экономического быта» [там же, с. 168].

В 1903 г. в связи с переводом Позднеева в Петербург лекции по маньчжурской словесности стал читать П.П. Шмидт. Он уделял особое внимание тунгусо-маньчжурской языковой группе и месту в ней маньчжурского языка. Его интересовала также проблема китайских заимствований в маньчжурском языке. Среди работ Шмидта заметно выделяется по своей значимости «Учебник маньчжурского языка», содержащий китайские и маньчжурские тексты. В них представлены диалоги, а в заключительном разделе — выдержки из рассказов Ляо Чжая. Из других его работ заслуживает упоминания «Монголо-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе».

Из студентов-маньчжуристов наибольшие надежды подавал А.В. Гребенщиков. Он родился в Казани (в семье мещан, впоследствии служащих), где получил начальное и среднее образование. В 1901 г. его, тогда студента Константиновского Межевого института в Москве, задержала полиция за участие в студенческой демонстрации на Манежной площади. Это вынудило молодого Гребенщикова уехать во Владивосток, где его приняли в Восточный институт [АРАН, ф. 409, оп. 7, д. 88, л. 1]⁶⁷. После учебы в институте (1902—1907) [там же] он штудирует важнейшие труды по языкознанию, интересуясь главным образом фонетическими особенностями живого языка. Отчасти с этой целью Гребенщиков весной 1908 г. посещает северо-восточную часть Маньчжурии, а в октябре того же года отправляется в Пекин для ознакомления с китайской системой преподавания маньчжурского языка и собирания возможно полной коллекции образцов маньчжурской письменности. Результатом поездки явились две публикации: «Очерк изучения маньчжурского языка в Китае» (1913) и «Краткий очерк образцов маньчжурской литературы» (1909). Одновременно молодой ученый готовил магистерскую диссертацию на тему «Обозрение литературного памятника шаманства на маньчжурском языке». В 1911 г. должность профессора маньчжурского языка стала вакантной и он приступил к чтению лекций по маньчжурской словесности, составив программу преподавания на 1911/12 учебный год⁶⁸.

⁶⁷ Дополнительные биографические сведения о Гребенщикове см. [Пан, 1991].

⁶⁸ Гребенщиков А.В. Программа преподавания в Восточном Институте по предметам маньчжурской словесности, административного устройства Маньчжурии и торгово-промышленной деятельности и быта Маньчжурии. Владивосток, 1912.

С учетом постепенного исчезновения этого языка в собственно Китае под влиянием ассимиляции маньчжуров и вытеснения его даже из Маньчжурии — домена маньчжурской династии Цин, ставшего объектом активной китайской колонизации уже в конце XIX в.⁶⁹, Гребенщиков выступил с идеей создания в Восточном институте кабинета экспериментальной фонетики. Круг его занятий он определял следующим образом: «Зафиксировать маньчжурскую речь, разностороннее и в наибольшей мере (в смысле получения сырых материалов) использовать интереснейшие данные этого языка теперь, когда он оттесняется уверенным наступлением китайского языка, исследовать, пользуясь приборами, возможно большее число представителей живой речи...» [ИВИ, т. XIII, Прил. 2, с. 19].

Среди основополагающих трудов Гребенщикова особое место занимает его работа «Маньчжуры, их язык и письменность». На основе изучения исторических данных и народных легенд в ней рассматривается проблема происхождения маньчжур, устанавливается родственная связь чжурчжэньского и маньчжурского языков, излагается история маньчжурского алфавита и письменности.

Как видно из изложенного выше, представители отечественного востоковедения в Петербурге и Владивостоке сделали немало для глубокого и всестороннего изучения материальной и духовной культуры маньчжурского народа. Как справедливо отмечал Б.К. Пашков, для них было характерно преимущественное внимание к маньчжурским источникам. Другой чертой отечественного маньчжуроведения было «обязательное изучение маньчжурского языка совместно с китайским (а также и с монгольским)» [Пашков, 1956, с. 5—6].

Благодаря неустанной деятельности российских ученых были собраны ценнейшие материалы по истории маньчжурской письменности и литературы, сделаны первые русские переводы важнейших письменных памятников. В отличие от западноевропейских ученых, занимавшихся почти исключительно филологическими исследованиями, они проявили глубокий интерес к истории и культуре коренного населения Маньчжурии, его социально-экономическому положению и быту. При этом серьезное внимание уделялось составлению маньчжурско-русских и маньчжурско-китайско-русских словарей, а также изучению общих проблем тунгусо-маньчжурских языков.

Прочный фундамент для успешного развития отечественного маньчжуроведения, как и китаеведения, был заложен еще во вто-

⁶⁹ Подробнее см.: Патрушева М.А., Сузачева Г.А. Экономическое развитие Маньчжурии (вторая половина XIX — первая треть XX в.). М., 1985, с. 117—129.

рой половине XVIII в. трудами бывших членов Российской Духовной миссии в Пекине: И.К. Россохина, А.Л. Леонтьева, А.С. Агафонова и А.Г. Владыкина [Скачков, 1977, с. 44—52, 66—83; ИОВ 1, с. 75—81, 84—90, 92—93]. Это позволило новому поколению исследователей добиться серьезных результатов в изучении языка и истории маньчжурского народа, внесшего весомый вклад в формирование и развитие материальных и духовных основ дальневосточной цивилизации. О богатстве книжных и рукописных фондов по маньчжуроведению, созданных в XIX в. усилиями П.И. Каменского, В.П. Васильева, А.М. Позднеева и других ученых, позволяют судить изданные в последние два-три десятилетия каталоги маньчжурских ксилографов и рукописей ИВ и ГПБ [Волкова, 1965 и 1988; Яхонтов, 1991]. Что касается аналогичных фондов по китаеведению, продолжающих и донныне служить надежной базой для различных научных исследований, то об их исключительной ценности свидетельствуют тщательно аннотированные каталоги рукописных книг и карт из собрания известного китаиста К.А. Скачкова (1821—1883), о котором высоко отзывались В.П. Васильев и П. Пеллио, и коллекции ГПБ [Мелнакснис, 1974; Яхонтов, 1993]. Указанные каталоги являют собой лишь начало огромной работы по выявлению и научному описанию книг и рукописей на маньчжурском и китайском языках, которая предстоит ветеранам и молодым исследователям в ближайшем будущем.

КОРЕЕВЕДЕНИЕ И ЯПОНОВЕДЕНИЕ

Становление корееведения в России в значительной мере определялось историей ее взаимоотношений с Кореей. До установления официальных контактов в 1883 г. этот процесс характеризовался постепенным накоплением различных сведений о Корее: переводами книг и статей западных авторов (в том числе написанных путешественниками), появлением первых научных работ российских ученых, содержащих ценные данные об этой стране, и, наконец, изданием первого в России русско-корейского словаря М.П. Пуцилло.

Уже в известном рукописном труде российского дипломата И. Милеску (Спафария), ездившего с посольством в Пекин в 1676 г., имеется небольшая глава, где приводятся краткие, но достоверные сведения о Корее [Спафарий, 1960].

Важные сообщения касательно географии и истории Кореи, извлеченные из китайских династийных историй, содержатся в последнем капитальном труде Н.Я. Бичурина [Бичурин, 1851]. В 1852 г. появилась большая статья В.В. Горского «Начало и пер-

вые дела Маньчжурского дома», где, в частности, описаны два похода маньчжур в Корею (в 1627 и 1636 гг.), закончившихся признанием Кореей своей зависимости от маньчжурского двора (см. [Скачков, 1977, с. 152]). В работах П.И. Кафарова, как опубликованных, так и оставшихся в рукописном виде [Кафаров (сб. ст.), 1979], тоже имеются ценные сведения о Корее.

После подписания русско-китайского договора 1860 г. Россия и Корея стали сопредельными государствами. Это сделало возможными не только взаимные контакты жителей пограничных зон, но и стихийную эмиграцию корейцев на русскую территорию, особенно после 1864 г. — в годы недорода и других стихийных бедствий. Со временем на территории Приморья возникли поселения корейских эмигрантов, общение с которыми потребовало изучения на первых порах устного корейского языка. На это указывал, в частности, чиновник особых поручений при Приморском областном правлении Михаил Павлович Пуцилло, занимавшийся устройством пришедших корейцев. Приступив к изучению корейского языка, он решил составить русско-корейский словарь, думая о «важности будущих сношений с пока еще замкнутою Кореею» [Пуцилло, 1874, с. III]. С помощью корейцев-эмигрантов (тех, что были грамотны, но недостаточно хорошо знали литературный язык) Пуцилло подготовил к печати «Опыт корейско-русского словаря», насчитывавшего около 5,5 тыс. слов. «Предлагаемый материал, — писал он, — есть первая попытка положить основание к изучению совершенно незнакомого языка» [там же, с. X]. В составлении словаря ему помогали советами Кафаров и крещеный кореец Н.М. Лян⁷⁰.

Позднее был опубликован другой русско-корейский словарь [Тайшин, 1898]. Он содержал около 2,5 тыс. слов и во многом уступал словарю Пуцилло. В нем, например, отсутствовали какие-либо указания относительно цели и принципов составления словаря. В отличие от труда Пуцилло в этом пособии не было ни одного корейского знака (не говоря уже об иероглифах), а транскрипция корейских слов выглядела весьма несовершенной.

В начале XX в. в России появилось еще несколько небольших русско-корейских словарей и кратких грамматических пособий (см. [Концевич, 1958]).

⁷⁰ На важное научно-практическое значение этого словаря при подготовке его к печати указывал в письме генерал-губернатору от 10 декабря 1871 г. в Иркутск тогдашний директор Азиатского департамента МИД Ф.Р. Остен-Сакен, который, в частности, отмечал: «Не подлежит сомнению, что издание подобного словаря было бы крайне желательным и полезно как для административных, миссионерских и торговых целей, так отчасти и для науки» [АВПР, ф. ПГА II-11, оп. 51, 1871, д. 1, л. 3].

Серьезный вклад в изучение Кореи внес П.А. Дмитриевский, который долгие годы находился на дипломатической службе в Китае, а затем в Корее.

Павел Андреевич Дмитриевский родился 4 ноября 1851 г. в семье сельского дьячка. После обучения в Вологодской Духовной семинарии он в 1871 г. поступил в Петербургский университет на ФВЯ, который успешно окончил в 1875 г. со степенью кандидата по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду. Уже в студенческие годы обнаружили его способности к изучению восточных языков. Об этом говорит, например, то, что его познания в китайском, маньчжурском, японском и калмыцком языках удостоились на выпускных экзаменах высшей оценки.

Начав службу во внешнеполитическом ведомстве в качестве студента-стажера при дипломатической миссии в Пекине, он в 1882 г. возглавил вновь созданное консульство в Ханькоу, а в 1889 г. его назначили консулом в Тяньцзине. Там, по словам российского посланника А.М. Кумани, остановившего свой выбор на Дмитриевском, был особенно «нужен человек, интересующийся общими вопросами, уживчивый, общительный, а главное чуткий и зорко наблюдательный, который не ждал бы на всякую мелочь казенных предписаний» [АВ, ф. 14, оп. 2, ед.хр. 127, л. 4; ед.хр. 116, л. 6]. Как дипломат и знаток Китая, Дмитриевский пользовался уважением среди сослуживцев, которые часто обращались к нему за советом. После отъезда в отпуск из Сеула посланника К.И. Вебера российское представительство при корейском короле возглавил Дмитриевский, который управлял миссией до 1893 г. В 1896 г. его назначили генеральным консулом в Шанхае, откуда после тяжелой операции он со своей семьей в октябре 1898 г. выехал на родину на пароходе, следовавшем в Порт-Саид [ЦГАОР, ф. 918, оп. 1, ед.хр. 2, 3].

В 1884 г. вышел в свет труд Дмитриевского «Записки переводчика...». В его основу легла работа Отано Кигоро, материалом для которой послужили письменные китайские и японские источники, а также рассказы корейских чиновников, с которыми ему приходилось встречаться. Собранные этим японцем различные сведения о корейском государстве и корейцах (в том числе из корейского законодательного памятника XVIII в. «Общий свод великого Уложения») были, по словам Дмитриевского, «довольно подробны и точны», что доказывалось другими книгами о Корее [Дмитриевский, 1884, с. VI]. Свой перевод на русский язык Дмитриевский снабдил подробнейшим научно обоснованным комментарием, втрое превышавшим по объему текст оригинала. Этот труд оказался полезным и нужным не только ученым, но и сослуживцам Дмитриевского — дипломатам. Об этом российский консул в Тяньцзине И.В. Падерин 13 июня 1887 г. писал автору книги:

«Хотя Вы и говорите, что Вы не хотели, чтоб эта книга была отпечатана в таком виде, в каком она напечатана, но В.П. Васильев так расхваливал этот Ваш труд, что о достоинстве не может быть и другой речи. Я, впрочем, немного знаком с Вашешю книгою. Еще в прошлом году я выписал ее из Географического об-ва и пользовался ею не раз для справок, при переводах для миссии в Пекине некоторых бумаг, касающихся Кореи» [АВ, ф. 14, оп. 2, ед.хр. 171, л. 35—36].

Одновременно с подготовкой к печати записок Отано Кигоро Дмитревский работал над переводом китайского сочинения «Чаосьянь-чжи» («Описание Кореи»), вошедшего в сборник «И-хай чжу-чэнь». Этот перевод вышел в свет в 1883 г. под названием «Географическое описание Кореи». Здесь помимо географических данных представлены разнообразные сведения по истории, этнографии и культуре Кореи. Об этом труде Дмитревского говорилось, что он на многие годы останется ценным и что «будущий исследователь Кореи непременно должен будет взять книгу г. Дмитревского с целью объяснить себе ее прошлое» [Отчет РГО за 1885 г., с. 20]. РГО присудило большую золотую медаль переводчику, который с 1886 г. стал членом этого общества⁷¹.

Подобно И.И. Захарову и К.И. Веберу⁷², Дмитревский серьезно занимался картографией. Об этом он сообщал главе Азиатского департамента И.А. Зиновьеву в письмах от 5 апреля 1883 г. и от 20 ноября 1884 г. (оба из Ханькоу). Во втором письме Дмитревский уведомлял адресата об отправке в Азиатский департамент своей карты Кореи и перечислял источники, которыми он пользовался для ее составления [АВПР, ф. ПГА II—11, 1883—1884, д. 1, л. 3—4, 6].

После смерти Дмитревского в Сеуле в июне 1899 г. [АВПР, ф. Японский стол, оп. 493 (1899), д. 52, л. 8] осталась большая коллекция книг на русском, западных и восточных языках. О покупке многотомных трудов по истории и философии Китая есть, например, подробные сведения в его письме, посланном в начале 90-х годов из Ханькоу в Пекин генконсулу П.С. Попову [ГБЛ, ф. 218, картон 763, ед.хр. 8, л. 8]. На необходимость приобретения особо ценной части коллекции Дмитревского указывал, например, Д.М. Позднеев в письме от 6/18 ноября 1899 г. своему брату —

⁷¹ В списке членов РГО от 30 сентября 1892 г. значится: «Дмитревский Павел Андреевич» [ЦГАОР, ф. 918, оп. 1, ед.хр. 4, л. 2]. Это один из немногих случаев правильного написания фамилии видного дипломата и ученого-корееведа.

⁷² Видный российский дипломат Карл Иванович Вебер (1841—?) немало сделал для изучения дальневосточной картографии и корейского языка. Так, в письме от 20 марта 1884 г. из Тяньцзиня он сообщил Дмитревскому о своих научных занятиях: «Я с утра до позднего вечера занимаюсь своими картами и дорожкою каждую секунду, оставляя все остальное, не относящееся до Кореи, в стороне» [АВ, ф. 14, оп. 2, ед.хр. 64, л. 20]. О нем см. также [ПДВ. 1993, № 6, с. 142—146].

в то время директору Восточного института во Владивостоке: «Ведь такой коллекции книг, напр., по Корее, как мне приходится слышать, нет во всем свете и даже в лучших библиотеках самой Кореи. Да и китайская его библиотека не из плохих» [ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед.хр. 112, л. 300]. Судя по всему, бóльшая часть книг и китайских газет была приобретена владивостокским Восточным институтом [ЦГАДВ, ф. 702, оп. 3, д. 231], а меньшая осела в других учебных и научных заведениях.

Новый период в развитии корееведения в России (1884—1909) характеризовался, с одной стороны, «открытием» Кореи (заключением в 1884 г. русско-корейского торгового договора о морской торговле и в 1888 г. — о сухопутной), а с другой — возрастанием интереса к этой стране, чему способствовали поездки туда русских коммерсантов, дипломатов и миссионеров, а также военных и путешественников с ознакомительной целью. Кроме того, были предприняты меры по организации преподавания корейского языка на ФВЯ Петербургского университета и кафедры корееведения в Восточном институте во Владивостоке.

Среди наиболее значимых общих работ по Корее, опубликованных в этот период, следует назвать книгу М.А. Поджио, состоявшего в течение нескольких лет на дипломатической службе в Китае.

Михаил Александрович Поджио родился 2 марта 1850 г. в семье предводителя дворянства Торопецкого уезда Псковской губернии [АВПР, ф. ДЛСХД, 1-й стол исполнит. отд-ния, 1873, оп. 749/1, д. 151]. Службу во внешнеполитическом ведомстве он начал в качестве студента-стажера Российской дипломатической миссии в Пекине. В 1878 г. ему поручили сопровождать в поездке по странам Западной Европы цинского сановника Чун Хоу, уполномоченного по приезде в Россию вести переговоры относительно возвращения Китаю Кульджинского края, временно занятого в 1871 г. русскими войсками в связи с восстаниями коренного населения Синьцзяна против цинского режима.

В ходе поисков обширного материала для своей книги Поджио, судя по его словам, «воспользовался всеми доступными ему сочинениями, статьями и корреспонденциями, появившимися за последние тридцать лет главным образом в иностранной литературе». Помогали ему и корейцы, многих из которых он знал лично. Как считал сам автор, его работа служила дополнением к трудам Дмитревского. В его книге дан широкий очерк истории, политики, экономики, этнографии и культуры корейского народа, что потребовало от автора не только большого труда, но и взвешенной оценки всего прочитанного.

Крупнейшим событием научной жизни России стало издание «Описания Кореи». В подготовке этого фундаментального трех-

томника приняли участие Д.М. Позднеев, В.Л. Котвич, Е.Г. Спальвин и Н.В. Кюннер. «В настоящем труде, — отмечали они, — имелось в виду представить полный свод имеющихся о Корее сведений и этим дать возможность лицам, интересующимся этой страной, ознакомиться с ними без большой затраты труда и времени. В этих видах... все данные были внесены по возможности в буквальных выписках из источников» [Описание Кореи, 1900, с. 9]. Судя по материалам книги, эта первая попытка суммировать и классифицировать все то, что было написано о Корее, вполне удалась⁷³.

Важный вклад в распространение достоверных сведений о Корее внес посетивший эту страну в 1897 г. (после Китая) журналист «Нового времени» С.Н. Сыромятников, опубликовавший серию ценных статей под псевдонимом «Сигма» (см. [Хохлов, 1994 (1)]).

Таким образом, во второй половине XIX в., еще до официального введения обязательного преподавания корейского языка в России, были созданы условия для дальнейшего развития корееведения, хотя профессиональных знатоков корейского языка (со специальным университетским образованием) в России еще не было. Не было и востоковедов, способных заняться специальным изучением истории и культуры Кореи по корейским оригинальным источникам.

Первые два десятилетия XX в. ознаменовались появлением в России ряда важных работ по корееведению. Среди них — «Национальное самосознание корейцев» П. Россова и «Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен» Н.В. Кюннера [ИВИ. 1912, т. XLI—XLIII]. Работа Кюннера, по словам автора, написана на большом материале первоисточников, главным образом японских [ИВИ, т. XLI, с. 1], поэтому до сего времени высоко оценивается специалистами.

На фоне публикаций корееведов особенно заметны бесспорные достоинства и некоторые недостатки книги В. Серошевского «Корея», выдержавшей три издания. Помимо ссылок на труды Дмитревского, Поджио, на «Описание Кореи» в ней содержится дополнительная информация об этой стране. Подобно Н.Г. Гарину-Михайловскому, посетившему Корею в 1898 г. и записавшему более ста корейских сказок, Серошевский уделил большое внимание корейскому фольклору. Включив в свое повествование легенды и исторические предания, записанные со слов корейцев, автор

⁷³ Положительной рецензией на этот труд откликнулась, например, газета «Новый край» (Порт-Артур. 1900, № 36, с. 5). Кроме того, через 60 лет после выхода этой книги в свет Институт народов Азии АН СССР предпринял ее переиздание, правда со значительными сокращениями [Описание Кореи, 1960].

правдиво показал различные стороны жизни корейского народа. Однако его книга не лишена недостатков. В частности, неверен взгляд автора на характер корейской культуры: он совершенно игнорирует ее самобытность, во всем усматривая заимствования из культур соседних стран — Китая либо Японии.

Одним из свидетельств настойчивых усилий востоковедов разных специальностей в период до 1917 г. может служить создание фонда рукописей, ксилографов и старопечатных книг Азиатского музея, находящегося ныне в ПФ ИВ РАН. Его корейский отдел, насчитывающий более 230 названий, состоит из: 1) коллекции Азиатского департамента МИД, поступившей в Азиатский музей в числе других коллекций в 1864 г.; 2) коллекции П.А. Дмитриевского, приобретенной Азиатским музеем в 1907 г.; 3) коллекции В.Дж. Астона, приобретенной Комитетом Дальнего Востока и затем переданной Азиатскому музею; 4) отдельных поступлений от разных лиц и учреждений. Вместе с опубликованными работами этот значительный оригинальный материал дает довольно целостное представление об истории и духовной культуре корейского народа. В разработке этих материалов — залог будущих успехов отечественного корееведения.

Как и корееведение, японоведение получило стимул к своему развитию с установлением официальных отношений России с Японией. У ее истоков стоял Иосиф Антонович Гошкевич (1814—1875), которому удалось органично соединить свою китаеведческую подготовку с опытом практической работы в Японии для ведения лексикографических и филологических исследований в области японоведения.

26 января 1855 г. Е.В. Путятин подписал в Симода русско-японский трактат. За ним последовали торговые договоры 1857 и 1858 гг. Переговоры Путятина с японскими властями, путевые заметки И.А. Гончарова и протоиерея Василия Махова о своем пребывании в Японии были с интересом восприняты российской общественностью. В январе 1858 г. в Хакодате открылось первое российское консульство; его возглавил И.А. Гошкевич. За семь лет консульской службы он собрал богатую коллекцию японских рукописей и книг (главным образом ксилографов), посвященных различным проблемам японского языка, классической литературы и истории, а также китайской философии, представленной в японских изданиях⁷⁴. После возвращения в Россию Гошкевич написал ряд статей. Одна из них («О корнях японского языка») была напечатана в Вильно лишь в 1899 г.

⁷⁴ В феврале 1910 г. Азиатский музей приобрел у наследников Гошкевича его библиотеку, насчитывающую более тысячи томов, а также 47 листов «японских географических карт с неизвестными названиями» [АВ, ф. 152, оп. 1/а, Азиатский музей, ед.хр. 51, л. 22—24].

С помощью и при участии Татибана Косай⁷⁵ Гошкевич составил и в 1857 г. издал первый в истории большой японско-русский словарь, которому суждено было стать основным пособием для нескольких поколений русских японоведов. Русский текст словаря (423 с.) набран типографским способом, а японский (катакана и иероглифы) — из-за отсутствия шрифтов — написан от руки и затем литографирован. Открывается словарь кратким введением, где дается общая характеристика японского языка. В 1858 г. Гошкевичу за этот словарь была присуждена Демидовская премия.

С ростом интереса к Японии в российской печати появляются путевые заметки российских и западных авторов, бывавших в Японии. Вниманием отечественной прессы пользуются факты не только современного состояния русско-японских отношений и мировой политики⁷⁶, но и исторического прошлого, связанного с контактами россиян с японцами. Так, газета «Голос» (1880, № 148) опубликовала сообщение о первой русской экспедиции в Японию, а «Сибирский вестник» (1887, № 93) сообщил о четырех японцах, совершивших путешествие по России (со ссылкой на «Екатеринбургскую неделю»). Широким интересом у читательских кругов России, особенно сибиряков, пользовались известия об укладе японской жизни и положении женщины в Японии⁷⁷.

На этом фоне растущего интереса к Японии заметно выделяются публикации японистов. Среди них серьезного внимания заслуживает «Очерк истории Японии», вышедший в свет в 1888 г. Его написал по японским источникам тогдашний российский консул в Нагасаки Василий Яковлевич Костылев (1848—1918), окончивший Петербургский университет в 1874 г.⁷⁸ «Очерк» начинает

⁷⁵ С участниками экспедиции Е.В. Путятин в Россию в 1855 г. прибыл уроженец провинции Тотоми (совр. префектура Сидзуока) Татибана Косай (Кумадзо, 1820—1885). После принятия православной веры в январе 1858 г. он получил имя Владимир Иосифович Яматов (фамилия взята им по древнему названию Японии — Ямато) [АВПР, ф. ПГА IV—1, 1858, д. 8, л. 2]. В течение ряда лет он совмещал службу в Азиатском департаменте с преподавательской деятельностью. В 1874 г. Яматов выехал на родину, где принял новое имя — Масуда Косай. По указу от 7/19 мая 1874 г. он ежегодно получал от российского правительства пенсию в размере 300 руб. [АВПР, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 507, л. 1—2]. Яматов умер в Токио 19/31 мая 1885 г. Из написанных им работ (на русском языке) до нас дошла одна рукопись, посвященная распространению христианства в Японии.

⁷⁶ Примером может служить сообщение о пребывании в Европе японской миссии, возглавляемой Ито Хиробуми. См.: Восточное обозрение. 1883, № 17, с. 3.

⁷⁷ См., например: Внешние черты японской жизни. — Восточное обозрение. 1890, № 5, с. 7—8; Японка Анри Дариэля. — Енисей. Красноярск, 1896, № 131, с. 2—3; Черевкова А.А. Из воспоминаний о Японии. — Исторический вестник. СПб., 1893, № 1, 2, 7, 8.

⁷⁸ С 1 августа 1874 г. Костылев был причислен к генеральному консульству в Японии в качестве студента миссии и в октябре того же года должен был отправиться туда через Монголию и Китай по маршруту Петербург — Кяхта — Пе-

ся изложением концепции заселения Японских островов пришельцами с юга Кореи. Последующая история доводится автором до 1869 г., причем главные события располагаются им соответственно порядку царствования императоров и правления сёгунов. «Солидность» очеркам придают переводы исторических сочинений. Так, кодекс Токугава Иэясу (1616), переведенный с оригинала (по «Кинрэйко»), включен в книгу полностью. В то же время отсутствие ссылок на использованные документы и источники в тех случаях, где это необходимо, снижает достоинства данной работы. Не случайно Д.М. Позднеев в письме к В.В. Попову от 7 ноября 1909 г. указывал: «Старая школа ученых почти никогда не считала нужным указывать цитаты подлинника, и последним из таких произведений у нас является история Японии Костылева. Да и в западной литературе ни Папино, ни Мёрдок, а зачастую и Чемберлен не указывают нам своих первоисточников» [ГПБ, ф. 590]. О внимании Костылева к японским историческим памятникам свидетельствует, например, его черновой (к сожалению, не завершённый) перевод «Записей о делах древности» (Кодзики) — японского сборника мифов, архаичного фольклора и исторических преданий, составленного в 712 г.

Серьезный импульс растущему интересу российской общественности к Японии был дан ее военными успехами в период войны с цинским Китаем (1894—1895). Свидетельством тому может служить, например, выход в свет в указанные годы двух книг, написанных К. Военским — секретарем Российской дипломатической миссии в Токио с 1882 по 1885 г. [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 704, л. 1]. Первая из них называлась «Страна восходящего солнца и ее прошлое» (СПб., 1894). Кроме того, в 1896 г. в Петербурге была издана книга «Китай и Япония в их поэзии».

Драматические события первой русской революции в России (1905—1907) и заключение мирного договора в Портсмуте с Японией не замедлили сказаться на политике российского правительства. Путем уступок ему удалось не только склонить руководство соседней страны к восстановлению нормальных дипломатических отношений, но и расположить его к взаимному диалогу. Постепенное сближение позиций обеих стран в вопросе о Маньчжурии в конечном счете привело к соглашению о взаимном разграничении сфер интересов в этом регионе, что создало условия для возобновления регулярных контактов двух соседних государств в области политики, экономики и культуры. Определенную лепту в налаживание культурных связей внесло созданное в марте 1912 г. японо-русское общество, которое поставило своей целью «поощ-

кин — Тяньцзинь и далее морем в Иокогаму [АВПР, ф. ПГА IV-2, 1874, д. 3, л. 1—2].

рение взаимного научного и практического изучения России и Японии и содействие сближению и дружбе обоих народов» [АВПР, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 646, л. 33]⁷⁹.

Заметное улучшение отношений между двумя странами на официальном уровне позволило им наладить контакты не только путем обмена туристами и бизнесменами, но и в области культурных связей. Так, 9 и 10 июня 1912 г. впервые на японской сцене, в Токио и Иокогаме, выступил прославленный русский хор под руководством М.Д. Агреновой-Славянской [АВПР, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 425, л. 94, 80]⁸⁰.

Показателем улучшения русско-японских отношений стали экспедиционные поездки россиян в Японию. В 1912 г. сотрудник этнографического отдела Русского музея В.Н. Васильев посетил о. Хоккайдо с целью сбора материалов об айнах. Результаты этой поездки были опубликованы им в 1914 г. в «Кратком отчете о поездке к айнам островов Иезо и Сахалина» [там же, д. 426, л. 8—13]. В 1914—1915 гг. в Токийском училище для слепых обучался В.Я. Ерошенко — воспитанник приюта Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых (впоследствии известный писатель) [там же, д. 427, л. 60—61, 51]⁸¹.

Изменение политического климата во взаимоотношениях двух соседних стран позволило улучшить подготовку японистов путем отправки их в Японию на стажировку. В их числе оказалась и первая в России японистка, ученица Д.М. Позднеева — З.Н. Попова [ЦГИА, ф. 748, оп. 1, ед.хр. 1, л. 28—29].

На фоне наметившегося сближения России и Японии особенно рельефно выглядит деятельность Д.М. Позднеева, добившегося серьезных успехов в области японоведения в годы его пребывания

⁷⁹ Касаясь перемен, происходящих в русско-японских отношениях, газета «Цюгай сиогио» в связи с предстоящим визитом кн. Кацуры в Россию писала: «После русско-японской войны между обоими государствами возникло много затруднительных вопросов, и одно время даже ходили слухи о реванше со стороны России. Казалось, что тучи на Дальнем Востоке гущаются, но правительства обеих стран сумели их рассеять. В результате в 1907 г. состоялось между Японией и Россией первое соглашение, а в 1910 г. — второе, окончательно изменившее японо-русские отношения и положившее начало тем тесным дружественным связям, каких никогда не существовало ранее между Японией и Россией... Сближение с Россией доставляет японцам громадную пользу как в отношении внешней политики, так и отчасти в отношении финансов. В интересах Японии продолжать поддерживать с Россией самые лучшие дружественные отношения» [там же, д. 425, л. 47—48; ф. Японский стол, оп. 493, д. 919, л. 204].

⁸⁰ В одной из книг, посвященных истории русского хорового искусства, поездка в Японию с хором М.Д. Агреновой-Славянской (дочери Д.А. Агренева-Славянского) неправильно датируется 1913 г. См.: *Локшин Д.* Замечательные русские хоры и их дирижеры. М., 1963, с. 70.

⁸¹ Подробнее о В.Я. Ерошенко см.: Незрячие деятели науки и культуры. Т. 1. М., 1971, с. 113—120.

в Иокогаме (1906—1910). В этот период он написал несколько учебных пособий, составил японо-русский иероглифический словарь и осуществил перевод важных материалов по истории русско-японских отношений. 1 апреля 1906 г. он поступил в школу японского языка для иностранцев в Токио, а через три месяца сдал экзамены за II курс. Еще через год он окончил полный двухлетний курс, что позволило ему самостоятельно заниматься научными изысканиями. 12/24 ноября 1906 г. Позднеев писал Н.М. Чичагову: «Оставив службу в Восточном институте, я проживаю ныне в Токио для выполнения задуманных мною научных работ по вопросам изучения языка и истории Японии... Я изучаю дело преподавания японского языка иностранцам как теоретически, путем исследования имеющихся для сего пособий, так и практически, работая в „Школе японского языка для иностранцев“, основанной в Токио бывшим преподавателем Высшей нормальной школы японцем Мацуда Исао. В результате этих работ у меня явилась составленная мною статья „Программа начального изучения японского языка“» [ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед.хр. 116, л. 133].

Изучение японского языка настолько захватило Позднеева, что в одном из писем он высказывал сожаление по поводу того, что не встал на этот путь десятью годами раньше [там же, ед.хр. 115, л. 88]. Увлечшись японским языком словно первую любовью и работая над совершенствованием своих познаний столь усердно и вдохновенно, как никогда ранее со времени окончания университета, ученый неотступно думал над тем, как «надлежит русским изучать японский язык» [там же, ед.хр. 116, л. 133]. С этой целью он составил разнообразные учебные пособия; среди них: «Токухон, или Книга для чтения и практических упражнений в японском языке» (Ч. 1—2. Токио—Иокогама, 1907—1908), «Японская историческая хрестоматия» (Токио, 1906).

В 1908 г. вышел в свет японо-русский словарь, составленный Д.М. Позднеевым. В него вошло 4,2 тыс. «основных иероглифов», расположенных по ключевой системе, и свыше 30 тыс. иероглифических сочетаний (включая сложные слова, имена собственные, девизы правления японских императоров и географические названия).

Успешному ходу научных занятий Позднеева немало способствовала его работа в качестве корреспондента, которая обязывала его не только активно заниматься японским языком, но и быть в курсе важнейших событий, происходивших в Японии. 27 января/9 февраля 1908 г. он писал российскому вице-консулу в Чифу (Яньтай) П.Г. Тидеману: «Главным моим занятием является агента С. Петербургского телеграфного агентства, которая меня кормит. Она заставляет меня изучать Японию во всех подробно-

стях, затем я занимаюсь изучением языка и печатанием книг, а затем беспокою всех и каждого, кого считаю нужным, на том простом основании, что я хочу работать на пользу родины» [там же, ед.хр. 117, л. 99]. Патриотическими чувствами проникнуто и другое его письмо к Тидеману, посланное из Иокогамы 24 марта/6 апреля 1908 г. Выражая сожаление по поводу того, что тот не прислал ему копию отзыва Е.Г. Спальвина о «Токухоне», он писал: «Я поставил себе задачей дать России учебники по всем отраслям изучения Японии, ее языка и страны и выполню это по мере моих сил и умения... Вся кровь кипит во мне при мысли о том, в каком состоянии находится у нас японология. Голова кружится от сознания, какой опасности подвергаемся мы, продолжая фактически свою прежнюю бездеятельность по подготовке молодого поколения. И я обрек себя на работу, одинокую и упорную, по восполнению тех недочетов, которые ощущаются в России в связи с изучением Японии. Раньше всего нужны книги и учебники. Когда они будут, только тогда окажется возможной организация школ японского языка разных типов и направлений» [там же, л. 85—86].

С учетом возросшей потребности в «Токухоне» Позднеев формирует издание второй части этого учебника. 12 ноября 1908 г. он сообщает брату о предстоящем завершении этой работы и своих планах на будущее: «Дальше на очереди у меня стоит русско-японский алфавитный словарь... половина работы уже сделана» [там же, л. 138].

Уйдя с головой в подготовку своих трудов, чтобы «дать русским серию учебников для изучения японского языка», Позднеев тем не менее внимательно следил за успехами отечественного японоведения по публикациям, печатаемым в русских и японских газетах. В письме из Иокогамы к своему коллеге-японисту В.А. Завадскому-Краснопольскому от 22 июля 1909 г. он писал: «Очень был бы Вам благодарен за сообщение о том, как идут дела в отношении к изучению Японии. Интересуются ли ею, кто именно и в какой мере? Кто это г. Попов, открывающий уроки японского языка в гимназии Евфросиньи Суздальской и действительно ли надеется он найти среди девушек лиц, интересующихся данным предметом? В Японии самым тщательным образом следят за каждым шагом России в деле изучения японского языка. В доказательство этого могу указать на то, что заметка „России“ об изучении японского языка в гимназии Александра I была перепечатана в иокогамской газете... от 17-го июня 1909 г. в № 5661 с таким началом: „Россия, очевидно, начинает наконец отдавать серьезное внимание изучению японского языка“ и проч. ... В статье упомянуто даже о Вашем переводе японской географии» [ГБЛ, ф. 218, картон 1312, ед.хр. 28, л. 3].

В области изучения Японии, особенно ее языка, Позднеевым было сделано немало. Его трудами широко пользовались начинающие и опытные японисты. В одном из писем 1909 г. ученый сообщал: «Недавно морской агент Воскресенский сказал мне, что он перевел „Историю морских битв последней войны“. „И за этот перевод с японского, — прибавил он, — я никогда бы не взялся, если бы у нас не было Вашего словаря“. Все студенты Восточного института, драгоманат посольства, консулы пользуются моим словарем. Завадский-Краснопольский в Петербурге в гимназии Александра I преподает японский язык по моим „Токухонам“... В школах нижних чинов в Хабаровске и Харбине опять-таки пользуются моим „Токухоном“... В последнем номере „России“ в ответном письме редакции какому-то г. Степанову в Цюрихе как пособия для изучения японского языка опять-таки указываются мои и только мои книги. Но что значит сделанное в сравнении с тем, что еще остается сделать? Посмотрите: у нас нет грамматики, нет ни японского, ни русско-японского алфавитных словарей, нет воен. словаря, нет пособий для чтения газет, нет пояснения политической организации Японии, нет пособий для изучения японской скорописи, нет ни малейшего пособия к ознакомлению с религиями Японии, нет ни малейшего финансового и экономического очерка страны и т.д. То, что есть, совершенно ничтожно в сравнении с тем, чего нет. Потому-то я считал и считаю, что мне нужно спешить. Может быть, когда-нибудь люди оценят это мое сознание необходимости спешки и тогда снисходительные из них простят мне те пробелы, которые неизбежно встречаются в моих работах. Прав ли я или нет — не знаю, хотя отчетливо сознаю, что если бы я тратил более времени на отделку каждой работы, она выходила бы у меня лучше, чем я ее выпускаю» [ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед.хр. 117, л. 303—304].

Основательное изучение японского языка позволило Позднееву сосредоточить свое внимание на переводах японских исторических сочинений. Первым шагом в этом направлении была его «Японская историческая хрестоматия», несовершенство которой вполне осознавалось ее составителем [там же, с. 301—302]. Когда же в руки ученого попала довольно редкая книга по истории о-ва Хоккайдо, он немедленно занялся ее переводом. Отвечая на предложение своего брата, А.М. Позднеева, заняться изучением «культурного роста» Японии для подготовки магистерской диссертации, он 12 ноября 1908 г. сообщал из Иокогамы: «Уже в течение полугода я занимаюсь ею ежедневно... Выполнить же эту работу нелегко, особенно потому, что мне недостаточно знать только одну японскую сторону дела, но необходимо по возможности познакомиться и с русскими источниками» [там же, л. 139—140].

К концу 1909 г. новый труд Д.М. Позднеева был практически отпечатан. «25 ноября, — сообщал он 1/14 января 1910 г. одному из своих знакомых, — я окончил последнюю страницу своей новой работы печатанием и возился с брошюровкой и переплетом. Получилась работа в 1715 стр. в 3-х книгах, а 31 декабря, т.е. вчера вечером, Алиса одарила меня сыном. Не правда ли, знаменательная неделя?» [там же, л. 368]. Этот труд Позднеев издал под таким названием: «Материалы по истории северной Японии и ее отношения к материкам Азии и России». В его основу легли материалы сочинения Окаатоми Рюносукэ «Хоккайдо синсо».

Получив согласие Петербургского университета относительно приема экзаменов для последующей защиты магистерской диссертации по истории Хоккайдо, Позднеев продолжал заниматься изданием своих работ по японскому языку. Это отчасти вызывалось потребностями будущей его работы в Практической восточной академии при имп. Обществе востоковедения, куда он был приглашен преподавателем во время своей поездки в Петербург зимой 1909/10 г. В письме от 12/25 июля 1910 г. он писал из Иокогамы китаисту А.И. Иванову: «Я получил разрешение сдачи экзаменов и теперь готовлюсь. Печатаю в то же время японскую газетную хрестоматию, которую предполагаю читать со студентами. Коллекция текстов очень полная: я подбирал ее два с лишком года. Библиотеку уже отправил в Петербург» [там же, л. 395].

Полагая, что главным средством существования его семьи в российской столице будет журналистика, в которой он обрел значительный опыт, Позднеев совершил поездку по маршруту Сеул—Порт-Артур—Дальний—Тяньцзинь—Пекин—Мукден—Харбин с целью сбора материалов и личных наблюдений [там же, л. 384, 385]. По приезде в Петербург Позднеев возглавляет «Бюро русских журналистов», снабжавшее своими материалами центральные и местные газеты. Одновременно он участвует в работе редакции журнала «Мир ислама» (сначала вместе с В.В. Бартольдом, а затем, в 1914 г., самостоятельно, в качестве главного редактора).

Еще в 1903 г. под влиянием расширявшихся контактов России с Японией к подготовке учебника японского разговорного языка приступил преподаватель Петербургского университета Куроно Ёсибуми. Поскольку в Петербурге не было японских шрифтов, ему пришлось ориентироваться на литографирование даже тех немногочисленных вставок, которые он предполагал внести в оригинальном начертании и с учетом того, что основная часть японских примеров будет дана в транскрипции. С подключением к работе над учебником В.П. Панаева в начале 1913 г. вышел в свет «Самоучитель японского языка».

С завершением печатания первого в России «самоучителя» по японскому языку его составители обратились к министру иностранных дел С.Д. Сазонову с просьбой помочь в реализации тиража учебника посредством приобретения этого издания сотрудниками и учреждениями МИД. После соответствующего ходатайства МИД министерство народного просвещения рекомендовало «самоучитель» в качестве учебного пособия фундаментальным библиотекам средних учебных заведений [АВПР, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1286, л. 2]. С научной точки зрения «самоучитель» представлял собой важный этап в разработке основ японского языка. Отдельные его аспекты, включая характеристику японского языка, некоторых частей речи (прилагательное, наречие, союз, междометие), либо неудовлетворительно описанных, либо вообще не представленных в зарубежных учебных пособиях, Куроно Ёсибуми осветил самостоятельно.

Важных успехов в японоведении в первом десятилетии XX в. достиг и упоминавшийся ранее В.Я. Костылев. Оставив службу на дипломатическом поприще (отчасти по причине пошатнувшегося здоровья), он занялся преподавательской деятельностью. В ходе приготовления различных пособий по японскому языку он решил составить русско-японский словарь. Работу над ним он завершил к 1910 г. Не располагая средствами на издание словаря, ученый обратился к министру финансов В.Н. Коковцову за помощью. Вначале Коковцов сочувственно отнесся к идее издания русско-японского словаря, но затем сообщил о своем отказе выдать необходимую сумму. При повторном обращении Костылева к министру финансов (на этот раз через руководителей МИД) последний официально сообщил, что не располагает «данными о том, в какой мере может быть оправдана затрата средств государственного казначейства на опубликование труда г. Костылева» [там же, д. 1479, л. 8]. В связи с этим МИД обратилось к знатокам японского языка с просьбой дать отзыв о работе Костылева. Один отзыв удалось получить из Японии от епископа Николая (И.Д. Касаткина)⁸². В ответном письме Н.А. Малевскому-Малевичу от 6 июня 1911 г. он сообщил: «Крайне жаль, что нельзя прямо рекомендовать огромный труд Василия Яковлевича для напечатания, и весьма желательно, чтобы он поскорее привел его в совсем достойный вид и чтобы словарь был отпечатан, к его чести и к пользе изучающих японский язык». В приложенном к этому письму отзыве старейшего япониста говорилось: «Русско-японский словарь, составленный В.Я. Костылевым, приятно поражает своею обширностью и хорошим переводом слов и служит несомненным показателем как широких познаний составителя в яп. яз.,

⁸² Подробнее о его научно-практической деятельности см. [Хохлов, 1994 (2)].

так и его необыкновенного трудолюбия. Последнее обстоятельство позволяет надеяться, что составитель, сделавший девять десятых дела, не оставит свой труд неоконченным и доведет его до такого совершенства, чтобы он, к чести автора, мог быть напечатан. В настоящем же виде рекомендовать его к печати затруднительно» [там же, л. 13—14]. Словарь Костылева, по мнению рецензента, нуждался в доработке: помимо внесения китайской иероглифики необходимо было обратить внимание и на транскрипцию.

Иное мнение высказал Д.М. Позднеев, к которому обратилось Общество востоковедения с просьбой ознакомиться со словарем Костылева на предмет его возможного издания. Позднеев руководствовался прежде всего практической потребностью в этом пособии тех россиян, которые пытались овладеть японским языком при остром недостатке соответствующих учебников, а также словарей. «Картина знания японского языка русскими, — отмечал Позднеев, — рисуется нам в безрадостном свете, т.к. у нас доселе не имеется ни одного русско-японского словаря. Я не могу назвать словарем „Японско-русский и русско-японский словарь“ А. Попова (Владивосток, 1907 г.), в котором весь русско-японский словарь занимает неполных 6 страниц. Русско-японский словарь В. Костылева представляет собою прежде всего первую серьезную попытку составления такого труда русским японологом, много лет занимавшимся изучением предмета и работою над книгою». Далее: по объему и подбору лексики этот словарь может быть полезен и для обыкновенного разговора, и для бесед, «касающихся более или менее специальных тем» — из сферы административной и военной деятельности. Позднеев отмечал почти те же недостатки, что и первый рецензент, однако давал им свое объяснение: «Для лиц, изучающих японский язык и знакомых с ним, пользование словарем В. Костылева оставляет известного рода неудовлетворенность в том отношении, что в нем при японских словах нет соответствующих им иероглифов. Автор словаря более, чем кто-либо другой, сознает этот пробел своего труда, но восполнить его ему не представляется физической возможности за отсутствием в С.-Петербурге типографии с японским шрифтом». Полагая, что отсутствие в словаре Костылева иероглифов «никоим образом не должно служить препятствием» к его опубликованию, рецензент подчеркивал, что появление этого труда «должно быть признано в высшей степени желательным в интересах изучения русскими японского языка, и опубликование его заслуживает всяческого содействия» [там же, д. 1286, л. 18, 19].

Доводы, приведенные Позднеевым, оказались настолько убедительны, что министр финансов после ознакомления с его отзывом выразил готовность «испросить Высочайшее соизволение на выдачу д.с.с. Костылеву пособия в сумме не свыше 2 тыс. руб.».

После соответствующей переписки с руководством МИД В.Н. Ковцов сообщил главе внешнеполитического ведомства А.А. Нератову о своем согласии просить «высочайшего соизволения» на выдачу составителю русско-японского словаря 3 тыс. руб. (по 1 тыс. руб. в три срока). В сентябре 1913 г. Костылев просил МИД о выдаче последней трети денег, ассигнованных казной на издание словаря, а в январе 1914 г. он смог послать три экземпляра своего нового труда в Токио [там же, л. 39]. Таким образом, учебный арсенал начинающих японистов, включая любителей японской словесности, обогатился еще одним важным пособием, открывавшим новые горизонты для изучения японской культуры.

Начало XX в. ознаменовалось появлением не только учебной литературы о Японии, но и переводов художественных произведений и статей. Важное место среди последних занимали японские исторические сочинения. Пример Д.М. Позднеева, издавшего объемистый труд [Позднеев Д., 1909], посвященный главным образом контактам японцев со странами Азиатского материка, и в первую очередь с Россией, в XVIII—XIX вв., был не единственным в этом роде. Вместе с работами К. Военского, Н.В. Кюнера и др., а также изданной в 1916 г. брошюрой японского ученого Симмура Идзуру «Возникновение японо-русских отношений» (в переводе Е.Г. Спальвина) они составили самостоятельное направление в предреволюционном русском японоведении, давшее ряд ценных материалов и исследований, не потерявших своей актуальности до настоящего времени. К этому же направлению можно отнести и публикации в религиозных журналах России («Церковные ведомости», «Христианское чтение»), содержавшие сведения о положении православной церкви в Японии, ее деятельности по распространению в Японии русского языка и русской культуры.

С ростом интереса российской общественности к традиционной японской культуре (благодаря публикациям путевых заметок русских и западных путешественников по Японии) некоторые солидные журналы начинают публиковать переводы из произведений древней и средневековой японской литературы («Нихон сёки», «Такэтори моногатари», «Нихон рёйки», «Кондзяку моногатари»), причем не только с немецкого и английского, но и с японского.

Предметом особого внимания японистов в указанный период стала литература, написанная на камбуне (японском варианте древнекитайского письменного знака). Особенно настойчиво и эффективно работал в этом плане В.М. Мендрин, приступивший к переводу одного из важных исторических сочинений токугавской Японии — «Нихон гайси» (букв. «Неофициальная история Японии»), написанного конфуцианцем Рай Санъё (1780—1832). В предисловии к переводу этого многотомного сочинения Мендрин по-

старался разъяснить основной смысл, вложенный в название сочинения, основные понятия, встречающиеся в нем, а также актуальность перевода «Нихон гайси» на русский язык. После предисловия он дал «Биографический очерк Рай Дзио» (Дзё — посмертное имя Рай Санъё). Из 22 книг Мендрин перевел и издал 6 (в них излагаются события правления времен Тайра, Минамото, Ходзё, Кусуноки и Нитта). Работая с огромным самопожертвованием над трудным скорописным текстом оригинала (при полной педагогической нагрузке и одновременной подготовке учебных пособий и научных статей)⁸³, он не успел осуществить свой творческий замысел из-за преждевременной кончины (он умер в 1920 г. во Владивостоке).

Во втором десятилетии XX в. преподавание японоведческих дисциплин в Петроградском университете поднялось на новую ступень благодаря появлению талантливой плеяды молодых специалистов, обладавших разносторонней теоретической подготовкой, глубокими знаниями в области японского языка и культуры. Помимо жажды знаний их объединял энтузиазм в исследовании новых, наиболее сложных проблем, касающихся Японии.

Одним из первых представителей нового поколения был О.О. Розенберг (о нем см. также в гл. 5)⁸⁴. За четыре года пребывания в Японии в послеуниверситетские годы (1912—1916) он открыл большой и важный пласт в японской культуре, ее письменности и философии. В 1913 г. Розенберг подготовил исследование «Буддийские системы и теория „дарм“. Введение в философию Васубандху». Через три года им было опубликовано «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам» (ч. 1. Токио, 1916; ч. 2. Пг., 1918)⁸⁵.

Во время пребывания в Японии Розенберг приобрел для Азиатского музея большое число книг (в том числе ксилографов) по буддизму и китайской философии. С января 1917 г. он в качестве приват-доцента Петербургского университета приступил к чтению лекций по истории духовной культуры Японии. Знакомя студентов с китайской литературой, переведенной с санскрита, а также с достижениями в области японской филологии, он на семинарских занятиях читал с ними тексты на камбуне, передавал им знания по классической и художественной литературе Японии

⁸³ Перу Мендринна принадлежит также книга переводов «Сказания древней Японии» (1910), учебник эпистолярного японского стиля соробун и статьи, опубликованные в ИВИ и «Вестнике Азии».

⁸⁴ Розенберг во время учебы в Петербургском университете на китайско-санскритском разряде посещал занятия по японскому языку, изучение которого он продолжил в 1911 г. у проф. Р. Ланге в Берлине [Бабинцев, 1968, с. 135].

⁸⁵ Упомянутая работа была представлена Розенбергом в марте 1918 г. в качестве диссертации на степень магистра японской словесности [ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 2, ед.хр. 32, л. 231].

конца XIX в. Обширным творческим замыслом молодого японоведа не суждено было осуществиться: он умер в голодном 1919 г., оставив неоконченными работы в разных областях востоковедения [Михайлова, 1987 и 1989].

В 1916 г. к преподаванию на ФВЯ приступил выпускник 1912 г. Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938), отличавшийся широтой научных интересов. Он читал лекции по японской диалектологии, исторической грамматике японского языка, фонетике токийского говора и т.д. «С Е.Д. Поливанова, — справедливо отмечал А.А. Бабинцев, — в русском японоведении началась глубокая научная разработка возникающих при изучении японского языка задач теоретического и прикладного характера (достаточно упомянуть, что им создана применяемая по настоящее время русская практическая транскрипция японских слов, называемая по имени ее автора — Поливановской» [Бабинцев, 1968, с. 133]) (подробно о нем см. [Ларцев, 1988; Концевич, 1993]).

В том же, 1916 г. на должность приват-доцента Петроградского университета был зачислен Сергей Григорьевич Елисеев (1889—1975), единственный к тому времени иностранец в Японии, получивший там высшее образование. Вначале он учился в Берлинском университете (1907—1908), а затем по совету С.Ф. Ольденбурга поступил в Токийский императорский университет. О том, как проходили его занятия в японском высшем учебном заведении, позволяет судить его письмо от 13 июня 1911 г. к Ольденбургу: «С этого года, — сообщал он, — в Токийском университете ввели вновь на филологическом факультете обязательные экзамены, и мне пришлось все экзамены сдавать на японском языке. Было всего шесть письменных экзаменов, и на всех экзаменах я писал иероглифами. Что касается разговорного японского языка, то я им вполне овладел и совершенно свободно читаю современные беллетристические произведения». Елисеев сообщал и о своих планах: «В будущем году собираюсь кончить университет; для окончания нужно представить зачетную работу и затем сдать еще несколько экзаменов, между прочим китайский язык. Работу я думаю писать об японском поэте Басё — поэт периода Токугава (XVIII—XIX столетия). В этом году я написал зачетную работу по семинару японской литературы „О духовной жизни дворян в период Хэйян на основании *Окагами*“. Написал 87 стр. иероглифического письма» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 207, л. 1—2].

После окончания Токийского университета в 1912 г. Елисеев был оставлен при Петербургском университете на два года для подготовки магистерской диссертации. В университете он читал лекции по грамматике японского языка и истории японской литературы, занимался со студентами разговорным языком и читал с ними классические и современные художественные тексты.

В 1917 г. в качестве хранителя Азиатского музея он работал над описанием рукописей и ксилографов музейного собрания. Заинтересовавшись ранее творчеством знаменитого японского поэта Мацуо Басё (1644—1694), он стал разрабатывать историю японской литературы. О широте научных интересов Елисеева в тот период свидетельствуют хранящиеся в его личном архиве материалы по истории японской поэзии (с древнейших времен до X в.), по японской литературе XII—XIII вв., по искусству, истории и политической жизни Японии [Горегляд, 1972, с. 187]⁸⁶.

В Германии долго и плодотворно работал выпускник (1912) и приват-доцент (1913—1917) Петербургского университета М.Н. Рамминг, специализировавшийся на проблемах истории и идеологических учений Японии средних веков и нового времени.

В 1914 г. университет по китайско-японскому разряду окончил Николай Александрович Невский (1892—1937). Оставленный при университете, он одновременно работал в нумизматическом отделе Эрмитажа. В 1915 г. его командировали в Японию для совершенствования в языке и изучения религии синто. Если учесть, что к тому времени японским конфуцианством уже занимались В.М. Мендрин и Е.Г. Спальвин, а буддизмом в Японии — О.О. Розенберг, ориентация Невского на изучение синто как бы решала задачу всестороннего исследования религиозно-философских систем Японии, оказавших решающее влияние на формирование ее культуры. Выполнение индивидуальной научной задачи Невский начал с изучения письменных памятников — молитвословий древних японцев «норито», с «Записей о делах древности» (Кодзики), «Анналов Японии» (Нихонги, VIII в.) и работ японских филологов XVIII в., интерпретировавших эти памятники [Громковская, Кычанов, 1978, с. 45]. В силу ряда обстоятельств пребывание Невского в Японии затянулось на многие годы, что позволило ему значительно расширить круг изучаемых проблем, среди которых важное и прочное место заняла тангутская филология.

За два года до Невского, в 1912 г., китайско-японское отделение Петербургского университета (и одновременно — японское отделение Практической Восточной академии) окончил Николай Иосифович Конрад (1891—1970). Занимаясь японским и китайским языками в университете, он слушал лекции по античной и западной литературе, по языкознанию, философии и другим дисциплинам. После окончания университета русско-японское общество направило его на год в Японию. Одним из результатов этой

⁸⁶ В 1921 г. Елисеев уехал во Францию, где начал читать лекции в Парижском университете. В середине 30-х годов он по приглашению Гарвардского университета переехал в США, где возглавил научно-исследовательский институт. За выдающиеся достижения в области японоведения Елисеев в 1973 г. был удостоен годичной премии Японского фонда.

поездки стала статья Конрада «Современная начальная школа в Японии». (Она вышла в 1913 г. в двух номерах ЖМНП, а также отдельным изданием в Сенатской типографии.)

В 1913/14 учебном году Конрад вел занятия в Коммерческом институте в Киеве, где читал лекции по китайскому и японскому языкам и по этнографии Дальнего Востока [Глускина, 1961, с. 217]. Когда в 1914 г. он вернулся в Петербург, университет оставил его для приготовления к профессорскому званию и в том же году предоставил ему научную командировку в Японию. До лета 1917 г. Конрад слушал лекции по японской литературе в Токийском университете, изучал китайскую философию, корейскую этнографию и корейский язык. По возвращении в Петербург он сдал магистерские экзамены по японской, китайской и корейской словесности и через несколько лет стал ведущим японоведом, плодотворно трудившимся на ниве востоковедения в течение почти полувека.

При всех трудностях, связанных с приобретением рукописей на восточных языках, сотрудники Азиатского музея активно занимались созданием материальной базы для научных исследований по Востоку, в том числе в области японоведения. Кроме упомянутой выше коллекции И.А. Гошкевича (1910) фонды музея в разное время значительно пополнялись японскими ксилографами и рукописями, главным образом за счет библиотеки Азиатского департамента МИД (1864), собрания книг наследника-цесаревича Николая Александровича, подаренного ему во время визита в Японию в 1891 г., книжной коллекции адмирала К.Н. Посьета (1899), книжного фонда РГО (1906), личной библиотеки российского консула в Китае и Корее П.А. Дмитревского (1907), а также за счет пожертвований частных лиц. Освоение этих ценных книжных сокровищ — задача не одного поколения будущих исследователей⁸⁷.

За сто с небольшим лет, прошедших со времени организации посольства Н.П. Резанова в Японию до октября 1917 г., российское японоведение прошло в основном три этапа. Первый этап был связан с преподаванием японского языка в Иркутской школе, с эпизодическими посещениями Японии русскими мореплавателями, промышленниками и дипломатами. Он характеризовался накоплением данных по ее географии, этнографии и филологии, о культуре и истории японского народа. Почти во всех работах, опубликованных в то время в России, присутствует мысль о необ-

⁸⁷ Первый японовед среди сотрудников Азиатского музея О.О. Розенберг, зачисленный в его штат в 1911 г., занимался обработкой книг лишь несколько месяцев, после чего выехал в длительную командировку в Японию для изучения буддизма.

ходимости налаживания с Японией дружеских контактов, которые пошли бы на пользу обоим государствам.

На втором этапе, начавшемся с установления официальных русско-японских дипломатических и торговых связей, наиболее важной проблемой стала подготовка квалифицированных кадров японистов, и в первую очередь для МИД. Этот период характеризовался не только взаимными контактами двух стран в различных сферах практической деятельности, но и возросшим интересом российской общественности к духовной культуре японского народа.

Третий этап был связан с учреждением кафедр японской словесности в Петербурге и Владивостоке, деятельность которых позволила в два последующих десятилетия подготовить кадры специалистов для дипломатической, коммерческой и военной службы. Благодаря этому сформировался костяк молодых научных кадров, которые заявили о себе серьезными исследованиями в разных сферах японоведения.

Своими успехами в корееведении и японоведении Россия была обязана инициативным действиям таких энтузиастов науки, как, например, М.П. Пуцилло, П.А. Дмитриевский, И.А. Гошкевич, В.Я. Костылев, Д.М. Позднеев, О.О. Розенберг, труды которых вошли в сокровищницу отечественного востоковедения. Их энтузиазм, обусловленный непоколебимой верой в необходимость всестороннего изучения стран Востока, особенно наглядно виден на примере Д.М. Позднеева, который 5 (18) января 1910 г. писал одному из своих близких: «Как Вы, вероятно, знаете, я — фанатик идеи изучения Востока. Я признаю это изучение безусловно необходимым для блага России. Идея эта меня кормила, кормит и будет кормить, как она способна прокормить и десятки тысяч других людей. Она необъятна по своей величине и грандиозна по будущему сближению восточной и западной культур, с каковым фактом нашим внукам придется считаться гораздо больше, и, может быть, больше, нежели нам» [ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед.хр. 117, л. 371]⁸⁸.

ИЗУЧЕНИЕ МОНГОЛИИ, ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И ТИБЕТА

Начало крупномасштабным исследованиям в Центральной Азии положил Н.М. Пржевальский (1839—1888). Его первая экспедиция в 1872—1873 гг., как и три последующие, ознаменовалась важными открытиями. Пятая экспедиция закончилась для Прже-

⁸⁸ О жизненном пути Д.М. Позднеева после 1917 г. см.: Кабанова Н. Судьба одной семьи. — ААС. 1990, № 2.

вальского трагически. Не доезжая одной станции до Пишпека, он после охоты против обыкновения выпил сырой воды и вскоре после приезда в Каракол тяжело заболел. 20 октября 1888 г. неутомимый путешественник скончался, так и не осуществив свою заветную мечту — достичь столицы Тибета Лхасы⁸⁹.

Разностороннее обследование Центральной Азии, этого обширнейшего и труднодоступного ареала, успешно продолжили другие замечательные путешественники, в том числе спутники Пржевальского: В.И. Роборовский, П.К. Козлов, Г.Е. Грум-Гржимайло, Г.Н. Потанин, М.В. Певцов, К.И. Богданович, В.А. Обручев и др., сделавшие немало для изучения одного из «белых пятен» на земном шаре. По своему значению их исследования можно сравнить с великими географическими открытиями XV—XVI вв.

На основе собранных путешественниками материалов был подготовлен и издан ряд трудов. Среди них наиболее ценны книги Пржевальского «Монголия и страна тангутов» (1875—1876), «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» (1883), «От Кяхты на истоки Желтой реки» (1888); сочинения Потанина «Очерки северо-западной Монголии» (1881—1883) и «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (1893); трехтомный труд Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (1914—1930); книги Козлова «По Монголии до границ Тибета» (1903), «Монголия и Кам» (1905—1906), «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (1923). Все эти, как правило, многотомные сочинения поражают исчерпывающей полнотой географических описаний отдельных районов Центральной Азии, значительным объемом научных сведений о флоре и фауне данного ареала, уникальностью материалов по этнографии и фольклору. Разумеется, записи и сведения российских путешественников, особенно по устному народному творчеству коренных жителей, нуждаются в серьезной коррекции. С большой осторожностью следует, например, пользоваться фольклорными материалами, собранными Потаниным и Грум-Гржимайло, поскольку ни тот ни другой не обладали филологической подготовкой в области восточных языков и были вынуждены во время экспедиций пользоваться услугами не всегда квалифицированных переводчиков.

Важную роль в ознакомлении читательских кругов России с достижениями русских путешественников в изучении Центральной и Восточной Азии сыграли российские востоковеды, которые не только откликались на их труды обстоятельными рецензиями, но и оказывали им конкретную помощь своими советами, переводами, замечаниями относительно транскрипции восточных соб-

⁸⁹ Об обстоятельствах смерти Пржевальского и его погребении на берегу Иссык-Куля см. [ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед.хр. 1693, л. 1—5 (В.И. Роборовский — Ф.А. Фельдману 22 октября 1888 г.); Туркестанские ведомости. Таш., 22.11.1888].

ственных имен и географических названий. Помощь российских востоковедов особенно наглядно видна на примере их контактов с Г.Н. Потаниным (1835—1920).

На долю В.П. Васильева выпала честь познакомить русского читателя с заслугами этого замечательного исследователя Монголии. Руководствуясь отзывом Васильева, РГО присудило Потанину за «Очерки северо-западной Монголии» золотую медаль. Доброе слово, сказанное авторитетным востоковедом в адрес бывшего «политического преступника», узника Свеаборгской крепости, сосланного затем царскими властями в г. Никольск Вологодской губернии, не только сделало Потанина популярным исследователем, но и помогло ему в качестве общественного деятеля Сибири добиться немалых успехов в своей просветительской деятельности.

Хотя Потанин не знал монгольского языка, участие в его первой экспедиции монголиста А.М. Позднеева позволило русскому путешественнику собрать ценный разнообразный материал.

Последующие контакты Потанина с востоковедами в период путешествия по Китаю (1884—1886), особенно с П.С. Поповым — тогдашним драгоманом российской дипломатической миссии в Пекине, способствовали благоприятному осуществлению задач и целей его новой экспедиции. В результате вновь был собран богатый исторический, географический и этнографический материал, ставший добротной основой для новой книги. Большую помощь в ее подготовке (на стадии ее печатания в типографии) оказал Потанину А.О. Ивановский. Более того, русский путешественник включил в состав публикуемых им сказок и легенд, распространенных у народов Центральной Азии и Южной Сибири, еще одно народное сказание в переводе Ивановского — «История спасителя Мила-райбы» (см. [Хохлов, 1985]).

В 1893 г. книга Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» вышла в свет. Рожденная трудами замечательного путешественника — географа, этнографа и фольклориста — в тесном (хотя и несколько запоздалом) сотрудничестве с востоковедами, она сразу же привлекла внимание, став бесценным путеводителем путешественников и специалистов разных научных дисциплин, посвятивших себя изучению истории и культуры народов Центральной Азии и Китая (подробнее см. [Хохлов, 1985]).

Успешной деятельности российских путешественников в Центральной и Восточной Азии в немалой степени способствовало их доброжелательное отношение к коренному населению. Учитывая тот факт, что россияне щедро расплачивались за оказанные услуги (предоставление тягловой силы, транспортных средств, проводников и т.д.) и тем самым давали дополнительный зарабо-

ток наименее обеспеченной части населения, местные цинские власти относились к чужестранцам терпимо, хотя порою и не без подозрительности и чрезмерного предубеждения, столь характерного для китайских чиновников собственно Китая. О дружеских отношениях с местными властями и жителями провинции Ганьсу сообщал, например, естествоиспытатель М.М. Березовский, один из членов экспедиции Потанина. Совершенно самостоятельно, без помощи кого-либо из его товарищей по экспедиции, он в течение десяти месяцев занимался зоологическими и другими исследованиями в юго-западной части провинции. В начале 1887 г. Березовский сообщал из уезда Хуйсянь в Пекин поверенному в делах Н.Ф. Ладыженскому: «Власти относились ко мне крайне дружелюбно и оказывали всякое содействие, когда я по какому-либо случаю обращался к ним. А в населении, как тангутском, так и китайском, нет и следа враждебности к европейцам. Я был первый европеец, которого они видели, и это еще более утвердило меня в мысли, что пресловутая, как говорят, органическая нелюбовь китайцев ко всему иностранному и «заморским чертям» благоприобретена сими последними в приморских городах Китая (опиумная война, бомбардирование Кантона), а оттуда разнесена по всему Китаю. В Ганьсу эта нелюбовь сказывается... в северных частях, т.е. там, где масса пришлого [ханьского] населения» [АВПР, ф. ПГА I-9, 1883—1887, д. 6, л. 27—28].

Благожелательным отношением со стороны коренных жителей и местных властей пользовался и Владимир Афанасьевич Обручев (1863—1956), совершивший в 1892—1894 гг. путешествие из Кяхты в Северный Китай, а затем в Монголию и Джунгарию⁹⁰. То же можно сказать и об отношении населения и властей Синьцзяна к участникам двух археологических экспедиций (1909—1910 и 1914—1915), возглавляемых С.Ф. Ольденбургом. На это указывал, в частности, член экспедиции художник С.М. Дудин. Делясь впечатлениями о первой экспедиции, он в беседах с корреспондентами разных газет Петербурга подчеркивал, что его самого и его спутников «везде встречали... весьма радушно» и что «престиж русского имени у туземцев чрезвычайно велик» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, ед.хр. 164, л. 37]⁹¹. Аналогичное впечатление сложилось и у Ольденбурга [там же, ед.хр. 163, л. 37]. После отправки на родину Дудина и Д.А. Смирнова (горный инженер, член экспедиции) с археологическими находками Ольденбург поехал в район

⁹⁰ См.: Заруцкая Л.Л. Китайский чиновник благодарит русского путешественника (Документ из личного архива В.А. Обручева). — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991, с. 204—207.

⁹¹ В архиве хранится газетная вырезка со статьей: *Потемкин А.* Художник С.М. Дудин о своем путешествии в Центральную Азию; см. также: *Любитель*. В стране храмов. — Биржевые ведомости. СПб., 13.02.1910.

г. Куча для осмотра тамошних памятников старины и составления программы будущих экспедиционных работ. Отметив, что цинская администрация «невозможно грабит и притесняет [коренное] население, которое с завистью смотрит на положение наших сартов», руководитель экспедиции в беседах с журналистами подчеркивал, что «к экспедиции китайская администрация была в высшей степени предупредительна и любезна, всегда оказывала полное содействие и в случае надобности давала охотно стражу» [там же, л. 38].

С иным отношением поначалу столкнулись участники второй экспедиции Ольденбурга. Когда они прибыли в Чугучак (Тарбагатай), местный правитель (амбань) прикомандировал к экспедиции эскорт из семи солдат с приказанием строго следить за действиями чужеземцев [там же, ед.хр. 179, л. 3].

Порой русским путешественникам приходилось сталкиваться с актами вандализма своих западных коллег в отношении древних памятников Восточного Туркестана. После посещения известного своими старинными фресками Байского округа Березовский 18/31 октября 1906 г. сообщал Ольденбургу из Кучи: «Не солоно хлебавши в байских пещерах, я на обратном пути заехал и в кизыльские. Здесь опять подновилось скверное чувство к сентиментальной немецкой каналье, так ловко натянувшей нос друзьям-русским. Хотя Грюнведель и писал, что им „оставлены многие самолучшие пещеры невредимыми“, но это не так. Минуй, можно сказать, вывернут немцами наизнанку, так, как это можно сделать, работая почти три месяца с 15—20 рабочими ежедневно. Возможны, конечно, кое-какие находки и теперь, но это дело чистого случая» [там же, оп. 3, ед.хр. 718, л. 1].

С хищническим отношением иностранцев к памятникам древней культуры во время археологических работ в Синьцзяне столкнулся и С.Е. Малов. 7 сентября 1914 г. он сообщал С.Ф. Ольденбургу из Чархлыка (Лобнор): «Фресок в Миране теперь несколько не сохранилось. Все, что было можно, увезено Stein'ом, и теперь там только голые разваливающиеся остовы зданий» [там же, ед. хр. 369, л. 2].

Среди российских исследователей Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в. было немало востоковедов. Одним из глубоких знатоков исторического прошлого этого региона заслуженно считается Константин Федорович Голстунский (1831—1899). Питомец Казанского университета, он с 1855 г. преподавал в Петербургском университете⁹². С его именем связано

⁹² После окончания историко-филологического факультета Казанского университета со степенью кандидата Голстунский 31 августа 1853 г. был назначен преподавателем монгольского языка в 1-ю Казанскую гимназию (вместо монголиста А.В. Попова), а 8 октября того же года — старшим преподавателем того же

активное изучение истории, литературы и права западных монголов (ойратов) и калмыков, ставшее одним из важнейших направлений отечественного монголоведения. Важным свидетельством его глубоких познаний явились изданные им в 1880 г. «Монгольские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши». Данная публикация воспроизводит полный ойратский текст этого памятника, содержит его перевод и подробный комментарий. Другим свидетельством успехов Голстунского в области монгольской филологии явился составленный им монгольско-русский словарь (1893—1895). В нем в значительной мере учтена и калмыцкая лексика, и буддийская терминология. Работе над словарем, а ранее над монгольским правом немало способствовали его поездки со студентами на практику к калмыкам Саратовской, Астраханской и Ставропольской губерний; они-то и позволили ему собрать ценную коллекцию ойратских документов по истории и праву ойратов⁹³.

Наиболее талантливым и трудолюбивым учеником Голстунского был А.М. Позднеев — создатель многих трудов о Монголии, значение которых трудно переоценить. Из опубликованных им более 122 работ 17 представляют собой высоконаучные монографии.

Будучи активным по натуре ученым, А.М. Позднеев неоднократно посещал Монголию, Бурятию и Калмыкию, благодаря чему прекрасно знал язык и быт монгольских народов, их историю, фольклор, литературу. Свое первое путешествие в Монголию он совершил сразу по окончании университета в 1876 г., приняв участие в экспедиции Потанина. Проведенные в монгольских степях два года он употребил на доскональное изучение малейших подробностей быта и верований монголов, терпеливое собирание фольклорных материалов и редких рукописей. Только для Восточной библиотеки Петербургского университета им было приобретено 157 монгольских рукописей и ксилографов. Привезенные

языка. В связи с переводом части преподавателей восточных языков Казанского университета в Петербург Голстунского с 1 июля 1855 г. определили исправляющим должность адъюнкта калмыцкого языка в Петербургском университете [Начальные распоряжения по Казанскому учебному округу. Казань, 1853, кн. 4, отд. V, с. 20; кн. 5, отд. V, с. 23; 1855, кн. 4, отд. V, с. 24]. С 7 февраля 1859 г. Голстунский исполнял обязанности секретаря ФВЯ, а 22 февраля 1860 г. он был утвержден в должности экстраординарного профессора.

⁹³ 7 мая 1856 г. Голстунскому была разрешена командировка в калмыцкие степи на пять месяцев для ознакомления с бытом калмыков и практического изучения их языка. 1 сентября 1862 г. ему была предоставлена аналогичная командировка (с 9 июня по 1 сентября 1862 г.) с выдачей 200 руб. на приобретение сочинений на калмыцком языке [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 963, л. 4—5, 10—11].

из путешествия дневники и записи послужили достаточно надежным материалом для активной научной деятельности ученого в последующие 13 лет.

Знакомясь с жизнью Монголии, а также Бурятии и Калмыкии, Позднеев более всего интересовался историей монголов и современным ему состоянием ламаизма. Особенно же его внимание привлекала роль иерархов буддийской церкви в общественной жизни страны. С необычайной тщательностью он собирал исторические сведения об ургинских хутухтах. Сначала эти данные легли в основу доклада, прочитанного им в 1879 г. на III съезде ориенталистов в Петербурге, а затем вошли в его книгу «Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта». Собранные в поездке по Монголии фольклорные материалы позволили Позднееву подготовить другую большую работу, которую он озаглавил «Образцы монгольской словесности». Она вышла в свет в 1880 г. и была успешно защищена им в 1881 г. в качестве магистерской диссертации. Собранный в экспедиции материал по монгольскому фольклору оказался настолько велик, что ученый надеялся опубликовать его в четырех выпусках: первый и второй выпуски он решил посвятить народным песням, третий — поговоркам, пословицам и загадкам, а четвертый — исторической грамматике монгольского языка. Однако этот план осуществить не удалось: вышел в свет только первый выпуск, включающий помимо транскрипционной записи русский перевод 65 песен. В 1880 г. Позднеев издал новую книгу, заявив ею об ином направлении своих научных изысканий. Она называлась «Города Северной Монголии» и содержала в себе почерпнутые из монгольских летописных сводов и официальных документов сведения по истории трех городов: Урги (Да-Хурэ), Улясутая и Кобдо. Добротный исторический очерк дополнялся подробным описанием Урги в том виде, в каком ее застал автор в конце 70-х годов⁹⁴.

Работа с монгольскими летописями убедила Позднеева в неосновательности представлений «в европейском ученом мире» о том, будто они «вообще так бессодержательны для истории, что из них ничего другого почти нельзя заимствовать, кроме собственных имен». Выступая 16 апреля 1882 г. на заседании филологического общества при Петербургском университете, он напомнил высказывание В.П. Васильева о том, что буддизм в настоящее время «до такой степени овладел монголами, что они за грех даже почитают вспоминать о временах браней Чингисовых» и что поэтому трудно «дождаться от монголов историче-

⁹⁴ О достоинствах этого описания высоко отзывалась монголистка Н.П. Шастина, посетившая Ургу в 1924 г. Сравнивая увиденное с описанием А.М. Позднеева, она удивлялась скрупулезности и точности его материалов.

ских материалов». Разъясняя собственную позицию в этом вопросе, возникшем, судя по всему, из-за недостаточно точного перевода «Алтан-тобчи», Позднеев заявил участникам упомянутого заседания: «Мы никогда не подумаем, конечно, возражать нашему уважаемому наставнику против того, что буддизм действительно заел монголов и своим чудовищным развитием убивает их нравственное и физическое существование, но из этого не следует еще, чтобы от монголов мы вовсе не могли ожидать никаких исторических сказаний и чтобы в среде их в каждое данное время не находилось хотя бы... несколько отдельных единичных личностей, интересующихся событиями жизни своей страны»⁹⁵.

В 1883 г. Позднеев издает новую книгу — «Монгольская летопись „Эрдэнийн эрихэ“», которую представляет в качестве диссертации на соискание докторской степени. «Официальные оппоненты профессора Захаров и Веселовский отозвались о труде г. Позднеева как о весьма важном приобретении для науки; возражения же их касались главным образом не существа изложенного, а того, что автор придает большое значение китайским источникам и сведениям. За сим возражали еще проф. Голстунский и, наконец, наш маститый синолог В.П. Васильев. Последний сделал несколько веских замечаний относительно самого издания текста и перевода, на которые диспутантом были даны... удачные ответы... За сим проф. Васильев сделал прекрасный общий очерк наших исследований о Монголии и монголах. Он говорил, что изучение языка монголов началось в России прежде изучения всех прочих языков Дальнего Востока; но с тех пор, как оставил кафедру монгольского языка приобретший себе громкую известность проф. Ковалевский, Монголия явилась почти совсем забытою... Труды г. Позднеева, по заключению проф. Васильева, вызвали теперь снова к жизни наши исследования, и потому факультет восточных языков не может не считать его своим истинным украшением»⁹⁶.

В 1887 г. появилась монография «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу». Судя по всему, автор не стремился окончательно решить вопрос о происхождении и сущности буддизма на примере Монголии. Более реальную задачу он усматривал в описании современного ему монгольского ламаизма и выяснении его особой роли в жизни монголов. Выход в свет этой

⁹⁵ Позднеев А. Монгольская литература. — Восточное обозрение, 29.04.1882, (№ 5), с. 6—7.

⁹⁶ Восточное обозрение, 13.10.1883 (№ 41), с. 15—16. Поместив довольно странное сообщение о защите Позднеевым докторской диссертации, эта же газета вскоре (в № 44) дала в разделе библиографии дополнительную информацию о его книге.

книги сразу вызвал оживленный обмен мнениями среди специалистов. Ей было посвящено пять рецензий⁹⁷. Хотя рецензенты (В.П. Васильев, И.П. Минаев и др.) по-разному оценивали те или иные ее разделы, они непременно сходились в том, что только такой дотошный исследователь, как А.М. Позднеев, мог нарисовать столь правдивую до мелочей картину жизни буддийского духовенства в Монголии. Никто из исследователей не смог так предельно точно передать реальный мир ламаизма с помощью живых зарисовок своеобразного быта немногочисленных монастырей, разбросанных мелкими островами по огромному морю сыпучих песков и гор [Васильев, 1888 (рец.), с. 430].

С 1880 по 1890 г. Позднеев опубликовал более 50 научных работ, причем ему одновременно приходилось редактировать монгольские переводы христианской литературы для Британского Библейского общества⁹⁸, принимать деятельное участие в работе научных обществ. Не оставлял он и научно-педагогическую деятельность в Петербургском университете. В 1883 г. он издает учебное пособие «Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства», а в 1900 г. — «Монгольскую хрестоматию для первоначального преподавания».

Во время посещения станов приволжских калмыков ему удается собрать значительный материал об их быте, записать большое число сказок, пословиц и поговорок, отыскать редкие рукописи, в том числе на ойратском «ясном письме». Многие найденные в этих поездках тексты вошли в его «Калмыцкую хрестоматию» (1892), а также в сборник «Калмыцкие народные сказки» (1896). На их основе он составил ойратско-русский словарь. Его поездки по астраханским степям ознаменовались сенсационным открытием: ему удалось найти записки калмыцкого паломника База-бакши о своем путешествии в Тибет. Как оказалось, эти записки в то время являли редкий жанр литературы, существовавшей у калмыков и бурят. В переводе Позднеева они вышли в свет в 1897 г. отдельной книгой под названием «Сказание о хождении в тибетскую страну мало-дэрбэтского База-бакши».

⁹⁷ Ответ Позднеева на эти критические замечания см. [ЖМНП. 1888, т. 260, декабрь, Отд. критики].

⁹⁸ В письме к епископу Евгению (Шершилову) от 6 сентября 1888 г. из Петербурга в Вильно Позднеев сообщал о том, что Св. Синод 31 августа одобрил его перевод «Жития Св. Владимира». При этом он выражал видному представителю российской православной церкви благодарность «за милостивый и радушный прием», оказанный ему в Астрахани. В конце письма Позднеев, коснувшись содержания отчетов о миссионерской деятельности в Забайкалье, рекомендовал миссионерам обратиться к его «Очеркам быта буддийских монастырей». «Хоть врать перестанут в своих отчетах и описаниях, и это будет уже немалая польза для России», — писал он [ЦГА Литвы, ф. 1210, оп. 1, ед.хр. 130, л. 1, 2].

Важным этапом в научно-исследовательской работе Позднеева стало его путешествие в Монголию, которое началось в апреле 1892 г. и продолжалось до октября 1893 г. В ходе постоянных разъездов по Северной и Внутренней Монголии ему удалось собрать необычайно богатый материал, какому мог позавидовать любой путешественник-исследователь. На его основе ученый предполагал издать семь больших томов с подробным описанием Монголии и ее населения: первые два тома отводились под публикацию дневников путешествия; третий — под описание административного устройства и современного политико-экономического строя Монголии; четвертый должен был дать развернутую характеристику монгольского ламаизма; пятый — материалы по этнографии и фольклору; шестой том — исследование по генеалогии владетельных князей с анализом их роли в политической жизни монгольского государства и общества. Однако ученому удалось написать только три первых тома, а издать — лишь два [Позднеев А.М., 1896—1898]⁹⁹. Вошедшие в них дневниковые записи дают яркую картину жизни и быта монголов конца XIX столетия, картину настолько точную и правдивую, что приходится горько сожалеть, что грандиозный замысел энергичного и трудолюбивого исследователя остался нереализованным. Этому отчасти помешало то обстоятельство, что ему поручили организационную работу по созданию Восточного института, руководителем которого он и стал.

В 1899 г. А.М. Позднеев, читавший новый курс монгольской литературы в Петербургском университете, переехал во Владивосток, где провел около пяти трудных лет в должности директора Восточного института. Возглавив кафедру монгольской и маньчжурской словесности, он полностью посвятил себя учебно-педагогической работе по подготовке специалистов для стран Дальнего Востока и Центральной Азии. С первого же года существования института ему удалось наладить выпуск «Известий Восточного института», ставших первым востоковедным научным изданием на российской периферии. Материалы ИВИ с шестого по десятый том включительно редактировались самим Позднеевым, несмотря на его многотрудные служебные обязанности.

⁹⁹ В архиве Восточного института во Владивостоке сохранилась рукопись третьего тома «Монголии и монголов», помеченная 1903 г. Ее название — «Т. III. Материалы для изучения административного устройства Монголии, порядков управления этой страной и экономического состояния монголов». Рукопись оканчивается разделом о «дзасаках», текст которого обрывается [ЦГАДВ, ф. 702, оп. 4, д. 527-а, л. 1—133]. В рукописном виде остались и многочисленные заметки востоковеда о китайской и русской торговле в Монголии с кратким сводом сведений по истории последней, предназначавшиеся для седьмого тома его фундаментального труда.

В декабре 1903 г. А.М. Позднееву предложили стать членом Совета при МНП, и с назначением на директорский пост его брата (Д.М. Позднеева) он вновь оказался в российской столице. В последующие годы (вплоть до 1917 г.) его жизнь была постоянно заполнена административными делами, правда порой органично переплетавшимися с научными интересами ученого, особенно в области преподавания восточных языков (в том числе по линии Общества востоковедения). Единственной крупной работой Позднеева, опубликованной в указанный период, стал его перевод с монгольского на русский язык первой части учебника тибетской медицины «Джуд-ши» (1908), выполненный им, как видно из предисловия, еще в 1878 г.

В конце 1908 г. он получает радостное известие о переводе первого тома его труда «Монголия и монголы» на японский язык. Об этом 12 ноября 1908 г. сообщил ему его брат из Иокогамы: «Я еще не писал тебе, что первый том твоих [трудов] „Монголия и монголы“ вышел в свет в переводе общества „Тоа-добункай“... Один из главных переводчиков, японец Уэда, очень просил меня исходатайствовать у тебя для него твою фотографическую карточку с автографом... Иероглифы в предисловии написаны тургутским ваном (правителем. — А.Х.) и начальником штаба Фукусима. Издание — очень чистенькое, но без монгольских текстов» [ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед.хр. 117, л. 135].

Около двух лет отняло у А.М. Позднеева изучение вопроса о положении и роли буддизма в Забайкалье. Это было связано с обеспокоенностью правительства чрезмерным ростом числа лам в бурятских монастырях (дацанах) и усилением их влияния на местное население в ущерб деятельности местной администрации.

Возглавив комиссию по обследованию всех монастырей в Бурятии, Позднеев совершил несколько поездок в Забайкалье, где ему удалось собрать обширнейший материал не только об экономическом положении бурятских монастырей, но и о местном книгопечатании (издании монгольских и тибетских книг), тесных связях бурятских лам с духовенством Монголии и Тибета. На основе собранных им сведений был составлен проект нового закона об управлении буддийскими монастырями Забайкалья, однако февральские, а затем октябрьские события 1917 г. похоронили все планы комиссии.

При всем консерватизме своих политических убеждений Позднеев всегда оставался энергичным, добросовестным ученым, открывавшим новые горизонты для научного поиска. Благодаря его трудам жизнь народов Монголии и стран Дальнего Востока стала понятнее и ближе не только востоковедам, но и широкой российской общественности, внимательно следившей на рубеже XIX—XX вв. и особенно в период революции 1911 г. в Китае за

переменами, происходившими в Восточной и Центральной Азии. Это отчасти обусловило появление плеяды молодых талантливых ученых, плодотворно занимавшихся исследованием языка, литературы и истории монгольских народов в духе лучших традиций своих предшественников.

Среди таких исследователей наиболее результативно работал Андрей Дмитриевич Руднев (1878—1958), чьи научные интересы преимущественно касались монгольского языкознания и филологии. Об этом свидетельствуют опубликованные им в 1905 г. «Лекции по грамматике монгольского письменного языка», а также «Материалы по говорам Восточной Монголии»¹⁰⁰ и «Хорибурятский говор (опыт исследования, тексты, перевод и примечания)» (СПб., 1913—1914). Из прочих его печатных трудов несомненно заслуживают внимания «Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии» (1905) и статья «Мелодии монгольских племен» (1909). В них исследуются такие аспекты монгольской культуры, которые прежде не удостоивались внимания специалистов, а у Руднева вызвали интерес уже во время поездки в Маньчжурию и Монголию летом 1903 г.

Немалый вклад внес Руднев и в пополнение монгольского фонда Азиатского музея. Доставленная им из Монголии и Бурятии коллекция рукописей и ксилографов содержит ряд уникальных памятников монгольской письменности. Ценная подборка бурятских печатных изданий, впервые в таком значительном объеме поступившая в собрание редких книг и рукописей Азиатского музея, позволила не только полнее представить издательскую деятельность бурятских ламаистских монастырей — дацанов, но и «круг чтения» их настоятелей и паствы в области монгольской литературы.

Со сбора рукописей и этнографических материалов начал свой путь в большую науку забайкальский бурят Цэбэн (Цыбен) Жамцаранович Жамцарано (Жамцаранов). Он родился в 1881 г. в семье старосты Хойто-Агинского родового управления Жамцарана Гендунова. Сначала отец отдал его в Читинское трехклассное училище, а затем в Иркутскую учительскую семинарию. С августа 1901 г. он — преподаватель Агинского приходского училища. По решению собрания (суглана) бурят Агинской степной думы его вместе с Б. Барадийном направили на учебу в Петербургский университет, где с осени 1902 г. оба становятся слушателями, а

¹⁰⁰ 9 июля 1910 г. Руднев писал Ольденбургу из Выборга: «Работа моя идет довольно медленно. Главная причина — все большая неудовлетворенность сделанным. Все же весь словарь уже в печати: 7 листов напечатаны, еще 2 сверстаны. Первые две части (тексты и словарь) займут 10—10 ¹/₂ листов, дальше — исследование» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 509, л. 6].

позднее и преподавателями монгольского языка. Будучи привлечены Ольденбургом к работе по собиранию фольклорного материала в Бурятии и Монголии, они совершают ряд интересных поездок, увенчавшихся не только совершенствованием знаний, но и приобретением редких книг и рукописей на монгольском и тибетском языках (в том числе образцов буддийской иконографии). О характере научных занятий Ц. Жамцарано в Монголии можно судить по его письмам. 12 августа 1904 г. он сообщал из Урги Ольденбургу: «Вот уже около 20 августа, а сделано так мало, что не знаю, куда деваться... В прошлом году, по крайней мере, я натыкался на каждом шагу всегда на свежее, интересное; записывал тексты стихами, записывал пьесы и молитвы, а у здешних монголов нет такой своеобразной устной поэзии, какая имеется у бурят-шаманистов... Мне приходилось разговаривать с южными монголами-простолюдинами, приехавшими на данчик (подношение гэгэну мандалы от всей Халхи), и они поражали меня своею серьезностью, сосредоточенною вдумчивостью и простою деловитостью... От этих южных (ордосских) монголов, близко стоящих к знаменитой гробнице Чингис-хана, я узнал кое-что об *Алтан-Дептере*. И будь я свободен и будь у меня средства, я взялся бы достать, или, вернее, найти, знаменитую летопись, про которую упоминает Рашид-эд-дин. По тщательно собранным справкам я узнал, что Алтан существовал в 2-х редакциях: одна написана по-уйгурски (?), письмом, похожим на грубо-монгольское, но с непонятными словами (язык „небесный“); другая редакция — это перевод с оригинала, писанная по-монгольски. В Халхе существовали оба экземпляра (т.е. переснимки с подлинников), но уйгурский экземпляр был вложен во внутрь какого-то бурхана Абатай-Саин-ханом халхаским... а монгольский экземпляр затерян при нашествии Галдана в XVII в. Хотел было достать предсказания и наставления, изданные в разное время всеми перерожденцами хутухты в Халхе. Единственный сборник этих предсказаний, писанных по-монгольски, хранится в личной библиотеке — кабинете гэгэна, и, чтоб переписать, не торопясь, нужно, говорят, минимум 3 месяца. Разумеется, чтоб иметь возможность переписать, необходимо познакомиться с приближенными гэгэна» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 210, л. 13—14].

Особенно плодотворным было путешествие Ц. Жамцарано в 1909—1910 гг. во Внутреннюю Монголию, откуда он привез богатейшие материалы по филологии монгольских народов. О своих занятиях в это время он рассказал Б. Барадийну в письме от 5 марта 1910 г. из монастыря Бадгар: «Сижу в Бадгаре... Работал дней 10, записывая песни, загадки и басни. Улигеров нет. В пути от Долон-нора через [земли] чахаров нам приходилось останавливаться по 10 дней из-за буранов или других причин. Западную

половину [земель] чахаров не удалось посетить. Впрочем, в лингво-отношении западные хошуны не представляют особенного интереса. Перешли к земледелию, живут вместе с китайцами. Много чахаров приезжает в Кухо-хото, и я успел уже ознакомиться с их бытом, хотя и не был [там]. Теперь скажу несколько слов о том, что из себя представляют чахары. Они — смесь, конгломерат разных племен... И благодаря такому составу чахары в целом не представляют особого однородного лингв.-этнографического центра, но очень интересны для сравнит. изучения языка и обычаев. Когда-то процветавшая монгольская литература вытеснена кит.-маньчжурской. Вытеснен, конечно, и эпос. Хотя записано много фактов из области народной литературы и обычаев, здесь, в письме, приходится ограничиваться немногим. Даю табличку изменения нек[оторых] звуков... Собраны, т.е. приобретены, интересные рукописи, которые живо отражают древнее монг. шаманство... Исторических сочинений не встречается. Интересные книги и рукописи поражают своей дороговизной, и человеку со скромными средствами трудно собирать рукописи и книги... Зимой, оказывается, чрезвычайно трудно работать. Чернилами нельзя писать, ибо замерзают на перо и в чернильнице. Пишешь карандашом, чтобы потом перевести на чернила, т.е. приходится повторять работу дважды... Как бы там ни было, мне нужно будет по возможности полнее и обстоятельнее изучить намеченные районы, ибо едва ли потом удастся повторить экспедицию. Горлощев-хорченев придется обойти, как посещенных А.Д. Рудневым. Мне хочется собрать материалы по обычному праву монголов, но мало надеюсь на успех. В отношении записанных обычаев оказывается, [что] буряты и калмыки опередили других на целые века. У бурят, например хоринцев [?], имеется до $1/2$ дюж. сборников обычного права, а у чахаров и туметов — ни одного. Между тем проследить эволюцию обычного права монголов как науки было бы интересно. Обстоятельное изучение этого вопроса показало бы нашим правителям, как нельзя навязывать имперские законы племенам и народностям, которые имеют свое право, обычное или писаное — безразлично, ибо правовая психика воспитывается веками и развивается в определенном направлении и кристаллизуется как правосознание у разных племен разное. Вычеркнуть то, что является вековым достоянием, результатом определенной эволюции, вычеркнуть одним росчерком пера и вложить взамен нечто случайное или постороннее, чуждое, является нелепостью и вредным во всех отношениях насилием».

В том же письме Ц. Жамцарано делится впечатлениями от встреч с местными жителями, рассказывает о их положении, сравнивая его с состоянием дел у бурят. «У здешних, т.е. южных, монголов очень остро поставлен земельный вопрос. Китайская

колонизация неумолима: как рак, пожирает земли монголов. На этой почве — безземелье, обнищание, разбои, столкновения с китайцами и властями, даже микроскопические бунты. В некоторых районах нервы натянуты до крайности и грозят освободительной войной... Колонизованные районы производят такое же впечатление, как обрусевшие районы бурят Ирк[утской] губ. Например, туметы, служившие так недавно, в XV—XVII вв., центром национ. религиозной культуры всех монголов, забыли родной язык, говорят по-кит., думают по-кит., живут и одеваются по-кит. Лишь старики говорят по-монг. Однако женщины не бинтуют ног, хотя изуверская строгость в делах любви, какая присуща китайцам, перешла и на туметов. Если девушка отдается мужчине или забеременеет — отец убивает ее как опозорившую [его] честь. Нужно заметить, что туметы имели школы издавна и снабжали учителями и переводчиками окружающие хошуны. Так как на китайском языке имеются общеобраз. книги — геогр. и историч., то приходится наталкиваться на вполне интеллигентных туметов, но плохо говорящих по-монгольски. У чахаров школ нет, на стойчив. требование пр[авителства] открыть школы отвечают отказом по разным причинам. Интелл[игенты] воспитываются по-кит. и маньчжур., на эрот. романах, истор. и философ. сочинениях, и проникаются духом консерватизма» [там же, оп. 1, ед.хр. 165, л. 13—16].

Во время поездок в Забайкалье и Монголию Ц. Жамцарано наряду с поисками редких изданий и рукописей занимался сбором сказок, былин и песен (со слов народных сказителей и музыкантов-исполнителей). По поводу его увлечения фольклором Руднев писал, что Жамцарано удалось собрать такое изумительное количество текстов, какого, кажется, не собирал ранее ни один другой исследователь. Одну часть собранных материалов бурятский ученый издал совместно с Рудневым в книге «Образцы монгольской народной литературы» (СПб., 1908), другую — опубликовал в подготовленных им выпусках под названием «Образцы народной словесности монгольских племен» (Вып. 1. СПб., 1913; вып. 2. 1914; вып. 3. 1918). О работе над одним из упомянутых изданий Ц. Жамцарано подробно сообщал Б. Барадийну в упомянутом выше письме от 5 марта 1910 г.

Перечисленными изданиями фольклорных текстов отнюдь не исчерпывается научный вклад бурятских ученых в российское монголоведение, особенно если учесть, что значительная часть их работ, посвященных истории, праву и этнографии монгольских народов, увидела свет после 1917 г. Действенный импульс их научной деятельности был дан в Петербургском университете, где в начале XX в. обучались многие представители бурятской и калмыцкой национальностей (Г. Цыбиков, Ц. Жамцарано, Б. Бара-

дийн, Н.О. Очиров и др.). Некоторые из них позднее нередко привлекались (в качестве «лекторов») к преподаванию монгольского и калмыцкого языков. Благодаря тесному общению бурят и калмыков с известными русскими учеными (среди них особенно выделялся Ольденбург) в Петербурге сформировалась немногочисленная, но весьма активная группа молодых интеллигентов, выступившая с целым рядом полезных начинаний. По ее инициативе было открыто, в частности, издательство «Наран» («Солнце»), выпускавшее литературу на монгольском и ойратском языках. Из опубликованных тогда книг наиболее интересны сборник бурятских сказок, загадок и пословиц «Буриад хурь» (под ред. Ц. Жамцарано), эпическая поэма «Чано-Батур» и калмыцкий эпос «Джангар». Последнее издание стало возможным благодаря инициативе и настойчивым усилиям В.Л. Котвича.

Согласно выписке из метрической книги Оссовского костела, Владислав Людвигович Котвич (1872—1944) родился 20 апреля в деревне Оссовье (на Виленщине) в семье дворянина; в 1890 г. окончил 2-ю гимназию г. Вильно (с золотой медалью) [там же, ф. 761, оп. 2, ед.хр. 20, л. 54—55]. Затем он поступил на ФВЯ Петербургского университета, где преимущественно занимался монгольским языком, а также калмыцким. Он не раз ездил в Астрахань для языковой практики с обитателями калмыцких степей¹⁰¹. Будучи оставлен после окончания учебы в 1895 г. при университете, он в июне 1896 г. женился (в Витебске) и после рождения дочери в апреле 1897 г. поступил на службу в Министерство финансов. О его служебной карьере можно судить, например, по тому факту, что в марте 1904 г. он был титулярным советником, выполнявшим обязанности старшего помощника делопроизводителя общей канцелярии министра финансов, а в марте 1915 г. — действительным статским советником, продолжавшим службу в том же министерстве финансов [там же, л. 56—57, 6, 8].

Педагогическая деятельность Котвича на ФВЯ началась с лекции «Об изучении монгольского языка и монгольской литературы вне Монголии», состоявшейся 22 сентября 1900 г. Вначале, в 1900—1903 гг., он преподавал монгольский язык, а затем — калмыцкий и маньчжурский. Среди первых его научных публикаций — «Лекции по грамматике монгольского языка» (СПб., 1902) и «Калмыцкие загадки и пословицы» (СПб., 1905). В феврале 1904 г. Котвич был избран действительным членом РАО, а в декабре того

¹⁰¹ В личном фонде Котвича сохранились две подорожные: одна — от 25 июня 1894 г., выданная ему по случаю командировки в калмыцкие степи Астраханской губернии «для ознакомления с живой речью калмыков, а равно и с обрядами их религии сроком по 1 сентября 1894 г.», другая — от 14 июня по 1 октября 1896 г. — в связи с его поездкой в Астраханскую губернию для научных исследований [там же, л. 1, 4].

же года — членом-сотрудником РГО (с выдачей диплома за подписью вице-председателя РГО П.П. Семенова). Через три года Географическое общество избрало его действительным членом [там же, л. 10, 12—14].

Летом 1912 г. Котвич отправляется в Монголию с научной целью. Из Екатеринбурга он 11 июня обращается к Ольденбургу с просьбой выслать ему в Ургу программу по буддийской иконографии, которую он не успел захватить с собой перед отъездом в командировку [там же, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 299, л. 4]. В марте 1913 г. участники заседания РАО слушают его сообщение о поездке в долину Орхона летом истекшего года [там же, ф. 761, оп. 2, ед.хр. 20, л. 41]. Собранные в этой поездке материалы были им частично реализованы в публикации «Монгольские надписи в Эрдэни-дзу», помещенной в «Сборнике Музея антропологии и этнографии при РАН» (т. 5, вып. 1. Пг., 1917).

О плодотворной научной деятельности Котвича свидетельствует хотя бы тот факт, что он — автор более 150 научных работ, посвященных важнейшим проблемам алтаистики, монголо- и калмыковедения. Результаты его занятий в российских архивах нашли отражение в монографии «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII—XVIII вв.». В ней дана разносторонняя характеристика монгольских, китайских и маньчжурских письменных источников по истории ойратов. Плодотворной была и педагогическая деятельность Котвича¹⁰².

Среди наиболее одаренных учеников В.Л. Котвича — Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931). Его по праву считают основоположником советского монголоведения. Согласно метрической записи, он родился 20 июля 1884 г. в Калуге, в семье инженера-технолога, преподававшего тогда в городском реальном училище [ГАКО, ф. 33, оп. 4, д. 288, л. 891—892]. После окончания университета в 1909 г. Владимирцов был оставлен при монгольской кафедре для подготовки к профессорскому званию¹⁰³. В январе 1913 г. ему предоставили научную командировку в Англию и Францию [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 687, л. 1], где он помимо ознакомления с монгольскими рукописями и ксилографами посещал лекции крупнейших лингвистов того времени (А. Мейе, П. Пеллио и др.).

¹⁰² В 1920—1922 гг. он возглавлял Петроградский институт живых восточных языков. После подписания советско-польского договора ученый с женой и дочерью в августе 1922 г. выехал в Польшу, где в течение ряда лет возглавлял кафедру восточных языков в Львовском университете. Позднее он переехал в Вильно (Вильнюс), где и оставался до конца своих дней.

¹⁰³ Первый раз Владимирцова оставили при университете на срок с 1 сентября 1909 г. по 1 сентября 1910 г., второй раз — с 14 февраля по 1 сентября 1911 г. [ЦГИА, ф. 733, оп. 155, д. 436, л. 24].

После возвращения в 1915 г. в Петроград Владимирцов начал читать курс монгольского языка в университете и в том же году занялся разбором и описанием монгольских книг и рукописей в Азиатском музее Академии наук. Лишь в 1918 г. ему удалось опубликовать каталог монгольских рукописей и ксилографов Азиатского музея, находившихся в коллекции А.Д. Руднева, жившего в то время в Финляндии [Владимирцов, 1918, с. 1549]. Его занятия в монгольском фонде Азиатского музея оказали благотворное влияние на последующую научную деятельность исследователя. Ознакомившись с его составом, он отобрал, а впоследствии (в советское время) издал ценнейшие материалы литературного творчества монголов.

Не отличаясь крепким здоровьем¹⁰⁴, Владимирцов еще студентом принимал участие в полевых экспедиционных работах. Последующие его поездки в Монголию позволили ему не только собрать малоизвестные специалистам сведения и материалы о монгольских народах, но и получить хорошую языковую подготовку, что во многом определило его дальнейшие успехи в научных занятиях. Его рассказы об этих путешествиях неизменно пользовались вниманием публики. Ольденбург, сообщая Потанину о выходе вып. 3 и 4 «Живой старины», в письме от 4 марта 1912 г. из Петербурга с восторгом отзывался о превосходном сообщении Владимирцова о байтах, основанном на результатах его недавней поездки в Монголию [ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, ед.хр. 117, л. 1—2].

Научные публикации Владимирцова чаще всего были связаны с материалами, собранными в Монголии. Об этом свидетельствуют даже их названия: «Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа», «Поездка к байтам Кобдинского округа», «Поездка к кобдинским дэрбэтам» и др. Наиболее ценной среди публикаций по монгольской филологии до 1917 г. следует считать его работу «Турецкие элементы в монгольском языке» (СПб., 1911). Она стала первым в России трудом, посвященным вопросу о взаимоотношениях монгольского языка с тюркским. Этой работой воссоздавались традиции старого монголоведения, заложенные Я.И. Шмидтом и О.М. Ковалевским, стремившимися увязать эту науку со смежными областями знаний (в частности, с тибетологией и тюркологией). Эта публикация Владимирцова заметно отличалась от работ А.М. Позднеева, в которых даже буддийский лик Монголии, не говоря уже о чиновничьем, выглядел «каким-то захолустным и обособленным от всего другого буддийского мира»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Во время воинского призыва 1905 г. Владимирцов был «по освидетельствованию признан совершенно неспособным к воинской службе», в связи с чем Калужский уездный призывной пункт 19 сентября 1909 г. выдал ему соответствующее свидетельство [АВПР, ф. ДЛСХД, оп. 464, д. 687, л. 1—2].

¹⁰⁵ Владимирцов Б.Я. *Mongolica I*. — ЗКВ. 1925, т. I, с. 306.

Благодаря упомянутым публикациям отечественное монголоведение почти за столетний период своего развития сумело выйти на качественно новый уровень, отличавшийся от прежнего высокой точностью переводов и исчерпывающим историко-филологическим комментарием. Главным направлением монголоведных исследований в то время была история, что нашло отражение в основном в публикации письменных памятников средневековья. Опытными монголистами были подготовлены многочисленные грамматики, хрестоматии и словари старописьменного монгольского языка, остающиеся и поныне важнейшими пособиями для новых поколений монголистов.

По мере активизации экспедиционных работ российских ученых в пограничных владениях цинского Китая в сфере их интересов оказался и Синьцзян. Начало историко-археологическим исследованиям в Восточном Туркестане было положено Николаем Федоровичем Петровским (1837—1908), российским консулом в Кашгаре в 1882—1903 гг. Именно его находки (терракотовые скульптуры, рукописи, монеты, предметы быта и др.) на долгие годы привлекли внимание русских и европейских ученых к этой части Центральной Азии. О характере его научных занятий позволяют судить не только найденные им рукописи и различного рода предметы, впоследствии осевшие в библиотеках и музеях тогдашней России, но и материалы личной переписки. Часть его писем сохранилась в личных архивах некоторых его коллег-востоковедов, которым он посылал отдельные экспонаты из своего «домашнего» музея. Так, 27 ноября 1886 г. он сообщал Ф.Р. Остен-Сакену: «Послал в Академию Наук прекрасный оттиск с одной на камне кит. надписи, находящейся в горах близ Хами. Получил теперь известие, что оттиск этот передан на рассмотрение Радлову... Пишу об этом Васильеву. Розену (для Хвольсона) послал я камень с сирийскими надписями, присланный мне из Уч-Турфана... Теперь только, получив семиреченские рисунки несторианских надписей, вижу, что и камень мой покрыт таковыми же» [ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед.хр. 466, л. 233—234]. 3 октября 1893 г. Петровский писал Остен-Сакену о своих усилиях по розыску древностей в районе Хотана, где, по его мнению, чувствовалось сильное влияние индийской культуры: «Археологическое внимание мое, после Кучи и Курля на севере, имевшее в результате отыскание более 1000 листов санскритских рукописей на коже, коре, бумаге и открывшее (как пишет мне С.Ф. Ольденбург) совершенно новое поле исследований, обратилось к югу — к Хотану; и тут мне посчастливилось: добыл великолепные геммы... Слепки можете видеть у Розена. Ему уже посланы в подлиннике и две золотые монеты с изображениями как будто богородицы и надписями на 2-х языках — одном латинском странного начертания» [там же, л. 302—303].

Занимаясь историко-археологическими изысканиями в свободное от консульских обязанностей время, Петровский, несмотря на перегрузку служебными делами, довольно регулярно посылал в Петербург найденные им рукописи либо предметы материальной культуры. «Посылаю Вам по почте на имя барона В.Р. Розена, — писал он Ольденбургу, — 7 пачек рукописей, присланных мне из Хотана по-видимому, так, как они были найдены, т.е. не тронутыми разработкой. Рукописи, за малыми исключениями, в довольно жалком виде, но, может быть, Вы что-нибудь и выберете. Кроме рукописей получил опять массу терракот, изображений из мрамора, деревянного буддика (прехорошенького), деревянных досок с изображениями, „камешки“ и разной мелочи. Все эти терракоты и доски посылать с нашими джигитами уже нельзя — тяжело, а потому пошлю отсюда до Оша в караване (18 дней хода), а оттуда — почтою. Из присланных вещей особенно интересна рожа из белой глины, немного разрисованная; кажется, что это — маска с умершего» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 459, л. 26 (Письмо из Кашгара от 24 апреля 1895 г.)].

Подвижническая деятельность Петровского, занимавшегося собиранием древних книг, рукописей, монет и скульптурных изделий, находила активную поддержку со стороны российских востоковедов, особенно Ольденбурга и Розена, способствовавших изданию его статей. Не случайно 16 октября 1895 г. российский дипломат писал из Кашгара Остен-Сакену: «Досуг, которого не особенно много, посвящаю своим личным занятиям: между прочим, собиранию древностей, за что лестно прославлен бароном Розеном и Ольденбургом» [ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед.хр. 466, л. 314]. Некоторые рукописи, найденные либо приобретенные Петровским, как впоследствии выяснилось, были на согдийском, хотано-сакском, тохарском и других языках, распространенных на территории Центральной Азии в IV—X вв. Благодаря усилиям российских дипломатов (Петровского, Н.Н. Кроткова и др.) востоковеды впервые получили в качестве материала для исследования весьма редкие, порой уникальные тексты, в том числе буддийские по своему содержанию.

После открытий Петровского в Восточном Туркестане появились иностранные ученые — англичане, французы, немцы, шведы, японцы. Это подтолкнуло РГО направить туда своих исследователей, действия которых в первом десятилетии XX в. ознаменовались новыми ценными находками. Ознакомившись в Берлине летом 1912 г. с коллекцией археологических предметов, привезенных из Восточного Туркестана А. фон Лекоком, Д.Н. Анучин в газете «Русские ведомости» (01.05.1913) так оценивал их значение: «Эти находки, как и одновременные английские, а еще ранее русские, открыли собою, можно сказать, новые стра-

ницы в истории культуры, важные не только для археологии Средней (Центральной. — А.Х.) Азии в III—VIII и последующих веках, но и для истории цивилизации вообще, особенно истории письменности, религии, искусства, быта...»

Весомый вклад в изучение Восточного Туркестана, особенно его духовной культуры, внес С.Ф. Ольденбург, видный организатор буддологических исследований. Несмотря на многообразные обязанности неперменного секретаря Академии наук, он внимательно следил за появлением новой литературы о Восточном Туркестане и Тибете и в целях пропаганды научных знаний о Востоке не раз выступал в качестве рецензента наиболее интересных книг. Именно Ольденбургу Академия наук обязана успешной организацией двух археологических экспедиций в Восточный Туркестан, которые он и возглавил лично. Первая из них (1909—1910) успешно обследовала Турфан, вторая (1914—1915) — Дуньхуан¹⁰⁶. Благодаря этим экспедициям в Петербург было доставлено большое количество рукописей и их фрагментов (преимущественно на китайском языке), причем собрание письменных памятников VI—X вв. из Дуньхуана стало одним из самых крупных в мире. Благодаря этим находкам родилась большая комплексная научная дисциплина — центральноазиатская (китайская, древнеиндийская, иранская, тюркская, тибетская) филология. Об успешном завершении второй экспедиции в Синьцзян (с последующей поездкой в Дуньхуан пров. Ганьсу) Ольденбург сообщил Потанину в письме от 11 июня 1915 г. В нем, в частности, говорилось: «После года пребывания в Китае (частично в знакомых Вам местах) вернулся. Материалу привезено много. Между прочим, откопали в одной пещере разборный уйгурский деревянный шрифт» [ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, ед.хр. 117, л. 3—4].

Существенный вклад в изучение Центральной Азии лучших учеников И.П. Минаева — С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского — еще недостаточно раскрыт. Нуждается в коррекции также оценка трудов да и личности А.О. Ивановского. Под руководством В.П. Васильева, А.М. Позднеева и И.П. Минаева он уже в студенческие годы овладел рядом языков Восточной и Центральной Азии, включая тибетский. На почве изучения буддизма у него установились дружеские отношения с Минаевым, который, будучи по университетскому образованию китаистом, продолжал ин-

¹⁰⁶ Во время второго посещения Восточного Туркестана Ольденбург по приезде в г. Хами (Комул) 1 августа 1914 г. узнал о том, что Германия объявила войну России. Не менее горестным оказалось и известие о смерти брата, известного педагога-просветителя Ф.Ф. Ольденбурга, жившего в Твери. «Федор скончался, — записал в своем дневнике Сергей Федорович. — Моя жизнь оборвалась, ибо он был моим солнцем» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, ед.хр. 179, л. 19].

тересоваться историей китайской культуры. Книги по Китаю нередко ему приносил Ивановский, слывший большим знатоком китайской классической литературы.

Когда встал вопрос о присвоении Ивановскому звания экстраординарного профессора кафедры китайско-маньчжурской словесности, В.Р. Розен в мае 1894 г. особо указал на эффективность его контактов с В.П. Васильевым в изучении как китайского языка, так и тибетского. «Другим весьма плодотворным результатом установившихся между учителем и учеником отношений, — писал Розен, — является посвящение первым последнего в тайны тибетского языка, не входившего в программу факультетских занятий, но имеющего, как известно, большое научное значение как для лингвистики, так в особенности и для исследования буддизма, его литературы и его внешней и внутренней истории. В.П. Васильев — единственный ученый знаток тибетского языка в России, и весьма счастливым для русского востоковедения обстоятельством следует считать, что ему на склоне лет еще удалось часть этих именно знаний передать способному и неутомимому ученику. Учеников у В.П. Васильева за почти полувековую его профессорскую деятельность перебивало немало, но А.О. Ивановский из них первый и единственный, сумевший не только понять значение этой стороны почти необъятной учености нашего знаменитого сиолога, но и успевший воспользоваться ею» [ЦГИА, ф. 733, оп. 150, д. 1028 (1894 г.), л. 66—67].

Столь же положительно Розен характеризовал творческие контакты Ивановского с Минаевым: «Изучение тибетского яз. и буддизма сблизили А.О. Ивановского еще с одним из самых даровитых и замечательных наших ориенталистов — И.П. Минаевым, по совету которого Алексей Осипович стал несколько знакомиться также с санскритским яз. Покойный Иван Павлович... очень ценил знания и способности А.О. Ивановского и с полным доверием пользовался сообщениями его в одной из последних своих работ, именно в исследовании „Послание к ученику“... По просьбе И.П. Минаева А.О. Ивановский... издал текст тибетского перевода „Послания к ученику“. Обе работы были замечены за границей и вызвали благоприятные отзывы соответствующих специалистов» [там же, л. 67].

Как видно из публикаций второй половины XIX в., научный интерес к постижению «тайн» Тибета¹⁰⁷ нередко подогревался политическими расчетами. Англичане, служившие в Индии, активно занимались геодезической съемкой гималайских маршрутов, в том числе путей, ведущих в Лхасу. Под видом буддийских паломников туда с этой целью засылались специально подго-

¹⁰⁷ Подробно об изучении Тибета см. [Кюнэр, 1907—1908].

товленные ими индийцы. Среди них был Сарат Чандра Дас, известный впоследствии в ориенталистике своими многочисленными работами¹⁰⁸.

Ревниво следя за успехами англичан в изучении Тибета, РАН и РГО после неудачных попыток русских путешественников достичь Лхасы решили использовать для этой цели бурят, получивших светское образование¹⁰⁹. Первым из них туда отправился Гомбожаб (Гонбочжаб) Цэбекович Цыбиков (1873—1930), один из лучших воспитанников Читинской гимназии, успешно окончивший в 1899 г. ФВЯ Петербургского университета. Вот что он сам рассказал об организации своего путешествия: «Осенью 1898 г. один мой знакомый, штатный лама Янгажинского дацана Забайкальской области, Цэбэк-Даньчжа Ирдыниев, прислал мне рукописное описание путешествия в Тибет и Непал нештатного ламы Болтиморского дацана Мичжэд-дорчжи. Я, тогда студент Восточного факультета, представил эту рукопись на благоусмотрение профессора А.М. Позднеева... Он, рассмотрев эту рукопись, посоветовал мне самому по окончании курса университета поехать в Центральный Тибет и в дальнейшем принял меры к осуществлению такого моего путешествия, рекомендовав меня Совету Русского географического общества, который выдал мне средства на поездку» [Цыбиков, 1919, с. VI].

Маршрут Цыбикова был исключительно трудным: ему предстояло прокладывать его с севера — от Урги (ныне Улан-Батор) — на юг, минуя монастыри Лавран и Гумбум и труднопроходимое Тибетское нагорье. На путешествие в один конец ушло более восьми месяцев. Отправившись с попутным караваном из Урги 25 ноября 1899 г., он 3 августа 1900 г. прибыл в Лхасу. Во время пребывания в тибетской столице (до 10 сентября 1901 г.) Цыбиков совершил поездки в крупнейшие монастыри — Галдан, Сэра, Брайпунг и Ташилхунпо (резиденцию Панчэн-Ламы около г. Шигатзе). Лишь 2 мая 1902 г. Цыбиков вернулся в Кяхту. Трудно переоценить значение этого научного подвига. Достаточно ука-

¹⁰⁸ Например, в 1902 г. вышел в свет его большой, до сих пор сохранивший ценность тибетско-английский словарь, в 1904 г. в русском переводе в Петербурге было издано его «Путешествие в Тибет».

¹⁰⁹ Идея посылки бурята в Тибет с научными целями активно обсуждалась в научных кругах Петербурга еще в 80-х годах XIX в. Это видно, например, из письма Н.И. Веселовского Г.Н. Потанину от 10 июня 1887 г. Сообщая о переговорах по этому вопросу с И.А. Зиновьевым, возглавлявшим тогда Азиатский департамент МИД, он писал: «Из моих объяснений с Зиновьевым ничего не вышло... Но можно довольствоваться немногим: не агента послать в Тибет, а просто попросить грамотного монгола из тех, что отправляются в Лхасу, описать для нас свой путь (подробный маршрут, празднества, церемонии) на своем языке, а мы уж здесь извлечем из таких записок что нужно» [ТГУ, ф. Потанина (Письма), ед.хр. 881, л. 1].

зять на уникальные для того времени фотографические снимки (сделанные им в Лхасе, крупнейших монастырях и на обратном пути), а также впервые собранные на месте сведения и книги по истории, географии и этнографии Тибета¹¹⁰.

Многое из того, что удалось увидеть Цыбикову в Тибете, стало известно широкому кругу читателей лишь после 1917 г., однако в академических кругах с описанием многотрудного путешествия и собранными в ходе его важными сведениями были знакомы те, кто интересовался историей тибетской культуры.

Во время этого беспрецедентного путешествия Цыбиков приобрел в Тибете богатую коллекцию сочинений наиболее известных тибетских авторов, которая могла бы украсить библиотеку любого европейского университета, поскольку в ней в полном объеме была представлена, например, каноническая литература ламаистской секты Гелугпа (краткий каталог см. [Известия АН, Сер. V. 1904, т. XXI, вып. 1, с. 01—07]). Уже по пути в Лхасу он с помощью опытного ламы смог познакомиться с сочинением Цзонхавы «Ламрим-ченпо» — «Степени пути к блаженству» (начало XV в.), основополагающим трактатом этой секты. Последующие контакты с тибетскими и монгольскими ламами оказались особенно полезными при переводе Цыбиковым одной из трех глав упомянутого трактата на русский язык, которым пользуются специалисты до сих пор. Во время пребывания в Тибете Цыбиков уделил внимание и разговорному языку. Впоследствии, когда он стал преподавателем Восточного института во Владивостоке, это пригодилось ему при подготовке учебного пособия.

Заслуги Цыбикова перед отечественной наукой были по достоинству оценены российской научной общественностью. РГО удостоило его премии им. Н.М. Пржевальского, выбив в его честь золотую медаль с надписью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу» (подробнее см. [Доржиев, Кондратов, 1990]).

Не менее полезное в научном отношении путешествие в Тибет совершил в 1906—1907 гг. упоминавшийся выше бурят Бадзар Бадзарович Барадийн (1878—1939). В автобиографии он сообщает, что родился в Забайкалье, в местечке Могойтуй Агинского аймака, в семье скотовода; начальное образование получил в местной приходской школе, где в течение трех лет обучался и родному языку, и русскому; следующие три года учился в Читинской городской школе, а затем, в 1896—1898 гг., — в частной петербургской гимназии П.А. Бадмаева [Буддизм и Россия, с. 116].

¹¹⁰ О Цыбикове см. [Семичов, 1957]. Многие в этой работе почерпнуто из неопубликованного дневника путешественника, хранящегося в Улан-Удэ.

Вернувшись на родину, он жил у своих родителей, помогая им вести свое хозяйство. В 1900 г. ему в качестве переводчика одного богатого бурятского купца удалось побывать за границей — в Германии, Швейцарии и Италии. В 1902 г. он поступил вольнослушателем в Петербургский университет, где стал серьезно заниматься монгольским и тибетским языками, а также санскритом. Три года учебы в университете научили его самостоятельной работе с восточными материалами.

В 1903 г. РКИСВА поручил С.Ф. Ольденбургу и Ф.И. Щербатскому подготовить Барадийна к поездке в Центральный Тибет с научно-исследовательской целью. Ему предлагалось с помощью местных знатоков-наставников тщательно изучить сочинения тибетских буддистов, чтобы после ознакомления с библиотечными фондами приобрести наиболее ценные ксилографические издания. Согласно принятому плану четырехлетней подготовки, Ольденбург и Щербатской в течение трех лет должны были познакомить будущего путешественника-исследователя с циклом теоретических знаний по буддийской литературе, истории и философии, а также с санскритом. Четвертый год отводился на посещение монастырей Лавран и Гумбум (обл. Амдо) с последующей поездкой в центральную часть Тибета. Для предварительной подготовки к дальнему путешествию Барадийна в 1903 г. командировали в Забайкалье для сбора материала по буддийской иконографии и изучения религиозно-бытовой сферы деятельности ламаистских монастырей. Аналогичные поездки были организованы для него и в последующие два года.

В сентябре 1905 г. Русский комитет направил Барадийна в Халху, где в то время находился Далай-Лама XIII. Патриарх ламаистов был вынужден оставить Тибет в 1904 г., когда Лхасу захватили английские войска, пришедшие из Индии через Гималаи. Предполагалось, что Барадийн вместе с Щербатским, П.К. Козловым и др. сможет попасть в Центральный Тибет в составе свиты Далай-Ламы, когда тот отправится назад в Лхасу. Но возвращение главы ламаистов на родину затянулось, и Барадийну, приехавшему в Ургу, пришлось ожидать указаний Русского комитета относительно своих дальнейших действий.

Когда же от Жамцарано из Петербурга пришла телеграмма о том, что его решили направить в Лавран, Барадийн 13 октября 1905 г. отправил из Ван-Куреня, где тогда находился Далай-Лама, письмо Ольденбургу с просьбой прислать ему санскритско-немецкий словарь и географию Тибета, изданную В.П. Васильевым. Одновременно он попросил прислать ему маленький фотоаппарат «для работы с руки или на штативе», так как большой аппарат было «немыслимо взять» с собой в путешествие [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 28, л. 21]. В другом письме (от 2 декабря из

Ван-Куреня) он уже сообщал Ольденбургу о количественном составе своей экспедиции: «Моя маленькая экспедиция будет состоять из 4-х человек: меня, брата, случайного спутника — молодого ламы из Цуг[ольского] дацана, да одного еще молод. ламы из селенг[инских] бурят... Сначала мы побудем в Гумбуме, затем в Лавране... Хамба [Агван] Доржиев не дал мне рекомендаций. Я объясняю это его взглядом, что всякая рекомендация, связанная с его именем, может в данное время лишь повредить мне или по крайней мере навлечь на меня лишние подозрения» [там же, л. 23].

Путешествие Барадийна продолжалось с июня 1906 г. по январь 1907 г. Дольше, чем в других местах, он находился в Лавране, где смог основательно познакомиться с жизнью его обитателей и системой монастырского образования. И в Лавране, и в Гумбуме ему удалось приобрести местные ксилографические издания, отсутствовавшие в коллекции, привезенной Цыбиковым. Вместе с тем изучение с помощью лам — сторонников различных течений буддизма — позволило ему заметно расширить свои познания в истории духовной культуры народов Центральной Азии.

О путешествии в Лавран Барадийна рассказано в публикации, появившейся в 1908 г.¹¹¹ Что касается собранных им материалов, то они послужили ему надежной базой для последующих научных работ, непосредственно связанных с бурятоведением. Знакомясь с тибетской буддийской литературой, он пришел к такому заключению: «Чем больше изучаю буддизм, тем больше я прихожу к убеждению, что тибетские источники дают несравненно больше цельного представления о буддизме, чем все сохранившиеся ныне, сравнительно отрывочные санскритские и паллийские источники, и что Тибет — единственная страна, где можно изучить индийский (и тибетский) буддизм во всем его историческом развитии» [АВ, ф. 87, ед.хр. 31, с. 313—314].

Настоятельную необходимость изучения северного буддизма (махаяны) по письменным памятникам Центральной Азии, включая и древние буддийские тексты из Восточного Туркестана, отчетливо понимали и другие российские ориенталисты. Еще в 1897 г. по настоянию Ольденбурга Академия наук приняла решение об издании большой международной серии «*Bibliotheca Buddhica*», в которой предполагалось издавать и тексты на тибетском языке.

Большое значение для востоковедных исследований имело открытие в начале XX в. на территории Китая (близ южной границы современной Монголии) развалин «Черного города» — Хара-

¹¹¹ Краткий предварительный отчет о командировке Б.Б. Барадийна подготовлен С.Ф. Ольденбургом [Известия РКИСВА. 1908, март, № 8, с. 17—21].

Хото, где русским путешественникам удалось обнаружить полуистлевшие от времени документы на разных языках.

Первую весть о загадочном городе сообщил Г.Н. Потанин. В отчете 1892 г. он отметил, что во время его поездки в Монголию и Китай местные жители — монголы упоминали о некоем Черном городе, засыпанном песками. В 1907 г. в Монголию и Китай была снаряжена экспедиция, которую возглавил П.К. Козлов — один из сподвижников Пржевальского. В 1908 г. она достигла развалин Хара-Хото; при осмотре бывшей крепости здесь были найдены книги, рукописи, буддийские иконы, бумажные деньги и различные предметы бытового назначения. Эти сведения стали предметом обсуждения на заседании РГО, в котором приняли участие С.Ф. Ольденбург, китаевед А.И. Иванов и монголовед В.Л. Котвич. Козлову было предложено не идти в пров. Сычуань, а возвратиться в Хара-Хото и провести раскопки на территории найденного им города. В 1909 г. была обнаружена целая коллекция книг — на китайском языке и еще на каком-то другом, неизвестном. В том же году в Петербурге в помещении РГО была организована выставка предметов, найденных в Хара-Хото. Тем временем велась работа по изучению книжной коллекции. В ходе ее А.И. Иванову удалось выявить китайско-тангутский словарь XII в., открывавший вместе с другими найденными словарями путь к изучению неизвестного языка древних жителей тангутского государства. После первой публикации о тангутской письменности [Известия АН, Сер. VI. 1909, № 18] Иванов к 1919 г. составил тангутско-китайско-русский словарь, который, однако, не был издан (см. [Громковская, Кычанов, 1978; Кычанов, 1965]).

Несмотря на хронический дефицит в казне, что мешало развертыванию работ в области изучения Монголии, Восточного Туркестана и Тибета, в последней трети XIX — начале XX в. были достигнуты ощутимые успехи, благодаря которым Россия заняла одно из первых мест в мировой ориенталистике. Этому в немалой степени способствовали путешествия русских ученых, внесших серьезный вклад в изучение географии, истории и культуры центральноазиатского ареала.

Вместе с находками Н.М. Ядринцева и его спутников, обнаруживших на Орхоне рунические надписи на каменных стелах, а также рукописями и документами, найденными Ольденбургом и его коллегами в Восточном Туркестане, материалы, доставленные Козловым и членами его экспедиции из Хара-Хото, открыли перед исследователями, и прежде всего России, новые горизонты в изучении исторического прошлого народов Центральной и Восточной Азии, начиная по крайней мере с периода, предшествовавшего завоевательным походам Чингис-хана.

Открытие орхонских надписей и научная деятельность В.В. Радлова

В последней трети XIX в. исследования россиян в Центральной Азии и южных районах Восточной Сибири приобрели широкий размах, чему немало способствовали оживленная деятельность сибирских отделов РГО, а также основание в 1877 г. в Минусинске Н.М. Мартьяновым первоклассного для того времени музея. Научная работа просветительных организаций порой существенно дополняла результаты блестящих центральноазиатских экспедиций Пржевальского, его учеников и продолжателей. Активное участие в этой работе принимали политические ссыльные, группировавшиеся вокруг деятелей «сибирского областничества» — Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца и др. С именами двух последних связано одно из крупнейших открытий в тюркологии.

Уроженец Сибири и страстный ее патриот, Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894) считался признанным лидером наиболее демократического крыла в областничестве. Незаурядный публицист и литератор, он придавал важное значение социолого-этнографическим исследованиям Сибири, одновременно занимаясь историко-археологическими изысканиями. Триумфальным событием в его жизни стала экспедиция в Северную Монголию, куда он летом 1889 г. выехал с четырьмя спутниками по поручению Восточно-Сибирского отдела РГО. Одна из целей экспедиции заключалась в точном определении местоположения Каракорума — столицы первых Чингисидов. В долине р. Орхон путешественники тщательно осмотрели городище Карабалгасун, его стены и центральные («дворцовые») сооружения, достаточно четко сохранившиеся во внешних обводах. Их внимание, как позднее писал Ядринцев, привлекла «группа гранитных обломков, лежавших в 600 шагах от дворца, около каких-то валов и возвышений». «Присмотревшись, мы, — продолжал он, — увидели на них высеченные барельефы и вскоре различили... типического дракона; рядом мы нашли его голову. Обломки доказывали, что это было изваяние обелиска или монумента... Половина этого цита уцелела, и, взглянув на него, к изумлению, мы увидели здесь изображение знакомых рунических знаков, которыми испещрены енисейские могильники. Затем на других обломках мы нашли кроме тех же знаков китайские надписи и как бы монгольские, на самом же деле оказавшиеся уйгурскими¹¹². Воображение невольно работало, воскрешая картину прошлой жизни... Мы сознавали, что

¹¹² Впоследствии было установлено, что третий вид письменности Карабалгасунского памятника был согдийским.

стоим у разгадки того, что занимало ученых ориенталистов» [Ядринцев, 1892, с. 79—81].

Через две недели, узнав от местных жителей о существовании больших камней с подобными надписями в урочище Кошо-Цайдам, недалеко от Карабалгасуна, Ядринцев обнаружил там две каменные стелы с руническими и китайскими надписями, а также остатки значительных погребальных сооружений с мраморными статуями людей и животных. Было очевидно, что памятник был сброшен с находившегося рядом постамента, выполненного в форме черепахи. Другой памятник — несколько большего размера — находился на расстоянии примерно 1 км от первого и не только больше пострадал от времени, но и оказался разбитым на куски. Стелы были испещрены надписями со всех четырех сторон. С одной стороны они имели надпись китайскую, остальные три стороны были покрыты знаками, идентичными с теми, которые были известны исследователям по енисейским надписям. Изготовив копии 40 рунических строк и части иероглифического текста, экспедиция двинулась в обратный путь [там же, с. 103—105; Ядринцев, 1889, с. 257—272].

Сообщение Ядринцева о находках экспедиции наряду с рассылкой ученым литографированных копий рунических знаков вызвало сенсацию. Незадолго до этого В.Р. Розен по поводу надписей, найденных на Енисее, писал: «Девятнадцатый век — век неслыханных и поистине удивительных научных открытий во всех отраслях знаний. В науке исторической археологии он останется вечно памятным дешифровкой письмен иероглифических и клинописных разных систем. Не хотелось бы верить, что загадочные до сих пор сибирские надписи перейдут неразгаданными в 20-е столетие» [ЗВОРАО. 1890, т. VI, с. 444] (см. также [ЗВОРАО. 1894, т. VIII, с. 323]). находка двуязычной надписи открывала, казалось, столь желанные возможности. Но прежде необходимо было получить точные и полные копии иероглифического и рунического текстов, а также осуществить новое археологическое обследование обнаруженных погребальных комплексов. В связи с этим Академия наук приступила к подготовке новой экспедиции на Орхон, поручив руководство ею В.В. Радлову. Однако академическую экспедицию опередила финская.

Еще в 1887 г. финские археологи Иоганн Рейнгольд Аспелин (1842—1915) и Отто Хельмар Апеельгрэн-Кивало (1853—1937) занялись изучением надписей, обнаруженных в бассейне Енисея. В течение двух сезонов они скопировали 32 надписи, а в 1889 г. финский филолог Отто Доннер (1835—1909) издал первое относительно полное описание енисейских надписей. На VIII археологическом конгрессе в Москве (январь—февраль 1890 г.), где было сообщено об открытии рунических надписей в Монголии, Доннер

и Аспелин получили подробную информацию от Ядринцева. Уже летом 1890 г. Аксель Олай Гейкель (1851—1924), сотрудник Аспелина, прибыл в Монголию и к концу августа закончил работу по изготовлению эстампажей и фотографированию орхонских памятников. В 1892 г. финские ученые издали новое описание рунических надписей, включавшее на сей раз орхонские.

Летом 1891 г. экспедиция Радлова развернула работу в Монголии. Среди ее активных участников помимо Ядринцева был и ссыльный народоволец Дмитрий Александрович Клеменц (1848—1914), работавший в Минусинском музее. В работах экспедиции также участвовали фотограф и художник С.М. Дудин, топограф И.И. Щеголев и натуралист Н.П. Левин. Уже в следующем году вышел (одновременно с финским) подготовленный экспедицией «Атлас древностей Монголии». Он содержал как копии надписей (фотографии и экстампажи), так и информацию о результатах археологических обследований всего комплекса орхонских памятников [Радлов, 1892—1899]¹¹³. Это создало условия для их атрибуции и дешифровки.

Уже финский атлас содержал первые переводы китайских текстов двух памятников из Кошо-Цайдама, выполненные Г. Девериа и Г. Габеленцем. Они позволили датировать их VIII в. и определить надписи как погребальные — в память о двух видных деятелях Тюркского каганата [Попов П., 1894, с. 1—4; Васильев, 1897]. Как видно из текста стел, памятники были воздвигнуты в 734 и 731 гг. в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина, сыновей правителя восточных тюрок Кутлуга (Эльтериш-кагана).

25 ноября 1893 г. Вильгельм Томсен (1842—1927), известный датский филолог, нашел ключ к дешифровке енисейско-орхонских текстов, установив фонетическое значение почти всех письменных знаков в течение одного часа. В декабре Томсен сообщил о своем открытии Радлову, после чего, в январе 1894 г., последний представил в Академию наук свой вариант перевода надписей [Бартольд, 1928, с. 760; Самойлович, 1928, с. 17—21] со ссылкой на открытие Томсена¹¹⁴.

Тем временем участникам Орхонской экспедиции (уже без Радлова) в Монголии и Туве удалось открыть новые рунические памятники и получить о них ценные сведения. В 1891 г. Ядринцев обнаружил Онгинский и Асхетский памятники [Ядринцев, 1901, с. 43—44, 46—48], а Клеменц тщательно обследовал Карабалгасун и некоторые другие городища Северной Монголии и Тувы [Клеменц, 1895]. В 1893 г. последнему удалось обнаружить вторую Ас-

¹¹³ В последующие годы (1893, 1896, 1899) вышло еще три выпуска «Атласа». Отчеты сотрудников экспедиции см. СТОЭ.

¹¹⁴ Для метода дешифровки, изложенного Томсеном, характерна строгость филологических приемов. Подробнее см. [ЗВОРАО. 1894, т. VIII, с. 327—337].

хетскую надпись и рунические надписи (черной краской) на скале Тайхир-чулу (Хойто-Тамир). Его жена Е.Н. Клеменц в 1897 г. в урочище Баин-Цокто также нашла древнетюркский погребальный комплекс в честь военачальника и советника трех каганов Тоньюкука. Его описанию Радлов посвятил вып. IV «Атласа древностей Монголии» (1899) и специальную работу «Древнетюркские надписи Монголии» (на нем. яз.).

В 1894—1895 гг. Радлов опубликовал предварительный перевод (на нем. яз.) памятника в честь Кюль-тегина, а затем издал три выпуска «Древнетюркских надписей Монголии». С этого времени изучение древнетюркской письменности выделилось в особую отрасль тюркологии и ее признанным центром стал в те годы Петербург.

В 1909—1911 гг. Радлов издает серию статей, в которых излагает свои соображения о древнетюркских диалектах и анализирует новые находки из Восточного Туркестана — фрагменты «рун» на бумаге (в том числе восемь, опубликованных Лекоком, и один, полученный Радловым от Ольденбурга) [Известия АН, Сер. VI. 1909, т. 3, № 18, с. 1213—1220; 1910, т. 4, № 13, с. 1025—1029; 1911, т. 5, № 5, с. 305—326, № 6, с. 427—452]. В то же время отдельно публикуются надписи, обнаруженные в Ярхото Клеменцом.

Важную роль в изучении древнетюркской рунической эпиграфики сыграло созданное еще в 1883 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) Финно-угорское общество. Продолжая субсидировать полевые исследования финских ученых, оно по мере возможности издавало их важнейшие труды. В 1897 г. в Восточном Казахстане работала экспедиция Отто Доннера-младшего (1871—1932). Открытые ею несколько мелких надписей, к сожалению, остались неопубликованными¹¹⁵. В 1898 г. в долине Таласа, а затем в Восточном Туркестане работала экспедиция Х.-И. Гейкеля (1865—1937). С некоторыми итогами ее работы удалось познакомиться лишь в 1918 г. В 1898 г. в Монголию отправился ученик О. Доннера Г.-И. Рамстедт (1873—1950), впоследствии ставший одним из создателей современной алтаистики. В 1900 г. им была найдена Суджинская руническая надпись. В 1908 г., во время повторной поездки в Монголию, он вновь обследовал памятник Тоньюкука (материалы об этом были опубликованы его учеником Пенти Аалто в 1958 г.), скопировал ранее открытую Суджинскую надпись, а затем возле оз. Шине-усу вышел на новый крупный рунический памятник, первоначально названный им «Селенгинский камень»¹¹⁶.

¹¹⁵ Aalto P. *Oriental Studies in Finland (1828—1918)*. Helsinki, 1971, с. 99—100.

¹¹⁶ Рамстедт Г. Как был найден «Селенгинский камень». Перевод надписи «Селенгинского камня». — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. 1912, т. XV, вып. 1.

В 1906—1910 гг. по заданию Финно-угорского общества три поездки в Туву и Монголию совершил Г.-И. Гранэ (1882—1956). Ему удалось открыть несколько новых енисейских памятников и обследовать рунические надписи на скале Тайхир-чулу, близ р. Хойто-Тамир.

С середины первого десятилетия XX в. интерес к руническим памятникам несколько снижается. Причину этого явления А.Н. Самойлович объясняет тем, что «П.М. Мелиоранский, самый молодой из трех главных участников разработки памятников турецкой рунообразной письменности... был рано похищен у науки смертью»; Радлов с открытием в песках Китайского Туркестана интересных памятников уйгурской письменности отошел от изучения надписей Монголии и Сибири, которые он все (не считая позднее открытых Рамstedтом и Котвичем) предварительно проработал [Самойлович, 1928, с. 24—25]. Рамstedт, более монголист, чем тюрколог, войдя в число исследователей тюркских памятников Монголии, ограничился выпуском текста и перевода открытых им самим надписей. Что касается зарубежных ученых, то, например, В. Банг, открывший особую систему сочетания единиц и десятков в числительных в енисейско-орхонских надписях, увлекся исторической грамматикой тюркских языков.

После открытия В.Л. Котвичем в 1912 г. надписи Ихе-Хушоту (памятник Кули-чора) специальные поиски новых крупных памятников рунической письменности фактически прекратились. Обнаруженные впоследствии новые мелкие и довольно трафаретные по содержанию и языку енисейские надписи, как и находки еще более кратких надписей, а иногда и отдельных знаков в других районах распространения древнетюркского рунического письма, внесли лишь дополнительные штрихи в общую картину этой отрасли тюркологии, значительный импульс развитию которой был дан в России Радловым и его коллегами.

Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837—1918) родился в Берлине. В историю отечественного востоковедения он вошел как исследователь не только древнетюркских письменных памятников, но и средневековых уйгурских. Хорошей лингвистической подготовкой он обязан Берлинскому университету, где в 1854—1858 гг. слушал лекции известного языковеда Вильгельма фон Гумбольдта, рассматривавшего язык как одно из проявлений духовной жизни народа. С развитием взглядов В. Гумбольдта Радлов смог познакомиться на лекциях одного из корифеев индоевропейского языкознания — Августа Фридриха Потта, которого слушал в Галле. В тот же период в Берлинском университете преподавал основатель сравнительного языкознания Франц Бопп. Под влиянием идей этих ученых сложилось понимание Радловым задач лингвистической науки. В 1858 г. Радлов приехал в Россию.

Его интерес к языкам урало-алтайской группы возник после знакомства с трудами Вильгельма Шотта, который задолго до возникновения гипотезы о родстве этих языков выявил типовые соответствия между ними. В становлении взглядов Радлова на грамматическую структуру тюркских языков существенную роль сыграла работа О.Н. Бётлинга «О языке якутов», которая, по словам современников, давала объективное и отвлеченное от известных в то время грамматических схем описание грамматики неиндоевропейского языка [Бётлинг, 1853, с. 440, 438; Огородников, 1846]. Среди первых последователей О.Н. Бётлинга в России был Радлов, автор серьезного труда по фонетике «северных» тюркских языков, основанного на материале более 20 тюркских языков и наречий. В той или иной форме он опубликовал все известные в тот период древнетюркские рунические надписи¹¹⁷. Они изучались им в графо-фонетическом, лексикологическом, морфологическом, синтаксическом, диалектологическом и историческом отношениях. Благодаря его исследованиям была создана реальная база для изучения истории тюркских языков, выявлены фонетические и морфологические закономерности их развития. В результате выявления характерных фонетических и морфологических признаков, принятых в качестве классификационных, Радловым были выделены три группы языков: северная, южная, смешанная, при этом он указывал на многоступенчатость процесса смешения, имевшего место в тюркских языках с древнейших времен.

Важными достижениями в изучении памятников древнетюркской письменности ознаменовалась деятельность Платона Михайловича Мелиоранского (1868—1906). По словам Бартольда, он всегда «сознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных памятников народа), а лингвистом, для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения» [Бартольд, 1906, с. 508]. Лингвистические взгляды Мелиоранского формировались под влиянием школы неограмматиков, поэтому диахроническое изучение явлений языка в его исследовательской деятельности занимало одно из главных мест. Мелиоранский придавал огромное значение памятникам письменности и считал обращение к ним одним из условий успеха в сравнительно-историческом изучении языков¹¹⁸. Среди его работ, касающихся рунических письменных памятников, наиболее значительны: перевод на русский язык надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, статья «Об орхонских и енисейских надгробных

¹¹⁷ Перечень памятников с руническими надписями см. [Васильев Д., 1983].

¹¹⁸ Памяти Мелиоранского посвящен «Тюркологический сборник 1972», где в нескольких статьях (А.Н. Кононова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака и др.) рассмотрено значение его научных трудов для тюркской филологии. В этом же издании дан список трудов Мелиоранского и литературы о нем (с. 396—400).

памятниках с надписями» (с подробным лингвистическим, историческим, этнографическим анализом текстов памятников), статья о рунической надписи из Семиречья и в особенности «Памятник в честь Кюль-тегина». В последней работе, ставшей вехой в изучении древнетюркских рунических памятников, подводятся некоторые важные итоги по поводу их открытия, даются сведения по истории Центральной Азии в эпоху создания памятников и подробный комментарий, в котором многие факты получили новую для своего времени трактовку.

Большое значение Мелиоранский придавал исторической фонетике тюркских языков. Он допускал возможность фонологической интерпретации графических элементов, используемых в текстах, и отрицал целесообразность попыток передачи текста способом «чистой» транслитерации, исключая элемент интерпретации. Благодаря скрупулезному анализу ему удалось не только выявить фонетическое содержание ряда знаков рунического алфавита, но и установить грамматическое значение некоторых формантов, претерпевших изменения или не встречающихся в современных тюркских языках.

За находками на р. Орхон, послужившими толчком к стремительному развитию тюркологии в конце XIX в., вскоре последовали не менее важные открытия в Восточном Туркестане, где были найдены древние памятники письменности и материальной культуры. Благодаря новым открытиям в распоряжении ученого мира впервые оказались раннесредневековые произведения литературы и искусства уйгуров, дотоле известные лишь по пересказам в нарративных источниках. Как известно, историей уйгуров интересовался еще А.К. Казем-Бек. В своей статье «Исследования об уйгурах» [ЖМНП. 1841, ч. 31, отд. II, с. 4—122] он впервые предпринял попытку отойти от «мифических вымыслов», чтобы выявить подлинную роль уйгуров в истории Центральной Азии. Однако более серьезным трудом, предопределившим дальнейшие успехи в изучении тюркоязычных письменных памятников, в том числе из Восточного Туркестана, явилось издание одного из монументальных сочинений XI в. — поэмы Юсуфа Хас-хаджиба Баласагунского «Кутадгу билиг», осуществленное Радловым [Радлов, 1890].

Еще в 1820 г. из каталога арабских, персидских и тюркских рукописей, составленного австрийским востоковедом Й. Хаммер-Пургшталем, стало известно, что в Венской библиотеке имеется тюркская рукопись с уйгурским текстом. Вскоре, в 1825 г., французский ориенталист П.-А. Жюбер опубликовал в «*Journal asiatique*» статью с подробным анализом ее содержания. В последующие годы к этой рукописи, обладавшей бесспорными литературными достоинствами, обращались многие востоковеды: И.Н. Бе-

резин (1857), Н.И. Ильминский (1861) и др. Но первая попытка ее полного издания была предпринята лишь в 1870 г. Германом Вамбери. Столкнувшись с трудностями интерпретации ряда мест рукописи, венгерский ученый опустил их в издании, в результате чего оригинальный текст данного произведения оказался серьезно урезанным (см. [Радлов, 1890, с. 1]). Это и обусловило необходимость повторного издания памятника с полным воспроизведением текста. За решение столь нелегкой задачи взялся Радлов. Но для этого ему понадобилось сначала съездить в Вену (поездка состоялась в 1884 г.). В 1890 г. ему удалось опубликовать факсимиле памятника, а в 1891 г. — полную транскрипцию и перевод. В развернутом предисловии, озаглавленном «К вопросу об уйгурах», обобщены разнородные и разрозненные сведения об уйгурах, извлеченные из разных источников. Благодаря изысканиям Радлова востоковедение обогатилось первым систематизированным изложением истории уйгуров в древности и в раннее средневековье.

Издание «Кутадгу билиг» было завершено Радловым лишь после того, как в его распоряжении оказалась рукописная копия другого списка этого сочинения, обнаруженного в Каире в 1897 г. арабистом Бернгардом Морицем. На его основе Радловым были пересмотрены и заново выверены части, опубликованные ранее. Несмотря на то что сомнения относительно интерпретации отдельных пассажей литературного произведения устранить не удалось, издание его полного текста в 1910 г. явилось крупным достижением мировой тюркологии¹¹⁹.

Археологические находки в Восточном Туркестане в конце XIX — начале XX в. вызвали интерес в научных кругах европейских стран. В связи с этим была специально учреждена международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии. Судя по проекту, представленному XIII съезду ориенталистов в Гамбурге, ее центром должен был стать Петербург. В соответствии с этим в 1903 г. здесь начал функционировать Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Его руководителем избрали В.В. Радлова, а секретарями — В.В. Бартольда и Л.Я. Штернберга. При активном содействии этого комитета были снаряжены многие экспедиции, в том числе в Восточный Туркестан под руководством Д.А. Клеменца (1898 г.), М.М. Березовского (1906—1907 гг.), С.Ф. Ольденбурга (1909—1910 и 1914—1915 гг.), С.Е. Малова (1909—1911 и 1913—1915 гг.). В ходе этих экспедиций, пользовавшихся поддержкой российских консу-

¹¹⁹ Сводный текст памятника, составленный турецким ученым Р.Р. Аратом на основе трех списков рукописи (венского, каирского, наманганского), был издан лишь в 1947 г., а перевод сводного текста и лексический индекс, также подготовленные Р.Р. Аратом, вышли в свет в 1959 и 1979 гг.

лов, особенно Н.Н. Кроткова, было найдено большое число памятников письменности и материальной культуры указанного региона.

Первые уйгурские тексты из Восточного Туркестана были доставлены в Петербург экспедицией, снаряженной в 1898 г. на средства Академии наук, под руководством Клеменца. Уже в следующем, 1899 г. вышла в свет статья Радлова, содержащая дешифровку четырех уйгурских текстов, найденных в Турфане (двух деловых документов и двух литературных фрагментов буддийского содержания). Этой публикацией было положено начало изучению раннесредневековых уйгурских письменных источников Восточного Туркестана, ставшему впоследствии одним из ведущих направлений в мировой тюркологии.

К числу наиболее значительных достижений в области изучения раннесредневековой уйгурской письменности следует отнести издание сутры «Алтун ярук» — уйгурской версии сутры «Суварнапрабхаса».

В 1909—1911 гг. в Восточном Туркестане с целью лингвистических исследований побывал Сергей Ефимович Малов (1880—1957) — сын известного в Казани православного деятеля. В одной сельской кумирне он обнаружил листы рукописей, положенных за изображение Будды в качестве «ненужного и бесполезного, но все же „священного“ хлама» [Малов, 1951, с. 139]. Как впоследствии выяснилось, большая часть найденного Маловым в разных местах рукописного материала относилась к сутре «Алтун ярук», принадлежащей перу выдающегося уйгурского литератора Сынгу Шели-тутунга и получившей в уйгурской среде широкое распространение. Благодаря Малову российские востоковеды стали обладать одним из наиболее полных списков этого произведения¹²⁰.

Среди материалов, доставленных Маловым из Восточного Туркестана, были также деловые бумаги, которые он позднее опубликовал в статье «Два уйгурских документа» (с. 384—394) и в книге «Памятники древнетюркской письменности» (с. 201—204).

Интересные материалы удалось собрать этому ученому и во время его поездки на Лобнор. В письме от 7 сентября 1914 г. из Чархлыка, адресованном Ольденбургу, он, в частности, сообщал: «В Миране прожил я 1½ месяца, записал много текстов на лобнорском наречии, которое было до сих пор неизвестно; фотографировал, измерил антропометрическими инструментами 150 лобнорцев и проч.... Раскопал 5 могил, надеясь найти древнетурецкие рукописи, но рукописей не нашел... В Турфане, проездом весной,

¹²⁰ В колофоне найденной Маловым рукописи сообщается дата ее переписки: «двадцать шестой год правления Кан-си династии Да Цин, в год зайца», что соответствует 1687 г. Это указывает на то, что уйгурское письмо в Восточном Туркестане было в ходу вплоть до XVII в., т.е. значительно дольше, чем ранее предполагали ученые.

мне удалось приобрести за дорогую плату небольшую коллекцию уйгурских рукописей, из коих часть — буддийские тексты, а часть — юридические документы» [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 369, л. 1—2].

Отдельные фрагменты сутры «Алтун ярук» опубликованы Радловым при участии Малова в 1913—1917 гг. в серии «Bibliotheca Buddhica». Помимо выборочных публикаций текста Радлов осуществил почти полный перевод сутры, изданный (к сожалению, частично) в 1930 г.

Как один из опытнейших лексикографов своего времени, Радлов придавал важное значение изучению словарного богатства древнетюркских письменных источников. С целью его инвентаризации был составлен большой уйгурско-немецкий словарь, в основу которого легли тексты, изданные в России и за рубежом, и прежде всего сутры «Алтун ярук», остававшейся неопубликованной. При жизни составителя была набрана лишь небольшая часть словаря¹²¹.

Радлов одним из первых обратил внимание на то, что в языке раннесредневековых письменных памятников из Восточного Туркестана отразилось сложное взаимодействие между литературным и разговорным языками в их разных диалектных формах. Соответственно этому ученый придавал серьезное значение анализу языковых особенностей отдельных текстов, которые при методологически правильных приемах исследования могли служить более чем ценным материалом для изучения этнической истории Центральной Азии.

Требовательный к себе, Радлов ценил в людях деловые качества, особенно компетентность, добросовестность и пунктуальность в исполнении того или иного поручения. Поэтому он не избегал контактов с «политически неблагонадежными элементами» и, более того, охотно поддерживал этих людей, если того требовали интересы науки. Примером его идеологический «незашоренности» могут служить отношения с известным народовольцем Д.А. Клеменцем, с которым Радлову пришлось работать в период Орхонской экспедиции 1891 г. В письме к В.П. Сукачеву, одному из влиятельных деятелей Восточно-Сибирского отдела РГО, он 8 марта 1892 г. сообщал: «Во время путешествия своего я мог убедиться в способности, научной подготовке и добросовестности Д.А. Клеменца и поэтому, возвратившись в С.-Петербург, сделал представление в Академию о поручении ему самостоятельных летних экспедиций для исследования Северной Монголии в течение 5 лет... Я надеюсь, что Вы дадите Д.А. Клеменцу возможность

¹²¹ Памяти Радлова посвящен «Тюркологический сборник 1971», где рассмотрен его вклад в развитие отечественной тюркологии и дан хронологический перечень трудов ученого и литературы о нем (с. 261—279).

в течение лета посвятить себя возложенному поручению, которое само собою должно входить в задачу отдела, и удержите его в самом отделе как наиболее выдающегося труженика науки» [ЦГАЛИ, ф. 1769, оп. 1, ед.хр. 5, л. 1].

Контакты Радлова с демократически настроенными учеными (Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым, Д.А. Клеменцем и др.) дополнялись деловыми отношениями с представителями высшей влиятельной аристократии (например, с великим князем Константином, графом А.А. Бобринским и др.), которых он стремился убедить в необходимости оказания финансовой и материальной поддержки востоковедной науке, остро нуждавшейся в помощи со стороны государства.

Важной инициативой Радлова в деле более эффективной организации научных востоковедных работ было то, что он впервые (на XII конгрессе ориенталистов в Риме в октябре 1899 г.) поднял вопрос о необходимости международного сотрудничества в исследовании сложнейших проблем истории, филологии и культуры народов Центральной и Восточной Азии. «Замечательные открытия в Китайском Туркестане остатков старинных культур: буддийских, манихейских, христианских, — отмечал С.Ф. Ольденбург в 1918 г., — вызвали справедливый интерес к этому любопытному узлу, и мыслью Радлова было создать международную организацию для совместного изучения и издания громоздких новых материалов» [ПФ РАН, ф. 208, оп. 2, д. 130, л. 43]. Инициатива Радлова в создании такой международной организации, а также РКИСВА увенчалась новыми важными открытиями в различных областях востоковедения, выдвинувшими российских ученых на передовые позиции в разработке и освоении богатейшего культурного наследия народов Азиатского континента.

ИНДОЛОГИЯ

И.П. МИНАЕВ

Во второй половине XIX в. складывается научная школа отечественной индологии. Ее становление связано с именем Ивана Павловича Минаева (1840—1890) [Минаев (сб.ст.)].

Он родился в Тамбове, в большой небогатой дворянской семье. Всего детей было 18, но почти все они рано умерли от чахотки. Отец скончался во время эпидемии холеры в 1848 г. После окончания классической гимназии в 1858 г. Минаев поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду. Чем определен был этот выбор, сказать трудно. В студенческие годы (в 1861 г.) он писал сестре: «Ну где тут смысл — в Тамбове, в глуши, среди мелких помещиков зародилось вдруг стремление к синологии, филологии, и может ли во мне это стремление быть органическим явлением?». То же — и в дневнике (13 января 1863 г.): «„Китайщиной“ занялся. К чему? Зачем? Почему именно это выбор? Дико!». Как бы то ни было, китайским языком он занимался упорно, стремясь стать настоящим специалистом. Вероятно, рано пришло и ощущение совершенно иной цивилизации: «С первых строк китайской истории вы вступаете в новый мир, чуждый вам по миросозерцанию». Это восприятие Востока как совершенно иного мира, который надлежит понять исходя из собственных принципов, было свойственно ученому и в его зрелые годы [АВ, ф. 39, оп. 4 д. 21, л. 16; оп. 3, д. 31, л. 91, 68].

В студенческой жизни Минаев активного участия не принимал. Из университетских товарищей был «на ты» лишь с одним человеком — Мстиславом Праховым, переводчиком Гейне и Хафиза, позднее покончившим самоубийством. «Духовное одиночество», потребность самовыражения воспитали в нем привычку к регулярному ведению дневника. Записи студенческих лет часто имеют характер исповеди, нередко звучит в них мотив самоубийства. В юношеские годы Минаев был склонен к бесконечному и мучительному самоанализу. Вновь и вновь он делал записи такого рода: «...блажен человек... кого не мучали сомнения. Мы все люди надломленные... заедены... рефлексией». И повторял: «Стро-

же к себе... нужно приниматься за окончательную переделку самого себя!» [там же, оп. 3, д. 31, л. 66, 11 об., 4 об.]. Наука была для него выходом из душевного кризиса, и обращение к Востоку, очевидно, было связано с его поисками цельности мирозерцания.

Начиналась эпоха великих реформ, поднималось общественное движение, но темы политики редко и мимоходом затрагивались в студенческих дневниках Минаева. Происходящее отражалось в душе молодого человека главным образом как осознание своего гражданского долга: «Да когда же наконец оставит Русь свое проклятое бессилие?.. Окончательная спячка сменилась глупым либеральничаньем, а дела истинного, гражданского дела все нет да нет» [там же, л. 18 об.]. Лишь однажды он принял пассивное участие в студенческой демонстрации. И тут же появилась дневниковая запись, что-де человек он кабинетного ума, быть на трибуне и на баррикадах — это не для него даже при всем глубоком и искреннем сочувствии движению [там же, л. 32]. Но именно в эти годы складывались взгляды и гражданская позиция Минаева. Его личность формировалась под воздействием общественных перемен. Он вовсе не был равнодушен к «злобе дня», но свое место в жизни страны молодой ученый понимал значительно глубже, чем просто ориентацию в противоборстве политических группировок: «Вечное стремление к идеалу. В этом мой долг» [там же, оп. 4, д. 21, л. 19]. И еще: «...мой идеал — [идеал] человека-гражданина и мужа науки» [там же, оп. 3, д. 31, л. 11]. Чисто научные проблемы в его сознании были неразрывно связаны с вопросами нравственности. Он готовил себя не просто к карьере ученого: «Для нас нет другой школы гражданской жизни, как университет. Что же сделается с университетом, если в профессорах он будет иметь одних мужей науки?» [там же, л. 82].

Как начинающий китаист, Минаев занимался под руководством В.П. Васильева. Со II курса он приступил и к изучению санскрита, беря уроки у К.А. Коссовича. Вероятно, Васильев, как буддолог, рекомендовал своему студенту ознакомиться с языком родины буддизма. Тематика университетских занятий, продиктованная также Васильевым, была связана с исторической географией. Работа студента III курса И.П. Минаева «Географические исследования о Монголии» была отмечена золотой медалью. Но все чаще и чаще в дневниках его ставились проблемы истории стран Востока. География, так же как и этнография, воспринималась начинающим ученым главным образом как основа, помогающая понять характер цивилизации.

Минаев окончил университет в 1862 г. Автор дневника весьма скептически оценивал свои студенческие годы: «Как мало я сделал за четыре года пребывания в университете. Четыре года по-

стоянно занимался китайским языком... Как мало дает университет! Как несостоятельны наши профессора!» [там же, л. 14, 16]. О Васильеве он отзывается как о хорошем специалисте, но плохом преподавателе: «Все то малое, что я знаю, я приобрел сам, без его помощи... Он больше путал, вообще выказал окончательное непонимание исторической науки» [там же, л. 84].

Разумеется, у молодого ученого постепенно складывалось свое представление о целях и методах исторического исследования.

Минаева ожидала длительная заграничная командировка от Министерства народного просвещения для приготовления к профессорскому званию. Васильев считал, что прежде всего необходимо поехать на Восток. Однако юноша предпочел Европу, стремясь приобщиться к современной науке: «...путешествовать необходимо с определенной целью; и для этого важно будет пребывание в Европе», тогда и «цель поездки на Восток прояснится» [там же, л. 84 об.]. Студенчество 60-х годов обращало взоры на Запад, рассчитывая там получить основы научных знаний.

Факультет предполагал использовать Минаева для преподавания истории арийских народов (такая дисциплина была предусмотрена Уставом 1863 г.). Поэтому и основной круг занятий во время командировки был ориентирован не на китаеведение, а на индологию. Минаев имел возможность учиться у корифеев европейской санскритологии. В Берлине он слушал лекции основоположника сравнительного языкознания Ф. Боппа, учился у знаменитого А. Вебера, в Геттингене брал уроки санскрита у Т. Бенфея. Налаживать контакты с европейскими востоковедами ему помогал А. Шифнер. В 1864 г. молодой русский индолог стал членом Немецкого востоковедного общества. Весьма важное значение имела для Минаева и общая научная атмосфера; большой интерес у него вызвали, например, лекции Штейнтала по сравнительной мифологии, обсуждение проблем психологии народов.

Планируя свое будущее, Минаев предполагал изучать главным образом культуру Индии и Китая: «Политическая история имеет важность только по отношению к народной цивилизации» [там же, л. 57]. Но саму культуру он понимал чрезвычайно широко — как все, в чем выражается сознание народа. «Объективными элементами этого народного духа являются язык и религия. Сравнительное языкознание и мифология становятся науками лишь на почве народной психологии» [там же, л. 54 об.]. Это был тот подход, который сложился у него в «годы учения». Недаром много лет спустя ученый поставил эпиграфом к своей книге «Очерки Цейлона и Индии» (1878) слова Т. Карлейля: «Главное, что характеризует человека или нацию — религия». Он и стал исследователем индийских религий, чтобы понять душу восточной цивилизации.

При изучении чужой культуры Минаев считает необходимым «абсолютное беспристрастие», «отрешиться от своих верований», чтобы не было такого «уголка, куда человек не смеет подойти с ножом анализа» [там же, л. 50 об., 48 об.]. Конечную цель исторического исследования он определяет как «познание законов нравственного мира», дающее «полноту мирозерцания» [там же, л. 41, 43].

Заграничная командировка затянулась на пять лет (1863—1868). Последние годы он провел в Париже и Лондоне. Его интересы все более сосредоточивались на Индии и буддизме. Усовершенствовав свои познания в санскрите, Минаев стал усиленно заниматься пали — языком буддийского канона «Типитака». Он разобрал коллекцию палийских манускриптов Национальной библиотеки в Париже и составил их каталог, который должен был быть напечатан. Работа эта полностью захватила его. И много лет спустя, оказавшись в Лондоне, ученый ностальгически вспоминал «старые годы», когда он «здесь жил, ни о чем не думая, кроме буддийских рукописей» [там же, оп. 1, д. 106, л. 85]. За время пребывания в Западной Европе Минаев стал превосходным знатоком индийского буддизма.

Университетские дела между тем складывались не вполне удачно. Несмотря на благожелательное отношение к молодому ученому В.П. Васильева и К.А. Коссовича, кафедру истории арийских народов отдали иранисту Г.В. Мельгунову, а Минаев по возвращении получил место доцента санскритской словесности.

В 1871 г. он перешел на историко-филологический факультет, став в 1873 г. профессором по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков. Но основные интересы ученого находились отнюдь не в области чистой лингвистики. Он старался ввести в круг преподавания предметы, необходимые для подготовки индологов — специалистов по религии, культуре, философии Индии. О читавшихся им курсах дают представление литографированные издания 80-х годов («Общее языкознание», «Лекции по сравнительному языкознанию» и др.), а также «Очерк важнейших памятников санскритской литературы» для «Всеобщей истории литературы» под редакцией В.Ф. Корша и многочисленные рукописи, хранящиеся в архиве [АВ, ф. 39].

Магистерскую диссертацию И.П. Минаев защитил 2 марта 1869 г. Ею стала книга «Пратимокша-сутра. Буддийский служебник», изданная на языке пали с фрагментами средневекового комментария и с переводом на русский язык. В основу издания были положены рукописи парижской Национальной библиотеки, петербургского Азиатского музея и список из коллекции автора. В 60-х годах изучение в Европе буддизма только начиналось. У русского ученого почти не было предшественников, исключая

Э. Бюрнуфа и Х. Лассена, написавших очерк грамматики пали. Поэтому издание «Пратимокша-сутры» стало существенным вкладом в мировую буддологию. В России ряд исследователей (прежде всего Васильев) занимались буддизмом по китайским, тибетским и монгольским источникам с привлечением текстов на санскрите. Минаев же начал исследования так называемого южного буддизма, т.е. школы тхеравады, или хинаяны.

Докторскую диссертацию на тему «Очерк фонетики и морфологии языка пали» ученый защитил 18 декабря 1872 г. Она стала одним из первых систематических описаний этого языка и в течение ста лет оставалась единственным трудом по данной теме в отечественной науке. Уже в 1874 г. книга (с исправлениями и дополнениями, сделанными автором) была переведена на французский, а в 1875 г. — с французского на английский. Ее использовали в качестве учебника даже в тех странах, где пали изучается как язык канонической литературы (например, в Бирме — в Высшей школе в Рангуне).

Особое внимание Минаева привлекала повествовательная литература на пали — джатаки — рассказы о перерождениях Будды. Джатакам, тогда еще не только не переведенным и не изученным, но даже и не изданным, была посвящена серия его статей 70-х годов. Рассказы эти занимали исследователя в двух аспектах. Во-первых, они служили первоклассным историческим источником, красочно рисующим мировоззрение буддистов, монахов и мирян, и характер самой общины. Во-вторых, джатаки содержат множество так называемых бродячих сюжетов, встречающихся в литературе и фольклоре и других народов. И здесь вставали проблемы литературных взаимосвязей Запада и Востока — тема, которой посвятил свои работы Т. Бенфей. Эти вопросы живо интересовали и русских исследователей, именно тех, с которыми был близок и дружен Минаев. Он сотрудничал с Александром Веселовским при издании его работы о «Двенадцати снах Шахаиши», охотно обсуждал с ним тему литературных влияний. Богатый материал содержится в их переписке, хранящейся в Институте русской литературы (ф. 2204, № 252) и в петербургском архиве [АВ, ф. 39, оп. 2, д. 5]. Вопросы такого же рода нередко задавал индологу В.В. Стасов [АВ, ф. 39, оп. 2, д. 26]. Эти сюжеты были близки и слависту В. Ламанскому.

В 60—70-х годах Минаев часто общался и с А. Шифнером, который занимался буддийскими сюжетами, встречающимися в разных литературах стран Востока [там же, оп. 4, д. 24, л. 55] (ср. [ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 394]). Отношения между ними были прерваны, видимо, после эпизода с выборами в Академию наук в 1879 г. Минаеву историко-филологическое отделение тогда предпочло Леопольда фон Шредера. Общественность выразила воз-

мущение происками «немецкой партии» в академии. Ламанский опубликовал в «Новом времени» (1879, № 1140) фельетон «Еще племянник и санскритолог», где резко обрушился на О. Бётлинга и А. Шифнера, обеспечивавших избрание Шредера. Кандидатура последнего не была утверждена Общим собранием, но отношения Минаева с академией испортились навсегда.

После утверждения в профессорском звании историко-филологический факультет направил Минаева в командировку на Цейлон и в Индию для собирания рукописей и изучения страны. С помощью И.И. Срезневского [ЦГАЛИ, ф. 436 оп. 1, д. 1292] ее удалось продлить до двух лет (1874—1875). Ученый объездил почти весь Цейлон и значительную часть севера Индии — от Калькутты до Лахора. Он побывал также в Бихаре, Непале, Камбодже, в части Пенджаба и Раджпутаны и закончил свое индийское путешествие в Бомбее [Минаев, 1878, кн. 1, с. 1]. Минаев осмотрел важнейшие архитектурные памятники, работал с рукописями в монастырских библиотеках, познакомился со многими индийскими и европейскими учеными, общался с представителями различных слоев местного населения и британской администрации.

В результате поездки была собрана значительная коллекция рукописей. Впоследствии она стала основой фонда индийских рукописей Императорской Публичной библиотеки. Некоторые из хранящихся здесь манускриптов уникальны. В собирании их и снятии копий ученому помогали индийские коллеги и живший в Индии немецкий санскритолог Георг Бюлер. Большую ценность имела и привезенная Минаевым этнографическая коллекция — ныне часть Индийского отдела Музея антропологии и этнографии. Пополнилась библиотека ученого, находящаяся теперь в составе библиотеки Петербургского университета.

Но главное, Минаев за два года путешествий узнал страну не только по книгам. И хотя по образованию он был специалистом в области индийских языков и древностей, не меньшее внимание он уделял и современности. Свои впечатления он изложил в цикле статей, опубликованных в журнале «Вестник Европы». В более полном виде эти статьи вошли в книгу «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского». Ряд заметок (или черновых набросков) хранится также в архиве ученого.

Поразительна широта охвата этих «Очерков»: они включают описание быта различных слоев и местностей, системы английского управления, анализ общественных движений, характеристику народных суеверий, культов, празднеств. Это не просто путевые заметки, но часто небольшие исследования, содержащие тонкие наблюдения и глубокие выводы. «Очерки» вызвали большой интерес публики, они разошлись в течение нескольких месяцев и уже в 80-х годах считались библиографической редкостью.

Характерный для Минаева интерес к «народной цивилизации» проявился и в том, что он в Индии собирал местный фольклор. Книга «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году» была ценным вкладом как в отечественную фольклористику, так и в мировую индологию. Это — один из первых сборников индийского фольклора, опубликованных в Европе.

В 70—80-х годах востоковедение приобретало все большую политическую актуальность в связи с восточной политикой России. Завоевания в Средней Азии, с одной стороны, обостряли русско-английские противоречия, геополитическую ситуацию в регионе Туркестан—Индия, с другой — открывали широкие возможности научных исследований недоступных прежде областей. После возвращения из индийского путешествия Минаев интенсивно занимается изучением именно этих вопросов. В периодической печати регулярно появляются его статьи по афганскому вопросу, о стратегическом положении Северо-Западной Индии и о русской политике на Востоке в целом. Английская литература по данному предмету им тщательно изучалась и рецензировалась.

Отношение Минаева к колониальному владычеству в Индии и политике России в Средней Азии было весьма сложным. С одной стороны, он считал «русскую миссию на азиатском Востоке» продолжением «вселенского дела римлян»: «Великая задача предстоит им в этих обездоленных странах, откуда бедные всходы цивилизации исчезли вместе с удалением оттуда римских легионеров» [Минаев. Русские помыслы, с. 350—351]. Он полагал, что русские по самому своему историческому прошлому и народному характеру близки к Востоку и потому легче, чем англичане, могли бы найти общий язык с азиатами. С другой стороны, он трезво оценивал пороки русской администрации в Средней Азии.

Противоречиво и его отношение к английскому владычеству в Индии. В своей рецензии на книгу «Россия и Восток» он писал: несомненно, что «там, где утвердилось британское господство, явилась безопасность, процветание торговли и распространение просвещения. В Индии у англичан гражданское, а не военное управление, есть университеты и туземная свободная печать. Говорят, англичан не любят в Индии; но где же любили и любят пришлую иноземную власть? Их не любят, но народ верит в справедливость их суда; их судьи вне подозрения в подкупности; народ стучится в их школы и в университеты. Если когда-либо, что нужно предполагать, англичане уйдут из Индии, они действительно могут гордиться тем, что насадили цивилизацию и пробудили индийские племена к самосознанию» [Северный вестник, 12.11.1887]. Одновременно он видел социальную неправду, гибель

традиционных устоев культуры и нравственности, самодовольную ограниченность самих носителей западной цивилизации: «Станут ли покоренные лучше?.. И в чем же для них именно будет состоять прогресс? Британцы настроят железных дорог, которые будут способствовать их большому порабощению. Дадут им школы, которые привьют им кое-какие знания, породят недовольство и, расшатав их веру, не дадут взамен никакого цельного мирозерцания. В этом ли прогресс? Все это не сделает покоренных лучше и счастливее и не разбудит в них умственной продуктивности. И в конце концов все новшества окажутся на пользу меньшинства пришлых властителей» [Минаев. Дневники, с. 106].

Эти вопросы бесконечно мучали исследователя. Они заполняли страницы его дневников во время путешествий по странам Востока. Высокий гуманизм не позволял ему быть ни апологетом западной цивилизации, ни ее противником.

Завоевание Средней Азии ставило практические задачи по изучению этого края и смежных с ним областей. Уже в «Очерках Цейлона и Индии» была глава «Северная и северо-западная граница Индии; проходы в Индию». Эта тема развивалась и в специальных трудах ученого. Минаев в 1871 г. стал членом и активным деятелем Географического общества. Согласно плану, разработанному специальной комиссией Этнографического отделения РГО, он подготовил издание «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи» [Минаев, 1879]. Книга содержала богатейший материал, собранный из печатных и рукописных источников, сообщений путешественников: китайских, арабских, английских и русских. Она включала три части: географический очерк областей Памира, обозрение путешествий, сведения этнографического и лингвистического характера. Хотя автор не ставил задачу тщательного и самостоятельного исследования собранного материала, но в работе чувствуется не только эрудиция, но и удивительная прозорливость. В частности, он одним из первых поставил проблему домусульманской культуры Средней Азии, стремясь обнаружить следы исторической памяти о расцвете буддизма в этом регионе.

Выход Российской империи почти к границам Индии активизировал внимание и к истории русско-индийских связей. Была образована специальная комиссия при Восточном отделении Археологического общества для сбора сведений о путешествиях в Среднюю и Восточную Азию. В ней активно участвовали, например, Н.И. Веселовский и Д.Ф. Кобеко. Минаев помимо мелких работ опубликовал книгу «Старая Индия», посвященную «Хожению за три моря». Блестящий комментарий индолога к сочинению Афанасия Никитина сохраняет свое значение и поныне. В связи с этим же исследователь собирал в архивах древнерусские доку-

менты о маршрутах дипломатов и купцов, направлявшихся в Индию в XVII в., начал готовить новое издание «Девятилетнего странствия» Филиппа Ефремова.

События афганской войны заставили русское дипломатическое и военное ведомства с особым вниманием отнестись к политической ситуации в Британской Индии. В 1880 г. Военное министерство направило Минаева в командировку в Западную Индию. За пять месяцев он объехал Махараштру, владения низама Хайдарабадского, княжества Индор и Ратлам, Гвалиор, Раджпутану, Северо-Западные провинции, Пенджаб и Гуджарат. Докладная записка об этом путешествии хранится в Военно-историческом архиве и опубликована в «Проблемах востоковедения» [Минаев, 1959] (см. также сопроводительную бумагу [АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1694]). Более обширный черновик находится в архиве Минаева [АВ, ф. 39, оп. 1, д. 177]. Дневники путешествий были изданы в 1955 г. Последняя публикация в переводе на английский язык появилась и в Индии.

Русский ученый беседовал «с людьми различного общественного положения, различных каст и неодинакового образования». Он был представлен владельческим князьям и их советникам. Очевидно, и сам характер его миссии в сложную пору обострения англо-русских противоречий не составлял тайны. Основной задачей Минаева было выяснение настроений индийского общества, определение возможной поддержки со стороны Индии в случае открытого конфликта между Англией и Россией. Он отмечал сильное брожение умов, огромный интерес к политике «даже в тех кружках, которые еще пять лет тому назад исключительно занимались отвлеченными философскими и религиозными вопросами» [Минаев, 1959, с. 96—97]. Русский индолог констатировал единодушное осуждение индийцами афганской войны как несправедливой и захватнической. Анализируя отношение туземцев к британскому владычеству, он сделал важнейший вывод о начале пробуждения Азии. Минаев выделял различные силы, недовольные колониальными порядками. Он придавал первостепенное значение тому факту, что в Индии сложилось национальное единство: «...в прежние годы бенгалец не симпатизировал ни бомбейцу, ни мадрасцу. Они взаимно не понимали друг друга». Теперь же «у индийской интеллигенции явились общие интересы и, как следствие этого, взаимное понимание» [там же, с. 102]. Однако, по его мнению, либеральная интеллигенция способна удовлетвориться уступками правительства и не готова к решительным действиям.

С особым вниманием Минаев отнесся к выступлению В. Пхадке — «революционера и патриота», мечтавшего «о низвержении британского владычества». Он отметил «факт общего сочувствия к

нему» [там же, с. 100], видя в этом симптоме широкого демократического движения. Однако и это движение он не считал достаточно мощным для освобождения Индии. Свой анализ ситуации ученый направил российскому правительству.

Существовала и иная сторона проблемы, о которой Минаев не устал говорить. Отечественная индология до тех пор складывалась как санскритология. Ее целью являлось изучение языка и памятников классической литературы Индии в связи с культурой других индоевропейских народов. Однако изменение международной ситуации настоятельно требовало переориентации и научных исследований, и университетского преподавания. В таком ключе он и поставил вопрос в своей актовой речи, прочитанной 8 февраля 1884 г.: «Изучение Индии старой не должно заслонять научную и практическую важность жизненных явлений в современной Индии» [Минаев, 1884]. О том же писал он и в докладной записке в Военное министерство: «...именно теперь — потому что Восток переживает критические моменты своего исторического бытия — незнание всего того, что там совершается, должно необходимо иметь печальные последствия» для России [АВ, ф. 39, оп. 1, д. 106, л. 10].

В 1883 г., после смерти К.А. Коссовича, Минаев возобновил занятия на факультете восточных языков и мечтал о подготовке широко образованных индологов. Однако призыв его готовить специалистов по современной Индии не был услышан. Даже преподавание новоиндийских языков не удалось организовать, хотя вопрос об этом ставился еще с конца 70-х годов; на должность преподавателя предполагался тогда бенгалец Нишиканта Чаттопадхья [ГПБ, ф. 120, оп. 1, д. 826, л. 46] (ср. [Бартольд IX, 154]).

По сути, единственным настоящим специалистом по современной Индии в дореволюционной России оставался сам И.П. Минаев.

В конце 1885 г. он вновь отправился в командировку в Индию и Бирму. Внешние обстоятельства этой поездки были таковы. Британские власти пригласили военные миссии великих держав на маневры англо-индийской армии близ Дели. Вместе с двумя офицерами, князем Н. Одоевским (Масловым) и А. Тимлером, военное ведомство командировало и проф. И.П. Минаева. Ему предписывалось вновь изучить общественные настроения в Индии, степень недовольства англичанами, позиции индийцев по поводу англо-русского соперничества в Средней Азии. Вероятно, власти были заинтересованы и в получении непосредственной информации из Бирмы, где только что англичанами был низложен последний король. Результатом командировки стал отчет, направленный в Военное министерство. Ныне он хранится в АВПр, а черновики — в АВ. Бирманские впечатления нашли отражение в статье «Англичане в Бирме», опубликованной в «Вест-

нике Европы» (1887, т. 6). Богатейший материал содержится и в дневниках ученого, опубликованных в советское время (с купюрами цензурного характера).

В 80-х годах в России среди военных и журналистов пользовалось известным влиянием течение, пропагандировавшее активную внешнюю политику в Центральной Азии. Оно оказывало воздействие и на правительственные сферы. Высказывались требования едва ли не похода на Индию с целью расширения русских владений в Азии и ослабления Англии как соперницы России в колониальной политике. Сторонники этой позиции утверждали, будто бы индийцы, недовольные британским игом, станут естественными союзниками русских войск. Подобными воззрениями и обуславливался интерес правительства к Индии [АВ, ф. 39, оп. 1, д. 166, л. 7].

Были и более умеренные взгляды на проблему, которые самими Минаевым формулировались так: «Итак, если не поход в Индию или изгнание оттуда англичан, так что же? Будем откровенны: в наших расчетах — британские затруднения в Индии; ими, конечно, мы можем воспользоваться для достижения наших целей. Нам важно поэтому знать все, что творится здесь и каково настроение туземного общества во всякий данный момент... На успех мы можем рассчитывать, имея союзников здесь... Но возможны ли они для нас в настоящий момент?» [там же, л. 10].

Лейтмотивом докладной записки Минаева было предостережение от авантюристических шагов в восточной политике [Вигасин, 1993]. Ученый, несмотря на краткость пребывания в стране, дал блестящий и беспристрастный анализ ситуации. Его основные выводы сводились к следующему: туземная пресса помогла оформлению общественного мнения в стране, и мнение это неблагоприятно для Англии; возник слой местной интеллигенции (прежде всего в Бенгалии), ставящей своей задачей борьбу за самоуправление; колониальная политика способствует распространению западного влияния и сама создает предпосылки для освобождения Индии, но в то же время это национально-освободительное движение не будет союзником России в ее соперничестве с Англией; оно воспитано британскими радикалами и носит характер либерального; «образованная часть туземного общества... с ужасом помышляет о возможности русского нашествия» [АВ, ф. 39, оп. 1, д. 140, л. 1]. И далее: туземцы «убеждены в неминуемости столкновения между силами ретроградными, предводительствуемыми Россией, и силами прогрессивными (Англии), и симпатии туземцев — если верить их словам — на стороне последних» [там же, д. 134, л. 13].

Минаев уделил должное внимание съезду, на котором был основан Индийский национальный конгресс. С некоторыми руко-

водителями его он был знаком. Он увидел в этом съезде симптом совершенно новой ситуации в политической жизни страны — появление общендийского движения либеральной интеллигенции — и в то же время отнесся к этому движению с большой долей скептицизма, понимая, что в огромной стране Востока чисто западническая тенденция развития не может рассчитывать на успех.

В то самое время, когда в Бомбее заседал этот съезд, неподалеку, в Броче, происходили волнения, возглавляемые неким Лакха — ночным деревенским сторожем. Лакха объявил себя чудотворцем и повел толпу на свержение «ангрезии радж» (английского владычества). Русский индолог писал о движении Лакха: «В показаниях свидетелей [на судебном процессе] раскрываются черты архаической жизни. Точно читаешь какие-нибудь легендарные сказания о каком-нибудь стародавнем гуру». Знание истории Индии помогает понять, что массовое освободительное движение должно принимать традиционные, т.е. совершенно средневековые, формы: «Кроме бабу, есть в Индии еще народ. Как во всякой стране, подпавшей под влияние чуждой культуры, в Индии общественное мнение и народные воззрения не могут быть одинаковы. Образованные требуют парламента, а Лакха, божий посланник, из лука стреляет в британского полицейского» [там же, л. 19 об., 18].

Дневники и письма Минаева показывают, что индийские впечатления не заслоняли его дум о судьбах России. Он записывает: «Между современным состоянием России и Индией есть некоторая аналогия» [там же, д. 166, л. 51]. И вполне возможно, что и суждения о дальнейшем развитии событий в Индии содержали идеи, навеянные происходящим на родине. Решительный противник деспотизма, он глубоко переживал наступление реакции в 80-х годах. Но в то же время революционная публицистика не вызывала в нем ни малейшего сочувствия; он называл ее злым вздором [там же, л. 54—55]. С отчаянием приходилось констатировать, что самодержавие вынуждает молодежь идти на крайности. Характерны дневниковые записи о попытке покушения на Александра III (группа А. Ульянова): «Пишут, что шесть студентов университета пойманы с динамитом. Боже мой, какая мерзость!» И далее: «Гвоздь вытаскивают, а не бьют по нему, когда хотят от него избавиться... Гнут, гнут и чем же кончается? Опять динамитом! Позорно и мерзко!» [там же, оп. 3, д. 37, л. 13 об., 14, 16].

Центральной работой ученого в 80-х годах была его большая монография «Буддизм» [Минаев, 1887]. В процессе ее подготовки автор опубликовал ряд текстов и мелких статей в русских и зарубежных журналах. Он стал постоянным сотрудником ведущего

буддологического лондонского издания «Журнал общества по изучению палийских текстов», состоял в регулярной переписке с его редактором Томасом Рис-Дэвидсом. Основные выводы книги Минаева сводятся к следующему. Наиболее ранние памятники буддийского искусства в Индии — рельефы Бхархутской ступы, датируемые II—I вв. до н.э. Сопоставление их с сюжетами джатак показывает, что некоторые детали преданий во время создания ступы выглядели иначе, нежели в доступном нам варианте палийского канона. Следовательно, и сам канон к этому времени еще окончательно не сложился. Вопреки традиции первые буддийские соборы были посвящены не столько решению догматических вопросов, сколько взаимоотношениям между различными сектами последователей Учителя. В таком случае и сама ранняя история индийского буддизма представляется историей школ, ни одна из которых не имеет преимущества перед другой как верная хранительница подлинных слов Будды. Таким образом, древнейшие идеи и предания могут содержаться не только в палийской «Типитаке», но и в сочинениях школ так называемого северного буддизма.

Автор считал задачей своего труда «введение к изложению буддийского учения в его исторической последовательности» и «критический пересмотр буддийских преданий о древности и первоначальном происхождении священных питак» [там же, с. 1, 12]. Он стремился достичь той самой цели, которую поставил еще в юношеские годы: в изложении истории Востока выйти за пределы чистой эмпирики, дать общую концепцию, основанную на строжайшем анализе источников.

Значительную часть книги Минаева составляет публикация оригинальных санскритских текстов; в частности, весь второй выпуск посвящен изданию «Махавьютпатти», «Намасангити» и «У-и-хэ-цзи-яо». Некоторые источники автор впервые обнаружил и открыл для европейской науки во время своих путешествий (например, рукопись «Гандхавамса» он привез из Бирмы). Как методы исследования, так и общая концепция Минаева были совершенно новыми для мировой буддологии. Его труд отличался критическим подходом к источникам и глубоким историзмом, в этом отношении значительно превосходя работы классиков буддологии конца прошлого века: Т. Рис-Дэвидса, Г. Ольденберга, Э. Сенара. Автор сформулировал основные принципы русской буддологической школы, развитые впоследствии С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским. Труд Минаева отвечал широкому интересу к буддизму в России, характерному для 80—90-х годов¹.

¹ В одной из рецензий говорилось: «...Буддизм интересует весьма многих...» [ЖМНП. 1887, № 2, с. 529].

Работа над книгой не была завершена автором, не успел он подготовить к печати и ряд иных буддологических исследований и публикаций. Уже после смерти ученого Ольденбург издал несколько работ из его архива, главным образом о джатаках. С его помощью в 1894 г. удалось осуществить французский перевод «Буддизма». В предисловии к этому изданию выдающийся французский индолог Э. Сенар писал: «Востоковеды, не знающие русского языка, давно уже с нетерпением ожидали этот перевод. Минаев лучше, чем кто-либо, был вооружен прямым, глубоким и разнообразным знанием источников всякого происхождения; он не поддавался соблазну красивых построений», он заботился «о той исторической окраске, черты которой он постиг благодаря путешествиям по Индии и непосредственному общению с индийцами»; он был «независим в воззрениях до некоторой резкости, внимателен к сущности дела до пренебрежения его формой и погружен в разыскание точных данных»². Рукописи Минаева публиковали его коллеги: Август Конради издал словарь санскрито-невари, Н.Д. Мионов — текст и перевод «Махавьютпатти».

В конце 80-х годов ученый строил планы нового путешествия в Индию — через Среднюю Азию, сроком на четыре года [АВ, ф. 39, оп. 1, д. 17, л. 1]. Он добивался открытия русского консульства в Индии и сам предполагал занять должность консула [там же, оп. 4, д. 24, л. 87]. Но всем этим надеждам не суждено было сбыться из-за тяжелой болезни, начавшейся в конце 1886 г. Пришлось подолгу жить и лечиться в Италии и Франции. В 1887 г. он писал Ольденбургу: «И в праздности я все читаю Марко Поло» [там же, оп. 2, д. 141]. Перевод со старофранцузского «Книги Марко Поло» стал последним крупным трудом Минаева, где в полной мере проявились его талант и широкие познания. Эта работа отражала его общие воззрения последних лет жизни: «Книга Марко Поло это не только источник для истории, географии и для исторической этнографии Азии. Это как бы введение к изучению Востока... на страницах его книги Восток отражается таким, каким он остается поныне... Восток перед вами — как он есть, без прикрас, но и не искаженный, то есть не истолкованный чуждым, западным умом» [там же, оп. 3, д. 37, л. 16]³. Перевод

² *Minayeff I. Recherches sur le bouddhisme*. P., 1894, с. 3 (цит. по [ЖМНП. 1892, № 1, с. 280]).

³ Ср. студенческую запись: «Взгляд Франка на религию Китая... ошибочен, как большей частью всех европейских ученых» [АВ, ф. 39, оп. 3, д. 31, л. 30]. Размышления о Востоке и России занимали Минаева в последние годы его жизни. Характерна дневниковая запись: «Я в Риме чувствую себя скифом. Изумляюсь и чувствую, что все кругом — чужое. В Святом Петре мои предки не молились. А древний Рим не ближе нам Рима католического. У нас это сочиненная связь с миром античности. Мы ближе к Азии. Азия мне напоминала Русь — Рим ни-

был опубликован лишь в 1902 г. и затем дважды переиздавался в советское время. К сожалению, утеряны составленные Минаевым комментарии. Подготовку рукописи к печати взял на себя Бартольд.

Племянница и биограф ученого А.П. Шнейдер писала: «И.П. очень страдал, что до последнего десятилетия своей профессуры ему не удавалось подготовить ученика по кафедре. Так было с Ин.Ф. Анненским, который, рано женившись, начал учительствовать и потому не мог продолжать занятия наукой» [там же, оп. 4, д. 24, л. 58]. Лишь в последние годы жизни он обрел учеников, и прежде всего С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского.

С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ

С именем Сергея Федоровича Ольденбурга (1863—1934) связана организация обширных исследований в области буддологии.

Ольденбург (о нем см. [Ольденбург (сб. ст.); Ольденбургу (сб. ст.)]) происходил из старинного Мекленбургского рода. Родился он в Забайкалье, в станице Бянкино. Отец его служил там бригадным генералом. После рождения сыновей он вышел в отставку и поступил вольнослушателем в Гейдельбергский университет, «чтобы лучше подготовить себя к воспитанию детей»⁴. Первые десять лет жизни Сергея Ольденбурга прошли в Германии, Швейцарии и Франции. В 1873 г. семья возвратилась на родину и поселилась в Варшаве. Учился С. Ольденбург в 1-й Варшавской гимназии, которая предназначалась для детей русских чиновников и офицеров. В отрочестве и юности значительное влияние на него кроме отца оказал старший брат Федор (1862—1914), известный впоследствии педагог, один из основателей Лиги образования. После окончания гимназии в 1881 г. Ольденбург поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по санскритско-персидскому разряду. Первые занятия санскритом и авестийским языком проходили с К.А. Коссовичем, а после его смерти в 1883 г. основным руководителем Ольденбурга стал И.П. Минаев. Большую помощь студенту оказывал В.Р. Розен, преподававший арабский язык, К.Г. Залеман был его наставником в иранистике, а В.П. Васильев — в китаеведении и тибетологии. Востоковедное образование Ольденбурга было действительно энциклопедическим. Несколько работ он опубликовал еще в студенческие годы, в частности, во французском журнале: заметку к

сколько и ни в чем. Здесь пуп Запада, а у нас есть только западники — деланные, не настоящие люди...» [там же, оп. 1, д. 106, л. 80—81].

⁴ Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга. — Русская мысль. 1916, кн. VIII, с. 52.

переводу одного из гимнов «Авесты» и рецензию на книгу немецкого исследователя В. Гайгера о культуре Восточного Ирана.

Студенческая жизнь начала 80-х годов характеризовалась возникновением разнообразных кружков. Один из таких кружков составиля вокруг братьев Ольденбургов и их однокашника по варшавской гимназии А.А. Корнилова — будущего историка, исследователя общественной мысли в России. В январе 1882 г. образовалось студенческое Научно-литературное общество, куда вошел и кружок Ольденбургов. Сергей стал библиотекарем общества и одним из наиболее активных его работников. По словам мемуариста, общество «привлекло в свою среду, кажется, всех без исключения выделявшихся своими научными и литературными интересами студентов университета»⁵. Оно способствовало сближению студентов разных курсов и факультетов и сыграло огромную роль в их духовном развитии. Многие члены Научно-литературного общества стали крупными учеными и практическими деятелями в земском движении, в конституционно-демократической партии. Особенно дружеские отношения сложились у Ольденбургов и А.А. Корнилова с В.И. Вернадским, И.М. Гревсом и Д.И. Шаховским. Вернадский — знаменитый химик, физик, геолог; Гревс — знаток античной экономики и культуры; Шаховской — историк русской литературы, издатель трудов П.Я. Чаадаева. Они составляли так называемое «братство», некое духовное содружество⁶. «Братство» формировалось под воздействием идей Л.Н. Толстого, «Исповедь» которого студенты гектографировали и распространяли. Важным оказалось и общение с Вильямом Фреем (В.К. Гейнсом) — русским эмигрантом, основателем социалистической коммуны в Америке. Многие в «братстве» было от народничества 70-х годов: идея долга перед народом, стремление самоотверженно служить ему, отречьшись от всяческого «барства». Однако в то же время кружок имел явственно «антинигилистическую» направленность. Одним из наиболее важных направлений деятельности кружка стало изучение русской народной жизни и издание литературы для народа. На этой почве произошло сближение «братства» с А.М. Калмыковой, П. Бирюковым, В.Г. Чертковым, сотрудничество с сытинским издательством «Посредник». Отсюда идет интерес С. Ольденбурга к изучению фольклора и его активная культурно-просветительская деятельность.

⁵ Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862—1914). Харьков, 1916, с. 108.

⁶ См.: Гревс И.М. В годы юности (За культуру). — Былое. 1918, № 12; 1921, № 16; Шаховской Д.И. Автобиография. — Русские ведомости: 1863—1913. М., 1913; он же. Письма о Братстве. — Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.—СПб., 1992. См. также письма в архивных фондах С.Ф. Ольденбурга [ПФ АРАН, ф. 208], И.М. Гревса [ПФ АРАН, ф. 725], В.И. Вернадского [АРАН, ф. 518], Д.И. Шаховского [ЦГАОР, ф. 635, д. 295].

С юношеских лет С. Ольденбург ярко проявлял свой темперамент и талант организатора. Он активно участвовал в борьбе за Высшие женские курсы, в работе Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе, в создании бесплатных читален в Петербурге, а позднее — в деле помощи голодающим.

В 1885 г. С.Ф. Ольденбург окончил университет, представив работу «Очерк фонетики и морфологии пракритского наречия магадхи». Тема, предложенная научным руководителем, ассоциируется с докторской диссертацией самого И.П. Минаева, посвященной фонетике и морфологии языка пали.

Однако главное внимание молодого ученого было сосредоточено отнюдь не на лингвистических проблемах. В науке он пытался найти ответы на самые животрепещущие вопросы, поставленные жизнью. Рукописи из архива Ольденбурга показывают широкий диапазон его интересов уже в студенческие годы. В частности, он готовил русский перевод «Законов Ману» и составлял глоссарий к этому памятнику. Изучая среднеиндийские наречия, он занимался эпиграфикой. К надписям Ольденбург подходил прежде всего с точки зрения их исторического содержания. Анализ конкретных и достоверных сведений эпиграфики, по его мнению, мог в совершенно новом свете представить сам характер древнеиндийского общества [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, д. 142, л. 5 об.; ср.: д. 103]. Уже ранние наброски Ольденбурга свидетельствуют о сложившемся круге его интересов в области индологии: его привлекала не туманная ведийская древность, связанная с реконструкциями индоевропейского состояния, а история и культура классического периода. Здесь исследователь мог использовать как источник не только язык и мифологию, но главным образом надписи и памятники искусства. Для индологии конца прошлого века подобный подход был еще новым и сулил широкие перспективы. Изучение эпиграфики тогда лишь начиналось, а археология делала самые первые шаги.

После окончания университета Ольденбург был оставлен для приготовления к профессорскому званию. Во время поездки Минаева по Индии и Бирме в 1885/86 г. он заменял его, ведя занятия по санскриту. В начале 1887 г., когда предполагалось, что О.Э. Лемм перейдет работать в Эрмитаж, И.П. Минаев и В.Р. Розен [ЦГАЛИ, ф. 1696, д. 371, л. 9] хлопотали об устройстве Ольденбурга хранителем Азиатского музея. «Он книжник по призванию, — писал тогда Минаев, — и будет заниматься библиотечными делами с любовью» [ПФ АРАН, ф. 777, оп. 2, д. 281].

Однако судьба Ольденбурга сложилась иначе: в апреле того же года он был на два года отправлен в научную командировку во Францию и Англию. В Париже ему удалось слушать лекции и беседовать с такими корифеями индологии и иранистики, как

А. Бергенъ и Дармстедер. Здесь на всю жизнь завязалась его дружба с замечательным французским санскритологом С. Леви. Он был с первой встречи им очарован («настоящий француз, но без легкомыслия и фразерства» [там же, ф. 725, оп. 2, д. 257, л. 3 об.]) и, обсуждая с ним проблемы «науки и жизни», предполагал даже приобщить его к «братству». Молодой русский ученый познакомился с самыми крупными востоковедами Европы. Во Франции он общался с О. Бартом, Э. Сенаром, Л. Фио и А. Фуше, в Англии — с С. Бендаллом, Т. Рис-Дэвидсом, Ф. Томасом и Дж. Бэрджесом, в Германии и Австро-Венгрии — с О. Бётлингом и Г. Бюлером, Г. Якоби и Г. Ольденбергом. Эти контакты, продолженные перепиской, были полезны не только для его собственной научной деятельности. Они помогли впоследствии в деле организации крупных международных проектов. Досконально зная ситуацию в европейской ориенталистике, Ольденбург позднее смог стать блестящим организатором отечественной науки и выдающимся историком востоковедения.

Уже в молодые годы он проявлял особый интерес к постановке университетского образования в Европе: делал доклады на соответствующие темы, публиковал статьи в русской прессе о преподавании восточных языков в Англии, Франции и Германии. Накопленный опыт и практические сведения в этой сфере пригодились ему как будущему руководителю Академии наук, Азиатского музея, как министру народного просвещения во Временном правительстве.

Научная работа Сергея Федоровича во время заграничной командировки проходила главным образом в рукописных фондах парижской Национальной библиотеки, рукописных собраниях Лондона и Кембриджа. Весьма полезны были постоянные советы Минаева, обращавшего его внимание на наиболее важные и интересные манускрипты. В свою очередь, и Ольденбург с радостью выполнял просьбы учителя, делая выписки из необходимых для его работы текстов⁷. В письмах Минаева постоянно чувствуется беспокойство о сроках подачи диссертации. Он настойчиво уговаривал своего ученика ограничиться изданием небольшого по объему текста — «Дхуртасангама» (рассказы из «Шукасапата») и не задаваться задачами «à la Илья Муромец»: «Судьбы человечества успеете нам разъяснить потом» [АВ, ф. 39, оп. 2, д. 141, л. 13—14]. Но обладавший замечательным талантом организатора любого дела, Ольденбург оставался неисправимым идеалистом, когда речь шла о научной карьере [там же, д. 142, л. 3 об.]. В устройстве собственной судьбы он был непрактичен и бесконечно затягивал то магистерский экзамен, то защиту диссертации.

⁷ См. письма С.Ф. Ольденбурга И.П. Минаеву [ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 354; АВ, ф. 39, оп. 2, д. 4, 20].

Внимание молодого исследователя было тогда привлечено к древнеиндийской повествовательной литературе, проблемам ее возникновения и развития, формирования сборников басен и новелл, к так называемым бродячим мотивам в литературах Востока и Запада. Эта тематика стала основной в его научном творчестве на долгие годы — от первой заметки о «странствовании буддийских рассказов» (1888) до статьи «Странствование сказки», опубликованной уже в советское время. Ряд работ этого цикла призван был выяснить судьбы сборников типа индийской «Брихаткатха», времени их формирования, соотношения версий и значения иноязычных источников для истории текста. Ольденбург проработал огромный санскритский эпос — поэму «Махабхарата». Публикации об отражении эпоса в буддийской литературе стали частью оживленного обсуждения проблем «Махабхараты» в европейской санскритологии тех лет.

Важные открытия он сделал и в области ирано-индийских литературных связей. Давний интерес среди русских ученых вызывала «Повесть о Варлааме и Иоасафе», восходившая к жизнеописанию Будды. Ею занимались И.П. Минаев, А.Н. Веселовский, В.Р. Розен, Н.Я. Марр. В Британском музее Ольденбург обнаружил персидскую версию повести и установил, что она является переводом с арабского оригинала. Позднее им была найдена и персидская версия книги о Синдбаде. Он не только пытался проследить возможные пути заимствования произведений, но и ставил ряд общих проблем сравнительного литературоведения.

В середине прошлого века большим влиянием пользовалась теория Т. Бенфея о том, что родиной сказочных сюжетов является Индия. Последователи этого ученого связывали возникновение басен и новелл с буддийскими верованиями и видели истоки повествовательной литературы в рассказах о перерождениях Будды — джатаках. К концу века «индийская теория» и само представление о «бродячих сюжетах» подвергались ожесточенной критике, прежде всего в работах Ж. Бедье, который высказал мнение о независимом возникновении («полигенезе») сходных мотивов в литературах разных народов.

Ольденбург стремился выработать более строгие научные методы сравнительного анализа и аргументации заимствований. На значительно более обширном, чем у Ж. Бедье, материале он убедительно доказал восточное происхождение ряда сочинений, популярных в европейском средневековье. При этом ученый не ограничился чисто формальными сопоставлениями, он подчеркнул особую значимость проблемы, указав, почему на известном этапе своего развития литература одного народа пользуется результатами творчества иного народа. Рассматривалась им и проблема трансформации сюжетов при переходе из одной литерату-

ры в другую. Доказательство заимствования было для него не самоцелью, а лишь началом исследования самого существенно-го — характера диалога культур, прежде всего культур Востока и Запада.

При анализе происхождения сказочных сюжетов Ольденбург избежал увлечений и крайностей школы Теодора Бенфея. Далеко не всегда, по его мнению, какое-либо заимствование из Индии может быть убедительно доказано. Но самое главное, он пытался найти истоки самой буддийской повествовательной литературы. И находил их в фольклоре. Ольденбург показал, что «буддийские сюжеты» на деле нередко значительно древнее самого буддизма. Он рассматривал их в широком контексте традиции народной словесности.

Существенным этапом в изучении индийской литературы стала книга ученого «Буддийские легенды» [Ольденбург, 1896], содержащая разбор двух сборников — «Бхадракальпавадана» и «Джатакамала», основанная на изучении санскритских рукописей и параллельных текстов на других языках: пали, китайском, тибетском. Она была принята как магистерская диссертация в 1894 г.

Ольденбург вернулся из заграничной командировки в Россию в 1889 г. В связи с болезнью и смертью Минаева ему пришлось принять на себя преподавание санскрита как на факультете восточных языков, так и на историко-филологическом факультете [ГПБ, ф. 608, оп. 1, д. 1073]. На своих занятиях он привлекал не только печатные издания, но и рукописи, хранящиеся в собраниях Петербурга и Лондона⁸. С 1889 г. Ольденбург являлся приват-доцентом факультета восточных языков, с 1897 г. исполнял должность экстраординарного профессора. С его именем связано превращение факультета восточных языков в ведущий центр подготовки индологов.

В 90-х годах ученый много сил отдавал обработке архива своего учителя Минаева, публикациям его научного наследия — переводов, этнографических записей и наблюдений, собранных им манускриптов. Внимание его также все более сосредоточивалось на буддийских рукописях, поступавших из Центральной Азии. Он оценил огромное научное значение тех документов, которые собрал русский консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский. Один из манускриптов, опубликованных Ольденбургом, произвел подлинную сенсацию. Это был фрагмент пракритской «Дхармапады» — едва ли не самой древней из сохранившихся индийских рукописей. Публикация текста и его интерпретация российским ученым заслужили высокую оценку крупнейшего специалиста по индийской палеографии Георга Бюлера.

⁸ С.Ф. Ольденбург — И.П. Минаеву 24 марта 1890 г. [АВ, ф. 39, оп. 2, д. 4].

В Центральную Азию все чаще отправлялись экспедиции, и Россия проявляла большую заинтересованность в изучении этого региона. Научные программы для экспедиций П.К. Козлова, Д.А. Клеменца, Жамцарано, Б. Барадийна, Г. Цыбикова готовились либо самим Ольденбургом, либо при его ближайшем участии. Он активно способствовал собиранию древностей Восточного Туркестана, организации исследований в Синцзяне и Тибете.

Поскольку памятники древней Центральной Азии связаны с буддизмом, задача изучения этой религии приобретала особую актуальность. Ольденбург внес в Академию наук предложение организовать в Петербурге публикацию серии буддийских текстов. И в 1897 г. было основано знаменитое издание «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов». Редактором серии стал Ольденбург. Это научное начинание преследовало цели, близкие тем, которые стояли перед «*Pali Text Society*» Т. Рис-Дэвидса (издание и изучение комплекса буддийских текстов). Однако английский ученый имел в виду лишь палийский канон «Типитака». «*Bibliotheca Buddhica*» должна была охватить значительно более обширный массив сочинений, написанных на разных языках и принадлежащих нескольким школам так называемого северного буддизма. Научная значимость буддийских текстов на китайском, тибетском, монгольском и санскритском языках и прежде подчеркивалась отечественными учеными, которые много сделали для их исследования. Работа такого колоссального объема, как «*Bibliotheca Buddhica*», могла быть осуществлена лишь при активном международном сотрудничестве. В многотомной серии, основанной Ольденбургом, приняли участие крупнейшие востоковеды, в том числе англичанин Сесил Бендалл и француз Луи Фино, голландец Гендрик Керн и бельгиец Луи де ла Валле-Пуссен, японец Бунъё Нандзё. Сам Ольденбург подготовил к изданию альбом изображений 300 бурханов и исследование А. Грюнвелделя о предметах ламаистского культа из коллекций Э.Э. Ухтомского. Его известность в научном мире, организаторские способности, широкая эрудиция и огромная работоспособность обеспечили успех задуманного дела. По свидетельству Ф.И. Щербатского, «весь этот громадный труд, который доставил нашей Академии заслуженную славу в странах азиатских не менее, чем в Европе, прошел при ближайшем участии С.Ф., ни один лист не вышел без его внимательной и даже иногда придирчивой корректуры» [Щербатской, 1934, с. 20].

Занятия академической наукой у С. Ольденбурга всегда органически сочетались с популяризаторской деятельностью. На рубеже XIX—XX вв. в России, как и в Европе, широко увлекались буддизмом как этической религией, отчасти сходной с христианством, отчасти противопоставляемой ему. И Ольденбург активно

занимался просветительством: одни работы рецензировал (например, перевод книги о Будде Германа Ольденберга), другие редактировал (перевод работы Т. Рис-Дэвидса, «Свет Азии» Эдвина Арнольда и др.), писал популярные статьи (в частности, «Женщины-буддистки», «Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом»), защищал европейских поклонников восточных религий от нападков православных ортодоксов.

В связи с археологическими раскопками в самой Индии и областях Центральной Азии формировалась новая область исследований — история индийского искусства. Одна из первых работ по данной теме принадлежала замечательному немецкому исследователю Альберту Грюнвелелю. Концепция автора сводилась к тому, что в ведийский период в Индии не было собственной изобразительной традиции; она была создана лишь буддизмом под значительным влиянием эллинистического искусства. Ольденбург, который называл себя «большим поклонником его работ» [АВ, ф. 28, оп. 2, д. 238, л. 3], хотел перевести книгу Грюнвелеля на русский язык. Однако он придерживался совершенно иной точки зрения по центральной проблеме — о происхождении индийского искусства. Начало последнего, по его мнению, должно было «восходить ко времени более далекому, чем все индийские литературные памятники, за исключением ведийских. Искусство это было брахманским в широком смысле и выросло на почве эпического пантеона и местных культов. К этому истоку восходит и начало буддийского и джайнского искусства» [Ольденбург, 1901, с. 218]. А гандхарская школа представляет вытеснение этой местной традиции эллинистическими элементами.

Вслед за Минаевым Ольденбург особое внимание уделил памятникам Бхархута, дав интерпретацию некоторых сцен, изображенных на рельефах. Он писал: «Бхархут показывает нам, как широко буддизм черпал уже с очень ранних времен из обширного пантеона богов и полубогов, как рано развились легенды джатак о последней земной жизни Будды» [там же, с. 220]. Таким образом, в работах по индийскому искусству ученый пришел к тем же выводам, что и при анализе буддийской повествовательной литературы. Основной его тезис получил признание. В частности, крупнейший немецкий индолог Герман Якоби (Боннский университет), по свидетельству Щербатского, высказал свое полное согласие с тем, что «индийскому буддийскому искусству должно было предшествовать другое, народное».

Ольденбург полагал, что буддийские легенды нередко противоречат буддийским догматам. Буддизм как массовая религия, по его мнению, обнаруживает значительное сходство с народными культурами Индии, которые мы можем видеть в памятниках, связанных с брахманизмом. Поэтому в самой буддийской культуре

необходимо различать утонченные философские доктрины и массовое религиозное сознание. Такой социологический подход к буддизму был еще весьма необычен для историографии начала нашего столетия. Исследование памятников искусства Ольденбург стремился связать с изучением индийской специальной литературы (трактатов по эстетике и поэтике, иконографии и архитектуре). Разбор их, по его мнению, должен вестись с учетом собственных именно данной культуре эстетических оценок и категорий. Лишенный узкого европоцентризма, этот взгляд открывал широкие перспективы перед наукой.

Деятельность по изданию «*Bibliotheca Buddhica*» и изучению Центральной Азии захватила ученого полностью. Между тем обстановка в университетах России к концу 90-х годов становилась все более напряженной. На студенческие волнения правительство отвечало репрессиями и ограничениями университетской автономии. Ольденбург говорил, что политика министра народного просвещения — «слепая и близорукая» и что перемен к лучшему ожидать не приходится [АВ, ф. 28, оп. 2, д. 238, л. 4 об.]. В 1899 г. он решил уйти в отставку.

Вскоре, 5/18 февраля 1900 г., Ольденбург был избран адъюнктом Академии наук. 19 апреля/2 мая 1904 г. он стал экстраординарным академиком, а 4/17 октября того же года — непременным секретарем академии. Началась огромная работа по организации науки в пределах всей страны, сбывались мечты юности о широком поле деятельности на поприще культуры. Собственные научные интересы в области индологии должны были отойти на второй план. Позднее он признавался в «Автобиографии»: «...мне казалось, что важнее, может быть, чем труд личный, тут будет труд организации, продумывания и осуществления общих работ» (цит. по [Ольденбург (сб.ст.), с. 5]).

Официальное положение в руководстве академии давало возможность для организации крупных предприятий и в области востоковедения. Прежде всего речь шла об исследовании Центральной и Восточной Азии, частично находившейся в пределах Российской империи, частично на ее границах. При самом активном участии Ольденбурга был образован Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, ставший организационным центром международного сотрудничества. На средства Русского комитета была организована экспедиция в Восточный Туркестан.

План экспедиции сложился уже давно, после замечательных результатов поездки Д.А. Клеменца в 1898 г. по этому региону. Однако тогда правительство отказывало в ассигнованиях, а затем русско-японская война и революция отодвинули решение этого вопроса на долгие годы. Экспедиция в Турфан состоялась лишь в

1909—1910 гг., и в состав экспедиции помимо Ольденбурга вошли художник и фотограф С.М. Дудин, инженер-топограф Н.А. Смирнов. К тому времени в «Сериндии» уже побывали три немецкие экспедиции А. Грюнведеля и А. Лекока, английская — Ауреля Стейна (Штейна), французская — Поля Пеллио и несколько японских. Регион был не только широко обследован, но и в значительной мере разграблен.

Тем не менее результаты руководимой Ольденбургом экспедиции были значительны. Удалось обнаружить и описать многочисленные памятники древней буддийской культуры, снять чертежи и планы сохранившихся построек, сфотографировать наиболее ценное (см. [Дьяконова, 1995]). Ольденбург был решительным противником коммерческого подхода к произведениям древней культуры. Он полагал, что «памятники надо изучать, а не увозить» [Щербатской, 1934, с. 22]. Все, что могло сохраниться, должно было оставаться на месте. Он считал хищнической деятельность А. Лекока, который вырезал наиболее интересные куски фресок и увез их в Берлин. По мнению Ольденбурга, в интересах науки надлежало максимально бережно относиться к памятнику в целом, по возможности фиксируя его в том состоянии, в каком застали его исследователи. Лишь те находки, которые нуждались в спасении и реставрации, Ольденбург увез с собой в Петербург. Предметы искусства обогатили коллекцию Эрмитажа, а ценнейшие рукописи составили гордость Азиатского музея. Описание основных результатов экспедиции (скромно названной «археологической разведкой») было издано в 1914 г. в виде огромного фолианта со множеством фотографий. Этот труд был отмечен большой золотой медалью Археологического общества.

Вторая экспедиция Ольденбурга состоялась в 1914—1915 гг.; ее целью было изучение лишь одного памятника — Дуньхуана (пров. Ганьсу). Были обследованы «пещеры тысячи Будд», собрана коллекция китайских документов раннего средневековья. Обстановка военного времени, к сожалению, не позволила продолжить исследование памятников Дуньхуана. Дальнейшие события в России препятствовали и научной обработке коллекции. Лишь в настоящее время это собрание издается и вводится в научный оборот. Готовится также публикация составленного Ольденбургом обширного описания результатов экспедиции.

Лишь широкое знакомство с обширным архивом ученого способно продемонстрировать масштаб его личности, тот вклад, который он внес в индологию и в организацию всего отечественного востоковедения.

Наиболее значительные успехи российской индологической и буддологической школы связаны с именем Федора Ипполитовича Щербатского (1866—1942)⁹.

Он родился в Кельцах (Польша). В 1884 г. окончил гимназию в Царском Селе и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В студенческие годы Федор Щербатской занимался индоевропейским языкознанием: у Ф.А. Брауна слушал курс «древневерхненемецкого, готского, англосаксонского и древнесеверного» языков, у И. Ягича — «церковнославянского и сербскохорватского», изучал также романские наречия, греческий, латинский и персидский языки и клинообразные надписи [АВ, ф. 39, оп. 3, д. 20 (Щербатской — Минаеву 10 января 1889 г.)]. Особенно тесным было его общение с И.П. Минаевым, который стал его руководителем как в сравнительной лингвистике, так и в санскритологии. Влияние идей и самой личности Ивана Павловича на молодого исследователя оказалось весьма значительным. Учился Щербатской и у С.Ф. Ольденбурга, который вел занятия санскритом во время поездки Минаева в Индию и Бирму. Ольденбург настоятельно рекомендовал своему младшему коллеге работу с санскритскими рукописями [ПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 1 (Щербатской — Ольденбургу 26 мая 1888 г.)]. Уже в те годы Щербатской проявлял интерес к философским проблемам и помимо языков серьезно занимался психологией.

В 1889 г. он представил диссертацию «О двух рядах гортанных в индоевропейских языках» и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Молодой ученый планировал провести шесть-семь лет за границей [АВ, ф. 39, оп. 2, д. 4 (Ольденбург — Минаеву 1 января 1890 г.)] для совершенствования своей подготовки прежде всего в области индологии. В 1891 г. он был командирован в Вену, где в течение двух лет занимался в семинаре знаменитого Г. Бюлера. В письме В.И. Ламанскому от 21 января/2 февраля 1892 г. Щербатской сообщал: «Пребыванием своим здесь я все-таки очень доволен; главная притягательная сила — Бюлер. Как человек, 19 лет проживший в Индии, как единственный в Европе знаток индийских надписей — почти единственного источника истории Индии, как аккуратный, трудолюбивый, строгий к себе и к нам наставник, он дает очень много и для знания нынешней Индии, и для изучения классического санскрита. Я не думаю в будущем специализироваться на

⁹ Наиболее содержательным очерком о его научной деятельности до сих пор остается «Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского» [Ольденбург и др.].

классическом санскрите, но основательное его знание есть основа всего; нынешний семестр посвящен индийской драме и искусственному эпосу; следующий будет посвящен праву и философии. Занимаюсь теперь также и сравнительным языкознанием, хотя соединение этих двух столь теперь разошедшихся наук мне трудновато. Работу буду писать по исторической литературе санскритской. Посещаю я также занятия в славянском семинаре у Ягича»¹⁰.

Именно на занятиях у Ягича Щербатской сблизился с Иваном Франко, который интересовался тогда индийскими сюжетами в связи с работой по источникам «Повести о Варлааме и Иоасафе». Щербатскому он посвятил свою «индийскую» поэму «Царь и аскет».

В отличие от большинства европейских санскритологов прошлого века Г. Бюлер стремился сделать индологию дисциплиной, не зависимой от сравнительного языкознания. Он преподавал язык по традиционной методике и требовал от учеников знания индийской грамматической и комментаторской традиции. Для углубленного изучения текста, с его точки зрения, следовало овладеть не только языком, но и характерными для индийцев способами систематизации понятий, свойственной им логикой изложения. Так как традиционные индийские науки (шастры) изучались в специализированных школах, Г. Бюлер считал плодотворной аналогичную специализацию и в современной европейской индологии.

Своему русскому ученику он предложил для изучения рукопись, присланную из Индии (из Пуны). Она содержала историческую поэму Харикави «Хайхайендрачарита». Интерес ее заключался не в древности или особых поэтических достоинствах, а в том, что текст сопровождался авторскими комментариями. Их анализ позволял войти в творческую лабораторию индийского поэта, попытаться оценить его произведение в соответствии с теми задачами, которые он сам перед собою ставил. Так под руководством Г. Бюлера Щербатской постигал язык поэзии «кавья» и особенности санскритской поэтики. Текст поэмы с немецким переводом и исследованием был напечатан в «Записках АН» в Санкт-Петербурге в 1900 г. (первоначально, видимо, планировалась публикация в ЗВОРАО) [ПФ АРАН, ф. 777, оп. 2, д. 546]. Результатом общения со знаменитым эпиграфистом была и небольшая публикация надписи царя Шиладитья в «Epigraphia Indica».

Вскоре после возвращения на родину Щербатской «по независящим от него причинам» [Ольденбург и др., с. 1717] вынужден был прервать свою научную карьеру. Несколько лет он вел жизнь

¹⁰ Пушкинский дом (Ин-т рус. лит-ры), ф. 35, оп. 4, № 1575, л. 12 об.

«сельского хозяина», будучи земским начальником и уездным предводителем дворянства. Но ученый не оставлял своих индологических штудий. После смерти Г. Бюлера (1898) его наставником стал классик немецкого востоковедения Герман Якоби. Интересы Якоби в это время были сосредоточены на проблемах индийской поэтики, философии, логики, т.е. на том, что стало и основным содержанием работ русского ученого. Полезно было также общение с молодыми коллегами, имевшими аналогичные научные замыслы. Например, вместе со своим постоянным научным оппонентом Луи де ла Валле-Пуссенем Щербатской трудился над переводом философского трактата «Мадхьямика-вритти». Почти одновременно стали появляться публикации участников этого небольшого «кружка»: статьи Щербатского «Теория поэзии в Индии» и «Логика в древней Индии», перевод Г. Якоби эстетического трактата «Дхваньялока», издание Валле-Пуссеном «Мадхьямика-карика» Нагарджуны.

Как и Якоби, Щербатской высоко ценил складывавшуюся веками в Индии практику передачи и истолкования древних текстов. Он полагал, что живая традиция во многих отношениях полезнее для современного исследователя, нежели абстрактный критический метод, выработанный в Европе. Для действительного понимания текста необходимо вжиться в него, внутренне освоив дух породившей его культуры. Ученого не привлекали вопросы исторической эволюции, которые занимали внимание большинства индологов прошлого века. Проблемы интерпретации текстов, а не их хронологии, оценка результатов духовного развития (будь то в области поэтики, философии или религиозной мысли) — вот что казалось ему наиболее важным.

Осенью 1899 г. ученый принял участие в работе XII конгресса востоковедов в Риме. Ольденбург, сам только что ушедший из университета, настойчиво хлопотал об его устройстве на факультет восточных языков [Кальянов, 1972, с. 14]. Эти усилия увенчались успехом. В 1900 г. Щербатской начал преподавать санскрит (а затем и пали), читать лекции по индийской поэтике. Основной областью его научных интересов стала индийская логика, и прежде всего логика буддистов.

Исследования в области индийской философии на рубеже XIX—XX вв. лишь только начинались. Внимание ученых привлекали главным образом основные системы (даршаны) — веданта (П. Дейссен, Ж. Тибо) и санкхья (Р. Гарбе). Тексты по логике (ньяя) не были изучены, не переводились, частью оставались не опубликованными (многие даже не были обнаружены в рукописных собраниях).

Буддологи тогда активно занимались каноническими книгами, содержащими повествования (сутта) или правила монашеского

поведения (виная), но совершенно пренебрегали метафизикой (абхидхамма). Более того, буддийскую философию рассматривали лишь как часть вероучения, не придавая ей самостоятельного научного значения. Крупнейшие европейские исследователи ограничивались анализом лишь палийской «Типитаки», игнорируя позднейшие махаянистские тексты. В индологии в целом господствовало представление о незначительной роли буддизма в истории индийской культуры.

В этом историографическом контексте понятна новизна фундаментального труда Щербатского, опубликованного в 1903 и 1909 гг. «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов». Первый том содержит перевод учебника логики Дхармакирти с толкованием Дхармоттары, второй — систематическое изложение буддийской логики в сопоставлении с той, что была принята в брахманских философских системах.

Уже сами принципы перевода были необычны. Блестящий знаток языка Щербатской исходил из того, что чисто лингвистический анализ научного текста не способен разъяснить его действительное содержание. Он считал главным «вполне точную передачу мыслей индийских философов» и «с этой целью язык буддийских философов» передавал «по возможности языком современной европейской философии». Переводчик старался «проникнуть в мысль автора в полном ее объеме и передать ее на русском языке так, как передал бы ее сам автор, если предположить, что ему пришлось бы писать на этом языке» [Щербатской, т. 1, с. VI, LV]. Подобное отношение к задачам перевода, без сомнения, было связано с интересом ученого к живой, устной традиции. Наверное, самая характерная черта его научной деятельности — стремление узнать великую цивилизацию Востока не только с внешней стороны, но и как бы изнутри. Именно это и создавало возможность для плодотворного диалога разных культур.

Сам перевод превращался в исследование, включающее поиск эквивалентных понятий в терминологии современной философии. Щербатской пришел к выводу, что наиболее близкие буддистам идеи содержатся у И. Канта. Не случайно поэтому и название его труда, в котором «логика» неразрывно связана с «теорией познания».

Интерпретация основных положений философа VII в. Дхармакирти — неоспоримая заслуга русского ученого. Он впервые продемонстрировал высочайший уровень развития индийской логики и в то же время ее неаристотелевский характер (ср. замечание неокантианца Б. Эрдмана¹¹ о том, что аристотелева логика отнюдь

¹¹ Эта мысль отмечена в контексте лекций Эрдмана по истории философии, прослушанных Щербатским в 1901 г. См. [Васильков, 1989, с. 184].

не является единственно возможной). Но работа Щербатского имела значение и для решения более обширных задач. В ней было показано огромное влияние буддийской логики на классические системы индийской философии. Ученый рассматривал философию как основу духовной жизни страны, и это позволяло ему говорить о важности вклада буддизма в формирование религии индуизма. Благодаря исследованиям Щербатского стало возможно говорить о целом периоде в истории индийской культуры, когда буддизм успешно соперничал с брахманизмом (индуизмом). Сам брахманизм в его поздних формах, по его мнению, не мог быть правильно понят без анализа буддийского влияния.

Первый том «Теории познания и логики» стал магистерской, а второй — докторской диссертацией Щербатского. В 20-х годах книга была переведена на немецкий и французский языки и вызвала оживленное обсуждение. Ее основные положения были приняты мировой наукой. Щербатской стал признанным авторитетом в области индийской философии и буддизма. Он активно сотрудничал в «*Bibliotheca Buddhica*» и других международных изданиях, а также в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии, а в 1910 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук.

В связи с занятиями буддийской философией ученый все чаще должен был обращаться к тибетским переводам санскритских текстов и все интенсивнее заниматься тибетологией. В самом начале столетия и в европейской и в русской науке исследованию областей Монголии и Тибета уделялось огромное внимание. Наиболее важными в историко-этнографическом отношении были экспедиции Свен Гедина, Сарат Чандра Даса и организованное петербургскими востоковедами путешествие к «святыням Тибета» буряты Гомбоджаба Цыбикова, странствовавшего под видом буддиста-паломника в 1899—1902 гг. (см. [Цыбиков, 1919]). Уже в 1904 г. на факультете восточных языков Щербатской начал преподавать тибетский язык, не входивший еще в учебные программы университета. В 1905 г. отдельным оттиском вышел его «Определитель корней в тибетском языке»¹², до сих пор привлекающий внимание лингвистов.

Щербатской полагал, что в буддийских монастырях Монголии и Тибета можно найти философские тексты на санскрите или переводы памятников буддийской философии. Его интересовал и уклад жизни в монастырях, который, по его представлениям, мало изменился со времен Дхармакирти¹³. Тибет и вообще Цент-

¹² Включен в издание: Сборник в честь В.И. Ламанского. Ч. 1. СПб., 1907.

¹³ Позднее, в 1907 г. (3 августа), Щербатской писал Ольденбургу из Агинского дацана в Бурятии: «Ведь Монголия — это живая Индия. Все, что происходит

ральная Азия были тогда районами острого столкновения политических интересов таких крупных держав, как Англия, Россия и Китай. С одной стороны, это стимулировало внимание ученых к данной территории, с другой — международная напряженность нередко осложняла и сковывала чисто научные предприятия.

В августе 1904 г., в связи с занятием Лхасы английскими войсками, Далай-Лама XIII бежал в Монголию. Глава ламаистского духовенства обратился за помощью к России. Щербатской, установив контакт с прибывшим в Петербург ученым ламой из Агинского дацана Данзином Зарбаином, планировал поездку в Монголию и Тибет, «чтобы ознакомиться на местах с постановкою философского преподавания в ламайских монастырях и проследить, в какой мере здесь сохранились старые индийские методы и предания». Прибыв в Ургу для встречи с далай-ламой, он телеграфировал в Русский комитет 7 июля 1905 г., что «далай-лама предлагает сопровождать его в Тибет, где г. Щербатской найдет обильный материал для научных исследований. С.Ф. Ольденбург передал Комитету содержание своей беседы с товарищем министра иностранных дел князем Оболенским, который вполне определенно высказал, что просит в настоящее время не командировать г. Щербатского в Тибет ввиду могущих от этого произойти дипломатических осложнений. На основании этого отзыва Комитет постановил отложить командировку Ф.И. Щербатского до более благоприятного времени» [Протоколы РКИСВА]. Во исполнение предложения далай-ламы в Тибет на два года был послан ученик Щербатского бурят Бадзар Барадийн. Он привез из Лаврана ценную коллекцию памятников искусства, этнографических предметов и книг. Вероятно, помня беседы с русским ученым, далай-лама позднее прислал в дар Азиатскому музею уникальную рукопись Камалашилы (VII в.) «Бхаванакрама» («Процесс созерцания»), приготовленную затем к изданию учеником Ф.И. Щербатского Е.Е. Обермиллером (опубликована лишь в 1963 г.).

Из каталогов, составленных Р. Бхандаркармом, давно уже было известно о существовании важных рукописей философского содержания в собраниях Западной Индии. По просьбе Щербатского Академия наук в 1908 г. направила в Индию официальную просьбу прислать «рукописи в использование или заказать с них снимки», но безрезультатно. Щербатской внес в факультет восточных языков представление о командировании его в Индию и получил такую возможность (с помощью Русского комитета). Срок командировки (1 декабря 1909 г. — 1 сентября 1910 г.) впоследствии был продлен.

здесь, в Аге, есть, по всей вероятности, полнейшая копия того, что происходило в VII веке в Наланде» [Кальянов, 1972, с. 17].

Цели поездки состояли в следующем. Первое: «изучение на месте источников философской системы ньяя-вайшешика». Одной из ближайших задач являлось «разыскание санскритских рукописных оригиналов тех сочинений, с которых были сделаны тибетские, монгольские и китайские переводы» текстов махаяны, имевших важное значение для указанной философской системы. Ученый планировал скопировать рукопись Камалашилы «Таттвасанграха» в джайнской библиотеке Джессалмира и вести поиски «остатков буддийской научной литературы также в Сиккиме и Непале». С этой же целью предполагались экскурсии в Кашмир и на юг — в Траванкор и Коломбо. Вторая цель — ознакомление с положением, в котором «находится изучение санскритского языка и литературы в самой Индии и особенно тех отраслей литературы, которые до сего времени не поддавались интерпретации европейских ученых, представляли для них более или менее загадку» [Известия РКИСВА, Сер. II. 1912, № 1].

Видимо, поэтому большую часть командировки он предполагал провести в Бенаресе — основном центре традиционного образования. Естественно, общее знакомство со страной также входило в его планы, но оно не было самоцелью. Ученый нуждался не в беглом осмотре исторических достопримечательностей, а в близком знакомстве с духовной жизнью представителей традиционной индийской культуры.

Отъезд из Петербурга состоялся 30 ноября 1909 г., но еще целый месяц ученый пробыл в Европе, где вел переговоры с немецкими (Г. Людерс, А. Грюнведель, А. Лекок) и французскими ориенталистами (Э. Сенар, О. Барт, Э. Шаванн, П. Пеллио) [Вигасин, 1990]. От С. Леви он узнал о сенсационной находке А. Стейна, который привез в Лондон уйгурскую рукопись «Абхидхармакоши» Васубандху — буддийской философской энциклопедии. Санскритский оригинал этого текста тогда считался утерянным. Щербатской давно уже проявлял интерес к этому произведению, упоминалось оно и в беседе его с далай-ламой в Урге.

По счастливой случайности в Индии русскому ученому удалось встретиться с нищим отшельником из Митхилы — замечательным знатоком «санскритской учености». Щербатской писал позднее в своем отчете: «Я поселился с ним и другими пандитами в местности Гхат Копар и прожил в этой среде в общей сложности около 8 месяцев. Жили мы в совершенно индийской обстановке, в местности, в которой не было ни одного европейца, где единственный разговорный язык был санскрит, проводя время с утра до вечера в философских диспутах, с двумя перерывами в месяц — в день новолуния и полнолуния». Именно «в этой работе, совместно с туземными пандитами», Федор Ипполитович и видел «главный результат своего путешествия» [Щербатской, 1989, с. 257].

В письме Ольденбургу Щербатской писал: «В Европе я считал себя недурным знатоком ньяя, но, приехав сюда, увидел, что нужно переучиваться с начала и что без знания миманса невозможно хорошо знать и ньяя... Скоро уже четыре месяца как я ежедневно по 16 часов сижу за ньяя и все еще не могу сказать, чтобы чувствовал себя свободно... Одновременно у меня завязались сношения с здешними джайнами, „Арьясамадж“, „Брахмасамадж“ и махараджей Бародским. Все необыкновенно предупредительны и внимательны. Книг и рукописей по ньяя у меня уже образовалась порядочная библиотека» [Вигасин, 1990, с. 293].

В архиве ученого хранится своеобразное «свидетельство» (на санскрите) об этих занятиях, выданное ему Свами Сурешваранандом: «Преподаватель главного учебного заведения Русской страны по имени Шчерватска прочитал со мною „Ньяябхашья“, „Ньяявартика“, „Ньяявартикататпарьятика“, „Ньяякусуманджалитатвачинтамани», „Ньяяканикашлокавартика“ и др. ...и после испытания удостоен звания „Таркабхушана“ (букв. „Украшение логики“») [ПФ АРАН, ф. 725, оп. 3, д. 22, л. 30].

Помимо этого вместе с М.С. Андреевым, впоследствии известным востоковедом, а тогда русским военным агентом в Индии¹⁴, Щербатскому удалось приобрести и отправить в Музей антропологии и этнографии фрагмент дворца маратхского правителя из Насика; он скопировал редкие рукописи из нескольких собраний, в том числе из труднодоступного для европейцев джайнского бандара (библиотеки).

Лишь в сентябре, после окончания сезона дождей, появилась возможность отправиться в Бенарес. Здесь Щербатской занимался текстами системы миманса, которые интересовали его преимущественно благодаря сведениям о философии буддизма и о полемике между сторонниками систем ньяя и миманса. В ближайшее время исследователь планировал перевести важнейшие индийские философские сочинения, причем «перевод должен быть сделан на языке, доступном для оценки индийских ученых», т.е. по-английски. Характерно, что именно к индийским ученым он относился как к наиболее компетентным судьям, обладавшим подлинным знанием древней традиции.

Недолго пробыв в Калькутте, Щербатской 4 октября 1910 г. приехал в Дарджилинг. Помимо надежды на то, что здесь, у границ Тибета, можно найти ценные рукописи в буддийских монастырях, ученого привлекало и другое: в это время в Дарджилинге

¹⁴ «Чиновник военного ведомства М.С. Андреев... означенному лицу... поручена организация на прочных основаниях военно-разведывательной части при Генеральном Консульстве в Бомбее» [АВПР, ф. 214, оп. 779, д. 68, л. 10—12].

жил в добровольном изгнании Далай-Лама. От него он надеялся получить информацию о тибетских монастырях, а возможно, с его помощью и совершить туда путешествие. Далай-Лама пригласил русского буддолога посетить Тибет и сфотографировать редкие санскритские рукописи, но на эту поездку вновь не удалось получить разрешения из Петербурга.

В Дарджилинге Щербатской работал над переводом «Абхидхармакоши» вместе с известным английским востоковедом Денисоном Россом. Росс сообщал об этом в письмах А. Стейну. Впоследствии он вспоминал, как приглашал индийских ученых, хорошо знавших санскрит, например Харапрасада Шастри и Сатишчандру Видьябхушана, и оставлял их наедине с русским, чтобы они могли свободно вести беседу на этом языке¹⁵.

Д. Росс сотрудничал также с Луи де ла Валле-Пуссенон, подготовившим в конце концов французский перевод «Абхидхармакоши». В 1912 г. в Париже Щербатскому удалось договориться о создании группы по изучению этого важнейшего памятника индийской философии. Отдельными выпусками он издавал его в серии «*Bibliotheca Buddhica*» вместе с С. Леви и японским буддологом Огихарой. Монографическое исследование текста выпало на долю наиболее одаренного ученика Щербатского — О.О. Розенберга. Последний писал: «На чрезвычайную важность „Абхидхармакоши“ было обращено внимание давно. Полное исследование этого сочинения явится началом новой эпохи в изучении не только буддизма, но индийской философии и религии вообще. В настоящее время внимание всех почти изучающих буддизм сосредоточено на этом сочинении» [Розенберг, 1918, с. XIV]. В серии «*Bibliotheca Buddhica*» Щербатской опубликовал санскритские и тибетские философские тексты «Ньябинду», «Ньябиндута», «Сантанантарасиддхи» и др.

Им была задумана и новая серия — «Памятники индийской философии». Интерес к индийской культуре в России в то время был настолько велик, что можно было издавать философские тексты уже не только в переводах на западноевропейские языки, но и по-русски. Но из-за первой мировой войны ни один выпуск этой серии так и не вышел в свет до Октября 1917 г.

Благодаря Щербатскому Петербург стал центром международного сотрудничества по изучению буддийской философии. Вокруг ученого группировалась научная молодежь, создавалась научная школа, обещавшая стать одной из ведущих в мировой науке. Лишь немногие из его грандиозных планов были осуществлены в последующие десятилетия.

¹⁵ Ross D. *Both Ends of the Candle*. L., 1943, c. 109, 152.

В начале XX в. в России работали одаренные молодые исследователи, такие, как Н.Д. Миронов и А.А. Сталь-Гольштейн, О.О. Розенберг и А.М. Мерварт. Круг их интересов был весьма разнообразен: описание манускриптов и изучение литературы джайнизма, филология и археология Центральной Азии, буддийская философия и логика, дравидология и этнография Индии. В каждой из этих областей знания их труды стали заметным явлением, порой открывали новую страницу в истории мировой ориенталистики (см. [Bongard-Levin, Vigasin, 1984]).

Николай Дмитриевич Миронов (1880—1936) получил образование в Страсбургском университете. Под руководством Э. Леймана он занимался преимущественно индийской филологией: пали, пракритами и санскритскими буддийскими текстами. По окончании университета в 1903 г. [АВ, ф. 40, оп. 3, д. 4] молодой ученый вернулся в Россию и был причислен к Министерству народного просвещения. Его откомандировали для занятий в Азиатском музее, поставив целью составление полного каталога индийских рукописей. Эта работа заняла у него около десяти лет. К концу 1912 г. [ПФ АРАН, ф. 87, оп. 3, д. 259, л. 1—2] была завершена рукопись первого тома, посвященного в основном санскритским манускриптам. Книга вышла в свет в 1914 г., вскоре после начала первой мировой войны.

Несколькими годами ранее, в конце 1909 г., директор Императорской Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко предложил Миронову провести каталогизацию собрания Минаева и других индийских рукописей, хранившихся в библиотеке. Благодаря хлопотам Ольденбурга печатание и этого каталога взяла на себя Академия наук. Первый выпуск был опубликован в начале 1918 г. Индологу посчастливилось обнаружить ряд ценных манускриптов, например «Ньяяправеша» — памятник, сразу же привлечший внимание специалистов по индийской философии. В 1910—1911 гг. он издал подготовленный Минаевым текст «Махавьютпатти», снабдив его указателем («Bibliotheca Buddhica», XIII). Это издание было положено в основу целого ряда буддологических публикаций в Европе и Японии.

Мионов был специалистом в той области знания, которая была слабо разработана в Европе и практически полностью не затронута русской наукой: он занимался джайнизмом и джайнской литературой. Труды индолога по так называемому северному буддизму обнаруживают его познания не только в санскритских сочинениях, но также в японской и китайской традициях. Помимо исследований по частным вопросам ему принадлежат большие статьи по Индии, индийской литературе, религии и философии в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

После 1917 г. ученый эмигрировал, в первой половине 20-х годов жил в Китае и в Париже, а с 1926 г. и до своей кончины — в Тунисе. Каталоги Миронова, хотя и оставшиеся незавершенными, и поныне являются настольными пособиями для санскриптологов.

Барон Александр Августович (Александр Вильгельм) Сталь-Гольштейн происходил из старинной знатной фамилии прибалтийских немцев. Он родился 1 января 1877 г. в местечке Тестамаа (ныне в Эстонии), учился в гимназиях Дерпта и Пярну. Одно время ему покровительствовал Л. фон Шредер. Индия привлекала юношу как страна исключительно религиозного мировоззрения, совершенно чуждая всякому материализму [АВ, ф. 51, оп. 2, д. 7]. Продолжать обучение он отправился в Бонн, называвшийся тогда «Бенарес-на-Рейне», занимался также в Берлине, Геттингене и Халле. Его учителя — классики немецкой индологии: Г. Якоби, Г. Людерс, Ф. Кильхорн, Р. Пишель. Диссертация, защищенная в Галле в 1900 г., была посвящена брахманской ритуалистике (тексту «Кармапрадипа»).

После возвращения в Россию Сталь-Гольштейн поступил на службу в отдел Индии Азиатского департамента МИД (сначала переводчиком, затем атташе). В августе 1903 г. он совершил путешествие по Индии (Бомбей, Лахор, Бенарес), которое описал в статье «Путевые впечатления из Индии» [Сталь-Гольштейн, 1904]¹⁶, в 1905 г. — назначен секретарем русского консульства в Бомбее, но вскоре вынужден был по болезни просить об отставке [АВ, ф. 51, оп. 3, д. 8; 4, ф. 214, оп. 779, д. 68].

С ранней молодости он проявлял серьезный интерес к археологии и в 1902 г. был избран действительным членом Русского археологического общества. Вероятно, не без влияния К.Г. Залемана индолог обратился к древностям Средней Азии и совершил в 1908 г. длительную поездку по Туркестану (Самарканд, Бухара, Мерв)¹⁷. Ф.И. Щербатской, готовясь к экспедиции в Индию на длительный срок, прилагал усилия к тому, чтобы Сталь-Гольштейн был принят на факультет восточных языков в качестве приват-доцента и мог вести занятия по санскриту [ПФ АРАН, ф. 87, оп. 3, д. 410, л. 5—6]. Пробная лекция была посвящена анализу сведений об Индии китайского паломника Сюань Цзана в свете новейших археологических открытий. На основе лекции были опубликованы статьи — сначала по-русски [Сталь-Гольштейн, 1912], а через несколько лет по-английски. Эта тема имела особую актуальность в те годы в связи с начатыми Археологической службой Индии планомерными раскопками. Проблемы

¹⁶ Немецкий оригинал хранится в [АВ, ф. 51, оп. 3, д. 9].

¹⁷ См. письма К.Г. Залеману [ПФ АРАН, ф. 87, оп. 3, д. 343, л. 11—15].

культурных контактов Индии и Китая стали основным направлением его исследовательской деятельности.

Сталь-Гольштейн удалось привлечь к разработке находок русских ученых в Центральной Азии. В 1914 г. он был избран членом РКИСВА [ПФ АРАН, ф. 177, оп. 2, д. 242, л. 1]. Он помогал В.В. Радлову в публикации буддийской сутры на уйгурском языке («Bibliotheca Buddhica», XII). В Азиатском музее Сталь-Гольштейн обнаружил тибетскую рукопись буддийской махаянской сутры «Кашьяпа-париварта» и начал готовить ее издание и перевод [АВ, ф. 51, оп. 1, д. 13]. Эта работа была им закончена и опубликована в 1926 г. в Шанхае. Она послужила основой дальнейших исследований памятника, в частности, Ф. Веллером.

Сталь-Гольштейн стоял у истоков такого важнейшего научно-направления, как реконструкция санскритских текстов, сохранившихся в транскрипции и в переводе на китайский язык. В 1913 г. он опубликовал («Bibliotheca Buddhica», XV) реконструкцию нескольких гимнов, приписываемых знаменитому буддийскому поэту и драматургу Ашвагхоше. Восстановление санскритского текста стало возможным благодаря исследованию тибетского перевода, сохранившегося в «Данжуре». Будучи в равной мере индологом и синологом, ученый впервые смог установить правила, следуя которым китайские авторы транскрибировали слова санскритского оригинала [там же, д. 10]. Эта публикация стала его магистерской диссертацией. Она получила самую высокую оценку индологов и буддологов: Ф.И. Щербатского, Г. Якоби, Г. Людерса, Ф. Томаса. Ф.И. Щербатский, впрочем, сделал и ряд важных замечаний, в частности выразив сомнение по поводу авторства Ашвагхоши [ПФ АРАН, ф. 725, оп. 1, д. 152, л. 20]. Работа ученого была вскоре продолжена японским профессором Сагаки (Киото).

Пристальное внимание исследователей привлекала тогда Центральная Азия Кушанской эпохи. В 1913—1914 гг. Сталь-Гольштейн в Британском музее изучал так называемую индо-скифскую нумизматику и эпиграфику. Он посвятил ряд статей проблемам этнической принадлежности Кушан, идентификации юэцжи. Еще в 1909 г. он определил тохарский язык в текстах из Центральной Азии [там же, ф. 177, оп. 2, д. 242, л. 6].

В 1916 г. ученый получил возможность выехать в Пекин для изучения монгольских и тибетских документов. Русский комитет воспользовался этим для того, чтобы поручить ему ознакомиться в Японии и Корее с результатами работы японских исследователей в Центральной Азии [там же, л. 4—7]. Октябрьские события 1917 г. сделали его возвращение в Россию невозможным. Он принял эстонское гражданство, но навсегда остался работать в Пеки-

не, где преподавал санскрит в университете. Там он сблизился с буддийским духовенством. В 1926 г. Сталь-Гольштейн читал лекции в Гарвардском университете в качестве профессора центральноазиатской филологии. Позднее, в 1929 г., он основал в Пекине Китайско-индийский институт Гарвардского университета и возглавлял его до самой кончины, последовавшей 16 марта 1937 г. [Eliséeff, 1938].

Одним из ведущих буддологов нашего века был ближайший ученик Ф.И. Щербатского японист Оттон Оттонович (Юлиус Карл Оттон) Розенберг [Михайлова, 1987; Розенберг. Труды; Stcherbatskoj, 1924]. Он родился 7 июля 1888 г. в Фридрихштадте (совр. Яунелгава, Латвия), окончил классическую гимназию при евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины в Петербурге и в 1906 г. поступил в университет. На факультете восточных языков Розенберг занимался санскритом, пали, пракритами, китайским, тибетским и монгольским языками, а с III курса — и японским. Один семестр он совершенствовался в санскрите у Г. Якоби в Бонне. По окончании университета в 1910 г. он был оставлен при кафедре санскритской словесности.

Ф.И. Щербатской был тогда воодушевлен проблемой изучения буддийской метафизики — абхидхармы. В 1910 г. в Калькутте Денисон Росс познакомил его с японским буддистом Ямаками Со-ген [АВ, ф. 725, оп. 1, д. 117, л. 43]. У русского буддолога создалось впечатление, что японские буддийские тексты имеют первостепенное значение, ибо они сохранили философскую традицию древней Индии. Поэтому, по его словам, он и послал (в 1912 г.) «своего самого одаренного ученика О. Розенберга в Токио, где его интенсивная работа в течение четырех лет внесла решающий вклад в изучение буддизма» [там же, л. 246].

Предварительно, в 1911 г., О. Розенберг был командирован в Берлин, где занимался в «Семинаре восточных языков», совершенствуясь в японском языке под руководством Ланге и Цудзи. Вернувшись в Петербург, он перешел на кафедру японской словесности для подготовки к получению профессорского звания. После русско-японской войны в России стала очевидной необходимость подготовки японистов. В 1912 г. в Японию были направлены на стажировку Розенберг и Е.Д. Поливанов, а несколько позднее — Н.И. Конрад и Н.А. Невский. Официальной целью пребывания Розенберга в Токио считалось изучение японской литературы и буддийской философии. Но для самого ученого последнее скоро стало основным. О ходе работ Розенберга богатый материал содержится в его письмах Ф.И. Щербатскому.

Уже осенью 1912 г. Розенберг сообщал: «...расскажу Вам о своих разочарованиях. В течение лета я познакомился почти со всей литературой на японском языке, относящейся к абидарме.

Оказалась она незначительной по объему и жалкой по содержанию. Я отказался от надежды найти у японцев помощь в понимании буддийской философии. Они читали слова текстов, заучили некоторые определения, сличили слова китайские с санскритскими, сосчитали число слов, строчек и стихов и могут указать, где что находится, а мир мысли, скрытой в этих словах, им чужд». И далее: «...расскажу о своих положительных успехах. Бросив различные туманные толкования японских учебников, взялся прямо за текст В[асубандху] в двух переводах и сразу же встал на твердую почву — сочинение меня не только не отпугнуло, а, напротив, все больше меня привлекает богатством содержания и стройностью изложения и системы» [там же, оп. 3, д. 185, л. 4—5].

Интенсивная работа над текстом «Абхидхармакоши» с помощью китайских комментариев, написанных учениками Сюань Цзана в течение осени и зимы 1912/13 г., привела исследователя к совершенно новому пониманию основных понятий буддийской философии — дхарм, рупа, «истинно-сущего» [там же, л. 33 об.]. Розенберг констатировал: «Я убедился, что мое понимание *dharma* — правильно... В общем, я теперь могу сказать, что я Кошу понял — фундамент есть, и дальнейшая разработка двинется успешно... Абхидхармакоша будет скоро мною прочитана вся — настолько подробно, что можно будет взяться за *Vijñānamātra*, непонятное без Коши, а также без *Nyāyadvāratarka* Дигнаги с комментариями, так что придется изучить и это сочинение» [там же, л. 16, 18]. Помимо этого ученый задумал составление словаря буддийской терминологии на санскрите, японском и китайском языках.

Объем поставленных задач сделал очевидным необходимость продлить срок командировки, истекавший в марте 1914 г. Розенберг писал: «При настоящем положении японологии моя главная цель должна быть — вывезти как можно более разнообразного материала уже значительно подготовленным для дальнейшей самостоятельной обработки. Ведь в Петербурге не у кого будет справляться, а пособий очень мало существует. Работы мои над словарем и грамматикой продолжаются — уже 40000 слов с лишком приведены в порядок... Приостановить часть буддийских работ, чтобы наскоро приготовить другие отделы японских занятий, было бы крайне нежелательно уже ввиду важности буддизма для понимания японской культуры: ведь вся духовная культура Японии — плод буддизма». Как и Щербатской, Розенберг полагал, что при интерпретации старинных текстов целесообразно исходить из толкований, основанных на живой традиции, сохранившейся в буддийских странах: «Нужно спешить сохранить то, что осталось от старой традиции, незатронутой европейской нау-

кой, ведь нынешнее поколение буддийских ученых уже изучает санскрит в Европе, и очень часто заметно желание сблизить свое мировоззрение с европейскими системами или защитить его от нападений миссионеров — в результате получается изменение основных идей» [там же, л. 18—19].

Продление командировки было наконец получено, и у Розенберга оказалось еще два года на подготовку и печатание в Токио словаря буддийских терминов. Параллельно с этой работой он обдумывал диссертацию по «истории восточного буддизма», т.е. «очерк догматики китайско-японского буддизма». Подводя итоги своей стажировки, ученый имел основания сказать: «Буддийская литература Японии в Европе мало известна: лица, изучавшие японскую литературу, не знали ни китайского языка, ни санскрита, ни буддизма... Моя подготовка дала мне возможность открыть эту литературу, которая без санскрита и китайского языка мало доступна, открыть не только японскую, но и большую часть китайской буддийской литературы — почти неизвестных до сих пор областей...» [там же, л. 90]. Результатом этой огромной работы явились два тома «Введения в изучение буддизма по китайским и японским источникам». Первый том (Токио, 1916) заключал в себе указанный словарь, второй — «Проблемы буддийской философии» — вышел в свет в Петрограде в 1918 г.

В Россию Розенберг вернулся в июле 1916 г. 6 октября на факультете восточных языков состоялась защита его книги, представленной в качестве диссертации. Совет факультета присудил ему степень доктора японской словесности. В январе 1917 г. он стал приват-доцентом, а 16 мая 1919 г. — профессором японской филологии. В университете Розенберг читал лекции по истории религии и религиозной философской литературе Японии, по театру Но и японской научной литературе. Он был также помощником хранителя Этнографического отдела Русского музея, где разбирал буддийские коллекции, и научным сотрудником Азиатского музея, где работал над китайскими текстами, привезенными Ольденбургом из Дуньхуана.

После страшных тягот Гражданской войны он с семьей бежал с войсками Юденича, мечтал вернуться в Японию, но скончался от сыпного тифа в Ревеле 16 сентября 1919 г. Практически полностью погиб научный архив ученого: его переводы, неоконченные работы (в частности, наброски последней части «Введения в изучение буддизма...»), огромная картотека к китайско-японско-русско-английскому словарю, составление которого ему было поручено Академией наук. Уже посмертно были опубликованы его лекция на I Буддийской выставке «О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке» и ряд статей по буддийской философии, написанных на японском языке.

Пионерами индийской этнографии в России считаются супруги А.М. и Л.А. Мерварты [Люстерник, 1975; Мерварты, 1927; Краснодарская, 1983; Словарь, 1996].

Александр Михайлович (Густав Герман Христиан) Мерварт родился в 1884 г. в Мангейме (Германия), в 1907 г. окончил Гейдельбергский университет, защитив диссертацию на тему «Общественное мнение в Бадене после освободительных войн». Затем он работал учителем немецкого языка в Петербургской гимназии. Л.А. Мерварт была дочерью А.М. Левина — одного из сотрудников знаменитого доктора В.А. Хавкина, боровшегося с эпидемией чумы в Индии. Под влиянием отца она с детства увлекалась индийской культурой. Л.А. Мерварт окончила Бестужевские курсы и была в числе первых трех женщин в России, в 1911 г. получивших право сдавать экзамены за университетский курс. Очевидно, под влиянием жены А.М. Мерварт стал всерьез заниматься индологией.

Одаренный и необычайно работоспособный молодой человек обратил на себя внимание акад. В.В. Радлова — директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Индийское собрание музея было тогда скромным по размерам и более или менее случайным по составу. Радлов строил планы создания полноценного отдела Индии с систематически подобранной коллекцией. В деле собирания вещей и их экспозиции он возлагал надежды именно на А.М. Мерварта. Весной 1913 г. последний был откомандирован Министерством народного просвещения для занятий в музее. В частности, он разбирал коллекцию, недавно купленную у М.С. Андреева. Весьма плодотворным для начинающего этнографа должно было быть общение с помощником Радлова, выдающимся исследователем сибирских народностей Л.Я. Штернбергом. Недавно супруги Мерварты называли его своим «учителем» [ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 1].

Для организации нового отдела требовалось систематическое собрание экспонатов и знакомство со страной, т.е. была необходима экспедиция в Южную Азию. Экспедиция планировалась сроком на два года и была осуществлена с помощью РКИСВА. На летние каникулы 1913 г. Мерварт отправился в Германию для изучения индийских собраний музеев Берлина и Мюнхена, для консультаций с немецкими индологами и проработки специальной литературы. Значительную помощь молодому коллеге оказал А. Грюнведель. Мерварт сообщал в письме Радлову: «В наших частых беседах он так воодушевил меня в отношении моих целей и дал столь ценные советы, что теперь моя задача представляется мне довольно ясно, хотя пока только в общих чертах. Из областей, особенно важных и желательных для изучения в этнографическом отношении, Грюнведель прежде всего указал мне на

Цейлон, Нилгири, внутренние районы Декана, Ориссу и главным образом области Гималаев. На Цейлоне особенно притягательны культы демонов... Для понимания индуизма и даже современного буддизма подробное рассмотрение веры в демонов в самом широком контексте является необходимым... В особенности богаты, как по словам Грюнведела и Шермана, так и по свидетельству музейных собраний, Ассам и гималайские районы. Это касается одежды, оружия, домашней утвари, которые из-за более сурового климата должны быть богаче и разнообразнее, а также различных форм культа, в которых первобытное колдовство, анимизм удивительно смешиваются с индуизмом и буддизмом. При колоссальной протяженности территории я должен буду, вероятно, посвятить путешествию по гималайскому району весь второй год» [там же, ф. 142, оп. 1, д. 65, л. 263—266].

Намеченная программа экспедиции отличалась новизной подхода. Для России, граничившей со странами так называемого северного буддизма (Китай, Япония, Монголия), традиционным являлся интерес к господствовавшим здесь школам махаяны. Мерварт обращает внимание на то направление, которое распространено на Ланке — тхеравада (хинаяна). При этом народные культы и представления его занимают не менее, чем учение, зафиксированное в палийском каноне. Индийская культура в русской науке (да и в европейской науке прошлого и начала нашего века) прочно ассоциировалась лишь с санскритской литературой. Мерварт планировал свои занятия преимущественно не в долине Ганга, а в пригималайских районах и на дравидийском юге Индостана. Его, как этнографа, привлекают малоизученные первобытные племена, и он проницательно замечает, что изучение «дикарей» способно многое прояснить в классической индийской цивилизации.

Из-за мировой войны экспедиция в Индии продолжалась почти четыре года. Результаты ее впечатляющи: составлены значительные коллекции этнографических предметов и фотографий, подготовлен ряд научных публикаций по быту, верованиям и традиционному театру Индии, опубликованы статьи в индийских и цейлонских научных журналах, изучены местные разговорные языки — сингальский, тамильский.

Поскольку после революции финансирование экспедиции было прекращено, Мерварт, оставаясь в Индии, вынужден был поступить на службу. Он стал заведующим этнографическим отделом Индийского музея в Калькутте. Музей был старейшим и крупнейшим в Индии, но этнографическим отделом его никогда до тех пор не руководил специалист. Со свойственным ему энтузиазмом и работоспособностью Мерварт принялся за реорганизацию отдела в соответствии с современными принципами науки и музейного дела. Он успел опубликовать два путеводителя — по коллекциям

музыкальных инструментов и по экспозиции, представляющей Андаманские и Никобарские острова, а также племена Ассама. Он был избран иностранным членом Азиатского общества Бенгалии и публиковал статьи в его журналах.

Переправить собранные коллекции в Петроград удалось лишь в 1923 г. В 1924 г. вернулись на родину и сами ученые. Россия приобрела первоклассных специалистов, знавших практически все регионы Индостана, имевших широкие связи с местными специалистами, прекрасно представлявших жизнь не только в культурных центрах, но и в деревенской глуши Цейлона. Это создавало самые широкие возможности для развития индологии в СССР. Возможности эти не могли быть реализованы, так как через несколько лет после возвращения, в 1929 г., А.М. Мерварт был репрессирован и погиб в лагере. Репрессирована была и Л.А. Мерварт¹⁸.

¹⁸ [Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф.]. Репрессированное востоковедение. — НАА. 1990, № 4—5.

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И ГЕБРАИСТИКА

ЕГИПТОЛОГИЯ

Вторая половина XIX в. ознаменовалась превращением первых отраслей изучения Древнего Востока в России в профессиональную науку. Вначале ничто, казалось, не предвещало такого поворота: продолжался традиционный сбор древностей для отечественных музеев. В 1861 г. в Москве, у некоего Балашевича, для Эрмитажа приобретаются древности. В том же году дарит свой знаменитый камень Эрмитажу В.А. Перовский. Этот камень с текстом гл. 162 «Книги мертвых» происходит из гробницы Петамене в Фивах, самой большой в этом некрополе, и является уникальным. Точные копии камня Перовского были сняты методом гальванопластики и разосланы во все крупные музеи мира. Таким образом, камень как бы получил издание, хотя, по существу, он до сих пор не издан.

Складывается значительная коллекция древностей графа Г. Строганова (Петербург, дворец у Полицейского моста). В 1880 г. в Аахене публикуется ее каталог, почему-то мало известный египтологам — как русским, так и иностранным. Это прежде всего ценная коллекция скарабеев, печатей и амулетов¹. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Особый интерес представляет стела (датирована 22-м годом правления царя Осоркона II), исчезнувшая совершенно бесследно.

В 1873 г. в Петербург приезжает норвежский ученый И. Либлейн. Его цель — издание словаря собственных имен древних египтян. Для этого он списывает имена и титулы на стелах, статуях, папирусах, хранящихся в музеях всего мира. В таком извлечении он дает египтологии сведения о целом ряде петербургских памятников: Эрмитажа, Кунсткамеры, Публичной библиотеки. Это первая профессиональная обработка русских со-

¹ Издает ее Эмиль Бруш — брат знаменитого египтолога (Sammlung ägyptischer Altertümer des Grafen Gregor Stroganoff. Aachen, 1880). Часть этой коллекции была собрана графом Строгановым в 1879—1880 гг. Беглое описание коллекции строгановского дворца на Мойке дает и Б.А. Тураев [Тураев. Описание I, с. 124—125].

браний². Наряду с отчетом-публикацией Либлейн включает петербургские материалы и в свой словарь³.

В 70-х годах в России наконец появляется профессиональная египтология. Известна точная дата — 1874 г. — выхода в свет первого труда нашего первого египтолога⁴. Это — Владимир Семенович Голенищев (1856—1947), в то время 18-летний студент Петербургского университета⁵. Голенищев богат. Он живет в доме на Английской набережной. Он в состоянии покупать древности и создать в своем доме личный музей. В.В. Струве датирует основание этого музея 1870 г., говоря, что первые древности Голенищев приобрел в 14-летнем возрасте. Ссылки Струве не дает, но он — единственный из числа писавших в последние полвека о Голенищеве, кто должен был быть лично знаком с Владимиром Семеновичем⁶. Никакие богатства, однако, не могут обеспечить ему египтологическое образование в России того времени. Надо ехать учиться за границу, но он, обладая и средствами, и хорошим знанием европейских языков, почему-то не воспользовался такими возможностями. Альтернатива — изучать в Петербурге родственные египетскому арабский и древнееврейский языки — претворяется в жизнь под руководством профессоров В.Р. Розена и Д.А. Хвольсона⁷. Египетский и коптский приходится изучать самому. В 18 лет Голенищев выступает уже как профессионал. Он публикует в основанном Г. Бругшем журнале (см. примеч. 4) три статьи: о среднеегипетской версии гл. 108 «Книги мертвых» по саркофагу XII династии в Эрмитаже, о звуковом значении знака «Запад» и описание стелы эпохи XIII династии из его собственной коллекции⁸.

² Lieblein J. Die ägyptischen Denkmäler in St.Petersburg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen. Christiania, 1873.

³ Lieblein J. Dictionnaire de noms hiéroglyphiques en ordre généalogique et alphabétique. Suppl. Lpz., 1892.

⁴ Точнее, трех статей, опубликованных в т.12 лейпцигского журнала «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde» (ÄZ), издававшегося Р. Лепсиусом и Г. Бругшем.

⁵ Наиболее полное исследование о нем написано В.В. Струве на французском и русском языках [Strouvé, 1960; Струве, 1960].

⁶ По словам Струве, он виделся с Голенищевым в 1913 г., когда тот приезжал в Петербург печатать свою книгу об эрмитажных папирусах. Однако, по письмам 1914 г., хранящимся в архиве В.С. Голенищева в Париже, до указанного времени они знакомы лично не были. Если все же знакомство и состоялось, то оно, вероятно, могло иметь место только в Германии, где Струве учился в последний месяц мирного времени.

⁷ В составе профессоров столичного университета был, впрочем, и человек, занимавшийся иероглифами и египетским языком. Это — И.Н. Березин. (О занятиях иероглифами см.: Леонтьев П. Учено-литературное обозрение. — Русский вестник, Соврем. летопись. 1856, 1, с. 27.) Ни о каких научных контактах между Березиным и Голенищевым нет и речи.

⁸ Библиографию трудов Голенищева см. [Древний Египет, 1960].

В следующие два года (1875—1876) Голенищев печатает мелкие наблюдения над памятниками. Изумительно, что человек столь молодой уже мог так много накопить, изучить, сопоставить. Но среди мелочей (а это все-таки мелочи) проглядывает уже и значительный успех — прочтение имен на каменных саркофагах из коллекции герцога Лейхтенбергского. Это важный источник по истории VI века до н.э., когда персы, завоевавшие Египет (525 г.), стали уничтожать память о членах египетского царского дома. С этой целью были повреждены надписи на саркофагах, так что требовались и специальные знания, и навык, чтобы восстановить разрушенное. В 1875 г. Голенищева ожидает открытие, совершенно сенсационное. Он — студент университета и только. Казалось бы, в России геheimerов (тайных советников) и академиков не должны принимать всерьез студента, и всего менее в Эрмитаже — в то время еще придворном музее. В случае же с Голенищевым все обстояло совершенно иначе. Ему открыт доступ, как мы теперь сказали бы, в запасники, где он находит неразвернутый свиток папируса. Он обращается к хранителям коллекции с просьбой позволить ему развернуть свиток — операция, страшно ответственная! — и сразу получает разрешение. О результатах студент-второкурсник докладывает III Международному конгрессу ориенталистов в Петербурге. К сожалению, конгресс был плохо организован. Протоколы его, если они и велись, напечатаны не были. Доклад Голенищева был издан годом позже и в том же журнале. О настрое же аудитории мы можем судить только по себе. Что, если б нам сообщили о находке жемчужин древнеегипетской литературы?! А ведь именно к этому сводилось открытие Голенищева [Труды III съезда ориенталистов, с. XXII].

В то время литературная сторона папируса (в буквальном смысле; на другой стороне — деловой документ) представлялась ему состоящей из двух сочинений (что и подтвердилось впоследствии): первое — собрание прецептов, максим (и это, по существу, верно); второе — повествование из эпохи царя III династии (тогда так считали) Снофру. Повествование включало в себя рассказ жреца, имя которого Голенищев читал тогда «Нефер-хор», и рассказ этот описывал то ли действительные события, то ли предсказываемые. Последнее оказалось правильным, и, таким образом, Голенищеву удалось обнаружить древнейшее пророчество в египетской литературе. Он хорошо схватил и суть этого рассказа — пророчество о явлении царя Амени, хотя и не сумел отождествить его. Впоследствии это было сделано Эд. Мейером⁹; в русской же египтологии в советский период решение Мейера не было принято и привело к совершенно бесплодной дискуссии.

⁹ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd I, 2-te Hälfte. Stuttgart, 1913.

Доклад Голенищева поставил его в ранг профессиональных египтологов, и притом высокого класса. Мало кто из его старших коллег мог записать в свой актив открытие такой значимости. Оно было ответом на острое требование дня — открыть и издать новые источники по истории Египта, которые позволят дать хотя бы общий очерк исторического процесса. Не получив от древности изложения египетской истории, египтологи вынуждены были взять реконструкцию на себя, и болезненно ощущали странные пробелы в документации, что препятствовало их работе.

Деловая сторона папируса (recto) в то время обратила на себя гораздо меньше внимания, хотя одно только обнаружение этого источника по истории XVIII династии могло бы составить имя исследователю.

Перед Голенищевым встала задача издать папирус, но издание затянулось надолго. Причины были разные. В немалой степени помешали новые открытия, совершенно исключительного характера, но об этом позже. Тем временем Голенищев публикует мелкие работы, отдельные наблюдения, занимается религиозными египетскими текстами¹⁰.

В прошлом веке история религии Египта была одним из основных направлений в египтологии, причем едва ли не главное внимание уделялось «Книге Мертвых», которая многим казалась своего рода египетской Библией. Не оставляли в стороне и магическую литературу. Крупнейший памятник этой литературы — большую стелу, подаренную пашой Египта Мухаммедом Али князю Меттерниху и хранившуюся в Богемии, — Голенищев издает в 1877 г. (Трудно даже представить себе, что этому ученому с мировым именем был всего 21 год.) Издание этого памятника, важного как в историко-культурном, так и в историческом отношении, до сих пор необходимо рабочей библиотеке египтолога. Однако это не публикация в полном смысле слова, а лишь забота о воспроизведении, репродуцировании: нет ни перевода, ни комментария — эпиграфического, филологического, реального.

В 70-х годах Голенищев едва ли не ежегодно ездит в Европу. В 1875 г. он был в Эдинбурге, в 1876 г. — во Флоренции, в 1877 г. — в Богемии, в замке Меттернихов, в 1878 г. — в Сент-Этьене на Провинциальном конгрессе французских ориенталистов. Вопрос о поездках за границу этого ученого важен, так как он всюду интересуется древностями Египта и их покупает. К сожалению, пока нет данных о приобретениях, сделанных во время этих поездок. В 1879 г. он впервые выезжает в Египет. Результат

¹⁰ Например: *Голенищев В.С.* Об экземпляре «Книги мертвых» Гоор-а сына Нес-па-г'ер-ан-а и Та-г'ап-ы. — *Известия РАО.* 1880, 9, вып. 5. Из Афин в Петербург были присланы списки папируса, и по поручению Археологического общества Голенищев определил содержание памятника.

этой поездки — открытие и копирование важной исторической надписи над входом в храм царицы Хашепсове (Хатшепсут) в Стаб-эль-Антар. Предоставив директору Службы древностей О. Мариетту сделать копию с надписи и издать ее, Голенищев только опубликовал извлечения, которые должны были показать ценность этого исторического источника. Не обманул его глаз и в чтении картуша правителя, от имени которого сделана надпись. Он понял, что это — великая царица XVIII династии.

По окончании университета Голенищев поступает в Эрмитаж. Впервые в стенах первого по значению музея России работает египтолог-профессионал.

В 1880 г. выходит обзор древнеегипетской архитектуры, до сих пор самый подробный на русском языке, хотя и не вполне квалифицированный, а теперь уже и сильно устаревший; автор обзора — А.В. Прахов, историк искусства [Прахов, 1880]¹¹. Его интерес к Египту, во всяком случае, не мимолетный. Он ездил в Египет собирать древности, которые составили его первую лекцию, впоследствии затонувшую близ Одессы¹².

В том же году появляется замечательная книга, равной которой, пожалуй, на русском языке нет и поныне, хотя она не имеет отношения к большой, международной науке, а является целиком внутренним, российским событием. Это — перевод «Истории фараонов» Г. Бругша, сделанный Г.К. Властовым. Оригинал — работа крупнейшего в то время египтолога — удивительно фундаментален, но труднодоступен для неподготовленного читателя. Поэтому Властов добавляет массу сведений из других работ Бругша и трудов разных египтологов. В результате получился редкий справочник, который мог быть если не полезен, то хотя бы удобен даже египтологу (см. [Властов, 1880]). Сейчас, конечно, эта работа совершенно устарела.

Тогда же выходит в свет и описание коллекции графа Г. Строганова (см. примеч. 1).

Очевидно, в это же время Голенищев разворачивает еще один папирус Эрмитажа. О таком сенсационном открытии он докладывает в 1881 г. в Берлине на V Международном конгрессе ориенталистов. Этот доклад издан отдельной брошюрой и напечатан в парижском журнале «*Revue égyptologique*» (1882, 2). Развернутый папирус оказался одним из древнейших в числе известных в то время и принадлежал к эпохе Среднего царства. Он содержит только одно сочинение, но это сочинение — литературный шедевр, история о приключении египетского мореплавателя на чу-

¹¹ См. рец. В.В. Стасова на этот обзор [Стасов, 1882]. О деятельности Адриана Викторовича Прахова см. [Коростовцев, Ходжаш 2].

¹² Вторую его коллекцию, в то время находившуюся в Петербурге, описал Б.А. Тураев [Тураев. Описание VI, с. 208 сл.].

десном острове у сказочного Агафодаймона («доброго духа»). Голенищев назвал этот текст сказкой, и это название, неправильное по существу, за ним и закрепилось. С восторгом приветствовал это открытие В.В. Стасов, для которого так важен был каждый успех русской науки, ставящий Россию, в то время находившуюся на периферии культурного мира, на одну доску с другими странами. И этот восторг, может быть, как всегда у Стасова, слишком бурный, оправдан, поскольку дело шло об обогащении сокровищами общечеловеческой культуры. Со своей статьей он напечатал в 1882 г. и перевод Голенищева [Стасов. Египетская сказка], который долгое время был единственным источником знакомства с этим сочинением для русской публики.

И в этом случае публикация (научная) сильно задержалась. Лишь в 1912 г. Голенищев издал транскрипцию, перевод и исследование этого памятника, за чем последовали публикации 1913 г. (фоторепродукция папируса) и 1915 г. Но об этом после.

Начиная с 1879 г. он ездит в Египет. В 1939 г. в Египте отмечают его 60-й приезд¹³. Стало быть, поездки его ежегодны? Нет. Вероятно, в 1939 г. отметили 60-летие его первого приезда в Египет, но выразились неточно. На деле поездки не были ежегодными. В первое десятилетие он посетил Египет только шесть раз. К сожалению, точно неизвестны все даты его поездок. А без этого нельзя получить представление о формировании коллекции и выяснить историю отдельных памятников, чрезвычайно важную для египтологов.

Голенищев продолжает свою работу по копированию египетских надписей и публикует в 1882 г. важные уточнения к карнакскому списку чужеземных стран и народов, изданному ранее. В 1883 г. в районе Кау-эль-Кабир он копирует изображение (и надпись к нему) местного бога, отождествленного греками с мифическим героем Антеем. Это его исследование — определенный вклад в историю местных культов — интересно и теперь. Позднее оно было дополнено особой работой.

Египтологи, участвовавшие в работе VI Международного конгресса ориенталистов в Лейдене в 1883 г., очевидно, были разочарованы выступлением Голенищева. Привыкнув получать от него на каждом конгрессе по шедевру египетской литературы, они на этот раз должны были довольствоваться лишь его работой по теории письма. К тому же сама идея его выступления была предвосхищена Берчем¹⁴.

¹³ Журнал Службы древностей Египта вышел в 1939 г. с прекрасным портретом Голенищева и посвящением ему «по случаю его шестидесятого приезда в Египет».

¹⁴ На приоритете Берча настаивал сам Голенищев в примечании к изданному в 1885 г. тексту своего доклада (с. 85—87).

Впрочем, ранее (1882) в своих заметках об иератическом остраконе он публикует открытое им новое литературное произведение из истории царя XVI династии Рахотпа. Это только фрагмент, который лишь много лет спустя будет поставлен в контекст других фрагментов того же сочинения и таким образом появится «История с привидением», имеющая и другое название (по имени героя) — «История Хенсемхаба». Но это уже работа других ученых.

В 1887 г. Голенищев публикует результаты предпринятой им в 1884—1885 гг. эпиграфической работы в Вади-Хаммамат¹⁵, где в глубокой древности (начиная с IV династии) добывали особо ценный камень «бехен» (очевидно, граувакку) и где проходил путь к Красному морю и к древнему (эпоха XII династии) порту Гасуу (нынешний Вади-эль-Гасус). После Лепсиуса этот район не посещался эпиграфистами, поэтому инициатива Голенищева была важной для науки. Он многое уточнил в копиях Лепсиуса и, что особенно ценно, открыл новые надписи, чрезвычайно важные для истории Египта. К сожалению, он не издал фотографии надписей — только автографию текста, но и эти копии до сих пор необходимы египтологу. Все результаты этого несомненно выдающегося эпиграфического труда были учтены при издании корпуса надписей на основе фотографий текстов, сделанных Куйа и П. Монте¹⁶.

Зимой 1888/89 г. Голенищев убеждается в правильности газетных сообщений об открытии в Египте клинописного архива Аменхотпов III и IV и «файюмских портретов» эпохи римской оккупации и сам делает кое-какие приобретения. Из клинописного архива его собственностью становятся только две таблички, но они, разумеется, исторически очень ценны. А группа портретов приобретает им в следующем году. Она не велика, но интересна и содержит несколько замечательных образцов.

Обращает на себя внимание стремление Голенищева сделать собственные памятники доступными своим коллегам. В ряде больших публикаций присутствуют голенищевские памятники. При этом в случаях с мелкими памятниками он передавал коллегам для работы сами предметы. Там, где он был некомпетентен, иначе и быть не могло, но странно видеть первоклассные памятники, отданные другим. Египтологи не ждут таких подарков от египтологов.

¹⁵ Голенищев В.С. Эпиграфические результаты поездки в Вади Хаммамат. — ЗВРОАО. 1887, т. II. Зарубежные ученые, для которых русский язык и кириллица весьма трудны, описывают эту важную работу при ссылках на нее так: Golénischeff. Hammamat.

¹⁶ Couyat J. et Montet P. Les Inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât. Le Caire, 1912 (Mémoires publiés par les membres de l'IFAO, 34).

Императорское РАО избрало его своим членом — честь, возможно, не столь уж большая, поскольку всех работавших в области археологии оно объединяло едва ли не автоматически. Тем не менее Голенищев ответил на это избрание отчетом¹⁷ о своей деятельности в Египте в сезон 1888/89 г. [Голенищев, 1890]. С частью этой работы он ознакомил РАО на заседании 16/28 ноября 1889 г. Египтолог читает этот отчет, как волшебную сказку. Открытие мирового значения следует за открытием на всем протяжении статьи. Каким-то образом она оказалась вне внимания мировой египтологии, и это серьезный недостаток.

В указанную поездку, по совету инженера Жайона, он предпринимает раскопки в зоне трассы древнего «Суэцкого» канала и находит там огромную стелу Дария I, завершившего строительство канала или расчистившего старое русло [там же, с. 25—28]. Эту стелу он вскоре (1890) издал (к сожалению, без фоторепродуцирования; вообще, фотографирует он, в ту пору по крайней мере, плохо и жалуется на то, что снимки у него не получаются), и это издание — ценный вклад в корпус памятников эпохи персидской оккупации.

Тот же сезон обогатил коллекцию Голенищева и ценнейшими в историческом отношении памятниками, купленными в Луксоре, и первыми памятниками Древнего царства, и коптскими рукописями, купленными в Ахмиме [там же, с. 17—18, 29, 15], а стало быть, происходящими из знаменитого Белого монастыря апы Шенуте, великого коптского писателя. В Луксоре же у знаменитого Абд ар-Расула (одного из двух братьев, проводивших нелегальные раскопки в Фивах в поисках ценных древностей и открывших в 1881 г. тайник с мумиями фараонов) он купил математический папирус — второй (помимо более позднего, но более полного в Британском музее) из дошедших до наших дней. Открытие огромное — теперь целый период в истории математики пишется на основании папируса Голенищева [там же, с. 18]¹⁸.

Тогда же он предпринимает раскопки в Тахта: открыты памятники Амасиса и остатки храма эпохи римской оккупации (время императора Коммода) [там же, с. 22—23]. В Файюме, в столице — как у нас теперь принято говорить — этой области г. Крокодилополе, он раскапывает колонну из древнего храма

¹⁷ У Голенищева было странное пристрастие к «отчетам». Он был богат; служил только из-за памятников Эрмитажа, чтобы иметь к ним доступ постоянно; начальства, по чеховскому выражению, над собой не знал, никогда ни перед кем ни в чем не отчитывался, и тем не менее у него сплошные отчеты и reports.

¹⁸ См. также письмо Голенищева к проф. Арчибальду: Archibald R.C. *Bibliography of Egyptian and Babylonian Mathematics*. (Прил. к: Chace A.B. и др. *The Rhind Mathematical Papyrus*. Vol. 2. Oberlin, Ohio, Mathematical Association of America, 1929).

времен XII династии (царствование Аменемхе III), тем самым уточняя его местоположение [там же, с. 23—24]. Вообще, директор Службы древностей Гребо обещал ему Иллахун с пирамидой Сенвосре II, но англичане в Египте в то время были всемогущими (период английской оккупации), и тогда еще только начинавший карьеру археолога У.-Ф. Питри производит раскопки самовольно. Гребо неловко перед Голенищевым, но... Иллахун уже раскопан.

Наконец, состоялась его поездка в древнюю Беренику на берегу Красного моря через пустыню [там же, с. 19—21]. Интересный подробный отчет об этом опубликован в «Recueil de travaux». Эти места были тогда так мало посещаемы, что итинерарием (путевыми заметками) Голенищева воспользовалась туристская коммерческая фирма Бедекер, в своих путеводителях перепечатавшая его дневник¹⁹.

Главное в сезон 1890/91 г. — приобретение трех папирусов, происходящих из древней крепости Теу-джой, расположенной между Северным и Южным царствами, возникшими во времена Рамсеса XI. Один из них — энциклопедия, древнейшая в мире. Другой — отчет о поездке эмиссара из царства бога Амона (Амуна) в Финикию; его имя — Унамун. Это ценнейший источник по истории Финикии в XI в. до н.э., вызвавший большую литературу. Без пересказа его не может обойтись никакая история Египта, никакая история Древнего Востока. Вместе с тем это и значительное литературное произведение, внешне удивительно безыскусное, прелестное, на самом же деле — политическое, имеющее ясную цель. Это сочинение — шедевр общечеловеческой литературы. Не слишком ли их много? — спросит читатель. Что делать?! Таково положение вещей. И открытием этого множества шедевров мы обязаны одному человеку — Голенищеву!

И опять-таки издание находки не было осуществлено ученым, имевшим на него бесспорное право. Только Унамун был опубликован им самим [Голенищев. Отчет Унамуна], но без фотографий всего текста и спустя несколько лет, тогда как другие два папируса (энциклопедия — в сущности, словник) и рассказ в форме письма о тяжелых событиях эпохи были изданы другими учеными.

С приобретением Голенищевым собственных папирусов общечеловеческого значения встает вопрос научной этики, очень своеобразный и в то же время весьма болезненный. В нашей науке принято называть папирусы особой важности (а иногда и не имеющие большой важности, как, например, «папирус Сенковского») именами коллекционеров: Анастази, Атанази, Харрис, Солт и т.д. Но не «Голенищев»! Голенищев, естественно, и не стремился

¹⁹ См., например: *Baedeker K. Egypte*. Lpz.—P., 1903, с. 347—348.

таким образом увековечить свое имя. Коллеги же его, хотя и постоянно упоминали его папирусы как голенищевские, не имели возможности разграничивать их номерами: Голенищев I, Голенищев II и т.д. Так, эпитет «голенищевский» и не пристал к этим папирусам, что, конечно, несправедливо. Из всех публикаторов голенищевских папирусов только Г. Масперо и Ад. Эрман сочли необходимым посвятить ему свои издания. Легко понять В.В. Струве, всегда тяжело переживавшего, что он не сделал этого при издании математического папируса Голенищева.

Следует сказать, что в это время он еще и печатал первый полный каталог египетского собрания Эрмитажа [Golénischeff, 1891], из Египта прося своего друга О.Э. Лемма внести те или иные исправления в текст (письма Голенищева Лемму хранятся в архиве [AB]). До сих пор египтологи всего мира знакомятся с эрмитажным собранием по этому каталогу. В истории русской науки эта чрезвычайно полезная книга стала настоящей вехой в египтологии. Иначе дело обстоит в плане международном. Простое описание — без фотографий, без копий текстов, индексов, переводов — это *minimum minimorum* того, что должен дать египтолог. Конечно, труд Голенищева должен был бы стать первым шагом, но, как это часто случается в науке, второго нет до сих пор в силу ряда причин преимущественно объективного характера.

В 1882 г. выходит из печати труд второго отечественного египтолога — Оскара Эдуардовича Лемма (1856—1918; von Lemm O. и E. Lemme соответственно в немецких и латинских работах). Вместе с тем это первый коптолог в России.

Лемм — сверстник Голенищева, но в отличие от последнего получил профессиональную подготовку за границей. В Лейпциге он занимался у Г. Эберса, а в Берлине — у Р. Лепсиуса и Г. Бругша. Его однокашником был Ад. Эрман, с которым он постоянно вел дружескую переписку. Эрману суждено было открыть новое направление в египтологии и основать блестящую, так называемую берлинскую, школу египтологов. Научные заслуги Лемма, конечно, скромнее, но в целом это ученый, равный Эрману. Он основал египтологию и коптологию в России, первым начал преподавание этих дисциплин в университете. Все его работы и теперь составляют золотой фонд нашей науки.

В 1882 г. он защитил в Лейпциге диссертацию по храмовому ритуалу Амона и в том же году опубликовал ее текст [Lemm, 1882]. В течение 80-х годов он не оставляет египтологию, упорно занимаясь египетским ритуалом и религиозными текстами. За эти годы он издал учебную хрестоматию по египетскому языку [Lemm, 1883]²⁰. По существу, хрестоматией является и его подборка религиозных текстов [Lemme, 1890].

²⁰ Хрестоматию должны были дополнить грамматика и словарь.

В 1883 г. [Тураев, 1922] он начинает преподавать египетский и коптский языки в Петербургском университете на правах приват-доцента²¹. С этих пор эти дисциплины введены в университете постоянно, меняются лишь факультеты. Лемм преподает на ФВЯ, его преемник Б.А. Тураев — на историко-филологическом (с 1952 г. эти дисциплины снова преподаются на восточном факультете).

Таким образом, в нашей стране появилась собственная египтологическая школа. К сожалению, неизвестно, кто занимался целое десятилетие у Лемма. Единственный, кто из его учеников начал работать в области египтологии и коптологии, это Тураев. Собственно, он и подготовил ряд учеников, которые уже при советской власти продолжили и изучение Египта, и преподавание египетского языка в университете. Вот почему считается, что Тураев — основатель русской египтологии. Но не надо забывать, что он — ученик Лемма.

С 1883 г. Лемм — в штате Азиатского музея. Профиль музея — средневековый Восток. Египтология нарушила бы рамки хронологических интересов музея, поэтому Лемм должен был перейти на занятия коптологией²². Этот вынужденный, собственно случайный, факт сделал его одним из лучших коптологов мира, а Петербург — одним из центров коптологии. Помимо замечательного дара ученого его успех обеспечили, по крайней мере, два обстоятельства: благотворная работа в музее и необыкновенно благоприятные издательские условия в Академии наук. Ее «Записки» и «Известия» были всегда открыты для Лемма, который год за годом печатал в них все, что наработывал: и крупное, важное, и мелкое, что-то вроде заметок. Никакой специальный журнал не в состоянии был бы принимать так регулярно, так безотказно все эти работы, которые начиная с 1899 г. шли, казалось, бесконечной вереницей.

Все это — целая библиотека и настоящая база коптологической науки. Ни один египтолог и коптолог мира не может обойтись не только без прочтения всех этих академических «Записок» и «Известий», но и без основательного штудирования оных. Это — школа, превосходящая ту, что он мог предложить в университете. Опять-таки нельзя сказать, что им создано что-то фундаментальное, типа грамматик, словарей, историй, что он начал новое направление или разработал новую методику. Ничего

²¹ Самая полная библиография коптологических работ Лемма (а также Тураева) см.: Nagel P. Bibliographie zur russischen und sowjetischen Koptologie. Halle (Saale), 1978.

²² В старом Институте востоковедения еще жили воспоминания об императивных настояниях заниматься коптологией, которые Лемм получал от своего начальника К.Г. Залемана. «Никакой египтологии! — кричал он Лемму. — Только коптология!» (со слов Н.М. Алексеевой-Дьяконовой).

этого нет, но грамматики, словари, истории, методики леммовских времен ушли в архив, а работы Лемма по коптским рукописям и языку имеют совершенно такое же значение сейчас, как в момент их издания почти 100 лет назад.

В Германии были переизданы основные его сборники: «Мелкие коптские заметки» и «Коптская смесь», благо он писал по-немецки.

Главная деятельность Лемма — издание коптских текстов. В период арабского завоевания египетские библиотеки уничтожались. Множество книг пропало, множество было разорвано на листки, да и листки еще пущены на фрагменты, многие опалены, поскольку завоеватели жгли книги. Те, что чудом дошли до наших дней, надо было собрать, привести в порядок, сохранить в музеях и библиотеках вплоть до того момента, когда ими смогут заняться специалисты. Все эти листки и фрагменты разошлись по всем музеям и книгохранилищам мира. Все эти *membra disjecta* (разрозненные обрывки) надо было сопоставить, объединить «в теории», так сказать, в кодексы, реконструируя таковые по листку, по обрывку, определяя, к какому сочинению таковой относится, сравнивая коптский текст при этом с иноязычными текстами (как правило, греческими), если таковые окажутся. Мало кто из современных Лемму коптологов чувствовал себя в такой степени в своей стихии, как он, в этом чрезвычайно сложном материале. Выявление репертуара коптской литературы, темных мест в рукописях, ошибок древних писцов, определение списков отдельных сочинений, точного значения отдельных слов и выражений, и, главное, по буквочкам, иногда по остаткам таковых, восстановление, казалось бы, уже не существующего текста... В этой магии воскрешения погибшего текста, конечно, не могло не быть чрезмерных увлечений, и подходить к ним теперь приходится с большой осторожностью. Тем не менее невозможно не восхищаться работой великого мастера, который так, что называется вдоль и поперек, знал весь наличный материал коптских текстов.

Скажем еще об одном аспекте деятельности, доставлявшем, как видно, Лемму величайшее наслаждение, — поправлять других. Забившись в своем Санкт-Петербурге за полки библиотеки Азиатского музея в Таможенном переулке (сам Лемм жил сначала при Александровском лицее на Каменноостровском просп., а затем на Васильевском острове, недалеко от места службы), он метал оттуда молнии, поражавшие всех современных ему коптологов. Торжествовали, в свою очередь, и те, кому удавалось обнаружить ошибки у самого Лемма²³. Но это курьез; в целом же, конечно, его работы — образец для всех и для каждого.

²³ См., например: *Crum W.E. La magie copte. — Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J. Fr. Champollion (Bibliothèque de l'École des Hautes Études, 234-e fasc.). P., 1922, c. 537, примеч. 1.*

И понятно, как достигалась эта образцовость. Он никогда не спешил, трудясь методично, спокойно в своих в высшей степени комфортных условиях. Понятия «давай-давай», «сроки», «срыв работы» и т.п. были ему неведомы. Закончив работу, он откладывал ее в сторону и приступал к другим занятиям. Затем возвращался к ней и, если находил зрелой, печатал, причем всегда сразу, всегда скоро, в том виде, в каком он рукопись завершил. Опечатки у него редки, опять-таки потому, что он имел возможность тщательно вычитать корректуру, хотя своей работой в целом, на наш взгляд, он не был доволен.

Свою деятельность Лемм начал с изучения и издания фрагментов переводов Библии на коптский — как Ветхого Завета, так и Нового. Сначала он базировался на собрании Публичной библиотеки (в основном на коллекции Тишендорфа), отдельными выпусками публикуя рукописи. Очевидно, до 1888—1889 гг. в собрании его друга Голенищева не было коптских рукописей, но начиная с этого периода комплектуется его коптская коллекция, причем она чуть ли не вся была передана Лемму для работы.

В 1883 г. Лемм вместе с Голенищевым участвует в работе VI конгресса востоковедов в Лейдене, где выступает с докладом о коптских рукописях в Петербурге (переводы книг Ветхого Завета). Через несколько лет выходит в свет «История александрийских патриархов» [Записки АН, Сер. VII. 1888, т. 36, № 11], а затем — «Апокрифические деяния Апостолов» [Известия АН. 1890, т. 33; 1892, т. 35].

В 80-х годах совместно с Голенищевым и Леммом в области коптской археологии работает В.Г. Бок (о нем см. [Коростовцев, Ходжаш 1]), но его деятельность выходит за рамки настоящего очерка, за исключением собирания им коптских письменных памятников для Эрмитажа. В 1888—1889 гг. он ездил в Египет вместе с Голенищевым, который опубликовал (на рус. и фр. яз.) после кончины Бока главную его работу [Бок, 1901]. Вторая поездка Бока в Египет состоялась в 1897—1898 гг.

В Эрмитаже 80-е годы ознаменовались поступлением коллекций Сабурова, Голицына (со знаменитыми фрагментами клепсидр) и Блудова²⁴.

90-е годы в жизни Голенищева — пора дальнейших приобретений его теперь уже замечательной коллекции и пора изданий некоторых его первостепенных находок.

²⁴ В инвентаре Голенищева клепсидры ошибочно приписаны Блудову (Golenischeff, 1891, с. VI—VII). Ошибка исправлена самим Голенищевым карандашом в эрмитажном экземпляре своей книги (см. [Шолпо, 1939, с. 155, примеч. 4]). О египетских клепсидрах в Италии (были найдены, возможно, в Риме, в храме Исиды) см.: *Roulet A. The Egyptian and Egyptianizing Monuments of Imperial Rome. Leiden, 1972, № 327—328 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire Romain, 20).*

В период между 1889 и 1892 гг. его коллекция обогащается шедевром (говоря о Голенищеве, это слово приходится употреблять слишком часто, но что делать?!) на этот раз изобразительно-го искусства — статуэткой (бюст) Аменемхе III²⁵. Именно эту статую выбрал глава мировой египтологии сэр Элан Гардинер для фронтисписа своей книги о фараонах, изданной в 1964 г.²⁶ Это одно из замечательнейших достижений египетского ваяния; значение этой находки, однако, состоит в другом. Как и знаменитая эрмитажная статуя царя, она утверждала Голенищева во мнении [Голенищев, 1890, с. 25], что этого царя изображают и знаменитые сфинксы, найденные в Танисе. Сфинксы эти неоднократно узурпировались, и египтологи предполагали, что они изображают гиксосского царя Апопи, который действительно был первым узурпатором. Голенищев убедился в том, что это совершенно неверно и свои соображения и аргументы высказал в блестящей работе, опубликованной в 1895 г. Его выводы неоднократно оспаривались, но результат таков — положения 1895 г. не были поколеблены ни разу: сфинксы действительно изображают великого царя XII династии.

В 1897 г. в связи с юбилеем своего учителя по арабской филологии Розена Голенищев делает ему королевский подарок — помещает в сборнике в его честь первую публикацию путешествия Унамуна в Библ, прилагая превосходную фотографию первой страницы папируса [Голенищев. Отчет Унамуна]. Поскольку опубликованные М.А. Коростовцевым фотографии этого папируса очень плохого качества [Коростовцев, 1960], editio princeps (первое издание) полностью сохраняет свое значение для каждого работающего над папирусом. Существенна и его интерпретация текста, независимо от того, согласились ли с ним последующие исследователи или нет. Затем Голенищев публикует этот же текст на французском, но без фотографий, зато воспроизведя иероглифическую транскрипцию текста [Golénischeff, 1899]. Тем самым начинается изучение исторического источника исключительной важности. Он вызывает большую литературу, множество переводов, интерпретаций.

Первое десятилетие века для Голенищева — время устройства его египетского музея. Это на самом деле не коллекция, а настоящий музей, принадлежащий, правда, одному лицу и обслуживаемый им. Он оставляет свой дом на Английской набереж-

²⁵ Голенищев сам не называет дату приобретения статуэтки. В сезон 1888/89 г. у него ее еще не было, иначе, говоря об атрибуции танисских сфинксов в своих «Археологических результатах...», он бы ее упомянул. В 1893 г. он ее издает, так что приобретение шедевра должно приходиться на сезон 1889/90, 1890/91 или 1891/92 г.

²⁶ Gardiner A.H. Egypt of the Pharaohs. An Introduction. Clarendon Press, 1964.

ной и покупает новый (Моховая, 15), где во флигеле и располагает свой музей и свою библиотеку. Это — музей, но не зрелищное предприятие. Поэтому памятники располагались там не в расчете на эффект, а в основном по типам. Конечно, сейчас нет никого, кто бы видел этот музей и мог бы его описать. Более того, никого не было и в 1950 г., когда пишущий эти строки впервые приехал в Ленинград. Струве не был знаком с Голенищевым в его музейную пору вообще. Все остальные были слишком молоды и не имели шанса. Однако устройство музея можно себе представить по описи витрин, хранящейся в ЛГИА (по этой описи принимали коллекцию). Они ясно показывают, что музей был совершенно рабочим. Насколько возможно, все располагалось в нем так, чтобы исследователь мог ориентироваться в вещах, находить нужное, иметь возможность сравнивать, сопоставлять и т.д. Ученые в нем и работали: Тураев, Лемм и Хорнер из Лондона — над памятниками коптской письменности, Е.М. Придик — над греческими надписями, Г.Ф. Церетели — над греческими папирусами. Голенищев посещал и Э. Гардинер, но у нас нет сведений о какой-либо его работе в музее. Все египетское Голенищев, несмотря на свою общеизвестную щедрость, берег, очевидно, для себя, хотя за десятилетия своей собирательской деятельности не издал ни одного своего памятника, за исключением отчета Унамуна, бюста Аменхемхе III, двух стел, гирьки и одного остракона.

Плиты из гробниц он хранил, спилив довольно тонкую сторону с рельефом, выбрасывая лишний камень. В этом, а также во всех реставрационных работах с камнем ему помогал эрмитажный реставратор Байкеев. Кто мог оказать ему помощь в работе над папирусами, сказать трудно. В Берлине он передал ряд папирусов Г. Ибшеру (знаменитому реставратору папирусов) для их разглаживания и заправки под стекло. В документах, связанных с продажей коллекции, они не упоминаются. Впоследствии они были переданы Гардинеру для издания, но тот поручил это сделать своему ученику (теперь профессору) Рикардо Каминосу²⁷, после чего папирусы были возвращены в ГМИИ. Степенью разработки они сильно отличались от доморощено приготовленных остальных папирусов. В 60-х годах встал вопрос о приглашении из ГДР для работы над ними Ральфа Ибшера, сына знаменитого реставратора. Помешала неожиданная кончина этого, казалось бы, еще полного сил и энергии человека.

Обогащение коллекции продолжалось, по крайней мере, в течение первой половины первой декады нашего столетия. У Голенищева немало знакомых среди торговцев древностями. Особенно

²⁷ Caminos R.A. *Literary Fragments in the Hieratic Script*. Oxf., 1956 (The Griffith Institute, Ashmolean Museum).

хорошие отношения завязываются у него с одним из них — Али (из Гизы), или, как его принято было называть, «шейхом Али». По-видимому, в 1901 г. Голенищев покупает у него уникальнейший греческий папирус, и, хотя в настоящем очерке не рассматриваются памятники неегипетских культур, о нем следует сказать несколько слов ввиду его уникальности. Это редчайший образец древней (V в.), богато иллюстрированной папирусной книги. Текст там явно занимает второе место, поэтому Голенищев с присущей ему царской щедростью передает папирус для издания австрийскому историку искусства христианского Востока Й. Стржиговскому. Последний, конечно, не мог справиться с текстом и пригласил в соавторы А. Бауэра. Результатом их совместной работы стало издание этого важнейшего памятника культуры, источника по истории раннего средневековья — «Мировой хроники». К египтянам, однако, этот памятник имеет лишь косвенное отношение²⁸.

В начале столетия, как видно, он приобретает остракон с текстом значительной части знаменитого гимна Нилу. Это сочинение, занимающее видное место в истории египетской литературы, было давно известно по двум спискам, однако спискам, изобилующим трудностями. Голенищевский остракон дает более аккуратный текст и чрезвычайно ценен для понимания большей части (около четверти) этого произведения. Конечно, остракон был передан для публикации Г. Масперо, который посвятил свое издание Голенищеву²⁹.

Трудно определить время приобретения замечательного, содержащего ритуал царских венцов папируса, который Эрман предложил называть «Ритуалом Голенищева». Этот памятник был передан им в начале века Эрману для издания (отметим, что отдан был сам уникальный папирус, а не фотография с него). Эрман закончил работу над текстом в 1908 г. Давая ему папирус, Голенищев указал, что он у него хранится уже давно и что он приобрел его из одного частного собрания в России. В.В. Струве, несомненно со слов самого Голенищева, рассказывал, что он купил его как-то на Невском, на благотворительном аукционе. Значение папируса чрезвычайно велико: он один знакомит с целым комплексом представлений, связанных с коронами египетских царей,

²⁸ Bauer A., Strzygowski J. Eine alexandrinische Weltchronik. Text und Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung Goleniščev. Wien, 1905 (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Phil.-Hist. Klasse, 51).

²⁹ Maspero G. Hymne au Nil. Le Cairo, 1912 (Publications de l'IFAO Bibliothèque d'étude, 5). Остракон описывается на с. XII—XIV, при этом Масперо ссылается на письмо Голенищева от 7 июня 1911 г. Стало быть, остракон относится к поздним приобретениям.

их чудесной силой. Голенищев сам работал над папирусом, но по просьбе Эрмана сразу же отдал ему этот памятник, который тот и издал опять-таки с посвящением Голенищеву³⁰.

Главная находка этого времени, видимо, все же папирусы, изданные в 1956 г. Каминосом. Голенищев, вероятно, не имел еще возможности их изучить даже предварительно. Возможно, они были переданы Ибшеру в таком состоянии, что ничего нельзя было прочесть. Как бы там ни было, они несомненно находятся на одном уровне с его прежними сенсационными находками. Хотя папирусы написаны при XVIII династии, тексты их (один — возможно, а другой — совершенно точно) восходят ко времени более древнему. Первый из них описывает радости охоты и рыбной ловли, второй — времяпрепровождение царского двора в летнее время в парковой зоне Файюма.

Возможно, в это же время Голенищев покупает и фрагменты того сочинения, о котором он докладывал на III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 г. Эта находка существенно облегчила ему работу над эрмитажным папирусом и представляет собой огромную ценность как один из трех списков важнейшего исторического источника, которые дошли до нас (кроме эрмитажного, неполные).

В 1904 г. он публикует отрывок из своей энциклопедии в связи с проблемой топонима в Дельте, неверно объясненного Бругшем. Поскольку этот топоним связан с вторжением ливийцев при Рамсесе III, существенно было бы выяснить, что он собой представляет. Энциклопедия, или — лучше — «словник», ономастикон, показал, в каком районе его следует искать. Теперь ясно, что это Ксоис, но Голенищев этого важного отождествления не сделал.

Все эти годы он работает над подготовкой к изданию эрмитажных папирусов. В 1906 г. он публикует наконец «Историю потерпевшего кораблекрушение», точнее, издает только транскрипцию, перевод и исследование. Но фотографии папируса были представлены в свое время для работы над словарем Эрману, который сразу же выпускает свою транскрипцию, перевод и интерпретацию³¹. Затем следуют замечания Зете, Дево, Гардинера к отдельным местам.

В 1908 г. Голенищев видит себя разоренным и вынужден продать свой музей, устройство которого только к тому времени было закончено [Ростовцев, 1908]. Через Думу коллекция была приобретена для Музея изящных искусств в Москве [Голенищев и история приобретения его коллекции, 1987]. В 1909 г. все памятники были перевезены временно в Эрмитаж. Голенищев продал свой

³⁰ *Erman Ad.* Hymnen an das Diadem der Pharaonen. — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1911.

³¹ *Erman Ad.* Die Geschichte des Schiffbrüchigen. — *ÄZ.* 1906, 43.

дом на Моховой и уехал в Ниццу. В Россию он приезжал, по крайней мере, еще дважды: в 1912 г. — в Москву на открытие музея³² и в 1913 г. — в Петербург для печатания своих папирусов. После этого он Россию больше не видел.

В 1913 г. он издал наконец открытые еще в 1875 и 1881 гг. папирусы, отдал, можно сказать, старый долг — и все. В 1915 г. он опубликовал новую транскрипцию, перевод и исследование «Истории потерпевшего кораблекрушение» с учетом всех замечаний, критики и с критикой на критику.

Итак, блестящий, так обогативший египтологию период его жизни закончился в 1913 г. Деятельность его за пределами России — уже вне задач настоящего очерка.

1890-е годы в истории русской египтологии ознаменовались началом деятельности Бориса Александровича Тураева (1868—1920)³³. В 1887—1891 гг. он занимался у Лемма в Петербургском университете. После его окончания он уехал для занятий в Берлин, где слушал профессоров Бругша, Эрмана, Штейндорфа. Тураев очень хорошо описывает обстановку в Берлинском университете: как трудно было с пособиями и книгами (странно это читать), как мало считались там с Бругшем, великим ученым с огромными заслугами перед египтологией, и т.д. [Тураев, 1894] (см. также его письма к Лемму [АВ, ф. 35]).

По возвращении из Берлина и Парижа, где Тураев занимался у Г. Масперо в 1896 г., он начинает сам преподавать в университете, но на историко-филологическом факультете. Здесь он прежде всего ведет курс истории Древнего Востока, предусмотренный как обязательная дисциплина министерской программой. Этот курс читался и до Тураева, но так, что сколько-нибудь вдумчивые слушатели не могли не понять, что им подается самая поверхностная компиляция. Это было просто скучно. Надо сказать, что Тураев был плохим лектором. Захватить аудиторию, заинтересовать слушателей вопреки их воле он не мог и не хотел. Но люди с серьезным отношением к истории сразу же почувствовали огромную разницу в преподавании этого курса с появлением нового лектора³⁴. Конечно, Тураев не мог быть специалистом во всех областях истории Древнего Востока, даже в современном ему понимании этого термина (без Индии и Китая, которые теперь

³² Из письма к Лемму [АВ, ф. 35] можно заключить, что эта поездка была для него неприятна (прощание со своей коллекцией).

³³ Литература о Б.А. Тураеве велика; лучшие по объективности обзоры его деятельности см. [Ольденбург и др., 1918; Беляев, 1946]; самый полный список его работ см. [Милюбанд, 1995].

³⁴ См.: Жебелев С.А. Из университетских воспоминаний. — *Анналы*. 1923, № 2, с. 179.

включаются в это понятие). По существу, он был египтологом и коптологом с ассириологическим образованием. Серьезно заниматься ассириологическим материалом он, конечно, не мог, но в состоянии был ознакомиться со всеми возможными источниками в подлиннике, следить за их интерпретацией в специальных работах и т.д.

На курсе встал вопрос о создании истории Древнего Востока на русском языке. Сначала отпечатали лекции. Это взял на себя студенческий комитет при факультете. Затем последовал ряд публикаций курса, и, наконец, вышло иллюстрированное издание в двух частях. Но это, конечно, много позже [Тураев 1—4].

Пока Тураев помимо подготовки курса работает только как египтолог и коптолог. Добавим — и как эфиопист, но эта сторона его деятельности всецело выходит за рамки нашего изложения.

В 1893 г. выходит в свет первая работа Тураева. Вскоре следуют и другие, определяя основные направления работы автора. Это — интерпретация отдельных исторических источников, связи Египта с другими странами и народами, египетская религия. Он выступает также как коптолог, принимая участие в подготовке к изданию Берлинских коптских документов, а затем — коптских остраконов в коллекции В.С. Голенищева.

В конце 90-х годов он приступает к описанию мелких петербургских и провинциальных собраний России. Открывает серию описание коллекций Петербурга (помимо Эрмитажа и Голенищева). Затем следуют описания собраний Ревеля, Дерпта, Казани, Одессы, Москвы и других городов. Эти описания, конечно, неудовлетворительны в том отношении, что не представляют собой издания памятников (фотографическое воспроизведение, перевод, комментарий); краткие описания сопровождаются только единичными фотографиями и рисунками отдельных, наиболее интересных памятников. Тем не менее они ценны как важная документация к египетским памятникам в пределах тогдашней Российской империи. Конечно, ничего подобного голенищевским папирусам там нет³⁵, и все же исторически ценная информация и здесь налицо, и пренебрегать ею ни в коем случае не следует.

В конце века входит мода на университетские музеи древностей в качестве иллюстраторов соответствующих университетских курсов. В Москве из такого музея и возник знаменитый Музей изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). В Петербурге такой музей невелик: муляжи и единичные подлинные памятники. Самый интересный из них — царский бюст эпохи Среднего царства.

³⁵ Единственное исключение — знаменитый «папирус Прахова», фотографии которого были опубликованы уже после кончины самого собственника папируса. См. [Тураев, 1927].

В 90-х годах в Дейр-эль-Бахри, на западе Фив, находят огромный тайник мумий фиванской аристократии второй половины XXI династии (XI в. до н.э.). Часть этих более чем 150 саркофагов с богатым сопутствующим инвентарем хедив решил подарить дружественным Египту державам. Памятники представили в виде билетов (примерно по 4 саркофага приходилось на каждый билет), которые разыграли в лотерею. Представитель России вынул билет № 6, по которому нашей стране полагалось получить 4 саркофага (один из них, несомненно, двойной) и более сотни мелких статуэток — ушебти. Александр III приказал раздать их университетским музеям. Когда памятники прибыли в Одесский порт, их, согласно этому приказу, разослали в разные университетские города, не позаботившись составить список предметов, не говоря уж о том, чтобы опубликовать список с указанием, что и куда было направлено. К счастью, в Архиве Одесского государственного археологического музея сохранилась накладная Египетской службы древностей, позволяющая составить впечатление о величине дара хедива (документ подготовлен к печати с переводом — подлинник на франц. яз. — и комментариями). Кроме того, в журнале Службы древностей опубликован полный список саркофагов³⁶, в том числе и приходившихся на билет № 6. Местонахождение большинства памятников, особенно мелких статуэток, до сих пор не установлено. Два саркофага были переданы в Киев, один — в Казань (Музей древностей при университете), крышка одного из саркофагов оказалась в Юрьеве. По данным Египетской службы древностей, один из саркофагов предназначался для Иркутска.

В 1898 г. Тураев издает первую свою книгу по Древнему Египту [Тураев, 1898]. Это первая монография по египтологии на русском языке. В то же время это первая магистерская диссертация по данной дисциплине. Голенищев не имел никаких степеней и званий, хотя внес чрезвычайно важный вклад в науку. В тех редких случаях, где было нужно, он именовался просто «статским советником». Лемм, как окончивший немецкий университет, естественно, был «доктором», но этот свой титул он опять-таки никогда не выставлял, предпочитая указывать должность в Азиатском музее. В 1911 г. его избрали членом-корреспондентом Академии, но это тоже значило для него, как видно, немного. Один Тураев прошел по всем степеням и званиям, пробыв последовательно магистром, доктором, членом-корреспондентом и действительным членом Академии (последнее уже в советский период).

Диссертация посвящена исследованию божества письма и знаний Тота (ближе была бы передача Тховт). За границей анало-

³⁶ *Daressy G. Les cercueils des prêtres d'Ammon. — Annales Service 'des antiquités de l'Égypte. 1908.*

гичный труд появился только в 20-х годах³⁷, и крупнейший английский египтолог Гриффит бросил упрек автору этого исследования за то, что он не учел книгу Тураева. Сработал печальный принцип: *Rossica non leguntur* — «русское не читается» — с модальным оттенком: и не должно читаться, т.е. это нечто, чем можно пренебречь без какого бы то ни было ущерба, — принцип, действующий по сие время. Как собрание большого материала, работа Тураева сохраняет свое значение и сегодня.

Первая декада XX в. явилась плодотворной для О.Э. Лемма как египтолога. Многомесячная командировка в библиотеки Парижа, Лондона и других европейских столиц в 1896 г. дала ему возможность включить богатейшие коллекции в свои исследования. Эта единственная (после 1883 г.), как теперь говорят, заграничная командировка дала ему базу для двух десятилетий работы.

В 1903 г. выходят сразу две его книги: издание всех известных фрагментов коптской версии «Романа об Александре Великом» [Lemm 1] и публикация поэмы «Триадон» (из двух томов вышел только первый) [Lemm 2]³⁸. Если «Триадон» был издан по одной рукописи (П. Нагель, имевший свой перевод и исследование, признает труд Лемма образцовым³⁹), то «Роман» — по кусочкам, разбросанным по всем музеям мира. Занявшись им, Лемм, очевидно, стал искать другие куски и к 1903 г. обзавелся уже достаточным числом фрагментов, чтобы оправдать свое издание. О значении его едва ли приходится говорить ввиду общечеловеческой важности этого произведения. Поэма же — вежа в истории коптской литературы.

Далее Лемм издает коптские материалы, касающиеся введения христианства в Грузию и связей коптов с Грузией. Вся работа представляет собой, конечно, очень большой интерес для истории Грузии и Кавказа [Lemm, 1906]. К 1908 г. Лемм prepares рабочую опись всех литературных коптских рукописей Голенищева (см. [Протоколы РАО, с. 340—342]). Из них он кое-что уже опубликовал, над многими работает. Через несколько лет он издает свою последнюю монографию — «Деяния коптских мучеников» [Lemm, 1913]. Однако в 1899 г. он открывает в «Известиях АН» (т. 10) серию «Мелкие коптские заметки»⁴⁰, а позднее (с 1907 г.)

³⁷ *Boylan P. Thoth, the Hermes of Egypt. Oxf., 1922.*

³⁸ См. рец. на первую и вторую работы Лемма: 1) *Guidi I. — Or. Christ. 1904, 4, с. 212; Andersson E. — Sphinx. 1906, 9, с. 133—136; 2) то же, кроме пагинации — соответственно: с. 211; с. 131—133.*

³⁹ *Nagel P. Das Triadon. Ein sachidisches Lehrgedicht des 14. Jahrhunderts. — Martin-Luther-Universität. Wissenschaftliche Beiträge. 1983, 23, 7. Halle (Saale), 1983.*

⁴⁰ Перепечатка (с предисл. П. Нагеля): *Lemm O. von. Kleine koptische Studien I bis LVIII. Lpz., 1972 (Subsidia byzantina, 10).*

там же — «Коптскую смесь», где публикует отдельные коптские тексты (мартиролог Феодора Восточного, апостольские каноны, фрагмент из истории Иларии, дочери императора Зенона, и др.). Лемм установил первый фрагмент коптского перевода сочинения Эпифания Кипрского о драгоценных камнях, разъяснил множество темных мест в «Романе о Камбизе», «Изречениях египетских отцов», много исторических фактов, отдельных выражений, имен, терминов. Обе серии — это своего рода журнал одного лица. В нем — свои номера, свои выпуски, позволяющие легко ориентироваться в обеих сериях⁴¹. Последней его печатной работой был очередной выпуск «Коптской смеси», вышедший отдельным изданием (*Koptische Miszellen* CXLIX, CL. Pr., 1916).

В первую декаду текущего века продолжает свою работу историк восточной церкви В.В. Болотов. Деятельность его выходит за пределы настоящего очерка. Укажем лишь две его работы по географии Египта, помещенные в «Византийском временнике» (1910, 15).

Тураев в первые годы столетия уделяет исключительное внимание эфиопистике и именно по этой дисциплине защищает свою докторскую диссертацию. По египтологии он публикует лишь «Египетские заметки» и «Египтологические заметки». Особенно важны его издания надписей саисской эпохи, до сих пор сохраняющие свое значение, а также его издания коптских письменных памятников. Голенищевские коллекционерские связи переходят теперь к нему, и с 1909 г. (поездка в Египет) он начинает сбор собственной коллекции. Его коллекцию, конечно, нельзя даже сравнить с голенищевской, но и она интересна. К счастью, в отличие от Голенищева он почти сразу же издавал приобретенное.

Тураев, как и другие русские египтологи, в современных ему конгрессах востоковедов участия почти не принимал. Известно лишь, что он был на Парижском конгрессе, скорее всего из-за возможности работать в Национальной библиотеке над эфиопскими рукописями. О работе этого и последующего конгресса он опубликовал беглые отчеты (во втором случае основываясь на материалах конгресса).

В эти годы в Петербурге формируется еще одна крупная коллекция египетских древностей — Н.П. Лихачева (о нем см. выше, с. 97). Египет входит в его большой музей письменных памятников всех стран, который он размещает в специально для него построенном здании на тогдашней Петербургской стороне

⁴¹ В 1916 г. Лемм издал частным образом все статьи в одном томе, присоединив к 148 статьям еще две, нигде не публиковавшиеся. Первые 148 статей теперь переизданы под ред. П. Нагеля в сотрудничестве с П. Кюммелем: *Lemm O. von. Koptische Miszellen I—CXLVIII. Lpz., 1972 (Subsidia byzantina, 11)*.

(Петрозаводская ул.). Из египтологов в этом музее как будто работает один Тураев (см. [Тураев. Описание I, с. 143]⁴²).

В 1913 г. выходит в свет последнее прижизненное издание «Истории Древнего Востока» Тураева, хорошо иллюстрированное заставками. Это, конечно, лучшее, что когда-либо имела русская общественность по данной дисциплине или кругу дисциплин, и награждение книги золотой медалью РАО совершенно заслуженно (см. [Ольденбург и др., 1918, с. 1706]). В настоящее время эта книга уже устарела, но место ее в истории отечественной науки самое почетное, и, хотя неумеренные дифирамбы, которые иногда можно встретить в печати, ей вредят, несомненно все же, что это — работа большого ученого. В отношении объективности и строгого академизма это издание до сих пор служит образцом. Есть прелесть и в том, что все события огромного региона за тысячи лет рассказываются одним лицом. Сейчас такое уже невозможно.

Занятия эфиопистикой наряду с постоянными занятиями коптской письменностью сделали из него ведущего ученого в области христианского Востока. Несколько лет подряд он печатает в «Византийском временнике» библиографические обзоры по коптской литературе и истории. Назревает необходимость создания собственного, не общевизантиноведческого журнала. Так появляется прекрасное издание «Христианский Восток», где благодаря Тураеву и его ученикам постоянно представлена коптология. С 1912 по 1922 г. вышло всего шесть томов этого журнала.

На рубеже XIX — XX вв. опубликован ряд интересных работ по дисциплинам, периферийным для египтологии: математике [Бобынин, 1882] и военному искусству [Пасыпкин, 1901].

В связи с приобретением голенищевской коллекции Музеем изящных искусств его директор И.В. Цветаев приглашает Тураева на должность главного хранителя коллекции⁴³. Тураев принимает это предложение. Он организует великолепную первую выставку египетской коллекции и пишет соответствующую часть путеводителя по выставке; до сих пор это наилучший по содержательности музейный путеводитель [Музей им. Александра III,

⁴² Основные приобретения Лихачев сделал после 1899 г. Прекрасная коллекция египетских древностей и коптских деловых папирусов описана впоследствии Ю.Я. Перепелкиным в работе «Институт книги, документа и письма. Выставка письменности...» (М.—Л., 1935). В архиве [ПФ АРАН, ф. Ин-т книги, документа и письма — Ленингр. отд-ние Ин-та истории] хранится список вещей Лихачева с указанием, где они были приобретены. Список составлен Перепелкиным и В.И. Беляевым со слов Лихачева.

⁴³ Демская А.А., Смирнова Л.М. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина: История создания музея в переписке профессора И.В. Цветаева с архитектором Р.И. Клейном и других документах (1896—1913). М., 1977.

1912]⁴⁴. Но не это главное. Вместе с В.К. Мальмбергом он начинает издавать журнал «Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве», а так как в музее почти нет подлинников помимо египетской коллекции, то этот журнал — совершенно египтологический⁴⁵. Издаётся он замечательно: неплохие (не более того) фоторепродукции в тексте и дивные цветные репродукции на отдельных таблицах. Открывается журнал, разумеется, статьей Голенищева «Египетская могильная плита...». Лемм публикует там лист роскошно оформленного кодекса (Послания апостолов) из Ахмима, видимо, из библиотеки знаменитого Белого монастыря. Ряд работ напечатали Тураев, Мальмберг, историк коптского искусства Гринейзен.

Мальмберг не только освещает общие вопросы египетского искусства [Мальмберг, 1916], но и публикует отдельные памятники коллекции.

В 1917 г., уже после Февральской революции (когда у музея исчезло «имя императора Александра III»), Тураев и Мальмберг издают каталог скульптуры, до сих пор имеющий большое значение, хотя и не свободный от недостатков (один из них, и притом очень серьезный, — малое число репродукций вообще и почти полное отсутствие таких, что представляли бы надпись на статуе) [Музей при Моск. ун-те, 1917].

Во вторую декаду века уже начинают работать ученики и ученицы Тураева: Н.Д. Флиттнер, А.Л. Коцейовский, И.М. Волков, В.В. Струве, Т.Н. Бороздина. Флиттнер и Волков после окончания курса у Тураева имели возможность заниматься в летний семестр в Берлине под руководством Эрмана. Этот же курс у Эрмана и Г. Мёллера слушал и Коцейовский, описавший свои университетские впечатления в прекрасном письме к Тураеву [АВ, ф. 957]. У В.В. Струве аналогичный семестр пришелся на 1914 г. Он прервал занятия в конце июля для кратковременной, как он полагал, поездки в Петербург. Война прекратила практику египтологических летних семестров в Берлине навсегда.

Струве занимался у Эрмана, Мёллера, Эд. Мейера, познакомился с величайшим египтологом Куртом Зете. Его первая работа по египтологии — издание папируса из Фив, заданная ему Тураевым [Струве. Коптский папирус]. Этот папирус вошел в спра-

⁴⁴ Путеводитель выдержал 11 изданий (перепечаток) до 1917 г. В 1917-м появилось последнее, 12-е изд., несколько отличное от прежних (выброшено не в меру верноподданническое предисловие, которое, очевидно, вынужден был написать проф. Цветаев), под названием: Музей изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете. Ч. I. Древний мир. М., 1917. Тураеву принадлежат первые разделы путеводителя.

⁴⁵ С 1912 по 1913 г. было четыре выпуска плюс отдельный том таблиц (все-го 24). В 1922 г. журнал решили продолжить под названием «Памятники Музея изящных искусств». Вышел пятый выпуск, и на этом издание остановилось.

вочник по фиванским папирусам и учтен Крамом в его работе над словарем коптского языка, но не будем выходить за рамки настоящего очерка. Затем он издает свой труд «Петербургские сфинксы» [Струве, 1912], начинает работу в Эрмитаже, а с 1916 г. преподает в Петроградском университете.

Коцейовский опубликовал свой перевод и исследование о «Плаче Исиды и Нефтиды» по берлинскому папирусу [Коцейовский, 1913], а затем перевод «Текстов пирамид» (вышел только один том) [Коцейовский, 1917]. В «Христианском Востоке» (1915, 4) он вел раздел коптской литературы, имея намерение публиковать регулярные обзоры — как бы продолжение тураевских из «Византийского временника» (1904—1907).

Волков успел издать две книги по египтологии и смежным дисциплинам. Его прекрасная работа по египтологии о боге Себеке [Волков, 1917] в значительной степени основана на материалах египетского словаря в Берлине. До сих пор это исследование (разумеется, с важной поправкой: *Rossica non leguntur*) остается самым фундаментальным по этому вопросу. Вторая его книга — арамейские папирусы из Элефантины, перевод и исследование — ценная для неспециалистов в семитологии [Волков, 1915]. Эта работа сделана очень хорошо, удобна в пользовании, но, конечно, теперь уже устарела. С 1916 г. он доцент Петроградского университета.

Бороздина работала над скульптурными моделями Музея изящных искусств, которые и опубликовала [Бороздина, 1917].

Из учеников Тураева, начавших занятия у него еще в пределах хронологических рамок данного очерка, следует назвать Н.М. Дьяконову (в замужестве Алексева), Ф.Ф. Гесса, А.Д. Шмидта.

В Москве появились египтологи, стоящие вне школы Тураева: Г. Лукьянов и В.М. Викентьев. Первый из них в 1908 г. передал в Музей изящных искусств обломок статуи одного из царей XII династии. В России Лукьянов не печатался никогда. В 30-х годах он жил в Египте, где и печатался в журналах Службы древностей и Института. Викентьев, напротив, издал хороший перевод «Истории Египта» Брестеда — наиболее обстоятельный труд по Египту на русском языке до сих пор [Брэстед, 1915], но во многом все-таки уступающий Бругшу. В 1917 г. он опубликовал перевод египетской повести о двух братьях и исследование о ней [Викентьев, 1917]. Это несомненный успех для молодого ученого. В известном отношении эта книга полезна и теперь.

Незадолго перед войной в Кёнигсберге под руководством В. Врежинского египтологию изучал И.Г. Франк-Каменецкий. Свою первую работу-диссертацию он посвятил, как и Лемм, изучению культа бога Амуна. Более десяти лет спустя глава немец-

ких египтологов Ад. Эрман вынужден был признать приоритет Франк-Каменецкого в датировке лейденского гимна Амуну⁴⁶. Возвратившись в Россию, он жил в Иркутске и в Москве и опубликовал два тома исследований по истории культа бога Амун (Амона) [Франк-Каменецкий, 1917].

Перед войной начинает печататься Ф.В. Баллод — в прошлом секретарь немецкого историка египетского искусства барона Ф.-В. Биссинга. В это время он живет в Москве и издает свою диссертацию по богу Бесу и божествам его круга [Ballod, 1913]. После этой книги он публикует ряд работ по египетскому искусству [Баллод, 1913, 1914 и 1917]. Для египтолога ценно только его исследование 1914 г.

Определенный интерес к Египту имеет и друг Тураева Е.М. Кагаров — автор очерков о главе берлинской школы египтологов Ад. Эрмане, а также об истории и современном состоянии египтологии [Кагаров, 1914 (1) и (2)].

Во время войны Тураев работает над математическим папирусом из коллекции Голенищева. В архиве [АВ, ф. 957] сохранилась тетрадь с рабочей транскрипцией всего текста папируса, но издать папирус ему не удалось. Он опубликовал только одну задачу — № 14, посвященную определению объема усеченной пирамиды. Задача имеет совершенно особое значение для оценки достижений древнеегипетской математики и вызвала большой интерес у историков науки. Открытие ее — целиком заслуга Тураева и его сотрудника математика Д. Цинзерлинга.

В эти же годы Тураев издает и первый полный русский перевод истории Синухета — древнейшее египетское описание Палестины и Сирии, народа этих стран, их быта, обычаев, связей с Египтом [Тураев, 1915 (1)]. Одновременно с этим он работает над «папирусом Прахова», подаренным ему первым собственником папируса — А.В. Праховым. Подготавливая издание (мы сказали бы факсимильное) этого папируса, он заботится об изготовлении таблиц⁴⁷.

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

В открытии клинописных текстов и археологических памятников Передней Азии определенную роль сыграл российский арабист, выпускник Казанского университета, впоследствии профессор Петербургского университета — В. Диттель (1816—1848).

⁴⁶ *Erman Ad. Zum Leidener Amunshymnus. — Orientalistische Literaturzeitung. 1925, № 28.*

⁴⁷ Прошение Тураева об изготовлении таблиц для издания этого папируса см. [АВ, ф. 957].

В 1842—1844 гг. он путешествовал по Переднему Востоку. На территории Персеполя, в Тахти-Джемшиде и на скале Накши-Рустам (гробница Дария I) он открыл несколько ранее неизвестных клинописных надписей. Вместе с датским путешественником Н. Вестергардом Диттель снял копии с огромных накши-рустамских надписей [Диттель, 1847, с. 12]. Эламский вариант одной из этих надписей он предоставил выдающемуся английскому ассириологу и известному дипломату Г. Раулинсону и этим очень помог ему в его работе над дешифровкой клинописи [Дандамаев, 1963, с. 25].

На холме Нимруд, недалеко от г. Мосула в Ираке, Диттель произвел небольшие раскопки и обнаружил клинообразную надпись, сходную почерком с надписями, найденными в Хорсабаде, где французский консул Э. Ботта открыл г. Дур-Шаррукин — резиденцию ассирийского царя Саргона II (VIII в. до н.э.). Диттель сообщил о своей находке Ботта, а последний известил о ней английского путешественника А. Лэйарда, которому и суждено было открыть на холме Нимруд г. Кальху, царскую резиденцию ассирийского царя IX в. до н.э. Ашшур-нацир-апала II [Диттель, 1847, с. 17—18].

Известный русский иранист и дипломат Н.В. Ханыков, путешествуя по Иранскому Курдистану, снял оттиски с большой клинописной надписи Дария I на скале Альвенда, недалеко от Хамадана, и послал их Раулинсону для сличения с теми, которые английский исследователь сделал сам [Ханыков, 1852, с. 15—17]. Ханыков сделал слепки и со знаменитой стелы Келяшин, находящейся к югу от Урмийского озера, с ассирийско-урартской билингвой урартских царей — Ишпуини (IX в. до н.э.) и его сына Менуа и также послал их Раулинсону [Минорский, 1917, с. 150].

В разыскании и обследовании остатков хеттской культуры участвовали и русские исследователи. Первым фотографом, снявшим Богазкёй, где ранее находилась столица Хеттского царства, был наш соотечественник Ермаков, имевший мастерскую в Тифлисе. Его фотографии, по отзывам западных исследователей, были лучшими. Русский генерал Люндквист в 1880 г. обратил внимание на древности г. Мараша в горах Киликийского Тавра в Турции и привез оттуда два барельефа в Кавказский музей в Тифлисе. Член РАО, археолог-востоковед Я.И. Смирнов в 1890-х годах, во время пребывания в Малой Азии, снял прекрасные фотографии с некоторых важных хеттских памятников и дал прорисовку и описание нескольких надписей с изображениями в хеттском стиле [Тураев, 1901; Тураев. Хетты, 1903].

Однако наиболее существенный вклад внесли русские исследователи в изучение государства Урарту, некогда включавшего в

себя территорию русского Закавказья. В 1862 г. были открыты и опубликованы первые надписи, найденные в Закавказье, а в 1883 г. в ЖМНП К.П. Патканов, крупнейший арменист, издал статью «О клинообразных надписях ванской системы...» — первый свод урартских надписей, обнаруженных в пределах России. В 1893 и 1896 гг. М.В. Никольский, известный русский ассириолог, переиздает свод урартских надписей, расширив его и уточнив спорные места [Никольский, 1893 и 1896]. Видную роль в собирании надписей сыграли местные исследователи — епископ Эчмиадзина Месроп Смбамянц и монах Галуст Тер-Мкртчян.

В 1915—1917 гг. русские войска находились на территории Турецкой Армении. Воспользовавшись этим обстоятельством, российские исследователи вели в данном регионе интенсивный сбор урартского эпиграфического материала. Эстампажи, слепки, фотографии надписей и даже подлинники пополнили русские урартологические собрания. В 1916 г. И.А. Орбели (1887—1961), в дальнейшем академик и директор Эрмитажа, открыл в нише ванской скалы Хазине-капуси самую крупную из известных до настоящего времени урартских надписей — летопись царя Сардури II (VIII в. до н.э.), сына Аргишти III [Марр, Орбели, 1922].

Как и в Западной Европе, урартская клинопись первоначально изучалась без учета археологических исследований. Значительное влияние на развитие археологического изучения Закавказья оказал V Всероссийский археологический съезд 1881 г. в Тифлисе. В ходе подготовки к нему в 1880 г. А.С. Уваров, основатель Московского археологического общества (МАО), и А.Д. Еренцов (Еренцян) провели раскопки на Армавирском холме в Араратской долине, где ранее были найдены урартские надписи.

В 1893 г. по заданию МАО М.В. Никольский посетил Армению для сверки известных урартских надписей с оригиналами. Вместе с ним был командирован археолог и антрополог А.А. Ивановский (1866—1934) для обследования археологических памятников, связанных с урартскими надписями. Ивановскому удалось обнаружить ряд древних памятников, главным образом крепостей, в том числе Менухинили в районе села Ташбурун, на северных отрогах Арарата. В 1894 г. он провел разведывательные работы на холме Арин-берд (южная окраина Еревана), где некогда находилась цитадель г. Тейшебаини.

В 1911—1912 и в 1916 гг. И.А. Орбели и Н.Я. Марр проводили раскопки на холме Топрак-кале, в окрестностях г. Вана.

В 1914 г. около села Малакю, на северном склоне Арарата, П.Ф. Петров открыл урартский могильник (подробнее см. [Пиотровский, 1959 и 1962]).

Своевременную и подробную информацию о ходе дешифровки клинописи и замечательных археологических открытиях в

Передней Азии можно было получить из статей и рецензий, публикуемых на страницах «Библиотеки для чтения», «Отечественных записок», «Сына Отечества», «Русского вестника», «Современной летописи», ЖМНП и других популярных и научных изданий.

Подъему интереса к истории стран древней Передней Азии содействовали некоторые, по выражению Б.А. Тураева, просвещенные путешественники, прекрасно осведомленные об исторических памятниках этого региона, сведениях о них античных авторов, изысканиях западных исследователей. Прежде всего следует упомянуть путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара — посредника по турецко-персидскому разграничению, которого В.Ф. Минорский назвал первым русским исследователем Западной Персии [Чириков, 1875]. Путевой журнал вышел посмертно под редакцией М.А. Гамазова, бывшего секретаря русской посреднической комиссии, а впоследствии управляющего Учебным отделением восточных языков и драгоманов при Азиатском департаменте МИД (о нем см. [Крачковский, 1950, с. 112—113]). В своей дипломатической деятельности Чириков и Гамазов сотрудничали с У.-К. Лофтусом, который участвовал в работе посреднической комиссии со стороны Англии. Лофтус, известный естествоиспытатель и археолог, открыл и копал древние города Элама и Двуречья.

Большой резонанс получили работы В.Ф. Минорского, посвященные древним памятникам на территории Персии [Минорский, 1916 и 1917].

По личным впечатлениям и с воспроизведением памятников написана статья М.А. Харузина «В столице хеттских царей»; в 1917 г. в сборнике, посвященном проф. Мальмбергу, вышла его другая статья о хеттах [Харузин, 1915 и 1917].

Большим пополнением в деле изучения ассириологии стали переводы трудов крупнейших западных исследователей. На русском языке были изданы следующие работы: Дневники Лэйарда. — Библиотека для чтения. 1851, т. 105—107; *Ленорман Ф.* Руководство к Древней истории Востока до персидских войн. Киев, 1877—1878; *Сейс А.Г.* Ассиро-вавилонская литература. СПб., 1879; *Бецольд К.* Ассирия и Вавилония. СПб., 1904; *Делич Ф.* Библия и Вавилон. СПб., 1904; *Масперо Г.* Древняя история народов Востока. М., 1911; *Винклер Г.* Вавилон, его история и культура. СПб., 1914.

Преподавание собственно ассириологических дисциплин было начато в России в Петербургском университете, на ФВЯ [Берлев, Грибов, 1960]. Здесь в 1891 г. был прочитан курс «ассирийского» языка. Читал его О.Э. Лемм, прошедший ассириологическую подготовку у крупнейших немецких ассириологов Фр. Делича и

Э. Шрадера⁴⁸. С 1909/10 учебного года необязательные лекции по ассириологии на историко-филологическом факультете Петербургского университета читал П.К. Коковцов (о нем см. [Струве, 1953] и ниже). Он также прошел школу Делича и строил свои лекции, базируясь на его учебных пособиях. Так, в 1915—1916 гг. программа курса ассириологии на отделении еврейской, сирийской и халдейской словесности восточного факультета Петербургского университета выглядела следующим образом: необязательный курс ассириологии — 2 часа в неделю — включал вступление в ассириологию и чтение новоассирийских текстов по хрестоматии Делича [Обозрение ФВЯ, 1915]. Коковцов ввел непрерывное преподавание ассириологических дисциплин, сделав его традиционным в русском востоковедении. Из его школы вышли крупнейшие ассириологи В.К. Шилейко и А.П. Рифтин.

Б.А. Тураев в 1893—1894 гг. прошел ассириологическую школу в Берлинском университете у Э. Шрадера, Г. Винклера и К. Лемана [Тураев, 1894]. В 1896 г. он начинает читать свой знаменитый курс истории Древнего Востока (куда вошла и история стран древней Передней Азии), основанный на последних достижениях мировой исторической науки и самостоятельных исследованиях древневосточных памятников культуры и письменности. Читал этот курс Б.А. Тураев вплоть до революции, постоянно расширяя и добавляя новые материалы [Тураев 1—4].

В.С. Голенищев, египтолог по преимуществу, видимо, самостоятельно овладел ассиро-вавилонской клинописью⁴⁹. Он первый попытался создать ассирийско-русский словарь. В отличие от многих словарей, группирующих слова в соответствии с их принятым в науке чтением, Голенищев расположил ассирийские слова в соответствии с их графическим написанием. Такой принцип применялся в древних шумеро-аккадских силлабариях (своеобразные двуязычные словари древности) и в современном шумерском словаре А. Даймеля (издан в Риме в 1925—1928 гг.). В 1891 г. Голенищев опубликовал 24 каппадокийские таблички из своей коллекции и первый правильно определил, что они написаны на ассирийском языке. Эта работа имела широкий международный резонанс, так как включила в круг интересов ассириологии район Каппадокии в Малой Азии, где к тому времени стали находить большой эпиграфический материал. В 1897 г. он издает находящиеся в Эрмитаже рельефы и надписи из дворцов ассирийских

⁴⁸ В архиве О.Э. Лемма [АВ, ф. 35] есть конспекты лекций Фр. Делича, прочитанных им в 1878—1879 гг., список слушателей его лекций, 14 его писем к Лемму. Имеются также письма крупнейших немецких ученых, тесно связанных с ассириологией: К. Бецоляда, Эд. Мейера, Т. Нёльдеке.

⁴⁹ Подробно об ассириологических занятиях Голенищева см. [Струве, 1960].

царей [Голенищев, 1897], а через несколько лет — «Надпись древневанского царя Русы II» [ЗВОРАО. 1901, т. XIII].

М.В. Никольский (см. выше, с. 27 и др.) — первый русский исследователь, у которого ассириология стала основной специальностью [Тураев, 1915(2); Липин, 1954; Редер, 1960]. По рекомендации В.Ф. Миллера [Никольский, 1914] он ознакомился с работами А. Сэйса и самостоятельно овладел клинописью. Никольский преподавал греческий язык в средних учебных заведениях Москвы, служил корректором, а затем цензором Московского цензурного комитета. Непродолжительное время он преподавал в Московской Духовной академии и Московском университете, читая курс ассириологии и гебраистики.

В педагогических целях Никольский издал «Ассирийские клинообразные тексты» в двух выпусках. Первый содержит подробную таблицу знаков и некоторые из шумеро-аккадских силлабариев; во втором выпуске помещен шумерско-ассирийский гимн богу огня [Никольский, 1883—1884]. Взяв за образец хрестоматию Делича, Никольский внес ряд новшеств: в таблице знаков наряду с ассирийским идеографическим значением знака в некоторых случаях приводится идеографическое шумерское значение, отмечаются шумерские заимствования в ассирийском; каждому ассирийскому слову дается соответствие из какого-либо семитского языка: еврейского, арамейского, арабского, эфиопского, сирийского; к текстам прилагается транскрипция, перевод и комментарий.

Первые ассириологические работы Никольского носили научно-популярный характер, способствуя распространению сведений о Древнем Востоке, добытых западными исследователями.

Восточная комиссия поручила Никольскому большую работу по определению подлинности и ценности коллекций, включавших и ассириологические материалы. В 1887 г. в Москве выставлялись древности Кавказского музея. Наряду с подлинной вавилонской надписью Никольский обнаружил ряд подделок, о чем и сообщил на заседании Восточной комиссии.

На основании изучения клинописной коллекции Лихачева Никольский выпускает свои крупнейшие, непреходящей ценности издания клинописных текстов — «Документы хозяйственной отчетности ... из собрания Н.П. Лихачева» [Никольский, 1908—1915].

Важнейшую роль сыграл Никольский в становлении русского урартоведения⁵⁰. Он опубликовал многочисленные издания отдельных урартских надписей, найденных в пределах России, ста-

⁵⁰ Наиболее полную библиографию трудов М.В. Никольского по урартоведению можно найти в каталоге библиотеки ПФ ИВ.

ть, в том числе и обобщающие, по истории, географии, топонимике Урарту и истории дешифровки урартских клинописей.

Другой выдающийся ассириолог, Владимир Казимирович Шилейко (1891—1930), больше известен широкому кругу интеллигенции как поэт и переводчик [Рифтин, 1930; Шилейко, 1994]. Он окончил восточный факультет Петербургского университета по разряду еврейско-арабско-сирийской словесности. Учился у П.К. Коковцова и Б.А. Тураева. В 1912 г. в ЭСБ (т. IX) выходит большая статья Шилейко «Вавилония» с подробным описанием географии, истории и религии государства. В этом же издании (т. XXI) публикуется его статья «Клинопись», где рассматривается история возникновения, развития и дешифровки клинописи.

С 1914 г. одна за другой начинают выходить публикации Шилейко клинописных текстов из коллекций Эрмитажа и Н.П. Лихачева. Шилейко дает очерк истории Шумера, основанный на самостоятельных исследованиях и, по мнению И.М. Дьяконова, остававшийся лучшим изложением этой истории в мировой науке до второй мировой войны. За эту работу Шилейко получил в 1916 г. большую серебряную медаль РАО.

Выдающимся документом отдела Востока Государственного музея изящных искусств является инвентарь, составленный в 20-х годах Шилейко и содержащий первичную обработку 1352 текстов из коллекций Лихачева и Голенищева. В большинстве случаев в нем излагается содержание текста и указывается дата создания документа, реже даются автография, транскрипция, перевод, воспроизведение печати.

Б.А. Тураев также занимался изданием и переводом клинописных текстов [Тураев, 1900; Древний мир, 1915]. Он настойчиво подчеркивал необходимость изучения урартских памятников, подробно останавливался на состоянии изучения хеттских древностей.

Н.П. Лихачев издал две ассириологические работы: «Древнейшая сфрагистика» и «Древнейшие буллы и печати Ширпуры». Они представляют собой введение в изучение ближневосточной глиптики, этого важнейшего после клинописных табличек источника наших сведений об истории и искусстве стран древней Передней Азии. Автор особое внимание уделяет глиптике шумерского государства Лагаш, дает обзор всех источников по истории Лагаша и излагает историю находок этих памятников.

И.М. Волков перевел на русский язык Законы Хаммурапи и дал к ним подробный комментарий [Волков, 1914].

Н.Я. Марр уже в дореволюционный период занимался разысканием и публикацией урартских текстов, вопросами грамматики урартского языка, сравнением урартского, шумерского, эламского языков с кавказскими языками, лексическими заимствованиями из урартского языка в аккадский.

И.И. Мещанинов опубликовал коллекцию эламских сосудов, некогда подаренную Русскому археологическому институту французской экспедицией. Во введении к этой работе он подробно изложил известные к тому времени сведения об истории и культуре Элама [Мещанинов, 1917].

В заключение можно сказать, что устойчивый интерес целого ряда поколений отечественных исследователей и любителей древностей к Древнему Востоку содействовал возникновению традиции преподавания ассириологических дисциплин в нашей стране и созданию небольших, но разнообразных ассириологических коллекций. Эти обстоятельства способствовали появлению в России первых настоящих ассириологов, заложивших основы той ассириологической школы, которая после 1917 г. в ряде отраслей заняла заметное положение в мировой науке.

СЕМИТОЛОГИЯ

Долгое время семитология в России была связана с практическими потребностями церкви. В 1856 г. в Синоде был поставлен вопрос о переводе Библии на русский язык. Работа началась в 1860 г.; ее вел специальный комитет в составе М.А. Голубева, Д.А. Хвольсона и Е.И. Ловягина. Конечным результатом ее явились подготовка и публикация так называемого синодального перевода Библии, который печатался отдельными выпусками с 1868 г. Наиболее существенные особенности этого труда суть следующие. Перевод делался с еврейского оригинала (масоретский текст), однако был также учтен и использован греческий вариант Септуагинты ((Перевод] семидесяти [толковников]), причем отрывки, отсутствующие в масоретском тексте, были введены в перевод (в скобках). В тех случаях, когда старославянский текст Библии существенно отличался и от масоретского текста, и от Септуагинты, он рассматривался как самостоятельный вариант последней; предполагалось, что в его основу были положены рукописные варианты, отличающиеся от известных в настоящее время изводов Септуагинты. В итоге синодальный перевод Библии — важный этап подготовки сводного, а в известной степени и критического библейского текста. Достоинство синодального перевода состоит также в его высокой филологической точности; можно смело сказать, что он был выполнен на уровне семитологической науки своего времени. Однако некоторые места были истолкованы тенденциозно, как предсказания о пришествии Христа. Кроме того, поскольку авторы стремились передавать библейский текст литературно приглаженным и по возможности возвышенным слогом, приближенным к старославянскому переводу, стили-

стические особенности ветхозаветного оригинала не всегда адекватно передавались по-русски. Тем не менее синодальный перевод Библии до настоящего времени остается одним из наиболее значительных достижений русской филологической науки.

Указ от 22 октября 1854 г. об образовании в Петербургском университете ФВЯ предусматривал образование кафедры еврейского языка и тем самым выведение гебраистических и общесемитологических исследований за чисто богословские рамки. При открытии факультета семитология (кафедра еврейской, сирийской и халдейской словесности) была включена в еврейско-арабский разряд с преподаванием «старо-еврейского и ново-еврейского» языков. Начало систематического университетского преподавания еврейского языка и литературы в России связано с именем Хвольсона, который в 1855 г. стал исправляющим должность экстраординарного профессора факультета.

Даниил Авраамович Хвольсон (1819—1911) родился в Вильно в 1811 г. в бедной еврейской семье. Он получил традиционное еврейское религиозное образование в хедере и ешиботе. Самостоятельно овладел русским, немецким и французским языками. Не имея возможности в условиях николаевской России реализовать свою тягу к знанию, Хвольсон отправился в 1841 г. пешком за границу; в Бреславле подготовился к экзаменам по гимназическому курсу и поступил в католический университет. В 1850 г. за диссертацию «Сабии и сабизм» он получил от Лейпцигского университета ученую степень. В 1855 г. Хвольсон, как уже говорилось, занял кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности Петербургского университета, для чего, однако, ему пришлось принять православие. Помимо этого в 1858—1883 гг. он преподавал еврейский язык и библейскую археологию в Санкт-Петербургской Духовной академии и в 1858—1884 гг. — еврейский язык в Католической Духовной академии. В 1910 г., за год до смерти, Хвольсон был избран действительным членом Академии наук.

Ученая деятельность Хвольсона поражает своей разносторонностью. Помимо фундаментального труда о сабиях, опубликованного в 1856 г. и не утратившего своего значения по настоящее время, он подготовил и издал ряд важных трудов в области гебраистики, моавитской и сирийской эпиграфики, новозаветной истории, изучения ассиро-вавилонской традиции и арабской филологии.

Среди трудов Хвольсона-гебраиста должны быть отмечены прежде всего издания еврейских надписей из Крыма IX—XV вв., до сих пор являющиеся наиболее полной сводкой эпиграфических документов этого рода. Кроме того, он опубликовал еврейский перевод I Книги Маккавеев, обнаруженный в рукописи 1180 г.

Большое общественное значение имели работы ученого, посвященные опровержению средневековых обвинений в том, что евреи будто бы употребляют в ритуальных целях христианскую кровь. Появление этих сочинений находится, несомненно, в прямой связи с тем, что в 1855 г. Хвольсон был членом комиссии по поводу так называемого саратовского дела по обвинению евреев в ритуальных убийствах и настаивал на полной необоснованности кровавого и вздорного навета, положенного в основу обвинительного заключения и приговора.

Живой интерес Хвольсона ко всему новому в развитии науки нашел отражение в его статье о сенсационном для того времени открытии надписи моавитского царя Меша.

Другое направление его работ связано с изучением арабской письменности. Исследователя интересовали такие сюжеты, как проблема сохранения остатков древнеавилонской литературы в арабских переводах, культ Таммуза и обожествление людей у древних вавилонян. Особую ценность представляет в этом плане его труд «Известия о хазарах...» [Хвольсон, 1869]. Так был введен в научный оборот важный источник по истории раннесредневековой Восточной Европы.

Третье направление трудов Хвольсона — исследование новозаветной традиции; здесь наибольшее значение имеет его неоднократно издававшееся на русском и немецком языках и перерабатывавшееся сочинение о последней пасхальной вечере Иисуса Христа и о дне его смерти. Автор пытался доказать, что в казни Христа были заинтересованы не фарисеи, а саддукеи.

Наконец, Хвольсон уделял специальное внимание изданию и исследованию сирийских надгробных надписей, найденных в Семирии.

Таким образом, деятельность Хвольсона заложила основы отечественной светской университетской семитологии. Дальнейшее развитие отечественной семитологии как в университете и Академии наук, так и в рамках Духовной академии — дело преимущественно учеников Хвольсона.

Среди них следует прежде всего отметить Ивана Гавриловича Троицкого (1858—?), занимавшегося преимущественно изучением Библии и Талмуда. Троицкий родился в 1858 г. в Пензенской губернии. Он учился в Петербургской Духовной академии, а затем преподавал там, проделав обычную для своего времени карьеру вплоть до ординарного профессора еврейского языка.

К числу его наиболее значительных работ относится магистерская диссертация, защищенная и опубликованная в одном и том же году [Троицкий, 1885]. Само собой разумеется, что Троицкий в своем сочинении строго следует библейской традиции в ее богословской (православной) интерпретации; в изложении и ис-

следовании конкретно-исторического материала автор оказывается на уровне современной ему научной библеистики и науки о Древнем Востоке. Не утратил своего значения, в частности, анализ сведений Филона Библского о финикийской религии, сохраненных Евсевием Кесарийским; Троицкий характеризует мировоззрение финикийцев как «материалистический эволюционизм».

Другой важный труд Троицкого — «Грамматика еврейского языка» [Троицкий, 1897]. Это сочинение было подготовлено в ситуации, когда по решению Синода К. Коссовичем был издан (1874) перевод на русский язык классической грамматики еврейского языка выдающегося немецкого семитолога В. Гезениуса. Работа Троицкого, несмотря на свою краткость, содержит не только все необходимые сведения по фонетике, морфологии и синтаксису, но и очерк истории языка, а также истории его изучения. Значительный интерес и в настоящее время представляют замечания Троицкого об употреблении перфектива (в его терминологии *аорист I*), а также имперфектива (*аорист II*).

В 1913 г. вышла «Библейская археология» Троицкого. В этой работе — сжатая и в то же время исчерпывающе полная сводка библейских реалий на фоне тех знаний о Древнем Востоке, которые были накоплены мировой наукой к началу XX в. Автором рассмотрены систематически повседневная жизнь («индивидуально-естественный быт»), организация общества («общественный быт») и религиозные институты.

Начало еще одному направлению в семитологических исследованиях — собиранию и изучению еврейских рукописей, книг и эпиграфических памятников — было положено трудами ученого караима Авраама Самуиловича Фирковича (1786—1874). По своим интересам и методам работы он был типичным средневековым самоучкой, высоко одаренным любителем книги и всякого рода древностей. Овладев в 25-летнем возрасте еврейской грамотой, Фиркович быстро достиг высокого положения в караимской духовной иерархии. В 1818 г. он стал хазаном караимской общины в Луцке, затем переселился в Евпаторию и там был законоучителем. В 1830 г. он сопровождал главного караимского хахама С. Бабовича в поездке в Палестину. По возвращении в Евпаторию Фиркович основал общество для издания классических памятников караимской литературы, а затем получил открытый лист на проведение археологических раскопок и собирание материалов по истории караимов в Крыму и на Кавказе. В 1839 г. он проводил раскопки в Чуфут-Кале, Мангупе, Карасубазаре и Феодосии, в 1840—1841 гг. — раскопки и собирание рукописей на Кавказе. В 1843 г. Фиркович совершил путешествие на Восток, в частности в Египет, откуда вывез многочисленные рукописи из собрания Каирской генизы, которые после его смерти поступили в Импера-

торскую Публичную библиотеку. (В 1899 г. значительный фонд еврейских рукописей был также преподнесен Публичной библиотеке начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином—Капустиным.)

Формировался еврейский рукописный фонд Азиатского музея. В 1892 г. в него поступили рукописи, а также библиотека еврейских книг, собранные Л.П. Фридландом. Систематизация и описание библиотеки были поручены семитологу С.Е. Винеру, который в 1893—1918 гг. издал семь выпусков каталога еврейских книг (*Bibliotheca Friedlandiana*). Работу над этим фондом продолжили М.Н. Соколов и И.Г. Бендер. (Последний в 1936 г. опубликовал восьмой выпуск каталога.)

В 1898 и в 1915 гг. в Азиатский музей поступили еврейско-персидские рукописи из Тегерана и Бухары.

С изучением рукописных фондов петербургских коллекций связана деятельность крупнейших отечественных гебраистов второй половины XIX — начала XX в. А.Я. Гаркави и П.К. Коковцова.

Авраам Яковлевич Гаркави (1835—1919) получил традиционное для еврейской религиозной среды образование, а в 1863 г. поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. В 1867 г. он — кандидат, в 1868 г. — магистр, а в 1872 г. — доктор истории Востока. В 1868 г. Гаркави был командирован за границу для подготовки к профессорскому званию: в Берлине он учился у Лепсиуса, а в Париже — у Опперта. Осенью 1870 г. он был приглашен в Петербургский университет. Однако его преподавательская деятельность оказалась крайне непродолжительной, и он вынужден был покинуть университет, перейдя на работу в Публичную библиотеку, где работал практически до своей кончины (осенью 1918 г. он снова получил приглашение от восточного факультета занять одну из гебраистических кафедр, но было уже слишком поздно).

Научные интересы Гаркави отличались исключительной многосторонностью. Он изучал материалы по раннесредневековой истории России. К числу исследований по данной тематике относится прежде всего работа «Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей» (СПб., 1865). В 1867 г. она была опубликована в Вильно на языке иврит под заглавием «*Наууеһудим usepat hasse-lawim*».

Это исследование явилось продолжением серии статей Гаркави (публиковались на иврите в журнале «ха Кармел»), где автор пытался доказать, что первыми евреями, поселившимися в России, были боспорские и азиатские, которые пришли через Кавказ. Материалом для изучения данного вопроса стали польские моне-

ты 1177—1220 гг., имеющие польские легенды еврейскими буквами; славянские глоссы, употреблявшиеся в XI—XIII вв. для объяснения талмудических слов (в частности, в комментарии на Талмуд «Ор заруа» в рукописном фонде Фирковича); славянские собственные имена.

Другой фундаментальный труд Гаркави по раннесредневековой истории России — это «Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве» (СПб., 1874). Здесь в оригинале и в русском переводе приводятся и подробно комментируются отрывки из сочинения путешественника Эльдада ха-Дани «Иосиппон», а также письмо Хасдан ибн Шапрута хазарскому царю Иосифу. В дальнейшем исследования А.Я. Гаркави по истории хазар были продолжены П.К. Коковцовым.

В 1870 г. вышел труд Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». Переводы сопровождаются подробными комментариями Гаркави, в которых анализируются сведения из исследуемых памятников.

В 1876 г. была издана работа Гаркави «Altjüdische Denkmäler aus der Krim» (где автор показал тенденциозность концепции Фирковича в вопросе об истории караимов), а в 1881 г. — его статья «О надгробных памятниках на Таманском полуострове».

Значительное место в исследовательской деятельности Гаркави занимает его работа по истории еврейского сектантства и в особенности караимства. Последнему посвящены, в частности, его «Очерки по истории караимства» (1897—1902).

Что касается работы Гаркави над рукописными материалами, то следует отметить его описание самаритянских рукописей из собрания ГПБ и составленный в соавторстве с Х.Л. Штраком «Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek in St.-Petersburg» (1875). Описания, содержащиеся в этом каталоге, приводят исчерпывающую информацию о рукописях; во Введении особое внимание уделено вопросу о подлинности колофонов на рукописях (решение отрицательное; соответственно отвергается и реконструкция истории караимов, предлагаемая А. Фирковичем). На протяжении нескольких десятилетий Гаркави работал над описанием всех еврейских и арабско-еврейских рукописей Публичной библиотеки, однако этот труд остался незавершенным и не публиковался. Из общесемитологических работ исследователя должны быть отмечены «Неизданная версия романа об Александре» (СПб., 1892; изложение и подробный комментарий), а также «Иегуда Галеви» (2-е изд. СПб., 1896).

Наиболее существенную роль в развитии отечественной семитологии сыграл Павел Константинович Коковцов (1861—1942), ученик Д.А. Хвольсона и известного арабиста В.Р. Розена, не толь-

ко достойно продолживший традиции своих предшественников, но и начавший разработку новых научных направлений. По окончании университетского курса Коковцов был оставлен для подготовки к профессорскому званию и написания диссертации. С января 1894 г. он начал преподавательскую деятельность в Петербургском университете в качестве приват-доцента, в 1900 г. стал экстраординарным профессором, а в 1912 г. — ординарным профессором по кафедре еврейской, сирийской и халдейской словесности. С 1889 г. он принимал активное участие в работе Восточного отделения РАО. В 1903 г. он был избран адъюнктом Академии наук по литературе и истории, а в 1909 г. — действительным членом Академии наук. Его учениками были такие крупные семитологи, как Н.В. Пигулевская, А.Я. Борисов, Н.В. Юшманов, И.Н. Винников, В.К. Шилейко, А.П. Рифтин, Г.В. Церетели, И.Г. Бендер.

Среди научных работ Коковцова прежде всего должны быть отмечены его труды по истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы. Автор задумал серию исследований по этой проблематике на основе рукописного фонда из коллекции Фирковича. Первый том, содержащий текст диссертации, был опубликован в 1893 г.: «Книга сравнения еврейского языка с арабским Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, испанского еврея конца XI в. и начала XII в.». Сочинение Ибн Баруна было открыто П.К. Коковцовым. Своему изданию сохранившихся фрагментов текста он предпослал Предисловие на русском языке и на иврите, где дано описание рукописи и характеризуется язык автора. Кроме того, в обширном Введении обосновывается атрибуция текста, характеризуется публикуемое сочинение, подробно излагаются грамматические взгляды автора и определяется его место в истории еврейской средневековой филологии.

Второй том вышел в 1916 г.: «Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веке». Среди «некоторых других» — Моисей Ибн Джикитилла и Иехуда Ибн Бал'ам; в еврейско-арабской части труда приводятся тексты рукописных фрагментов сочинений указанных авторов, а также вновь найденные отрывки из книг Ибн Баруна и Натанаила (возможно, это Натанаил Ибн ал-Файюми). При издании памятников автор счел необходимым внести в явно испорченный рукописный текст конъектуры, руководствуясь требованиями, в указанный период предъявляемыми к правильному в литературном отношении арабскому языку. В обширном Введении Коковцов характеризует роль каждого автора в развитии еврейской грамматической науки, детально излагает их грамматические взгляды, сопровождая и эти изложения переводами соответствующих фрагментов. По глубине и тонкости историко-филологического

анализа издаваемых и исследуемых текстов эти работы Коковцова остаются образцовыми.

Многолетнее изучение Коковцовым истории хазар получило достойное завершение в его монографии «Еврейско-хазарская переписка в X в.» (Л., 1932). Эта работа, содержащая сличение рукописи Christ Church College 193 из Оксфорда с текстами, опубликованными в XVI в. в книге Исаака Акриша «Благая весть», до настоящего времени остается образцовым изданием важнейшего источника по истории Хазарского каганата.

Коковцов проявлял значительный интерес и к проблемам эпиграфики. По его инициативе для собрания Эрмитажа был приобретен открытый Абамелек-Лазаревым Пальмирский пошлинный тариф. Коковцов долго готовил его научную публикацию, однако не успел ее завершить. Это направление работы получило развитие в современной отечественной семитологии.

В заключение необходимо сказать, что комплекс научных дисциплин, изучающих древнюю историю стран Передней Азии и Египта, во второй половине XIX в. обнаруживает отчетливые признаки перехода от прежнего, преимущественно коллекционно-описательного этапа к более высокому, профессионально-исследовательскому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX столетия Россия шла путем реформ и преобразований, стремясь догнать промышленно развитые страны Запада. Новые веяния коснулись и организации науки и образования.

Еще в 50-х годах был создан единый центр по подготовке востоковедов — факультет восточных языков университета в Санкт-Петербурге. Сюда были переведены известные специалисты из провинциальных учебных заведений, прежде всего из Казани. Программа факультета предусматривала широкое академическое образование. Университет постепенно смог укомплектовать свой штат преподавателей первоклассными учеными. Выпускники, проявившие особые успехи, получали возможность в течение нескольких лет совершенствовать свои познания за границей, слушая лекции самых известных в Европе профессоров. Кроме того, они работали в архивах, библиотеках, музеях, анализируя весь комплекс накопленных научных материалов. Факультет способствовал также организации длительных командировок востоковедов в изучаемые страны.

Традиционно, с основания Академии наук, ее значительную часть составляли приглашенные в Россию иностранцы, главным образом немцы. Языком академических публикаций также долгое время был немецкий. Исследования на русском языке оставались незамеченными, если не были своевременно переведены. Ситуация стала меняться в 70—80-е годы. Не без трудностей и потерь формировалась своя национальная школа ориенталистики.

В различных учебных заведениях, и прежде всего в Петербургском университете, создавалась преемственность в исследовании той или иной страны Востока. Преподавание языков, истории культуры и истории страны переставало быть эпизодическим — возникала научная традиция. При этом совершенствовалось качество лекций и расширялся контингент слушателей. Штаты преподавателей и сотрудников Академии наук оставались до революции мизерными, однако практически каждый из ученых внес свою лепту в исследование Востока. К концу рассматриваемого периода в основном удалось преодолеть разрыв между университетским преподаванием и академической наукой. Занятиями студентов нередко руководили академики-ориенталисты, а

академические дела решались совместно с университетскими. То, что среда востоковедов была весьма узкой, облегчало общение и сотрудничество. Стихийно или сознательно возникали элементы организации науки — обсуждение общих тем представителями различных дисциплин, семинары с серьезным обсуждением и публикацией материалов (прежде всего в ЗВОРАО).

Все более активно развивалось международное сотрудничество. Оно заключалось в публикациях русских ученых в ведущих научных журналах Германии, Франции, Англии и участии в конференциях, а также в организации ими съезда востоковедов в Петербурге. Престиж отечественного востоковедения к концу рассматриваемого периода столь возрос, что уже из Европы приезжали учиться в Петербург. Приходилось изучать и русский язык, чтобы не пропустить ценные материалы и исследования.

По некоторым направлениям ученые России имели неоспоримые преимущества перед западными коллегами. К ним относится прежде всего исследование памятников Центральной и Средней Азии, Восточного Туркестана, Монголии и ряда других областей буддийской культуры. Работа в этих регионах немецких и французских ориенталистов стала возможной благодаря помощи и консультациям русских путешественников. В России был создан организационный международный центр по изучению Центральной и Восточной Азии в археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях. Здесь издавалась всемирно известная серия «*Bibliotheca Buddhica*», в которой принимали участие ведущие специалисты России, западноевропейских стран и Японии.

Целые научные дисциплины, такие, как осетиноведение, были открыты для мировой науки нашими соотечественниками. К сожалению, следует констатировать, что размах археологических раскопок в дореволюционной России далеко не соответствовал ни богатству памятников на ее территории, ни уровню имевшихся специалистов, что объяснялось как финансовыми трудностями страны, так и известной недооценкой этой области научной работы в правительственных кругах. Положение начало меняться лишь накануне первой мировой войны.

Изучение истории отечественного востоковедения показывает, как десятилетие за десятилетием происходило формирование все новых научных дисциплин, дальнейшая специализация науки. Наряду с традиционными отраслями знания — арабистикой, тюркологией, индологией — возникали египтология и коптология, ассириология, абиссиноведение, японистика. В ряде дисциплин удалось подготовить национальные кадры, например тибетологов и монголистов из числа бурят. Этот процесс приобщения к европейской науке носителей традиционной культуры успешно начи-

нался в предреволюционную эпоху. Возникали широкие возможности для междивизиационного диалога, бережного сохранения и изучения старинного наследия стран Востока.

Одна из немногих отраслей востоковедения, практически не развивавшаяся в дореволюционной России, — это библеистика. Слишком долго всякие научные исследования по библейской критике задерживались строгой духовной цензурой. Однако русская семитология и история Древнего Востока находились на высоком уровне, а ослабление цензурного гнета после 1905 г. давало надежды на благоприятные перемены.

На рубеже XIX—XX вв. наряду с официальными учреждениями формировались различные общественные организации — научные объединения и общества. Некоторые из них, например Московское археологическое общество, сыграли значительную роль в развитии науки. Рост количества кружков и местных изданий краеведческого характера свидетельствовал о формировании массового интереса к древностям родного края. Такого рода работа в Средней Азии, например, могла дать прочную основу для охраны и изучения памятников старины, этнографических и лингвистических обследований. Менялась организация музейного дела. Коллекция египетского искусства, составленная по научному принципу В.С. Голенищевым, стала частью общедоступного Музея изящных искусств в Москве. Собрания, хранившиеся у частных лиц, каталогизировались и тщательно изучались специалистами.

Актуальные проблемы современного Востока привлекали внимание дальновидных представителей российской администрации, военных, дипломатов, экономистов. Центры востоковедения стали создаваться в регионах, непосредственно прилегающих к изучаемым странам. Основан был Восточный институт во Владивостоке, обсуждался проект организации Практической Восточной академии в Ташкенте, шла речь о центре по изучению стран буддийской культуры в Иркутске.

В широких кругах интеллигенции появилось увлечение культурой Востока — религиозными верованиями и философией, литературой и искусством. Для развития науки необходима питательная почва — аудитория, к которой может обращаться ученый с изложением результатов своих изысканий. В начале XX в. такая почва уже была. В русской философии и поэзии образ Востока обычно возникал в связи с темой исторических судеб России, ее места между Европой и Азией. В русской науке чисто колониальная идеология была представлена чрезвычайно слабо. Это давало ей безусловные преимущества в непредвзятом изучении восточной культуры.

Отечественное востоковедение начала века практически во всех его отраслях представлено самыми блистательными име-

нами: Ф.И. Щербатской — в индологии, В.М. Алексеев — в китаеведении, И.Ю. Крачковский — в арабистике, В.В. Бартольд — в изучении Средней Азии и мусульманского мира. Особые надежды внушало то, что рядом с ними находилась талантливая научная молодежь.

В России накануне Октября 1917 г. были все условия для расцвета науки и культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ*

- АВ — Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук.
- АВПР — Архив внешней политики России, фонды:
Азиатский департамент
ДЛСХД — Департамент личных, служебных и хозяйственных дел. Формулярные списки
Китайский стол
МГА — Московский Главный архив МИД
Миссия в Пекине
Отчеты МИД, 1858 г.
ПГА — Санкт-Петербургский Главный архив
Посольство в Токио
Сношения России с Китаем
Среднеазиатский стол
Тихоокеанский стол
Учебное отделение — Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД
Японский стол.
- АРАН — Архив Российской Академии наук.
- ГАВО — Государственный архив Воронежской области.
- ГАИО — Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК — Государственный архив Красноярского края.
- ГАКО — Государственный архив Калужской области.
- ГАКострО — Государственный архив Костромской области.
- ГАКурО — Государственный архив Курской области.
- ГАОО — Государственный архив Одесской области.
- ГАПК — Государственный архив Приморского края.
- ГАПО — Государственный архив Пензенской области.
- ГАЧО — Государственный архив Читинской области.
- ГАЯО — Государственный архив Ярославской области.
- ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина.
- ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.
- ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив.
- МОИА — Московский областной исторический архив.
- ОПИГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- ПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
- ТГУ — Отдел рукописей и редкой книги Томского государственного университета.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- ЦГАДВ — Центральный государственный архив Дальнего Востока (г. Томск).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

* Большая часть названий архивов дается в прежнем написании.

- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
 ЦГА Татарстана — Центральный государственный архив Татарстана.
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.
 ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив г. Москвы.
 ЦГИА Узбекистана — Центральный государственный исторический архив Узбекистана.
 ЦНБ — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, 1963 — *Абдуллаев М.А.* Казем-Бек — ученый и мыслитель. Махачкала, 1963.
- Абдуррахман-хан, 1901 — Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Изд. Султаном Магомет-ханом. Пер. с англ.: М.Грулев. Т. I—II. СПб., 1901.
- Абовян, 1848 — *Обовьян Х.* Курды. — Кавказ. Тифлис, 1848, № 46—51.
- Авенариус Г.Г.* Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция о существе государственной власти. — Вестник Азии. 1913, № 19—20.
- Аверьянов, 1900 — *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Тифлис, 1900.
- Адамов, 1912 — *Адамов А.А.* Ирак Арабский: Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем. СПб., 1912.
- Азиатский музей, 1972 — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Азиатский музей РАН — Азиатский музей Российской Академии наук: 1818—1918. Краткая памятка. Пб., 1920.
- Азимджанова С.А., Вороновский Д.Г.* Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. — Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963.
- Акрамов, 1981 — *Акрамов Н.М.* Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд. Таш., 1981.
- Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев (Научно-биографический очерк). Душ., 1973.
- Алексеев В.М.* О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам. — ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 2—3.
- Алексеев В.М.* Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природу. — Там же.
- Алексеев, 1956 — *Алексеев В.М.* О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии. — КСИВ. 1956, XVIII. Языкознание.
- Алексеев, 1958 — *Алексеев В.М.* В старом Китае: Дневники путешествия 1907 г. М., 1958.
- Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982.
- Алексеев В.М.* Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов. — В.М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982.
- Алексий (Виноградов [А.Н.]).* Китайская библиотека и ученые труды членов имп. Российской Духовной и Дипломатической миссий в г. Пекине, или Ъэйцзине. СПб., 1889.
- Алфавитный указатель имен собственных, личных и географических к томам XI—XX «Записок Вост. отд-ния имп. Рус. археол. об-ва»: 1897—1910. [Сост.: А.А. Ромаскевич и С.Б. Смогоржевский]. — ЗВОРАО. 1912, т. XX, вып. 4.
- Андреев (сб. ст.) — Памяти Михаила Степановича Андреева: Сб. статей. Сталинабад, 1960.
- Анучин, 1912 — Берлинский конгресс 1878 г.: Дневник, веденный на месте Д.Г. Анучиным. СПб., 1912.

- Арабская грамматика, 1897 — Арабская грамматика по лекциям приват-доцента Н.А. Медникова, грамматикам Gaspari-Müller'a и Socin'a. Сост.: М. Гирс и Н. Сейфи. СПб., 1897; 2-е изд., доп. 1909.
- Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки С.-Петербургского университета: Краткий каталог. Сост. О.Б. Фролова и Т.П. Дерягина. СПб., 1996 (Серия «Архив Российского востоковедения»).
- Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981.
- Арбузов, 1914 — Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царь-Граде: Евгений Петрович Новиков — наш посол в Константинополе (1880—1882). — Исторический вестник. 1914, т. 138, № 12.
- Арешян, 1957 — Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ер., 1957.
- Аристов, 1898 — Аристов Н.А. Об Аване и его населении. СПб., 1898.
- Аристов, 1900 — Аристов Н.А. Англо-индийский Кавказ: Столкновения Англии с авганскими пограничными племенами (Этно-исторический и политический этюд). СПб., 1900.
- Аристов, 1900—1901 — Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. — Русский антропологический журнал. М., 1900, № 3—4; 1901, № 2.
- Артамонов, 1894 — Артамонов Л. Аване. [Асхабад], 1894.
- Артамонов, 1895 — Артамонов Л.К. По Аване: Гератская провинция (Гератский театр). Опыт военно-статистического исследования. Асхабад, 1895.
- Артемов К. Библиотека Казанского университета. — ЖМНП. 1851, ч. 70, отд. III.
- Аргипова С.В. Библиографические материалы на русском языке о К.А. Скачкове. — XV науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1984.
- Атлас древностей Монголии см. Радлов, 1892—1899.
- Бабинцев, 1968 — Бабинцев А.А. Из истории русского японоведения. — Японская филология. М., 1968.
- Бабинцев, 1979 — Бабинцев А.А. О связях Петербургского университета и Восточного института в начале XX в. — ПДВ. 1979, № 2.
- Бабьшкін О. Агафангел Крымский. Киев, 1967 (на укр. яз.).
- Баевский, Ворожейкина, 1972 — Баевский С.И., Ворожейкина З.Н. Новоперсидская филология. Литературоведение. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Базили, 1861—1862 — Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Ч. 1—2. Одесса, 1861—1862; СПб., 1875; М., 1962.
- Базиянц, 1959 — Базиянц А.П. Лазаревский институт восточных языков (Исторический очерк). М., 1959.
- Базиянц, 1973 — Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.
- Базиянц, 1979 — Базиянц А.П. Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.
- Базиянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л. Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР: 1818—1968. М., 1969.
- Бакунин, 1902 — Бакунин М.М. Тропическая Голландия: Пять лет на острове Ява. [Б.м.], 1902.
- Баллод, 1913 — Баллод Ф.В. Древний Египет, его живопись и скульптура (I—XX династии). М., 1913.
- Баллод, 1914 — Баллод Ф.В. Египетское искусство времен Аменофиса IV. М., 1914.
- Баллод, 1917 — Баллод Ф.В. Египетский ренессанс. М., 1917.
- Баньковская, 1981 — Баньковская М.В. В.М. Алексеев и С.Ф. Ольденбург (В высказываниях и характеристиках). — Восточный альманах. Вып. 9. Начало пути. М., 1981.

- Барадийн Б.* Из легенд Тибета. — Живая старина. 1914, вып. III—IV. (Период. изд. Отд-ния этнографии РГО).
- Бартольд, 1894* — *Бартольд В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию. — ЗВОРАО. 1894, т. VIII, вып. 3—4 (=Сочинения. Т. IV, с. 111—115).
- Бартольд, 1896* — *Бартольд В.* Об одном историческом вопросе. — Средне-Азиатский вестник. Таш., 1896, ноябрь.
- Бартольд, 1898* — *Бартольд В.* [Рец. на:] Н.А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — ЗВОРАО. 1898, т. XI (=Сочинения. Т. V, с. 266—279).
- Бартольд, 1898—1900* — *Бартольд В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб., 1898; ч. II. Исследование. 1900 (=Сочинения. Т. I, с. 43—600).
- Бартольд, 1901* — *Бартольд В.* По поводу Аму-Дарьинского вопроса. — Русский Туркестан. 1901, № 97 (8/21 июня).
- Бартольд, 1903* — *Бартольд В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903 (=Сочинения. Т. VII, с. 31—226).
- Бартольд, 1906* — *Бартольд В.* П.М. Мелиоранский: Некролог. — Туркестанские ведомости. Таш., 1906, № 81 (31 мая/13 июня) (=Сочинения. Т. IX, с. 585—588).
- Бартольд, 1909* — Обзор деятельности факультета: 1855—1905, составленный проф. В.В. Бартольдом. С прил. обзора истории востоковедения в России до 1855 г. — МИФВЯ, т. IV (=Сочинения. Т. IX, с. 23—196).
- Бартольд, 1912* — *Бартольд В.* К вопросу о записке Ибн-Фадлана. — ЗВОРАО. 1912, т. XXI (=Сочинения. Т. VIII, с. 311—312).
- Бартольд, 1918* — *Бартольд В.* Исторические и географические труды В.П. Васильева. — Известия РАН, Сер. VI. 1918, т. XII, № 7 (=Сочинения. Т. IX, с. 619—628).
- Бартольд, 1921* — *Бартольд В.* Н.И. Веселовский, как исследователь Востока и историк русской науки. — ЗВОРАО. 1921, т. XXV (=Сочинения. Т. IX, с. 648—664).
- Бартольд, 1925* — *Бартольд В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в Университете и в ЛИЖВЯ. 2-е изд. Л., 1925 (=Сочинения. Т. IX, с. 199—482).
- Бартольд, 1928* — *Бартольд В.* Томсен и история Средней Азии. — Памяти В. Томсена: К годовщине со дня смерти. Л., 1928 (=Сочинения. Т. IX, с. 757—764).
- Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских. — Т. II, ч. 1, с. 805—809.
- Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. — Там же, с. 23—106.
- Бартольд В.В.* К истории арабских завоеваний в Средней Азии. — Т. II, ч. 2, с. 380—387.
- Бартольд В.В.* Улугбек и его время. — Там же, с. 25—196.
- Бартольд В.В.* Дорожник от Бистама до Куня-Ургенча. — Т. III, с. 260—267.
- Бартольд В.В.* К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море. — Т. III, с. 248—251.
- Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. — Т. III, с. 97—233.
- Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. — Т. III, с. 15—94.
- Бартольд В.В.* [Рец. на:] Н.А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. — Т. VI, с. 320—332.
- Бартольд В.В.* Мусульманский мир. — Т. VI, с. 205—297.

* При ссылках только на «Сочинения» В.В. Бартольда (Т. I—IX. М., 1963—1977) здесь, в Библиографии, а также в тексте монографии указываются лишь номер тома и страницы, причем в тексте слова «том» (т.) и «страница» (с.) опускаются. Работы даны в соответствии с порядковыми номерами томов, а внутри одного и того же тома — по алфавиту.

- Бартольд В.В.* Запись о русском посольстве в персидской рукописи. — Т. VIII, с. 317—318.
- Бартольд В.В.* Кафиристан в XVI в. — Т. VIII, с. 21—22.
- Бартольд В.В.* [Об одном уйгурском документе]. — Т. VIII, с. 117—118.
- Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан. — Т. VIII, с. 119—210.
- Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года. — Т. VIII, с. 336—339.
- Бартольд В.В.* Собрание рукописей Джурабека. — Т. VIII, с. 313—314.
- Бартольд В.В.* Николай Иванович Веселовский: Некролог. — Т. IX, с. 642—647.
- Бартольд В.В.* Памяти В.А. Жуковского. — Т. IX, с. 689—703.
- Бартольд В.В.* Памяти В.В. Радлова: 1837—1918. — Т. IX, с. 665—688.
- Бартольду (сб.ст.) — Владимиру Васильевичу Бартольду. Таш., 1927.
- Баскаков, 1989 — *Баскаков Н.А., Баскаков Ник.А.* Академик Ф.Е. Корш в письмах современников. М., 1989.
- Батюшков, 1897 — *Батюшков Г.* Бабиды: Персидская секта. — Вестник Европы. 1897, июль.
- Белелюбский, 1967 — *Белелюбский Ф.Б.* Исследования М.И. Венюкова о Китае и их место в русской синологии. — Историография и источниковедение зарубежного Востока. М., 1967.
- Белозерская, 1891 — Хронологический перечень сочинений Петра Александровича Чихачева. Сост. госпожею Н.А. Белозерскою. — Известия РГО. 1891, т. 27, вып. 6.
- Белозерская, 1893 — *Белозерская Н.А.* П.А. Чихачев. — Вестник Европы. 1893, ноябрь.
- Беляев, 1946 — *Беляев Е.А.* Б.А. Тураев: 1868—1920. — Труды Моск. ин-та востоковедения. 1946, вып. 3.
- Беляев, 1966 — *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. 2-е изд. М., 1966.
- Беляев, Булгаков, 1958 — *Беляев В.И., Булгаков П.Г.* Арабские рукописи собрания Ленинградского государственного университета. — Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. М., 1958.
- Берг, 1946 — *Берг Л.* Всесоюзное Географическое общество за сто лет: 1845—1945. М.—Л., 1946.
- Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. 2-е изд. М.—Л., 1949.
- Березин, 1845 — Извлечение из годовичного отчета путешествующего по Востоку магистра И. Березина. — ЖМНП. 1845, ч. 46, июнь, отд. IV.
- Березин И.Н.* Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852.
- Березин, 1854 — *Березин И.Н.* Христиане в Месопотамии и Сирии. — Москвитянин. 1854, № 16, август, кн. 2; № 17, сентябрь, кн. 1.
- Березин, 1855 — *Березин И.Н.* Мосуль (Из путешествия по Востоку). — Библиотека для чтения. 1855, т. 133, октябрь, отд. I.
- Березин, 1857 — *Березин И.Н.* Научные отчеты о поездке на Восток. — ЖМНП. 1857, ч. 95.
- Березин. Кербеля — *Березин И.Н.* Кербеля. — Магазин землеведения и путешествий. М., 1858, т. 5.
- Березин, 1858 — *Березин И.Н.* Опасный путь (Из путешествия по Востоку). — Библиотека для чтения. 1858, т. 152, ноябрь, отд. I.
- Березин, 1860 — *Березин И.Н.* Сцены в пустыне: В караван-сараяе. — Русский вестник. 1860, т. 26, № 4—5.
- Берлев, Грибов, 1960 — *Берлев О.Д., Грибов Р.А.* Египтология и ассириология в Ленинградском университете. — Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960 (Ученые записки ЛГУ, № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13).

- Бертельс, 1972 — *Бертельс Д.Е.* Введение. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Бескровный, 1957 — *Бескровный Л.Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.
- Бётлинг, 1853 — *Бётлинг О.Н.* О языке якутов. — Записки АН. 1853, т. 1, вып. 4; Новосибирск, 1990.
- [Бётлинг]. О.Н. Бётлинг и его труд «О языке якутов». Якутск, 1973.
- Библиография Азии см. Межов, 1891—1894.
- Библиография Индии: Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР, оригинальная и переводная. М., 1976.
- Библиография по курдоведению см. Мусаэлян, 1963.
- Библиография Турции — Библиография Турции (1713—1917). М., 1961.
- Библиография ЮВА — Библиография Юго-Восточной Азии: Дореволюционная и советская литература на русском языке, оригинальная и переводная. М., 1960.
- Библиотека Г.И. Кананова. М., 1901*.
- Библиотека Зинаиды Алексеевны Рагозиной: Описание. Сост. В.В. Лобанов. Новосибирск, 1989 (Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сибирск. отд-ния АН СССР. Науч. б-ка Томск. гос. ун-та).
- Библиотека Н.О. Эмина. М., 1896*.
- Бичурин, 1851 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1—3. СПб., 1851; то же. Ред. текста, вступит. ст. и коммент. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. М.—Л., 1950—1953.
- Блокада Карса, 1856 — Блокада Карса: Письма очевидцев о походе 1855 г. в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856.
- Бобринский, 1908 — *Бобринский А.А.* Горцы верховья Пянджа (ваханцы и ишканишцы): Очерк быта по путевым заметкам. М., 1908.
- Бобынин, 1882 — *Бобынин В.В.* Математика древних египтян (По папирусу Ринда). — Математический листок. М., 1882, т. 2 (Прил.).
- Богданович, 1876 — *Богданович М.И.* Восточная война 1853—1856 гг. Т. 1—4. СПб., 1876.
- Боде, 1854 — Путевые заметки статского советника барона К. Боде, члена Русского Географического Общества, бывшего первым секретарем Российской Императорской миссии в Тегеране. — Библиотека для чтения. 1854, т. 123, январь, отд. III.
- Бок, 1901 — *Бок В.Г.* Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901.
- Бороздин И.Н. Ученые заслуги М.И. Ростовцева. М., 1915.
- Бороздина, 1917 — *Бороздина Т.Н.* Египетские скульптурные модели Музея изящных искусств имени императора Александра III при имп. Московском университете. — Московский Меркурий. 1917, I (Памятники Музея изящных искусств при Московском университете, 2).
- Бруннерт И.С. и Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекинская тип. Успенского монастыря при Русской Духовной миссии, 1910.
- Брэстед, 1915 — *Брэстед Дж.Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. 1—2. Авториз. пер. В. Викентьева. М., 1915.
- Будагов, 1869—1871 — *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. 1—2. СПб., 1869—1871; 2-е изд. М., 1960.
- Буддизм и Россия — Буддизм и Россия. Посвящается 250-летию буддизма в России. СПб., 1992.

* Обе работы (помечены «звездочкой») являются Прил. 1 и 2 к сл. изд.: Каталог книг и рукописей библиотеки Лазаревского института восточных яз.: а) Б-ка спец. классов; б) Восточный отдел Фундаментальной б-ки. М., 1888.

- Бузескул В. История Харьковского университета при действии устава 1884 г. Харьков, 1905.
- Бузескул В. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. 1. Восток. Пг., 1923.
- Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 2. Л., 1931.
- [Бузескул]. Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914.
- Булдахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Т. I—III. Минск, 1976—1978.
- Булич, 1904 — Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. СПб., 1904.
- Бутенев, 1881 — Воспоминания Аполлинария Петровича Бутенева. — Русский архив. 1881, кн. 3.
- Бутков, 1869 — Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869.
- Бушев, 1959 — Бушев П. П. Жизнь и деятельность В. А. Жуковского. — ОИРВ, IV.
- Бушев, 1960 — Бушев П. П. К вопросу о первой поездке В. А. Жуковского в Иран (1883—1886 гг.). — ОИРВ, V.
- Валеев, 1984 — Валеев Р. М. Саратовский период научно-педагогической деятельности Гордия Семеновича Саблукова. — Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984.
- Валиханов, 1904. — Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Под ред. Н. И. Веселовского. — Записки РГО, Отд-ние этнографии. 1904, т. 29.
- Валиханов, 1962 (1) — Валиханов Ч. Ч. Материалы и исследования о Кашгарии. — Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. А.-А., 1962.
- Валиханов, 1962 (2) — Валиханов Ч. Ч. Материалы и исследования о Кульджинском крае. — Там же.
- Валиханов, 1968 — Служба в Азиатском департаменте МИД (Документы). — Там же. Т. 4. 1968.
- Валиханов, 1987 — Валиханов Чокан. Избранные произведения. М., 1987.
- Варлакова Н. А. Восточное отделение Русского археологического общества и его состав (1851—1923). — ППиПИК.
- Васильев. Буддизм — Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. Общее обозрение. СПб., 1857; ч. 3. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Пер. с тибет. СПб., 1869.
- Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. С прил. пер. кит. известий о киданях, джуржитах и монголо-татарах. СПб., 1859.
- Васильев, 1863 — Васильев В. П. Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1863.
- [Васильев]. Анализ китайских иероглифов. Сост. для руководства студентов профессором С.-Петербург. ун-та В. Васильевым. [Ч. 1]. СПб., 1866 (2-е изд. Под ред. А. О. Ивановского. СПб., 1898); ч. 2. Элементы китайской письменности. СПб., 1884.
- Васильев В. П. Маньчжурско-русский словарь. СПб., 1866 (Литограф. изд.).
- Васильев, 1867 — Васильев В. Графическая система китайских иероглифов: Опыт первого китайско-русского словаря. Сост. для руководства студентов. СПб., 1867.
- [Васильев]. Китайская хрестоматия, изд. для руководства студентов... В. Васильевым. Т. 1. СПб., 1868 (2-е изд. 1883; 3-е изд. 1890); ч. 2. Лунь-юй. СПб., 1868; вып. 3. Китайские классики: Ши цзин. СПб., 1868.
- Васильев, 1872 — Васильев В. П. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским. — ЖМНП. 1872, ч. 163, отд. II.
- Васильев, 1873 — Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873.
- Васильев В. П. Три вопроса: 1. Улучшенное устройство сельской общины. 2. Ассигнации — деньги. 3. Чему и как учиться? СПб., 1878.

- Васильев, 1880 — *Васильев В.П.* Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880.
- Васильев В.П.* Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии. СПб., 1882.
- Васильев, 1886 — *Васильев В.П.* О преподавании восточных языков в России. — Восточное обозрение. СПб., 1886, № 7.
- Васильев, 1888 — Материалы по истории китайской литературы: Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербург. имп. ун-та В.П. Васильевым. СПб., 1888.
- Васильев, 1888 (рец.) — *Васильев В.П.* [Рец. на:] А. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887. — ЖМНП. 1888, ч. 262, июнь, отд. III.
- Васильев В.П.* Буддизм и его принципы. СПб., 1891.
- Васильев, 1897 — *Васильев В.П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. — СТОЭ. Вып. III. 1897.
- Васильев*, 1900 — *Васильев В.П.*: Открытие Китая и другие статьи. СПб., 1900.
- Васильев Д., 1983 — *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
- Васильков, 1889 — *Васильков Я.В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского. — Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. [Вып. 4]. М., 1989.
- Вебер К., Иванов А.И., Котвиц В.Л. и Руднев А.Д.* К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов. — ЗВОРАО. 1908, т. XVIII, вып. 1.
- Вейдемюллер К.Л.* Проснувшийся Китай. СПб., 1911.
- Веклов, 1960 — *Веклов А.П.* Изучение турецких диалектов Малой Азии дореволюционными и советскими учеными. — Ученые записки ИВ. 1960, XXV.
- Вельяминов-Зернов, 1867 — *Вельяминов-Зернов В.В.* [Рец. на:] К. Риттер. Землеведение**. — ЖМНП. 1867, ч. 84, № 5.
- Венюков, 1868 — *Венюков М.* Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868.
- Венюков М.* Очерки Японии. СПб., 1869.
- Венюков М.* Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Ч. 1—2. СПб., 1871.
- Венюков М.* Очерки современного Китая. СПб., 1874.
- Венюков М.И.* Краткий очерк английских владений в Азии. СПб., 1875.
- Венюков М.И.* Очерк современного состояния английских владений в Азии. — Знание. СПб., 1875, № 1 и 3.
- Венюков, 1878 — *Венюков М.И.* Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индиею. — Сб. гос. знаний. Под ред. В.П. Безобразова. Т. V. СПб., 1878.
- Венюков, 1895 — Из воспоминаний М.И. Венюкова. Книга первая: 1832—1867. Амстердам, 1895.
- Венюков, 1897 — *Венюков М.И.* Аннамская община. — Русская мысль. М., 1897, кн. 3.
- Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
- Веселовский, 1879 — *Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879.
- Веселовский, 1880 — *Веселовский Н.* Куликовская битва (По поводу пятисотлетия). — Древняя и новая Россия. 1880, т. 18, № 9.
- Веселовский, 1887 — *Веселовский Н.И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам: 1816—1881. СПб., 1887.
- Веселовский, 1888 — *Н.И.В.* Рамазан в Самарканде и Курбан-Байрам в Бухаре. — Исторический вестник. 1888, т. 33, № 7.

* О В.П. Васильеве см. сб. «История и культура Китая...».

** Полное описание этого труда см. [Риттер, 1867].

- Веселовский, 1890 — *Веселовский Н.И.* Керопэ Петрович Патканов (1833—1889). — ЗВОРАО. 1890, т. V.
- Веселовский, 1900 — *Веселовский Н.И.* История имп. Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896. СПб., 1900.
- Веселовский, 1905 — *Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине.* Изд. под ред. Н.И. Веселовского. Вып. I. СПб., 1905.
- Веселовский, 1907 — *Веселовский Н.И.* О местоположении Гюлистана при-Сарайского. Киев, 1907 (Отд. оттиск).
- Веселовский, 1908 — *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен (Некролог). СПб., 1908.
- [*Веселовский*]. Лекции по истории монголов проф. Н.И. Веселовского. СПб., 1909 (Кружок ориенталистов при ФВЯ).
- Веселовский, 1909 (1) — *Веселовский Н.И.* Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. — Записки РГО, Отд-ние этнографии. 1909, т. 24.
- Веселовский, 1909 (2) — *Веселовский Н.И.* Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева. СПб., 1909.
- Веселовский, 1912 (1) — *Веселовский Н.И.* Загадочный Гюлистан Золотой Орды. — ЗВОРАО. 1912, т. XXI, вып. 2—3.
- Веселовский, 1912 (2) — *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 г. — ЗООИД. 1912, т. 30.
- Веселовский, 1915 (1) — *Веселовский Н.И.* О турецко-татарском слове «тыш» («зуб») в дипломатических документах. — ЖМНП, Новая серия. 1915, ч. 56, апрель, отд. II.
- Веселовский, 1915 (2) — *Веселовский Н.И.* Современное состояние вопроса о «каменных бабах», или «балбалах». — ЗООИД. 1915, т. 32.
- Веселовский, 1916 — *Веселовский Н.И.* Заметки по истории Золотой Орды. — Известия АН, Отд-ние русского языка и словесности. 1916, т. 21, кн. 1.
- [*Веселовский Н.И.*] Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 г. [Пг., 1916].
- Веселовский, 1921 — *Веселовский Н.И.* Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение. — ЗВОРАО. 1921, т. XXV.
- Вестберг, 1908 — *Вестберг Ф.Ф.* К анализу восточных источников. — ЖМНП, Новая серия, 1908, ч. 13, февраль, отд. II.
- Вигасин, 1990 — *Вигасин А.А.* Письма Ф.И. Щербатского из Индии. — Российские путешественники в Индии: XIX — начало XX в. Документы и материалы. М., 1990.
- Вигасин, 1993 — *Вигасин А.А.* И.П. Минаев и русская политика на Востоке в 80-е годы XIX в. — Восток. 1993, № 3.
- Викентьев, 1917 — *Викентьев В.М.* Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 4).
- Владимирцов Б.Я.* Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 2—3.
- Владимирцов, 1918 — *Владимирцов Б.Я.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от профессора А.Д. Руднева. — Известия РАН. Сер. VI. 1918, № 14.
- Владимирцов, 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Властов, 1880 — *Летописи и памятники древних народов. Египет. История фараонов Бругша.* Пер. Г.К. Властова. СПб., 1880.
- Волков, 1914 — *Волков И.М.* Законы вавилонского царя Хаммураби. М., 1914 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 1).
- Волков, 1915 — *Волков И.М.* Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до Р.Х. М., 1915 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 2).

- Волков, 1917 — *Волков И.М.* Древнеегипетский бог Себек. — Записки ИФФ Петроград. ун-та. 1917, ч. 140.
- Волкова, 1965 — *Волкова М.П.* Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965.
- Волкова, 1988 — *Волкова М.П.* Описание маньчжурских ксилографов Института Востоковедения АН СССР. М., 1988.
- Воллан, 1894 — *Воллан Г.А. де.* По белу свету: Путевые заметки Ч. 1—2. СПб., 1894—1895.
- Воллан Г.А. де.* В Стране Восходящего Солнца: Очерки и заметки о Японии. СПб., 1903.
- Воллан, 1914 — Из записок Г.А. де Воллана. — Русская старина. 1914, т. 158; он же. Очерки прошлого. — Там же. 1916, т. 165—166.
- Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.—Л., 1958.
- Воробьева-Десятковская М.И., Гуревич И.С., Меньшиков Л.Н., Спиринов В.С., Школяр С.А.* Китайские рукописи из Дуньхуана. Т. I. М., 1963.
- Воробьева-Десятковская М.И., Савицкий Л.С.* Тибетоведение. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Востоковедение в Ленинградском университете [Сб. статей]. Л., 1960 (Ученые записки ЛГУ, № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13).
- Восточные заметки: Сб. статей и исследований профессоров и преподавателей фак-та вост. яз. имп. С.-Петербург. ун-та. СПб., 1895.
- Всеобщая ист. лит-ры — Всеобщая история литературы. Т. IV. Под ред. В.Ф. Корша и А.И. Кирпичникова. СПб., 1892.
- Высочайшие указы — Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института восточных языков в Москве и правила онога, высочайше утвержденные. М., 1852.
- Гальперин А.Л.* Изучение истории стран зарубежного Дальнего Востока. — Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960.
- Гарин-Михайловский Н.Г.* Корейские сказки, записанные осенью 1898 г. — Собрание сочинений. Т. 5. М., 1958.
- Гарин-Михайловский Н.Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову (Карандашом с натуры). — Там же.
- Гаркави, 1870 — Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). Собрал, пер. и объяснил А.Я. Гаркави. СПб., 1870.
- Гаркави А.Я.* Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871.
- Гаркави А.Я.* Описание рукописей Самаритянского Пятикнижия, хранящихся в имп. Публичной библиотеке. Вып. 1. СПб., 1874.
- Гаркави А.Я.* Описание самаритянских рукописей, хранящихся в имп. Публичной библиотеке. СПб., 1875.
- Гаффаров А., Гордлевский В.А.* Персидские пословицы: Собрание Мирзы Абдуллы Гаффарова. Транскрипция, пер. и коммент. М., 1913.
- Георгиев и др., 1978 — *Георгиев В.А., Княгина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И.* Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. М., 1978.
- Георгиевский, 1885 — *Георгиевский С.М.* Первый период китайской истории (до императора Цин-ши-Хуан-ди). СПб., 1885.
- Георгиевский, 1886 — *Георгиевский С.М.* О корневом составе китайского языка в связи с вопросом о происхождении китайцев. СПб., 1886.
- Георгиевский, 1888 (1) — *Георгиевский С.М.* Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающий в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб., 1888.
- Георгиевский, 1888 (2) — *Георгиевский С.М.* Принципы жизни Китая. СПб., 1888.

- Георгиевский, 1890 — *Георгиевский С.М.* Важность изучения Китая. М., 1890.
- Георгиевский С.М.* Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб., 1892.
- Гетце и др., 1908 — *Гетце В.Ф., Кареев Б.П., Масловский С.Д.* Библиография Авганистана. — Сб. Средне-Азиатского отдела (Общества востоковедения). Вып. II. СПб., 1908.
- Гимназия и лицей кн. Безбородко — Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881.
- Гиргас, 1873 — *Гиргас В.Ф.* Очерк арабской литературы: Источники. СПб., [1873].
- Гирс, 1906 — *Гирс А.А.* Россия и Ближний Восток: Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906.
- Глиноецкий, 1882 — *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1882.
- Глускина, 1961 — *Глускина А.Е.* Николай Иосифович Конрад (К семидесятилетию со дня рождения). — Проблемы востоковедения. 1961, № 1.
- Гневушева, 1953 — *Гневушева Е.И.* Путешествия П.И. Пашино по Персии и Индии. — ОИРВ, I.
- Гневушева, 1958 — *Гневушева Е.И.* Забытый путешественник: Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино. М., 1958.
- Гневушева, 1962 — *Гневушева Е.И.* В стране трех тысяч островов. М., 1962.
- Голенищев*, 1890 — *Голенищев В.С.* Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888—1889. — ЗВОРАО. 1890, т. V, вып. 1.
- Голенищев. Отчет Унамуна — Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий ответ о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию. — Сб. статей учеников профессора барона В.В. Розена ко дню 25-летия его первой лекции 13 ноября... СПб., 1897.
- Голенищев, 1897 — *Голенищев В.С.* Описание ассирийских памятников. СПб., 1897 (Имп. Эрмитаж).
- Голенищев и его коллекция, 1987 — Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств. М., 1987 (ГМИИ, 3).
- Гольдберг Н.М. Индийские журналы Яснополянской библиотеки как один из источников изучения национально-освободительного движения в Индии. — Советское востоковедение. 1955, № 4.
- Гончаров С.Н. «Цзинь чжи» (Описание государства Цзинь) в переводе В.П. Васильева. — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991.
- Горбачева и др., 1956 — *Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И.* Русский Китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900). — ОИРВ, II.
- Гордлевский, 1916 — Руководство для изучения османского языка. С ключом. По материалу Г. Еглички. Перераб. по-русски В.А. Гордлевский. — ТВЛИВЯ. 1916, вып. 40а.
- Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. I—IV. М., 1960—1968: т. I. Исторические работы; т. II. Язык и литература; т. III. История и культура; т. IV. Этнография. История востоковедения. Рецензии.
- Горегляд, 1972 — *Горегляд В.Н.* Японоведение. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Горегляд, 1993 — *Горегляд В.Н.* Евгений Генрихович Спальвин (1872—1933). — Восток. 1993, № 5.
- Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.
- Готвальд, 1854—1855 — *Готвальд И.* Описание арабских рукописей, хранящихся в библиотеке Казанского университета. — Ученые записки Казанского ун-та. 1854, кн. II; 1855, кн. IV.

* См. примеч. 8 в гл. 6.

- Гошкевич, 1857 — Варо цугэн хико. Японско-русский словарь, сост. И. Гошкевичем при пособии японца Тацибана-но Коосай. СПб., 1857.
- Гребенщиков А.В. Краткий очерк образцов маньчжурской литературы. — ИВИ. 1909, т. XXXII, вып. 2.
- Гребенщиков А.В. К истории русско-маньчжурских отношений. 1. Посольство Спафария в Китай. Владивосток, 1912 (Литограф. изд. Восточного ин-та).
- Гребенщиков А.В. Маньчжуры, их язык и письменность. — ИВИ. 1912, т. XLV, вып. 1.
- Григорцевич С.С. Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский Восточный институт в 1899—1916 гг.). — Советское востоковедение. 1957, № 4.
- Григорьев, 1870 (1) — Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Ист. записка, сост. по поручению Совета Университета. СПб., 1870.
- Григорьев, 1870 (2) — Григорьев В.В. О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. — Известия РГО. 1870, т. 6, отд. I.
- Григорьев, 1872 (1) — Григорьев В.В. Об арабском путешественнике X-го века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. — ЖМНП. 1872, ч. 159, сентябрь, отд. II.
- Григорьев, 1872 (2) — Григорьев В.В. О скифском народе саках. — ТВОРАО. 1872 (1871?), т. XVI.
- Григорьев, 1874 — Григорьев В.В. Караханиды в Мавераннагре по Тарихи Му-недджим-баши. — ТВОРАО. 1874, т. XVII.
- [Григорьев]. Россия и Азия: Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876.
- Григорьян, 1959 — Григорьян К.Н. Литературные опыты М.А. Гамазова. — Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX вв. М.—Л., 1959.
- Гродеков Н.И. Через Авангистан. СПб., 1880.
- Громбчевский В.Л. Современное положение Памирских ханств. Новый Маргелан, 1891.
- Громковская, Кычанов, 1978 — Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978.
- Гурко В.А. Культура Грузии и ее отношение к Востоку. Тифлис, 1915.
- Гурницкий, 1970 — Гурницкий К.И. Исторические взгляды А.Е. Крымского. Автореф. канд. дис. Киев, 1970.
- Гурницкий, 1971 — Гурницкий К.И. Кримський як історик. Київ, 1971.
- Гурницкий, 1980 — Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980.
- Дандамаев, 1963 — Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.). М., 1963.
- Данциг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М., 1968.
- Данциг 1 — Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Доктябрьский период). М., 1973.
- Данциг 2 — Данциг Б.М. Востоковеды России на международных конгрессах ориенталистов (1873—1912 гг.). — НАА. 1973, № 3.
- Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. Иркутск, 1994.
- Дас С.Ч. Путешествие в Тибет. Пер. с англ. с введ. и под ред. Вл. Котвича. СПб., 1904.
- 25-летие РГО — Двадцатипятилетие имп. Географического общества. СПб., 1872.
- 25-летие Новорос. ун-та — Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета: Ист. записка и Академ. списки. Одесса, 1890.
- Демидова М.И., Костыгова Г.Н. Фонды рукописей и печатных изданий на языках народов Востока в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. — Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963.

- Диттель, 1847 — О трехгодичном путешествии по Востоку магистра Казанского университета В. Диттеля. — ЖМНП. 1847, ч. 55, отд. IV.
- [Дмитревский]. Географическое описание Кореи. Пер. с кит., предисл. П.А. Дмитриевского. Хань-Коу, 1883.
- Дмитревский, 1884 — *Дмитревский П.А.* Записки переводчика, составленные переводчиком при окружном управлении на острове Цусиме Отано Кигоро. — Записки РГО. 1884, т. 12, № 4.
- Дмитриев, 1962 — *Дмитриев Н.К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962.
- Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907). СПб., 1907.
- Дмитриевский А.А.* Русская литература в арабских переводах: Особое мнение по вопросу о преподавании русского языка и русской словесности в учительских семинариях Православного Палестинского Общества. Пг., 1915.
- [Добролюбовский]. Юань Ши-кай и его путь к трону (Из сообщения И.А. Добролюбовского в заседании Общества ориенталистов в Харбине 12 декабря 1915 г.). — Вестник Азии. 1922, № 1 (48).
- Документы, 1963 — Документы внешней политики СССР. Т. VII. М., 1963.
- Долинина А.А.* Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870—1914 гг. М., 1968.
- Долинина А.А.* Невольник долга. [О И.Ю. Крачковском]. СПб. 1994.
- Доржиев, Кондратов, 1990 — *Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М.* Гомбожаб Цыбыков. Иркутск, 1990.
- Дорн, 1864 — *Дорн Б.* Азиатский музей. — Записки АН. 1864, т. 5, кн. 2.
- Дорн, 1895 — Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб., 1895.
- Древний Египет, 1960 — Древний Египет. Под ред. В.В. Струве. М., 1960.
- Древний мир, 1915 — Древний мир: Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Ч. I. Восток. Под ред. проф. Б.А. Тураева и И.Н. Бозродина. М., 1915.
- Дубасова З.С.* Библиографические материалы на западных языках о П.И. Кафарове. — Кафаров (сб. ст.), 1979, ч. 3.
- Дубровин, 1878 — Дубровин Н.Ф.* Восточная война 1853—1856 гг. СПб., 1878.
- Дубровин, 1900 — Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1—3. СПб., 1900.
- Дулина Н.А.* Хронологический перечень трудов В.В. Радлова и литературы о нем. — Тюркологический сборник 1971. М., 1972.
- Дулина Н.А.* Список трудов П.М. Мелиоранского и литературы о нем. — Тюркологический сборник 1972. М., 1973.
- Дьяков А.А.* Воспоминание илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864—1871 годах в Илийском крае. — ЗВОРАО. 1908, т. XVIII (1907—1908), вып. 2—3.
- Дьяконова, 1995 — Дьяконова Н.В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции акад. С.Ф. Ольденбурга: 1909—1910 гг. М., 1995.
- Ениколопов, 1954 — Ениколопов П.* Грибоедов и Восток. Ер., 1954.
- Жамцарано Ц.Ж.* Пайзы у монголов в настоящее время. — ЗВОРАО. 1914, т. XXII, вып. 1—2.
- Жамцарано Ц.Ж. и Руднев А.Д.* (ред.). Образцы монгольской народной литературы. Вып. 1. Халхаское наречие (тексты в транскрипции). СПб., 1908.
- Жебелев С.А.* Из воспоминаний о Я.И. Смирнове; Из воспоминаний о старом товарище [Б.А. Тураеве]; С.Ф. Ольденбург. — Вестник древней истории. 1993, № 3.
- Жигарев, 1896 — Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе, ее история в XVII—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи. СПб., 1896.
- Жузе, 1905 — Жузе П.К.* Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. Казань, 1905.
- Жуковский, 1883 — Жуковский В.А.* Али Ауходэддин Энвери: Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1883.

- Жуковский, 1887 — Жуковский В.А. Образчик персидского юмора. — ЗВОРАО. 1887, т. I, вып. 4.
- Жуковский. Секта, 1887 — Жуковский В. Секта «Людей истины» — Ahl-i hakk — в Персии. — Там же, т. II.
- Жуковский В.А. Материалы для изучения персидских наречий. Ч. I—III. СПб.—Пг., 1888—1922.
- Жуковский. Колыбельные, 1889 — Жуковский В.А. Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Ирана. — ЖМНП. 1889, ч. 261, январь.
- Жуковский, 1889 — Жуковский В.А. Персидская свадьба в песнях. — Известия РГО. 1889, т. 25, вып. 3.
- Жуковский, 1891 — Жуковский В.А. Персидская версия Шемякина суда. — ЗВОРАО. 1891, т. V, вып. 2—4.
- Жуковский, 1893 — Жуковский В.А. Образцы персидского базарного стихотворства на современную тему. — ЗВОРАО. 1893, т. VIII, вып. 1—2.
- Жуковский, 1895 (1) — Жуковский В.А. Песни Хератского старца. — Восточные заметки. СПб., 1895.
- Жуковский, 1895 (2) — Жуковский В.А. Человек и познание у персидских мистиков. — Годич. акт имп. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1895.
- Жуковский, 1897 — Жуковский В.А. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия. — Сб. статей учеников профессора барона В.Р. Розена. СПб., 1897.
- Жуковский, 1899 (1) — Жуковский В.А. Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского. СПб., 1899.
- Жуковский, 1899 (2) — Жуковский В.А. Соловей и муравей. — ЗВОРАО. 1899, т. XI, вып. 1—4.
- Жуковский, 1899 (3) — Жуковский В.А. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Саида: Толкования на четверостишия Абу Саида. СПб., 1899.
- Жуковский, 1901 — Чихил Тути. Сказки попугая. Выбрал и словарем снабдил В.А. Жуковский. 2-е изд. СПб., 1901.
- Жуковский, 1902 — Жуковский В.А. Образцы персидского народного творчества. СПб., 1902.
- Жуковский, 1904 — Жуковский В.А. Черты современного положения Персии в ее литературных произведениях. — ЗВОРАО. 1904, т. XVI.
- Жуковский, 1917 — Жуковский В.А. Российский императорский консул Ф.А. Бакулин в истории изучения бабизма. — ЗВОРАО. 1917, т. XXIV.
- Жуковский*, 1926 — Жуковский В.А. Раскрытие скрытого за завесой. (Изд. посмертное, подгот. А.А. Ромаскевичем). Л., 1926.
- Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. — Труды Общества русских ориенталистов. Пг., 1915, 2.
- Жуковский С.В., 1960 — Жуковский С.В. Мой отец. — ОИРВ, V.
- Жураалева В.П. Библиография. — И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993.
- Загоскин Н.П. История Казанского университета за первые сто лет его существования: 1804—1904. Т. I—IV. Казань, 1902—1904.
- Зайончковский, 1908—1913 — Зайончковский А.М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1—2. СПб., 1908—1913.
- Залеман, 1875 — Четверостишия Хакани. Изд. и пер.: К. Залеман. СПб., 1875.
- Залеман, Розен, 1888—1889 — Залеман К.Г., Розен В.Р. Списание персидским, турецко-татарским и арабским рукописям имп. Библиотеки С.-Петербургского университета. — ЗВОРАО. 1888, т. II; 1889, т. III.
- Залесов, 1871 — Залесов Н.Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году. — Русский вестник. 1871, т. 91, № 2—3.
- Затаров И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
- Захаров, 1879 — Затаров И.И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.

* См. [ОИРВ, V. Памяти В.А. Жуковского].

- Зенина, 1962 — *Зенина Л.В.* Н.В. Кюнер — историк Дальнего Востока. — Очерки по истории Ленинградского университета. Т. I. Л., 1962.
- Зенина Л.В.* Н.В. Кюнер (1877—1955). — НАА. 1965, № 6.
- Зибер, 1881 — *Зибер Н.* Община и государство в Нидерландской Индии. — ОЗ. 1881, № 3.
- Зиновьев И.* Эпические сказания Ирана. СПб., 1855.
- Иванов А., 1909 — *Иванов А.И.* Ван Ань-ши и его реформы. XI в. СПб., 1909.
- Иванов А.И.* Материалы по китайской философии: Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб., 1912.
- Иванов, 1916 — *Иванов В.А.* Несколько образцов персидской народной поэзии. — ЗВОРАО. 1916, т. XXIII.
- Иванов, 1917 — *Иванов В.А.* Исмаилитские рукописи Азиатского музея (Собрание И. Зарубина, 1916 г.). — Известия АН, Сер. VI. 1917, т. 11, № 6.
- Ивановский А.О.* О некоторых китайских вещах Археологического музея Томского университета. — ЗВОРАО. 1890, т. IV (1889), вып. 1—2.
- Ивановский А.О.* Тибетский перевод «Послания к ученику». — Там же.
- Ивановский А.О.* О китайском переводе буддийского сборника Jātakamālā. — ЗВОРАО. 1892, т. VII.
- Игнатъев, 1897 — Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году... Н.П. Игнатъева. СПб., 1897.
- Игнатъев, 1914 (1) — Записки графа Н.П. Игнатъева: 1875—1877. — Исторический вестник. 1914, т. 135, № 1 — т. 137, № 7.
- Игнатъев, 1914 (2) — Поездка графа Н.П. Игнатъева по европейским столицам перед войной 1877—1878 гг. — Русская старина. 1914, т. 157, кн. 3—4; т. 158, кн. 5—6; т. 159, кн. 7—9.
- Игнатъев, 1914 (3) — *Тимощук В.* Записки графа Н.П. Игнатъева о его пребывании в Константинополе в 1864—1874 гг. — Там же, т. 157, кн. 4.
- Игнатъев, 1915 — Записки графа Н.П. Игнатъева: 1864—1874. — Там же. 1915, т. 161, кн. 2; т. 162, кн. 3—4 (изд. по: Известия МИД. 1914, кн. II).
- Игнатъев, 1916 — После Сан-Стефано: Записки графа Н.П. Игнатъева... Пг., 1916.
- Игнатъев С.И.* Наши востоковеды (По поводу возникновения нового «Общества русских ориенталистов» в С.-Петербурге). — Исторический вестник. 1910, № 5.
- Из коллекций Н.П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993.
- Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962.
- Иностранцев. Отрывок — *Иностранцев К.А.* Отрывок военного трактата из сасанидской «Книги установлений». — ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. 2—3.
- Иностранцев, 1907 — *Иностранцев К.А.* Торжественный выезд Фатымидских халифов. — Там же.
- Иностранцев. Материалы — *Иностранцев К.А.* Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. — ЗВОРАО. 1908, т. XVIII, вып. 2—3.
- Иностранцев К.* Переселение парсов в Индию и мусульманский мир в половине VIII в. — ЗВОРАО. 1916, т. XXIII, вып. 1—2.
- Институт кн. Безбородко — Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875—1900: Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900.
- Иодко О.В.* Академику Мари-Фелисите Броссе 190 лет; она же (сост.). Список трудов академика М.-Ф. Броссе. — ПВ. Вып. 5. 1994.
- Ионова Ю.В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: Середина XIX — начало XX в. М., 1982.
- Исайя, 1867 — Русско-китайский словарь разговорного языка (пекинского наречия). Сост. и[еромонах] Исайя [И.Ф. Поликин], пекинский миссионер. Пекин, 1867.
- История и культура Китая (Сб. памяти В.П. Васильева). М., 1974.
- История Киева — История Киева в трех томах, четырех книгах. Киев, 1984.
- История Киев. ун-та — История Київського університету: 1834—1859. Київ, 1959.

- История Маньчжурии, 1981 — История Маньчжурии XVII—XX вв.: Библиографический указатель. Кн. 1. Труды по истории Маньчжурии на русском языке. 1781—1975. Владивосток, 1981.
- Кагаров, 1914 (1) — *Кагаров Е.Г.* Адольф Эрман (По поводу шестидесятилетней годовщины со дня рождения). Харьков, 1914.
- Кагаров, 1914 (2) — *Кагаров Е.Г.* Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1914.
- Казем-Бек, 1854 — *Казем-Бек А.К.* Учебные пособия для временного курса турецкого языка, с высочайшего разрешения открытого в имп. Военной академии. СПб., 1854.
- Каль, 1889 — *Каль Е.* Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки. Таш., 1889.
- Кальянов, 1972 — *Кальянов В.И.* Академик Ф.И. Щербатской: Его жизнь и деятельность. — Индийская культура и буддизм. М., 1972.
- Кальянов В.И.* Санскритология. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Калюжная, 1978 — *Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней (1898—1901 гг.): Историография. М., 1978.
- [*Каменский П., Липовцов С.*] Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке имп. Академии наук хранящимся... СПб., 1818.
- Караулов, 1901—1903 — *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX—X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. I—III. Тифлис, 1901—1903.
- Карцов, 1906 — *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886 гг.: Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.
- Карцов, 1908 — *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908; 2-е изд. Пг., 1916.
- [*Кастрен*]. Памяти М.А. Кастрена: К 75-летию со дня смерти. Л., 1927.
- Каталог, 1903 — Каталог библиотеки «Известий Палестинского Православного Общества». СПб., 1903.
- Каталог 6-ки Азиат. деп., 1843 — Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента. СПб., 1843.
- Каталог 6-ки Азиат. деп., 1844 — Каталог книгам и рукописям на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента. СПб., 1844.
- Каталог книг и рукописей библиотеки Лазаревского института восточных языков. М., 1888.
- Каталог фонда акад. С.Ф. Ольденбурга в Центральной научной библиотеке АН ТаджССР. Душ., 1989.
- Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го. М., 1910.
- Кафаров (сб. ст.), 1979 — П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К столетию со дня смерти). Материалы конференции. Ч. 1—3. М., 1979.
- Киняпина и др., 1984 — *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII в. — 80-е годы XIX в.). М., 1984.
- Клейнман, 1981 — *Клейнман Г.А.* Профессор Московского университета П.Я. Петров и его библиотека восточных книг. — Из коллекций редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1981.
- Клеменц, 1895 — *Клеменц Д.А.* Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году. — СТОЭ. Вып. II. 1895.
- Князев Г.Л.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.—Л., 1945.
- Ковалевский А.* Описание восточных рукописей Центральной библиотеки Харьковского государственного университета. — Библиография Востока. Вып. 7. М.—Л., 1934.

- Ковалевский А., 1961 — *Ковалівський А.* Вивчення Сходу в Харківському університеті у XVIII—XX віках. — Антологія літератур Сходу. Харків, 1961.
- Ковалевский Е.П.* Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях. Пг., 1915.
- Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова: 5 января 1907 г. СПб., 1907.
- Козин, 1941 — *Козин С.А.* Тайная история монголов. М., 1941.
- Козлов П.К.* Трехлетнее путешествие (1899—1901 гг.) по Монголии и Тибету. Экспедиция РГО. СПб., 1913.
- Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. 1907—1909: Экспедиция РГО в Нагорной Азии. М.—Пг., 1923.
- Козлов, Козлова, 1991 — *Козлов И.В., Козлова А.В.* Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский: 1827—1914. М., 1991.
- Козлова М.Г.* Россия и страны Юго-Восточной Азии. М., 1986.
- Козьмина-Бороздина Т.Н.* Развитие египтологии в России (Обзор египтологического наследия О.Э. Лемма). — Новый Восток. 1923, кн. 3.
- Коковцов, 1908 — *Коковцов П.К.* Барон В.Р. Розен (1849—1908). — Известия АН, Сер. VI. 1908, № 2.
- Коковцов, 1920 — *Коковцов П.К.* Борис Александрович Тураев. — Там же. 1920, т. XIV.
- Коковцов, 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Кон Ф.Я.* Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902). Казань, 1902.
- Кондаков, 1904 — Археологическое путешествие по Сирии и Палестине Н.П. Кондакова. СПб., 1904.
- Кононов, 1960 — *Кононов А.Н.* Восточный факультет Ленинградского университета. — Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960 (Ученые записки ЛГУ, № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13).
- Кононов А.Н.* В.В. Радлов и отечественная тюркология. — Тюркологический сборник 1971. М., 1972.
- Кононов, 1972 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1972.
- Кононов, 1974 — Библиографический словарь отечественных тюркологов: До-октябрьский период. Под ред. и с введ. А.Н. Кононова. М., 1974; 2-е изд. 1989.
- Конрад Н.И.* Запад и Восток: Статьи. М., 1972.
- Конрад Н.И.* Японская литература: От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974.
- Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М., 1996.
- Концевич, 1958 — *Концевич Л.Р.* Библиографический указатель работ по корейскому языкознанию. — Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.—Л., 1958.
- Концевич Л.Р.* Корейский язык. — Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.
- Концевич, 1976 — *Концевич Л.Р.* Г.В. Подставин: К столетию со дня рождения. — НАА. 1976, № 1.
- Концевич, 1993 — *Концевич Л.Р.* Е.Д. Поливанов и его вклад в корейское языкознание. — ПВ. Вып. 4. 1993.
- Корейские тексты — Корейские тексты. СПб., 1898.
- Коростовец И.Я.* Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896.
- Коростовец И.Я.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922.
- Коростовцев, 1960 — *Коростовцев М.А.* Путешествие египтянина Унамуна в Библ: Египетский иератический папирус № 120 ГМИИ. М., 1960.
- Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М., 1976.
- Коростовцев, Ходжаш 1 — *Коростовцев М.А., Ходжаш С.И.* Владимир Георгиевич Бок (1850—1899). — ОИРВ, III.
- Коростовцев, Ходжаш 2 — *Коростовцев М.А., Ходжаш С.И.* Адриан Викторович Прахов (1846—1916). — Там же.
- Корсаков В.В.* Пекинские события: Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май—август 1900 г. СПб., 1901.

- Косвен, 1958 — *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — Труды Института этнографии, Новая серия. М., 1958, т. XXVI (Кавказский этнографический сборник, II).
- Косвен, 1961 — *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961.
- Котвич В.Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914.
- Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Пг., 1921.
- Котвич В.Л.* Исследование по алтайским языкам. Пер. с польск. М., 1962.
- Коцейовский, 1913 — *Коцейовский А.Л.* Иератическая часть Берлинского папируса 3008: Призывания Изиды и Нефтиды. — Записки Классического отделения РАО. 1913, 7.
- Коцейовский, 1917 — *Коцейовский А.Л.* Тексты пирамид. Т. I. — ЗНУ. 1917 (на обл. 1918), т. 14.
- Краснодембская, 1983 — *Краснодембская Н.Г.* От Львиного острова до Обители снегов: Рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии. М., 1983.
- Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии. Сост.: К.Г. Залеман и В.А. Жуковский. СПб., 1890.
- Крачковская, 1954 — *Крачковская В.А.* И.Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине (1908—1911 гг.). — Палестинский сборник. М.—Л., 1954, 1 (63).
- Крачковский, 1911 — Ислам И. Гольдциэра. Пер. И. Крачковского под ред. и с предисл. приват-доцента А.Э. Шмидта. СПб., 1911.
- Крачковский, 1914 — *Крачковский И.Ю.* Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский: Материалы для поэтического творчества. СПб., 1914 (Изд. ФВЯ, № 41).
- Крачковский, 1928 — *Крачковский И.Ю.* В.Ф. Гиргас (К сорокалетию со дня его смерти). — ЗКВ. 1928, т. III, вып. 1.
- Крачковский, 1950/1958 — *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950 (=Избранные сочинения. Т. V. М.—Л., 1958).
- Крачковский, 1955/1965 — *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. — Избранные сочинения. Т. I. М.—Л., 1955; 4-е изд. М., 1965.
- Крачковский И.Ю.* Чернышевский и ориенталист Г.С. Саблуков. — Там же.
- Крачковский, 1956 — *Крачковский И.Ю.* Арабская средневековая художественная литература (поэзия и проза). — Там же, т. II.
- Крачковский. Ист. роман. — *Крачковский И.Ю.* Исторический роман в современной арабской литературе. — Там же, т. III.
- Крачковский, 1957 — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. — Там же, т. IV.
- Крачковский И.Ю.* П.К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861—1942). — Там же, т. V.
- Крачковский, 1958 см. Крачковский, 1950/1958.
- Крачковский, 1965 см. Крачковский 1955/1965.
- Кротков Н.* Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибиряков, живущих в Илийской области и Тарбагатае. — ЗВОРАО. 1912, т. XXI, вып. 2—3.
- Крымский, 1896 — *Крымский А.Е.* Очерк развития суфизма ... до конца III века Гижры. — ДВ. 1896, т. II, вып. 1.
- Крымский, 1900 — *Крымский А.Е.* Арзакиды, Сасаниды и завоевание Ирана арабами. М., 1900.
- Крымский. Ислам, 1900 — *Крымский А.Е.* Ислам, его возникновение и старейший период его истории (Пособие к лекциям). [Б.м., 1900].
- Крымский, 1901—1903 — *Крымский А.Е.* Лекции по истории семитских языков. Вып. 1—2. [Б.м.], 1901—1903.
- Крымский, 1902 — *Крымский А.Е.* История мусульманских народов. Ч. I. Арабы. [Б.м., б.г.] (Лигогр.).
- Крымский. Источники, 1902 — *Крымский А.Е.* Источники для истории Мохаммеда I: От Орвы до Ибн Исхака с Ибн Хишамом. — ТВЛИВЯ. 1902, вып. 13.

- Крымский. Лекции по Корану, 1902 — *Крымский А.Е.* Лекции по Корану: Суры старейшего периода. [Б.м.], 1902.
- Крымский. История арабов, 1903 — *Крымский А.Е.* История арабов, их халифат, их дальнейшие судьбы и краткий очерк арабской литературы. [Б.м.], 1903 (Литогр.).
- Крымский. История мусульманства, 1903 — *Крымский А.Е.* История мусульманства: Самостоятельные очерки, обработки и дополнительные переводы из До-зи и Гольдциера. Ч. I—II. М., [б.г.] (Литогр.); 2-е изд., значит. изменен. и доп. 1904.
- Крымский, 1903—1906 — *Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и державской теософии. Т. I—III. М., 1903—1906; то же. Т. I, III. — ТВЛИВЯ. 1914—1915, вып. 16.
- Крымский, 1910—1912 — *Крымский А.Е.* Семитские языки и народы. Ч. I—III. М., 1910—1912.
- Крымский, 1911 — *Крымский А.Е.* Арабская литература в очерках и образцах. М., 1911.
- Крымский, 1911—1913 — *Крымский А.Е.* История арабов и арабской литературы, светской и духовной. Ч. I—III. — ТВЛИВЯ. 1911—1913, вып. 14, № 1—2.
- Крымский, 1912 — *Крымский А.Е.* История мусульманства. Ч. III. Очерки религиозной жизни. М., 1912.
- Крымский, 1913 — *Крымский А.Е.* Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем. — ДВ. 1913, т. IV.
- Крымский А. В.Ф.* Миллер. — Голос минувшего. 1913, № 12.
- Крымский, 1915 — *Крымский А.Е.* Персия. — Энциклопедический словарь Гранат. Т. 32. М., 1915.
- Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. Т. I—II. — ТВЛИВЯ. 1916, вып. 28—29.
- Крымский, 1971 — *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы. М., 1971.
- Крымский А.Е.* Письма из Ливана: 1896—1898. М., 1975.
- Кузнецов, 1969 — *Кузнецов В.С.* Симпозиум по истории востоковедения во Владивостоке. — НАА. 1969, № 6.
- Кузнецова. К истории бабизма, 1963 — *Кузнецова Н.А.* К истории изучения бабизма и бехаизма в России. — ОИРВ, VI.
- Кузнецова, 1963 — *Кузнецова Н.А.* Первая русская сводная работа по истории русско-иранских отношений. — КСИНА. 1963, вып. 39.
- Кузнецова, 1968 — *Кузнецова Н.А.* О малоизвестной стороне деятельности В.В. Стасова. — НАА. 1968, № 1.
- Кузнецова и Данциг, 1956 — *Кузнецова Н.А.* и *Данциг Б.М.* И.Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку. — КСИВ. 1956, XXII.
- Кузьмин, 1900 — *Кузьмин Н.Д.* Элементарное пособие к изучению корейского языка с грамматическими правилами и фразами для упражнений. Ч. 1—2. Хабаровск, 1900.
- Куликова, 1990 — *Куликова А.М.* Обзор архивных источников о Д.Н. Кудрявском. — ППИПИК.
- Куликова, 1994 — *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994.
- Куник, Розен, 1878—1903 — *Куник А., Розен В.* Известия ал-Багри и других авторов о Руси и славянах. Т. I—II. СПб., 1878—1903.
- Курдоев, 1955 — *Курдоев К. Х.* Абовян как курдовед-этнограф. — Известия АН АрмССР. 1955, № 10.
- Курдоев. Критика, 1955 — *Курдоев К.* Критика ошибочных взглядов на курдский язык. — КСИВ. 1955, т. II.
- Курдоев, 1959 — *Курдоев К.* Труды П.И. Лерха по курдоведению (К вопросу об изучении истории курдов в России). — ОИРВ, IV.
- Курдоев, 1973 — *Курдоев К.* Труды А. Жаба и его роль в развитии курдоведения. — Рийа таза. 1973, № 12, февраль (на курд. яз.).

- Курдоев, 1975 — *Курдоев К.* Академик И.А. Орбели и курдоведение. — Труды курдской АН Ирака. Багдад, 1975 (на курд. яз.).
- Курдоев, 1976 — *Курдоев К.* Труды С.А. Егиазарова по курдской этнографии. — Рийа таза. 1976, № 92 (на курд. яз.).
- [*Журоно*]. Самоучитель японского языка, составленный Иосибуми Куроно, преподавателем японского языка при имп. С.-Петербургском университете, и В.П. Панаевым, действительным членом имп. Русского Географического общества. СПб., 1913.
- Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988.
- Кухтина Т.Н.* Библиография Афганистана. М., 1965.
- Кычанов, 1965 — *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письмена. М., 1965.
- Кюннер, 1907—1908 — *Кюннер Н.В.* Описание Тибета. Ч. 1, вып. 1—2. — ИВИ. 1907, т. XXI—XXII; ч. 2, вып. 1—2. 1908, т. XXVI—XXVII.
- Кюннер, 1910 — *Кюннер Н.В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. 1. Владивосток, 1910.
- Лавров, 1966 — *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Кавказа X—XVII вв. М., 1966.
- Лазарев, 1864 — *Лазарев Л.* Турецко-татарско-русский словарь наречий османского, крымского и кавказского. С приложением краткой грамматики. М., 1864.
- Ларцев, 1988 — *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. М., 1988.
- Лебедев В.В., Васильева О.В.* Из истории формирования восточных рукописных фондов ГПБ. — Восточный сборник. Вып. 4. Л., 1990.
- Лебедева [Тараканова] Е.П.* Библиографические материалы о китаеведе Д.А. Пещурове. — XIX науч. конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1988.
- Легкобытов, 1838 — *Легкобытов В.С.* Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении. СПб., 1838.
- Лемке М. Н.М.* Ядринцев: Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894—7/VI 1904). СПб., 1904.
- Ленинградский ун-т — Ленинградский университет: 1819—1944. [М.], 1945.
- Леонтьев, 1914 — *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии. — Собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1914.
- Лерх I—III — *Лерх П.И.* Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. I—III. СПб., 1856—1858.
- Ливотова, 1956 — *Ливотова О.Э.* Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения АН СССР: 1776—1954. — ОИРВ, II.
- Ливотова О.Э., Португаль В.Б.* Востоковедение в изданиях Академии наук 1726—1917: Библиография. М., 1966.
- Лившиц, 1974 — *Лившиц В.* Предисловие. — В.В. Бартольд. Сочинения. Т. VII. М., 1971.
- Липин, 1954 — *Липин Л.А.* М.В. Никольский — отец русской ассириологической науки. — Ученые записки ЛГУ. 1954, № 179. Серия востоковедческих наук, вып. 4.
- Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов. М., 1971.
- Лихачев, 1906 — *Лихачев Н.П.* Древнейшая сфрагистика. СПб., 1906.
- Лихачев, 1907 — *Лихачев Н.П.* Древнейшие буллы и печати Ширпурлы. СПб., 1907.
- Лихутин, 1863 — *Лихутин М.Д.* Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах: Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863.
- Логофет Д.Н.* На границах Средней Азии: Путевые очерки. Кн. 1—3. СПб., 1909.
- Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I—II. СПб., 1911.
- Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Таш., 1958.

- Лукин Б.В. Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917 гг.). — История материальной культуры Узбекистана. [Сб.] I. Таш., 1959.
- Лукин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность: Конец XIX — начало XX в. Таш., 1962.
- Лукин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Таш., 1965.
- Лукин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Таш., 1979.
- Лукин, 1981 — Лукин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. Таш., 1981.
- Лэн-Пуль, 1899 — *Лэн-Пуль Стэнли*. Мусульманские династии: Хронолог. и генеалог. таблицы с ист. введениями. Пер. с англ. с предисл., примеч. и доп. В.В. Бартольда. СПб., 1899.
- Любимов А.Е. О неизданных трудах о Иакинфа и рукописях проф. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. — ЗВОРАО. 1908, т. XVIII (1907—1908), вып. 1.
- Люстерник, 1966 — Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966.
- Люстерник, 1975 — Люстерник Е.Я. Научная экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индии в 1914—1918 гг. — Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. 4. Л., 1975.
- Лян Цичао. Ли Хунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет. Пер. с кит.: А.Н. Вознесенский и Чжан Чинтун. СПб., 1905.
- Мазитова Н.А. Изучение ислама в Казани в XIX в. — Ислам в истории народов Востока (Сб. статей). М., 1981.
- Максимов, 1867 — Максимов В.А. Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендигяре и Карамании. СПб., 1867.
- Малама, 1874 — Малама Я.Д. Описание Эрзерумского вилайета. Под ред. Г.И. Бобрикова. СПб., 1874.
- Малов С.Е. Два уйгурских документа. — Владимиру Васильевичу Бартольду. Таш., 1927.
- Малов, 1951 — Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
- Мальмберг, 1916 — Мальмберг В.К. Старый предрассудок: К вопросу об изображении человеческой фигуры в египетском рельефе. М., 1916.
- [Мальмберг]. Сборник в честь профессора В.К. Мальмберга. М., 1917.
- Мандельштам, 1906 — Мандельштам А.Н. Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформы. Ч. I. Общая характеристика консульской юрисдикции иностранных держав в Османской империи. СПб., 1906.
- Мандельштам, 1915 — Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава: Историко-политический очерк. — Русская мысль. 1915, кн. V—VI.
- МАО, 1915 — Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). М., 1915.
- Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа. СПб., 1896.
- Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Марр, 1908 — Марр Н.Я. Барон В.Р. Розен и христианский Восток: Памяти барона В.Р. Розена. — ЗВОРАО. 1908, т. XVIII (Прил.).
- Марр, 1911 — Марр Н.Я. Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии). — ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 2—3.
- Марр, 1933 — Марр Н.Я. Доистория, предистория, история и мышление. — Известия Гос. Академии истории и материальной культуры. Л., 1933, вып. 74.

- Марр и вопросы арменоведения. Ер., 1968.
- Марр, Орбели, 1922 — *Марр Н.Я., Орбели И.А.* Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1922.
- Мартинович, 1909 — *Мартинович Н.* Турецкая сказка «Об угадчике поневоле». — Записки РГО, Отд-ние этнографии. 1909, т. 34.
- Мартинович, 1911 — *Мартинович Н.* Малоазийские сказки, рассказы и анекдоты (Из материалов по османскому фольклору). СПб., 1911.
- Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. 1—4. Таш., 1955—1971.
- Массон, Ромодин, 1969 — *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана: Афганистан в новое время. Т. 2. М., 1969.
- Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч. 1—2. Пг., 1915—1917.
- Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине см. Веселовский, 1905.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX веках. Сост.: В.Ф. Гнучева. — Труды Архива АН СССР. М.—Л., 1940, вып. 4.
- Машанов, 1885 — *Машанов М.А.* Очерк религиозного быта арабов-язычников в эпоху Мухаммеда. Казань, 1885.
- Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 1. Исследование источника. СПб., 1903; т. 2. Приложение I—III. СПб., 1897.
- Медников, 1904 — *Медников Н.А.* Парадигмы глагольных форм арабского классического языка. СПб., 1904.
- Межов, 1891—1894 — *Межов В.И.* Библиография Азии: Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к Азиатским государствам. Т. 1—3. СПб., 1891—1894.
- Мелиоранский, 1900 — Араб-филолог о турецком языке. Араб. текст изд. и снабдил пер. и введ. И.И. Мелиоранский. СПб., 1900.
- Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. 1900, т. XII.
- Мелналкисн, 1974 — *Мелналкисн А.И.* Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К.А. Скачкова. М., 1974.
- Мельгунов, 1863 — О южном берегу Каспийского моря: Замечания Г. Мельгунова. — Записки АН. 1863, т. 3, Прил. 5.
- [Мендрин]. *Садзанами Сандзин.* Нихон мукаси банаси. Сказания древней Японии. Пер. с яп. с примеч. В.М. Мендрин. СПб., 1910.
- Мендрин В.М. Соробун. Анализ японского эпистолярного языка. — ИВИ. 1914, т. XLVIII, вып. 1—2.
- Меньшиков Л.Н. Дуньхуанский фонд: Список работ по дуньхуановедению, опубликованных российскими учеными. — ПВ. Вып. 4. 1993.
- Меньшиков Л.Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. — Там же.
- Мерварты, 1927 — *Мерварт А. и Л.* Отчет об этнографической экспедиции в Индии в 1914—1918 гг. Л., 1927.
- Мещанинов, 1917 — *Мещанинов И.* Эламские древности. — Вестник археологии и истории. Пг., 1917, XXII.
- Мещерская, Юзбашян, 1986 — *Мещерская Е.Н., Юзбашян К.Н.* Столетие Российского Палестинского общества. — Палестинский сборник. История и культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. 1986, вып. 28 (91).
- Милибанд, 1980 — *Милибанд С.Д.* Труды академика Бориса Александровича Тураева. — Древний Восток. 1980, вып. 2.
- Милибанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. Т. I—II. М., 1995.
- Миллер А., 1906 — *Миллер А.* Прошлое и настоящее Сеистана: Очерк. — Живая старина. 1906, вып. 3—4.

- Миллер А., 1909 — *Миллер А.* Малиат Керманской области 1905 года. — МИВ, вып. 1.
- Миллер В.Ф.* Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. 1. Ашвины-Диоскуры. М., 1876.
- Миллер В.Ф.* Ассирийские заклинания и русские народные заговоры. — Русская мысль. 1896, кн. 7.
- Милютин, 1846 — *Милютин Д.А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб., 1846.
- [*Минаев*]. Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию... 4) кандидата Ивана Минаева [17 февраля 1865 г.] — ЖМНП. 1865, ч. 126, № 5, отд. III.
- [*Минаев*]. Пратимокша-сутра, буддийский служебник, изд. и пер. И. Минаевым. — Записки АН. 1869, т. 16, № 1 (Прил.).
- Минаев И.П.* Очерк фонетики и морфологии языка пали. СПб., 1872.
- [*Минаев*]. Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году И.П. Минаевым. — Записки ИФФ Петербург. ун-та. 1876, ч. 2; М., 1966.
- Минаев, 1878* — *Минаев И.П.* Очерки Цейлона и Индии: Из путевых заметок русского. Ч. 1—2. СПб., 1878.
- Минаев, 1879* — *Минаев И.П.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.
- Минаев, 1884* — Об изучении Индии в русских университетах: Речь, читанная на акте С.-Петербургского университета 8 февраля 1884 г. ординарным профессором И.П. Минаевым. — Отчет о состоянии имп. С.-Петербургского ун-та и деятельности его ученого сословия за 1883 г. СПб., 1884.
- Минаев.* Русские помыслы — *Минаев И.П.* Русские помыслы об Индии в старину. — ЖМНП. 1884, ч. 235, № 10.
- Минаев, 1887* — *Минаев И.П.* Буддизм: Исследования и материалы. Т. I, вып. 1—2. — Записки ИФФ Петербург. ун-та. 1887, ч. 16.
- Минаев.* Дневники — *Минаев И.П.* Дневники путешествий в Индию и Бирму: 1880 и 1885—1887 гг. М., 1955.
- Минаев, 1959* — Новый документ И.П. Минаева об Индии второй половины XIX в. (Публ. Г.В. Богдановой и Е.П. Ворожейкиной). — Проблемы востоковедения. 1959, № 3.
- Минаев* (сб. ст.) — Иван Павлович Минаев (Сб. статей). М., 1967.
- Минорский В.Ф.* Материалы для изучения персидской секты «Люди Истины», или Али-Илахи. Ч. 1. Предисл., тексты и пер. — ТВЛИВЯ. 1911, вып. 33.
- Минорский.* Курды, 1915 — *Минорский В.Ф.* Курды: Заметки и впечатления. — Известия МИД. Пг., 1915, № 3.
- Минорский, 1915* — Турецко-персидская граница: Донесения рос. имп. комиссара... надв. сов. В.Ф. Минорского в 1914 году. — МИВ, вып. 2.
- Минорский, 1916* (1) — *Минорский В.Ф.* Древности Маку: Путевые заметки. Пг., 1916.
- Минорский, 1916* (2) — *Минорский В.Ф.* Турецко-персидское разграничение. — Известия РГО. 1916, т. 52, вып. 5.
- Минорский, 1917* — *Минорский В.* Келяшин, стела у Топузова и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера. — ЗВОРАО. 1917, т. XXIV.
- Миронов Н.Д.* Каталог индийских рукописей Азиатского Музея. Вып. 1. Пг., 1914.
- Миронов Н.Д.* Каталог индийских рукописей Российской Публичной библиотеки: Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Вып. 1. СПб., 1918.
- Михайлова, 1987* — *Михайлова Ю.Д.* Выдающийся буддолог О.О. Розенберг: 1888—1919. — ПДВ. 1987, № 3.
- Михайлова, 1989* — *Михайлова Ю.Д.* К столетию со дня рождения О.О. Розенберга (1888—1919). — Япония: Ежегодник 1987. М., 1989.
- Могиланский Н.[М.]* Памяти Д.А. Клеменца. — Материалы по этнографии России. СПб., 1914.

- [*Монастырев*]. Конфуциева летопись Чунь-цю. Пер. Н. Монастырева. СПб., 1876.
- [*Монастырев*]. Примечания к Чунь-цю. Сост. Н. Монастыревым. СПб., 1876.
- Морозова Н.В.* Материалы по истории Китая в коллекции К.А. Скачкова. — XIV науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1983.
- Мсерианц*, 1898 — *Мсерианц Л.* Десятилетие Восточной комиссии имп. Московского Археологического общества. — Известия Калужской ученой архивной комиссии. 1898, т. 1.
- Музей им. Александра III, 1912 — Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве: Краткий иллюстрированный путеводитель. Ч. I. Египет, Вавилоно-Ассирия, Греция, Рим. М., 1912.
- Музей при Моск. ун-те, 1917 — Музей изящных искусств при Московском университете: Описание египетского собрания. I. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания. Пг., 1917.
- Муравьев*, 1877 — *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказом в 1885 г. Т. 1—2. СПб., 1877.
- Муркос*, 1896—1900 — Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. I—V. Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1896—1900.
- Мусаэлян*, 1963 — Библиография по курдоведению (с XVI в.). Сост. Ж.С. Мусаэлян. М., 1963; 2-е изд., доп. СПб., 1996.
- Навроцкий*, 1867 — *Навроцкий М.Т.* Опыт грамматики арабского языка. СПб., 1867.
- Надлер*, 1869 — *Надлер В.К.* Культурная жизнь арабов в первые века гиджры (622—1100) и ее выражение в поэзии и искусстве. Харьков, 1869.
- Назирова Н.Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.
- Никитин*, 1986 — *Никитин Д.* Русский археологический институт в Константинополе. — ААС 1986, № 12.
- Никифоров*, 1970 — *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
- Никольская*, 1991 — *Никольская С.В.* «Очерк истории китайской литературы» В.П. Васильева и роман У Чэн-эня «Путешествие на Запад». — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1991.
- Никольский*, 1883—1884 — *Никольский М.В.* Ассирийские клинообразные тексты с транскрипцией и подстрочным русским переводом: выпуск первый, содержащий подробную таблицу знаков и силлабарий; выпуск второй. Сумерийский гимн богу огня IV-го тысячелетия до Р.Х. М., 1883—1884.
- Никольский*, 1889 — *Никольский М.В.* Мотивированное предложение об образовании Восточной комиссии. — ДВ. 1889, т. I, вып. 1 (Протоколы заседаний Вост. комиссии имп. Моск. археол. об-ва).
- Никольский*, 1891 — *Никольский М.В.* К вопросу об изображении женских божеств на вавилонских цилиндрах и статуэтках. — ДВ. 1891, т. I, вып. 2.
- Никольский*, 1893 — *Никольский М.В.* Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. — ДВ. 1893, т. I, вып. 3.
- Никольский*, 1896 — *Никольский М.В.* Клинообразные надписи Закавказья. — Материалы по археологии Кавказа. V. М., 1896.
- Никольский*, 1908—1915 — *Никольский М.В.* Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеев из собрания Н.П. Лихачева. [Ч. I]. — ДВ. 1908, т. III, вып. 2; *он же.* Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи из собрания Н.П. Лихачева. Ч. II. Эпоха династии Агаде и эпоха династии Ура. — ДВ. 1915, т. V.
- Никольский*, 1914 — *Никольский М.В.* Всеволод Федорович Миллер как востоковед. — Древности. Труды имп. Моск. археол. об-ва. 1914, т. XXIV; М., 1914.
- Новиков*, 1867, № 5 — *Н.С.* Константинопольские письма (1861—1866). — Русский вестник. 1867, № 5 (май).
- Новиков*, 1867, № 7 — *Н.С.* Две поездки в Бруссу... — Там же, № 7 (июль).

- Нурмекунд, 1968 — *Нурмекунд П.П.* Краткий очерк истории востоковедения в Тартуском университете. — Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1968, вып. 201 (на эст. яз.).
- Нурмекунд. Китаеведение — *Нурмекунд П.П.* Китаеведение в Тартуском университете. — Там же. 1973, вып. 313 (на эст. яз.).
- Нурмекунд, 1973 — *Нурмекунд П.П.* На пороге эстонской алтаистики. — Там же (на эст. яз.).
- Обозрение ФВЯ, 1915 — Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков имп. Петроградского университета в осеннем полугодии 1915 г. Пг., 1915.
- Обручев, 1897 — *Обручев В.А.* Краткий обзор экспедиций, снаряженных имп. Русским Географическим обществом для исследования материка Азии с 1846 по 1896 г. — ИВСОРО. 1897, т. 27.
- Общество и государство в Китае: Указатели (I—XX науч. конференции). Отв. ред. и сост. А.Д. Дикарев. М., 1989.
- Общество и государство в Китае: Список докладов (XXI—XXV науч. конференции). Сост. А.Д. Дикарев. М., 1994.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. Опыт изучения вакхических культов... Ч. 1. Культ божества Soma в древней Индии в эпоху Вед. — ЗНУ. 1884, т. 39.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. К истории культа огня у индусов в эпоху Вед. — ЗНУ. 1887, т. 45.
- Огородников, 1846 — *Огородников Е.* Замечания о якутском языке. — ОЗ. 1846, т. XLVII.
- Ольденбург С.Ф. Буддийские легенды и буддизм. — ЗВОРАО. 1895, т. IX.
- Ольденбург, 1896 — *Ольденбург С.Ф.* Буддийские легенды. Ч. 1. СПб., 1896.
- Ольденбург, 1897 — *Ольденбург С.Ф.* Памяти Ивана Павловича Минаева: 9 октября 1840 — 1 июня 1890. — ЗВОРАО. 1897, т. X, вып. 1—4.
- Ольденбург, 1901 — *Ольденбург С.Ф.* Буддийское искусство в Индии. По поводу книги: Grünwedel A. Buddhistische Kunst in Indien. — Известия АН. 1901, т. 14, № 2.
- Ольденбург С.Ф. Ивановский А.О.: Некролог. — ЖМНП. 1903, ч. 346, апрель.
- Ольденбург С.Ф. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. — Там же, ч. 349.
- Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана. — Там же. 1904, ч. 353, июнь.
- Ольденбург С.Ф. Краткий предварительный отчет о командировке Б.Б. Барадийна. — Протоколы РКИСВА. 1908, № 8.
- Ольденбург, 1910 — *Ольденбург С.Ф.* [О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского]. — ЗВОРАО. 1910, т. XIX.
- Ольденбург, 1911 — *Ольденбург С.Ф.* Памяти Николая Федоровича Петровского (1837—1908). — ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1.
- Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-хото (Образы тибетского письма). СПб., 1914.
- Ольденбург, 1914 — Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг., снаряженная... Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет составил С.Ф. Ольденбург. С 53-мя табл., 1 планом вне текста и 73 рис. и планами в тексте, фотогр. и рис. художника С.М. Дудина и планом инженера Д.А. Смирнова. СПб., 1914.
- Ольденбург С.Ф. Василий Васильевич Радлов: 5.I.1837 — 29.IV/12.V.1918 — Известия РАН, Сер. VI. 1918, № 12.
- Ольденбург, 1918 (1) — *Ольденбург С.Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму: 1818—1918. — Там же, № 7.
- Ольденбург, 1918 (2) — *Ольденбург С.Ф.* Валентин Алексеевич Жуковский (1858—1918): Попытка характеристики деятельности ученого. — Там же, № 16.

- Ольденбург и др. — *Ольденбург С., Коковцов П., Марр Н., Бартольд В.* Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского. — Там же.
- Ольденбург и др. 1918 — *Ольденбург С.* и др. Записка об ученых трудах профессора Бориса Александровича Тураева. — Там же.
- Ольденбург С.Ф.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане. — Казанский музейный вестник. 1921, № 1—2.
- Ольденбург С.Ф.* Пещеры тысячи будд. — Восток. 1922, № 1.
- Ольденбург С.Ф.* Культура Индии. М., 1991.
- Ольденбург (сб. ст.) — Сергей Федорович Ольденбург (Сб. статей). М., 1986.
- Ольденбургу (сб. ст.) — Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934.
- Описание Кореи, 1900 — Описание Кореи. Сост. в канцелярии министра финансов. Ч. I—III. СПб., 1900.
- Описание Кореи, 1960 — Описание Кореи. Сокр. переизд. М., 1960.
- Описание Маньчжурии. Т. 1. Под ред. Д. Позднеева. СПб., 1897.
- Оранский, 1972 — *Оранский И.М.* Древнеиранская филология и иранское языкознание. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Орбели И., Тревер К.* Временная выставка сасанидских древностей. Пг., 1922.
- Орлов А.* Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1873.
- Пак Б.Д.* Россия и Корея. М., 1979.
- Палладий, 1875 — А.П. [Рец. на:] Опыт Русско-корейского словаря. Сост. М. Пущило. СПб., 1874. — Известия РГО. 1875, т. 11, вып. 6.
- Палладий, Попов, 1888 — Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской Духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. Т. 1—2. Пекин, 1888.
- Памяти Подставина — Памяти проф. Григория Владимировича Подставина. — Вестник Азии. 1924, № 52.
- Памяти барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1909.
- Памяти Розена, 1947 — Памяти академика В.Р. Розена: Статьи и материалы к собокалетию со дня его смерти... Под ред. И.Ю. Крачковского. М.—Л., 1947.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I—III. [Изд. Н.И. Веселовского]. СПб., 1890—1898.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. Изд. под ред. Г.Ф. Карпова. — Сборник имп. Рус. ист. об-ва. Т. 41. СПб., 1884.
- Пан, 1991 — *Пан Т.А.* Архивные материалы А.В. Гребенщикова по шаманству маньчжуров. — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991.
- Пасыпкин, 1901 — *Пасыпкин Е.А.* Военное искусство Древнего Египта. СПб., 1901.
- Пашино, 1868 — *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. СПб., 1868.
- Пашино, 1876 — *Пашино П.И.* Полгода в стране баядерок и кудесников: Путевые впечатления. — Природа. 1876, кн. 1.
- Пашино, 1884 — *Пашино П.И.* Из воспоминаний драгомана. — Колосья. СПб., 1884, № 7—8.
- Пашино, 1885 — *Пашино П.И.* Вокруг света. Т. 1. По Индии: Путевые впечатления. СПб., 1885.
- Пашино, 1887 — *Пашино П.И.* Из воспоминаний секретаря посольства (о тегеранской жизни). — Колосья. 1887, № 7—8.
- Пашков, 1956 — *Пашков Б.К.* Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности. — КСИВ. 1956, XVIII. Языкознание.
- Пеацов М.В.* Труды Тибетской экспедиции 1889—1890. Ч. I—III. СПб., 1892—1896.

- Певцов, 1902 — *Певцов М.Г.* Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники (Краткий очерк). — Военный сборник. 1902, № 10.
- Песоцкий, 1912 — *Песоцкий В.Д.* Корея накануне аннексии. — Записки Приамурского отдела имп. Общества востоковедения. Хабаровск, 1912, вып. 1.
- Периханян А.Г.* Карл Германович Залеман. — ОИРВ, IV.
- Перская И.Ю.* Источники по истории Индонезии с древнейших времен по 1917 год: Библиография публикаций по фондам библиотек Москвы и Ленинграда. Ч. 1. М., 1974.
- Петкович, 1883 — *Петкович К.Д.* Ливан и ливанцы: Очерки нынешнего состояния автономного ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, политическом и религиозном отношениях. — СМА. 1885, вып. XIX.
- Петров А.* Китай за последнее десятилетие (Социально-политический очерк). СПб., 1910.
- Петров Н.А., 1956 — *Петров Н.А.* Академик В.П. Васильев и восточный факультет. — Вестник ЛГУ. 1956, № 8.
- Петров П.Я., 1870 — *Петров П.Я.* О главных наречиях Северной Индии. — Моск. унив. известия. 1870, № 5.
- Петрова О.П. и Горегляд В.Н.* Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 1—6. М., 1963—1971.
- Пещуров А.*, 1863 — С клипера «Гайдамак» (Из частного письма А. Пещурова). — Морской сборник. 1863, т. XVI, № 5.
- Пещуров Д.А.* Китайско-русский словарь. СПб., 1887.
- Пещуров Д.А.* Китайско-русский словарь (По графической системе). СПб., 1891.
- Пиотровский, 1959 — *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство. СПб., 1959.
- Пиотровский, 1962 — *Пиотровский Б.Б.* Искусство Урарту: VIII—VI вв. до н.э. Л., 1962.
- Платонову (сб. ст.) — С.Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели: Сб. статей. СПб., 1911.
- [*Поджо*]. Очерки Кореи. Сост. по запискам М.А. Поджо с прил. карты п-ова Кореи. СПб., 1892.
- Подпалова Г.И.* Русское японоведение в XVIII — начале XX в. (Библиографический очерк). — Япония 1991—1992: Ежегодник, М., 1994.
- Позднеев А.М.* Города Северной Монголии. СПб., 1880.
- Позднеев А., 1887 — *Позднеев А.М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887; Элиста, 1993.
- Позднеев А., 1896—1898 — *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. 1—2. СПб., 1896—1898.
- Позднеев Д., 1898 — *Позднеев Д.М.* Тайпинское восстание в Китае. — ЖМНП. 1898, июль.
- Позднеев Д., 1899 — *Позднеев Д.М.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.
- Позднеев Д., 1906 — *Позднеев Д.М.* Япония: Географическо-статистический очерк. Токио, 1906.
- Позднеев Д.М.* Ro-yaku Kanwa jiten. Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио, 1908.
- Позднеев Д., 1909 — *Позднеев Д.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. I—II. Иокохама, 1909.
- [*Позднеев Д.*] *Новый А.* [псевд.]. Япония и Россия: [Статьи] I—VI. — Россия. [СПб.], 14/27.04.1909 (№ 1039) — 18/30.06.1909 (№ 1121).
- Позднеев Д.М.* Новый иероглифический японо-корейско-китайский словарь как попытка определения минимального числа иероглифов, общих для трех языков. — ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 2—3.
- Полевой С.А.* Периодическая печать в Китае. Владивосток, 1913.

- Поливанов Е.* Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. — ЗВОРАО. 1914, т. XXII, вып. 1—2.
- Полозов, 1902 — *Полозов А.А.* Северо-западная граница Индии (Краткое военно-статистическое описание). Таш., 1902.
- Попов И.И.* Д.А. Клеменц, его жизнь и деятельность. — Д.А. Клеменц. Из прошлого: Воспоминания. Л., 1925.
- Попов П.С.* Русско-китайский словарь. СПб., 1879; 2-е изд. Пекин, 1896; 3-е изд. Токио, 1900.
- Попов П., 1894 — *Попов П.С.* Замечания по поводу нового перевода надписи на памятнике Цюе-Тегину. — Записки АН. 1894, т. 75.
- Попова, 1964 — *Попова О.М.* Грибоедов-дипломат. М., 1964.
- Поршнева Е.Б.* Значение работ П.И. Кафарова для изучения истории народной религии в Китае. — Кафаров (сб. ст.), 1979, ч. 3.
- Пособие — Пособие к изучению корейского языка. СПб., 1899.
- Посольство Ивана Унковского — Посольство к зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Документы, изд. с предисл. и примеч. Н.И. Веселовского. СПб., 1887.
- Пострелова Т.А.* Рисунки китайских художников из архива Э.В. Бретшнейдера. — XVII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1986.
- Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. Вып. 1—4. СПб., 1881—1883.
- [*Потанин*]. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г.Н. Потанина. 1884—1886. Т. 1—2. СПб., 1893.
- Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае. СПб., 1993.
- Прахов, 1880 — *Прахов А.В.* Критические наблюдения над формами изящных искусств. Вып. I. Зодчество древнего Египта. СПб., 1880.
- Пржевальский, 1870 — *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг. СПб., 1870.
- Пржевальский, 1883 — *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883; М., 1948.
- [*Пржевальский*]. Памяти Николая Михайловича Пржевальского. [Ст. и речи]. СПб., 1890.
- Пубаев, 1981 — *Пубаев Р. Г.Ц.* Цыбиков. (1873—1930). — Цыбиков Г.Ц. Избранные труды в 2 томах. Т. 1. Новосибирск, 1981.
- Путешествие на Малайском полуострове Н.Н. Миклухо-Маклая. — Известия РГО. 1876, вып. 1.
- Пуцилло, 1874 — Опыт Русско-корейского словаря. Сост. М. Пуцилло. СПб., 1874.
- [*Радлов*]. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собр. В.В. Радловым. Ч. 1—10. СПб., 1866—1907.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1—2. СПб., 1888—1902 (Материалы по археологии Сибири, изд. Археологической комиссией...)
- Радлов, 1890 — Кудатку Билик: Факсимиле уйгурской рукописи... изд. по поручению имп. С.-Петербург. Академии наук В.В. Радловым. СПб., 1890.
- Радлов, 1892—1899 — Атлас древностей Монголии, изд. В.В. Радловым. Вып. I—IV. СПб., 1892—1899 (Труды Орхонской экспедиции).
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1893—1911; М., 1963—1964 (переизд.).
- Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. — СТОЭ. Вып. IV. 1897.
- Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. М., 1989 (Этнограф. б-ка).
- Райт М.В.* Вклад Б.А. Тураева в мировую эфиопистику. — Древний Восток. Сб. 2. М., 1980.

- Редер, 1960 — *Редер Д.Г.* Научная и публицистическая деятельность М.В. Никольского. — ОИРВ, III.
- Репрессированная наука. Л., 1991.
- Рзаев, 1965 — *Рзаев А.* Мирза Казем-Бек. Баку, 1965.
- Рзаев, 1969 — *Рзаев А.К.* Очерки об ученых и мыслителях Азербайджана XIX в. Баку. 1969.
- Рзаев А.К. Мухаммед Али М. Казем-Бек. М., 1989.
- Риттер, 1867 — *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критич. замечаний и дополнил по источникам, изд. в течение последних тридцати лет, В.В. Григорьев, ординарный профессор имп. С.-Петербург. ун-та по кафедре истории Востока. СПб., 1867.
- Рифтин, 1930 — *Рифтин А.П.* В.К. Шилейко, 2 февраля 1891—5 октября 1930. — Сборник Египтологического кружка при ЛГУ. 6. 1930.
- Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-шань и в Нань-шань. М., 1949.
- Розен, 1883 — Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Изд. пер. и объяснил барон В.Р. Розен. СПб., 1883.
- Розен, 1891 — *Розен В.Р.* О восточном факультете и восточных кафедрах. — ЖМНП. 1891, ч. 273, январь, отд. II.
- Розен*, 1904 — *Розен В.Р.* Прологомена к новому изданию Ибн Фадлана. — ЗВОРАО. 1904, т. XV.
- Розенберг, 1918 — *Розенберг О.О.* Проблемы буддийской философии. Пг., 1918.
- Розенберг. Труды — *Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М., 1991 (Б-ка отеч. востоковедения).
- Ромаскевич, 1916 — *Ромаскевич А.А.* Персидские народные четверостишия. I. — ЗВОРАО. 1916, т. XXIII, вып. 3—4.
- Ромаскевич А.А.* Персидские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук с Кавказского фронта. — Изв. РАН, Сер. VI. 1918, № 6.
- Ромаскевич А.А., Бушев П.П.* Список научных работ В.А. Жуковского. — ОИРВ, V.
- Ромодин, 1953 — *Ромодин В.А.* Из истории изучения афганцев и Афганистана в России. — ОИРВ, I.
- Рос. путешественники в Индии, 1990 — *Российские путешественники в Индии: XIX — начало XX в.* Документы и материалы. М., 1990.
- Россия и Индия — *Россия и Индия.* М., 1986.
- Россов П. Национальное самосознание корейцев. СПб., 1906.
- Ростовцев, 1908 — *Ростовцев М.И.* Египетский музей В.С. Голенищева. — Слово, 15.03.1908.
- Ростовцев М.И.* Поездка в Египет. М., 1908.
- Ростовцев М.И.* Очерк истории Древнего мира: Восток. Греция. Рим. Берлин, 1924.
- Рудаков. Богдыханские дворцы — *Рудаков А.В.* Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене. — ИВИ. 1901, т. III, вып. 1.
- Рудаков А.В.* Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. — Там же, т. II, вып. 3.
- Руденко, 1961 — *Руденко М.Б.* Описание курдских рукописей ленинградских собраний. Л., 1961.
- Руднев А.Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии (Несколько кратких рассказов в транскрипции и переводе). СПб., 1911 (Изд. ФВЯ, № 30).
- Рудова М.* Коллекция академика В.М. Алексеева. — Сообщения Гос. Эрмитажа. 1960, т. 19.
- Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917): Библиографический указатель литературы. Таш., 1960.
- Рус. палестинцы — *Герасимов О.Г.* Восточные узоры. М., 1993.

* О Розене см. выше две работы [Памяти барона... 1909; Памяти Розена, 1947].

- Рябчиков, 1973 — *Рябчиков А.М.* А.Е. Снесарев как географ. — Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973.
- Саблуков, 1884 — *Саблуков Г.С.* Сведения о Коране, законодательной книге Мохаммеданского вероучения. Казань, 1884.
- Савельев, 1856 — *Савельев П.* Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге 1733 и 1810 гг. — ЖМНП. 1856, ч. 39, отд. III.
- Савицкий Л.С.* Обзорение фонда Б.Б. Барадийна в собрании архивных документов ЛО ИВ АН СССР. — ППИПИК.
- Салтыков А.Д.* Письма об Индии. М., 1985.
- Самойлович, 1907* — *Самойлович А.* Памяти П.М. Мелиоранского. — ЗВОРАО. 1907, т. XVIII (1907—1908), вып. 1.
- Самойлович А.Н.* Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика. — ЗВОРАО. 1912, т. XXI, вып. 1.
- Самойлович, 1923* — *Самойлович А.Н.* Памяти проф. В.Д. Смирнова. — Восток. 1923, кн. 3.
- Самойлович А.Н.* И.Н. Березин как турколог (1818—1896). — ЗКВ. 1925, т. I.
- Самойлович, 1928* — *Самойлович А.Н.* Вильгельм Томсен и туркология. — Памяти В. Томсена: К годовщине со дня смерти. Л., 1928.
- Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1, 5—7. М., 1880, 1893—1899.
- Сборник статей учеников проф. В.Р. Розена. СПб., 1897.
- Семенов А.Л.* Значение трудов В.П. Васильева по китайской лингвистике. — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991.
- Семенов А., 1910* — *Семенов А.А.* Бегство Абдурахман-хана из Ташкента в Афганистан (Эпизод из нашей внешней политики в Средней Азии). — Кауфманский сборник... М., 1910.
- Семенов А., 1916—1917* — *Семенов А.А.* История Шугнана. — Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Таш., 1916—1917.
- Семенов П., 1896* — *Семенов [-Тян-Шанский] П.П.* История полувековой деятельности имп. Русского Географического общества: 1845—1895. Ч. 1—3. СПб., 1896.
- Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1948.
- Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков: 1815—1890. М., 1891.
- Семичов, 1957* — *Семичов Б.В.* Г.Ц. Цыбиков — исследователь Тибета. Улан-Удэ, 1957.
- Сенковский, 1854* — *Сенковский О.И.* Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1—2. СПб., 1854.
- [*Сенковский*]. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 6. СПб., 1859.
- Серов В.М.* Становление Восточного института (1899—1909 гг.). — Известия Восточного института Дальневост. гос. ун-та. Владивосток, 1994, № 1.
- Серошевский В.* Корея. — Сочинения. Т. VII. СПб., 1909.
- Скачков П.Е.* Библиография Китая. М., 1960.
- Скачков, 1977* — *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- Скачков П.Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914—1915 гг. — ПВ. Вып. 4. 1993.
- Скачков П.Е., Чижикова К.Л.* Библиография трудов С.Ф. Ольденбурга. — Сергей Федорович Ольденбург (Сб. статей). М., 1986.
- Слуцкий, 1901* — *Слуцкий С.С.* Обзор деятельности Восточной комиссии, читанный в заседании 31 октября 1897 г. — ДВ. 1901, т. II, вып. 2.
- Смилянская, 1975* — *Смилянская И.М.* Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского. — Крымский А.Е. Письма из Ливана: 1896—1898. М., 1975.

- Смирнов, 1873 — *Смирнов В.Д.* Кучибей Гөмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
- Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
- Смирнов, 1891 — *Смирнов В.Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. С прил. факсимиле официальных документов разных почерков. СПб., 1891 (Литогр.); 2-е изд., перераб. 1903.
- Смирнов, 1892 — *Смирнов В.Д.* Очерки истории турецкой литературы. — Всеобщая история литературы. Т. IV. СПб., 1892.
- Смирнов В.* Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в. — ЗВОРАО. 1914, т. XXII, вып. 1—2.
- Смирнов С.В.* Профессор Тартуского (Юрьевского) университета Д.Н. Кудрявский. — Из истории русского языкознания. Тарту, 1970 (Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 247).
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб., 1908.
- Смирнова, 1960 — *Смирнова О.И.* Место труда В.А. Жуковского «Древности Закаспийского края: Развалины старого Мерва» в истории изучения среднеазиатских городов. — ОИРВ, V.
- Смолин Г.Я.* В.П. Васильев и преподавание истории Дальнего Востока в Петербургском университете во второй половине XIX в. — История и культура Китая (Сб. памяти В.П. Васильева). М., 1974.
- Смолин, 1980 — *Смолин Г.Я.* Китаевед-историк А.Е. Любимов. — Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 5. Л., 1980.
- Смышляев Д.* На пути к Синаю. Пермь, 1876.
- Смышляев Д.* Синай и Палестина. Пермь, 1877.
- Снесарев, 1903 (1) — *Снесарев А.Е.* Памиры (Военно-географическое описание). Таш., 1903.
- Снесарев, 1903 (2) — *Снесарев А.Е.* Северо-индийский театр. Т. I—II. Таш., 1903.
- Снесарев, 1906 — *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара: Военно-географический очерк. СПб., 1906.
- Снесарев. Индия, 1906 — *Снесарев А.Е.* Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе: Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб., 1906.
- Снесарев, 1908 — *Снесарев А.Е.* 25-летие офицерских курсов восточных языков. — Голос правды, 20.11.1908 (№ 950).
- Снесарев, 1921 — *Снесарев А.Е.* Афганистан. М., 1921.
- Снесарев (сб. ст.)^{*}, 1973 — Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973.
- Снесарева, 1976 — Профессор комкор Снесарев Андрей Евгеньевич (1865—1937): Библиографическая справка. Сост. Е.А. Снесарева. М., 1976.
- Соболев, 1882—1885 — *Соболев Л.Н.* Страница из истории Восточного вопроса: Англо-афганская распря (Очерк войны 1879—1880 гг.). Т. I—IV. СПб., 1882—1885.
- Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.
- Соколовский, 1914 — *Соколовский П.* Русская школа в Восточной Сибири и Примурском крае. Харьков, 1914.
- Спальвин, 1900 — *Спальвин Е.Г.* Японский прогресс. — ИВИ. 1900, т. II, вып. 2.
- Спальвин Е.Г.* Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа. — ИВИ. 1913, т. XXXI, вып. 3.
- Спафарий, 1960 — *Спафарий И.М.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

^{*} См. также: *Анналы.* Вып. III. Материалы науч. конференции «Снесаревские чтения» (15—17 декабря 1995 г.). М., 1996.

- Стабурова, 1983 — *Стабурова Е.Ю.* Китаевед П.П. Шмидт. — XIV науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1983.
- Сталь-Гольштейн, 1905 — *Сталь-фон-Гольштейн А.* Путевые впечатления из Индии. — Известия РГО. 1905, т. 40, № 4.
- Сталь-Гольштейн, 1911 — *Сталь-фон-Гольштейн А.* Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований. — ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1.
- Стариков, 1960 — *Стариков А.А.* Восточная филология в Московском университете: Болдырев А.В. и Петров П.Я. — ОИРВ, III.
- Стариков, 1971 — *Стариков В.С.* Научная и педагогическая деятельность Б.И. Панкратова (к 75-летию со дня рождения). — Страны и народы Востока. Вып. XI. М., 1971.
- Старкова К.Б.* Еврейские рукописи. — Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза: Статьи и сообщения. М., 1963.
- Стасов, 1868 — *Стасов В.В.* Происхождение русских былин. — Вестник Европы. 1868, кн. 1—7.
- Стасов. Египетская сказка — *Стасов В.В.* Египетская сказка, открытая в Петербургском Эрмитаже. — Там же. 1882, кн. 2.
- Стасов, 1882 — *Стасов В.В.* Русское сочинение о египетской архитектуре. — ЖМНП. 1882, ч. 211.
- Стебницкий И.И.* Петр Александрович Чихачев. — Известия РГО. 1891, т. 27, вып. 1.
- Столовская А.* Очерк истории культуры китайского народа. М., 1891.
- Странствования Григоровича-Барского — Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г., по подлинной рукописи. Под ред. Николая Барсукова. Ч. I—II. СПб., 1885—1886.
- Струве. Коптский папирус — [господин] *Струве*. Коптский папирус из коллекции профессора Б.А. Тураева. — Христианский Восток. 1912, т. 1, вып. 2.
- Струве, 1912 — *Струве В.В.* Петербургские сфинксы. — Записки Классического отделения РАО. 1912, т. 7.
- Струве, 1953 — *Струве В.В.* П.К. Кокцов как ассириолог. — Эпиграфика Востока. 1953, т. VIII.
- Струве, 1960 — *Струве В.В.* Значение В.С. Голенищева для египтологии. — ОИРВ, III.
- Султанов Н.В.* Хмерское искусство. — Вестник изящных искусств, изд. при имп. Академии художеств. 1886, т. 4, вып. 1 и 6.
- Тайшин, 1898 — Русско-корейский словарь. Сост.: А.И. Тайшин. Хабаровск, 1898.
- Таль-Ата, 1885 — *Таль-Ата* (майор турецкой службы). Описание военных действий под Плевною в войну 1877 года. Пер. с тур.: Абдурахман. СПб., 1885.
- Тараканова [Лебедева] Е.П.* Библиографические материалы на русском языке о П.И. Кафарове. — Кафаров (сб. ст.), 1979, ч. 3.
- Тараканова Е.П.* Библиографические материалы об академике В.П. Васильеве. — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991.
- Теплов, 1877 — *Теплов В.* Адрианополь в 1874 году. СПб., 1877.
- Теплов, 1880 — *Теплов В.* Адрианополь и Фракия в 1874 г.: Из воспоминаний путешественника. — Русский вестник. 1880, кн. 5.
- Теплов, 1891 — *Теплов В.* Русские представители в Царьграде: 1496—1891. Исторический очерк. СПб., 1891.
- Тихонов Д.И.* Из истории Азиатского музея. — ОИРВ, II.
- Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966.
- Томсен (сб. ст.) — Памяти В. Томсена: К годовщине со дня смерти. Л., 1928.
- Торчинов, 1991 — *Торчинов Е.А.* Труды В.П. Васильева и актуальные проблемы изучения даосизма. — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991.
- Традиционная культура Китая: Сб. статей к 100-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева. М., 1983.

- Троицкий, 1885 — *Троицкий И.Г.* Религиозное, общественное и государственное состояние евреев во время Судей. СПб., 1885; 2-е изд., испр. и доп. 1886.
- Троицкий, 1897 — *Троицкий И.Г.* Грамматика еврейского языка. СПб., 1897; 2-е изд. 1908.
- Троицкий И.Г.* Библейская археология. СПб., 1913.
- Труды 8-го Археол. съезда, 1897 — Труды 8-го Археологического съезда в Москве, 1890. Т. III. М., 1897.
- Труды III съезда ориенталистов — Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, 1876. Т. 1. СПб., 1879—1880; т. 2. СПб.—Лейден, 1879.
- Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине. Т. I—IV. СПб., 1852—1866; Пекин, 1909—1910.
- Тужилин А.* Китай: Очерки из современной жизни Китая. Харбин, 1910.
- Тужилин А.В.* Современный Китай. Т. 1—2. СПб., 1910.
- Туманович, 1976 см. *Умняков И.И.* Аннотированная библиография...
- Туманский, 1899 — Китабе Акдес: «Священнейшая книга» современных бабидов. Текст, пер., введ. и прил. А.Г. Туманского. — Записки АН, Сер. VIII (ист.-филол. отд-ние). 1899, т. III, № 6.
- Тураев*, 1894 — *Тураев Б.А.* Занятия египтологиею и ассириологиею в Берлине. — ЖМНП. 1894, ч. 294, № 7, отд. IV.
- Тураев 1—4 — *Тураев Б.А.* История Древнего Востока:
1. Лекции, читанные в 1896 г. СПб., 1896.
 2. Курс лекций. СПб., 1911—1914.
 3. Ч. 1—2. Курс, читанный в С.-Петербургском университете в 1910—1911 гг. СПб., 1911—1912.
 4. Ч. 1—2. Курс, читанный в С.-Петербургском университете. 2-е изд. СПб., 1913.
- Тураев, 1898 — *Тураев Б.А.* Бог Тот: Опыт исследования в области истории древней египетской культуры. Лейпциг, 1898.
- Тураев. Описание I—VII — *Тураев Б.А.* Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях (I, II, IV). — ЗВОРАО. 1899, т. XII.
- То же (V—VI). — Там же. 1900, т. XII.
- То же. VII. Музей древностей при имп. Казанском университете. — Там же. 1904, т. XV.
- Тураев, 1900 — *Тураев Б.А.* Описание древне-восточных предметов в Музее имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1900.
- Тураев, 1901 — *Тураев Б.А.* К истории хеттского вопроса. — Записки РАО. 1901, т. XII, кн. 5.
- Тураев Б.А.* Исследования в области агиологических источников Эфиопии. — Записки ИФФ С.-Петербург. ун-та. 1902, ч. 65, вып. 1.
- Тураев Б.А.* Остатки финикийской литературы: Отрывки финикийской космогонии и мифологии Филона Библиского. Финикийские отрывки у Дамаския. Тирские летописи. СПб., 1903.
- Тураев. Хетты, 1903 — *Тураев Б.А.* Хетты. — ЭСБ. Т. 32. 1903, с. 181—186.
- Тураев Б.А.* Описание египетского отдела Музея Одесского общества истории и древностей. — Propempteria: Сборник статей, изд. Одес. об-вом истории и древностей в честь почетного члена Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1912.
- Тураев, 1915 (1) — *Тураев Б.А.* Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 3).
- Тураев, 1915 (2) — *Тураев Б.А.* Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского. М., 1915.

* См. примеч. 33 в гл. 6.

- Тураев Б.А. Египетская литература. Т. 1. Исторический очерк древне-египетской литературы. М., 1920 (Памятники мировой литературы. Творения Востока).
- Тураев, 1922 — Тураев Б.А. Оскар Эдуардович Лемм (Некролог). — Христианский Восток. 1922, т. 6.
- Тураев Б.А. Классический Восток. Ч. I. Введение. Вавилон. Л., 1924.
- Тураев, 1927 — Rarugus Prachov собрания Б.А. Тураева. Л., 1927.
- Тураев Б.А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. — Труды комиссии по истории знаний. Л., 1927, № 3.
- Тураев Б.А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. Пер. с эфиоп. М.—Л., 1936.
- Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. I. 3-е стереотип. изд. Под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. Л., 1936.
- Тюркологический сборник 1971. М., 1972.
- Тюркологический сборник 1972. М., 1973.
- Тягай Г.Д. Труды русских исследователей как источник по новой истории Кореи. — ОИРВ, I.
- Убрятова Е.И. О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова. — Тюркологический сборник I. М.—Л., 1951.
- Узянов А.Н. Вклад И.П. Минаева в изучение истории колониальной Бирмы. — Иван Павлович Минаев (Сб. статей). М., 1967.
- Уляницкий, 1887 — Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887.
- Уляницкий, 1889 — Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в.: Очерки дипломатической истории Восточного вопроса. М., 1889.
- Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. I—II. М., 1889.
- Уляницкий В.А. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв.: По документам Моск. Гл. архива МИД. М., 1889.
- Уляницкий, 1893—1899 — Уляницкий В.А. Исторический очерк русских консульств за границей. — Сборник Моск. Гл. архива МИД. Вып. 5—7. М., 1893—1899.
- Умняков, 1960 — Умняков И.И. Воспоминания о В.А. Жуковском. — ОИРВ, V.
- Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов акад. В.В. Бартольда; Туманович Н.Н. Описание архива акад. В.В. Бартольда. М., 1976.
- Успенский, 1994 — Успенский В.Л. Монголоведение в Казанской Духовной Академии. — Mongolica III. Из архивов отеч. монголоведов XIX — начала XX в. СПб., 1994.
- Успенский Ф.И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. — Известия РАН, Сер. VI. 1918, № 5.
- [Ухтомский]. Путешествие на Восток е.и.в. государя наследника цесаревича, 1890—1891. Т. I—IV. Авт.-изд. князь Э.Э. Ухтомский. СПб.—Лейпциг, 1893—1897.
- Фармаковский, 1921 — Фармаковский Б. Н.И. Веселовский — археолог. — ЗВОРАО. 1921, т. XXV.
- Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984.
- Фортуатов, 1875 — Фортуатов Ф.Ф. Sāmaveda-aranyaka-samhita. М., 1875.
- Франк-Каменецкий, 1917 — Франк-Каменецкий И.Г. Памятники египетской религии в Фиванский период. I—II. М., 1917—1918 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 5—6).
- Франчук, 1975 — Франчук В.Ю. Александр Опанасович Потєбня. Київ, 1975.
- Халфин, 1959 — Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX — начало XX в.). М., 1959.
- Халфин, 1965 — Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.
- Халфин, 1973 — Халфин Н.А. А.Е. Снесарев и «среднеазиатский вопрос». — Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973.
- Халфин Н.А. Николай Владимирович Ханыков. — Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М., 1973.

- Халфин, 1974 — *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.
- Халфин, Рассадина, 1977 — *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977.
- Хангалов М.Н.* Новые материалы о шаманстве у бурят. Иркутск, 1889.
- Ханыков, 1852 — *Ханыков Н.В.* Поездка в Персидский Курдистан. — Вестник РГО. 1852, кн. 1, ч. 6, отд. V.
- Ханыков, 1973 — *Ханыков Н.* Экспедиция в Хорасан. Пер. с франц.: Е.Ф. Рассадина. М., 1973.
- Ханыков, 1977 — *Ханыков Н.* Записки по этнографии Персии. Пер. с франц.: Е.Ф. Рассадина. М., 1977.
- Харузин, 1915 — *Харузин М.А.* В столице хеттских царей (К новейшим раскопкам в Кархемише). — Экскурсионный вестник. 1915, кн. 1.
- Харузин, 1917 — *Харузин М.А.* К вооружению хеттов. — Сборник в честь профессора В.К. Мальмберга. М., 1917.
- Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955.
- Хвольсон, 1869 — Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда-бен-Омара-Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. По рукописи Британского музея изд., пер. и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869.
- Хвольсон Д.А. (1819—1911): Некролог. — Известия АН. 1911, № 10.
- Хвостов А.М. Описание Мукденской провинции Южной Маньчжурии. СПб., 1903; 2-е изд., доп. СПб., 1904.
- Хвостов М.М. История Древнего Востока. Казань, 1909.
- Холмогоров Н.* Об основных постановлениях ислама. — Ученые записки Казанского ун-та. 1848, вып. 1.
- Холмогоров, 1861 — *Холмогоров Н.И.* Очерки арабской речи и арабской письменности: Вступит. лекция, читанная в Казанском ун-те 12 сентября 1861 г. — Ученые записки Казанского ун-та. 1862, вып. 1, отд. II.
- Холмогоров, 1863 — *Фахри.* Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Сочинение Мухаммеда-бен-Али-бен-Табатаба, известного под именем Ибн-Тиктака. С араб. подлинника пер. на рус.яз. и доп. замечаниями Н. Холмогоров. Казань, 1863.
- Хохлов А.Н.* В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани. — История и культура Китая (Сб. памяти акад. В.П. Васильева). М., 1974.
- Хохлов, 1979, ч. 1 — *Хохлов А.Н.* П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность. Краткий биографический очерк. — Кафаров (сб. ст.), 1979, ч. 1.
- Хохлов, 1979, ч. 2 — *Хохлов А.Н.* П.И. Кафаров и его эпистолярное наследие. — Там же, ч. 2.
- Хохлов, 1979, ч. 3 — *Хохлов А.Н.* Новые материалы о путешествии П.И. Кафарова по Дальнему Востоку в 1870—1871 гг. — Там же, ч. 3.
- Хохлов, 1984 — *Хохлов А.Н.* Связи русских и французских сиологов в XVIII—XIX вв. — XV науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1984.
- Хохлов, 1985 — *Хохлов А.Н.* Российские китаеведы и деятели русской культуры (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Г.Н. Потанин). — XVI науч. конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1985.
- Хохлов, 1991 — *Хохлов А.Н.* Газетные публикации русских востоковедов по истории Восточной и Центральной Азии. — IV Всесоюз. конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов (Новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований)». Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1—5 октября 1991 г. Т. II. Политология, история, литературоведение. М., 1991.
- Хохлов А.Н.* Пекинский дневник В.П. Васильева. — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1991.

- Хохлов А.Н. А.М. Позднеев — основатель Восточного института во Владивостоке. — Известия Восточного института Дальневост. гос. ун-та. Владивосток. 1994, № 1.
- Хохлов, 1994 (1) — Хохлов А.Н. Китайская проблематика в публикациях С.Н. Сыромятникова. — Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Тезисы докладов к науч.-практич. конференции 11—14 мая 1994 г., посвящ. 50-летию российско-новозеландских дип. отношений. Иркутск, 1994.
- Хохлов, 1994 (2) — Хохлов А.Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И.Д. Касаткина (вторая половина XIX—начало XX в.). — Восток. 1994, № 5.
- Хохлов, 1994 (3) — Хохлов А.Н. Российское китаеведение во второй половине XIX — начале XX в.: от восточного факультета к Восточному институту. — Филология и история стран Азии и Африки. Тезисы науч. конференции, посвящ. 50-летию воссоздания восточного факультета СПб.ГУ. СПб., 1994.
- Хохлов А.Н. Б.Я. Владимиров в оценке коллег-востоковедов. — Владимировские чтения III. Доклады и тезисы Всерос. науч. конференции (Москва, 25—26 октября 1993 г.). М., 1995.
- Хохлов, 1995 (1) — Хохлов А.Н. КВЖД и ее роль в экономическом и культурном развитии Маньчжурии. — Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Междунар. науч. конференция. Тезисы докладов. Ч. I. Россия между Европой и Азией: Нац. вопрос и полит. движения. Челябинск. 1995.
- Хохлов, 1995 (2) — Хохлов А.Н. Н.В. Кюннер: интерес к истории национальных окраин цинского Китая. — Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тезисы докладов VI Междунар. конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 11—13 октября 1995 г.). Ч. II. М., 1995.
- Хохлов, 1995 (3) — Хохлов А.Н. Первые кадры переводчиков для КВЖД. — Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всерос. конференции по кит. языкознанию (Москва, 28—29 июня 1994 г.). М., 1995.
- Хохлов, 1995 (4) — Хохлов А.Н. Контакты русских и немецких синологов в 18—19 вв. — Общее языкознание, языки Китая и Юго-Восточной Азии. Тезисы докладов конференций, посвящ. памяти Георга фон дер Габеленца (1840—1893). 14—15 июня 1994 г. СПб., 1995.
- Хохлов, 1995 (5) — Хохлов А.Н. Проблемы русско-китайской торговли через Кяхту в XVIII—XIX вв. в трактовке В.П. Васильева. — Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Междунар. науч.-практич. конференции 12—15 октября 1995 г. Иркутск, 1995.
- Хохлов, 1996 (1) — Хохлов А.Н. Китайско-русский словарь П.И. Кафарова—П.С. Попова в оценке современников (По архивным материалам). — Китайское языкознание. VIII Междунар. конференция. Материалы. Москва, 25—26 июня 1996 г. М., 1996.
- Хохлов, 1996 (2) — Хохлов А.Н. Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг. — Там же.
- Хуршид-эфенди, 1877 — Сяхэт-наме-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. Сост. Хуршид-эфенди, бывший секретарь турецкого комиссара по разграничению между Турцией и Персией. С прил. отчета персидского комиссара о том же путешествии. С тур. и перс. пер. М.А. Гамазов. СПб., 1877.
- [Цветков]. Русско-турецкий словарь. Сост. слушатель курсов вост. языков Цветков. СПб., 1902 (Литограф. изд.).
- Цветков, 1902 — Турецко-русский словарь. Сост. П. Цветков. СПб., 1902 (Литограф. изд.).
- Цветков П. Исламизм. Т. 1—4. Асхабад, 1912—1913.
- Цыбиков, 1908 — Цыбиков Г.Ц. Пособие для изучения тибетского языка: Упражнения в разговорном и литературном языке и грамматические заметки. Ч. 1. Разговорная речь. Владивосток, 1908.

- Цыбиков Г.Ц. Пособие по практическому изучению монгольского языка. — ИВИ. 1915, т. LVI, вып. 3.
- Цыбиков, 1919 — Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.
- Цыбульский, 1988 — Цыбульский В.В. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачевы. М., 1988.
- Чигринский М.Ф. О синологических занятиях А.Н. Виноградова (Алексия) в Оптиной пустыни. — XXII науч. конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991.
- Чириков, 1875 — Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849—1852, изд. под ред. М.А. Гамазова, бывшего секретаря русской посреднической комиссии. — ЗКОРГО. 1875, кн. IX.
- Чихачев, 1960 — Чихачев П.А. Письма о Турции. Пер. с франц. и предисл. В.В. Цыбульского. М., 1960.
- Чихачев, 1974 — Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.
- Чихачев, 1975 — Чихачев П.А. Испания, Алжир, Тунис. Сокр. пер. с франц. и предисл. В.В. Цыбульского. М., 1975.
- Чугуевский, 1971 — Чугуевский Л.И. Рукописи неопубликованных работ А.В. Рудакова и материалы к ним. — НАА. 1971, № 4.
- Чугуевский, 1983 — Китайские документы из Дуньхуана. Факсимильное изд. текстов, пер. с кит., исслед. и прил. Л.И. Чугуевского. Вып. I. М., 1983 (Памятники письменности Востока, 57).
- Чугуевский, 1990 — Чугуевский Л.И. Архив востоковедов (б. Азиатский архив). — ИПИПИК.
- Шапшал, 1960 — Шапшал С.М. Валентин Алексеевич Жуковский. — ОИРВ, V.
- Шаститко, 1961 — Шаститко П.М. Народное восстание 1857—1859 гг. в Индии и реакция на него правящих кругов царской России. — КСИНА. 1961, XLII.
- Шилейко, 1994 — Шилейко В.К. Через время (стихи, переводы, мистерия). М., 1994.
- Шмидт, 1947 — Шмидт А.Э. Памяти академика В.Р. Розена. М.—Л., 1947.
- Шмидт П.П. Учебник маньчжурского языка. — ИВИ. 1908, т. XVIII, вып. 1—2.
- Шолло, 1939 — Шолло Н.А. Два фрагмента египетских водяных часов. — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа. 1939, т. 1.
- Шостакович, 1960 — Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960.
- Шофман, Шамоу, 1956 — Шофман А.С., Шамоу Г.Ф. Восточный разряд Казанского университета. — ОИРВ, II.
- Шохин В.К. Классическая русская санскритология второй половины XIX в. и некоторые актуальные проблемы современной индологии. — Литературы Индии. М., 1989.
- Штернберг Л. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. СПб., 1912.
- Штернберг Л.Я. Кастрен — алтаист и этнограф. — Памяти М.А. Кастрена: к 75-летию со дня смерти. Л., 1927.
- Щербак А.М. П.М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности. — Тюркологический сборник 1972. М., 1973.
- Щербатской, т. 1—2 — Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Т. 1—2, СПб., 1903—1909; СПб., 1995.
- Щербатской Ф.И. Nyāyabindu. Буддийский учебник логики. СПб., 1904 (Bibliotheca Buddhica, VIII); СПб., 1909 (Bibliotheca Buddhica, XI).
- Щербатской Ф.И. Тибетский перевод сочинения Samtānāntarasiddhi Dharmakīrti и Samtānāntarasiddhitikā Viṇitadeva вместе с тибетским толкованием, составленным Агван Дандар-Лхарамбой. Пг., 1916 (Bibliotheca Buddhica, XIX).
- Щербатской, 1934 — Щербатской Ф.И. Сергей Федорович Ольденбург как инданист. — Сергею Федоровичу Ольденбургу... Л., 1934.

- Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму. М., 1988.
- Щербатской, 1989 — *Щербатской Ф.И.* Краткий отчет о путешествии в Индию. — Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации [Вып. 4]. М., 1989.
- Щученко, 1880 — *Щученко К.* Участие Московского Главного архива Министерства иностранных дел в Съезде ориенталистов в 1876 году. — Сборник Моск. Гл. архива МИД. Вып. 1. М., 1880. (=Московские ведомости, 18.09.1876).
- Южаков, 1885 — *Южаков С.Н.* Авганистан и сопредельные страны: Политико-исторический очерк. СПб., 1885.
- Юзбашян К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964 (переизд.: 1986).
- Юревич, 1957 — *Юревич Л.И.* Индийское народное восстание в оценке русских современников. — Народное восстание в Индии (1857—1859). М., 1957.
- Яворский Г. Н.М.* Мартьянов: Краткий очерк жизни и деятельности. Красноярск, 1969.
- Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству. Т. 1—2. СПб., 1882—1883.
- Ягелло И.Д.* Восточный институт в Ташкенте. — Туркестанские ведомости. 1906, № 143.
- Ядринцев, 1889 — *Ядринцев Н.М.* Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума. — Известия РГО. 1889, т. XXVI.
- Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное состояние: Этнограф. и статист. исслед. с прил. статист. таблиц. СПб., 1891.
- Ядринцев, 1892 — *Ядринцев Н.М.* Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. — СТОЭ. Вып. I. 1892, Прил. V.
- Ядринцев, 1901 — *Ядринцев Н.М.* Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 году. — СТОЭ. Вып. V. 1901.
- Язык и литература персов. — Московские новости, 27.10.1892.
- Янчевецкий Дм.[Г.]* У стен недвижного Китая. 4-е изд. СПб.—Порт-Артур, 1903.
- Янчевецкий Дм.* Восточные очерки: Архиепископ Николай Японский [И.Д. Касаткин]. — Россия, 1/14.05.1907 (№ 437).
- Японская филология [Сб. ст.]. М., 1968.
- Яхонтов, 1991 — *Яхонтов К.С.* Маньчжурские рукописи и ксилографы Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: Систематический каталог. Л., 1991.
- Яхонтов, 1993 — *Яхонтов К.С.* Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки: Систематический каталог. СПб., 1993.
- Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China, sein Volk, seine Religion, seine Institutionen, sociale Verhältnisse... Aus dem Russischen nach dem in St. Petersburg 1852—1857 veröffentlichten Original von Dr. Carl Abel und F.A. Mecklenburg. Bd 1—2. B., 1858.
- Ballod, 1913 — *Ballod F.* Prolegomena zur Geschichte der zwerghaften Götter in Ägypten. M., 1913.
- Berézine, 1853 — *Berézine I.* Recherches sur les dialectes persans. Casan, 1853.
- Berézine, 1857 — *Berézine I.* Guide de voyageur en Orient. Dialogues arabes d'après trois principaux dialectes: de Mésopotamie, de Syrie et d'Égypte. SPb., 1857.
- Bretschneider E.* On the Knowledge Possessed by the Ancient Chinese of the Arabs and Arabian Colonies and Other Western Countries, Mentioned in Chinese Books. L., 1871.
- Bretschneider E.* Notes on the Mediaeval Geography and History of Central Asia: Drawn from Chinese and Mongol Writings and Compared with the Observations of Western Authors in the Middle Ages. L., 1876.
- Bongard-Levin, Vigin, 1984 — *Bongard-Levin G.M., Vigin A.A.* Image of India: The Study of Ancient Indian Civilisation in the USSR. M., 1984.
- Chanykow, 1854 — *Chanykow N.* Ausflügen nach dem Persischen Kurdistan. — Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland. 1854, Bd XIII.

- Chodzko, 1842(1) — *Chodzko A.* Grammaire persane ou principes de l'iranien moderne accompagnés de facsimilé pour servir de modèles d'écriture et de style pour la correspondance diplomatique et familière. P., 1842; 2d éd. 1883.
- Chodzko, 1842(2) — *Chodzko A.* Specimens of the Popular Poetry of Persia as Found in the Adventures and Improvisation of Kurroglou the Bandit-Ministrel of Northern Persia... L., 1842 (Orient Translation Fund, 58).
- Chodzko, 1878 — *Chodzko A.* Théâtre persan: Choix de téazies ou drames. Trad. pour la première fois du persan. P., 1878 (Bibliothèque Orientale Elzevirienne, 19).
- Dorn, 1846 — *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846.
- Dorn, 1852 — *Dorn B.* Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersburg. SPb., 1852.
- Dorn, 1865 — Die Sammlung von morgenländischen Handschriften, welche die Kaiserliche Öffentliche Bibliothek zu St. Petersburg im Jahre 1864 von Hrn. Chanykov erworben hat. Von B. Dorn. SPb., 1865.
- Dorn, 1868 — *Dorn B.* Die vordem Chanykov'sche jetzt der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zugehörige Sammlung von morgenländischen Handschriften. — Mél. As. 1868, t. V.
- Dorn — *Dorn B.* Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kazan gedruckten... — Там же.
- Eliséeff, 1938 — *Eliséeff S.* Staël-Holstein's Contribution to Asiatic Studies. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1938, vol. III, № 1.
- Fraehn, 1826 — *Fr.* Vorläufiger Bericht über eine neue bedeutende Bereicherung des Orientalischen Manuscripten-Apparats der Kais. Akademie der Wissenschaften. — St. Petersburg. Zeitung. 1826, № 11 (Beilage).
- Fraehn, 1829 — *Fr.* Die Bibliothek aus der Scheich-Sefv-Moschee zu Ardebil. — Там же. 1829, № 44.
- Guirgass, 1888 — Abu Hanifa ad-Dinaweri. Kitab ahbar at-tiwal. Publ. par V. Guirgass. Leide, 1888.
- Golénischeff, 1891 — *Golénischeff W.S.* Ermitage Impérial: Inventaire de la collection égyptienne. Lpz., 1891.
- Golénischeff, 1899 — Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie. — Recueil. 1899, 21.
- [*Ivanovski*]. Sur une traduction chinoise du Recueil bouddhique «Jātakamālā». Par A.O. Ivanovski. — Review historique des religions. 1903, mai—juine.
- Jaba, 1860 — *Jaba A.* Recueil de notices et récits kourdes... SPb., 1860.
- Jaba A.* Dictionnaire kurde-français. Spb., 1879.
- Khanikoff N.* Mémoire sur la partie Méridionale de l'Asie Centrale. P., 1862.
- Khanikoff, 1862 — Khanikoff N.* Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. — JA, ser. V. 1862, t. XX.
- Khanikoff, 1866 — Khanikoff N.* Mémoire sur l'ethnographie de la Perse. P., 1866.
- Lemm, 1882 — *Lemm O. von.* Studien zum Ritualbuch des Amondienstes: Inaugural Dissertation. Lpz., 1882; он же. Das Ritualbuch des Amondienstes: Ein Beitrag zur Geschichte der Kultusformen im Alten Ägypten. Lpz., 1882.
- Lemm, 1883 — *Lemm O. von.* Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch bei Vorlesungen und zum Privatstudium mit Schrifttafel und Glossar. Th 1. Schrifttafel und Lesestücke. Lpz., 1883.
- Lemme, 1890 — *Lemme E.* Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum in usum scholarum sumptibus Imperialis Literarum Universitatis Petropolitanae. Petropolis, 1890.
- Lemm 1 — *Lemm O. von.* Der Alexanderroman bei den Kopten: Ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Orient. SPb., 1903.
- Lemm 2 — *Lemm O. von.* Das Triadon: Ein sahidisches Gedicht mit arabischer Übersetzung. Th 1. Text. SPb., 1903.

- Lemm, 1906 — *Lemm O. von. Iberica*. — Записки АН, Сер. VIII. 1906, т. 7, № 6.
- Lemm, 1913 — *Lemm O. von. Bruchstücke koptischer Märtyrerakten*, 1—5. — Там же. 1913, т. 12, № 1.
- Lerch — *Lerch P. Berichte über «Résumé de l'ouvrage kourde d'Ahmedi Effendi Khani. Fait et trad. par A. Jaba»*. — Mél. As. 1859, t. III.
- Lerch, 1873 — *Lerch P. Khiva oder Khârezm: Seine historischen und geographischen Verhältnisse*. SPb., 1873.
- [*Lerch*]. *Russian Toorkestan: its People and External Relations*, by P. Lerch. Transl. from the German by C.U.A. (From: *The Russische Revue*. Vol. 1, p. 24—59, 113—135). Calcutta, 1874.
- [*Minayeff*]. *Recherches sur le Bouddhisme*. Par I.P. Minayeff. Trad. du russe par R.H. Assier de Pompignan. P., 1894.
- Nelidoff, 1915 — *Nelidoff A.J. Souvenirs d'avant et d'après la guerre de 1877—1878*. — *Revue des deux Mondes*. 1915, 15 mai — 15 juillet.
- Prim, Socin, 1887—1890 — *Prim E., Socin A. Kurdische Sammlungen*. Bd 1—2. SPb., 1887—1890.
- Radloff W. Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türkischen Sprachen*. Th. 1. Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen. H. 1. Vocale. Lpz., 1882.
- Radloff W. Über Altürkische Dialekte*. 1. Seldschukischen Verse im Rebab-Naméh. — Mél. As. 1890, t. X, livr. 1.
- [*Radloff*]. *Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bâlasagun. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo* hrsg. von W. Radloff. T. 1—2. SPb., 1891—1910.
- Roerich G.N. Indology in Russia*. — *The Journal of the Greater India Society*. 1945, vol. XII, july, № 2.
- Rosen. Notiz — *Rosen V. Notiz über eine merkwürdige arabische Handschrift*. — Mél. As. 1881, t. VIII.
- Rosen, 1881 — *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique par le Baron Victor Rosen*. Livre 1. SPb., 1881.
- Rosen, 1886 — *Les Manuscrits Persans... décrits par V. Rosen*. — CSILO. 1886, III.
- Rosenberg O. Arrangement of the Chinese Characters According to an Alphabetical System with Japanese Dictionary of 8000 Characters and List of 22000 Characters*. Tokyo, 1916.
- Smirnow, 1897 — *Manuscrits Turcs... décrits par W.D. Smirnow*. — CSILO. 1897, VIII.
- Stcherbatskoj, 1924 — *Stcherbatskoj F.I. Prof. Dr. O. Rosenberg: Eine biographische Skizze*. — O. Rosenberg. *Die Weltanschauung des modernen Buddhismus im fernsten Osten*. Heidelberg, 1924.
- Strouvé, 1960 — *Strouvé W.W. Importance de W.S. Golénischeff pour l'égyptologie*. — Древний Египет. М., 1960.
- Veliaminof-Zernof, 1860—1862 — «*Sheref-Nameh*» ou Histoire des kourdes, par Sheref prince de Bidlis, publ. pour première fois par V. Veliaminof-Zernof. T. 1—2. SPb., 1860—1862.
- Wassiljev. Die auf den Buddhismus bezüglichen Werke der Universitätsbibliothek zu Kasan*. — Mél. As. 1856, t. XI, livr. 4.
- Wassiljev. Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie Orientale, qui se trouvent dans la Bibliothèque de l'Université de Saint-Pétersbourg*. — Mél. As. 1857, t. XI.
- [*Wassiljev*]. *Der Buddhismus, seine Dogmen, Geschichte und Literatur*, von W. Wassiljev... Th. 1. Allgemeine Übersicht, aus dem Russischen übersetzt von A. Schiffner. SPb., 1860.
- [*Vassilief*]. *Le Bouddhisme: ses dogmes, son histoire et sa littérature*. Pt. 1. Aperçu général par m.V. Vassilief, trad. du Russe par m. G.A. La Comme, et précédé d'un discours préliminaire, par m. Ed. Laboulaye. P., 1863.
- Wassiliew W.P. Die Erschliessung Chinas*. Bearbeitung von Dr. Rudolf Stübe mit Beiträgen von Prof. Dr. A. Conrady und zwei Karten. Lpz., 1909.

- Wolkow, 1826 — *Wolkow M.* Notice sur l'ouvrage persan intitulé Sheref Namé accompagnée de quelques renseignements sur son auteur. — JA. 1826, t. 9.
Yusti, 1880 — *Yusti F.* Kurdische Grammatik. SPb., 1880.

**Периодические и продолжающиеся издания, материалы,
документы, серии, сборники, словари, названия учреждений**

- ААС — Азия и Африка сегодня. М.
АН — Санкт-Петербургская имп. Академия наук, Академия наук СССР.
БАР — Библиография арабских рукописей. М., 1982.
БСП (Казань) — За сто лет: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804—1904). Ч. I—II. Под ред. Н.П. Заголкина. Казань, 1904.
БСП (Киев) — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета Св. Владимира: 1834—1884. Сост. и изд. под ред. ординарного профессора В.С. Иконникова. Киев, 1884.
БСП (Петербург) — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869—1894. Т. 1—2. СПб., 1896—1898.
БСП (Юрьев) см. Словарь Левицкого.
Вестник Азии — Вестник Азии. The Herald of Asia. Известия О[бщест]ва русских ориенталистов. Харбин, 1909—1926.
Восток* — Восток. Афро-Азиатские общества. История и современность. М.
ГДУ — Государственный Дальневосточный университет.
ГМИИ — Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (в Москве).
ДВ — Древности восточные. Труды Восточной комиссии имп. Московского археологического общества. М, 1889—1915, т. I—V.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., Пг., 1885—1921, т. I—XXV.
ЗКВ** — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (АН СССР). Л.
ЗКОРАО — Записки Кавказского отдела имп. Русского археологического общества. Тифлис.
ЗКОРГО — Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Тифлис.
ЗНУ — Записки имп. Новороссийского университета. Одесса.
ЗООИД — Записки имп. Одесского общества истории и древностей.
ИВ — Институт востоковедения АН СССР (РАН).
ИВИ — Известия Восточного института. Владивосток.
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества. Иркутск.
ИКОРГО — Известия Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Тифлис.
ИОВ 1 — История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.

* До 1991 г. — Народы Азии и Африки.

** ЗКВ явились продолжением ЗВОРАО, последний, XXV том которых вышел в 1921 г. В 1924 г. РАО прекратило свое существование и деятельность его Восточного отделения была перенесена в основанную в 1921 г. Коллегию востоковедов при Азиатском музее.

- ИФФ — историко-филологический факультет.
- КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. М.—Л., М.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- ЛИВЯ — Лазаревский институт восточных языков.
- ЛИЖВЯ — Ленинградский институт живых восточных языков им. А.С. Енукидзе.
- ЛО — Ленинградское отделение.
- МИВ — Материалы по изучению Востока (изд. МИД). Вып. 1—2. СПб., Пг., 1909—1915.
- МИД — Министерство иностранных дел России.
- МИФВЯ — Материалы для истории факультета восточных языков [С.-Петербургского университета]. Т. I—IV. СПб., 1905—1909.
- МНП — Министерство народного просвещения России.
- НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.
- ОАИЗКУ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
- ОЗ — Отечественные записки. СПб.
- ОИРВ — Очерки по истории русского востоковедения. [I]. М., 1953; II. 1956; III. 1960; IV. 1959; V. 1960; VI. 1963. М.
- Отчет ППО — Отчет имп. Православного Палестинского общества за 1888/89 г. СПб., 1889; ...за 1889/90 г. СПб., 1890; ...за 1910 г. СПб., 1910; ...за 1915 г. СПб., 1915; ...за 1917 г. СПб., 1917.
- Отчет РГО — Отчет имп. Русского Географического общества за 1877 г. СПб., 1878; ...за 1885 г. СПб., 1886.
- Отчеты о поездке по Индии. — Добавление к СМА. 1905—1908, вып. VIII—IX.
- ПВ — Петербургское востоковедение. St.-Petersburg Journal of Oriental Studies. СПб.
- ПДВ — Проблемы Дальнего Востока. М.
- ППИПИК — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. 1990, ч. III.
- Протоколы заседаний конференции Восточного института за 1907/08 акад. год. — ИВИ. 1909 (9-й год изд.), Прил. 2; ...за 1911/12 акад. год. — ИВИ. 1914 (13-й год изд.), Прил. 2.
- Протоколы РАО — Протоколы общих собраний имп. Русского Археологического общества за 1899—1908 гг. СПб., 1915.
- Протоколы РКИСВА — Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1909.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1—55. СПб., 1830—1884; Собрание 3-е. Т. 1—33. 1885—1917.
- ПФ — Санкт-Петербургский филиал.
- РАН — Российская Академия наук.
- РАО — Имп. Русское археологическое общество.
- РБС — Русский биографический словарь. Т. 1—25. СПб., Пг., 1896—1918 (изд. не закончено).
- РГО — Имп. Русское географическое общество.
- РКИСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., Пг.
- Сб. тур. док., 1879 — Сборник турецких документов о войне 1877—1878 гг. Пер. с тур. СПб., 1879 (Приложение к «Военному сборнику»).
- Словарь, 1996 — Словарь: Индуизм, джайнизм, сикхизм. М., 1996.
- Словарь Левицкого — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существо-

- вания (1802—1902). Под ред. Г.В. Левицкого, ординарного профессора имп. Юрьевского ун-та. Т. I—II. Юрьев, 1902—1903.
- СМА — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, изд. Военно-ученого комитета Главного штаба (с 1905 г. — Главное управление Генерального штаба). СПб., 1883—1914, вып. I—LXXXVII.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1914, № 154.
- СТОЭ — Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб. Вып. I—V. 1892—1901.
- ТВЛИВЯ — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М.
- ТВОРАО* — Труды Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб.
- 30-летие Спец. классов — Тридцатилетие Специальных классов Лазаревского института восточных языков: 1872—1902. Памятная книжка. М., 1903.
- ФВЯ — факультет восточных языков С.-Петербургского университета.
- Христианский Восток — Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки, изд. имп. Академии наук. СПб., Пг., 1912—1922, т. 1—6.
- ЭСБ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1—82 (+4 доп.). СПб., 1890—1907.
- CSILO — Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires Étrangères. SPb.
- Mél. As. — Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg.
- JA — Journal asiatique. P.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.

* До 1885 г. — ЗВОРАО.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аалто П. 384
Абамелек-Лазарев С.Д. 31, 473
Аббас Мирза 204
Абатай-Саин-хан 366
Аббот Дж. 140
Абд ар-Расул 441
Абдураззак 225
Абдуррахман-хан 230, 232
Абовян Х. 217, 222
Абу Ибрагим Ибн Барун см. Ибн Барун
Абу-л-Атахийа 186
Абу-л-Фида 163
Абульгази (Абу-ль-Гази) 204
Абу Саид 105
Абу Саид Мейхенейский 193, 198
Абу Тахир Ходжа 247
Аввакум, архимандрит см. Честной Д.С.
Авенариус Г.Г. 320, 323
Агапитов Н.Н. 307
Агафонов А.С. 333
Аграфений 107
Агрнев-Славянский Д.А. 342
Агрнева-Славянская М.Д. 342
Адамов А.А. 122
Айкуни С. 223
Акриш И. 473
Александр III 303, 403, 453
Александр, князь 151
Александр Македонский 139, 228
Александров А.И. 46
Алексеев В.М. 17, 20, 74, 284, 289,
295—302, 309, 314, 323, 477
Алексеева-Дьяконова см. Дьяконо-
ва Н.М.
Али 449
Алиса см. Позднеева А.А.
Альбургер А. 202
Альвардт 180
Альфтан В. 154
Аменемхе III 442, 447, 448
Амени 436
Аменхотп III 440
Аменхотп IV 440
Амио Ж.-Ж.-М. 325
Амман М. 23
Амон (Амун) 442, 443, 458, 459
Амфилохий, иеромонах см. Шипунов
Анастаси 442
Анвары 194, 196, 197
Андо Кэноскэ 303
Андреев М.С. 58, 105, 106, 423, 431
Андреевич В. 150
Аничков В.М. 140
Аничков И.В. 247
Аничков Н.А. 134
Анненский И.Ф. 406
Ансари А. 198
Антей 439
Антонин, архимандрит см. Капустин
Анучин Д.Н. 373
Апеельгрэн-Кивало О.-Х. 382
Апопи 447
Арат Р.Р. 388
Аргишти III 461
Аристов Н.А. 229—231, 233
Арисугава Тарухито 303
Арнольд Э. 413
Арнольди В.А. 264
Арсеньев К.И. 86
Артамонов Л.К. 206
Аспелин И.-Р. 382, 383
Астафьев Н.А. 150
Астон В.Дж. 71, 339
Атанази 442
Атрпет 214
Аттая М.О. 32, 33, 91, 93, 98, 173, 175
Афанасьев С.В. 69
Ахвледиани Г. 46
Ахмад ал-Макки 160
Ахмад-шах 230
Ахмеди Хани 219, 220
Ахмед Табиб 105

- Ашвагхоша 427
 Ашшур-нацир-апал II 460
- Баб** (Али Мохаммед) 134, 212, 213
Бабинцев А.А. 351
Бабков И.Ф. 327
Бабович С. 469
Бадмаев П.А. 377
Баевский С.И. 4
База-бакши 362
Базили К.М. 164
Базиянц А.П. 4, 175
Байер Г.-З. 22
Байкеев 448
Байрон 23
Бакмейстер Л.-Ж. 215
 ал-Бакри 163, 182
Бакулин Ф.А. 123, 133, 213
 ал-Балазури 163
Балашевич 434
Баллод Ф.В. 459
Балтазар 95
Банг В. 385
Банзаров Д. 307
Барадийн Б.Б. 105, 365, 366, 368—369, 377—379, 412, 421
Бараников А.П. 46
Баранов А.М. 115
Баранов И.Г. 70
Барендт И. 81
Бародский 423
Барт О. 409, 422
Бартольд В.В. 6, 12, 17, 73, 74, 104, 111, 114, 142, 152, 171, 180, 188, 192, 208—210, 212, 213, 225, 226, 236, 238, 240, 243, 244, 246, 249—262, 302, 304, 309, 346, 386, 388, 477
Басё Мацуо 351, 352
Батый 81
Батюшков Г.Д. 133, 213
Баумгартен К.А. 206, 212
Бауэр А. 449
Башшар ибн Бурда 179
Баязеди см. Мела Махмуд Баязеди
Бебутов В.О. 203
Бедье Ж. 410
Безак 237
Безобразов В.В. 133
 ал-Бейдави 159
Бекетов А.Н. 118
Бело 175, 176
Белокуров С.А. 121
- Беляев** В.И. 456
Беляев Д. 122, 212
Беляев И.А. 105
Бендалл С. 409, 412
Бендер И.Г. 470, 472
Бенфей Т. 394, 396, 410, 411
Берг Н.В. 23, 111
Бергень А. 24, 25, 79, 409
Березин И.Н. 8, 10, 12, 14, 15, 37, 118, 163, 204—206, 208, 209, 212, 214, 217, 219, 236, 310, 387—388, 389, 435
Березовский М.М. 357, 358, 388
Беренс А.И. 140
Берже А.П. 202, 203, 208
Берзин Э.О. 4
Берлев О.Д. 4
Бернгард И.А. см. Дорн Б.А.
Бернгейм 260
Бернс А. 140
Бероев Н.А. 8
Берч 439
Беха-Улла (Хусейн Али) 213
Бецольд К. 463
Бётлинг (О.Н.Бётлинг) 45, 386, 397, 409
Биберштейн-Казимирский А.Б. 169
Бильге-каган 316, 383, 386
Био Э.-Ж. 296
ал-Бируни, **Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед** (эль-Бируни) 84
Бирюков П. 407
Биссинг Ф.-В. 459
Битлиси Х. 220
Бичурин Н.Я. (о.Иакинф) 64, 66, 276, 281, 316—317, 333
Бларамберг И.Ф. 139, 204, 206
Блау 95—97
Блудов 446
Бобринский А.А. 104, 391
Богданов Л.Ф. 208
Богданович К.И. 355
Боголюбов Н.М. 77
Богоявленский Н.В. 270
Богуславский Д.Н. 161, 164
Бодэ К. 123
Боденштедт Фр. 218
Бодуэн де Куртене И.А. 24, 324
Бодянский 99
Бок В.Г. 446
Болдырев А.В. 159, 161, 168
Болотов В.В. 455
Большаков О.Г. 4
- 522

- Болп Ф. 385, 394
 Борисов А.Я. 472
 Бороздина Т.Н. 457, 458
 Боткин С.П. 54
 Ботта Э. 460
 Браун Ф.А. 416
 Браун Э. 213
 Брестед (Брæстед) Дж.-Г. 458
 Брокгауз Г. 45
 Брокгауз Ф.А. 425
 Брокельман К. 168
 Броневский С.М. 200, 201
 Броссе М.И. 28
 Броутон 144
 Бругш Г. 434, 435, 438, 443, 450, 451, 458
 Брюннов Р.-Э. 44
 Будагов Л.З. 8, 124
 Будда 311, 389, 396, 410, 413
 Булджер Д. 296
 Бульмеринк (Бульмеринг) А. фон 44, 45
 Буниа И.А. 112
 Бунъё Нандзё 412
 Буслаев 99
 Бустани Бутрус 167
 Бутенев К.Ф. 117, 139
 Бутков П.Г. 201
 Бхандаркар Р. 421
 Быков А.Н. 152
 Бэр К.М. 86, 87
 Бэр Ф.Ф. 86
 Бæрджес Дж. 409
 Бюлер Г. 46, 397, 409, 411, 416—418
 Бюлер Ф.А. 125
 Бюрнуф Э. 396

 Вагнер М. 218
 Вайль Г. 165
 Валиханов Ч.Ч. 89, 116, 118, 119, 307, 308, 327
 Валле-Пуссен Л. де ла 412, 418, 424
 Валлин Г.-А. 160
 Вамбери Г. 84, 388
 Вамбоцыренов И. 284
 Вамваки К.Г. 127
 Ван Анъ-ши 296
 Васильев А.А. 110
 Васильев В.Н. 342
 Васильев В.П. 8, 12, 14, 15, 17, 60, 61, 64, 74, 85, 90, 118, 144, 153, 214, 236, 265—277, 279—282, 285—289, 292, 298, 303—305, 308—326, 328—330, 333, 336, 356, 360—362, 372, 374, 375, 378, 393—396, 406
 Васильев Ф.Н. 104
 Васкевич П.Ю. 54
 Васубандху 350, 422
 Вахович А.С. 270
 Вебер А. 24, 394
 Вебер К.И. 297, 335, 336
 Веллер Ф. 427
 Вельхаузен Ю. 187
 Вельяминов-Зернов В.В. 83, 170, 204, 221, 249
 Венюков М.И. 84, 116, 143, 144—146, 207
 Вернадский В.И. 407
 Веселовский А.Н. 33, 91, 101, 396, 410
 Веселовский К.С. 177
 Веселовский Н.И. 12, 15, 63, 104, 119, 165, 178, 179, 192, 201, 209, 236, 238, 239, 241—249, 251, 253, 254, 258, 278, 292, 294, 302, 307—309, 361, 376, 399
 Вестергард Н. 460
 Вигасин А.А. 4
 Видеман Ф.И. 22
 Видьябхушан С. 424
 Викентьев В.М. 458
 Вильсон Г. 25
 Вильчевский О.Л. 224
 Винер С.Е. 20, 470
 Винклер Г. 463
 Винников И.Н. 472
 Винтерниц М. 47
 Виткевич И.В. 124
 Витте С.Ю. 48, 156, 295
 Владимирцов Б.Я. 105, 301, 370, 371
 Владиславлев М.И. 303
 Владыкин А.Г. 333
 Властов Г.К. 438
 Военский К. 341, 349
 Войцеховский О.П. 324
 Волков И.М. 457, 458, 465
 Волков М. 221
 Воловников В.Г. 4
 Вологодский С.Г. 69
 Ворожейкина З.Н. 4
 Воронцов М.С. 117, 202, 203
 Воронцов-Дашков И.И. 83
 Воскресенский А.Н. 304, 345
 Врангель Ф.П. 86, 87
 Врежинский В. 458

- Вронченко М.П. 86
 Вэй Юань 268
 Вюстенфельд Ф. 168
 Вяткин В.Л. 105, 106
- Габеленц Г. 383
 Габерланд 81
 Гагара В. 107
 Газенкамф М.А. 150
 Гайгер В. 407
 Гакстгаузен фон 218
 Галаган П. 76
 Галдан см. Галдан-хун-Тайджи
 Галдан-хун-Тайджи 359, 366
 Гальперин А.Л. 319
 Гамазов М.А. 123, 125, 128, 132, 133,
 212, 462
 Гарбе Р. 418
 Гардинер Э. 447, 448, 450
 Гарин-Михайловский Н.Г. 338
 Гаркави А.Я. 164, 182, 470, 471
 Гаффаров М.А. 35, 193
 Гедеонов Д.Д. 109
 Гедин С. 420
 Гезениус В. 469
 Гейкель А.-О. 103, 383
 Гейкель Х.-И. 384
 Гейне Г. 392
 Гейнс А.К. 147, 327
 Гейнс В.К. см. Фрей В.
 Гельднер К. 80
 Гельмерсен Г.П. 86, 87
 Георгиевский С.М. 74, 266, 275—279,
 285, 289, 292, 296, 319
 Герасимов И.С. 149
 Германн см. Херманн
 Герье 99
 Гесс Ф.Ф. 458
 Гинцбург Д.Г. 181
 Гиппиус А.И. 109
 Гиргас В.Ф. 15, 76, 83, 161, 166—170,
 173, 175, 176, 179, 181, 186
 Голенцев В.С. 435—443, 446—450,
 452—455, 457, 459, 463, 465, 476
 Головин А.В. 87
 Голстунский К.Ф. 8, 15, 236, 358, 359
 Голубев М.А. 466
 Гольдциер И. 37, 168, 170, 188
 Гольдштюкер Т. 25
 Гомер 45, 47
 Гончаров И.А. 339
- Гордлевский В.А. 22, 34, 35, 175, 189,
 191, 223, 225
 Горегляд В.Н. 4
 Горлов А.П. 151
 Горский В.В. 333
 Горчаков А.М. 116, 146
 Горяинов С. 111
 Готвальд И.Ф. 157, 159, 161, 162, 169,
 179, 180, 209, 271
 Готьо Р. 105, 106
 Гошкевич И.А. 339, 340, 353, 354
 Грановский Т.Н. 166
 Гранз Г.-И. 106, 385
 Грассман Г. 80
 Гребенщиков А.В. 67, 74, 331, 332
 Гребо 442
 Гревс И.М. 407
 Грибоедов А.С. 201, 202
 Григорович И.Г. 133
 Григорович-Барский В.Г. 107
 Григорьев А.В. 104
 Григорьев В.В. 9—13, 16, 83—85, 160,
 163, 190, 208, 212, 214, 227—229,
 235—243, 249, 252, 258, 261, 266,
 307, 309, 321, 329
 Григорьев Г.М. 322
 Грингмут В.А. 93
 Гринейзен В. 457
 Гриффит 454
 Гродеков Н.И. 49, 52, 54, 56, 62, 72, 152
 Грубе В. 177
 Грулев М.В. 155
 Грум-Гржимайло Г.Е. 355
 Грюневельд А. 358, 412, 413, 415, 422,
 431, 432
 Гудеа 96
 Гумбольдт В. фон 385
 Гусев В.В. 134
 Гутковский К.К. 327
 Гюбшман Г. 99
 Гюльденштедт И.-А. 215
 Гюльнар-ханум см. Лебедева О.С.
 Гюцлаф К. 277
- Давыдов К.Н. 264
 Даймель А. 463
 Далай-Лама XIII (Нгаванг Лобсанг
 Тубдан Чжамцо) 53, 378, 421, 424
 Даль В.И. 86
 Дандин 81
 Данзин Зарбаин 421
 Данилевский Г.И. 139

- Данилов В.В. 99
 Дарий I 441, 460
 Дармстетер 79, 408
 Дас Сарат Чандра 376, 420
 Дашков Я.А. 325
 Девериа Г. 383
 Дево 450
 Дейссен П. 418
 Делич Ф.Ю. 44, 462—464
 Дельбрюк Б. 45, 47
 Делянов И.Д. 280, 304
 Демезон П.И. 128, 139
 Джавахов И.А. 110
 Джайлс Г.-Х. 296
 Джами 194, 195
 ал-Джахиз 181
 Джуллаби 199
 ал-Джумахи Абу Дахбале 186
 Джурабек 256
 Дзерунян (Церуниан) С.Г. 33
 ад-Димашки ал-Ва'ва 162, 186
 Диллон Э. 78, 81
 ад-Динавари 169, 181
 Дионис 79
 Диттель В. 204, 217—219, 236, 459, 460
 Дмитриевский П.А. 270, 291, 335—339,
 353, 354
 Дмитриев К. 55
 Доброловский И.А. 115
 Дози Р. 165, 166
 Долгоруков В.А. 134
 Долгоруков Д.И. 134
 Доля Г.И. 305
 Дондук-Даши 359
 Доннер О. 106, 382
 Доннер-младший О. 384
 Доржиев Агван 379
 Дорн Б.А. (И.-А.-Б.) 9, 11, 18—20, 22,
 81, 83, 133, 157, 162, 164, 176, 177,
 179, 181, 190, 208, 209, 213, 221,
 222, 225, 226, 228—230, 234, 240
 Дост Мухаммед-хан 117, 118
 Достоевский Ф.М. 117
 Драгоманов М.П. 76
 Дридзо А.Д. 4
 Дринов М.С. 78
 Дубровин Н.Ф. 20, 203
 Дуглас Р. 84, 85, 272
 Дудин С.М. 357, 383, 415
 Ду Чжао 268
 Дхармакирти 419, 420
 Дхармоттара 419
 Дьяконов И.М. 465
 Дьяконова (Алексеева-Дьяконова) Н.М.
 458
 Дювернуа А.Л. 24
 Дюга Г. 205
 Дюгамель А.О. 139
 Дюгалд Ж.-Б. 277
 Евгений, епископ см. Шершилов
 Евсевий Кесарийский 469
 Евфимий, протоиерей см. Малов Е.А.
 Егиазаров С.А. 222, 223
 Егише 78
 Егличка 191
 Екатерина II 201
 Елисеев А.В. 108
 Елисеев С.Г. 301, 351, 352
 Еренцов (Еренцян) А.Д. 461
 Ермаков 460
 Ермолов А.П. 202, 203
 Ерошенко В.Я. 342
 Ефремов Д.А. 202
 Ефремов П. 202
 Ефремов Ф. 400
 Ефрон И.А. 425
 Жабá А.Д. 217, 219—222
 Жайон 441
 Жамцарано (Жамцаранов) Ц.Ж. 365—
 369, 378, 412
 Желтяков А.Д. 238, 239
 Жирмунский А.М. 264
 Жобер П.-А. 387
 Жубрайль Товфик см. Кезма Т.Г.
 Жузе П. 77
 Жуковский В.А. 17, 103, 104, 128—133,
 171, 172, 192, 193, 196—199, 208—
 210, 212—214, 251—253
 Жуковский С.В. 115, 132
 Жюльен С. 321
 Забелин А.И. 98
 Завадский-Краснопольский В.А. 344,
 345
 Залеман К.Г. 17, 20, 22, 23, 104, 177,
 192—194, 196, 197, 209, 210, 221,
 222, 316, 324, 406, 426, 444
 Зарубин И.И. 105, 106, 279
 Захаров И.И. 15, 267, 296, 318, 325—
 329, 336, 361
 Зееземанн (Зееземанн) О.-Э. 44, 45
 Зеленый А.С. 149

Зенон 455
Зете К. 450, 457
Зибольд Ф.Ф. 272
Зимин Л.А. 105
Зиновьев И.А. 123, 192, 291, 336, 376
Злобин К.К. 120, 125
Золотарев А.М. 206
Зубков К.П. 150
Зыбин Л. 268
Зыков С.П. 150

Иакинф см. Бичурин Н.Я.
Ибн ал-Асир 163
Ибн Барун 472
Ибн Баттута 163
Ибн Джубайр 163
Ибн Кузман 181
Ибн Кутейба 163
Ибн Русте 164, 182
Ибн Тагриберди 163
Ибн Фадлан 183, 184, 215
Ибн Халдун 163
Ибн Халликан 163
Ибн Хишам 163
Ибн-и Ямин 138
Ибшер Г. 448, 450
Ибшер Р. 448
Иванов А.И. 114, 288, 295—297, 301,
302, 305, 306, 320, 321, 346, 380
Иванов В.А. 179, 199, 209, 212
Иванов И.А. 128
Иванов К.В. 122
Иванов Л.А. 236
Иванов-Ованесян В.Е. см. Иоани-
сянц В.К.
Ивановский А.А. 100, 461
Ивановский А.И. 74
Ивановский А.О. 268, 277—287, 289,
292, 329, 330, 356, 374, 375
Ивановский Л.А. 134
Игнатъев В.И. 133, 213.
Игнатъев Н.П. 116, 119, 124, 125, 140,
143
Игумнова см. Попова А.К.
Иехуда Ибн Бал'ам 472
Иехуда Хайюдж 472
Измайлов М.К. 30
Иисус Христос 466, 468
Илария 455
Илларионов В.Т. 319
Ильминский Н.И. 36, 38, 39, 41, 43, 111,
158, 161, 163, 236, 388

Имруулькайс 36
Инджинджиан 217
Иностранцев К.А. 171, 188, 209, 210
Иноуэ Син'ю 305
Иоакимов 98
Иоанисянц В.К. (Иванов-Ованесян В.Е.)
30
Иосиф, хазарский царь 471
Ирдыниев Цэбэк-Даньчжа 376
Исакович Н.Ф. (архиепископ Нил) 308
Истрин В.М. 93
Ито Хиробуми 340
Ишпуини 460

Йазиджи Насиф 167
Йакуб И. 182
Йакут см. Якут
Йах'йа Антиохийский 181, 182, 185

Каган И. 44
Кагаров Е.М. 459
Казем-Бек А.К. (Мирза Мухаммед
Али) 8—10, 13, 78, 98, 111, 127,
134, 138, 140, 160, 163, 179, 191,
192, 209, 212, 213, 234—237, 270,
387
Каллери Ж.-М. 321, 322
Калмыкова А.М. 407
Каль Е. 180
Камалашила 421, 422
Каменский П.И. 333
Каминос Р. 448, 450
Камсаракан К.П. 216
Кананов Г.И. 28, 31, 32, 91, 93
Кант И. 419
Капеллер К. 45
Каплан Г.Х. 4
Капнист Д.А. 292
Капустин (архимандрит Антонин) 470
Караваев В.А. 264
Карлейль Т. 394
Карская Л.Н. 195
Карцов Ю.С. 109, 216
Касаткин И.Д. (епископ Николай) 347
Каспари К. 161
Катанов Н.Ф. 247
Кауфман К.П. 142
Кафаров П.И. (архимандрит Палладий)
282, 290, 291, 308, 318, 319, 334
Кацура 342
Качановский В.В. 77

- Кашифи 192
 Каэтани Л. 187
 Казма Т.Г. (Товфик Жубрайль) 77
 Кельзи Ф.И. 158—160
 Кеппен П.И. 86, 87, 275
 Керзон Дж. 206
 Керн Г. 412
 Ким Пёнок 306
 Ким Хёнто 68
 Кильхорн Ф. 426
 Кирпичников А.И. 32
 Клапрот Г.-Ю. 220
 Кларе А.К. 105
 Клеменц Д.А. 103, 104, 381, 383, 384,
 388—391, 412, 413
 Клеменц Е.Н. 384
 Клемм В.О. фон 122, 130
 Кляшторный С.Г. 4
 Кнауэр Ф. 26, 46, 47, 75
 Кобеко Д.Ф. 399, 425
 Кобелев А.С. 54
 Ковалевский Е.П. 10, 88, 116—119,
 325—327
 Ковалевский М.М. 26, 236
 Ковалевский О.М. 309, 329, 361, 371
 Козлов П.К. 148, 297, 355, 378, 380, 412
 Коковцов В.Н. 347, 349
 Коковцов (Коковцев) П.К. 463, 465,
 470—473
 Колесников А.И. 4
 Колесов Н.Ф. 270
 Колоколов В.С. 322, 323
 Колюбакин А.М. 110, 216
 Комитас 223
 Коммод 441
 Кондаков Н.П. 109
 Конолли А. 140
 Кононов А.Н. 6, 7, 386
 Конрад Н.И. 105, 106, 114, 302, 306, 307,
 352, 353, 428
 Конради А. 405
 Константин Николаевич, великий
 князь 87, 272, 391
 Конфуций (Кун-цзы) 293
 Концевич Л.Р. 70
 Копп Б.Л. 72
 Коптев А.И. 108
 Коржев 322
 Корнилов А.А. 407
 Коробейников Т. 107
 Коростовец И.Я. 59, 104
 Коростовцев М.А. 447
 Корсаков В.В. 293
 Корсаков Д.А. 271
 Корш В.Ф. 32, 395
 Корш Ф.Е. 22, 27, 34, 91, 93, 94, 98, 99,
 101, 102, 175, 178, 179, 193, 210
 Коссович К.А. 8, 9, 17, 78, 393, 395, 401,
 406, 469
 Коссэн де Персеваль 166
 Костылев В.Я. 14, 71, 305, 340, 341, 347,
 348, 354
 Котвич В.Л. 63, 104, 156, 297, 330, 338,
 369, 370, 380, 385
 Кохановский Н.М. 58
 Коцейовский А.Л. 457, 458
 Кочубей Гёмюрджинский 191
 Крам 458
 Краснов А.Н. 264
 Крачковский И.Ю. 17, 18, 32, 34, 110,
 157, 170, 172—174, 176, 178, 179,
 182, 185—187, 250, 262, 477
 Крель 44
 Кремер А. 165
 Кротков Н.Н. 104, 373, 389
 Крузенштерн И.Ф. 86
 Крупенский П.Н. 128
 Крушевский Н.В. 24
 Крымский А.Е. 22, 34, 76, 94, 95, 99,
 172—176, 179, 184, 186, 193, 200,
 208—214
 Кудрявский Д.Н. 46, 47
 ал-Кудури 168
 Кузьмин Н.Д. 69
 Куйа 440
 Кукель Б.К. 145
 Кумани А.М. 291, 335
 Кун А.Л. 26, 83, 215
 Кун Э. 45
 Кунош И. 189
 Курдоев К.К. 4
 Куроно Ёсибуми (Куроно Иосибуми,
 Куроно И.Н.) 13, 70, 303—305, 346,
 347
 Куропаткин А.Н. 148, 149, 309
 Куртц И.-Г. 43
 Кусуноки 350
 Кутлуг (Эльтериш-каган) 383
 Кучук-Иоаннесов Х.И. 100, 101
 Кычанов Е.И. 4
 Кюль-тегин 316, 383, 384, 386
 Кюннер Н.В. 50, 53, 58, 61, 63—65, 69,
 70, 74, 156, 309, 319, 338, 349

- Ладухин И.А. 267
 Ладыженский Н.Ф. 357
 Лазарев Л.Е. 31
 Лазарев Л.Э. 28—32
 Лазарев Х.Е. 30
 Лахка 403
 Ламанский В.И. 396, 397, 416
 Ланге Р. 350, 428
 Ланглау 260
 Лао-цзы 314
 Лаперуз 144
 Ларин Б. 46
 Лассен Х. 396
 Лебедева О.С. (Гюльнар-ханум) 112
 Леви С. 409, 422, 424
 Леви-Брюль Л. 80
 Левин А.М. 431
 Левин Н.П. 383
 Левитский А.Д. 133
 Левицкий К.В. 150
 Легг Д. 296
 Лейман Э. 425
 Лейхтенбергский, герцог 436
 Лекс А. фон 373, 384, 415, 422
 Леман К. 463
 Лемм О.Э. 12, 20, 408, 443—446, 448, 451, 453—455, 457, 458, 462, 463
 Ленци А.А. 270
 Леонтьев А.И. 333
 Лепsius Р. 435, 440, 443, 470
 Лермонтов М.Ю. 112
 Лерх П.И. 83, 214, 217, 218, 220—222, 243, 249
 Лехтисало Т.-В. 106
 Ли Бо 300
 Ли Хун-чжан 55
 Либлейн И. 434, 435
 Лисан ал-Мулк (Мухаммад-Таки «Сипихр» Кашани) 212
 Литке Ф.П. 86—88, 147
 Лихачев Н.П. 95, 97, 455, 456, 464, 465
 Лихутин М. 216
 Ловягин Е.И. 466
 Логофет Д.Н. 204
 Лорис-Мелик-Калантаров А.А. 20
 Лофтус У.-К. 462
 Лужецкая Н.И. 4
 Лукьянов Г. 458
 Лэйард А. 460
 Лэн Пуль 255
 Любимов А.Е. 302
 Любимов Н.И. 116
- Людвиг А. 26
 Людерс Г. 422, 426, 427
 Люндквист 460
 Люперольский П.И. 77
 Лян Н.М. 334
 Лян Ци-чао 297
 Ляо Чжай 331
- Ма Тянь-жун 283
 ал-Маарри Абу-л-Ала 186
 Маев Н.А. 152
 Маздак 211
 Мазитова Н.А. 4
 Майя Ж. 277
 Макарий 179, 184
 Макаров А.А. 261
 Макаров С.О. 58
 Макаш Г. 222
 ал-Макризи 188
 Максимов В.А. 189
 Максимович-Васильковский 206
 Малевский-Малевич Н.А. 347
 Маленький И. 107
 Малов Е.А. (протоиерей Евфимий) 38, 41, 161
 Малов С.Е. 105, 106, 307, 358, 388—390
 Маломеркова А. 59
 Мальмберг В.К. 457, 462
 Мальцев А.С. 202
 Мальшинский А. 202
 Мамбетов Хали-бай 247
 Мариетт О. 438
 Марк С. 212
 Марко Поло см. Поло М.
 Марков А. 133
 Марков Е.И. 109
 Маркс К. 80, 260
 Марр Н.Я. 17, 104, 110, 114, 171, 218, 223, 224, 306, 410, 461, 465
 Мартенс Ф.Ф. 127
 Мартин В. 291
 Мартинович Н.Н. 189
 Мартьянов Н.М. 381
 Маслов см. Одоевский Н.
 Масперо Г. 443, 449, 451
 Масуда Косай см. Татибана Косай
 Матвеев П.П. 152
 Махов В.Е. (протоиерей) 339
 Мацуда Исао 343
 Мацуо Басё см. Басё Мацуо
 Машанов М.А. 39—43, 210
 Медведев А.И. 206

- Медем А.И. 134
 Медников Н.А. 110, 111, 170, 172, 179,
 182, 187, 188
 Межов В.И. 265
 Мейе А. 370
 Мейендорф Е.К. 139
 Мейер И. 81
 Мейер Л. 45, 46
 Мейер Эд. 436, 457, 463
 Мела Махмуд Баязеди 219, 220
 Мелиоранский П.М. 17, 104, 171, 385—
 387
 Мельгунов Г.В. 12, 19, 208, 239, 395
 Мельников А.А. 134
 Менан Ж. 96
 Мендрин В.М. 59, 71, 349, 350, 352
 Менуа 460
 Мерварт А.М. (Г.-Г.-Х.) 425, 431—433
 Мерварт Л.А. 431, 433
 Мерен М. 162
 Меринг А.И. 77
 Месарош Ю. 106
 Меттерних 437
 Меши 468
 Мещанинов И.И. 466
 Мёллер Г. 457
 Мёрдок Дж. 341
 Миклухо-Маклай Н.Н. 264
 Милеску И. (Спафарий Н.Г.) 333
 Милица Николаевна, великая княгиня
 115
 Миллер А. 122, 208
 Миллер Б.В. 102, 224
 Миллер В.Ф. 22, 25—27, 32, 46, 49, 79,
 91, 93, 94, 99, 101, 210, 214, 464
 Милютин Д.А. 135, 142, 145—147
 Мин Кёнсик 306
 Минаев И.П. 15, 17, 47, 79, 264, 268,
 284, 308, 312, 362, 374, 375, 392—
 406, 408—411, 413, 416, 425
 Минамото 350
 Минорский В.Ф. 22, 99, 122, 123, 175,
 209, 214, 216, 250, 462
 Мирза Ахмед 247
 Мирза Таги-хан Амир Кабир 200, 211
 Миронов Н.Д. 20, 405, 425, 426
 Мирхонд 193
 Митчель Д. 236
 Михаил Николаевич, великий князь
 113
 Михайловский В.Я. 108
 Мичжэд-дорджи 376
 Моисей Ибн Джикитилла 472
 Моль 214
 Монастырев Н.И. 270, 271
 Монте П. 440
 Мориц Б. 388
 Мошнин А.Н. 133
 Мсерианц Л.З. 92, 99
 Мудров Б.Г. 322
 Музаффар-хан см. Сеид Музаффар-
 хан
 Муравьев М.Н. 86
 Муравьев Н.Н. 143, 203
 Муравьев-Карский Н.Н. 137
 Муркос Г.А. 32, 93, 173, 184
 Муромский В.Ф. 105
 Муромцев М.М. 127
 ал-Мутанабби 186
 Мухаммад 167, 179
 Мухаммад Хайдар 226
 Мухаммед 37, 40—42
 Мухаммед Али 437
 Мухлинский А.О. 8, 10, 13, 163, 179,
 191
 Мьюр В. 165
 Мэн-цзы 293
 Мюлау Г.-Ф. 43, 44
 Мюллер А. 251
 Мюллер М. 26
 Навроцкий М.Т. 8, 159—161, 163, 167,
 168, 236
 Нагарджуна 418
 Нагель П. 454, 455
 Надаров В.И. 55, 69
 Надеждин Н.И. 88, 307
 Надир-шах Афшар 139
 Надлер В.К. 77, 166
 Назаров Ф. 139
 Назарянц С.И. 28, 29, 31, 32, 193, 209
 Назирова Н.Н. 4
 Наливкин В.П. 98, 210
 Натанаил 472
 Невельской Г.И. 143, 144
 Невский Н.А. 352, 428
 Недачин С.В. 293
 Некрасов Н.А. 117
 Нератов А.А. 349
 Нерсесов Н.О. 91, 93
 Нессельроде К.В. 116
 Нёльдеке Т. 165, 251, 463
 Низами 194
 Никитин А. 399

- Никитин В.П. 133
 Никитин Н.В. 93
 Никитский М. 192
 Никифоров В.Н. 4
 Николай I 201, 202, 353
 Николай, епископ см. Касаткин И.Д.
 Никольский М.В. 27, 91—98, 100, 461, 464
 Нил, архиепископ см. Исакович Н.Ф.
 Ниси Токудзиро 303
 Нитта 350
 Новый А. см. Позднеев Д.М.
 Номтоев Р. 284
 Нофаль И.Г. (Селим) 127, 132, 133
 Нуайме М. 77
- Обермиллер Е.Е. 421
 Оболенский М.А. 421
 Обручев В.А. 90, 148, 355, 357
 Обручев Н.Н. 153
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 79, 80
 Огихара 424
 Огранович А.И. 206
 Оде-Васильева К.В. 77, 110
 Одоевский В.Ф. 86
 Одоевский Н. (Маслов) 401
 Окатомо Рюносукэ 346
 Окромчеделов-Серебряков И.Л. см. Серебряков-Окромчеделов И.Л.
 Олеарий А. 207
 Олесницкий (Олясницкий) А.А. 108
 Ольденберг Г. 313, 404, 409, 413
 Ольденбург С.Ф. 16, 17, 21, 22, 60, 73, 74, 103, 106, 107, 114, 206, 208, 274, 278, 279, 296, 298, 301, 310, 312, 319, 351, 357, 358, 365, 366, 369—374, 378—380, 384, 388, 389, 391, 404—416, 418, 420, 421, 423, 425, 430
 Ольденбург Ф.Ф. 374, 406, 407
 Омар I 187
 Омар Хайям 193, 195, 197, 210
 Омар-шейх 256
 Опперт Ж. 85, 97, 470
 Орановский 206
 Орбели И.А. 17, 223—225, 461
 Орлов А.М. 329
 Орлов А.П. 133
 Осман 37
 Османов М. 14
 Осоркон II 434
 Остен-Сакен К.И. 136, 137
- Остен-Сакен Ф.Р. 83, 85, 125, 291, 323, 334, 372, 373
 Остроумов Н.П. 39—41, 98, 105, 210
 Отано Кигоро 335, 336
 Оттон Ю.К. см. Розенберг О.О.
 Очиров Н.О. 369
 Ошанин И.М. 322
- Павел Алеппский 184
 Павлинов А.М. 93, 98
 Павлинов К.И. 125
 Павлович М.П. 208
 Падерин И.В. 270, 335
 Палладий, архимандрит см. Кафаров П.И.
 Паллас П.-С. 215
 Панаев В.П. 346
 Панафидин П. 122
 Панкратов Б.И. 74
 Пантусов Н.Н. 104, 239
 Панчэн-Лама 376
 Папино А.-Е. 341
 Паркер Э.-Х. 61
 Паррот Фр. 218
 Паскевич И.Ф. 202, 203
 Патканов (Патканян) К.П. 12, 15, 83—85, 209, 249, 461
 Пашков Б.К. 74, 325, 332
 Пашино П.И. 128, 207, 208, 264
 Певцов М.В. 148, 355
 Пекарский П.П. 120
 Пеллио П. 333, 370, 415, 422
 Перепёлкин Ю.Я. 456
 Перовский В.А. 434
 Персиани И.А. 122
 Петкович К.Д. 109
 Петр I 102, 201
 Петров А.А. 314
 Петров М.Н. 77
 Петров П.Ф. 461
 Петров П.Я. 23—25, 27, 99, 158
 Петровский Н.Ф. 124, 372, 373, 411
 Петросян И.Е. 4
 Петрушевский И.П. 250
 Пешуров Д.А. 66, 266, 267, 279, 285, 288, 289, 307, 322
 Пигулевская Н.В. 472
 Пирогов Н.И. 81
 Питри У.-Ф. 442
 Пишель Р. 426
 Плансон Г.А. 55, 56
 Плат И.-Г. 272

- Погодин М.П. 139
 Поджио М.А. 337, 338
 Подставин Г.В. 50, 53, 68—70, 75
 Позднеев А.М. 48—52, 54—57, 60, 68, 113, 268, 275, 277, 280, 285, 294, 329, 330, 333, 345, 356, 359—364, 371, 374, 376
 Позднеев Д.М. (Новый А.) 48, 55—58, 62, 114, 156, 272, 293—295, 305, 309, 336, 338, 341—346, 348, 349, 354, 364
 Позднеева А.А. (урожд. Глюк) 346
 Позднеева Л.Д. 314
 Покотилов Д.Д. 270
 Поливанов Е.Д. 115, 351, 428
 Поло Марко 308, 405
 Половцев 256
 Полозов А.А. 155
 Полосин В.В. 4
 Померанцева Л.Е. 314
 Помпелли Р. 106
 Попов А. 348
 Попов А.В. 8, 10, 192, 236, 358
 Попов В.В. 341
 Попов Н.А. 270
 Попов П.С. 63, 66, 104, 273, 280, 289—293, 295, 297, 318, 322, 336, 356
 Попова (Игумнова) А.К. 293
 Попова З.Н. 342
 Порфирьев С.И. 38
 Пославский И. 255
 Посьет К.Н. 353
 Потанин Г.Н. 104, 118, 284, 307, 327, 355—357, 359, 371, 374, 376, 380, 381, 391
 Потебня А.А. 24, 78
 Потт А.-Ф. 385
 Потто В.А. 203, 221
 Потье Г. 277, 308, 321
 Пракситель 96
 Прахов А.В. 438, 452, 459
 Прахов М. 392
 Пржевальский Н.М. 89, 143—145, 147—149, 277, 315, 354, 355, 377, 380, 381
 Придик Е.М. 448
 Прим Е. 222
 Протасьев И.П. 288
 Пуссен см. Валле-Пуссен Л. де ла
 Путята Д.В. 110
 Путятин Е.В. 143, 339, 340
 Пуцилло М.П. 68, 121, 333, 334, 354
 Пушкин А.С. 112
 Пхадке В. 400
 Пыльцов 148
 Радде 98
 Радлов В.В. (Ф.-В.) 20, 22, 103, 104, 222, 251, 253, 274, 316, 324, 330, 381—391, 427, 431
 Рази 199
 Рай Санъё (Рай Дзё/Дзио) 349, 350
 Рамминг М.Н. 352
 Рамсес III 450
 Рамсес XI 442
 Рамстедт Г.-И. 384, 385
 Рассадина Е.Ф. 118
 Раулинсон Г. 460
 Рафалович А.А. 88
 Рахотп 440
 Рашид ад-дин (Рашид-эд-дин) 204, 366
 Рачинский А.В. 125
 Редер Д.Г. 96
 Резанов Н.П. 353
 Ренан Э. 165
 Рено 166
 Рерихт Р. 107
 Ремер 213—214
 Ризаев (Тер-Захаров) М.-Дж. 34, 91
 Рикорд П.И. 86
 Рис-Дэвидс Т. 313, 404, 409, 412, 413
 Риттер П.Г. 80, 81
 Риттер К. 89, 227, 229, 240
 Риттих П.А. 206, 212
 Рифтин А.П. 463, 472
 Рич 220
 Робертс Т. 128
 Робертсон 228
 Роборовский В.И. 148, 355
 Родзянко М.В. 130
 Розен В.Р. 15, 16, 22, 43, 49, 83—85, 133, 166—174, 176—182, 184—188, 194, 209, 210, 212, 213, 249, 251, 252, 274, 286, 287, 293, 304, 316, 372, 373, 375, 382, 406, 408, 410, 435, 447, 471
 Розенберг О.О. (Оттон Ю.К.) 305, 313, 317, 322, 323, 350, 352—354, 424, 425, 428—430
 Розенберг Ф.А. 20, 209, 210
 Розов Г.М. 328
 Ромаскевич А.А. 199, 209
 Ромодин В.А. 228
 Росс Д. 197, 424, 428
 Россов П.А. 338
 Россохин И.К. 333
 Рот Р. 24, 25, 45, 46

- Рудаков А.В. 50, 52, 53, 58, 60—62, 65,
 72, 74, 319, 331
 Руденко М.Б. 220
 Руднев А.Д. 330, 365, 367, 368, 371
 Румейко-Гурко В.И. 155
 Руми Джалал ад-дин 194
 Руссо 179
 Рыженков М.Р. 4

 Саади Ширазский 32, 193—195, 210
 Сабашников М.В. 300, 301
 Саблуков Г.С. 35—39, 41—43, 161, 210
 Сабуров 446
 Савва Освященный 108
 Савельев П.С. 164, 184
 Сагаки 427
 Сазонов С.Д. 130, 347
 Саид Расул 105
 Саков С.Е. 33, 91
 Салтыков-Щедрин М.Е. 117
 Самойлов В.К. 154
 Самойлович А.Н. 105, 106, 114, 190, 262,
 267, 385
 Самуил Нагид 472
 Саргон II 460
 Сардури II 461
 Сасаниды 81
 Саси С. де 161
 Саяна 25
 Свенске К.В. 205
 Свербеев А.Д. 266
 Себек 458
 Северцов Н.А. 89, 143
 Севрюгин В.И. 134
 Сеид Музаффар-хан 125
 Семенов А.А. 105, 175, 209, 214, 232
 Семенов-Тянь-Шанский (Семенов) П.П.
 86, 87, 89, 116, 118, 144, 241, 327,
 370
 Сенар Э. 404, 405, 409, 422
 Сenvосре II 442
 Сенковский О.И. 9, 138, 157, 159, 160,
 186, 191, 192, 204, 236, 442
 Сеньобос 260
 Серебряков Г.А. 304
 Серебряков-Окромчеделев (Окромче-
 деловшили) И.Л. 31, 91, 93
 Серошевский В.Л. 338
 Серчевский Е. 202
 Серышев И. 115
 Сибавейхи 168
 Симонич И.О. 139

 Симмура Идзуру 349
 Синдбад 410
 Скачков К.А. 267, 272, 308, 333
 Скачков П.Е. 287, 302, 326
 Слеман С. 220
 Слуцкий С.С. 93, 94, 96—98
 Случевский К.К. 104
 Смбалянц М. 461
 Смирнов А.П. 212
 Смирнов В.Д. 12, 15, 17, 133, 189—191
 Смирнов Д.А. 357
 Смирнов Н.А. 415
 Смирнов Я.И. 460
 Смыкалов Г.Ф. 302
 Смышляев Д.Д. 111
 Снесарев А.Е. 155, 232, 233
 Снофру 436
 Соболев Л.Н. 151, 152, 307
 Собоцинский 208
 Собх-е Азаль 213
 Соковнин М.А. 154
 Соколов М.И. 470
 Соловейчик И.И. 93, 96
 Соловьев В.И. 4
 Соломон, царь 109
 Солт 442
 Соммерс Дж. 272
 Социн А. 44, 222
 Спальвин (Спальвинь) Е.Г. 50, 53, 63,
 68, 70—73, 156, 304, 305, 338, 344,
 349, 352
 Спафарий Н.Г. см. Милеску И.
 Спицын А.А. 183
 Срезневский И.И. 397
 Сталь-Гольштейн А.А. 425—428
 Старицкий К.С. 84
 Старцев А.Д. 49
 Стасов В.В. 214, 215, 396, 439
 Стейн (Штейн) А. 415, 422, 424
 Степанов 345
 Столетов Н.Г. 124, 151, 152
 Стржиговский Й. 449
 Строганов Г. 434, 438
 Струве В.В. 435, 443, 448, 449, 457
 Струве В.Я. 86, 87
 Суздальская Е. 344
 Сукачев В.П. 390
 Султанов Т.И. 4
 Сунь Ятсен (Сунь Чжун-шань) 66, 299
 Сурешварананд С. 423
 Сухозанет Н.О. 134
 Сыма Цянь 268, 298

Сынгку Шели-тутунга 389
Сыромятников С.Н. 207, 338
Сычев 284
Сэйс А. 463
Сюань Цзан (Сюань Чжуан) 315, 317,
426, 429
Сюй Цзин-чэн 274
Сюй Шэн 321

ат-Табари 169, 187, 188
Тайра 350
Тайран Ф. 220
Талько-Грынцевич Ю.Д. 104
ат-Тантави М.-А. 8, 158, 160, 179
Тао Цянь (Тао Юань-мин) 301, 302
Таранатха 315
Татибана Косай (Масуда Косай, Ку-
мадзо, Яматов В.И.) 13, 303, 340
Тахир Б. 198
Тенишев Э.Р. 386
Тер-Захаров см. Ризаев М.-Дж.
Тер-Мкртчян Г. 461
Тер-Саргсянц С.Н. 102
Тибо Ж. 418
Тигранов Л.Ф. 207
Тидеман П.Г. 343, 344
Тизенгаузен В.Г. 182, 209
Тизенгаузен Е.Ф. 136
Тимирязев В.И. 113
Тимковский Е.Ф. 325
Тимлер А. 401
Тимур 81
Тишендорф 446
Токмаков И.Ф. 120
Токугава Иэясу 341
Толстой Л.Н. 112, 117, 407
Томар М.Л. 207
Томас Ф.В. 409, 427
Томсен В. 383
Томылов 206
Тоньюкук 384
Топчибашев 240
Торнау Н.Е. 139, 210
Тот (Тховт) 453
Трепалов 149
Тресвятский В.Д. 69
Троицкий И.Г. 468, 469
Троттер 216
Трутовский В.К. 93, 94, 101, 102
Тужилин А.В. 270
Тугужева Л.Ю. 4
Туманский А.Г. 127, 134, 206, 210, 213

Туманович Н.Н. 4
Тураев Б.А. 12, 27, 97, 434, 438, 444,
448, 451—459, 462, 463, 465
Тургенев И.С. 117

У Чэн-энь 315
Уваров А.С. 92, 461
Уваров С.С. 9
Уварова П.С. 92, 93, 95
Уитни У.-Д. 25
Уйгулов К. 105
Украинка Л. 76
Улугбек 106
Ульянов А.И. 403
Ульянов Г.К. 93
Умняков И.И. 250, 261
Унамун 442, 448
Успенский В.М. 270, 290, 292
Успенский Ф.И. 82
ал-Утби 163
Ухтомский Э.Э. 104, 412
Уэда 364

ал-Фараби 210
Фармаковский Б.В. 245
Фатх Али-шах 203
Федченко А.П. 143
Фейз-хан Г. 138
Фельдман Ф.А. 355
Феодор Восточный 455
Фергюсон Д. 296
Филон Библиский 469
Фино Л. 409, 412
Фирдоуси 192, 193, 195, 209, 214
Фиркович А.С. 469, 471, 472
Фицмайер А. 272
Флейшер Г. 168
Флиттнер Н.Д. 457
ван Флотен 181
Фольк И.-Х.-В. 43, 44
Форстер Дж. 140
Фортунатов Ф.Ф. 24, 25, 91, 93, 99
Франк 405
Франкини В.А. 149
Франк-Каменецкий И.Г. 458, 459
Франко И.Я. 76, 417
Фрей В. (Гейнс В.К.) 407
Френ Р.Х. 19, 177
Френ Х.Д. 9, 18, 19, 22, 23, 28, 157, 163,
164, 221
Фридланд Л.П. 470

Фукусима 364

Фуше А. 409

Хавкин В.А. 431

Хаджа Халиф 163

Хакани 196

Халатянц (Халатов) Г.А. 32, 91, 93, 94,
100, 101

Халидов А.Б. 180

Хаммер-Пургшталь Й. 387

Хан Кильмён 68

Хангалов М.Н. 307

Ханыков Н.В. 90, 116—118, 125, 134,
139, 153, 162, 164, 208, 209, 213,
216, 228, 229, 241, 460

Хань Фэй-цзы 297

ал-Харири 159, 170

Харнский К.А. 74

Харрис 442

Хартманн М. 187

Харузин М.А. 462

Хасдан ибн Шапрут 471

Хафиз 23, 192, 193, 210, 392

Хаханов (Жаханишвили) А.С. 33, 101

Хашаб А.Ф. 77, 127

Хашепсове (Хатшепсут) 438

Хвольсон Д.А. 8, 15, 83, 163, 164, 182,
240, 372, 435, 466—468, 471

Хвостов М.М. 309

Херманн (Германн) К.-А. 47, 48

Хионин А.П. 115, 323

Хирт Ф. 296

Хитрово В.Н. 108

Ходэе 350

Ходзько А. 124, 220

Холмогоров И.Н. 32, 91, 93, 158, 159,
161, 163, 165, 193, 209, 236

Хонигбергер М. 140

Хорнер 448

Хохлов А.Н. 4

Хрептович М.И. 140

Христос см. Иисус Христос

Хрулев С.А. 139

Хуан Син 299

Хуршид-Эфенди 133

Цагарели А.А. 84, 108

Цао Сюэ-цин 315

Цветаев И.В. 456, 457

Цветков П.П. 127, 191

Ценковский Л.С. 88

Церетели Г.В. 101, 472

Церетели Г.Ф. 448

Церуниан см. Дзерунян С.Г.

Цзонхава 377

Циммер Г. 26

Цинзерлинг Д. 459

Цинь Ши-хуан 294

Цудзи 428

Цыбиков Г.Ц. 50, 52—54, 67, 368, 376,
377, 379, 412, 420

Цыбузгин В.И. 270

Чаадаев П.Я. 407

Чайлдерс Р. 313

Чамчиан 217

Чарыков Н.В. 125

Чаттопадхья Н. 401

Чельгрэн А.-Г.-А. 160

Чемберлен Б.-Х. 341

Черкасов А.А. 105

Чернышевский Н.Г. 117, 205

Черняев С.И. 134, 192

Чертков В.Г. 407

Честной Д.С. (архимандрит Аввакум)
325, 326

Чжу Си 268

Чингис-хан (Чингиз Хан) 244, 255, 316,
360, 366, 380

Чириков Е.И. 133, 462

Чихачев П.А. 123

Чихачев Пл.А. 86

Чичагов Н.М. 55, 154, 343

Чубинов Д.И. 8

Чун Хоу 337

Шаванн Э. 298, 422

Шак А.Э. 166

Шамиль 162

Шангин В.А. 304

Шапшал С.М. 114, 128, 132

Шараф-хан Бидлиси 221

Шармуа Ф.-Б. 9, 221

Шастина Н.П. 360

Шаститко П.М. 4

Шастри Х. 424

Шаховской Д.И. 407

Шведов Н.К. 131, 295

Шейбани 204

Шейхо Л. 182

Шер-Али 151

Шерман 432

Шерцль В.И. 78
Шершиллов (епископ Евгений) 362
Шеталов Н.И. 207, 212
Шефер Ш. 84, 85
Шиладитья 417
Шилейко В.К. 463, 465, 472
Шимкевич П.П. 127
Шифман И.Ш. 4
Шифнер А. 394, 396, 397
Шкуркин П.В. 55, 115
Шлюмберже Ж. 185
Шмидт А.Д. 458
Шмидт А.Э. 17, 170, 172, 188, 214, 262
Шмидт П.П. (Шмитс П.) 50, 58, 61, 65,
66, 72, 74, 309, 331
Шмидт Я.И. 371
Шнейдер А.П. 406
Шотт В. 272, 386
Шпренгер А. 165
Шрадер Э. 463
Шредер Л. фон 45—47, 396, 397, 426
Штакельберг Р.Р. 33, 209
Штейн см. Стейн А.
Штейндорф 451
Штейнталь Г. 394
Штернберг Л.Я. 104, 388, 431
Штрак Х.Л. 471
Шуйский Н.А. 270

Щеголев И.И. 383
Щекин М.С. 96
Щербак А.М. 386
Щербатов А.П. 203
Щербатской Ф.И. 14, 17, 46, 104, 114,
313, 317, 374, 378, 404, 406, 412,
413, 416—424, 426—429, 477

Щипунов (иеромонах Амфилохий) 285

Эберс Г. 443
Эджинс Дж. 276
Эйхвальд Э.И. 88
Эльдад ха-Дани 471
Эльтериш-каган см. Кутлуг
Эльфинстон М. 140
Эмин Н.О. 28, 29, 31, 32, 91, 93
Эпифаний Кипрский 455
Эрдман Б. 419
Эрман Ад. 443, 449—451, 457, 459
Эфенди Ф. 127

Юденич Н.Н. 430
Юль Г. 308
Юнкер Г. 106
Юншэн 330
Юсти Ф. 220, 221
Юсуф Хас-хаджиб Баласагунский
(Балагасунский) 387
Юшманов Н.В. 472

Яворский И.Л. 124, 125, 152
Ягич И.В. 24, 79, 82, 416, 417
Ядринцев Н.М. 103, 274, 380—383, 391
Языков Д.Д. 60
Якоби Г. 409, 413, 418, 426—428
Якуб-бек 148, 149, 247
Якут 163
Ямаками Соген 428
Яматов В.И. см. Татибана Косай
Ян Хиншун 314
Яхья Антиохийский см. Йахйя Ан-
тиохийский

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Востоковедение в университетах, институтах, Азиатском музее и научных обществах	5
Востоковедение в Петербурге.....	7
Факультет восточных языков Петербургского университета.....	7
Азиатский музей Академии наук.....	18
Востоковедение в Москве.....	22
Московский университет.....	22
Лазаревский институт восточных языков.....	27
Востоковедение в Казани.....	35
Востоковедение в Дерптском/Юрьевском университете.....	43
Восточный институт во Владивостоке.....	48
Востоковедение на Украине.....	75
Международный конгресс ориенталистов в Петербурге.....	82
Изучение Востока в научных обществах.....	85
Русское географическое общество.....	85
Восточная комиссия Московского археологического общества.....	90
Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.....	103
Православное палестинское общество.....	107
Общество востоковедения.....	112
Общество русских ориенталистов.....	114
Глава 2. Вклад в изучение Востока дипломатического и военного ведомств	116
Азиатский департамент Министерства иностранных дел.....	116
Военное министерство.....	134
Глава 3. Изучение стран Ближнего Востока	157
Арабистика.....	157
Османистика.....	188
Иранистика.....	192
Изучение персидской литературы.....	192
Изучение истории, религии и культуры Персии.....	200
Курдоведение.....	215
Афганистика.....	225
Персоналии.....	234
А.К. Казем-Бек.....	234
В.В. Григорьев.....	236
Н.И. Веселовский.....	241
В.В. Бартольд.....	249
Глава 4. Изучение Восточной и Центральной Азии	263
В.П. Васильев в Петербургском университете, его коллеги и ученики.....	265
Труды В.П. Васильева по истории культуры народов Восточной и Центральной Азии.....	309
Китаистика и маньчжуристика.....	320
Корееведение и японоведение.....	333
Изучение Монголии, Восточного Туркестана и Тибета.....	354
Открытие орхонских надписей и научная деятельность В.В. Радлова.....	381
Глава 5. Индология	392
И.П. Минаев.....	392
С.Ф. Ольденбург.....	406
Ф.И. Щербатской.....	416
Глава 6. Изучение Древнего Востока и египтология	434
Египтология.....	434
Изучение древней Передней Азии.....	459
Семитология.....	466
Заключение	474
Библиография	478
Архивные материалы.....	478
Литература.....	479
Периодические и продолжающиеся издания, материалы, документы, серии, сборники, словари, названия учреждений.....	518
Указатель имен	521

